Г. В. Прутцков

ИСТОРИЯ
зарубежной журналистики
1929–2011

Допущено УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030600 «Журналистика» и специальности 030601 «Журналистика»

Под редакцией
доктора филологических наук
профессора *Я. Н. Засурского*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2011

УДК [070+808.5] (100) (076.6)
ББК 76.01(0)я73–3+83.7(0)я73–3
П85

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук,
генеральный директор ООО «ПОЛПРЕД Справочники»
Г. Н. Вачнадзе;

доктор филологических наук, профессор факультета
журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
А. А. Тертычный

Прутцков Г. В.

История зарубежной журналистики. 1929–2011: Учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия)

Учебно-методический комплект «История зарубежной журналистики. 1929–2011» выходит в нашей стране впервые. Он включает в себя учебное пособие с контрольными вопросами для повторения, списком рекомендуемой литературы по каждой теме и хрестоматию. В нее вошли произведения журналистов и публицистов, чье творчество оказало значительное влияние на развитие прессы, свободы слова и печати. Многие тексты публикуются на русском языке впервые.

Для студентов факультетов и отделений журналистики вузов, преподавателей истории зарубежной журналистики и всех, кто интересуется историей зарубежной журналистики и социально-политических процессов XX — начала XXI века.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «История зарубежной журналистики. 1929–2011» является третьей и завершающей частью предмета «История зарубежной журналистики» — одной из фундаментальных учебных дисциплин всех факультетов и отделений журналистики вузов.

Этот курс разработал доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной журналистики и литературы профессор Я. Н. Засурский. Изначально новая дисциплина состояла из двух частей: первая — «История зарубежной коммунистической и рабочей печати», вторая — «Критика буржуазной печати». Впоследствии, на рубеже 1980–1990-х годов, профессор Засурский коренным образом переработал этот курс.

В 1990–2000-е годы преподаватели и научные сотрудники кафедры зарубежной журналистики и литературы под руководством профессора Я. Н. Засурского создали ряд учебных пособий, освещающих разные временные и географические рамки курса «История зарубежной журналистики. 1929–2011». К таким работам следует отнести, прежде всего, следующие труды: *Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991; *Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. М., 2002; *Вартанова Е. Л.* Финская модель на рубеже столетий: Информационное Общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М., 1999; *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. М., 1999; *Евсеева Л. П.* СМИ Польской Республики. 1976–2001. М., 2001. Ч. I; *Землянова Л. М.* Современная американская коммуникативистика. М., 1999; *Круглов Е. В.* Пресса Южной Кореи. М., 2005; *Любимов Б. И.* Общественное вещание: Британская модель. М., 2006; *Макеенко М. И.* Ежедневная печать: Американский опыт конца XX столетия: 1995–2000 гг. М., 2004; *Макеенко М. И.* Радиовещание и телевидение США в новом столетии: Структура, экономика, стратегии. М., 2010; *Павликова М. М.* Сетевые технологии и журналистика: Эволюция финских СМИ. М., 2001; *Сеферова М. В.* Современная печать Японии. М., 2000; *Урина Н. В.* Журналистика и политика: Итальянский опыт взаимодействия. М., 2010; *Шарончикова Л. В.* Пресса Франции в меняющемся мире

(1944–2004 гг.). М., 2006; *Шарончикова Л. В.* Радиовещание и телевидение Франции. М., 2011.

Важную роль в изучении тоталитарной журналистики также играет исследование Ю. Я. Орлова, посвященное нацистской пропаганде: *Орлов Ю. Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.

В 2008 году вышла в свет хрестоматия «История зарубежной журналистики. 1945–2008». В ней впервые в кратком виде собраны основные первоисточники.

Учебно-методический комплект «История зарубежной журналистики. 1929–2011», предлагаемый вниманию читателей, выходит в нашей стране впервые. Он состоит из двух частей. Учебное пособие сопровождается контрольными вопросами для повторения, списками обязательной и дополнительной литературы по каждой теме. В хрестоматию вошли произведения журналистов, публицистов и политических деятелей, чье творчество оказало существенное влияние на развитие средств массовой информации, свободы слова и печати. Многие тексты публикуются на русском языке впервые.

По сравнению с изданием 2008 года в содержание хрестоматии внесены существенные изменения. В приложении представлен список основных дат и событий в истории зарубежной журналистики с 1929 по 2011 год.

Автор-составитель выражает глубокую благодарность президенту факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующему кафедрой зарубежной журналистики и литературы заслуженному профессору Ясену Николаевичу Засурскому за постоянную помощь и поддержку в работе.

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ

ЗАПАДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА в1929–1939 годах

Великая депрессия и журналистика. — Западная пресса начала 1930-х годов об СССР. — Публицистика писателей Запада о Советском Союзе. — Зарождение фашистской прессы в 1920-х — начале 1930-х годов. — Становление фашистской прессы в Италии. — Первые шаги нацистской прессы в Германии. — Новые тенденции в журналистике 1930-х годов. — Развитие радиовещания и телевидения накануне Второй мировой войны. — Журналистика Гражданской войны в Испании (1936–1939). — Публицисты и писатели Запада о Гражданской войне в Испании.

Великая депрессия и журналистика

В «черный вторник», **29 октября 1929 года**, разразился системный экономический кризис — крупнейший в мировой истории, который быстро распространился не только на территорию США, но и на весь западный мир. Он начался с краха котировок акций нью-йоркской фондовой биржи на Уолл-стрит. Кризис продлился несколько лет (1929–1933 гг.) и получил название *Великая депрессия*. В эти годы резко упало промышленное производство, сократился объем сельскохозяйственного производства и торгового оборота. Невиданных размеров достигла безработица, увеличилась преступность. Мировые экономические связи пришли в глубокий упадок.

В период Великой депрессии переживала серьезный кризис и западная журналистика. Многие периодические издания прекратили существование. Продолжавшие издаваться газеты и журналы сокращали тиражи, увеличивали периодичность выхода в свет, теряли подписчиков и доходы — от рекламы и продаж. Упали акции многих частных периодических изданий и радиостанций. Так, например, акции американской радиокомпании **Ар-Си-Эй** (*Radio Corporation of America* — Рэйдио Корпорэйшн оф Америка — Радиокорпорация Америки) понизились со 101 пункта в сентябре до 28 пунктов 13 ноября 1929 года.

Быстрее, чем пресса, от кризиса оправилось радио: регулярно покупать газеты и журналы для миллионов читателей по-прежнему было дорого, а радиоприемник имела практически каждая семья. Успехи радиовещательных компаний в годы Великой депрессии вызывали раздражение у владельцев прессы и информационных агентств. Вот как описывает это противостояние в США Е. Ч. Андрунас:

> «Для борьбы с благополучным конкурентом агентство Ассошиэйтед пресс по просьбе Американской ассоциации газетных издателей прекратило продажу информации радиостанциям, за исключением коротких сооб-

щений, которые должны были стимулировать продажу газет. Бойкот не достиг своей цели, он не мог сколько-нибудь существенно ущемить интересы радио и спустя несколько лет был отменен»[1].

В то же время во всем мире выросла популярность коммунистической прессы, которая финансировалась Коммунистическим Интернационалом и Советским Союзом и поэтому не имела большинства проблем, свойственных некоммунистическим периодическим изданиям. Кроме того, еще до начала Великой депрессии со страниц коммунистических газет и журналов неоднократно звучали предсказания о грядущем кризисе, и, когда он разразился, читатели убедились в их правоте.

Западная пресса начала 1930-х годов об СССР

Коммунистическая пресса стран Запада много писала об опыте Советского Союза — по сути, единственной страны, которой не коснулась Великая депрессия, где в это время шли великие стройки первой пятилетки[2]. Сталинский СССР был закрытым государством, не участвовавшем в мировой хозяйственной системе. Западные журналисты, даже постоянно работавшие в нашей стране, передавали в свои газеты и журналы новости о Советском Союзе только из официальных источников. В противном случае, они бы лишились аккредитации. Поэтому западные читатели не имели никаких достоверных сведений ни о разорении крестьянства, ни о массовом голоде 1932–1933 годов, от которого погибло несколько миллионов жителей СССР, ни о миллионах заключенных, работавших вместе с миллионами добровольцев энтузиастов на строительстве заводов и шахт, городов и дорог.

Более того, успехами Советского Союза на фоне Великой депрессии восторгалась не только коммунистическая пресса. Так, американский журнал *Nation*, редакцию которого трудно было заподозрить в симпатиях к нашей стране, писал в 1932 году: «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основной жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости... Путеводными точками советских равнин являются теперь не кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни. Колхозы строят дома, хлева, свинарники».

Британская экономическая газета *Financial Times*, также нисколько не симпатизировавшая коммунистам, писала в том же 1932 году:

[1] *Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М.: МГУ, 1991. С. 50.

[2] *Пятилетка* — государственный план экономического и социального развития СССР сроком на пять лет. Первый пятилетний план осуществлялся с 1929 года.

«Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными...».

Единственным западным журналистом, работавшим в Советском Союзе, имевшим допуск в Кремль[1] и возможность интервьюировать Сталина и его соратников, был руководитель Русского бюро американской газеты *The New York Times* в Москве англичанин **Уолтер Дюранти** (1884–1967). С 1921 по 1940 год он освещал жизнь СССР, причем все его публикации были основаны на советских пропагандистских материалах. Более того, Дюранти, зная, например, о массовом голоде, в своих статьях и репортажах вынужден был категорически отрицать его, а репрессии 1930-х годов оправдывать и одобрять. К такой позиции его склоняло руководство *The New York Times*, боясь лишиться такого важного источника информации.

Широкую известность получили аллегорические строки Дюранти, оправдывавшие насильственную коллективизацию конца 1920-х — начала 1930-х годов: «Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц». Оправдывая сталинский процесс 1936 года над соратниками Ленина, объявленными «врагами народа», Дюранти писал:

«Нельзя представить себе, чтобы власти пошли на открытый суд над такими людьми, не имея неопровержимых доказательств их вины».

Более того, западная пресса в целом оправдывала и сами процессы 1936–1938 годов, и обвинительные приговоры «врагам народа», поскольку считала их свидетельством отказа Сталина от курса на мировую революцию, который активно проводили подсудимые в первые годы советской власти.

За серию очерков 1931 года о первой советской пятилетке Дюранти удостоился в 1932 году высшей журналистской награды США — Пулитцеровской премии. В 2003 году была предпринята беспрецедентная попытка посмертно аннулировать премию, однако Пулитцеровский комитет отклонил это требование. В его специальном заявлении говорилось, что, «хотя работа Дюранти далека от нынешних стандартов зарубежной журналистики, не существует ясных и убедительных доказательств преднамеренного обмана».

Публицистика писателей Запада о Советском Союзе

Вновь, как и в первые послереволюционные годы, в СССР стали приезжать известные западные писатели, чтобы лично убедиться в ус-

[1] С 1918 по 1955 год в Кремле жили руководители СССР. Доступ туда рядовых граждан был запрещен. В этой ситуации привилегии У. Дюранти были совершенно неординарными.

пехах строительства социализма и рассказать об этом читателям в своих странах. В 1930-е годы в нашей стране побывали Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Анри Барбюс и многие другие. В 1934 году в Советский Союз вновь приезжал английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, автор публицистической книги «Россия во мгле», написанной по итогам визита в Советскую Россию в 1920 году.

Но советское правительство тщательно разрабатывало программу таких визитов, ограждая высоких зарубежных гостей от излишней информации. По этой причине подавляющее большинство побывавших в СССР писателей безоговорочно поддерживали Сталина и созданную им модель государства. Так, например, британский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе Бернард Шоу (1856–1950) после визита в нашу страну в 1931 году в открытом письме в редакцию английской газеты *The Manchester Guardian*[1], опубликованном 2 марта 1933 года, называл сведения о голоде в Советском Союзе выдумкой. Писатель убеждал британцев, что Россия никогда прежде не снабжалась так хорошо продовольствием, как в настоящее время. «Нигде я так хорошо не обедал, как в Советском Союзе», — писал Шоу[2].

Подавляющее большинство западных писателей также поддерживали политику Сталина. Эта поддержка нашла отражение не только в публицистических статьях, опубликованных в европейской и американской прессе, но и в публицистических книгах. Самыми известными из них были «Сталин» (1935) французского писателя Анри Барбюса, «Москва 1937» (1937) немецкого писателя Лиона Фейхтвангера.

В то же время французский писатель Андре Жид (1869–1951), симпатизировавший прежде Советскому Союзу и политике Сталина, вернувшись из поездки в нашу страну в 1936 году, опубликовал публицистическую книгу «Возвращение из СССР» (1936). В ней Жид, восторгаясь энтузиазмом простых людей, подверг резкой критике отсутствие свободы слова и тотальный контроль над человеком в нашей стране. Эта книга произвела большой эффект на Западе и вызвала осуждение многих писателей, в частности, Ромена Роллана и Лиона Фейхтвангера.

Зарождение фашистской прессы в 1920-х — начале 1930-х годов

Практически полная поддержка ведущими нравственными авторитетами Запада сталинской политики в СССР объяснялась не только

---

[1] С 1959 года газета называется *The Guardian*, в 1964 году редакция переехала из Манчестера в Лондон.

[2] Позднее, в январе 1949 года, Шоу в открытом письме в газету *The Labor Monthly* выступил в поддержку Сталина против советских ученых-генетиков.

наивностью и очарованностью писателей социалистическим экспериментом. В конце 1920-х — начале 1930-х годов в охваченной Великой депрессией Европе решительно заявила о себе третья сила — фашизм. И многие, поддерживая в эти годы Советский Союз, видели в нем силу, способную активно противостоять новой человеконенавистнической идеологии.

Фашизм (от итальянского *fascio*[1] — объединение, связка, пучок) — крайне правая антидемократическая политическая идеология, проповедующая, с одной стороны, национальную исключительность господствующей в стране нации, а с другой — дискриминацию других наций, — зародился в Европе в результате серии политических кризисов, которые во многом были обусловлены окончанием Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и претензиями пришедших в 1917 году к власти в России большевиков во главе с Лениным на мировую революцию.

Активное партийное строительство привело к возникновению и быстрому росту популярности фашистской прессы.

Становление фашистской прессы в Италии

В **Италии** основоположником фашизма был бывший социалист **Бенито Муссолини** (1883–1945). До Первой мировой войны Муссолини был журналистом, редактировал социалистические газеты: *Il Popolo* («Иль Пополо» — «Народ») в 1909–1910 годах, *Avanti!* («Аванти!» — «Вперед!») в 1912–1914 годах. С началом Первой мировой войны Муссолини порвал с партией. Разочаровавшись в доктрине социализма, он основал 23 марта 1919 года фашистскую партию *Fascio italiana di Combattimento* (Фашио италиана ди комбатименто — Итальянский союз борьбы). 7 ноября 1921года она была преобразована в Национальную фашистскую партию — *Partito Nazionale Fascista* (Партито национале фашиста, *PNF*). Символом партии стало изображение древнеримских фасций. Главным партийным органом являлась газета *Il Popolo d'Italia* («Иль пополо д'Италия» — «Народ Италии»), основанная Муссолини 16 ноября 1914 года.

27 октября 1922 года начался поход фашистов на Рим, в результате которого король Виктор Эммануил III назначил Муссолини премьер-министром. Италия, таким образом, стала первой страной, где фашизм принял массовый характер и фашистская партия пришла к власти. *Il Popolo d'Italia* оставалась главной государственной газетой вплоть до падения фашистского режима и была закрыта 24 июля 1943 года.

Муссолини, будучи журналистом-профессионалом, пристально следил за итальянской прессой. 10 июля 1924 года он принял постановление, ограничивавшее свободу прессы. Также было запрещено заниматься

[1] В Древнем Риме символами власти градоначальника были *фасции* — связки розг с воткнутым топором. Именно от фасций ведет свою этимологию слово «фашизм».

журналистикой без специального сертификата от Национальной фашистской партии. 31 мая 1924 года Муссолини подписал указ о создании Министерства по делам печати и пропаганды. Вскоре прекратили выпуск почти все оппозиционные газеты.

Первые шаги нацистской прессы в Германии

В **Германии** распространилась крайняя форма фашизма — национал-социализм (сокращенно — нацизм) — крайне правая политическая идеология, сочетающая в себе элементы фашизма, расизма и антисемитизма, перенесшая классово-интернациональную ленинскую концепцию диктатуры пролетариата на германскую национальную почву. Нацизм зародился на юге Германии, в Баварии, — как реакция, с одной стороны, на поражение Германской империи в Первой мировой войне и, с другой стороны, на революцию 1917 года в России. Германский нацизм не был тождествен итальянскому фашизму: между ними есть существенные идеологические и политические различия.

У истоков нацизма стояла Германская рабочая партия (*Deutsche Arbeiterpartie* — Дойче арбайтерпарти), образованная в Мюнхене 5 января 1919 года. Одним из ее основателей был **Адольф Гитлер** (1889–1945). 24 февраля 1920 года на партийном собрании в мюнхенской пивной «Хофбройхаус» Гитлер изложил «25 пунктов», ставшие вскоре официальной программой партии. Сама партия была переименована в Национал-социалистическую германскую рабочую партию (*Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartie* — Националсоциалистише дойче арбайтерпарти, НСДАП). По убеждению Гитлера, коммунисты исказили понятие *социализм* — «учение о том, как следует заботиться об общественном благе». Социализм, считал Гитлер, — древняя арийская, германская традиция, которую необходимо вернуть обществу.

Официальным органом НСДАП стала газета ***Völkischer Beobachter*** («Фелькишер беобахтер» — «Народный наблюдатель»). Она была основана еще в 1887 году и до августа 1918 года называлась *Münchner Beobachter* («Мюнхнер беобахтер» — «Мюнхенский наблюдатель»). В 1921 году Гитлер купил газету, которая уже тогда отличалась антисемитскими взглядами. За два года тираж *Völkischer Beobachter* увеличился с 8 до 25 тыс. экземпляров, с 8 февраля 1923 года она стала ежедневной. 1 января 1929 года вышел в свет первый номер берлинского издания газеты.

С 1921 года главным редактором *Völkischer Beobachter* был один из главных идеологов нацизма, соратник Гитлера Альфред Розенберг (1893–1946). Родом из России, Розенберг в 1918 году с отличием окончил Московское высшее техническое училище[1] и уехал в Германию, где сбли-

[1] Ныне — Московский государственный технический университет (МГТУ).

зился с нацистами. Он автор таких, например, человеконенавистнических понятий, как «расовая теория», «окончательное решение еврейского вопроса», которые вскоре взял себе на вооружение Гитлер. Эти взгляды Розенберг активно и целенаправленно распространял на страницах *Völkischer Beobachter*.

В 1920-е годы нацистская газета не пользовалась особой популярностью. С началом Великой депрессии, когда миллионы немцев потеряли работу и жили в нищете, *Völkischer Beobachter* умело воспользовалась моментом для пропаганды нацистских взглядов. В результате ее тираж увеличился в 1931 году до 120 тыс. экземпляров.

4 июля 1927 года в Берлине вышел в свет первый номер еженедельной нацистской газеты *Der Angriff* («Ангриф» — «Атака»). Ее редактировал идеолог НСДАП **Йозеф Геббельс** (1897–1945), выпускник Гейдельбергского университета и доктор философии. Для привлечения внимания потенциальных читателей Геббельс придумал оригинальный трюк с использованием игры слов: за несколько недель до начала выхода *Der Angriff* по всему Берлину были развешены плакаты красного цвета с единственным словом и огромным вопросительным знаком: «Der Angriff?». Вскоре появились новые плакаты, гласившие: «Der Angriff wird am 4. Juli folgen» («Атака последует 4 июля»). И наконец, плакаты, объяснявшие замысел Геббельса: «*Der Angriff*. Выходит каждый понедельник. Для угнетенных — против эксплуататоров. Каждый немецкий мужчина, каждая немецкая женщина читает и подписывается на *Der Angriff*».

Первый номер *Der Angriff* вышел тиражом в 2 тыс. экземпляров. Газета стала рупором Геббельса и отличалась провокационностью и агрессивностью. Геббельс регулярно писал статьи на первую полосу под псевдонимом *Dr. G*. Из-за антисемитских выпадов власти в ноябре 1931 года приостановили выпуск *Der Angriff*, но эта мера не остановила Геббельса. Вскоре газета стала выходить два раза в неделю. Ее тираж достиг в середине 1930-х годов, когда нацисты уже были у власти, 150 тыс. экземпляров, а с ноября 1940 года, когда *Der Angriff* перешла на ежедневный выпуск, — 306 тыс. экземпляров.

Успех нацистской прессы на рубеже 1920–1930-х годов объясняется не только глубоким экономическим кризисом, в котором оказалась Германия. В то время как коммунистическая пресса писала об опыте Советского Союза и необходимости социалистической революции в Германии, нацистские пропагандисты апеллировали, в первую очередь, к низменным чувствам толпы, обвиняя в сложившейся ситуации евреев и коммунистов. Вместе с тем антифашистские силы в Германии были разобщены и не выступили единым фронтом против набиравшей силы нацистской партии. Более того, под влиянием требований Сталина германские коммунисты в 1931–1932 годах активнее и резче полемизировали с социал-демократами, чем с нацистами.

Перед выборами в рейхстаг (парламент) Гитлер устроил небывалую по своим масштабам предвыборную кампанию. Так, он был первым политиком, кто совершил шумное предвыборное турне на самолете под девизом «Гитлер над Германией».

В результате на выборах в рейхстаг НСДАП получила наибольшее число голосов избирателей. 30 января 1933 года Гитлер был назначен рейхсканцлером (главой правительства).

Новые тенденции в журналистике 1930-х годов

С окончанием Великой депрессии, а также приходом к власти в Германии нацизма наступил последний предвоенный этап развития западной журналистики (1933–1939 гг.). В эти годы стала усиливаться роль американской прессы на мировой арене, тогда как прежде ее влияние, в целом, не выходило за пределы американского континента. Так, например, ведущее информационное агентство *Associated Press* (Ассошиэйтед пресс) с начала 1930-х годов стало открывать зарубежные бюро в европейских странах. В 1931 году первые такие бюро появились в Лондоне и Берлине. Шеф берлинского бюро *Associated Press* Луис Лохнер (1887–1975) был удостоен в 1939 году Пулитцеровской премии за репортажи из нацистской Германии. В начале Второй мировой войны (1939–1945) Лохнер оказался первым иностранным журналистом, сопровождавшим германские войска во время захвата ими Польши в сентябре 1939 года, Нидерландов, Бельгии, Франции — в 1940 году.

Таким образом, с началом информационной экспансии *Associated Press* в Европу фактически утратил действие подписанный еще в 1870 году Картельный договор между европейскими информационными агентствами Гавас, Вольф и Рейтер о создании всемирной сети обмена информацией и сферах информационного влияния в Европе. Начался второй информационный передел мира.

В 1930-е годы активно продолжился процесс концентрации прессы. Так, например, в США в 1920 году издавалось 2042 газеты, а в 1940 году — 1942 газеты, т.е. на сто газет меньше. Но это не значит, что за двадцать лет закрылось именно столько газет: часто два периодических издания объединялись в одно, в то же время появлялись новые газеты.

После окончания экономического кризиса активно пошел процесс монополизации газет в небольших американских городах. Если в 1930 году в 1402 городах США издавались 1002 газеты, то в 1940 году в 1426 городах — 1942 газеты. Иными словами, если в 1930 году 71,5% городов имели по одной газете, то спустя десять лет — 76,1%. Таким образом, конкуренция между газетами наблюдалась только в больших городах.

Дальнейшее развитие получили журналы, причем появились принципиально новые типы изданий. В 1930 году издатель и редактор **Генри Робинсон Люс** (1898–1967), прославившийся в 1923 году основанием в Нью-Йорке первого новостного журнала *Time* («Тайм» — «Время»)[1], начал выпуск еженедельного делового журнала *Fortune* («Форчун» — «Судьба»). В 1936 году Люс основал иллюстрированный новостной еженедельник *Life* («Лайф» — «Жизнь»), который издавался форматом А4 и вскоре стал признанным лидером в фотожурналистике. Новости в этом журнале были рассчитаны на обывателя, далекого от аналитики. По словам Люса, выпускать *Life* надо так, как ставить шоу на Бродвее, — легко, красочно и непринужденно.

17 февраля 1933 года вышел первый номер второго после *Time* новостного еженедельника *Newsweek* («Ньюсуик» — «Новости недели»). Его основал бывший международный редактор журнала *Time* Томас Мартин. *Newsweek* отличался от консервативного *Time* более прогрессивными взглядами.

В Великобритании центральная пресса пострадала от мирового экономического кризиса значительно меньше, чем другие сферы экономики в целом и чем региональная пресса в частности. Как пишет С. И. Беглов, «общий тираж ежедневных общенациональных газет в 1930–1937 гг. даже вырос с 8,6 млн экземпляров до 9,9 млн, а воскресных — с 14,6 млн до 15,7 млн, но наблюдались и резкие колебания “вверх — вниз” у отдельных газет»[2]. В качестве примера С. И. Беглов приводит массовую газету *The Daily Mirror* («Дейли миррор» — «Ежедневное зеркало»), тираж которой в 1934 году сократился до 950 тыс. экземпляров, а в 1939 году поднялся до 2 млн.

Региональная британская пресса лишилась в годы Великой депрессии 182 районных газет. К 1937 году их число сократилось с 1485 до 1303. В то же время закрылись 28 городских газет — как правило, в маленьких городах Англии.

Во Франции, в отличие от США и Великобритании, в 1930-е годы не было крупных концернов печати. В то же время происходила политизация журналистики. Дело в том, что в феврале 1934 года правые партии, выступавшие за ликвидацию Третьей республики и отмену конституции, предприняли неудачную попытку фашистского переворота. Коммунисты и социалисты, учтя трагический опыт Германии, заключили соглашение о совместных действиях и, тем самым, создали Народный фронт, к которому вскоре присоединились и другие политические партии. На выборах 1936 года Народный фронт одержал убедительную победу.

---

[1] Вместе с Люсом журнал *Time* издавал его однокурсник Брайтон Хэдден (1898–1929).

[2] *Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. М.: МГУ, 2002. С. 96.

Таким образом, упрочила свои позиции пресса левого политического спектра, выросли ее тиражи, усилилось влияние на читателей. В то время как тираж консервативной качественной газеты ***Le Temps*** («Тан» — «Времена») колебался в середине 1930-х годов от 50 до 80 тыс. экземпляров, тираж вечерней газеты ***Ce Soir*** («Се суар» — «Этим вечером»), не связанной напрямую ни с какими партиями, но поддерживавшей коммунистов, составлял около 600 тыс. экземпляров; тираж коммунистической газеты ***L'Humanite*** («Юманите» — «Человечество») превысил 300 тыс. экземпляров. Главный редактор «Юманите» **Поль-Вайян Кутюрье** (1882–1937) разработал новые методы общения с читателями, ввел жанр анкеты. Ответы читателей подробно комментировали журналисты газеты в аналитических статьях. Из этих анкет Кутюрье составил публицистическую книгу «Несчастье быть молодым» (1935).

Развитие радиовещания и телевидения накануне Второй мировой войны

1930-е годы — время дальнейшего активного развития радиовещания, в том числе и международного. В крупнейших странах Европы и Америки радио становится всеобще доступным. Ниже приводится статистика соотношения населения и количества радиоприемников в США, Великобритании, во Франции, в Германии и СССР в 1939 году.

Страна	Население, млн человек	Число радиоприемников, млн шт.	Количество человек на один радиоприемник
США	132,1	31,0	4,2
Великобритания	48,0	9,0	5,3
Франция	41,5	5,2	7,9
Германия	76,0	15,0	5,0
СССР	190,0	1,1	17,2

Таким образом, первое место по числу радиоприемников на душу населения занимали США, второе место утвердилось за нацистской Германией.

В 1930-е годы руководители стран Запада активно использовали радио как средство пропаганды своей политики. Например, президент США **Франклин Делано Рузвельт** (1882–1945), пришедший к власти в начале 1933 года в разгар Великой депрессии, провозгласил «Новый курс» — комплекс экономических и политических мер по преодолению кризиса. Многие американские политические деятели публично критиковали эту программу, и Рузвельт решил обратиться с разъяснением

своей политики к простым американцам. Так проявился замысел цикла радиообращений, получившего широкую известность как *«Беседы у камина»*. В непринужденных радиобеседах, длившихся, как правило, по 30–40 минут, Рузвельт рассказывал о задачах внутренней и внешней политики и снискал массовую популярность. Во многом благодаря этой популярности он был единственным за всю историю президентом США, который избирался на этот пост четыре раза. Первая «Беседа у камина» состоялась 12 марта 1933 года, через несколько дней после вступления Рузвельта в должность президента, последняя, тридцать первая, — 6 января 1945 года, за три месяца до смерти.

О доверии общества к радиовещанию в 1930-е годы говорит следующий курьезный факт. 30 октября 1938 года радиостанция **Си-би-эс** (*Columbia Broadcasting System* — Коламбиа Броадкастинг систем — Колумбийская вещательная система) передала радиопостановку по мотивам романа Герберта Уэллса «Война миров». Исполнитель радиоспектакля актер и кинорежиссер Орсон Уэллс (1915–1985) решил пошутить над шестью миллионами радиослушателей: фантастический роман он превратил, по сути, в радиорепортаж с места событий. Действие романа актер перенес в штат Нью-Джерси, информация о высадке марсианских десантов перемежалась с реальными новостями, за которыми следовала печальная фортепианная музыка. Более миллиона американцев поверили в то, что действительно началась интервенция марсиан, и страну охватила массовая паника — особенно после исполненного Уэллсом якобы радиообращения президента Рузвельта не поддаваться панике и оставаться в своих домах.

Впоследствии властям понадобилось полтора месяца, чтобы убедить американцев в том, что никакой атаки с Марса не было. Так актер совершенно случайно добился того же эффекта, которого в то же время сознательно добивались от людей Сталин и Геббельс, — манипуляции общественным сознанием.

Регулярные телепередачи стали осуществляться в Великобритании **Би-би-си** (*British Broadcasting Company* — Бритиш броадкастинг кампани — Британская радиовещательная компания) с 1936 года, во Франции и Германии — с 1935 года. В США регулярное телевещание началось в 1939 году силами **Эн-Би-Си** (*National Broadcasting Company* — Нэшинэл броадкастинг кампани — Национальная вещательная компания), которая возникла в 1926 году в рамках Ар-Си-Эй.

Особенность телевещания 1930-х годов состоит, прежде всего, в его элитарности: подавляющее большинство населения не имело возможности приобрести телеприемник. Поэтому телевидение не могло еще, войдя в каждый дом, стать средством массовой информации.

Журналистика Гражданской войны в Испании (1936–1939)

В 1931 году в Испании произошла революция, провозгласившая страну республикой. Король Альфонс XIII отрекся от престола и эмигрировал. Политика новой республиканской власти (среди них были коммунисты, социалисты, троцкисты, анархисты) вызывала много критики со стороны правых сил. В 1933 году антиреспубликанские силы Испании объединились в партию *Испанская Фаланга*. Ее идеология была близка к итальянскому фашизму.

Победа на парламентских выборах в 1936 году республиканского и антифашистского Народного фронта привела, в конечном итоге, к мятежу военных во главе с генералом Франсиско Франко (1892–1975). Так 18 июля 1936 года началась Гражданская война в Испании, продолжавшаяся до 1 апреля 1939 года.

В годы войны большую популярность приобрела пресса левых политических партий, например, орган Коммунистической партии Испании ежедневная газета *El Mundo obrero* («Эль мундо обреро» — «Рабочий мир»), основанная в 1930 году. Из правых периодических изданий успехом пользовалась фалангистская ежедневная газета *Arriba* («Арриба» — «Ввысь»), основанная в 1935 году. В то же время выросли тиражи традиционной прессы.

Необычная ситуация сложилась в годы Гражданской войны в редакции ежедневной монархической газеты *ABC* («А-бе-це» — «Алфавит»), основанной в 1903 году. Центральное, мадридское издание газеты активно поддерживало республиканцев. В то же время севильское издание сохранило верность монархическим принципам и сочувствовало франкистам, оккупировавшим Севилью в первые дни войны.

Публицисты и писатели Запада о Гражданской войне в Испании

Гражданская война в Испании стала одной из главных тем публицистики второй половины тридцатых годов. На фронтах войны побывали многие известные западные писатели и публицисты: Эрнест Хемингуэй, Джордж Оруэлл, Артур Кестлер и др.

Британский публицист и политический писатель **Джордж Оруэлл** (настоящие имя и фамилия — Эрик Артур Блэр, 1903–1950) приехал в Барселону в начале Гражданской войны корреспондентом Би-би-си и еженедельной газеты *The Observer*. Оруэлл отважно воевал на стороне республиканцев, был ранен в шею, едва не попал в плен. На войне писатель увидел не только героизм, но и предательство, был потрясен войной группировок и бессмысленными репрессиями в рядах республи-

канцев. С того времени и до конца жизни Оруэлл стал убежденным противником тоталитаризма и насилия.

Итогом этой командировки на войну стала документальная повесть **«Памяти Каталонии»** (1938). Она была насыщена такими шокирующими подробностями, что лондонский издатель Оруэлла сначала не хотел ее публиковать, считая, что книга может нанести ущерб делу борьбы с фашизмом.

Позднее, в 1943 году, Оруэлл опубликовал очерк «Вспоминая войну в Испании».

Эхо Гражданской войны в Испании докатилось и до Американского континента. Писатель **Эрнест Хемингуэй** (1899–1961) организовал в США сбор пожертвований в пользу республиканцев. Он приехал в осажденный франкистами Мадрид в 1937 году со съемочной группой, намереваясь там снять документальный фильм по собственному сценарию «Земля Испании». Гостиница «Флорида», где жил Хемингуэй, стала своеобразным клубом иностранных журналистов, освещавших войну в Испании.

Из Мадрида писатель не раз выезжал на фронт, посетил Валенсию, Каталонию. Помимо пьесы «Пятая колонна» Хемингуэй написал ряд очерков о войне для американского еженедельного журнала *Collier's Weekly* («Кольерс уикли»)[1]. Во время одной из командировок на фронт Хемингуэй познакомился с журналисткой из того же издания Мартой Геллхорн (1908–1998), которая вскоре стала его третьей женой.

Впечатления от Гражданской войны в Испании Хемингуэй отразил в романе «По ком звонит колокол», вышедшем в свет в 1940 году.

Вопросы для повторения

1. Великая депрессия и западная журналистика.
2. Западная пресса конца 1920-х — начала 1930-х годов об СССР.
3. Публицистика писателей Запада о Советском Союзе.
4. Зарождение фашистской прессы в 1920-х — начале 1930-х годов.
5. Становление фашистской прессы в Италии.
6. Первые шаги нацистской прессы в Германии.
7. Новые тенденции в западной журналистике 1930-х годов.
8. Развитие радиовещания и телевидения накануне Второй мировой войны.
9. «Беседы у камина» Франклина Рузвельта.
10. Развитие западной журналистики в 1933–1939 годах.
11. Журналистика Гражданской войны в Испании.
12. «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла.
13. Публицистика Эрнеста Хемингуэя о Гражданской войне в Испании.

---

[1] *Collier's Weekly* выходил с 1888 по 1957 год. В начале XX века он был одним из оплотов расследовательской журналистики. С 1914 по 1938 год для журнала регулярно писал статьи будущий премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Рекомендуемая литература

Андрунас Е. Ч. Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991.

Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999.

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.

Волковский Н. Л. История информационных войн. СПб., 2003. Т. 2.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества (Национальное своеобразие средств массовой информации Германии). М., 1999.

Евсеева Л. П. Печать Коминтерна. М., 1974.

Живейнов Н. И. Капиталистическая пресса США. М., 1956.

Колесник С. Г. Возникновение и становление американского телевидения (экспериментальное телевидение в 20–30-х годах) // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1975. № 6.

Любимов Б. И. Общественное вещание: Британская модель. М., 2006.

Урина Н. В. Журналистика и политика: Итальянский опыт взаимодействия. М., 2010.

Шарончикова Л. В. Радиовещание и телевидение Франции. М., 2011.

Первоисточники

Рузвельт Ф. Беседы у камина. М., 2003.

Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. (Любое издание.)

Хемингуэй Э. Рассказы и очерки разных лет // Собр. соч.: В 7 т. М., 2010. Т. 7.

Дополнительная литература

Джордж Оруэлл. 1984. Скотный двор. (Любое издание.)

Драйзер Т. Статьи и выступления // Собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. 12.

Кестлер А. Слепящая тьма. М., 1988.

НАЦИСТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПРОПАГАНДА (1933–1945)

Становление Третьего рейха и журналистика. — Пропаганда в нацистской Германии. — Радиовещание в Третьем рейхе. — Развитие германского телевидения. — Нацистская журналистика и пропаганда в годы Второй мировой войны. — Антифашистская публицистика.

Становление Третьего рейха и журналистика

30 января 1933 года престарелый президент Германии Пауль фон Гинденбург (1847–1934) назначил главу национал-социалистической партии (НСДАП), имевшей больше всего мест в рейхстаге, Адольфа Гитлера рейхсканцлером и поручил ему формирование правительства. Началась эпоха правления нацистов, продолжавшаяся двенадцать лет — до разгрома нацистской Германии в мае 1945 года.

Придя к власти, нацисты провозгласили концепцию трех рейхов[1]. Согласно этой концепции, Первым рейхом называлась Священная Римская империя германской нации — государственное образование, созданное с 862 года и формально прекратившее существование в 1806 году, с нашествием Наполеона. Второй рейх — Германская империя, объединенная в 1871 году Отто фон Бисмарком и уничтоженная революцией 1918 года и Версальским договором. **Третий рейх** (*Dritte Reich*), по убеждению нацистов, должен был распространиться на огромные просторы мира, ознаменовать собою торжество нацистской идеологии по всему земному шару и продлиться тысячу лет.

Главной газетой Третьего рейха стала ***Völkischer Beobachter*** («Фёлькишер беобахтер» — «Народный наблюдатель»), официальный орган НСДАП.

4 февраля 1933 года, через три дня после роспуска рейхстага, был принят закон «О защите немецкого народа». Он, в частности, запрещал оппозиционные газеты и публичные выступления. Вскоре, 27 февраля, нацисты устроили поджог здания рейхстага и обвинили в этом коммунистов. Гитлеру представился удобный повод наложить запрет на деятельность коммунистической партии. Через несколько дней была запрещена издававшаяся с 1918 года коммунистическая газета *Die Rote Fahne* («Роте Фане» — «Красное знамя»). Два года газета выходила в подполье, а затем издавалась за пределами Германии: сначала в Праге, а с

[1] Слово «рейх» (*Reich*) в переводе с немецкого означает «государство».

октября 1936 года и до окончательного закрытия в сентябре 1939 года — в Брюсселе.

Спустя несколько месяцев, 14 июля 1933 года, новый нацистский закон запретил все партии в Германии, кроме НСДАП, и, соответственно, всю ненацистскую партийную прессу. Создавшееся положение законодательно закрепил Закон о редакторах[1], принятый 4 октября 1933 года. Провозгласив журналистику общественно значимой профессией, закон утвердил принципы расовой чистки в прессе. Отныне редакторы, издатели газет и журналов и сами журналисты должны были относиться к арийской расе[2] и не состоять в браке с лицами еврейского происхождения. Закон запрещал также публиковать «того, что так или иначе вводит в заблуждение читателя, смешивает эгоистические цели с общественными и ведет к ослаблению мощи немецкого рейха изнутри или извне, к подрыву воли немецкого народа, обороны Германии, ее культуры, экономики, а также всего того, что оскорбляет честь и достоинство Германии».

Закон о прессе привел к изгнанию из газет не только евреев, но и всех лиц неарийского происхождения. Так, например, один из ведущих германских магнатов Ганс Лахман-Моссе (1885–1944), еврей, был принужден отказаться своего бизнеса и эмигрировал. Через несколько лет, в 1937 году, была закрыта издававшаяся им газета либерального направления *Berliner Tageblatt* («Берлинер тагеблат» — «Берлинский ежедневный листок»), которая была основана его тестем Рудольфом Моссе в 1871 году. В 1934 году прекратила выход одна из старейших газет Германии берлинская *Vossische Zeitung* («Фосише цайтунг»), существовавшая с 1704 года. Ею владел концерн, возглавлявшийся евреем Ульштайном.

Таким образом, в течение короткого времени германская журналистика лишилась всей оппозиционной прессы, многих ведущих газет и лучших журналистов и приобрела ярко выраженный пронацистский характер. Г. Ф. Вороненкова приводит следующую статистику: накануне прихода нацистов к власти, в 1932 году, в Германии выходило 4700 газет, в 1937 году их осталось 2671, а в 1944 году, за год до падения Третьего рейха, — лишь 977[3].

Пропаганда в нацистской Германии

Еще до прихода к власти нацисты уделяли серьезное внимание пропаганде. Именно благодаря умелой пропаганде НСДАП за короткий

---

[1] Известен также как Закон о прессе.

[2] *Арийская раса* — лженаучный термин конца XIX — первой половины XX века, обозначавший так называемую малую (или нордическую) расу в составе европеоидной расы.

[3] *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества (своеобразие средств массовой информации Германии). М., 1999. С. 302.

срок завоевала симпатии большинства избирателей. Наибольшей эффективности нацистская пропаганда достигла в годы Третьего рейха. 13 марта 1933 года было образовано **министерство народного просвещения и пропаганды**. Его руководителем стал один из ближайших соратников Гитлера **Йозеф Геббельс (1897–1945)**. Он сформулировал принципы работы министерства: простота, размах, концентрация.

За короткий период министерство Геббельса, не имевшее аналогов в мировой истории, сосредоточило в своих руках всю систему получения и распространения информации. Главная задача министерства состояла в пропаганде нацистской идеологии. Основными темами пропаганды были:

— *расизм* (проповедь исключительности арийской расы и ущербности неарийских рас и народов);
— *антисемитизм* (преследование евреев вплоть до геноцида — полного физического уничтожения еврейской нации);
— *культ фюрера* (человеконенавистническая книга Гитлера *Mein Kampf* («Майн кампф» — «Моя борьба») стала, по сути, нацистской библией).

Геббельс был убежден, что пропаганда должна быть всеохватывающей и доходить до каждого жителя Германии. Впрочем, он говорил, что его министерство работает лишь с теми, кто поддерживает нацистский режим; с несогласными работает гестапо[1].

В министерстве народного просвещения и пропаганды были собраны лучшие пропагандистские кадры нацистской Германии, причем штаты министерства постоянно росли. Первоначально в его составе находилось пять отделов: пропаганды, прессы, радиовещания, кино, театра. Спустя два года министерство расширилось до девяти отделов, а в 1942 году включало в себя уже четырнадцать отделов, где работали 1902 сотрудника[2].

Органом министерства стала выходившая с 1927 года под редакцией Геббельса нацистская газета ***Der Angriff*** («Ангриф» — «Атака»)[3]. За пять лет ее тираж увеличился в два раза и составил к ноябрю 1940 года 306 тыс. экземпляров.

---

[1] *Гестапо* (*Geheime Staatspolizei*) — тайная государственная полиция Третьего рейха, создана 26 марта 1933 года под руководством Германа Геринга. Организационно входила в состав министерства внутренних дел. Вела поиск и преследование недовольных, инакомыслящих, несогласных с политикой нацистов.

[2] С началом Второй мировой войны, всего за два года, численный состав сотрудников министерства народного просвещения и пропаганды увеличился в два раза: еще в 1939 году в его центральном аппарате работало 956 человек.

[3] О создании газеты *Der Angriff* рассказано в предыдущей главе.

Пристальное внимание Геббельс уделял работе Института газетоведения при Берлинском университете имени Фридриха Вильгельма. Институт возглавлял профессор газетоведения и всеобщей публицистики **Эмиль Дофифат** (1890–1969). Под руководством Дофифата и непосредственным наблюдением Геббельса институт разработал теорию нацистской журналистики, сформулировал законы публицистики и пропаганды.

Так, например, было заявлено, что пропаганда не является научным поучением для интеллектуалов. По словам Геббельса, пропаганда «вечно должна адресоваться только массе». Для ее полного успеха необходимо строго соблюдать **законы нацистской пропаганды**:

— умственного упрощения;
— ограничения материала;
— вдалбливающего повторения;
— субъективности;
— эмоционального нагнетания.

Умственное упрощение предусматривало низведение сложной мысли до простой, порой даже примитивной схемы. *Ограничение материала* предусматривало выдавать обывателю минимум информации, чтобы у него не было возможности «утонуть» в информационных потоках. *Вдалбливающее повторение* — прием внушающего воздействия в целях манипуляции массами, вплоть до их зомбирования. Пропагандист должен отличаться *субъективностью* в подаче информации: его и его слушателей не должно интересовать, что именно представляет собой предмет пропаганды на самом деле. Для поддержания постоянного интереса населения к тому, о чем рассказывает пропаганда, необходимо *эмоциональное нагнетание*.

Законы нацистской пропаганды были тесно взаимосвязаны и для достижения максимального пропагандистского эффекта применялись на практике не выборочно, а совокупно.

По типологическим источникам информации пропаганда делилась на *белую, серую* и *черную*. *Белая* пропаганда отличалась открытостью, ссылалась на официальные источники, использовала исключительно проверенные данные и никогда не маскировала своих целей. *Серая* пропаганда не всегда точно указывала свои источники информации, умышленно использовала как проверенные, так и непроверенные сведения, подавала факты, вырванные из контекста и, таким образом, потерявшие первоначальный смысл, стремилась навязать свои выводы и мнения. *Черная* пропаганда всегда скрывала свои настоящие цели, использовала ложные источники информации, сознательно стремилась ввести людей в заблуждение.

Пропаганда в нацистском государстве достигла высокой эффективности и могла не только манипулировать общественным мнением, но и создавать его.

Сотрудники министерства народного просвещения и пропаганды ежедневно устраивали закрытые пресс-конференции, брифинги для германских и иностранных журналистов. Геббельс, нередко проводивший подобные пресс-конференции, дал нацистским журналистам три важные рекомендации:

1. Врите наглее. Чем чудовищнее ложь, тем быстрее в нее поверят.
2. Тысячекратно повторенная ложь становится правдой. Скажите человеку тысячу раз, что он свинья, и на тысячу первый раз он встанет на четвереньки и захрюкает.
3. Чтобы самая чудовищная ложь выглядела правдоподобной, на три четверти этой чудовищной лжи добавьте одну четверть правды.

Во многом благодаря искусному сочетанию лжи с правдой нацистской пропаганде верили — причем не только немцы, у которых не было иных источников информации, но и многие иностранцы. Геббельс подкупал зарубежных журналистов, аккредитованных в Германии: им выделяли роскошные квартиры, дарили автомобили, возили на экскурсии, предоставляли возможность бывать в самых труднодоступных местах. И хотя далеко не все западные журналисты стали сторонниками политики нацистов, многие оценивали деятельность главарей Третьего рейха очень высоко.

Так, например, вскоре после Мюнхенского сговора[1] американский журнал *Time* назвал Гитлера человеком 1938 года. «Тем, кто следил за заключительными событиями года, — писал журнал в номере от 2 января 1939 года, — представляется более чем вероятным, что человек 1938 года может сделать год 1939-й незабываемым».

Радиовещание в Третьем рейхе

В 1930-е годы радио было самым распространенным, популярным и доступным средством массовой информации — не только в Германии, но и во всем мире. Придя к власти, нацисты быстро поставили германское радиовещание на службу Третьему рейху. «То, чем пресса была в девятнадцатом веке, радиовещание станет в двадцатом», — говорил Геббельс. Он по праву считал, что устное слово оказывает на людей более сильное воздействие, чем печатное.

---

[1] *Мюнхенский сговор* — соглашение, заключенное в Мюнхене 29–30 сентября 1938 года между руководством Великобритании, Франции, фашистской Италии и нацистской Германии. Стороны дали согласие на предстоящий захват Германией части Чехословакии (Судетской области, населенной преимущественно этническими немцами). Захватив Судетскую область, Гитлер вскоре оккупировал всю Чехословакию и начал подготовку к Второй мировой войне.

Радио превратилось в главное орудие пропаганды человеконенавистнической идеологии. Для централизации радиовещания и контроля над всеми радиостанциями Германии 3 июля 1933 года была создана Палата радиовещания. Вскоре были национализированы все радиостанции.

Сразу же после прихода к власти нацисты наладили широкое производство дешевых радиоприемников. Над этим проектом трудились в принудительном порядке представители двадцати восьми германских радиофирм. Первые сто тысяч «народных приемников» были выпущены уже в конце мая 1933 года. А к концу 1933 года их количество превысило полмиллиона.

Геббельс придумал девиз кампании массового распространения радиоприемников: «Слово фюрера — в каждое учреждение, в каждый дом!» Особенность таких приемников была в том, что они работали только на средних волнах и могли принимать передачи лишь государственных радиостанций. И хотя слушать иностранные радиопередачи стало теперь для немцев почти невозможно, нацисты приняли закон, согласно которому прослушивание зарубежных радиоголосов приравнивалось к измене родине.

К концу 1930-х годов германские радиоприемники стали самыми дешевыми в мире. Враги рейха дали такому приемнику тайное название «морда Геббельса».

В то же время нацисты активно развивали пропагандистское радиовещание на зарубежные страны. Оно шло исключительно на коротких волнах. Г. Ф. Вороненкова приводит следующие данные, характеризующие нацистское иновещание: в 1933 году его длительность составляла 45 минут в сутки, в 1937 году — 47 часов 15 минут. К 1940 году общая продолжительность радиопередач на зарубежные страны выросла до 87 часов, при этом передавалось 240 программ на 31 иностранном языке[1].

Исследователь нацистской пропаганды Ю. Я. Орлов сообщает о регулярно применявшейся нацистскими пропагандистами инсценировок различных радионакладок[2]. Например, прямо во время эфира ведущий мог извиниться перед радиослушателями за то, что из открытого окна доносится лай собаки, и прервать вещание на минуту, чтобы закрыть окно[3]. Такие накладки способствовали, по замыслу их инициаторов, созданию непринужденной атмосферы в студии и росту доверия радиослушателей к тому, что говорили дикторы.

---

[1] *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества. С. 308.

[2] См. об этом: *Орлов Ю. Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. С. 133.

[3] Всякому, кто хоть немного знаком с практикой радиоэфира, ясно, что в радиостудии не может быть окон, тем более выходящих во двор и открытых во время эфира.

Развитие германского телевидения

В 1930-е годы Германия занимала первое место в мире по развитию телевидения. И хотя из-за дороговизны телеприемников оно не могло еще стать средством массовой информации[1], Геббельс видел в этом новом виде журналистики еще одно средство пропаганды.

Пробные телепередачи велись из Берлина с апреля 1934 года, а 22 марта 1935 года началось регулярное телевещание по вечерам: сначала три раза в неделю, по понедельникам, средам и субботам, затем, с 1935 года — пятидневное, а с января 1936 года — ежедневное. Как правило, это были звуковые фильмы и музыкальные программы, а также еженедельные выпуски новостей.

Для популяризации телевидения нацисты создали в Берлине сеть так называемых телевизионных театров. Телетеатр представлял собою небольшой зал, рассчитанный на тридцать зрительских мест, и телевизор. Его экран был размером 18 × 22 см, это чуть больше тетрадного листка. Программы передач телетеатров печатались на специальных афишах, и телезрители покупали билеты на ту или иную передачу. Один телесеанс длился час.

Конечно, в телетеатре могло разместиться и более тридцати зрителей. Например, первый телетеатр, открывшийся в Бостоне (США) в июле 1938 года, был рассчитан на двести мест. Но Геббельс по праву считал, что для большего пропагандистского эффекта от передач количество телезрителей не должно быть большим.

Первый телевизионный театр открылся в Берлине 9 апреля 1935 года. Он сразу завоевал популярность, и за билетами на телесеансы выстраивались очереди. К осени 1935 года в столице Германии работало уже десять телетеатров.

Беспрецедентный успех телетеатры имели летом 1936 года, когда с 1 по 16 августа в нацистском Берлине проходили XI летние Олимпийские игры. Впервые в истории открытие Олимпиады шло в прямой трансляции по телевидению[2]. К этому времени в германской столице работали уже 33 телетеатра. Один телетеатр был построен для спортсменов в Олимпийской деревне. За шестнадцать дней игр около 200 тыс. зрителей увидели 48 спортивных программ. Интересно, что билеты в

---

[1] Средством массовой информации телевидение стало уже после 1945 года, по окончании Второй мировой войны.

[2] Опыт нацистской Германии по развитию телевидения пристально изучали специалисты из Японии. Дело в том, что следующие, XII игры Олимпиады должны были состояться в 1940 году в Токио, и японцы хотели так же, как нацисты, использовать телевидение не только для показа Олимпийских игр, но и для пропаганды своей милитаристской политики. Однако в связи с начавшейся в 1939 году Второй мировой войной XII Олимпиада не состоялась.

телетеатр на олимпийские передачи было достать сложнее, чем на сами соревнования.

В сентябре 1937 года в берлинских телетеатрах прошла трансляция по кабельной сети открытия IX съезда НСДАП в Нюрнберге. Она также имела большой успех у телезрителей.

Нацистская журналистика и пропаганда в годы Второй мировой войны

1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу. Спустя два дня Великобритания и Франция, связанные союзническими договорами с Польшей, объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война, которая длилась шесть лет и закончилась 2 сентября 1945 года.

Готовясь к войне, нацисты создали при генеральном штабе германской армии управление по пропаганде среди войск и населения противника. В 1938 году при каждом армейском корпусе была сформирована рота пропаганды. В 1941 году на советско-германском фронте действовали семнадцать таких подразделений. В каждую роту входило 115 человек, а общая численность войск пропаганды вермахта составляла к середине войны 15 тыс. человек. В состав рот пропаганды входили не только военные журналисты, но и фотографы, кинооператоры, художники, специалисты по радиоустановкам, типографские работники. Личный состав этих подразделений должен был, как правило, владеть языком противника.

С началом войны Геббельс начал проводить пресс-конференции для журналистов два раза в день. Несмотря на доверительный характер этих мероприятий, они, по сути, являлись инструктажами. Представителям прессы раздавали заранее распечатанные циркуляры и секретные инструкции, сообщавшие, о чем и как нужно писать в завтрашний номер. При этом Геббельс цинично заявлял, что в Германии, в отличие от всех остальных воюющих стран, нет предварительной цензуры прессы.

Во время войны значительно уменьшилось и число газет, и их тиражи. Так, в 1939 году в стране издавалось около 3500 газет; к весне 1941 года, перед нападением на СССР, было закрыто порядка 500 газет. После поражения под Сталинградом, в начале 1943 года, нацисты запретили 950 газет. В 1944 году в Германии оставалось 977 газет[1].

В то же время нацисты способствовали развитию прессы на оккупированных территориях европейских стран и в частности Советского Союза. Например, в 1941–1944 годах на территории Белоруссии издавалось около 100 оккупационных газет. Среди них были и такие «ше-

[1] Подробная статистика приведена здесь: *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного бюллетеня. С. 302.

девры» пропаганды, как, например, газета-перевертыш «Правда»: она полностью повторяла дизайн главной партийной газеты СССР, но печатала выступления главарей Третьего рейха, сообщала об успехах германских войск и скором поражении Красной армии. Некоторые неискушенные в тонкостях нацистской пропаганды читатели принимали эту газету за настоящую «Правду», отпечатанную в Москве и чудом попавшую в захваченную немцами Белоруссию.

Всего на оккупированных территориях нацисты издавали более трехсот газет — как на русском языке, так и на языках народов СССР. Тираж большинства из них не превышал 5–10 тыс. экземпляров. Кроме того, за годы войны были напечатаны миллионы экземпляров пропагандистских листовок, рассчитанных как на мирных жителей, так и на солдат Красной армии. Тексты листовок содержали, как правило, призывы сдаваться в плен, различные обещания и рассказы о благополучной жизни пленных.

Важную роль во время войны играло радио. На Советский Союз вещали несколько нацистских «черных» радиостанций — якобы от имени оппозиции режиму Сталина. Дикторы одной из таких радиостанций выдавали себя за представителей «старой ленинской гвардии», спасшихся на территории Германии от сталинских репрессий 1937 года, уничтоживших большинство соратников Ленина.

В самой Германии первостепенную важность приобрели радионовости. С их помощью Геббельс пытался объединить миллионы немцев в единую семью, напряженно внимающую сводкам с фронтов. Новости регулярно прерывались маршевой музыкой, иногда дикторы намеренно делали паузы, чтобы привлечь дополнительное внимание радиослушателей.

В 1944 году в Советском Союзе разработали методы синхронного вещания на средних частотах, которые использовались в Германии. Часто выпуски германских радионовостей прерывались взволнованными криками на немецком языке вклинившихся советских пропагандистов: «Ложь!», «Гитлер — убийца!». Иногда тут же назывались реальные цифры потерь германской армии. В таких случаях нацисты вынуждены были прерывать передачи. Это сильно подрывало боевой дух немцев.

В отличие от радио германское телевидение с началом Второй мировой войны сократило число передач. Количество телевизионных театров в Берлине уменьшилось до двенадцати. В 1941 году были открыты три новых телетеатра в Гамбурге, втором по величине городе Германии. Они были связаны кабелем с телецентром в Берлине. Тем не менее аудитория телетеатров составляла небольшой процент от населения Германии.

Вместе с тем в 1941 году Геббельс планировал создать единое общеевропейское арийское телевидение. Его базой должен был стать захваченный летом 1940 года в ходе войны с Францией парижский телецентр.

Но этот замысел не осуществился. К тому же в феврале 1943 года телецентр в Берлине был разрушен бомбой во время британского авианалета и, несмотря на частичное восстановление, так и не заработал в прежнюю силу.

Зато большим успехом пользовался кинематограф и в частности документальные пропагандистские киножурналы о положении на Восточном фронте. Каждому зрителю, кто узнавал в кадрах кинохроники своего воюющего родственника, печатался сделанный с кинопленки снимок. Впоследствии число желающих иметь подобные снимки так возросло, что эта услуга стала предоставляться лишь родственникам погибших солдат и офицеров.

С течением Великой Отечественной войны и крахом шумных обещаний Гитлера о скорой победе над Советским Союзом нацистская пропаганда стала давать сбои. Еще в январе 1943 года Геббельс указывал на серьезные пропагандистские просчеты. «Пропаганда с начала войны приняла следующее ошибочное развитие, — говорил он. — Первый год войны: мы победили. Второй год войны: мы победим. Третий год войны: мы должны победить. Четвертый год войны: мы не можем оказаться побежденными. Такое ошибочное развитие катастрофично и не должно продолжаться ни при каких обстоятельствах. Скорее до сознания немецкой общественности нужно донести, что мы не только хотим и обязаны победить, но в особенности также, что мы и можем победить».

Отчаянной попыткой выправить положение, пошатнувшееся после грандиозного поражения немецкой армии под Сталинградом, стала речь Геббельса о тотальной войне. Он произнес ее 18 февраля 1943 года в берлинском Дворце спорта, где собрались более 14 тыс. человек. Основная часть этой речи состояла из десяти вопросов, которые Геббельс задавал как сидящим на стадионе, так и радиослушателям (речь передавали по радио):

> «Я спрашиваю вас: решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и в воду даже при самом большом личном бремени?.. Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?.. Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?»

На каждый такой вопрос возбужденные призывами Геббельса массы хором кричали «Да!». За два часа, что продолжалась эта речь, Геббельс довел слушателей до массовой истерики и полной потери человеческого достоинства.

> «Я думаю, — записал Геббельс на другой день в своем дневнике, — Дворец спорта никогда еще, даже в годы борьбы, не видел подобных сцен».

Впрочем, несмотря на все усилия, нацистская пропаганда не привела к победе Германии во Второй мировой войне. К началу 1945 года, когда войска Красной армии стояли уже на реке Одер, менее чем в ста километрах от Берлина, крах нацистской пропаганды стал очевиден. Тем не менее Гитлер и Геббельс маниакально призывали немцев верить в скорую победу германского оружия.

30 апреля 1945 года, когда Красная армия завершала штурм Берлина, Гитлер покончил с собой, передав перед смертью полномочия рейхсканцлера Геббельсу. В этот же день вышел последний номер газеты *Völkischer Beobachter*. А 1 мая покончил жизнь самоубийством и Геббельс, перед этим отравив шестерых своих детей. История нацистской пропаганды подошла к бесславному концу.

Антифашистская публицистика

Придя к власти, нацисты запретили все периодические издания оппозиционных политических партий. Коммунистическая и социал-демократическая пресса издавалась некоторое время в подполье, затем — за пределами Германии. Но существенного влияния на политическую ситуацию она оказать не смогла.

Становление Третьего рейха и агрессивная политика нацистов привели к мощному развитию антифашистской публицистики во многих странах мира. С публицистическими статьями против нацизма выступали как известные политические деятели, так и писатели, публицисты.

27 февраля 1933 года нацисты устроили провокацию: подожгли рейхстаг и обвинили в этом коммунистов. По обвинению в поджоге был арестован, в частности, один из руководителей Коммунистической партии Болгарии **Георгий Димитров** (1882–1949)[1]. Нацисты решили устроить над ним показательный суд и приговорить его к смертной казни. *Лейпцигский процесс* по обвинению коммунистов в поджоге рейхстага проходил с сентября по декабрь 1933 года. Министерство Геббельса обеспечило широкое освещение процесса прессой. Судебные заседания транслировались даже по радио.

Но нацисты просчитались. Димитров, как выяснилось, хорошо владел немецким языком и был прекрасным оратором. Он превратил суд в обвинительный процесс против нацистов, а себя — из обвиняемого в обвинителя. Димитров потребовал явки в суд и допросов Йозефа Геббельса, Германа Геринга, других высших чиновников нацистской Германии. На глазах у аккредитованных на Лейпцигском процессе журналистов Димитров задавал им нелицеприятные вопросы. За время про-

[1] Димитров был арестован, несмотря на то, что имел алиби: в день поджога рейхстага он находился на другом конце Германии — в Мюнхене.

цесса Димитрова тридцать шесть раз лишали слова, пять раз выводили из здания суда. Нацисты вынуждены были прекратить радиотрансляцию процесса.

«А ведь вы боитесь моих вопросов, господин министр-президент!» — сказал вызванному на допрос Герингу Димитров, когда председатель суда в очередной раз лишил его слова и приказал полицейским вывести его из зала суда.

«Смотрите, берегитесь, — закричал вслед Георгию Димитрову Геринг, — я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда, мошенник вы этакий!»

Лейпцигский процесс вызвал широкую реакцию мировой прессы. Мужественным поведением Димитрова восхищались даже западные антикоммунистические газеты.

В те дни британская газета *The Observer* писала:

> «Надо сказать, что господин Геринг, генерал Третьего рейха и прусский премьер, являл в этот момент довольно-таки жалкое зрелище. Генерал Геринг не смог ничего сказать в опровержение Коричневой книги. Он не сумел ни выдвинуть хоть один аргумент против обвиняемых, ни очистить национал-социализм от подозрения».

В феврале 1934 года нацисты вынуждены были полностью оправдать и освободить Димитрова. Он уехал в Советский Союз, в 1935 году возглавил Коммунистический Интернационал и до конца жизни оставался одним из харизматических лидеров мирового коммунистического движения.

Другим символом борьбы против фашизма, но уже в более позднее время, стал чешский публицист и критик **Юлиус Фучик** (1903–1943). Он окончил философский факультет Пражского университета. Много лет Фучик работал одним из редакторов основанной в 1920 году чешской коммунистической газеты ***Rudé právo*** («Руде право» — «Красное право») и журнала *Tvorba* («Творба» — «Творчество»). В 1930, 1934–1936 годах Фучик много ездил по Советскому Союзу. Результатом этих командировок стала публицистическая книга «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» (1932), а также многочисленные очерки.

Когда нацисты оккупировали Чехословакию, Фучик стал одним из ведущих деятелей Движения Сопротивления. Газета *Rudé právo* начала выходить в подполье. Фучик, по-прежнему редактируя ее, жил в Праге под чужим именем и продолжал писать антифашистские и патриотические статьи. 24 апреля 1942 года нацисты арестовали Фучика и посадили в пражскую тюрьму Панкрац. Через год его перевели в берлинскую тюрьму, где и казнили 8 сентября 1943 года.

В тюрьме, ожидая казни, Фучик делал регулярные записи и находил возможность передавать их на свободу. По окончании войны жена Фучика Густа Фучикова (1903–1987), выйдя из концлагеря, составила

из этих пронумерованных записок публицистическую книгу **«Репортаж с петлей на шее»**. Она была впервые издана в Праге в 1946 году и стала одним из самых сильных антифашистских произведений.

Книга Фучика — не только мощное документальное свидетельство преступлений фашизма, но и глубочайшее психологическое исследование о человеке, попавшем в экстремальные условия. Пройдя через жесточайшие тюремные пытки, Фучик, тем не менее, не сломался и сохранил бодрость духа: ведь, по его словам, «смотреть на людей со сломленной совестью еще страшнее, чем на избитых». Крылатыми словами стала последняя фраза «Репортажа с петлей на шее», написанная 9 июня 1943 года: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Размышления Фучика о жизни и смерти, о смысле жизни, об ответственности людей за судьбы своей страны и мира — все это не теряет актуальности и сегодня, спустя почти семь десятилетий после окончания Второй мировой войны.

«Репортаж с петлей на шее» был переведен на семьдесят языков. Первое издание на русском языке вышло в 1947 году под названием «Слово перед казнью».

В 1958 году Международная федерация журналистов приняла решение отмечать ежегодно в день казни Юлиуса Фучика, 8 сентября, Международный день солидарности журналистов.

Вопросы для повторения

1. Становление Третьего рейха и журналистика.
2. Пресса в нацистской Германии.
3. Формирование нацистского законодательства о журналистике.
4. Пропаганда в нацистской Германии.
5. Министерство народного просвещения и пропаганды и его роль в пропаганде нацизма.
6. Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс как главные идеологи нацистской пропаганды.
7. Эффективность нацистской пропаганды.
8. Законы нацистской пропаганды.
9. Радиовещание в нацистской Германии.
10. Роль радиовещания в нацистской пропаганде.
11. Развитие германского телевидения.
12. Роль телевидения и кинематографа в пропаганде нацизма.
13. Нацистская журналистика в годы Второй мировой войны.
14. Особенности нацистской пропаганды в годы Второй мировой войны.
15. Антифашистская публицистика.
16. Ораторское искусство Георгия Димитрова в борьбе с нацизмом.
17. Юлиус Фучик — публицист.
18. Публицистические особенности «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика.

Рекомендуемая литература

Волковский Н. Л. История информационных войн. СПб., 2003. Ч. 2.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного бюллетеня. М., 1999.

Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. СПб., 2001.

Орлов Ю. Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.

Первоисточники

Фучик Юлиус. Репортаж с петлей на шее. (Любое издание.)

Димитров Георгий. Лейпцигский процесс: Речи, письма и документы. М., 1961.

Дополнительная литература

Мельников Д., Черная А. Л. Преступник номер один: Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.

Окороков А. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007.

Ржевская Е. М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. М., 2004.

Штыркина О. Нацисты на пути к власти и «у руля»: Воздействие на массовое сознание как основной принцип пропаганды // СМИ Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна: Сб. ст. молодых ученых-германистов / Под ред. Я. Н. Засурского и Г. Ф. Вороненковой. М., 2008.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США в 1945–1989 годах

Мир и журналистика в 1945–1948 годах. — Маккартизм и СМИ. — Крах маккартизма и «оттепель» в журналистике. — Роль телевидения в выборах президента США. — Война во Вьетнаме и журналистика. — Мартин Лютер Кинг. — «Новая журналистика». — Уотергейтское дело и пресса. — Американские СМИ в последний период «холодной войны».

Мир и журналистика в 1945–1948 годах

После окончания Второй мировой войны зарубежная журналистика претерпела существенные изменения. На ее развитие повлияли как политическая ситуация, сложившаяся в мире после войны, так дальнейшее развитие техники и технологий. Начиная с 1917 года на журналистику оказывала серьезное (а порой и решающее) воздействие политика. И наступившая после 1945 года эпоха также характеризуется исключительным влиянием идеологии на развитие средств массовой информации.

В своем послевоенном развитии журналистика прошла **три этапа**: **первый — с 1945 по 1948 год, второй — с 1948 по 1989 год** и **третий — с 1989 года по настоящее время**.

В 1945 году мир был полностью освобожден от фашизма. В ночь на 9 мая руководство нацистской Германии подписало акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая войны окончилась 2 сентября 1945 года капитуляцией главного союзника Германии на Востоке — милитаристской Японии.

Практически во всех странах потерпела крах и фашистская пресса. Вместе с тем в Европе значительно усилилось влияние левой и, в частности, коммунистической прессы: авторитет Советского Союза, победившего нацистскую Германию, был велик, как никогда прежде. Запрещенные оккупантами и выходившие в подполье периодические издания вышли на свободу и обрели массового читателя. Так, тираж органа Французской коммунистической партии газеты ***L'Humanité*** («Юманите» — «Человечество») в 1945–1946 годах иногда достигал 500–600 тыс. экземпляров, в Италии социалистическая газета ***Avanti!*** («Аванти!» — «Вперед!») имела в эти годы тираж 200 тыс. экземпляров, коммунистическая ***L'Unita*** («Унита» — «Единство») — 100–150 тыс. экземпляров.

Во многих освобожденных от нацизма странах произошло становление новой системы прессы. Например, во Франции после освобождения страны в 1944 году было принято решение о запрещении всех периодических изданий, в той или иной степени сотрудничавших с оккупационными властями. Таким образом, было закрыто подавляющее большинство французских газет (из 206 газет, выходивших в стране до начала Второй мировой войны, возобновили свой выход лишь 28). В Италии после падения фашистского режима Муссолини были запрещены периодические издания фашистской партии, газеты и журналы, поддерживавшие прежнюю власть, распущен фашистский профсоюз журналистов. В Германии, освобожденной от нацизма, по распоряжению оккупационных властей была полностью запрещена вся периодика, издававшаяся в годы Третьего рейха, и, таким образом, система печати была воссоздана заново. Именно поэтому послевоенную германскую прессу называют «газетами часа ноль».

Первые послевоенные годы характеризуются и дефицитом бумаги, поэтому в большинстве европейских государств как тиражи, так и само издание газет и журналов были подвергнуты государственным ограничениям.

В странах Восточной Европы, попавших после войны в зону влияния Советского Союза[1], активно насаждалась коммунистическая печать. Новая модель прессы в этих государствах создавалась под влиянием и по примеру СССР. В некоторых странах (например, Болгарии, Югославии) коммунистические идеи и, соответственно, печать были по-настоящему популярны в народе. Но в большинстве восточноевропейских стран коммунистическая пресса оставалась очень слабой, коммунистическая идеология не пользовалась популярностью у населения.

В первые послевоенные годы началось возрождение телевидения. До Второй мировой войны оно было доступно только небольшому кругу зрителей. В годы войны телевидение практически не развивалось, и только после 1945 года оно быстро и уверенно вошло в жизнь миллионов людей и стало средством массовой информации. Кстати, и само понятие *средства массовой информации* (СМИ) появилось именно с развитием телевидения в послевоенные годы.

Советский Союз, Великобритания, США, а после освобождения от нацизма в 1944 году и Франция — страны антигитлеровской коалиции — все еще продолжали оставаться союзниками. В 1945 году государствами-победительницами была создана Организация Объединенных Наций (ООН).

---

[1] В зону влияния СССР входили Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия и восточная часть Германии, на территории которой в 1949 году была образована ГДР (Германская Демократическая Республика).

Но противоречия между прежними союзниками уже носили принципиальный характер. Одним из первых об этом официально заговорил бывший премьер-министр Великобритании **Уинстон Черчилль** (1874–1965). Будучи отставным, но вместе с тем авторитетным и хорошо информированным политическим деятелем, он выступил 5 марта 1946 года перед студентами Вестминстерского колледжа в американском городе Фултоне, штат Миссури, с речью **«Сухожилия мира»**[1]. Воздав должное народу Советского Союза и лично Сталину в борьбе с германским фашизмом, Черчилль указал на грубые нарушения прав человека в странах Центральной и Восточной Европы, освобожденных Красной армией и находившихся, согласно секретным договоренностям между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом, в сфере влияния СССР.

> «От Штеттина[2] в Балтийском море до Триеста в море Адриатическом железный занавес был опущен через весь континент. За его границами располагаются столицы всех древних государств Центральной и Восточной Европы, — сказал Черчилль... — Это, конечно, явно не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это и не то, что необходимо для постоянного мира».

Вместе с тем Черчилль высказался против решения политических проблем с бывшим союзником по антигитлеровской коалиции военным путем. Он видел выход из сложившейся ситуации в «установлении взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций и при поддержке хороших отношений в течение многих мирных лет, опираясь на силу целого англоговорящего мира и всех его связей».

В фултонской речи Уинстон Черчилль ввел в мировой политический лексикон такие понятия, как *«холодная война»*, *«железный занавес»*[3], которые на десятилетия вперед стали яркими символами наступавшей эпохи.

Речь «Сухожилия мира» приковала к себе внимание миллионов людей во всем мире. Она вышла далеко за рамки обычной речи отставного политика перед слушателями американской провинции. Достаточно сказать, что президент США Гарри Трумэн (1884–1972) сопровождал Черчилля в поездке в Фултон и читал черновики его речи. А сам Черчилль впоследствии назвал эту речь лучшей в его политической карьере.

---

[1] Другой перевод названия речи Уинстона Черчилля: «Мускулы мира».

[2] *Штеттин* — немецкое название города Щецин, переданного после войны Польше.

[3] Еще до Черчилля понятие «железный занавес» выдвинул Йозеф Геббельс в статье «2000-й год», опубликованной в нацистской газете *Das Reich* («Дас райх» — «Страна») незадолго до падения Третьего рейха, 25 февраля 1945 года. «Если вермахт сложит оружие, то Советский Союз оккупирует Восточную Европу, над которой тут же опустится железный занавес», — писал Геббельс. Однако мировое сообщество узнало об этом понятии не от Геббельса, а от Черчилля.

Вместе с тем в Советском Союзе речь «Сухожилия мира» не была опубликована. Спустя несколько дней, 14 марта 1946 года, в интервью газете «Правда» Сталин, цитируя некоторые положения фултонской речи, сравнил Черчилля с Гитлером и обвинил его в разжигании третьей мировой войны. «Несомненно, что установка Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР», — сказал Сталин.

Тем не менее, несмотря на очевидные противоречия и личные выпады руководителей ведущих стран мира в адрес друг друга, некоторое время еще сохранялась возможность послевоенного международного сотрудничества. Одной из таких возможностей мог стать *План Маршалла*[1] — программа экономической помощи странам Европы, в той или иной степени пострадавшим от Второй мировой войны и имевшим дефицит бюджета. Инициатором этого плана был государственный секретарь США **Джордж Маршалл**[2] (1880–1959). Он выступил в Гарвардском университете 5 июня 1947 года с инициативой о помощи европейским странам. Общая сумма выделяемых средств составляла 12,4 млрд долл. США — фантастические по тем временам деньги.

План Маршалла могла принять любая страна Европы при выполнении предварительного условия: вывести из состава правительств коммунистов. С самого начала под действие плана Маршалла не попал Советский Союз: по официальной версии, в нашей стране отсутствовал дефицит бюджета.

План Маршалла начал осуществляться в апреле 1948 года и действовал до середины 1960-х годов. Его приняли семнадцать западноевропейских стран. Сталин воспрепятствовал участию стран Центральной и Восточной Европы в плане Маршалла. Таким образом, «железный занавес» пролег между странами, принявшими и не принявшими этот план.

Маккартизм и СМИ

Формально «холодная война» началась в 1948 году. Четыре последующие десятилетия развития средств массовой информации — до конца 1980-х годов — вошли в историю как журналистика эпохи «холодной войны». Этот период характеризуется крайней степенью идеологизации

---

[1] Официальное название Плана Маршалла — *European Recovery Program* (Программа восстановления Европы).

[2] Во время Второй мировой войны Маршалл был генералом армии, членом американской делегации на всех переговорах между СССР, США и Великобританией в 1943 и 1945 годах . Маршалл выступал за скорейшее открытие в 1944 году Второго фронта, а затем, в августе 1945 года, был инициатором атомных бомбардировок мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки. Уйдя с поста государственного секретаря США, Маршалл стал министром обороны и одним из создателей военного блока НАТО в 1949 году. В 1953 году Маршаллу была присуждена Нобелевская премия мира.

журналистики — как в Советском Союзе и подконтрольных ему странах Восточной Европы, так и в формально свободных от идеологии странах Запада. По сути, ни одно серьезное периодическое издание — по обе стороны «железного занавеса» — не смогло быть в стороне от идеологических битв бывших союзников и продолжать оставаться неангажированным. Журналистика стала заложницей и служанкой политики.

Самый сложный период развития средств массовой информации в эпоху «холодной войны» пришелся на конец 1940-х — начало 1950-х годов. В 1949 году Советский Союз стал обладать атомным оружием[1]. В 1950–1953 годах шла война на Корейском полуострове между прокоммунистической Северной и проамериканской Южной Кореей. СССР поддерживал Северную Корею, США — Южную, и конфликт мог перерасти в третью мировую войну.

Это был период поисков и разоблачений внутренних врагов не только в СССР, но и в странах Запада. Так, журналистика США включилась в так называемую «охоту на ведьм», т.е. в поиск секретных агентов Кремля и тайных сторонников коммунистов. Эту борьбу начал сенатор от штата Висконсин республиканец **Джозеф Маккарти** (1908–1957). 9 февраля 1950 года Маккарти выступил в Республиканском женском клубе в городе Уилинг, штат Западная Виргиния, с сенсационными разоблачениями в тайном сотрудничестве многих конгрессменов с Советским Союзом. Он заявил:

> «В моей руке — список из двухсот пяти человек. Это фамилии тех людей, кто, как известно государственному секретарю, является членами коммунистической партии и, тем не менее, продолжают работать и формировать нашу внешнюю политику...»

Вскоре Маккарти включил в свой список фамилии еще около 3 тыс. американских чиновников, сочувствовавших, по его мнению, коммунистическим идеям, а также 151 деятеля науки, культуры и искусства. Маккарти требовал от этих людей публичного покаяния в связи с коммунистами и ухода с государственных постов. В список «неблагонадежных» попали, в частности, великий физик Альберт Эйнштейн, изобретатель атомной бомбы Роберт Оппенгеймер, социолог масс-медиа, основоположник теории стереотипизации Пауль Феликс Лазарсфельд, актер Чарльз Чаплин, кинорежиссер Стэнли Крамер, писательница Дороти Паркер и многие другие. В то же время в списках Маккарти оказались и супруги Джулиус и Этель Розенберги, казненные впоследствии, в 1953 году, на электрическом стуле за шпионаж в пользу СССР.

Шумные разоблачения сенатора Маккарти вызвали массовый переполох в США. По всей стране начались поиски тайных сторонников Советского Союза. Из публичных библиотек было изъято более 30 тыс. наи-

---

[1] В США атомная бомба, как известно, существовала с 1945 года.

менований книг коммунистической направленности. Сам Маккарти возглавил Постоянный подкомитет по расследованиям Сената США.

Однако почти никто в Америке не знал, что Маккарти лгал миллионам людей. Е. Ч. Андрунас пишет:

> «Личный друг и сторонник сенатора Уильям Рэндольф Хёрст-младший, который унаследовал от отца руководство корпорацией, недавно признался, что вскоре после речи в Уилинге Маккарти позвонил ему и сказал, что никакого списка не существует»[1].

Если бы Хёрст опубликовал это признание, то популярность его газет, несомненно, возросла бы во много раз. Но теперь жажда сенсаций, свойственная издателю желтой прессы, уступила место политической необходимости. Более того, зная всю правду, Хёрст организовал при своей газете *The New York Journal American* («Нью-Йорк джорнэл американ» — «Нью-Йоркский американский журнал») группу журналистов для поддержки Маккарти и дальнейшего развития антикоммунистической истерии.

Со временем эпоха конца 1940-х — начала 1950-х годов, крайнего разгула «охоты на ведьм», и получила название *маккартизм*.

Американские средства массовой информации оказались, по сути, в заложниках у Маккарти, который умело использовал погоню журналистов за сенсациями. Несмотря на должность сенатора, он выступал, по сути, от своего имени, его высказывания выносили на первые полосы газет, неоднократно цитировали. В результате у обывателя складывалось мнение, что позиция Маккарти — официальная государственная точка зрения.

В своей пропагандистской деятельности Маккарти использовал возможности не только традиционных средств массовой информации. Он активно способствовал вовлечению в политическую борьбу молодого телевидения; в начале 1950-х годов 50% американцев уже имело возможность смотреть телепередачи. Одной из задач Маккарти было привести к власти на президентских выборах 1952 года республиканца Дуайта Эйзенхауэра (1890–1969).

Впрочем, не все средства массовой информации потворствовали маккартизму. Одним из первых журналистов, кто не поддался всеобщей антикоммунистической истерии, был **Эдвард Марроу** (1908–1965). С 1937 по 1945 год Марроу работал радиокорреспондентом Си-би-эс в Европе и освещал ход Второй мировой войны. Марроу вел репортажи из кабины американского бомбардировщика, совершавшего авианалеты на Берлин, стал первым западным журналистом, сделавшим репортаж из освобожденного нацистского концлагеря Бухенвальд.

---

[1] *Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. С. 26.

С 1950 года Марроу вел на Си-би-эс еженедельную политическую радиопередачу «Слушай сейчас» (*Hear It Now*), а с 1951 года — еженедельную телепрограмму «Смотри сейчас» (*See It Now*). Эти выпуски неизменно имели высшие рейтинги, и Марроу стал королем политической журналистики.

В программах Марроу показывалась та или иная жизненная история, случившаяся с обычными американцами, причем подавалась она в тесной связи с социально-политической обстановкой в стране. Например, в одной из передач 1953 года расследовалась история летчика Мило Радуловича, уволенного из военно-воздушных сил США из-за того, что его мать и сестра были обвинены в симпатиях к коммунистам. Марроу поставил под сомнение законность этого увольнения, и вскоре летчика восстановили на службе.

Джозеф Маккарти, недовольный позицией Марроу, решил заклеймить его как пособника коммунистов. Но талантливый журналист предвосхитил намерения сенатора и 9 марта 1954 года вышел в телеэфир с передачей «Выступления сенатора Джозефа Маккарти». Она была составлена из высказываний самого Маккарти, в результате чего миллионы телезрителей увидели отталкивающий портрет политического фанатика.

После эфира в программу поступили десятки тысяч писем, телеграмм, телефонных звонков со всех концов США. Подавляющее большинство их авторов поддерживали позицию Марроу.

Возмущенный Маккарти потребовал предоставить ему телеэфир для опровержения. Выступая в программе «Смотри сейчас» 6 апреля 1954 года, сенатор назвал Эдварда Марроу «вожаком стаи шакалов». В этой и в некоторых других последовавших за ней публичных дискуссиях Маккарти потерпел сокрушительное поражение. Президент США Эйзенхауэр и американский Сенат публично осудили методы сенатора-авантюриста. К тому же выяснилось, что Маккарти страдал алкоголизмом. Вскоре он вынужден был уйти в политическое небытие.

Крах маккартизма и «оттепель» в журналистике

Падению маккартизма способствовали не только разоблачение методов Маккарти, но и новая политическая ситуация, сложившаяся в мире после смерти Сталина в 1953 году. В феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС. Выступая на съезде, руководитель СССР Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) заявил, что война между капитализмом и коммунизмом не является фатально неизбежной, и провозгласил курс на мирное соревнование со странами капиталистического мира. Это было прямое отступление от канонов марксизма-ленинизма, согласно которым войны неизбежны, пока существуют и капитализм, и

социализм[1]. Еще за несколько лет до этого громкого заявления Хрущева Сталин утверждал фактически обратное: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм»[2].

Тем не менее во второй половине 1950-х годов в «холодной войне» и международных отношениях наступила «оттепель». Она существенно отразилась и на средствах массовой информации, которые стали уходить от стереотипов эпохи маккартизма и черно-белых оценок в освещении политической жизни. Во многом этому способствовал первый в истории визит советского руководителя в США, который состоялся в сентябре 1959 года и широко освещался мировыми средствами массовой информации.

Еще раньше, в январе 1958 года, американский журнал *Time* назвал Н. С. Хрущева человеком 1957 года. Однако, несмотря на смягчение общего тона, «холодная война» в журналистике продолжалась еще несколько десятилетий, то разгораясь с новой силой в моменты наивысших политических противостояний, таких как Берлинский кризис 1961 года, Карибский кризис 1962 года, то снова затихая.

Роль телевидения в выборах президента США

К концу 1950-х — началу 1960-х годов аудитория телевидения США сравнялась и со временем превзошла аудиторию традиционных средств массовой информации. Влияние телевидения на общественно-политическую жизнь уверенно продолжало расти. Так, в сентябре—октябре 1960 года в США впервые в истории мирового телевидения и общественной жизни были проведены *теледебаты* между кандидатами в президенты **Ричардом Никсоном** (1913–1994) и **Джоном Кеннеди** (1917–1963).

Первые теледебаты прошли в Чикаго, в студии филиала Си-би-эс, 26 сентября 1960 года. Их транслировали все национальные теле- и радиосети. Кандидаты в президенты стояли по краям сцены за трибунами, а в центре, за столом, сидел ведущий — тележурналист и политический комментатор **Говард Смит** (1914–2002).

Готовясь к теледебатам, Никсон недооценил роль телевидения. Он надеялся, что зрители оценят его умные мысли по реформированию американской политики и предвыборные предложения, но не придал значения внешнему виду и манерам держаться перед публикой. Отказавшись от грима, Никсон выглядел на экране бледным, угрюмым и злым. Лицо кандидата в президенты, на котором были отчетливо видны круги под

---

[1] Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунисты... открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».

[2] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 36.

глазами, выражало постоянное напряжение. Кроме того, он был одет в серый костюм, который сливался с черно-белым экраном телевизора. Один из тележурналистов, присутствовавших на теледебатах, сравнил Никсона с клерком по продаже участков на кладбище. Никсон выглядел на экране так плохо, что сразу после дебатов ему в студию позвонила встревоженная старушка-мать и поинтересовалась, не болен ли он.

В противовес Никсону Кеннеди основательно продумал собственный телеимидж. Его лицо было загорелым и в сочетании с умело нанесенным перед выступлением на дебатах макияжем выглядело телегенично. Кеннеди держался уверенно, много шутил и производил впечатление хозяина жизни.

Все четыре раунда теледебатов побеждал Кеннеди. Никсон, поняв, что участие в дебатах снижает его рейтинг, отказался от участия в пятом раунде, признав, таким образом, свое поражение еще до начала выборов.

Теледебаты оказались соревнованием не программ, а личностей участников. За состязаниями кандидатов в президенты наблюдали у экранов 66 млн зрителей из 179 млн жителей США. Очевидное превосходство Кеннеди в телеэфире во многом обусловило его победу на выборах над Никсоном, который до начала теледебатов считался фаворитом предвыборной гонки.

В 1964, 1968 и 1972 годах предвыборные теледебаты не проводились. Они возобновились лишь осенью 1976 года и с тех пор проходят регулярно раз в четыре года, примерно за месяц до выборов президента США.

Война во Вьетнаме и журналистика

Вьетнам на протяжении столетия, до конца Второй мировой войны, оставался французской колонией. В 1945 году была провозглашена Демократическая республика Вьетнам со столицей в Ханое. В своей политике страна ориентировалась на Советский Союз. Чтобы препятствовать распространению коммунизма по Индокитайскому полуострову, в южной части страны колонизаторы создали Государство Вьетнам со столицей в Сайгоне. Объединению двух частей Вьетнама препятствовали США и проамерикански настроенные южновьетнамские власти. Для борьбы с развернувшимся освободительным движением в Южном Вьетнаме США ввели в страну свои войска. В августе 1964 года президент США Линдон Джонсон (1908–1973) отдал приказ о широкомасштабном вторжении американской армии (которая в то время была не контрактной, как сейчас, а набиралась по призыву) во Вьетнам.

Вместе с военнослужащими во Вьетнам отправились американские журналисты. Многие из них были удостоены Пулитцеровской премии. Например, **Дэвид Халберстэм** (1934–2007) получил высшую журналистскую награду за цикл репортажей для газеты *The New York Times*. Кор-

респондент агентства *Associated Presse* **Петер Арнетт** (р. 1934), получивший Пулитцеровскую премию в 1966 году, провел во Вьетнаме всю войну, от первого до последнего дня. Его правдивые и нелицеприятные репортажи вызывали раздражение у американских генералов, неоднократно требовавших отзыва Арнетта на родину. Они считали Арнетта идейно чуждым человеком также из-за его брака с вьетнамкой, заключенного в 1964 году. Огромное впечатление на миллионы людей произвела фотография «Казнь во Вьетнаме», которую выполнил в 1968 году журналист **Эдди Адамс** (1933–2004). На ней зафиксирован момент расстрела американским военным без суда и следствия вьетнамского военнопленного. Фотография была удостоена Пулитцеровской премии 1969 года и сыграла значительную роль в изменении отношения американцев к войне.

Но самый большой резонанс вызвали телевизионные репортажи о войне во Вьетнаме, которые передавали американские тележурналисты. По сути, это была первая в мире война, которую показывало телевидение, которая через телевизоры вошла в дом каждого американца. Телезрители были шокированы кадрами разрушенных вьетнамских городов и деревень, убийств военнослужащих и мирных жителей.

К тому же с началом космической эры у телевидения появились новые технические возможности. Так, в 1964 году стала возможной прямая трансляция через спутник XVIII Олимпийских игр из Токио. Стало быть, и военные действия могли теперь передаваться в прямом эфире.

Таким образом, средства массовой информации, и в первую очередь телевидение, вызвали во второй половине 1960-х годов мощное антивоенное движение по всем Соединенным Штатам, равное которому еще не знала американская история. Оно началось уже в 1964 году, когда группа студентов Калифорнийского университета создала движение за свободу слова. Вскоре оно было переименовано в Движение против войны во Вьетнаме[1].

Под влиянием общественного мнения президент Джонсон отказался выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах 1968 года и дал приказ о прекращении бомбардировок.

Мартин Лютер Кинг

Против войны во Вьетнаме активно выступал знаменитый чернокожий оратор и проповедник **Мартин Лютер Кинг** (1929–1968), лауреат Нобелевской премии мира 1964 года. Будучи баптистским пастором, Кинг воспринимал свою ораторскую деятельность как продолжение

[1] Как реакция на войну во Вьетнаме в 1965 году в США появилось движение хиппи, которое впоследствии стало субкультурой и распространилось по всему миру.

и развитие священнического служения. Его речи отличались частым использованием религиозных терминов и библейских образов и были понятны простым людям.

Главной темой выступлений Кинга была борьба против расовой дискриминации, за равноправие черных и белых жителей Америки. Ведь еще в начале 1960-х годов, спустя почти сто лет после принятия в 1865 году пятнадцатой поправки к Конституции США, запрещавшей рабство, эта проблема сохраняла свою актуальность. В стране существовали раздельные школы для черных и белых детей, специальные воинские формирования для негров, а в некоторых штатах чернокожие пассажиры городского транспорта обязаны были уступать места белым. Сегрегация сохранялась в библиотеках, театрах, бассейнах, столовых и даже церквах.

> «У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда наше государство воспрянет и доживет до истинного смысла своего кредо: мы считаем очевидным, что все люди равны, — говорил Кинг в самой знаменитой своей речи "У меня есть мечта" (*I Have a Dream*). — У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по тому, что они собой представляют».

Эта речь, посвященная теме расового примирения, была произнесена с подмостков Мемориала Линкольна в Вашингтоне 28 августа 1963 года и с восторгом встречена десятками тысяч слушателей. По сути, Кинг заново определил суть американской мечты в новых условиях.

Власти США не могли долгое время игнорировать призывы всемирно известного проповедника. В 1964 году расовая сегрегация была законодательно отменена. Однако некоторые пережитки расизма сохранялись еще десятилетие — например, запрет чернокожим женщинам на получение высшего образования, — до начала 1970-х годов.

Мартин Лютер Кинг был убит в Мемфисе, штат Теннеси, после произнесения 3 апреля 1968 года речи «Я был на вершине» в поддержку бунтовавших рабочих.

Мечты Кинга в полной мере воплотились в жизнь уже после его смерти. Победа на выборах в США осенью 2008 года чернокожего президента Барака Обамы — яркое свидетельство торжества политики равенства, за которую боролся и погиб великий проповедник.

Новая журналистика

В годы войны во Вьетнаме появилось новое направление в американской прессе — **новая журналистика** (*new media*)[1]. Это альтернативные средства массовой информации, которые не отражают позицию ни государственных структур, ни частных корпораций. Новая журналистика

[1] Не путать с *новым журнализмом* — движением в прессе конца XIX — начала XX века!

предусматривает альтернативную технику написания журналистских материалов, причем не только традиционных газетных материалов, но также авторских колонок, полос мнений, эссе и т.п. Это направление было, прежде всего, адресовано элитарной аудитории в целом и продвинутому читателю в частности.

В *новой журналистике* используются типичные литературные приемы: сценоописательство, диалоги героев, живая разговорная речь, отчетливая личная точка зрения автора, широкое употребление местоимения первого лица единственного числа, подробная фиксация и литературная регистрация поведения персонажей и т.д.

Термин *новая журналистика* выдвинул в 1973 году, когда это явление стало уже сложившимся фактом, американский писатель и журналист, один из основоположников школы новой американской журналистики **Том Вулф** (р. 1931). Его новаторство состояло в том, что из низкокачественной ежедневной журналистики он создавал высококачественную прозу. Для этого Вулф взял на вооружение журналистские методы сбора информации: интервью, репортаж, работа в архивах — и начал писать книги, основанные на реальных фактах. Так зародился новый жанр прозы — *faction* (фэкшн, что можно перевести как *художественная литература фактов*, от слов *fact* — факт и *fiction* — художественная литература).

Для творчества Вулфа характерны стилистические и графические приемы воздействия на читателей. Он широко использует сложные синтаксические конструкции, сложносочиненные предложения. Ему свойственно употребление курсива, большого количества запятых и тире — причем часто в необычных, с точки зрения пунктуации, местах текста.

Одно из наиболее известных произведений Вулфа, написанных в жанре *новой журналистики*, — книга **«Электропрохладительный кислотный тест»** (1968). В ней описаны восьмилетний кризисный период жизни писателя Кена Кизи (1935–2001) и существовавшая вокруг него в 1964 — 1966 годах неформальная субкультурная коммуна.

Книга Вулфа стала настоящим триумфом новой журналистики. Газета *The Washington Post* назвала ее «люминесцентной книгой: сияющей, озорной и нереальной».

Другим известным представителем *новой журналистики* был американский писатель, журналист и публицист **Трумэн Капоте** (1924–1984). Капоте работал в жанре «невымышленного романа» и рассказа. Его самое знаменитое произведение — документальный роман-репортаж *«Хладнокровное убийство»* — о зверском истреблении одной фермерской семьи в штате Канзас.

Одним из основателей школы *новой журналистики* был писатель, журналист, драматург и режиссер **Норман Мейлер** (1923–2007). Его документальная книга-репортаж «Армия ночи» написана по материалам знаменитого *Похода на Пентагон* — многотысячной акции протеста

жителей США против войны во Вьетнаме 21 октября 1967 года. «Армия ночи» удостоилась в 1968 году Пулитцеровской премии.

Еще одной значительной фигурой в *новой журналистике* был американский писатель и журналист **Хантер Томпсон** (1937–2005). Ранние произведения Томпсона — «Ангелы ада», «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Безумная поездка в сердце американской мечты» — стали классическими примерами репортажных романов о жизни поколения 1960-х годов.

Томпсон стал основоположником **гонзо-журналистики**. **Гонзо-журналистика** (от англ. *gonzo* — чокнутый, рехнувшийся[1]) — разновидность *новой журналистики*, направление, для которого характерен субъективный стиль повествования от первого лица, в котором репортер использует для передачи личных впечатлений и усиления значения событий собственные эмоции, специфическую ненормированную лексику, а также юмор, иронию, сарказм.

Термин *гонзо-журналистика* придумал в 1970 году редактор американского журнала *The Boston Globe* Билл Кардозо, прочтя в журнале *The Scanlan's Monthly* статью Хантера Томпсона «Дерби[2] в Кентукки упадочно и порочно». Освещая ход знаменитых лошадиных скачек в штате Кентукки, Томпсон с удивлением заметил, что основная масса зрителей — пьяницы и матерщинники, и подробно, в крайне резкой и субъективной форме, записал эти наблюдения в свой блокнот. Когда срок сдачи материала в номер прошел, а заказанная журналом статья была еще не готова, Томпсон вырвал из блокнота свои записи и отправил их редактору. Статью опубликовали именно в таком виде, и она сразу привлекла к себе всеобщее внимание — как сторонников, так и противников нового журналистского стиля.

Новая журналистика привела к появлению новых журналов, таких как *The Boston Phoenix* («Бостонский феникс», основан в 1965 г.), *The New York Magazine* («Нью-Йоркский журнал», основан в 1968 г.), *Rolling Stone* («Перекати-поле», основан в 1967 г.) и др. В то же время материалы, написанные в стиле *новой журналистики*, публиковали многие периодические издания с устоявшейся репутацией, например, журналы *The New Yorker* — еженедельник, выходящий с 1925 года, *Esquire* — ежемесячный журнал, основанный в 1932 году, и др.

Уотергейтское дело и пресса

В ноябре 1968 года победу на президентских выборах в США одержал республиканец Ричард Никсон. К этому времени в мире сложилась

---

[1] По версии Билла Кардозо, словом *gonzo* бостонские выходцы из Ирландии называют человека, который по окончании ночной пирушки последним из компании мог стоять на ногах.

[2] *Дерби* — главный приз в лошадиных скачках на ипподроме.

достаточно стабильная политическая система. СССР и США достигли стратегического равновесия. Несмотря на продолжавшуюся «холодную войну», на смену жесткой мировой конфронтации шла политика разрядки международной напряженности. В конце 1960-х — начале 1970-х годов между ведущими странами были заключены важнейшие соглашения об ограничении стратегических вооружений, о признании послевоенных границ в Европе.

Придя к власти, Никсон объявил о начале вывода войск из Вьетнама. Он стал первым президентом США, посетившим с официальным визитом Москву в мае 1972 года.

В президентство Никсона, 24 июля 1969 года, американские астронавты высадились на Луне. С лунного аппарата «Орел» на наземные станции космической связи в США и Австралии передавался телевизионный сигнал, который затем конвертировался в вещательный формат. После этого станции космической связи передавали его на спутник «Интелсат», а он ретранслировал его на сеть наземных релейных станций. Благодаря этой системе высадку астронавтов на Луне и первые их шаги по лунной поверхности смогли увидеть миллионы телезрителей во всем мире. Лишь Советский Союз и Китай намеренно, по идеологическим соображениям, не транслировали этот лунный репортаж.

Таким образом, президентское правление Никсона был очень удачным. Летом 1972 года он выдвинул свою кандидатуру на второй срок[1]. В это же время разразился громкий политический скандал, который вошел в историю как **Уотергейтское дело**[2]. В ночь на 18 июня 1972 года пятеро злоумышленников проникли в гостиницу «Уотергейт». Они взломали дверь в штаб кандидата в президенты от Демократической партии США и пытались установить там подслушивающие устройства. Взломщики были арестованы, и началось расследование этого дела, которое затянулось на два года.

Подавляющее большинство средств массовой информации восприняло факт взлома как обычное уголовное дело. Так, например, газета *The New York Times*, имея информацию об аресте злоумышленников, не заинтересовалась мотивами преступления. Активным изучением обстоятельств инцидента в гостинице занялись только журналисты газеты ***The Washington Post*** **Боб Вудворд** (р. 1943) и **Карл Бернстин** (Бернстайн, р. 1944), которым на тот период было меньше тридцати лет. Они организовали собственное журналистское расследование, о ходе которого регулярно сообщали на страницах своей газеты.

Получив доступ к материалам дела, Вудворд и Бернстин стали изучать записные книжки арестованных, в которых обнаружили телефоны

---

[1] В ноябре 1972 года Никсон одержал уверенную победу на президентских выборах.

[2] По имени гостиницы «Уотергейт» в Вашингтоне, где располагался штаб кандидата в президенты США от оппозиционной Никсону Демократической партии.

высокопоставленных сотрудников администрации Никсона. Президент США, длительное время публично отрицавший свою причастность к инциденту, вынужден был уволить некоторых должностных лиц, пытаясь переложить на них ответственность за происшедшее. В отставку подал даже вице-президент Соединенных Штатов Спиро Ангю.

Тем временем, в январе 1973 года, начался суд над взломщиками. Судебные слушания регулярно транслировались по телевидению и приковали к себе внимание миллионов американцев. 85% взрослого населения США посмотрели хотя бы одно слушание.

Вскоре Вудворд и Бернстин выяснили, что Никсон, придя в Белый дом, распорядился вести магнитофонные записи всех своих разговоров, с тем чтобы по окончании второго президентского срока отредактировать эти пленки и передать их Библиотеке Конгресса США. Журналисты потребовали предоставить им и следствию для изучения записи разговоров президента. Никсон сначала отказывался сделать это, но впоследствии, под давлением Верховного суда, вынужден был подчиниться закону.

При обнародовании записей американцы узнали удивительные подробности о взглядах своего президента: Никсон крайне нелицеприятно критиковал в повседневных разговорах с помощниками негров и евреев по факту их расы и нации. Разразился громкий скандал: президента обвинили в расизме и антисемитизме.

Часть пленок была затерта, но, тем не менее, на них был зафиксирован разговор Никсона с начальником аппарата Белого дома, имевший место 23 июня 1972 года, т.е. спустя несколько дней после взлома штаб-квартиры демократов. Президент назвал эту историю дымящимся ружьем и советовался с собеседником, какими способами воспрепятствовать расследованию скандала с помощью ЦРУ и ФБР. Таким образом, даже горячим сторонникам Никсона стало ясно, что с первых дней Уотергейтского скандала он пытался препятствовать американскому правосудию.

Интересно, что руководитель СССР **Леонид Ильич Брежнев** (1906–1982) относился к Никсону с большой симпатией и оказывал ему моральную поддержку в Уотергейтском скандале. Советская пресса освещала этот конфликт с явным сочувствием к президенту США. «Есть люди, которые надеются, что президент США уступит давлению и уйдет, однако мы рады отметить, что вы не собираетесь доставить им такого удовольствия», — писал Брежнев Никсону.

Тем не менее президенту США грозил импичмент[1], процедура которого уже была запущена. Никсон не захотел стать первым в истории руководителем Соединенных Штатов, отрешенным от должности, и 9 августа 1974 года добровольно ушел в отставку.

---

[1] *Импичмент* — насильственное отрешение от должности должностного лица.

Таким образом, можно сказать, что два журналиста, Вудворд и Бернстин, провели профессиональное расследование, в результате которого — первый и последний случай в истории американской демократии! — вынужден был уйти с работы президент США. Действительно, роль прессы в Уотергейтском скандале оказалась решающей. Известный политолог и социолог **Самюэль Хантингтон** (1927–2008) в работе «Кризис демократии» (1977) писал об этом так:

> «...органы массовой информации страны бросили вызов и нанесли поражение главе исполнительной власти. Пресса фактически сыграла ведущую роль в том, что до сих пор не удавалось ни одному отдельно взятому институту, группировке или комбинации институтов в американской истории — лишить своего поста президента, который был избран менее двух лет назад, добившись поддержки большинства, ставшего одним из самых значительных в американской истории».

Победа Вудворда и Бернстина в Уотергейтском деле стала торжеством американской демократии, вершиной успеха расследовательской журналистики США. По мотивам скандала были написаны книги, поставлены спектакли, сняты фильмы, в том числе *«Вся президентская рать»* (1976) — по одноименной книге Вудворда и Бернстина. В написании сценария к фильму участвовали оба журналиста, добившихся отставки Никсона.

В дальнейшем Вудворд написал двенадцать документальных книг, которые стали бестселлерами в жанре документальной повести, — больше, чем кто-либо из американских публицистов. Среди них — книги о войне в Ираке и 43-м президенте США Джордже Буше-младшем. В настоящее время Боб Вудворд является главным редактором газеты *The Washington Post*.

Американские СМИ в последний период «холодной войны»

Торжеством политики разрядки международной напряженности стало подписание тридцатью тремя странами Европы, США и Канадой 1 августа 1975 года в Хельсинки Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе[1]. Хельсинкский акт закрепил территориальные и политические итоги Второй мировой войны, зафиксировал нерушимость послевоенных границ, провозгласил важнейшими международно-правовыми приоритетами межгосударственное сотрудничество в различных сферах и права человека.

Если бы все заложенные в Хельсинкском акте цели и принципы выполнялись всеми государствами, «холодная война» подошла бы к логическому завершению. Но этому не суждено было осуществиться.

---

[1] Из европейских стран Хельсинкский акт не подписала только Албания.

В конце декабря 1979 года Советский Союз вмешался в противостояние враждовавших друг с другом политических и этнических группировок в Афганистане. Чтобы не допустить роста влияния США на южных рубежах СССР, руководство нашей страны приняло решение ввести в Афганистан войска. Там был установлен просоветский режим. В ответ США и страны Запада поддержали противоборствующую сторону конфликта. Так закончилась политика разрядки международной напряженности и начался новый, последний виток «холодной войны».

И советские, и западные средства массовой информации активно включились в идеологическое противостояние. «Холодная война» вышла далеко за рамки журналистики и перешла на такие изначально далекие от идеологии сферы, как, например, спорт: президент США Джимми Картер (р. 1924) призвал бойкотировать игры XXII Олимпиады 1980 года в Москве. Кроме того, на несколько лет было прервано воздушное авиасообщение между СССР и США.

Наибольшего накала «холодная война» достигла в первой половине 1980-х годов, когда президентом США был **Рональд Рейган** (1911–2004). Западная журналистика активно способствовала распространению выдвинутого Рейганом в 1983 году лозунга «Советский Союз — империя зла».

В самый разгар международной напряженности, 11 августа 1984 года, Рейган, проверяя микрофон перед традиционным радиообращением к народу, решил своеобразно пошутить. Он сказал: «Мои соотечественники американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнется через пять минут».

Эта шутка Рейгана, из-за которой вполне могла бы разразиться третья мировая война, вызвала огромный резонанс в мире. В официальном заявлении советского информационного агентства ТАСС говорилось:

> «В Советском Союзе с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному выпаду президента США. Подобное поведение несовместимо с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, прежде всего обладающих ядерным оружием, за судьбы собственных народов, за судьбы человечества».

В марте 1985 года к власти в СССР пришел **Михаил Сергеевич Горбачев** (р. 1931). Он инициировал политику гласности и нового политического мышления, смысл которой состоял в приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. По сути, это был отказ от идеологии марксизма-ленинизма, базировавшейся на классовом подходе. Во многом благодаря усилиям Горбачева во второй половине 1980-х годов началась постепенная деидеологизация журналистики — как в Советском Союзе, так и на Западе. Этому способствовали встречи Рейгана и Горбачева в 1985–1988 годах, в ходе которых были подписаны важнейшие договоры о сокращении вооружений.

Признавая вклад Горбачева в окончание «холодной войны», американский журнал *Time* дважды, в 1987 и 1989 годах, называл его человеком года, а в 1989 году — одновременно и человеком десятилетия. В 1990 году Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира.

Приблизительно в 1987–1988 годах из западных средств массовой информации стал исчезать долгие десятилетия господствовавший в них образ врага, постепенно отпала антикоммунистическая риторика. В 1988 году советские читатели впервые за всю историю советского государства получили возможность покупать западные газеты и журналы и открыто слушать антисоветские передачи западных радиостанций, которые до этого усиленно глушились. «Холодная война» подходила к логическому концу.

В 1989 году произошло крушение просоветской модели социализма в странах Восточной Европы: Венгрии, Польше, Чехословакии, Германской Демократической Республике, Болгарии, Румынии. Распался существовавший с 1955 года военный блок социалистических стран — Организация Варшавского договора. Кульминацией событий 1989 года, ярким символом окончания «холодной войны» стало падение 9 ноября *Берлинской стены* — символа «холодной войны», сооруженной по указанию руководства СССР вокруг западной части Берлина, контролировавшейся бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, в августе 1961 года.

К важным событиям 1980-х годов в мире американской прессы следует отнести появление в составе медиаконгломерата ***Gannett Company***[1] (Ганнет кампани) газеты ***USA Today*** («Ю-эс-эй тудей» — «США сегодня»). Ее первый номер вышел в Вашингтоне 15 сентября 1982 года. Как известно, одной из главных особенностей американской прессы на протяжении столетий было развитие прессы по региональному принципу. *USA Today* должна была стать, по плану ее создателей, первой общенациональной газетой, о чем самоуверенно говорил девиз газеты: *Number one in the US* («Номер один в Соединенных Штатах»).

Для осуществления этого новаторского замысла была предпринята особая редакторская политика, которая, в частности, исключала любой региональный уклон в газете, чтобы показать единство американской нации. Новости из каждого штата публиковались на отдельной полосе. Важную роль в газете играла полемика: например, рядом с редакционной статьей публиковались альтернативные мнения журналистов и политиков по тому или иному вопросу. Большое внимание уделяла *USA Today* социологии: так, на ее страницах регулярно появлялись данные социологических опросов. Кроме того, несколько полос в газете зани-

[1] *Gannett Company* основал Фрэнк Ганнет (1876–1957) в 1906 году.

мала спортивная информация, также сопровождающаяся большими фотоснимками, таблицами и т.п.

Оформление *USA Today* также отличалось от классических газет типа *The New York Times* или *The Washington Post* и, тем более, экономических газет вроде *The Wall Street Journal*, цветными иллюстрациями, яркими графиками и диаграммами, разнообразными картами погоды. Это был, несомненно, новаторский ход: подавляющее большинство газет издавались еще в черно-белом формате и классическом стиле.

Однако, несмотря на большие тиражи, яркий дизайн и грамотную маркетинговую политику, *USA Today* долгое время была убыточной газетой. Рекламодатели с недоверием относились к информации о ее тираже, превысившем 1 млн экземпляров. Многие американцы — как профессиональные журналисты, так и обыватели — считали *USA Today* ненастоящей газетой, «фаст-фудом от журналистики»: прежде всего, из-за невозможности в полной мере осветить региональные новости и отсутствия столь любимой американцами адресной рекламы. «Если *USA Today* хорошая газета, значит, я занимаюсь не своим делом», — говорил главный редактор *The Washington Post* Бен Бредли.

Поэтому основная читательская аудитория газеты в 1980-е годы была за пределами США: путешествующие по миру американцы, а также иностранные студенты, изучавшие с помощью *USA Today* английский язык.

В 1980-е годы самыми тиражными газетами в США были *USA Today*, *The Wall Street Journal*, *The New York Times*, *Los Angeles Times*, *Chicago Tribune*, *The Washington Post*, *The New York Daily News*, *The New York Post.* В 1987 году в США издавалось 1 649 ежедневных газет[1]. При этом медиаконцернам принадлежало 1217 газет (или 74% общего числа газет), а независимым владельцам — 432 газеты (или 26%).

Крупнейшие медиаконцерны США второй половины 1980-х годов представлены в таблице:

Компания	**Число газет**	**Разовый тираж (тыс. экз.)**
Gannett Company (Ганнет кампани)	89	6 030
Night Reader Incorporated (Найт ридер инкорпорэйтед)	31	3 840
Newhouse Newspapers (Ньюхаус ньюспейперс)	26	3 018
Tribune Company (Трибьюн кампани)	9	2 707

[1] Для сравнения: в 2008 году в США издавалось 1422 ежедневные газеты.

Окончание

Компания	Число газет	Разовый тираж (тыс. экз.)
Times Mirror Company (Таймс миррор кампани)	8	2 567
Dow Jones & Company (Доу Джонс и кампани)	24	2 536
New York Times Company (Нью-Йорк таймс кампани)	27	1 821
Tompson Newspapers Incorporated (Томсон ньюспейперс кампани)	102	1 726
Scripps-Howard Newspapers (Скриппс-Говард ньюспейперс)	22	1 598
Hearst Newspapers (Херст ньюспейперс)	15	1 441

Источник: *Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. С. 175.

В это же время, во второй половине 1980-х годов, начало развиваться кабельное и спутниковое телевидение. Его отличие от традиционного, эфирного телевидения состоит в том, что телезритель может не только получать информацию, но и общаться с распространителем этой информации (например, заказывать программы, покупать товары и т.п.). Развитие интерактивного телевидения привело к некоторому снижению тиражей газет.

Вопросы для повторения

1. Этапы развития зарубежной журналистики после Второй мировой войны.
2. Мир и журналистика в 1945–1948 годах.
3. Роль политического противостояния и борьбы идеологий в западной журналистике.
4. Роль журналистики в разжигании «холодной войны».
5. Фултонская речь Уильяма Черчилля.
6. Американская журналистика и Джозеф Маккарти.
7. Маккартизм и телевидение США.
8. Эдвард Марроу — журналист.
9. Крах маккартизма и «оттепель» в журналистике.
10. Развитие телевидения США.
11. Роль телевидения в теледебатах кандидатов в президенты США.
12. Война во Вьетнаме и американская журналистика.
13. Известные американские журналисты на войне во Вьетнаме.
14. Роль телевидения США в прекращении Вьетнамской войны.
15. Мартин Лютер Кинг — великий оратор и проповедник.
16. Особенности речей Мартина Лютера Кинга.

17. Роль войны во Вьетнаме в появлении «новой журналистики».
18. «Новая журналистика», ее формы и методы.
19. Гонзо-журналистика как разновидность «новой журналистики».
20. Известные американские писатели — основоположники «новой журналистики».
21. Трумэн Капоте как журналист.
22. Хантер Томпсон как журналист.
23. Уотергейтское дело и пресса.
24. Боб Вудворд и Карл Бернстин. Их роль в расследовании Уотергейтского дела.
25. Американские СМИ в последний период «холодной войны».
26. Крупнейшие ежедневные газеты США.
27. Газета *USA Today*.
28. Крупнейшие медиаконцерны США.
29. Роль журналистики в окончании «холодной войны».

Рекомендуемая литература

Андрунас Е. Ч. Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991.

Живейнов Н. И. Капиталистическая пресса США. М., 1956.

Иванян Э. А. Белый дом и пресса: От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. М., 1991.

Первоисточники

Вулф Том. Новая журналистика и Антология новой журналистики / Под ред. Т. Вулфа и Э. У. Джонсона. М., 2008.

Кинг М. Л. Есть у меня мечта... // Избр. труды и выступления. М., 1970.

Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М., 2002.

Дополнительная литература

Колесник С. Г. Маккартизм и телевидение США // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1976. № 4.

Раскин А. В. Освещение президентских предвыборных кампаний телевидением США: Формы и методы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ в 1945–1989 годах

Британская журналистика в первые послевоенные десятилетия. — Трансформация газеты *The Times* в 1960–1980-е годы. — Пресса и газетные империи 1970–1980-х годов. — Развитие британского радиовещания и телевидения.

Британская журналистика в первые послевоенные десятилетия

Классическая вертикальная модель журналистики сложилась в Великобритании еще в конце XVIII века. Именно тогда помимо газет лондонских, национальных, которые писали о жизни в стране и за границей, появились и получили широкое распространение провинциальные газеты, сообщавшие, как правило, лишь о локальных событиях и публиковавшие местную рекламу. Тогда же пресса стала разделяться на ежедневную и воскресную**,** утреннюю и вечернюю. Во второй половине XIX века утвердилось деление газет на качественные и массовые. Эта модель, ярко характеризующая британскую журналистику, сохранилась и в двадцатом столетии.

Другая особенность прессы Великобритании состоит в том, что общенациональная печать сконцентрировалась в руках немногих медиамагнатов, среди которых — лорд Нортклиф и лорд Ротермир (братья Хармсворсы), Сесиль Хармсворс Кинг (племянник лорда Нортклифа), Джон Астор и его племянник Дэвид Астор, лорд Кемсли, лорд Саутвуд и некоторые другие.

В июле 1945 года консервативная партия во главе с Уинстоном Черчиллем проиграла парламентские выборы, и к власти пришли лейбористы. Премьер-министром стал **Клемент Эттли** (1883–1967)[1].

В первые послевоенные годы британская журналистика и газетная индустрия стали постепенно уходить от ограничений, вызванных мировой войной. Когда в 1940 году нацисты объявили Великобритании морскую блокаду и оккупировали Норвегию, где англичане закупали бумагу, правительство было вынуждено ввести ограничения на бумагу. В результате сократились тиражи, объемы и форматы всех периодических изданий страны. Так, например, ведущие качественные газеты рез-

[1] В 1951–1955 годах премьер-министром Великобритании вновь был Уинстон Черчилль.

ко уменьшили количество полос — до четырех или шести. В массовой прессе, чтобы вместить на полосы больше информации, стал использоваться мелкий шрифт. Часто пресса печаталась на тонкой бумаге. По сведениям С. И. Беглова, «если в канун войны английский газетный бизнес потреблял около миллиона тонн бумаги, то в 1940 году эта цифра сократилась вдвое, а в целом за военные годы — на три четверти»[1].

С окончанием войны все ограничения постепенно снимали, и журналистика начала восстанавливать свои мощности.

Лейбористское правительство активно повело борьбу с засильем монополий в прессе и взяло курс на внедрение в сферу издания и распространения периодической печати принципов саморегулирования. По инициативе парламента в 1947 году была создана *Королевская комиссия по печати*. Она работала два года, тщательно изучая экономику газетно-журнальной индустрии Британии, и пришла к выводу, что сложившаяся система монополизации журналистики страны не отражается отрицательным образом на состоянии прессы и ее качестве. Для дальнейшего наблюдения за тенденциями развития средств массовой информации комиссия порекомендовала создать *Генеральный совет по делам прессы*. Этот общественный орган был сформирован в 1953 году. В его состав вошли 27 человек, среди них большинство владельцев и редакторов общенациональных и крупных провинциальных газет, а также представители журналистских союзов.

Однако ни Королевская комиссия по печати (которая с тех пор заседала лишь два раза, в 1961 и 1974 гг.), ни Генеральный совет по делам прессы[2], собиравшийся регулярно, не смогли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на ситуацию.

Трансформация газеты *The Times* в 1960–1980-е годы

Газета *The Times*, основанная в 1785 году, на протяжении десятилетий и даже веков оставалась не просто главным периодическим изданием страны, но и одним из ее символов, «законодательницей мод в политической прессе Англии, ...всемирно известным рупором британского истеблишмента»[3]. В то же время, несмотря на значительный авторитет газеты и ее влияние на политическую жизнь страны, к началу 1960-х годов *The Times* была убыточной. Тираж опустился до 250 тыс. экземпляров, круг читателей по-прежнему оставался очень узким. В 1966 году владелец газеты лорд

[1] *Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. С. 103.

[2] В 1990 году Совет был упразднен, и вместо него создана Комиссия по расследованию жалоб на прессу.

[3] *Беглов С. И.* Указ. соч. С. 136.

Джон **Якоб Астор** (1886–1971)[1], долгое время искавший надежного покупателя, продал *The Times* канадскому газетному магнату **Рою Томсону** (1894–1976), который к тому времени уже был собственником воскресной *The Sunday Times* («Санди таймс» — «Воскресные времена»).

Рой Томсон начинал свою деятельность в конце 1920-х — начале 1930-х годов с торговли радиоприемниками в канадском штате Северное Онтарио. В 1934 году он купил свою первую газету. После Второй мировой войны Томсон стал не только ведущим канадским газетным магнатом: у него было девятнадцать газет, но и президентом Ассоциации издателей ежедневных газет Канады. В начале 1950-х годов Томсон решил распространить свое влияние и на британский газетный рынок. В 1952 году он переехал в Великобританию, где стал покупать различные периодические издания. К середине 1960-х годов газетная империя Томсона *Thomson Corporation* (Томсон корпорэйшн) насчитывала более двухсот больших и малых газет в Канаде, США и Великобритании. В то же время английские магнаты прессы с недоверием относились к успешному канадскому коллеге, считая его выскочкой.

Став хозяином *The Times*, Томсон решил сделать свое новое детище современным и прибыльным. Модернизацию газеты Томсон начал с первой полосы, на которой еще с конца XVIII века публиковались исключительно небольшие объявления о событиях, связанных с жизнью высшего света Британии: юбилеях, свадьбах, крестинах, похоронах и т.п. Полоса была «слепой»: без иллюстраций, а сами новости с фотоснимками начинались на второй полосе.

3 мая 1966 года *The Times* впервые вышла с новостной первой полосой, традиционной для обычных качественных газет. Английское высшее общество испытало при этом шок, увидев в перемене привычного внешнего облика газеты покушение на многовековые британские традиции. Тем не менее, несмотря на резкую критику со стороны истеблишмента, Томсон уверенно продолжил реформу *The Times.*

В последующие несколько лет Рой Томсон ввел в газете рубрикацию, в ней появились колонки мнений. Журналистские материалы, до того бывшие анонимными, стали подписывать фамилиями авторов. Постепенно тираж *The Times* стал увеличиваться. Для достижения экономического успеха Томсон намерился перевести весь процесс издания газеты (редактирование, набор, печатание) на компьютерную технологию. Для первой половины 1970-х годов это было поистине революционное решение.

В это время, в августе 1976 года, Томсон умер. Во главе его газетной империи встал сын, **Кеннет Томсон** (1923–2006). Он попытался осуществить планы отца по коренной модернизации *The Times.* Но на пути

---

[1] Астор приобрел *The Times* в 1922 году после смерти ее владельца Альфреда Хармсворса (лорда Нортклифа).

магната встали профсоюзы, отказавшиеся дать согласие на переход к новым технологиям, и закон давал им это право. Дело в том, что компьютерный набор газеты привел бы к увольнению около двухсот полиграфистов. Типографские рабочие в знак протеста против приобретения нового печатного оборудования устроили забастовку. Томсон-младший не смог выйти из этого тупика и предпочел закрыть с 1 декабря 1978 года старейшую британскую газету.

The Times не выходила почти год. Ее выпуск был возобновлен 12 ноября 1979 года. Но ситуация не изменилась к лучшему. Тогда Томсон принял решение продать и *The Times*, и *The Sunday Times*. Покупателем обеих газет стал в 1981 году медиамагнат **Руперт Мэрдок** (р. 1931). Мэрдок родился и начал свой газетный бизнес в Австралии. В 1969 году он купил две крупнейшие массовые британские газеты — *News of World* («Ньюс оф уорлд» — «Новости мира») и *The Sun* («Сан» — «Солнце»). В 1973 году Мэрдок приобрел две американские массовые газеты, затем, в 1976 году, *The New York Post* («Нью-Йорк пост» — «Нью-йоркская почта»). В 1979 году Мэрдок основал медиакорпорацию *News Corporation* («Ньюс корпорэйшн» — «Корпорация новостей»), в которую включил все свои газеты, издающиеся в Европе, Азии, США и Австралии. Британский филиал корпорации Мэрдока называется *News International* («Ньюс интернешнл» — «Международные новости»).

В это время, в мае 1979 года, в результате парламентских выборов премьер-министром Великобритании стала лидер консервативной партии **Маргарет Тэтчер** (р. 1925). Еще до прихода к власти она была известна как убежденная антикоммунистка и сторонница жестких мер в политике и экономике. За Тэтчер прочно утвердилось прозвище *Железная леди* — во многом благодаря советскому военному журналисту капитану Юрию Гаврилову. 24 января 1976 года Гаврилов опубликовал в советской военной газете *«Красная звезда»* статью под названием «Железная дама стращает». Статья была посвящена критике речи Тэтчер «Пробудись, Британия!» в английском парламенте, где она, в частности, заявила, что «русские нацелены на достижение мирового господства». На следующий день эту статью перепечатала томсоновская газета *The Sunday Times*, и в переводе на английский *Железная дама* превратилась в *Железную леди*. Тэтчер так понравилось это прозвище, что свою предвыборную кампанию 1979 года она провела под лозунгом «Британии нужна Железная леди!».

Массовые газеты Мэрдока активно поддержали Тэтчер в ее борьбе за кресло премьер-министра, причем иногда эта поддержка носила весьма оригинальный характер. Например, газета *The Sun*, которая с 1969 года ежедневно публикует на третьей полосе фотографию полуобнаженной фотомодели, в один из последних дней перед выборами поместила вместо фотомодели снимок голой, обрюзгшей старухи. Под-

пись под снимком поясняла, что если Тэтчер потерпит поражение, то *The Sun* будет публиковать на третьей полосе только такие фотографии.

Придя к власти, Тэтчер способствовала принятию жесткого антипрофсоюзного законодательства, которое упростило процесс увольнения бастующих рабочих.

С XVII века все лондонские газеты издавались на улице Флит-стрит (*Fleet Street*). Это название со временем стало нарицательным, и британскую журналистику часто называли «империя Флит-стрит». Мэрдок решил нарушить многовековые традиции: перевести редакцию *The Times*, а заодно и все остальные свои газеты в новое место. Для этого стали строить огромный редакционно-полиграфический комплекс в окрестностях Лондона, в местечке Уоппинг. Чтобы конкуренты не узнали раньше времени о планах переезда, Мэрдок сообщил, что строящийся комплекс предназначен для новой газеты *The London Post*, которую он якобы собирается издавать.

В январе 1986 года, по завершении строительства, Мэрдок объявил о переезде в Уоппинг своих газет и переводе их на компьютерный набор. Около шести тысяч наборщиков, верстальщиков и других представителей традиционных типографских специальностей, которые подлежали увольнению, снова объявили забастовку. Но теперь Мэрдок, действуя в соответствии с новым законодательством о профсоюзах, смог легко уволить бастовавших типографских рабочих и нанять на их место работников, не состоявших в профсоюзе печатников.

Коренная модернизация газеты *The Times* не только радикально изменила внешний вид и внутреннее содержание газеты, но побудила все остальные периодические издания начать модернизацию, чтобы выдержать конкуренцию с газетами Мэрдока.

Пресса и газетные империи 1970–1980-х годов

Вплоть до конца 1980-х годов британская пресса четко делилась на два типа: качественные (элитарные) и массовые (бульварные) газеты. В свою очередь, внутри этих типов также имеется градация на группы А и Б. Качественная пресса группы А включает в себя экономическую прессу, которая освещает финансовую политику, публикует сводки о котировках акций с фондовых бирж, отчеты о состоянии мировых рынков и т.п. Образец такой газеты — основанная в 1888 году *Financial Times* («Файнэншл таймс» — «Финансовые времена»), которую издает группа Пирсона. По словам руководства газеты, *Financial Times* не влияет на политику, а делает ее.

К качественной прессе группы Б относятся, прежде всего, такие газеты, как ежедневные *The Times*, *The Guardian* (основана в 1821 г.), мо-

лодая *The Independent* (с 1986 г.); воскресные *The Observer* (с 1791 г.), *The Sunday Times* (с 1822 г.) и др. Все они выходили в формате А2.

То же деление и у массовой прессы. К группе А условно можно отнести такие газеты, как *The Daily Mail*, *The Daily Express*; к группе Б — *The Sun*, *The Daily Mirror* и др. Эти газеты — таблоидного формата (А3).

К концу 1980-х годов понизился общий разовый тираж британских ежедневных газет, но их количество увеличилось с девяти до одиннадцати. Главными корпорациями на рынке прессы были *News International* (35% разового тиража ежедневной и воскресной прессы), *Mirror Group* (25%), *Express Group* (10%), *Associated Newspapers* (10%), *Telegraph Group* (8%)[1].

Распределение общенациональных периодических изданий между крупнейшими медиакорпорациями показано в таблице:

Корпорация	**Владелец**	**Издания**	**Тираж (тыс. экз.)**
News International	Руперт Мэрдок	*The Sun* *Today** *The Times* *News of World* *Sunday Times*	3 454 525 327 4 625 1 171
Mirror Group Newspapers	Сесиль Хармсворс Кинг	*The Daily Mirror* *The Daily Record* *The Sunday Mirror* *People*	2 600 700 2 574 2 000 000
United Newspapers	Лорд Стивенс	*The Daily Express* *The Daily Star* *The Sunday Express*	1 453 771 1 652
The Telegraph Group	Конрад Блэк	*The Daily Telegraph* *The Sunday Telegraph*	1 012 565
Associated Newspapers	Лорд Ротермир	*The Daily Mail* *The Mail on Sunday*	1 720 2 069
Newspaper Publishing	Андреас Уиттем-Смит и др.	*The Independent* *The Independent on Sunday*	350 393
Pearson		*Financial Times* *Economist*	284 490
Guardian Media Group		*The Guardian* *The Observer*	401 531

Источник: *Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. С. 166.

* *Примечание*. Газета *Today* выходила в Лондоне в 1986–1995 годах.

[1] См.: *Беглов С. И.* Указ. соч. С. 167.

Развитие британского радиовещания и телевидения

Как известно, регулярное радиовещание ведется в Великобритании с 1922 года. В том же году при участии **Гульермо Маркони** (1874–1937) и корпорации *General Electric* (Дженерал электрик), производившей радиооборудование, была создана ***British Broadcasting Company*** (Британская радиовещательная компания, Би-би-си). Она имеет статус общественной организации. В 1930-е годы наступил расцвет Би-би-си. К началу Второй мировой войны ее передачи принимало 98% населения Британских островов.

С ноября 1937 года Би-би-си начала регулярное телевещание. Но вскоре началась война, и телевизионные передачи прекратились до 1946 года. В военное время Би-би-си уверенно вышла на мировой уровень, вещая на 45 иностранных языках. Ее информационная продукция выгодно отличалась от германской радиопропаганды своей обстоятельностью и объективностью.

Во второй половине 1940-х годов аудитория телевидения стремительно развивалась. Б. И. Любимов сообщает, что если «в 1947 году в домах жителей Великобритании было всего 14 500 телевизоров, то в 1948 году — уже 125 567»[1]. Впервые телевизионная аудитория превысила число радиослушателей 2 июня 1953 года, когда транслировалась коронация двадцатисемилетней королевы **Елизаветы Второй** (р. 1926). Это был случай, благодаря которому резко и бесповоротно изменилась роль телевидения в британском обществе.

Дело в том, что, согласно протоколу, коронация в Вестминстерском аббатстве должна была проходить без участия представителей телевидения. На этом настаивала и коронационная комиссия, и премьер-министр Уинстон Черчилль. Но Би-би-си инициировала серьезную общественную и журналистскую дискуссию по вопросу допуска тележурналистов на коронацию.

«Разве могут нормально молиться люди, когда видят, что их все время снимают на телекамеру?» — возмущалась газета *The Daily Mail*. А газета *The Daily Express* провела опрос британцев на предмет необходимости транслировать коронацию и опубликовала его данные: четыре человека из пяти были за трансляцию.

В результате дискуссии коронационная комиссия решила учесть мнение общества[2] и средств массовой информации. Коронацию Елизаветы смотрели по телевизору 20 млн человек. Она велась на 43 иностранных языках и длилась шесть с половиной часов. В трансляции уча-

---

[1] *Любимов Б. И.* Общественное вещание: Британская модель. С. 9.

[2] В 1953 году в домах британцев было около 2 млн телевизоров.

ствовали 120 журналистов и сотрудников Би-би-си. Съемки велись не только в Вестминстерском аббатстве (где стояли семь камер), но и по всему маршруту следования коронационной процессии. Для этого на пути длиной в пять миль (чуть более 8 км) была установлена 21 камера.

Трансляция коронации Елизаветы Второй стала самой масштабной передачей, которую когда-либо на тот момент показывала Би-би-си. Популярность молодого средства массовой информации превзошла все ожидания. Роль телевидения в обществе стала очевидной для всех. Уже к концу 1954 года телевизоров было произведено больше, чем радиоприемников.

В 1954 году британский парламент принял Акт о вещании, который разрешал выдавать лицензии на коммерческое телевизионное вещание, альтернативное Би-би-си. Уже в 1955 году был зарегистрирован независимый канал *ITV* (Ай-Ти-Ви — Независимое телевидение).

Общественно-правовое вещание, по принципу которого работает Би-би-си, означает, что управление корпорацией осуществляет общественный совет. Он формируется из авторитетных представителей партий, общественных организаций, Церкви. Это обстоятельство дает возможность Би-би-си проводить неангажированную редакционную политику. Например, всем крупным политическим партиям должно предоставляться равное эфирное время.

Би-би-си существует в основном на абонентскую плату. Она в обязательном порядке собирается с каждой семьи, имеющей телевизор и радиоприемник. Кроме того, британский парламент предоставляет значительные средства на оплату Всемирной службы Би-би-си, которая вещает на 45 языках.

Помимо Би-би-си, в Великобритании работают еще три общенациональных коммерческих радиостанции, передающих современную и классическую музыку, спортивные программы, а также около двухсот местных независимых радиостанций.

Телевизионное вещание в Британии ведется Би-би-си и частными телекомпаниями. Телевизионная служба Би-би-си выпускает в эфир передачи по двум каналам (Би-би-си-1 и Би-би-си-2), имеет международный телеканал новостей, финансируемый из коммерческих источников.

Как и радио, британское телевидение находится под строгим контролем государства. В стране существуют законодательная защита качества программ, стандарты «вкуса и приличия» и разнообразия. Акт о вещании 1954 года обязывает руководство теле- и радиоканалов соблюдать определенный баланс между развлекательными, информационными и культурными программами. Примерно одну четвертую часть эфирного времени занимают документальные программы, дискуссии, лекции, новости, обзоры и концертные программы.

В эфире Би-би-си нет коммерческой рекламы. Акт о вещании запрещает размещать оплаченную политическую рекламу. Государственные

и коммерческие станции обязаны освещать события в стране и политической жизни беспристрастно. В то же время в дни предвыборных кампаний телеканалы обязаны давать в эфир определенное количество передач, созданных и представляемых партиями.

Вопросы для повторения

1. Особенности журналистики Великобритании.
2. Отход от военных стандартов в журналистике после 1945 года.
3. Британская журналистика в первые послевоенные десятилетия.
4. Законодательное обеспечение свободы печати в Великобритании.
5. Газета *The Times* и ее трансформация в 1960–1980-е годы.
6. Британские магнаты прессы.
7. Конкурентная борьба между британскими газетами в 1960–1980-е годы.
8. Империя Томсонов и развитие британской журналистики.
9. Маргарет Тэтчер и Руперт Мэрдок.
10. Медиаимперия Руперта Мэрдока в Великобритании.
11. Ведущие качественные газеты Великобритании.
12. Ведущие массовые газеты Великобритании.
13. Особенности типологии прессы в послевоенной Великобритании.
14. Крупнейшие медиакорпорации Великобритании. Их продукция.
15. Развитие британского радиовещания.
16. Би-би-си: формы и методы работы.
17. Становление телевидения как средства массовой информации.
18. Общественно-правовая модель телерадиовещания в Великобритании.
19. Британская журналистика и трансляция коронации королевы Елизаветы Второй.
20. Роль британских средств массовой информации в формировании общественного мнения.

Рекомендуемая литература

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.
Любимов Б. И. Общественное вещание: Британская модель. М., 2006.
Матвеев В. А. Империя Флит-стрит (Современная пресса Англии). М., 1961.

Дополнительная литература

Журналистика в буржуазном обществе / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1976.
На службе монополий / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1977.
Беглов С. И. Империя меняет адрес. М., 1997.
Любимов Б. И. 70 лет британского вещания. М., 1996.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ФРАНЦИИ в 1944–1989 годах

Французская журналистика в годы оккупации (1940–1944). — Пресса Временного режима (1944–1946). — Журналистика Четвертой республики (1946–1958). — Де Голль и журналистика Пятой республики. — Студенческая революция 1968 года и пресса. — Пресса и газетные империи в 1970–1980-е годы. — Становление и развитие французского радиовещания и телевидения.

Французская журналистика в годы оккупации (1940–1944)

В мае 1940 года нацистская Германия напала на Францию. Всего через шесть недель после начала войны Франция потерпела полное военное и политическое поражение. 22 июня 1940 года было подписано перемирие, по условиям которого страна делилась на северную и южную части. Северная часть, занимавшая две трети довоенной территории Франции, оставалась в зоне германской оккупации. В Южной Франции устанавливался марионеточный профашистский режим, который возглавил герой Первой мировой войны 84-летний маршал **Анри Филипп Петэн** (1856–1951). Столица была перенесена в маленький курортный город Виши.

17 июня 1940 года Петэн, бежавший из взятого немцами Парижа на юг, в город Бордо, призвал французов сложить оружие. «С болью в сердце я говорю вам сегодня о том, что надо прекратить борьбу», — сказал он, обращаясь по радио к нации. В другом радиообращении, 30 октября 1940 года, Петэн призвал соотечественников сотрудничать[1] с оккупантами.

Правительство Петэна признали почти все страны мира, в том числе Советский Союз, который с августа 1939 года был союзником нацистской Германии. Однако многие французы отказались мириться с поражением. *Движение Сопротивления* захватчикам возглавил **Шарль де Голль** (1890–1970), незадолго до этого получивший звание бригадного генерала. Эмигрировав в Лондон, он добился от премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля разрешения выступить на волнах радиостанции Би-би-си с обращением к французской нации.

[1] «Сотрудничать» по-французски — *collaborer*. Отсюда появилось понятие коллаборационизм — осознанное, добровольное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своей стране. Правительство маршала Петэна называли коллаборационистским.

18 июня 1940 года, на следующий день после пораженческого радиообращения маршала Петэна, де Голль призвал соотечественников к сопротивлению.

> «Поверьте мне, ибо я знаю, о чем говорю, — сказал генерал. — Для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые причинили нам поражение... Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет».

Выступление де Голля произвело огромное впечатление как на его сторонников, так и врагов. Правительство Виши объявило генерала изменником и лишило его звания и должности. Но это привело лишь к росту его авторитета. Для борьбы с оккупантами де Голль создал в Лондоне организацию «Свободная Франция».

Вся официальная французская пресса, выходившая как в Северной, так и в Южной зоне, подчинялась властям. Была введена жесткая цензура. Парижскую прессу запретили распространять в Южной Франции, и прежняя общенациональная журналистика превратилась, по сути, в региональную. Тиражи подавляющего большинства газет сократились в три-четыре раза, многие периодические издания закрылись или были запрещены властями.

В то же время активно развивалась нелегальная пресса. В подполье выходило около 1100 газет. Среди них — орган Французской коммунистической партии газета ***L'Humanité*** («Юманите» — «Человечество»). Она была запрещена 25 августа 1939 года и в течение почти пяти лет, с 26 октября 1939 года по 16 августа 1944 года, издавалась подпольно.

Но, как пишет Л. В. Шарончикова, «подпольные газеты, издаваемые участниками Сопротивления, не могли стать массовым средством информации и формирования общественного мнения. Большинство из них выходили нерегулярно, на одном листе, в виде листовок, к читателю они иногда попадали через несколько недель после выхода. Трудности с бумагой, секретность их производства и распространения, репрессии, которые обрушивались на редакции и распространителей, препятствовали созданию значительной читательской аудитории»[1].

Пресса Временного режима (1944–1946)

6 июня 1944 года американские и канадские войска под командованием генерала Эйзенхауэра, будущего президента США, высадились в Северной Франции, открыв, таким образом, Второй фронт. 25 августа был освобожден Париж. Де Голль возглавил Временное правительство, просуществовавшее полтора года.

---

[1] *Шарончикова Л. В.* Пресса Франции в меняющемся мире. С. 14.

По словам Л. В. Шарончиковой, «новый период в истории Франции характеризовался беспрецедентной для ее истории сменой всего информационного пейзажа»[1]. 30 сентября 1944 года Временное правительство приняло специальный ордонанс, регламентировавший деятельность прессы в новых политических условиях. Периодические издания, которые появились во Франции после 25 июня 1940 года или продолжали издаваться на оккупированной территории, запятнали свою репутацию сотрудничеством с нацистами или коллаборационистами и по этой причине подлежали закрытию. Исключения были сделаны лишь для тех специализированных изданий — спортивных, религиозных, профессиональных, которые не писали о политике. Новые газеты и журналы, возникшие после освобождения, могли распоряжаться материально-техническим оборудованием запрещенных периодических изданий.

По сути, новая власть возложила на довоенную журналистику значительную часть ответственности за поражение в войне и коллаборационизм: «...довоенная пресса думала только о прибыли... и забыла о своей благородной роли стража демократии и воспитателя народа»[2].

Столь жесткая регламентация деятельности прессы объясняется тем, что в годы войны практически невозможно было легально заниматься журналистикой, не поддерживая при этом правивший режим. Поэтому в первые послевоенные годы периодическая печать Франции, по сути, сложилась заново. Из двухсот шести ежедневных газет (31 в столице и 175 в регионах), выходивших в стране накануне оккупации, только двадцать восемь смогли оправдаться перед законом и продолжить существование по окончании войны, в том числе семь парижских газет. Среди них — ***Le Figaro*** («Фигаро»), ***La Croix*** («Круа» — «Крест»), ***L'Humanite***, ***La Populaire*** («Попюлер» — «Народ»), ***La Epogue*** («Эпок» — «Эпоха») и др.

Закрыто было и старейшее в мире информационное агентство *Agence Havas* (Гавас). На его базе в 1944 году возникло агентство ***Agence France-Presse*** (Франс Пресс), которое со временем стало одним из крупнейших мировых агентств.

Для издания новых газет необходимо было получить специальное разрешение в министерстве информации[3]. Министерство устанавливало тираж и формат газеты, периодичность его издания. Это объяснялось острой нехваткой бумаги в первые послевоенные годы.

Правом первоочередного выхода пользовались, прежде всего, периодические издания, выходившие в подполье, учрежденные Движением Сопротивления. Одной из самых популярных газет Сопротивле-

---

[1] *Шарончикова Л. В.* Французская журналистика в 1944–1958 гг. С. 11.

[2] См. об этом: *Захарова М. В.* Выживет ли французская национальная ежедневная газета? // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2009. № 6. С. 194–199.

[3] Система выдачи предварительных разрешений была отменена в 1947 году.

ния, открытых после освобождения Парижа, в августе 1944 года, считалась ***Combat*** («Комба» — «Борьба»). Ее первым главным редактором был писатель, философ и публицист **Альбер Камю** (1913–1960), лауреат Нобелевской премии по литературе 1967 года. Менее чем за полгода, с августа 1944 по январь 1945 года, Камю написал и опубликовал преобладающую часть редакционных статей, где, в частности, отстаивал необходимость глубокой реорганизации французской прессы.

С газетой сотрудничали такие известные философы, публицисты и писатели, как **Жан-Поль Сартр** (1905–1980), **Андре Мальро** (1901–1976), **Эммануэль Мунье** (1905–1950), **Раймон Арон** (1905–1983). Тираж *Combat* в первые послевоенные годы составлял от 150 до 185 тыс. экземпляров.

Во второй половине дня 18 декабря 1944 года на базе закрывшейся газеты *Le Temps* («Тан» — «Время») вышел первый номер газеты ***Le Monde*** («Монд» — «Мир»). Ее основал по личному распоряжению Шарля де Голля публицист **Юбер Бев-Мери** (1902–1989). Бев-Мери работал до войны в *Le Temps* и ушел оттуда осенью 1938 года в знак протеста против одобрения газетой Мюнхенских соглашений. Де Голль хотел, чтобы во Франции было ежедневное качественное издание, близкое к правительству, и чтобы во главе такой газеты стоял порядочный и не запятнанный сотрудничеством с коллаборационистами человек. *Le Monde* пускали в продажу вечером, накануне даты, указанной в выходных данных. Бев-Мери объяснял эту особенность газеты так: «Наши новости такие свежие, что не устаревают и на следующий день».

Помимо *Le Monde*, большим влиянием пользовалась качественная газета *Le Figaro*, которая стала старейшей французской газетой (она была основана в 1826 году). Выдающийся писатель **Франсуа Мориак** (1885–1970), лауреат Нобелевской премии по литературе 1952 года, публиковал в *Le Figaro* статьи по актуальным вопросам политической жизни.

В послевоенные годы особым успехом пользовалась коммунистическая пресса, в первую очередь газета *L'Humanite*, тираж которой доходил порой до 500–600 тыс. экземпляров.

Журналистика Четвертой республики (1946–1958)

13 октября 1946 года во Франции была принята новая конституция. Началась Четвертая республика, особенность которой — слабая президентская власть при наделенном большими полномочиями парламенте. Этот короткий временной отрезок был, тем не менее, насыщен важными политическими событиями: Франция стала одной из учредительниц Организации Объединенных Наций, вступила в созданный в

1949 году военный блок НАТО, вместе с другими западными странами активно включилась в «холодную войну» против СССР.

Первой жертвой идеологического противостояния стала коммунистическая пресса. В конце 1940-х годов большая часть таких изданий была закрыта. Тиражи оставшихся газет и журналов, проповедовавших коммунистические взгляды, значительно сократились.

В то же время, в отличие от остальных стран — участниц Второй мировой войны, Франция не вернулась к мирной жизни. Полтора десятилетия она вела неудачные колониальные войны с народами своих колоний — во Вьетнаме (с 1946 до 1954 г.) и Алжире (с 1954 до 1962 г.).

Правительство и военная верхушка всячески пытались придать этим войнам справедливый характер. Однако журналисты, освещавшие ход боевых действий, смело критиковали руководство страны и армии за огромные финансовые расходы, многочисленные жертвы среди военнослужащих и мирных жителей.

Так, например, специальный корреспондент коммунистической газеты *L'Humanite* **Мадлен Риффо** (р. 1924) за годы колониальных войн побывала во всех горячих точках, где воевала Франция, — во Вьетнаме, Лаосе, Алжире. Многие материалы она передавала в редакцию по телефону прямо с места события. Репортажи Риффо, ставшие, по сути, летописью колониальных войн, пользовались огромной популярностью среди читателей как во Франции, так и за пределами страны: ни одна ежедневная французская газета, кроме *L'Humanite*, не была столь последовательна в поддержке воевавших с Францией народов бывших колоний. За эту принципиальную позицию власти двадцать раз в течение колониальных войн конфисковывали тиражи *L'Humanite*, а против самой Риффо было возбуждено в общей сложности 316 (!) судебных дел, из них 127 — в годы Четвертой республики.

Впрочем, частым преследованиям со стороны властей подвергалась не только *L'Humanite*. С формулировками типа «за нанесение ущерба безопасности государства» неоднократно конфисковывались тиражи газеты *Le Monde*, еженедельных журналов *L'Express* («Экспресс»), *France Observateur* («Франс обсерватер» — «Французский обозреватель») и др.

Другой известный журналист и публицист, **Анри Аллег** (настоящая фамилия — Салем, р. 1921), несколько десятилетий прожил в колониальном Алжире. Он был одним из активистов национально-освободительного движения, возглавлял ведущую антиколониальную газету ***Alger Republicain*** («Альже репюбликен» — «Республиканский Алжир»). В 1955 году французские власти запретили газету, а в 1957 году арестовали Аллега и приговорили его к десяти годам тюрьмы. Будучи в заключении, Аллег написал документальные повести «Допрос под пыткой» (1958), «Бойцы в плену» (1961) — о мужественном поведении в тюрьме

борцов за независимость. В 1961 году Аллег бежал из тюрьмы и, вернувшись в Алжир сразу после провозглашения независимости страны в 1962 году, возродил газету *Alger Republicain*.

В 1965 году Аллег перебрался во Францию. Как специальный корреспондент газеты *L'Humanite*, он побывал в журналистских командировках во многих горячих точках планеты.

Де Голль и журналистика Пятой республики

Кризис войны в Алжире и внутренние политические и экономические противоречия показали неэффективность Четвертой республики. Франция оказалась на пороге гражданской войны. Осенью 1958 года на всенародном референдуме была утверждена новая конституция страны, согласно которой Франция превращалась из парламентской в президентскую республику. В декабре 1958 года президентом стал генерал Шарль де Голль.

Де Голлю удалось решить алжирский кризис и провозгласить в 1962 году независимость Алжира[1] и, тем самым, завершить изнурительную войну. 23 ноября 1959 года в Страсбурге де Голль произнес речь, в которой обрисовал свое видение новой Европы: «Да, это Европа от Атлантики до Урала, это именно единая Европа, которая решит судьбу всего мира». Выражение «Европа от Атлантики до Урала», стоявшее у истоков европейской интеграции, стало поистине крылатым, а де Голль стал в 1960-е годы одним из ведущих мировых политических деятелей.

В то же время многие французские газеты, поддержав де Голля в первые годы его президентства, выступили против инициированного им предоставления независимости Алжира. Немалое число журналистов не без оснований воспринимали де Голля как противника свободы прессы. Так, например, журналист газеты *Le Monde* Пьер Вьянсон-Понте писал в 1960 году, что «деградация публичных свобод неуклонно продолжается и угрожает свободе прессы»[2].

Впрочем, после окончания войны в Алжире французская пресса стала менее политизированной и санкции против газет и журналистов применялись все реже.

Студенческая революция 1968 года и пресса

Де Голль одержал победу на президентских выборах 1965 года, которые стали вторыми в истории Франции прямыми выборами президента (первые прошли в 1848 году, и на них победил Наполеон Третий). К на-

---

[1] Формально Алжир считался частью французской территории.

[2] Цит. по: *Шарончикова Л. В.* Пресса Франции в меняющемся мире (1944–2004 гг.). С. 125.

чалу 1968 года страна казалась, по выражению де Голля, «островом стабильности». 15 апреля 1968 года передовица газеты *Le Monde*, посвященная стабильности в обществе и отсутствию потрясений, была опубликована под заголовком «Франция скучает».

2 мая 1968 года в Латинском квартале Парижа, где расположены многие факультеты Сорбонны и студенческие общежития, вспыхнул студенческий леворадикальный мятеж. Руководство Коммунистической партии Франции не смогло воспользоваться случаем, чтобы возглавить выступления восставших. Более того, 3 мая 1968 года газета *L'Humanite* опубликовала статью одного из лидеров компартии Жоржа Марше под заголовком «Псевдореволюционеры, которых следует разоблачать». Марше обвинил студентов в авантюризме и попытке развязать гражданскую войну. Студенты, писал автор статьи, «пытаются внести смуту, сомнение и скептицизм в ряды трудящихся масс и в первую очередь молодежи. В то же время они служат интересам буржуазии и крупного капитала». Марше был возмущен, что восставшие студенты не готовы все как один погибнуть за идеалы светлого будущего, но выступают за «другую жизнь».

10 мая 1968 года *Le Monde* опубликовала манифест выдающихся парижских интеллектуалов, который подписали Жан-Поль Сартр, Андре Горц, Жак Лакан и др. «Возмутительно также не понимать, что насилие, которое с неодобрением усматривают в некоторых формах этого движения, — писали авторы манифеста, — представляет собой ответ на то всеобъемлющее насилие, которое служит большинству современных обществ прибежищем для самосохранения, что полицейская дикость есть разоблачение этого насилия».

Вскоре мятеж перерос во всеобщую бессрочную забастовку, в которой участвовали 10 млн человек. Забастовщики выдвигали социальные и политические требования, в том числе выступали за отставку де Голля. Волнения прекратились лишь в конце месяца, после радиообращения де Голля к нации 29 мая, в котором он подтвердил, что не уйдет в отставку, объявил о роспуске парламента и назначении новых выборов (на них сторонники президента одержали убедительную победу).

События мая 1968 года привели, в конечном итоге, к многочисленным социальным и политическим реформам, к появлению новых газет. Так, один из духовных лидеров студенческой революции **Жан-Поль Сартр**[1] в 1973 году начал выпускать газету ***Libération*** («Либерасьон» — «Освобождение»), которая с первых же номеров отличалась независимостью и смелостью взглядов. *Libération* стала французской разновид-

[1] Об авторитете Сартра среди восставших студентов говорит любопытный факт: захватив Сорбонну, студенты пустили внутрь только Сартра.

ностью *новой журналистики*, находившейся в то время на вершине популярности в США.

Рассматривая события в Париже с точки зрения классовой борьбы, коммунисты упустили возможность повлиять на ход восстания и потеряли авторитет в разных слоях общества. Кроме того, лидеры партии не решались принимать решения без консультаций с руководством КПСС, которое с уважением относилось к де Голлю и не рекомендовало вести против него борьбу. «Компартия оказалась слишком революционной в глазах среднего класса и недостаточно революционной в глазах молодежи», — писала впоследствии газета *Le Monde*.

В результате влияние компартии в обществе стало падать, тираж газеты *L'Humanite* постоянно снижался. Если накануне событий мая 1968 года он составлял более 200 тыс. экземпляров, то в 1970 году — 180 тыс., в 1975 — 151 тыс., в 1985 году — 110 тыс. экземпляров.

Пресса и газетные империи в 1970–1980-е годы

Ко второй половине 1970-х годов во Франции существовало более десяти медиагрупп. Среди них наиболее влиятельными были группа «Ашетт», группа Робера Эрсана, группа Амори, группа Филипаки и др.

Группа ***Hachette*** **(«Ашетт»)** — акционерное общество по изданию и распространению книг и периодической печати — было создано в 1919 году в Париже на базе книгоиздательской фирмы Луиса Ашетта, основанной в 1826 году. *Hachette* издает более четырех десятков журналов, среди которых *Elle* («Элль»), *Le Nouvel Economiste* («Нувель экономист»), *Le Journal du Dimanche* («Журналь дю диманш») и другие, имеет 40% капитала в еженедельном журнале *Paris Match* («Пари матч»). *Hachette* — монополист в области распространения периодической печати и книг, в том числе через обширную сеть киосков. За пределами Франции *Hachette* владеет точками продажи своей продукции в 29 странах.

Робер Эрсан (1920 — 1996) начал свой газетный бизнес с покупки в 1950 году автомобильной газеты *L'Auto-Journal* («Ауто-журналь»). Затем он стал покупать провинциальные газеты: *Centre Presse* («Сантр-пресс») в 1957 году, *France-Antilles* («Франс-Антий») в 1964 году, *Nord Matin* («Нормат эн») в 1967 году, *Paris Normandie* («Пари-Норманди») в 1972 году, *Nord Eclair* («Нод-эклер») в 1975 году и др. В 1975 году Эрсан приобрел *Le Figaro*, в 1976 году — массовую газету *France-Soir* («Франс суар» — «Французский вечер»).

Медиагруппе Эрсана принадлежали четыре ежедневные парижские газеты, десять провинциальных изданий, а также воскресные еженедельники. Всего в империи Эрсана — почти одна треть французских ежедневных газет.

Эмильен Амори (1909–1977) основал газету *Le Parisien libéré* («Паризьен либерэ» — «Свободный парижанин»)[1] в августе 1944 года, сразу после освобождения Франции от нацизма. В 1946 году Амори создал ежедневную спортивную газету *L'Équipe* («Экип» — «Команда»). Группе Амори принадлежал также ряд провинциальных газет и спортивных журналов.

Группа **Филипаки** владеет контрольным пакетом акций еженедельника *Paris Match*, рядом юношеских и молодежных журналов.

К числу ведущих качественных газет Франции в 1970–1980-е годы относятся *Le Monde*, *Le Figaro*, *Libération*, а также католическая газета ***La Croix*** («Круа» — «Крест»). Крупнейшей массовой газетой оставалась *France-Soir*.

Становление и развитие французского радиовещания и телевидения

История французского радиовещания как средства массовой информации ведет отсчет от 1922 года. В стране работали как частные, так и государственные радиостанции. Накануне Второй мировой войны во Франции было шесть с половиной миллионов радиоприемников.

Сразу после освобождения страны, 20 ноября 1944 года, правительство приняло постановление, которым аннулировались ранее выданные лицензии частным радиостанциям и устанавливалась абсолютная государственная монополия на радиовещание. Для управления системой радиовещания был создан специальный подконтрольный государственный орган — РДФ (Радиодиффузьен Франсез — Французское радиовещание). Генеральный директор РДФ назначался правительством. Он занялся восстановлением довоенной инфраструктуры радиовещания.

Первые экспериментальные телепередачи начались в Париже в 1932 году. Перед началом Второй мировой войны объем телевещания составлял 15 часов в неделю. Захватив Францию, нацисты возобновили телепередачи. На базе парижского телецентра Геббельс планировал создать единое общеевропейское арийское телевидение. После освобождения страны регулярные телепередачи возобновились только в 1947 году — так же, как и перед войной, по пятнадцать часов в неделю.

В 1949 году телевидение вошло в сферу компетенции РДФ, и его переименовали в РТФ (Радиодиффузьен — Телевизьен Франсез).

Телевидение во Франции развивалось медленнее, чем в других европейских государствах, из-за недостаточного государственного финансирования. В 1950 году в стране насчитывалось лишь 3794 телевизора. Только к концу 1950-х годов телевидение превратилось в веду-

[1] С 1986 года газета называется *Le Parisien* («Паризьен» — «Парижанин»).

щее средство массовой информации. В 1960 году телевизоры были в домах у 1900 тыс. французов.

Государственная монополия на телевидение и радиовещание просуществовала до начала 1980-х годов. Ее упразднил президент Франции **Франсуа Миттеран** (1916–1996) законами от 9 ноября 1981 года и 29 июля 1982 года.

Вопросы для повторения

1. Французская пресса в годы оккупации.
2. Шарль де Голль как оратор.
3. Ситуация во французской прессе после освобождения страны.
4. Ордонанс Временного правительства от 30 сентября 1944 года о прессе.
5. Становление новой системы прессы во Франции.
6. Новые периодические издания, возникшие после освобождения.
7. Юбер Бев-Мери и газета *Le Monde*.
8. Альбер Камю — журналист и публицист.
9. Франсуа Мориак — публицист.
10. Коммунистическая пресса Франции в подполье и после войны.
11. Особенности развития журналистики в годы Четвертой республики.
12. Освещение французской прессой колониальных войн.
13. Мадлен Риффо — журналист и репортер.
14. Анри Аллег — журналист и публицист.
15. Де Голль и журналистика Пятой республики.
16. Студенческая революция 1968 года и пресса.
17. Публицисты и журналисты мая 1968 года.
18. Коммунистическая пресса в мае 1968 года.
19. Медиагруппы Франции в 1970-е годы и их продукция.
20. Группа «Ашетт» и ее издания.
21. Группа Робера Эрсана и ее издания.
22. Становление и развитие радиовещания во Франции.
23. Становление и развитие французского телевидения.

Рекомендуемая литература

Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999.

Вачнадзе Г. Н. Печать V Республики (1958–1968). М., 1969.

Захарова М. В. Выживет ли французская национальная ежедневная газета? // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2009. № 6.

Шарончикова Л. В. Пресса Франции в меняющемся мире (1944–2004 гг.). М., 2006.

Шарончикова Л. В. Радиовещание и телевидение Франции. М., 2011.

Шарончикова Л. В. Французская журналистика в 1944–1958 гг. М., 2001.

Первоисточники

Аллег Анри. Допрос под пыткой. М., 1958.

Камю А. Творчество и свобода: Статьи, эссе, записные книжки. М., 1990.

Мориак Франсуа. Не покоряться ночи: Художественная публицистика. М., 1986.

Риффо Мадлен. От вашего специального корреспондента... М., 1965.

Дополнительная литература

Видясова Л. М. Современная французская печать. М., 1963.

Золотуха Л. Н. Периодическая печать Франции // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1986. № 5.

Константинова Т. П. Коммунистическая печать Франции. 1944–1947. М., 1973.

Сафонов И. И. Радиовещание и телевидение Франции. 1921–1974 гг. М., 1976.

Соломонов Ю. Ю. Региональная пресса Франции: История и секреты успеха ежедневных газет. М., 2003.

Шарончикова Л. В. Буржуазные средства массовой информации Франции. М., 1988.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ГЕРМАНИИ в 1945–1989 годах

Ситуация в германской журналистике в 1945–1949 годах. — Становление и развитие системы СМИ ФРГ. — Газетно-журнальные империи ФРГ в 1970–1980-е годы. — Развитие радиовещания и телевидения ФРГ. — Становление и развитие системы СМИ ГДР в 1949–1989 годах.

Ситуация в германской журналистике в 1945–1949 годах

В мае 1945 года окончилась история Третьего рейха. Нацистская Германия потерпела полный военный и политический крах. Согласно договоренностям руководителей СССР, США и Великобритании, Германию разделили на четыре зоны оккупации. Восточную часть страны контролировал Советский Союз, в западной части находились американская, британская и французская зоны оккупации. На четыре сектора был разделен и Берлин. Это обстоятельство коренным образом повлияло как на дальнейшее политическое устройство Западной и Восточной Германии, так и на развитие журналистики в каждой из них.

Основной упор политики держав-победительниц был направлен на демократизацию, денацификацию и демилитаризацию страны. Прежде всего, по всей Германии были запрещены все нацистские средства массовой информации. Вопрос о дальнейшей профессиональной деятельности журналистов, работавших в закрытых изданиях, решался в индивидуальном порядке. Наиболее активным сотрудникам нацистских СМИ, членам НСДАП запрещалось впредь издавать газеты. Для других журналистов этот запрет сохранялся лишь на определенный срок. Третьи, лишь немногие из них, смогли продолжить работать по специальности после войны. В основном это были противники нацистского режима, участники Движения Сопротивления, преследовавшиеся властями в годы Третьего рейха. Таким образом, новая система СМИ стала создаваться, по сути, с нуля. Именно поэтому послевоенную германскую прессу называют *«газетами часа ноль»*.

Вместе с тем, чтобы немцы не оказались в информационном вакууме, оккупационные власти во всех зонах уже с первых послевоенных дней стали возрождать издание газет. Сначала выходили информационные листки и газеты военного командования союзников, затем под

их контролем стали появляться собственно германские периодические издания.

Для разрешения на издание газеты необходимо было получить лицензию у военной администрации. В западных секторах оккупации лицензии выдавались частным лицам, в восточном, советском секторе — лишь политическим партиям и общественным организациям. Получившим лицензию издателям запрещалось не только критиковать политику оккупационных властей, но также использовать любую символику Третьего рейха, даже готический шрифт, которым печатались нацистские газеты, равно как и названия прежних газет. Регламентировались цена периодических изданий, регион их распространения, плата за рекламу и т.п.

Как и до прихода к власти нацистов, пресса послевоенной Германии вновь стала носить региональный и надрегиональный характер и развиваться сначала в рамках оккупационных зон, а затем — федеральных земель. Общенациональных газет создано не было: в каждой зоне оккупации были свои правила, регламентировавшие возрождение и развитие прессы.

В первые послевоенные годы в Германии появились газеты, которые со временем стали наиболее авторитетными и влиятельными. 1 августа 1945 года во Франкфурте-на-Майне, входившим в американскую зону оккупации, увидел свет первый номер газеты ***Frankfurter Rundschau*** («Франкфуртер рундшау» — «Франкфуртское обозрение»). Лицензия позволяла распространять ее на одной четвертой части территории Германии. Как пишет Г. Ф. Вороненкова, газета «имела невероятный для тех времен тираж в 400 тыс. экземпляров. Вместе с другими газетами *Frankfurter Rundschau* оказала существенное влияние на формирование основ информационного пространства в Германии и во многом — немецкого демократического государства»[1].

6 октября 1945 года в Мюнхене вышел первый номер газеты ***Süddeutsche Zeitung*** («Зюддойче цайтунг» — «Южногерманская газета»), которая со временем стала не только ведущей газетой Баварии, но и одним из самых авторитетных периодических изданий Германии.

В Гамбурге, входившем в британскую зону оккупации, 21 февраля 1946 года появилась политическая еженедельная газета ***Die Zeit*** («Ди Цайт» — «Время»), а 2 апреля 1946 года начала выходить газета ***Die Welt*** («Ди Вельт» — «Мир»). Всего за три года ее тираж увеличился с 250 тыс. до одного 1 млн экземпляров.

В британской зоне оккупации с 4 января 1947 года начал издаваться также информационно-политический еженедельник ***Der Spiegel*** («Дер Шпигель» — «Зеркало»). Лицензию на его издание получил издатель и

---

[1] *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества. С. 323.

редактор **Рудольф Аугштайн** (1923–2002). Позиция журнала по общественно-политическим вопросам почти всегда не совпадала ни с официальной точкой зрения властей, ни с мнением подавляющего большинства германских периодических изданий. По словам Г. Ф. Вороненковой, «*Der Spiegel* всегда стоял особняком в газетно-журнальном ландшафте, но при этом играл заметную роль в политической жизни страны. Критики журнала обвиняли его в соединении несовместимых фактов и мнений, в желании играть миссионерскую роль, в одностороннем информировании, в циничном желании над всем иронизировать и насмехаться»[1].

Так, например, в конце 1950-х — начале 1960-х годов *Der Spiegel* жестко критиковал намерения министра обороны ФРГ **Франца Йозефа Штрауса** (1915–1988), одного из наиболее агрессивно настроенных к СССР политиков, превратить Западную Германию в ядерную державу. По мнению журнала, в случае начала третьей мировой войны ФРГ будет стерта с лица земли советским ядерным оружием. 10 октября 1962 года *Der Spiegel* опубликовал статью «Условно обороноспособны», где давалась оценка только что прошедшим военным учениям армий стран НАТО. Журнал утверждал, что в случае войны объединенные силы НАТО смогут удержать ФРГ лишь на две недели, а затем страна будет оккупирована Советским Союзом.

В результате этой публикации разразился грандиозный скандал. Штраус обвинил *Der Spiegel* в разглашении государственной тайны, а самого Аугштайна — в измене родине. По его приказу здание редакции захватил отряд спецназа министерства обороны, который, в обход закона, арестовал всех находившихся на работе сотрудников во главе с Аугштайном. Однако через три с половиной месяца журналисты были полностью оправданы и освобождены, а Штраус вынужден был уйти в почетную отставку.

1 августа 1948 года увидел свет первый номер политического журнала ***Stern*** («Штерн» — «Звезда»). Этот гамбургский еженедельник наряду с *Der Spiegel* вскоре стал популярным и авторитетным изданием. Однако впоследствии, в 1983 году, с ним был связан крупный медиаскандал. *Stern* опубликовал неизвестные ранее дневники Гитлера якобы из его личного архива. Вскоре выяснилось, что дневники — подделка некоего афериста, и журнал потерял прежнюю репутацию раз и навсегда.

В советской зоне оккупации германская журналистика восстанавливалась по примеру жесткой вертикальной системы прессы Советского Союза, но в то же время с учетом существовавшей в Германии многопартийности. 23 апреля 1946 года в восточном секторе Берлина вышел первый номер газеты ***Neues Deutschland*** («Нойес Дойчланд» — «Новая

---

[1] *Вороненкова Г. Ф.* Указ. соч. С. 366.

Германия»). Это был центральный орган Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ) — просоветской партии, стоявшей у власти в Восточной Германии более сорока лет.

Таким образом, в 1945–1949 годах при непосредственном контроле и участии оккупационных властей стала формироваться новая система средств массовой информации Германии.

Становление и развитие системы СМИ ФРГ

7 сентября 1949 года на месте британской, американской и французской зон оккупации была провозглашена Федеративная республика Германии (ФРГ) со столицей в небольшом городке Бонне. Спустя месяц, 7 октября 1949 года, в советской зоне оккупации образовалась Германская Демократическая республика (ГДР) со столицей в Восточном Берлине. Размежевание Германии на два государства с различными политическими системами стало фактом. В течение последующих четырех десятилетий журналистика в обеих частях некогда единой страны развивалась в диаметрально противоположных направлениях: демократическом в ФРГ и авторитарном в ГДР.

С первых дней своего существования ФРГ активно включилась в идеологическое противостояние стран Запада с Советским Союзом. Большую роль в осуществлении этой политики сыграл первый канцлер ФРГ **Конрад Аденауэр** (1876–1967), руководивший страной до 1963 года. Его целью было исключить даже минимальное влияние СССР (который Аденауэр считал антихристианским государством) и коммунистических идей на его страну и западных немцев. В ФРГ, как в свое время в Третьем рейхе, по инициативе Аденауэра долгие годы была запрещена коммунистическая партия.

Еще в 1948–1949 годах оккупационные власти упразднили систему лицензирования прессы. Был принят закон, разрешавший открывать газету любому немцу. Конституция ФРГ, принятая в 1949 году, законодательно закрепила свободу печати. В то же время общенациональной германской прессы создано не было, развитие журналистики носило земельный, региональный характер.

1 ноября 1949 года во Франкфурте-на-Майне начала выходить качественная газета ***Frankfurter Allgemeine Zeitung*** («Франкфуртер альгемайне цайтунг» — «Франкфуртская всеобщая газета»). Обязанности ее главного редактора выполняет коллегия из пяти издателей, которая и определяет газетную политику. Несмотря на небольшой тираж, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* стала одной из самых влиятельных газет не только Германии, но и Европы.

24 июня 1952 года в Гамбурге тиражом в 455 тыс. экземпляров вышел первый номер газеты ***Bild-Zeitung*** («Бильд-Цайтунг» — «Картинка

газета»). Ее создатель **Аксель Цезарь Шпрингер** (1912–1985) взял за образец британскую бульварную газету *The Daily Mirror*. *Bild Zeitung* была самой дешевой и доступной из всех германских газет, крупнейшей массовой надрегиональной газетой Германии. Она быстро завоевала популярность в народе во многом благодаря скандальным и сенсационным публикациям, а также спортивным новостям, которые занимают до половины объема газеты.

К середине 1950-х годов сложились основные особенности развития западногерманской журналистики. Прежде всего, они заключались в полном отсутствии столичной общенациональной прессы и преобладающем количестве региональных периодических изданий с местными выпусками. Кроме того, печать политических партий была слаборазвитой и не пользовалась популярностью, в отличие от независимых газет. Этому во многом способствовала политика оккупационных властей, опасавшихся появления в Германии крупных политических сил. Активный процесс *концентрации печати* — уменьшение числа периодических изданий за счет их слияния или поглощения сильными газетами слабых — привел к доминированию ведущих медиаконцернов.

В 1955 году были установлены дипломатические отношения между ФРГ и СССР. Тем не менее «холодная война» в политике и журналистике продолжалась, достигнув пика в 1961 году, во время Берлинского политического кризиса, который едва не привел к началу третьей мировой войны. Сооруженная 13 августа 1961 года вокруг Западного Берлина *Берлинская стена* — комплекс неприступных бетонных сооружений протяженностью 155 км — стала символом «холодной войны»[1].

В 1960-е годы в Западной Германии резко усилились выступления леворадикальных политических сил и в частности так называемой «Фракции Красной Армии» — молодежной террористической группировки. В апреле 1968 года леворадикалы подожгли два торговых центра во Франкфурте, западноберлинскую редакцию медиаконцерна Шпрингера. На суде они объяснили свои действия протестом против безразличия германского общества к убийствам американскими войсками мирного населения во Вьетнаме. Одной из поджигательниц франкфуртского универмага и руководительниц «Фракции Красной Армии» была террористка и журналистка **Ульрика Мария Майнхоф** (1934–1976), главный редактор леворадикального молодежного журнала *Konkret* («Конкрет»), выходящего с 1957 года в Гамбурге. В своих статьях она подробно описывала акции, совершенные членами ее группировки.

---

[1] Берлинская стена как неприступная граница между Западным и Восточным Берлином и — шире — между капиталистическим и социалистическим миром пала 9 ноября 1989 года. Падение Берлинской стены стало символическим завершением «холодной войны» и началом объединения Германии.

Газетно-журнальные империи ФРГ в 1970–1980-е годы

Начало 1970-х годов характеризуется в международных отношениях наступлением эпохи *разрядки международной напряженности*. В 1970 году канцлер ФРГ **Вилли Брандт** (1913–1992) подписал от имени ФРГ договоры о признании послевоенных границ с Польшей и Советским Союзом. Впоследствии были заключены и другие важные соглашения. Эти обстоятельства способствовали ослаблению идеологизации западногерманской журналистики.

В первой половине 1970-х годов продолжал развитие начатый еще в 1950-е годы процесс концентрации печати. За два с лишним десятилетия количество газет и журналов в Германии сократилось более чем в два раза: с 225 в 1954 году до 121 в 1976 году. От этого выиграли, в первую очередь, медиаконцерны.

Крупнейший германский концерн создал **Аксель Цезарь Шпрингер**. В декабре 1946 года в Гамбурге он получил от британских оккупационных властей лицензию на издание своей первой газеты *Hörzu* («Херцу» — «Послушай-ка!»). В 1948 году Шпрингер открыл газету *Hamburger Abendblatt* («Хамбургер абендблат» — «Гамбургский вечерний листок»), в 1952 году — *Bild-Zeitung*, в 1953 году — *Die Welt*. Затем, в 1959 году, Шпрингер купил западноберлинскую газету *Berliner Morgenpost* («Берлинер моргенпост» — «Берлинская утренняя почта»). В 1970-е годы концерн Шпрингера значительно расширился за счет покупки региональных периодических изданий, а также многочисленных журналов.

Шпрингер последовательно выступал за объединение Германии. Он до конца своих дней не признавал ГДР и заставлял своих журналистов писать название этой страны в кавычках.

Другой влиятельный издательско-полиграфический концерн, **Бертельсман**, основал Карл Бертельсман еще в 1835 году. В 1947 году деятельность концерна возобновил **Рейнхард Мон** (1921–2009), потомок Бертельсмана в пятом колене. Штаб-квартира концерна расположена в городе Гютерсло, в Северной Рейн-Вестфалии. Бертельсману принадлежат газета *Die Zeit*, журнал *Stern*, крупнейшее издательство *Gruner und Jahr*. Кроме того, концерн владеет несколькими десятками газетно-журнальных, книжных и музыкальных издательств, фирмами по производству аудио- и видеопродукции и т.п. — в общей сложности более ста различных фирм. Г. Ф. Вороненкова считает, что «создание этого конгломерата можно назвать апофеозом процесса концентрации СМИ, потому что он показал пример слияния капитала различных медиаотраслей, который актуален по настоящее время»[1].

[1] *Вороненкова Г. Ф.* Указ. соч. С. 375.

Другие крупнейшие журнально-издательские концерны ФРГ — **Медиагруппа Генриха Бауэра** и **Хуберт Бурда Медиа**.

Развитие радиовещания и телевидения ФРГ

Радиотрансляционная сеть Германии была сильно разрушена в 1944–1945 годах бомбежками союзных войск и боями, но сразу по окончании войны восстановлена. Союзное командование использовало радиовещание как доступное каждому немцу средство коммуникации (каждая семья имела радиоприемник со времен Третьего рейха). Первые радиопередачи начались в то время, когда нацистской прессы уже не существовало, а новых газет еще не было.

В западных секторах оккупации Германии была введена система общественно-правового телевидения и радиовещания, предусматривавшая участие в выработке информационной политики правительства, парламента и общественных организаций. В советском секторе радиовещание оставалось исключительно государственным. Телевещание в первые послевоенные годы во всех зонах оккупации было запрещено.

В 1948–1949 годах в Западной Германии сформировалась правовая база радиовещания, которое, как и пресса, развивалось по земельному принципу. В 1950 году все радиокомпании ФРГ объединились в *ARD* (АРД — Рабочее содружество общественно-правовых радиокомпаний Германии). В 1954 году в *ARD* вошло и телевидение, которое начало вещание в 1953 году.

В 1955 году страны-победительницы предоставили ФРГ полный суверенитет, который распространился и на информационную политику. С этого момента началось усиленное развитие телевидения. Так, например, в 1957 году западные немцы имели один миллион телевизоров, а в 1960-м — уже три миллиона. Объем времени, отведенного на телерекламу, был ограничен двадцатью минутами в сутки.

Более тридцати лет телевидение ФРГ носило исключительно общественно-правовой характер. Частное телевещание появилось в стране после длительных дискуссий лишь в январе 1985 года.

Становление и развитие системы СМИ ГДР в 1949–1989 годах

Еще до образования Германской Демократической Республики система средств массовой информации и пропаганды в восточной зоне оккупации стала создаваться по примеру авторитарной советской модели. Она имела вертикальную структуру, жесткую цензуру, полностью финансировалась из государственного бюджета и управлялась из еди-

ного центра — Центрального комитета правящей СЕПГ (Социалистической Единой партии Германии). Главной газетой СЕПГ и, соответственно, всей ГДР все сорок лет ее существования оставалась ***Neues Deutschland***, подобие советской газеты «Правда». Ее тираж составлял чуть более 1 млн экземпляров.

СЕПГ издавала 16 ежедневных газет общим разовым тиражом более 5 млн экземпляров — при населении ГДР около 17 млн человек.

Важное место в журналистике страны занимала молодежная и профсоюзная печать. Так, орган Союза свободной немецкой молодежи (восточногерманское подобие ВЛКСМ — Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи) газета *Junge Welt* («Юнге вельт» — «Молодой мир»), основанный в 1947 году аналог органа ВЛКСМ «Комсомольская правда», имела тираж 1120 тыс. экземпляров. Профсоюзная газета *Tribüne* («Трибюне» — «Трибуна»), издававшаяся по примеру советской профсоюзной газеты «Труд» с 1947 года, выходила более чем четырехсоттысячным тиражом.

При этом формально в ГДР сохранялась многопартийная система. Но все четыре альтернативные политические партии страны безоговорочно признавали руководящую и направляющую роль СЕПГ, что даже было закреплено конституцией. Все эти партии выпускали свои газеты, но ни о каких программных различиях или политических дискуссиях в прессе не могло идти и речи.

Радиовещание велось в освобожденной Восточной Германии с 1945 года, телепередачи появились в ГДР в декабре 1952 года. Телевидение и радиовещание были подчинены соответствующим государственным комитетам при совете министров ГДР.

Граждане «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» не имели никакой возможности читать прессу ФРГ и Западного Берлина, живя, таким образом, в некоем информационном вольере. *Берлинская стена*, с 1961 года разделявшая город на западную и восточную части, была не только неприступным пограничным сооружением, но и препятствовала информационному обмену. Даже обычные контакты между берлинцами, разделенными стеной, долгие годы были невозможны.

9 ноября 1989 года началось разрушение *Берлинской стены*. В страну стала свободно поступать западногерманская пресса. И в течение нескольких месяцев наступил коллапс всей системы средств массовой информации и пропаганды ГДР. Меньше, чем через год, 3 октября 1990 года, произошло объединение Германии.

Вопросы для повторения

1. Ситуация в германской журналистике в 1945–1949 годах.
2. Политика оккупационных властей Германии в отношении прессы.
3. Первые германские послевоенные газеты.

4. Особенности первого послевоенного периода развития журналистики Германии.
5. Новые газеты и журналы Германии.
6. Становление системы СМИ ФРГ.
7. Особенности прессы ФРГ.
8. Надрегиональная пресса Западной Германии.
9. «Холодная война» и журналистика ФРГ.
10. Пресса и газетные империи ФРГ в 1970–1980-е годы.
11. Медиаконцерн Акселя Цезаря Шпрингера.
12. Медиаконцерн Бертельсмана.
13. Развитие радиовещания в ФРГ.
14. Развитие телевидения в ФРГ.
15. Становление и развитие системы СМИ ГДР.
16. Особенности журналистики ГДР.
17. Сравнительная характеристика СМИ ФРГ и ГДР.

Рекомендуемая литература

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного бюллетеня. М., 1999.

Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. СПб., 2001.

Орлов Ю. Я. Печать ФРГ. М., 1970.

Дополнительная литература

Вороненкова Г. Ф. Печать ГДР. 1981–1984. М., 1985.

Сумленный Сергей. Немецкая система: Из чего сделана Германия и как она работает. М., 2010.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ в 1989–2011 годах

Окончание «холодной войны» и журналистика. — Глобализация в средствах массовой информации. — Новые информационные технологии и журналистика. — Журналистика и информационное общество. — Новые тенденции развития СМИ.

Окончание «холодной войны» и журналистика

В течение 1989 года потерпели поражение просоветские коммунистические режимы в странах Центральной и Восточной Европы. Распался и военный блок просоветских стран — Варшавский договор. Слом Берлинской стены, начавшийся 9 ноября 1989 года, стал символом крушения восточноевропейского социалистического лагеря и окончания «холодной войны».

Демократизация общественно-политической жизни в бывших социалистических странах привела к созданию новой системы средств массовой информации, в которой большую роль стал играть западный медиакапитал. Новые газеты, телеканалы и радиостанции существовали вместе с газетами, которые в прежнюю эпоху являлись партийными органами, а теперь, порвав с коммунистической пропагандой, сохранили свои позиции как издания левой политической направленности.

В 1990 году в СССР начался системный экономический кризис, который сопровождался кризисом коммунистической идеологии. Во многом этому способствовала появившаяся у людей возможность сравнивать уровень жизни в Советском Союзе и на Западе, который прежде, благодаря средствам массовой информации, воспринимался как сосредоточение мирового зла. Советская журналистика на протяжении десятилетий «холодной войны» внушала миллионам читателей, слушателей и зрителей, что в западных странах, в первую очередь в США, крайне низкий уровень жизни, огромная безработица, нищета, отсутствие социальных гарантий и т.п.

Кризис привел, в конечном итоге, к распаду СССР, который был зафиксирован 8 декабря 1991 года провозглашением на территории Советского Союза СНГ — Содружества Независимых государств. В СНГ вошли двенадцать бывших союзных республик, за исключением Эстонии, Латвии, Литвы.

Летом 1991 года начался также распад Югославии, вылившийся в кровопролитную четырехлетнюю войну между ее бывшими республиками — прежде всего, Сербией и Хорватией. В настоящее время на территории Югославии создано шесть (а если считать непризнанное Косово, то семь) независимых государств.

В отличие от Югославии, распад Чехословакии на Чехию и Словакию с 1 января 1993 года носил исключительно мирный характер и вошел в историю как «бархатный развод».

Появление на политической карте Евразии более двух десятков новых государств привело к значительному расширению рамок зарубежной журналистики и даже смещению некоторых географических понятий. Так, например, в годы «холодной войны» понятие *Восточная Европа* носило во многом идеологический характер и прочно ассоциировалось с социалистическими странами — участницами Варшавского договора. Теперь Восточной Европой называют европейские республики бывшего СССР, в том числе и Россию (что, безусловно, правильнее с географической точки зрения), а для общего обозначения стран бывшего социалистического лагеря используется понятие *Центральная Европа*.

В новых странах Евразии сложившаяся система средств массовой информации состоит из традиционных периодических изданий, выходивших еще при старом административно-государственном устройстве, и новых, появившихся, как правило, в первые годы независимости.

Глобализация в средствах массовой информации

На рубеже 1980–1990-х годов **глобализация** — процесс всемирной политической, экономической и культурной интеграции, унификации — затронула и мировую журналистику. Средства массовой информации, освободившиеся от идеологических стереотипов, вступили в эпоху глобализации.

> «В мире происходят три важных процесса в обмене информацией, — пишет Я. Н. Засурский. — С одной стороны — это глобализм, или глобализация, т.е. быстрый обмен информацией со всем миром. С другой стороны, благодаря тому же Интернету, возможно развитие малых местных структур: современные информационно-коммуникационные сети дают возможность малым группам, в том числе и этническим, присутствовать в виртуальном пространстве, объединяя своих представителей вне зависимости от государственных границ и географических расстояний. При этом современные глобальные сети не только объединяют, но одновременно дают возможность для приватности и создания малых сетей и малых групп. И, наконец, третья

особенность современного развития — это технологизм, особая роль новых технологий в развитии общества»[1].

Одна британская и три американские газеты вышли за рамки национальных границ и стали глобальными: ***Financial Times*** («Файнэншл таймс»), ***The Wall Street Journal*** («Уолл-стрит джорнэл»), ***The USA Today*** («Ю.Эс.Эй. тудэй») и ***International Herald Tribune*** («Интернэшнл геральд трибьюн»). Все эти газеты англоязычные, они издаются на всех континентах. При этом *Financial Times* и *The Wall Street Journal* — деловые, экономические газеты; *The USA Today* — массовое периодическое издание; *International Herald Tribune* — по сути, газета-дайджест, состоящая большей частью из новостей газеты *The New York Times*.

Financial Times была основана в 1888 году. Она принадлежит медиахолдингу Пирсона и публикует преимущественно финансовые и бизнес-новости. Газета печатается по традиции на бумаге розово-рыжего цвета в двадцати четырех крупнейших городах мира. Ее общий тираж составляет около 390 тыс. экземпляров. Штаб-квартира главной редакции *Financial Times* по-прежнему находится в Лондоне.

The Wall Street Journal выходит в Нью-Йорке с 1889 года. Ее издает компания Доу-Джонса. Как и *Financial Times*, газета освещает международные финансовые и банковские новости, но преимущественно с американских позиций. Она имеет устоявшийся имидж консервативной газеты. Помимо американского, существуют европейский и азиатский выпуски (*The Wall Street Journal Europe* и *The Wall Street Journal Asia*, соответственно). Тираж газеты — более 2100 тыс. экземпляров. По статистике, средний читатель *The Wall Street Journal* имеет средний ежемесячный доход около 20 тыс. долл. США.

The USA Today — самая молодая из всех глобальных газет. Она издается с 1982 года медиаконгломератом *Ганнет компани*. Изначальной целью основателей было создание общенациональной газеты США. Она отличается от всех остальных глобальных периодических изданий как простым языком и легкой формой подачи новостных материалов, так и броским оформлением, в том числе яркими графиками, диаграммами, картами погоды. Основные читатели *The USA Today* — это американцы, путешествующие за пределами США, а также иностранные студенты, изучающие английский язык. Тираж газеты долгое время был на втором месте в мире среди англоязычных периодических изданий крупного формата[2]. В 2008 году он составил 2250 тыс. экземпляров, но к марту 2010 года упал до 1800 тыс. экземпляров.

---

[1] *Засурский Я. Н.* Информационное общество, Интернет и новые средства массовой информации // Информационное общество. 2001. № 2. С. 24.

[2] Первое место занимает газета *The Times of India*. Она издается в Бомбее тиражом 3433 тыс. экземпляров.

International Herald Tribune ведет свою историю от основанной в 1887 году в Париже газеты *The New York Herald*. В 1959 году газету купил посол США в Великобритании Джон Уитни. В 1966 году ее совладельцем стала *The Washington Post*, а в 1967 году — *The New York Times*. Тогда же газета получила современное название. В 1991 году *The Washington Post* и *The New York Times* п1

остались единственными и равными совладельцами, а в 2003 году единственным собственником газеты стала *The New York Times*. Сегодня *International Herald Tribune* печатается в 40 городах мира и распространяется в 180 странах тиражом более 240 тыс. экземпляров. Кроме того, *International Herald Tribune* имеет десять аффилированных газет (т.е. присоединенных к ней) в Европе, Азии, Африке. Среди них такие авторитетные периодические издания, как испанская *El País* («Эль Паис» — «Страна»), израильская *Ha'aretz* («Ха-Арец» — «Страна»), японская *Asahi Shimbun* («Асахи симбун» — «Восход солнца») и другие, а также единственная ежедневная российская англоязычная газета *The Moscow Times* («Москоу таймс» — «Московские времена»). В каждый местный номер *International Herald Tribune* вкладывается свежий англоязычный выпуск соответствующей аффилированной газеты.

Вместе с тем глобализация приводит к дальнейшему развитию местной прессы, которая становится все более влиятельной информационной силой в городах и регионах своего распространения.

Региональный сценарий глобализации получил название **глокализация**. Так называется приспособление глобального продукта к условиям местного рынка. Глокализация проявляется, в частности, в создании региональных полос или вкладок в общенациональных газетах, в освещении региональных новостей телеканалами глобальных новостных сетей и т.п.

Глобализация в радиовещании привела к соединению глобального и местного вещания. Из-за удешевления передачи радиосигнала произошло сокращение числа общенациональных радиокомпаний и резкое увеличение количества местных радиостанций.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов дальнейшее развитие кабельного телевидения и прямого спутникового вещания привело к созданию глобальных телеканалов. Их можно условно разделить на информационные, научно-популярные и развлекательные. К информационным относятся, прежде всего, универсальные круглосуточные телеканалы новостей — *CNN International* («Си-эн-эн интернэшнл») и *BBC World* («Би-би-си уорлд»). Универсальные научно-популярные каналы — *National Geographic* («Нэшнл джеогрэфик») и *Discovery* («Дискавери»). Из развлекательных наиболее известны музыкальный канал *MTV* («Эм-Тэ-Вэ»), канал кинофильмов *TNT* («Тэ-Эн-Тэ») и др.

Новые информационные технологии и журналистика

Процесс глобализации средств массовой информации принял новые формы после внедрения в жизнь глобальной сети **Интернет** (*World Wide Web*). Датой рождения Интернета считается **29 октября 1969 года**, когда был проведен первый успешный сеанс связи между двумя компьютерами, один из которых находился в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, другой — на расстоянии в 640 км, в Стэндфордском исследовательском институте. Эти опыты финансировались министерством обороны США и носили секретный характер. Их целью было создание надежной системы передачи информации на случай войны с СССР.

В 1973 году эта сеть стала международной: через трансатлантический кабель к ней подключили несколько британских и норвежских компьютеров. В 1983 году сеть получила название *Интернет*. В 1984 году была внедрена система доменных имен.

Большую роль в развитии глобальной сети Интернет сыграл **Альберт Гор** (р. 1948), который с 1993 по 2001 год был вице-президентом США. Многие называют его отцом Интернета. После избрания президентом Соединенных Штатов Билла Клинтона по инициативе Гора Интернет был полностью рассекречен. Гор выдвинул идею создания **информационной супермагистрали** (*information superhigway*) — огромной паутины высокоскоростных цифровых телекоммуникационных сетей, представляющих информационные, образовательные и развлекательные услуги компаниям и частным лицам без ограничений.

По замыслу Гора, информационная супермагистраль должна предоставить всеобщий доступ к различным информационным услугам торговых предприятий, коммерческим базам данным, электронным версиям периодических изданий, библиотечным каталогам, правительственным документам и т.д. Эта супермагистраль предусматривает развитие концепции удаленного общения. При помощи сети появляется возможность дистанционно работать на дому, учиться, участвовать в конференциях и даже совершать финансовые сделки, не прибегая к наличным деньгам. Таким образом, информационная супермагистраль существенно изменяет жизнь всего общества.

Массовое развитие Интернета значительно изменило журналистику и существенно повлияло на глобализацию средств массовой информации. В течение короткого времени у подавляющего большинства периодических изданий, радиостанций и телеканалов появились электронные версии, благодаря которым они приобрели доступ к значительно более широкой аудитории по всему земному шару. Кроме того, в разных странах стали появляться новостные издания, которые существуют исключительно в Интернете.

Таким образом, с развитием Интернета, ресурсы которого — открытое информационное пространство, сущность глобализации СМИ изменилась. Теперь любое средство массовой информации, имеющее электронную версию, выходит за рамки региона своего распространения и становится, по сути, глобальным.

Расширение поля деятельности средств массовой информации происходит во многом за счет быстрого роста числа пользователей Интернета, мобильной связи и расширения ее возможностей, а также благодаря дальнейшему развитию цифрового телевидения, радио, электронных версий традиционной прессы. В первое десятилетие XXI века в мире происходит мобильная революция.

В 2000 году во всем мире насчитывалось всего 720 млн пользователей сотовых телефонов.

> «Если в 2004 году количество сотовых телефонов в мире достигло 1 млрд 650 млн и это означало, что на одного из четырех граждан приходился один сотовый телефон, то в 2008 году число сотовых телефонов перешагнуло черту в 3,5 млрд, — пишет Я. Н. Засурский. — Почти половина человечества имеет сегодня доступ к мобильной связи. А через средства мобильной связи — доступ часто возможен и к газетам, и к телевидению, и к радио, и, конечно, к Интернету, что еще больше подчеркивает важность развития этого информационно-коммуникационного сектора»[1].

В июле 2010 года количество пользователей мобильных телефонов достигло отметки в 5 млрд человек. Сегодня это число увеличивается на 2 млн человек ежедневно — прежде всего, за счет жителей Китая и Индии.

Мобильные телефоны используются не только как средство связи и коммуникации, но также как средство массовой информации. Так, например, в некоторых странах во время предвыборных кампаний избиратели зазываются на избирательные участки с помощью *sms*-сообщений. Миллионы владельцев мобильных телефонов подписываются на новости, которые также приходят в *sms*-сообщениях.

Мобильная телефония привела к расширению возможностей традиционной журналистики. Многие средства массовой информации покупают новости у владельцев мобильных телефонов, оказавшихся волею случая в центре того или иного события быстрее профессиональных журналистов. Это может быть как текстовая информация, так и фотоснимки и видеоролики. Так, например, первую информацию о террористическом акте в московском аэропорту Домодедово 24 января 2011 года распространили через мобильные телефоны очевидцы трагедии в первые же минуты после прогремевшего взрыва. И Президент

---

[1] *Засурский Я. Н.* СМИ вступают в эпоху мобильной коммуникации // К мобильному обществу: Утопии и реальность / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2009. С. 12.

России Д. А. Медведев узнал об этом теракте не от руководителей спецслужб, а через твиттер.

Твиттер (от англ. *tweet* — чирикать, щебетать, болтать) — система, позволяющая пользователям отправлять короткие, не более 140 символов, текстовые заметки, — был создан в 2006 году в США. В январе 2011 года твиттер насчитывал более 200 млн пользователей. Главная отличительная особенность твиттера — публичная доступность размещенных сообщений, как и в блогах.

Блог (от англ. *blog*, от *web log* — интернет-журнал событий, интернет-дневник) — персональный веб-сайт, содержащий текст, изображение или мультимедиа. Первые блоги появились в США в 1992 году, их широкое распространение началось со второй половины 1990-х годов. По сути, блог является модификацией традиционного личного дневника. Однако блоги, будучи в Интернете, носят публичный характер и допускают чтение и комментирование записей блогера (автора блога) посторонними людьми. Совокупность всех блогов называется **блогосфера**.

Блоги являются не только площадкой для выражения собственного мнения и дискуссий, но и важным источником информации для традиционных СМИ, мощным средством в политической и предвыборной борьбе, современным способом привлечения сторонников. Сегодня у большинства руководителей ведущих стран мира, у многих высших государственных чиновников, деятелей науки, искусства, публичных людей есть собственные блоги. Так, например, блогерами являются президент США Барак Обама, вице-президент США Хиллари Клинтон, канцлер Германии Ангела Меркель, президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, Президент России Дмитрий Медведев.

Нередко блоги выступают не просто как источник информации, но и как прямая альтернатива официальным средствам массовой информации. Так, например, в 2003 году, когда началось вторжение США в Ирак, некоторые американские солдаты, участвовавшие в этой войне, вели блоги прямо с мест боевых действий. Блогеры публиковали информацию, которая значительно расходилась с официальной версией администрации США и нанесла серьезный удар по американской пропаганде войны. Один из самых известных блогеров иракской войны — солдат-пехотинец Колби Баззел (р. 1976). Его блог под названием «Моя война: убивая время в Ираке» (*My War: Killing Time in Iraq*) приобрел такую популярность, что по возвращении с фронта домой Колби Баззела пригласили на работу в журнал *Esquire* («Эсквайр»).

Журналистика и информационное общество

Канадский философ и литературный критик **Маршалл Маклюэн** (1911–1980) еще в конце 1950-х — начале 1960-х годов начал изучать

воздействие коммуникации на человека и общество. В книге *«Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего»* (1962) Маклюэн, в частности, выделяет три этапа развития цивилизации. *Первый этап* — первобытная дописьменная культура, основанная на устных формах коммуникации и общинных принципах восприятия мира. В этой культуре преобладает устная коммуникация. *Второй этап* — письменно-печатная культура, характеризующаяся индивидуализмом и национализмом, которая породила человека новой, индустриальной формации. *Третий этап* — современный, эпоха электричества, для которой Маклюэн вводит понятия **электронное общество** и **глобальная деревня**. В результате совершенствования и распространения электронных средств массовой информации, пишет Маклюэн, мир сжался до размера деревни, возвращаясь, по сути, в первобытное состояние, и появилась возможность мгновенной передачи информации из одной точки земного шара в другую. Из-за этого люди из разных точек земного шара, тесно и легко общаясь друг с другом при помощи электронной связи, становятся ближе друг другу, как если бы они жили в одной деревне.

По мнению Маклюэна, телеграф, телефон, телевидение и компьютер, т.е. все электронные средства коммуникации, — суть продолжение нервной системы человека и, таким образом, непосредственно влияют на его общественную и психическую жизнь. Маклюэн предсказал, что с помощью средств массовой информации можно будет держать под контролем целые культуры и народы мира.

Сегодня, спустя три с лишним десятилетия после смерти Маклюэна, понятие **глобальная деревня** (*global village*), в которой ничего нельзя скрыть от окружающих, активно используется как иллюстрация безграничных возможностей Интернета.

Исследование коммуникаций Маклюэн продолжил в книге *«Понимание медиа: Внешние расширения человека»* (1964). Он отнес к средствам массовой коммуникации не только традиционные газету, радио и телевидение, но также телефон, книгопечатание, письменность и даже речь. Выступая против нейтральности журналистики, Маклюэн пишет, что та или иная эпоха определяется господством определенного вида медиа. Так, по его мнению, иероглифы привели к созданию египетской и других древних цивилизаций, алфавит ограничил власть жрецов, книгопечатание повлекло за собою Реформацию, а радио дало властям возможность манипулировать массами.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов информационные сети приобретают все большее влияние на развитие общества. Появляется термин **информационное общество** (*information society*) — современный этап развития цивилизации с главенствующей ролью информации, всесторонним воздействием информационно-коммуникационных технологий на общество в целом и человека в частности. Основные концепции

современного общества, в большей или меньшей степени базирующиеся на понятии *информация*, подробно и последовательно изложил в книге *«Теории информационного общества»* (1995) известный британский социолог **Фрэнк Уэбстер** (р. 1950).

Уэбстер разделил все эти теории на две группы. В первую группу вошли концепции постиндустриального общества Дэниела Белла, гибкой специализации Майкла Пайора, Чарльза Сейбла, информационного способа развития Мануэля Кастельса и постмодернизма, т.е. концепции, утверждавшие переход современного общества в информационную и постиндустриальную эпоху. Во второй группе оказались теории преемственности общественного устройства (неомарксизм, регуляционная теория, теория рефлексивной модернизации, концепция публичной сферы). Уэбстер открыто симпатизирует второй группе теорий, но в то же время рассматривает все теории с максимальной объективностью.

Один из крупнейших теоретиков информационного общества американский социолог **Мануэль Кастельс** (р. 1942) ставит во главу угла этой теории экономические аспекты. Основой новой экономики, по Кастельсу, становится информация, которую производят средства массовой коммуникации и поддерживают различные информационные технологии. В своем трехтомном исследовании *«Информационный век: Экономика, общество и культура»* (1996) Кастельс определяет информационное общество как основанное на информационных технологиях, создании и свободном распространении любой информации.

Обладание информационными технологиями, прежде всего Интернетом, считает Кастельс, — важнейший элемент глобализации. И наоборот: отставание бедных и слаборазвитых стран и регионов мира от информационного прогресса может привести к их исключению из мировой информационной системы. Такие страны Кастельс назвал *четвертым миром*. Впрочем, подобная дифференциация может происходить и на микроуровне, когда люди делятся, как прежде, не на богатых и бедных, а на интернет-имущих и интернет-неимущих.

Широкие и разнообразные возможности информационных технологий приводят к созданию новой социально-экономической системы, которая объединяет весь мир. Информационная эпоха, по мнению Кастельса, порождает не просто глобальное общество, но шире — **сетевое общество** (*network society*), общество, в котором значительная часть информационных взаимодействий производится с помощью информационных сетей.

> «Говоря о взаимоотношениях информационного общества и новых средств массовой информации, — пишет Я. Н. Засурский, — следует обратить внимание на три основных аспекта. Первый — возможности средств массовой информации на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий и Интернета. Второй — традиционные

средства массовой информации в условиях “интернетизации”. Третий — новые масс-медиа или новые средства массовой информации»[1].

Важнейший признак информационного общества — наличие свободных и хорошо развитых новых масс-медиа, опирающихся на современные технологии, на последние достижения коммуникации.

Главное отличие информационно-технологической революции конца XX — начала XXI века по сравнению с аналогичными процессами XIX и XX веков состоит в том, что прежние технологические революции длительное время оставались на ограниченной территории (например, экономическая революция во французской прессе 1830–1850-х годов практически не затронула соседние Германию, Испанию). Теперь же, со становлением информационного общества, новые информационные технологии в исключительно короткий срок распространяются практически по всей планете.

Новые тенденции развития СМИ

Эпоха информационного общества, становление которой приходится на рубеж XX–XXI веков, отмечена появлением и усиленным развитием многих новых направлений и понятий в журналистике, среди которых важное место занимают **дигитализация**, **конвергенция**, **мультимедиатизация**.

Дигитализация (англ. *digitalisation* — цифровизация) — это оцифровка, перевод всех форм средств массовой информации (текстовой, графической, звуковой) в цифровой формат. Газеты полностью перешли на компьютерный набор, в Интернете существуют их электронные версии. Благодаря развитию цифрового радио увеличилось количество частот. Радио можно теперь слушать и через подключенный к Интернету компьютер. То же относится и к цифровому телевидению. Таким образом, дигитализация объединяет, унифицирует все средства массовой информации, устраняя различия между ними.

> «В результате, — пишет Е. Л. Вартанова, — Интернет из сети, просто соединяющей компьютеры, превращается в особую информационную и коммуникационную среду, в которой медиапродукты благодаря своему цифровому формату способны преодолеть традиционные “ограничители” старых СМИ»[2].

Такие извечные барьеры развития традиционных СМИ, как, например, необходимое для публикации время, финансовые издержки, географические границы распространения газет и журналов, могут быть

---

[1] *Засурский Я. Н.* Информационное общество, Интернет и новые средства массовой информации // Информационное общество. 2001. № 2. С. 27.

[2] *Вартанова Е. Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. М., 2003.

сегодня легко преодолены с помощью новых информационно-коммуникационных технологий.

Термин **конвергенция** (от лат. *converge* — приближаюсь, схожусь) активно используется в естественных и общественно-политических науках. В общем смысле слова он означает процесс компромисса, соединения, сближения. Например, в социологии под конвергенцией понимается слияние различных экономических систем, в политике конвергенция — увеличение сходства между обществами, находящимися на разных политических и социальных стадиях развития, например, между капиталистическим и социалистическим строем[1].

Конвергенция в средствах массовой информации — процесс интеграции, сближения различных технологий, их объединение в единую технологическую платформу. Конвергенция может быть как объединением различных форматов (например, газета в Интернете), так и экономическим объединением ранее изолированных друг от друга радио, кабельного телевидения и телефонии. Благодаря конвергенции стало возможным, сидя за персональным компьютером, смотреть телевизионные программы, слушать радио, читать электронные версии газет в Интернете, вести переписку по электронной почте, разговаривать по телефону и т.д.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов сильнейшее влияние на традиционную прессу оказало телевидение: в периодических изданиях появился цвет, в системе верстки начали использовать телевизионные приемы, получила популярность инфографика (например, статистические данные в виде цветных графиков, диаграмм), стали публиковаться цветные карты погоды и т.д.

Мультимедиатизация — предложение потребителю одного и того же информационного продукта через максимально возможное количество каналов (т.е. не только через средства массовой информации, но и всеми средствами современной индустрии) и на максимально возможном

---

[1] За конвергенцию в политике активно и последовательно выступал академик А. Д. Сахаров (1921–1989). Интересно, что он предсказал развитие интернета еще в 1974 году, в статье «Мир без человека». «В перспективе, быть может, поздней, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки, — писал Сахаров. — ВИС должна включать индивидуальные миниатюрные запросные приемники-передатчики, диспетчерские пункты, управляющие потоками информации, каналы связи, включающие тысячи искусственных спутников связи, кабельные и лазерные линии. Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности». Как видим, прогноз академика Сахарова сбылся всего через 20–25 лет.

количестве носителей информации. Мультимедиатизация подразумевает внедрение разнообразных, как традиционных, так и новых, электронных СМИ в различные сферы общества.

Один из ярких примеров мультимедиатизации — образ Гарри Поттера. С 1997 по 2007 год английская писательница Джоан Роулинг выпустила серию из семи романов о жизни мальчика-волшебника. Книги вышли огромным тиражом и были переведены на 65 языков. По каждому из семи романов был снят фильм, к премьере каждой из серий в продажу поступили одноименные компьютерные игры, а кроме того — маскарадные костюмы героев, одежда с изображением сцен из фильмов и т.п. Возник цикл пародий на книги Роулинг, например, «Таня Гроттер», «Порри Гаттер» и др. В американском штате Флорида был построен тематический парк аттракционов «Волшебный мир Гарри Поттера».

Важной особенностью современной мировой журналистики является ее **интерактивность** (от англ. *interaction* — взаимодействие) — способность информационно-коммуникационной системы реагировать на действия ее пользователя. Благодаря интерактивности стало возможным осуществлять оперативную **обратную связь** средств массовой информации с получателем информации (читателем, слушателем, зрителем). Интерактивность выражается не только, например, в возможности позвонить или прислать *sms*-сообщение в радиопрограмму или телепередачу, которая идет в прямом эфире, и тут же получить ответ. Интерактивность предусматривает и возможность обработки, учета полученной от слушателя или зрителя информации, принятия на ее основе конкретных решений.

Примером интерактивности может служить интерактивное телевидение — принципиально новая трансляционная система с каналом обратной связи, которая предусматривает передачу информации не только из телестудии к зрителю, как это делает традиционное аналоговое телевидение, но и наоборот. Интерактивное телевидение предлагает зрителю разнообразные сервисы, такие как электронный телегид, различные приложения и т.д.

Интерактивность в средствах массовой информации допускает также возможность проведения телеконференций, чат-семинаров, участие в форумах, записи в гостевых книгах и многое другое. Как считает Ж. О. Москвина, «интерактивность обновленных СМИ на современном этапе практически стерла границы между производителями информации и аудиторией. Сейчас сложно сказать, кто оперативней и качественней делает новостную ленту: СМИ или простые пользователи сети»[1].

---

[1] *Москвина Ж. О.* Мобильный Интернет: Новые коммуникативные возможности // Вестник Моск. ун-та. Серия 10 «Журналистика». 2010. № 2. С. 57–66.

Эта новая тенденция, возможно, приведет со временем к принципиальным изменениям всей журналистики в целом.

1990-е годы характеризуются также постепенным стиранием граней между классической качественной и массовой прессой. Газеты, долгие десятилетия и даже столетия позиционировавшие себя качественными, стали допускать все больше и больше отхождений от традиционной модели. В них изменилась верстка, стали публиковаться иллюстрации больших размеров, начали появляться кроссворды, астрологические прогнозы, разнообразные тематические приложения, посвященные здоровью, спорту, досугу и т.п., т.е. те приемы, которые полтора столетия подряд использовала исключительно массовая пресса.

Качественные газеты, стремясь не потерять читателей, все активнее расширяли тематику, охотно обсуждали сенсации, скандалы. Самыми известными медиаскандалами были развод летом 1996 года принца Чарльза и принцессы Дианы в Великобритании; процесс 1995 года по делу чернокожего американского футболиста Симпсона, которого обвиняли в убийстве жены; сексуальный скандал 1996–1998 годов вокруг президента США Билла Клинтона и стажерки Белого дома Моники Левински.

Многие качественные газеты, соревнуясь друг с другом, стали проводить розыгрыши призов, различные лотереи, конкурсы среди читателей. И лишь единицы газет до сих пор сохраняют несмотря ни на что традиционную качественность: к примеру, *The Wall Street Journal* в США, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* в Германии, *Le Monde* во Франции. В России можно отнести к таким изданиям газеты «РБК daily» (издается в сотрудничестве с одной из крупнейших деловых газет Германии *Handelsblatt*) и «Ведомости» (выходит совместно с *Financial Times* и *The Wall Street Journal*).

Таким образом, в конце XX — начале XXI века новые технологии определили облик мировой журналистики и ускорили доступ к информации. Появились возможности оперативно использовать эту информацию для развития экономики. Информация стала частью экономики, частью производительных сил, что весьма характерно для информационного общества.

Вопросы для повторения

1. Окончание «холодной войны» и мировая журналистика.
2. Новая система средств массовой информации в посткоммунистических странах.
3. Расширение рамок зарубежной журналистики в начале 1990-х годов.
4. Глобализация в средствах массовой информации.
5. Глобальные газеты.
6. Глобальная газета *Financial Times.*

7. Глобальная газета *The Wall Street Journal*.
8. Глобальная газета *The USA Today*.
9. Глобальная газета *International Herald Tribune*.
10. Глокализация средств массовой информации.
11. Глобализация радиовещания.
12. Глобализация телевидения.
13. Новые информационные технологии и журналистика.
14. СМИ и мобильная телефония.
15. Блогосфера и журналистика.
16. Журналистика и информационное общество.
17. Особенности информационного общества.
18. Фрэнк Уэбстер и теория информационного общества.
19. Мануэль Кастельс и теория информационного общества.
20. Маршалл Маклюэн и понятие глобальной деревни.
21. Новые тенденции развития средств массовой информации на рубеже столетий.
22. Дигитализация в СМИ.
23. Конвергенция в СМИ.
24. Сущность и особенности мультимедиатизации.
25. Интерактивность журналистики.
26. Проблемы обратной связи.
27. Качественная и массовая пресса Запада в конце XX — начале XXI века.
28. Информация в начале XXI века.

Рекомендуемая литература

Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М., 2003.

Вартанова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М., 1999.

Дэннис Э., Мэррил Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997.

Засурский Я. Н. Информационное общество, Интернет и новые средства массовой информации // Информационное общество. 2001. № 2.

Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М., 2007.

Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1999. № 2.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.

К мобильному обществу: Утопии и реальность / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2009.

Маклюэн Маршалл. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего // The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. М., 2005.

Маклюэн Маршалл. Понимание медиа: Внешние расширения человека // Understanding Media: The Extensions of Man. М., 2007.

Москвина Ж. О. Мобильный Интернет. Новые коммуникативные возможности // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2010. № 2.

Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М., 2003.

Система средств массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2001.

Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества / Под ред. Е. Л. Вартановой. М., 2004.

Дополнительная литература

Вартанова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М., 1999. Ч. I, II.

Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999.

Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М., 1999.

Иан Мэйс. Работа над ошибками: Опыт омбудсмена газеты «Гардиан». М., 2005.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

Павликова М. М. Сетевые технологии и журналистика: Эволюция финских СМИ. М., 2001.

Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: Право, общество и национальная идентичность. М., 2000.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ в 1945–2011 годах

Становление и развитие системы средств массовой информации Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны. — Политические кризисы в странах Центральной и Восточной Европы и борьба за свободу слова и печати. — Общие тенденции развития журналистики стран Центральной и Восточной Европы после 1989 года. — Современная журналистика Польши.

Становление и развитие системы средств массовой информации Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны

В 1944–1945 годах Красная армия освободила страны Центральной и Восточной Европы от фашизма. Согласно договоренностям между руководителями СССР, США и Великобритании, европейские страны были негласно разделены на сферы влияния. В сферу влияния Советского Союза вошли освобожденные советскими войсками Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Албания и восточная часть Германии, на территории которой в 1949 году была создана Германская Демократическая Республика (ГДР).

Это были к тому времени достаточно молодые страны, несмотря на то, что история их журналистики уходит корнями в XVIII–XIX века. Некоторые из этих государств — Болгария, Румыния, а также часть Югославии Сербия — получили государственность после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, другие — Польша, Чехословакия, Венгрия — стали независимыми в результате Первой мировой войны.

Историю средств массовой информации в странах Центральной и Восточной Европы можно условно разделить на **три периода: 1944** (или **1945** — в зависимости от времени освобождения страны от фашизма) — **1948 года**, **1948–1989 года** и **с 1989 года по настоящее время**.

В 1944/45–1948 годах, период «народной демократии», происходило становление новой системы печати. Были запрещены фашистские и профашистские периодические издания, возобновили выход запрещенные в годы войны газеты и журналы. Во многих странах региона сохранялась многопартийность, свобода слова и печати еще не попала под

полный контроль компартий, между газетами существовала конкуренция за читателей, журналистика была интересной и разнообразной.

В то же время в странах Центральной и Восточной Европы сформировалась и активно насаждалась коммунистическая печать. Так, например, в 1948 году в Польше стала выходить газета ***Trybuna Ludu*** («Трибуна люду» — «Трибуна народа») — орган центрального комитета образованной в том же году Польской объединенной рабочей партии.

В некоторых странах (например, Болгарии, Югославии) коммунистические идеи и, соответственно, печать были по-настоящему популярны в народе: например, орган компартии Болгарии газета ***Работническо дело*** («Рабочее дело»), издававшаяся с 1927 года, орган компартии Югославии газета ***Борба*** («Борьба»), выходившая с 1922 года. Но в большинстве центрально- и восточноевропейских стран коммунистические партии не пользовались авторитетом у населения и не имели заметного влияния на политические процессы, а коммунистическая пресса оставалась в целом очень слабой.

В 1948 году, когда страны Центральной и Восточной Европы оказались за «железным занавесом», началось усиленное строительство социализма по образцу сталинского Советского Союза[1]. Соответственно, наступил новый период развития журналистики. Коммунистические и рабочие партии сосредоточили всю полноту власти в своих руках. Ужесточилась цензура, была ликвидирована оппозиционная и частная пресса. Окончательно восторжествовала авторитарная, просоветская модель прессы. Позднее, в 1955 году, страны региона вошли вместе с Советским Союзом в военный блок **Варшавского договора**.

В каждой из этих стран печатные органы компартий стали ведущими газетами, аналогами советской «Правды». В Польше это была ***Trybuna Ludu***, в Чехословакии — существующая с 1920 года газета ***Rudé právo*** («Руде право» — «Красное право»), в Венгрии — основанная в подполье в 1942 году газета ***Szabad nép*** («Сабад неп» — «Свободный народ»), в Румынии — выходившая с 1931 года газета ***Scinteia*** («Скынтейя» — «Искра»), в Болгарии — ***Работническо дело***.

День печати, отмечавшийся в СССР ежегодно 5 мая в память о выходе в свет в 1912 году первого номера газеты «Правда», стал профессиональным праздником журналистов в большинстве стран региона. 5 мая 1948 года венгерская газета *Szabad nép* писала: «Очень важно, чтобы печать, созданная в Советском Союзе, стала примером для всех нас».

Авторитарная коммунистическая пресса этих стран много писала об опыте коммунистического строительства в СССР, пропагандировала культ личности Сталина и местных партийно-государственных вож-

[1] Единственной страной, избежавшей сталинской модели социализма, была Югославия, лидер которой Иосип Броз Тито в 1948 году отказался от слепого следования за Советским Союзом.

дей, поддерживала массовые репрессии против «врагов народа», проводившиеся в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Кроме того, пресса копировала рубрикацию, внешний вид и стиль советских газет. Например, в Венгрии по инициативе руководителя коммунистической партии Матьяша Ракоши (1892–1971), который считал себя «лучшим венгерским учеником товарища Сталина», все национальные газеты, традиционно выходившие форматом А3, были переведены на формат А2, которым издавалась газета «Правда».

Такая ситуация в журналистике стран Центральной и Восточной Европы сохранялась до середины 1950-х годов. Впоследствии пресса региона ушла от крайностей, но всесторонняя ориентация на советскую модель СМИ сохранялась вплоть до падения коммунистических режимов в 1989 году.

Недоверие населения к официальным средствам массовой информации сохранялось на протяжении всех четырех десятилетий социалистического эксперимента. В то же время, несмотря на господство авторитарной модели журналистики, жители восточноевропейских стран имели возможность использовать альтернативные источники информации, чего были практически лишены граждане СССР. Географическая близость к странам Западной Европы позволяла прослушивать западные радиопередачи и принимать телепередачи. По исследованиям *Радио Свобода*, проведенным в 1986–1987 годах, этими источниками альтернативной информации регулярно пользовались 86% поляков, 79% жителей Чехословакии, 72% населения Венгрии, 82% румын и 39% болгар.

Политические кризисы в странах Центральной и Восточной Европы и борьба за свободу слова и печати

После смерти Сталина в 1953 году наступил период *оттепели* в мировой политике и международных отношениях. Эта оттепель коснулась и стран Центральной и Восточной Европы. Разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 года привело к потребности переосмыслить пройденный послевоенный путь политического и государственного строительства. С того времени как в средствах массовой информации, так и среди интеллектуалов утвердилось мнение о необходимости очистить марксистско-ленинское учение от искажений, которые якобы привнес в него Сталин. В странах региона стали звучать требования о необходимости свободы слова и печати.

Наиболее резко антисталинские настроения и требования перемен проявились в Венгрии, где был один из самых жестких политических режимов в Восточной Европе. 23 октября 1956 года в венгерской столи-

це Будапеште началось народное восстание с требованиями политических свобод и вывода советских войск. 29 октября восставшие захватили редакцию газеты ***Szabad nép*** и на ее базе начали выпускать газету *Magyar Függetlenség* («Венгерская независимость»).

В начале ноября восстание было подавлено советскими войсками. Газету ***Szabad nép*** переименовали в ***Népszabadság*** («Непсабадшаг» — «Народная свобода»), под этим названием она выходит и сегодня. Ее тираж сократился с 690 до 580 тыс. экземпляров, но впоследствии, к началу 1970-х годов, снова вырос — до 700 тыс. экземпляров.

Венгерское восстание было главной темой мировых средств массовой информации: как западных, так и коммунистических. Западная журналистика безоговорочно осудила Советский Союз, коммунистическая — поддерживала подавление восстания. Наибольшего накала ситуация достигла в Париже, где 4 ноября 1956 года коммунистическая газета *L'Humanite*, освещая ввод советских войск, поместила большой заголовок: «Будапешт снова с улыбкой». 7 ноября участники антикоммунистической демонстрации французов напали на редакцию *L'Humanite* и даже пытались поджечь ее. Полиция не вмешивалась в конфликт, и редакцию защищали сами журналисты и члены компартии, причем в ходе этого столкновения погибли три человека.

Другой политический кризис возник в Чехословакии в 1968 году. 5 января 1968 года к власти в стране пришел **Александр Дубчек** (1921–1992). Он стал инициатором либерализации существовавшего строя, построения «социализма с человеческим лицом». Так, была упразднена предварительная цензура в прессе, провозглашена свобода слова и собраний, стали создаваться новые политические партии. Реформаторский курс Дубчека, получивший название *Пражская весна*, поддержало подавляющее большинство чехов и словаков. 27 июня 1968 года, на следующий день после отмены цензуры, чешский писатель Людвиг Вацулик (р. 1926) опубликовал в газете *Literární noviny* («Литерарни новины» — «Литературная газета») и еще в двух газетах манифест в поддержку реформ *«Две тысячи слов»*[1]. Этот манифест подписали около шестидесяти деятелей науки, искусства и культуры.

Перемены в Чехословакии отмечали и западные журналисты. Они восхищались созданной в стране атмосферой свободы и солидарности, нетипичной ни для социалистического, ни даже для западного общества, и называли Чехословакию самой свободной страной Европы.

Пражская весна отличалась от венгерских событий 1956 года тем, что лидеры Чехословакии не отказывались от социалистического курса. Они не стремились ни к разрыву с Советским Союзом, ни к выходу

[1] Полное название манифеста — «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим».

из Варшавского договора. Однако руководители СССР во главе с Л. И. Брежневым находили в этих реформах угрозу целостности и безопасности как Чехословакии, так и всем подконтрольным Советскому Союзу странам региона. 20 августа 1968 года в страну вошли войска стран Варшавского договора. Пражская весна кончилась, ее политические свободы ликвидированы. Дубчек и другие реформаторы со временем были отстранены от руководства, а политический строй вернулся к прежней консервативной просоветской модели.

В Польше, самой крупной стране Центральной и Восточной Европы, массовые выступления с требованиями экономических и политических свобод проходили в 1956, 1968, 1970, 1980–1981 годах. В 1980 году в ходе забастовок рабочих возникло многотысячное антикоммунистическое профсоюзное объединение «Солидарность», во главе которого встал электрик из Гданьска **Лех Валенса** (р. 1943). С установлением военного положения в Польше в декабре 1981 года деятельность профсоюза была запрещена властями, а его лидеры посажены под домашний арест.

Массовости политических протестов способствовала и позиция католической церкви, которая сохранила, несмотря на коммунистический режим, влияние на миллионы поляков. С 1945 года церковь издавала в Кракове еженедельник *Tygodnik Powszechny* («Тыгодник Повшехны» — «Мир за неделю»). Это было единственное легальное периодическое издание во всех странах социалистического лагеря, которое фактически оставалось оппозиционным на протяжении всего социалистического периода польской истории.

Общие тенденции развития журналистики стран Центральной и Восточной Европы после 1989 года

Политика перестройки и гласности, начатая в Советском Союзе в 1985 году М. С. Горбачевым, долгое время торпедировалась руководителями стран социалистического лагеря, которые опасались, что провозглашение политических свобод приведет, в конечном итоге, к смене социалистических режимов. В большинстве стран региона была даже запрещена советская пресса.

В течение 1989 года — с апреля по декабрь — во многом под влиянием происходивших в СССР социально-политических процессов потерпели поражение просоветские коммунистические режимы во всех странах Восточной Европы. В Венгрии, Польше это был мирный переход власти от рабочих партий к демократии, через свободные выборы. В Чехословакии, Болгарии, ГДР произошли мирные, «бархатные» революции, в результате которых коммунисты потерпели поражение. В Румынии смена власти сопровождалась кровопролитием. Распался и воен-

ный блок просоветских стран — Варшавский договор. Слом Берлинской стены, начавшийся 9 ноября 1989 года, довершил крушение социалистического лагеря.

Таким образом, **с 1989 года**, т.е. с окончанием «холодной войны» и с распадом социалистической, просоветской системы в Восточной Европе, начался **новый период развития журналистики**, который продолжается и по сей день. Он характеризуется формированием новой системы средств массовой информации, созданием частных и независимых периодических изданий. С одной стороны, создавались новые газеты, телеканалы и радиостанции. С другой — газеты, бывшие в годы социализма рупорами коммунистических и рабочих партий, не закрылись и не потеряли заинтересованного читателя, но сохранили свои позиции в новой системе СМИ. Эти газеты поменяли названия (так, бывший орган Польской объединенной рабочей партии газета ***Trybuna Ludu*** стала называться ***Trybuna***, газета ***Rudé právo*** — бывший орган компартии Чехословакии — была переименована в ***Právo***, бывшая газета Болгарской коммунистической партии ***Работническо дело*** сменила название на ***Дума***[1]), отказались от коммунистической идеологии и остались на левом фланге разнообразного спектра средств массовой информации в своих странах.

Рыночная экономика, пришедшая на смену прежней системе, привела к резкому росту цен на газетную бумагу, полиграфические услуги, распространение прессы. Из-за этого немало новых газет, родившихся в переломные годы, не выдержали конкуренции и вынуждены были закрыться. Вместе с тем в странах региона появилась и получила широкое распространение отсутствовавшая прежде массовая пресса. Существенным элементом экономики СМИ стала реклама.

Анализируя изменения, имевшие место в журналистике стран региона после 1989 года, Я.Н. Засурский пишет: «Новым элементом в развитии средств массовой информации явилось вторжение иностранного капитала крупнейших западных информационных корпораций. Мэрдок, Максвелл, Эрсан, Бертельсман и другие предприимчивые представители корпоративной информационной элиты начали скупать газеты и журналы, издательства, приценяются к телевидению и радиовещанию. Деятельность западных компаний облегчается большой потребностью средств массовой информации в капиталовложениях: за годы командно-административной системы печать, радио и телевидение были истощены перекачкой доходов в государственную и партийную кассы. Не внедрялась новая технология, не вкладывались средства в бумажную и полиграфическую промышленность»[2].

---

[1] С болгарского языка слово «дума» переводится как «слово».

[2] *Засурский Я. Н.* Средства массовой информации стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 — начале 1990 г. // Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М., 2007. С. 178–179.

Многие транснациональные медиаконцерны выпускают на национальных языках в странах Центральной и Восточной Европы версии западных журналов, адаптированные к условиям этих стран и национально-культурной специфике народов. Они приобрели большую популярность и составили серьезную конкуренцию традиционным журналам.

Современная журналистика Польши

История средств массовой информации Польши в конце 1980-х — начале 1990-х годов — яркий пример трансформации журналистики от авторитарной к демократической модели. Уже в 1989 году началась приватизация газет и журналов — прежде всего, принадлежавших ранее Польской объединенной рабочей партии.

Политика пришедшей к власти *Солидарности* во главе с Лехом Валенсой по оздоровлению польской экономики получила название *шоковая терапия*. Эту политику активно пропагандировал известный польский журналист и общественный деятель **Адам Михник** (р. 1946). 8 мая 1989 года, в разгар первой за сорок лет свободной предвыборной кампании, он основал первую легальную оппозиционную газету — ***Gazeta Wyborcza*** («Газета выборча» — «Газета избирателей»). Спустя месяц на выборах *Солидарность* получила подавляющее большинство голосов избирателей — во многом благодаря информационной поддержке газеты.

Вскоре *Gazeta Wyborcza* превратилась в общенациональное периодическое издание с тиражом около 600 тыс. экземпляров и множеством региональных выпусков. Она является частью медиахолдинга *Агора*, которому принадлежит 16 журналов, около двух десятков региональных радиостанций, агентство по продаже наружной рекламы, книжное издательство.

Михник стремился, чтобы *Gazeta Wyborcza* не стала рупором правительства, но, наоборот, оппонировала власти. Так, например, 27 декабря 2002 года он опубликовал разоблачительный материал под названием «Приходит Рывин к Михнику». Это была стенограмма получасового разговора Михника с авторитетным польским актером и кинопродюсером Львом Рывиным, который, в частности, принимал участие в создании фильмов «Список Шиндлера» и «Пианист». Оказалось, что еще в июле 2002 года Рывин встретился с Михником (который предусмотрительно спрятал в кармане наброшенного на стул пиджака включенный диктофон) и попросил у него 17,5 млн долл. США взамен на внесение изменений в законопроект о радио и телевидении, с тем чтобы концерн *Агора* мог приобрести польский телеканал *Польсат*[1]. Кроме того, в слу-

[1] Действовавшее законодательство запрещало частному владельцу одновременно иметь в собственности общенациональную газету и общенациональный телеканал.

чае этой покупки Рывин потребовал для себя пост главы телеканала. Он утверждал, что за ним якобы стоит «группа, которая держит власть», во главе с премьер-министром Лешеком Миллером.

Эта публикация вызвала грандиозный медиаскандал. Прокуратура допрашивала Михника в течение восемнадцати часов, причем допросы шли в прямом эфире телевидения и собрали рекордную аудиторию. В кабинете премьер-министра Миллера устроили очную ставку Михника и Рывина, во время которой Рывин воскликнул: «Расстреляйте меня, иначе я покончу жизнь самоубийством!» Допросу подвергся даже президент Польши Александр Квасьневский.

Этот медиаскандал завершился лишь в марте 2004 года. Выяснилось, что никаких представителей власти за Рывиным не стояло. Суд обвинил его в обмане руководства медиахолдинга *Агора*, нанесении ущерба репутации Польши и приговорил к двум с половиной годам тюрьмы и штрафу в 25 тыс. долл. США. Дело Рывина со всей наглядностью показало, какой силой обладает в современной Польше журналистика.

19 мая 2006 года газета *Financial Times* опубликовала список из двадцати самых влиятельных, по версии редакции, журналистов мира. Одним из них, и единственным представителем стран бывшего Варшавского договора, был Адам Михник[1].

Другая влиятельная газета Польши — *Rzeczpospolita* («Жэчпосполита» — «Речь Посполитая»[2]). Она выходила еще во времена строительства социализма и сегодня, в отличие от либеральной и, по сути, качественно-массовой *Gazeta Wyborcza*, позиционирует себя как умеренно консервативное издание, рассчитанное на серьезного читателя. Ее тираж составляет около 160 тыс. экземпляров.

Всего рынок польских периодических изданий в первом десятилетии XXI века насчитывал около 5400 наименований.

Вопросы для повторения

1. Окончание «холодной войны» и журналистика Центральной и Восточной Европы.
2. Становление и развитие новой системы прессы в странах Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны.
3. Опыт советской прессы и журналистика стран Центральной и Восточной Европы.
4. Политические кризисы в странах Центральной и Восточной Европы и борьба за свободу слова и печати.
5. Венгерское восстание 1956 года и пресса.

---

[1] Из российских журналистов в эту двадцатку вошел журналист Михаил Леонтьев.

[2] Наименование польского государства, дословный перевод с латинского языка на польский слова *республика*. Переводится на русский язык как *общее дело*. Официальное название современной Польши — *Rzeczpospolita Polska* (Республика Польша).

6. Пражская весна 1968 года и борьба за свободу слова и печати.
7. Политические кризисы в Польше и борьба за политические свободы.
8. Общие тенденции развития журналистики стран Центральной и Восточной Европы после 1989 года.
9. Особенности новой системы СМИ в странах Центральной и Восточной Европы.
10. Роль западного медиакапитала в СМИ стран Центральной и Восточной Европы.
11. Современная журналистика Польши.
12. Адам Михник — журналист и публицист.

Рекомендуемая литература

Евсеева Л. П. СМИ Польской Республики. 1976–2001. М., 2001. Ч. I.

Засурский Я. Н. Средства массовой информации стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 — начале 1990-х гг. // Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М., 2007.

Крупнова М. П. Венгерская журналистика на рубеже веков // Некоторые размышления молодых исследователей о венгерской журналистике и литературе XIX–XX вв. М., 2010.

Средства массовой информации стран Центральной и Юго-восточной Европы в 1989 — начале 1990-х годов // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1991. № 2. С. 38–79.

Стойков Любомир. Состояние и тенденции развития печатных СМИ Болгарии // Научно-культурологический журнал Regla. 2009. № 2 (182). 1 февр.

Стыкалин А.С. Публицистика Венгерской революции 1956 года // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1998. № 3; 1999. № 1.

Дополнительная литература

Некоторые размышления молодых исследователей о венгерской журналистике и литературе XIX–XX вв. М., 2010.

Пронин П. И. Печать Чехословацкой Социалистической Республики. М., 1981.

Сизоненко А. И. Печать Румынской Народной Республики. М., 1969.

Шестаков Б. Н. Печать Венгерской Народной Республики. М., 1986.

ЖУРНАЛИСТИКА СТРАН АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Журналистика Азии. — СМИ Китайской Народной Республики. — Особенности развития СМИ Индии. — Журналистика Африки. — Журналистика Латинской Америки.

Журналистика Азии

Журналистика Азии очень разнообразна, как разнообразен и сам Азиатский континент. Пресса наиболее развитых стран Азии не уступает по основным показателям лучшим американским и европейским образцам. В слаборазвитых странах журналистика испытывает значительные трудности из-за дороговизны бумаги, нехватки профессиональных журналистов, неграмотности значительной части населения. Поэтому нельзя говорить об общих тенденциях развития средств массовой информации Азии.

Среди азиатских стран ведущее место занимает японская журналистика. В Японии выходит, в частности, газета ***Yomiuri Shinbun*** («Иомиури симбун» — «Репортер»). Ее тираж — более 14 млн экземпляров — самый крупный не только в стране, но и во всем мире. Вторая по популярности газета, ***Asahi Shimbun*** («Асахи симбун» — «Восходящее солнце»), имеет тираж около 8 млн экземпляров.

Высокого информационного и технического уровня достигли средства массовой информации Государства Израиль. В стране с населением 7,7 млн человек издаются газеты и журналы на иврите, арабском, русском, английском и других языках. Старейшая израильская газета, основанная еще в 1918 году, за три десятилетия до провозглашения Израиля (1948 г.), — ***Ha'aretz*** («Ха-арец» — «Страна»). С 1937 года она выходит параллельно на иврите и английском языке. Ее тираж составляет около 75 тыс. экземпляров, пятничный[1] — 100 тыс. *Ha'aretz* — качественная газета, которая, несмотря на небольшой тираж, пользуется поддержкой политической и экономической элиты и оказывает значительное влияние на политическую жизнь страны. Опережают *Ha'aretz* по тиражам влиятельная газета ***Yedioth Ahronoth*** («Едиот Ахронот» — «Последние известия»), издающаяся с 1939 года, и по-

[1] Выходной день в Израиле — суббота, когда не издается ни одной газеты.

пулярная вечерняя газета ***Maariv*** («Маарив» — «Вечерняя молитва») — ровесница Государства Израиль.

СМИ Китайской Народной Республики

Современная китайская журналистика ведет отсчет с 1949 года, когда в Китае пришла к власти коммунистическая партия, во главе которой стоял **Мао Цзэдун** (1893–1976). Страна пошла по пути строительства социализма, и в течение следующего десятилетия по примеру Советского Союза была создана авторитарная система печати, подконтрольная компартии. Главной газетой стала орган ЦК компартии Китая ***Rénmin Rìbào*** («Жэньминь жибао» — «Народная газета»), основанная в 1948 году. В середине 1950-х годов в стране выходило в общей сложности 270 газет общим тиражом около 8 млн экземпляров.

Мао Цзэдун крайне отрицательно воспринял критику Н. С. Хрущевым культа личности Сталина и тезис о мирном сосуществовании социалистической и капиталистической систем. В начале 1960-х годов произошел разрыв Китая с Советским Союзом. После серии неудачных экономических экспериментов Мао Цзэдун провозгласил в 1966 году *культурную революцию* — комплекс мер, направленных на возвращение китайского общества «в лоно революции и истинного социализма». Культурная революция привела к террору и массовым репрессиям, в ходе которых было уничтожено более 20 млн китайцев, и окончилась только со смертью Мао в 1976 году.

В годы культурной революции большое распространение получили ***дацзыбао*** — рукописные стенгазеты, использовавшиеся в Китае для пропаганды, выражения протеста и т.п. 25 мая 1966 года аспирантка Пекинского университета Не Юаньцзы вместе с группой аспирантов и студентов вывесила дацзыбао с критикой ректора и некоторых преподавателей. В соответствии с лексикой того времени авторы дацзыбао назвали оппонентов черными антипартийными бандитами. Мао Цзэдун назвал этот опус первым марксистским дацзыбао в Китае и потребовал опубликовать его текст в газете «Жэньминь жибао».

5 августа 1966 года, накануне заседания пленума ЦК компартии Китая, Мао лично написал и вывесил в зале заседаний пленума свое дацзыбао под названием «Огонь по штабам!». В нем он объявил о существовании некоего «буржуазного штаба», который препятствует строительству светлого будущего, обвинял «некоторых руководящих товарищей в центре и на местах» в отходе от принципов пролетарской революции и призвал открыть огонь по штабам контрреволюционеров.

В ходе культурной революции резко сократилось число периодических изданий. Так, если в 1965 году в Китае издавалось 343 газеты и 840 журналов, то в 1970 году — 42 газеты и 21 журнал.

После смерти Мао Цзэдуна в стране начались экономические реформы, инициатором которых были политики **Дэн Сяопин** (1904–1997) и Ху Яобан (1915 — 1989). Эти реформы отразились и на развитии журналистики. Начала исчезать монополия партийной прессы, появились новые газеты. С 1980 по 1985 год в стране в среднем каждые два дня открывалось новое периодическое издание. Печать стала критиковать различные недостатки общественной жизни: коррупцию, безработицу, бедность сельских жителей и т.д. С годами расширялась тематика публикаций, уменьшалось число запретных тем в прессе. Ху Яобан рекомендовал редакторам газет уделять успехам реформ 80% публикуемых новостей, а недостаткам — 20%.

Развитие свободы слова и печати в Китае затормозилось после жестокого разгона китайскими властями студенческих демонстраций на главной площади Пекина Тяньаньмынь в июне 1989 года. Были уволены многие либеральные журналисты, некоторые из них арестованы и осуждены, усилился идеологический контроль над прессой, который, впрочем, впоследствии ослаб.

Сегодня китайская модель средств массовой информации сочетает в себе методы свободной экономической деятельности и партийно-государственного контроля. Главной и самой влиятельной газетой в стране по-прежнему остается «Жэньминь жибао». Ее тираж составляет около 3 млн экземпляров. Она сочетает в себе элементы советской газеты «Правда» и современной российской экономической газеты «Ведомости». Медиахолдинг «Жэньминь жибао» издает 25 газет и журналов.

Бурное развитие телекоммуникационного рынка сопровождается попытками властей контролировать Интернет, который имеет в Китае около 350 млн пользователей и привлекает каждый год по 20 млн человек.

Важная особенность китайских средств массовой информации связана с языком. Китайский язык имеет несколько диалектов, которые фонетически сильно отличаются друг от друга. Поэтому центральная пресса, в отличие от центрального телевидения и радиовещания, служит мощным объединительным фактором. Другим таким фактором стала в последние годы мобильная телефония. Как пишет Я.Н. Засурский, «китайский сотовый телефон используется, прежде всего, для пересылки коротких сообщений — SMS, и эти сообщения пишутся иероглифами, которые... понятны каждому грамотному китайцу. Если китайцы из одного региона, где действует один диалект, не могут разговаривать с китайцами из другого региона, где существует другой диалект, то с помощью мобильного телефона Китай вновь объединяется и представители различных китайских диалектов могут разговаривать с помощью иероглифов»[1].

---

[1] *Засурский Я.Н.* СМИ вступают в эпоху мобильной коммуникации // К мобильному обществу: Утопии и реальность. С. 25–26.

Особенности развития СМИ Индии

В бывших британских колониях Азии журналистика сформировалась под влиянием прессы метрополии. Многие газеты, выходящие и сегодня, были созданы еще в колониальный период. Наиболее характерны в этом отношении средства массовой информации Республики Индия. Хотя в конституции этой страны зафиксированы семнадцать государственных языков, читают и разговаривают примерно на двухстах языках, причем единого языка, который понимали бы все жители страны, нет. Не владеет подавляющее большинство населения и английским языком. Так, англоязычную прессу читает лишь 26 млн человек из 1,2 млрд, газеты и журналы на хинди — 70 млн человек из почти 500 млн носителей языка. Всего же читают печатные СМИ около 200 млн человек, что составляет 27% от взрослого числа населения страны.

Большинство индийских масс-медиа принадлежит частным лицам. В стране практически отсутствует цензура. По уровню развития свободы слова и печати Индия значительно опережает Россию. Но, вместе с тем, языковое разнообразие и большая неграмотность населения (около 30–33%) значительно сдерживают развитие и влияние средств массовой информации.

Самые влиятельные индийские англоязычные газеты — ***The Times of India*** («Таймс оф Индия»), ***The Hindu*** («Хинду») и ***Hindustan Times*** («Хиндустан таймс»). *The Times of India*, издающаяся с 1838 года в самом населенном городе страны — Бомбее (Мумбаи), имеет крупнейший в мире тираж среди англоязычной прессы — более 2 млн экземпляров. Как правило, ее редакционная политика соответствует курсу индийского руководства. Газета *The Hindu* выходит в четвертом по величине городе страны — Ченнае (Мадрасе) с 1878 года тиражом более 1100 тыс. экземпляров. Она наиболее популярна в южных районах страны. *The Hindu* была первой индийской газетой, запустившей в 1995 году свою электронную версию. *Hindustan Times* издается в Дели с 1924 года и распространяется в основном в северных районах страны. Ее тираж — более 1 млн экземпляров.

Исследователь индийских СМИ Е.В. Круглов сообщает о постоянном росте печатной индустрии в Индии. В 2003 году в стране выходило 55 780 периодических изданий, а спустя всего три года — уже 65 032. Также увеличивается и количество ежедневных газет: с 5966 в 2003 году до 7131 в 2006 году. Разовый тираж всей индийской прессы составил в 2006 году 180,7 млн экземпляров[1]. Среди них больше всего англоязычных периодических изданий, на втором месте — газеты на языке хинди.

---

[1] *Круглов Е. В.* На пути к информационному обществу: Индийский вариант // К мобильному обществу: Утопии и реальность. С. 247.

Самая известная из них, ***Navbharat Times*** («Навбхарат таймс» — «Время новой Индии»), была основана в 1950 году в Мумбаи (Бомбее) и сегодня издается тиражом 480 тыс. экземпляров.

Журналистика Африки

Африканская журналистика — явление сравнительно молодое. Вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х годов подавляющее большинство стран Африки оставались колониями Великобритании, Франции, Португалии и некоторых других стран. На этих территориях, как правило, издавалась колониальная пресса — силами журналистов из метрополий. Ее читателями в основном были белые европейцы.

Крушение колониальной системы в конце 1950-х годов и формирование новых независимых государств на политической карте Африки поставили серьезные проблемы и перед журналистикой. Прежде всего, в этих странах не было квалифицированных журналистских кадров. Материально-техническое оборудование прессы, оставшееся от колонизаторов, сильно устарело. Экономическая основа для создания журналистики практически отсутствовала.

Кроме того, развитию печати как средства массовой коммуникации препятствовали отсутствие традиций печатного слова и неграмотность значительной части населения. Государственные языки во многих африканских государствах оставались диалектичными, литературные нормы еще не сформировались, многие языки не имели письменности, а жители разных регионов одной и той же страны часто не понимали язык друг друга. Например, жители Нигерии говорят на более чем 250 языках и диалектах, а всего в Африке более восьмисот языков.

Для обучения африканских специалистов и последующего формирования новых национальных элит, лояльных Советскому Союзу, в Москве был создан Университет Дружбы народов. Помощь, которую оказывал СССР многим странам Африки, имела идеологическую подоплеку: руководители нашей страны надеялись, что эти государства пойдут по социалистическому, просоветскому пути развития.

Вместе с тем, несмотря на уход колонизаторов, в Африке сохранились многие формы колониализма, среди которых важное место занимает так называемый *информационный империализм* — современная и наиболее совершенная форма неоколониализма. Он возник еще в начале 1960-х годов и продолжает успешно развиваться в наше время. Сущность информационного империализма состоит в зависимости бедных государств Африки, стран «третьего мира», от наиболее развитых стран Запада, прежде всего США. Западная культурно-информационная продукция, доступная во всем мире, успешно рекламирует и легко насаждает западные ценности, в то время как традиционные стандарты и об-

раз жизни уходят в прошлое. Информационный империализм состоит и в преобладании в мировых СМИ новостей из развитых стран, а информация из стран Африки появляется в них, как правило, лишь в контексте происшедших там стихийных бедствий, катастроф и социально-политических неурядиц. Яркий пример тому — повышенный интерес печати, радио и телевидения к свержениям руководителей Туниса, Египта, Ливии в 2010–2011 годах, тогда как в нейтральном информационном контексте об этих странах прежде упоминалось крайне мало.

Для борьбы с информационным империализмом и продвижением африканского информационного продукта на мировой медиарынок было создано в 1963 году Панафриканское информационное агентство (ПАНА) с несколькими штаб-квартирами в нескольких африканских столицах. Однако неразвитость коммуникационных технологий, авторитарные политические режимы в большинстве стран континента и финансовые трудности не позволили ПАНА стать влиятельным средством массовой информации.

Журналистика Латинской Америки

Несмотря на разный уровень экономического развития и политических свобод, латиноамериканские государства, в отличие от стран Азии и Африки, имеют много общего между собой. Почти все они долгое время были колониями Испании (Бразилия — колонией Португалии), их объединяет испанский язык, католическая религия, схожая история. Так, во второй половине XX века большинство стран Латинской Америки прошли через период военной диктатуры, сменившийся демократизацией общественно-политической жизни. Тем не менее до сих пор сохраняется сильное расслоение между богатыми и бедными, остается достаточно высоким процент неграмотности.

Подавляющее большинство периодических изданий в Латинской Америке — испаноязычные, а также португалоязычные (в Бразилии). И лишь единицы газет издаются, как правило небольшими тиражами, на индейских языках — кечуа, гуарани и др.

В первое десятилетие XXI века в латиноамериканских средствах массовой информации наблюдается удивительная особенность: в то время как во всем мире падают тиражи газет и журналов и, тем самым, сокращаются доходы издателей, суммарные тиражи печатных СМИ, наоборот, растут. Так, по данным Всемирной газетной ассоциации, в странах Западной Европы в период с 2005 по 2009 год тиражи в среднем упали на 7,9%, а в странах Латинской Америки за то же время выросли на 5,2%. В то же время доходы издателей в США упали на 30%, в Европе — на 14%, а в Латинской Америке выросли на 65%. Этот феномен во многом объясняется тем, что латиноамериканская печатная пресса еще

не подверглась такой же, как в США и Европе, конкуренции с Интернетом и электронными средствами массовой информации. Впрочем, аналитики предсказывают, что с распространением цифровых СМИ ситуация изменится не в пользу традиционных газет и журналов.

Самый крупный в Латинской Америке медиарынок — в Бразилии. Там большинство средств массовой информации принадлежит нескольким медиагигантам: корпорации *O Globo* («Глобу»), *O Grupo Abril* («Групу абриль») и др. Крупнейшие ежедневные газеты: ***O Globo*** («Глобу» — «Земной шар»), выходит в Рио-де-Жанейро с 1925 года тиражом свыше 500 тыс. экземпляров; ***Folha de São Paulo*** («Фолья де Сан-Паулу» — «Газета Сан-Паулу»), выходит в Сан-Паулу с 1921 года тиражом свыше 500 тыс. экземпляров; ***O Estado de São Paulo*** («Эстаду де Сан-Паулу» — «Штат Сан-Паулу»), выходит в Сан-Паулу с 1875 года тиражом свыше 250 тыс. экземпляров. Наиболее авторитетный бразильский журнал — еженедельник ***Veja*** («Вежа» — «Смотри») издается тиражом более 800 тыс. экземпляров.

Ведущие места в Латинской Америке по числу газет и журналов занимают Аргентина, Чили, Мексика. Мексика — одна из первых стран региона, принявшая в июне 2002 года закон о свободе информации. Этот закон предусматривает свободный доступ граждан ко всей информации, которой обладает правительство.

От латиноамериканских средств массовой информации коренным образом отличается журналистика Кубы, представляющая собой сохранившуюся со времен «холодной войны» авторитарную систему партийно-государственного руководства СМИ. Главной кубинской газетой, официальным органом ЦК компартии Кубы является ***Granma*** («Гранма»). Она была основана в 1965 году на базе газет *Hoy* и *Revolucion*. Газета получила название в честь яхты *Granma* (сокращенное название от слов *gran madre* — бабушка), на которой руководитель кубинской революции **Фидель Кастро** (р. 1926) высадился с отрядом бойцов на Кубе в декабре 1956 года, положив тем самым начало партизанской войны против режима диктатора Батисты.

Осенью 1991 года, после развала социалистического лагеря и накануне распада СССР, Кастро провозгласил «особый период мирного времени». Экономические проблемы поставили страну на грань выживания и привели к реорганизации кубинской журналистики.

Вопросы для повторения

1. Особенности средств массовой информации стран Азии.
2. Журналистика Японии.
3. Журналистика Израиля.
4. СМИ Китайской Народной Республики.
5. Трансформация прессы за годы строительства социализма в Китае.

6. Особенности развития журналистики в Китае.
7. Новые технологии в китайских средствах массовой информации.
8. Особенности развития СМИ Индии.
9. Ведущие индийские газеты.
10. Особенности журналистики стран Африки.
11. Основные проблемы средств массовой информации африканских стран.
12. Препятствия к развитию африканских СМИ.
13. Информационный империализм в Африке и борьба с ним.
14. Особенности средств массовой информации стран Латинской Америки.
15. Латиноамериканская журналистика в начале XXI века.
16. Средства массовой информации Бразилии.
17. Журналистика Кубы.

Рекомендуемая литература

Актуальные проблемы журналистики Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1989.

К мобильному обществу: Утопии и реальность / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2009.

Круглов Е. В. Пресса Южной Кореи. М., 2005.

Круглов Е. В. СМИ Индии // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2003. № 5.

Михайлов С. А., Ли Динсинь, Чжан Хэфэн, У Ли, Чиу Джуэй-Хуэй. Журналистика Китая. СПб., 2006.

Нечаева И. Ю. Новые технологии в Африке // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1998. № 2; 2000. № 3; 2001. № 3; 2002. № 5.

Ткачева Н.В. Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ. М., 2003.

Ткачева Н. В. На пути к информационному обществу в Азии. М., 2000.

Сеферова М. В. Современная печать Японии. М., 2000.

Дополнительная литература

Круглов Е. В. Печать Восточной и Юго-Восточной Азии в условиях азиатского финансово-экономического кризиса (1997–1999) // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2000. № 1.

Лифан Сон. Информационное агентство Синьхуа // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1996. № 1.

Нечаева И. Ю. Тенденции развития СМИ ЮАР в конце 80-х — начале 90-х гг. // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 1992. № 2.

Ткачева Н. В. Китайский подход к регулированию Интернета // Вестник Моск. ун-та. Серия «Журналистика». 2002. № 2.

Основные даты и события

29 октября 1929 года — крах нью-йоркской фондовой биржи. Начало Великой депрессии (1929–1933).
1914–1943 годы — Бенито Муссолини издает газету *Il Popolo d'Italia* («Иль пополо д'Италия» — «Народ Италии»).
1921–1945 годы — издание главной нацистской газеты *Völkischer Beobachter* (Фёлькишер беобахтер — Народный наблюдатель»).
1933–1945 годы — годы правления президента США Франклина Рузвельта.
1936–1939 годы — Гражданская война в Испании.
30 января 1933 года — приход к власти в Германии нацистов. Начало эпохи Третьего рейха (до мая 1945 г.)
1933 год — создание в Германии министерства народного просвещения и пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом.
1935 год — открытие в Берлине телетеатров.
1939–1945 годы — Вторая мировая война.
1945–1948 годы — первый период послевоенного развития мировой журналистики.
1948–1989 годы — период холодной войны в мировой журналистике.
5 марта 1946 года — Речь Уинстона Черчилля в Фултоне.
1950–1954 годы — разгул маккартизма в США.
1960 год — первые теледебаты кандидатов в президенты США.
29 октября 1969 года — дата рождения Интернета.
1972–1974 годы — Уотергейтский скандал в США.
1973 год — изобретен мобильный телефон.
1982 год — начало издания газеты *USA Today*.
1966–1986 годы — модернизация газеты *The Times*.
1944 год — принятие во Франции ордонанса о деятельности прессы. Закрытие большинства газет.
1968 год — студенческие волнения в Париже.
1945–1949 годы — начало возрождения германской прессы.
1989 год — окончание холодной войны.
1989 год — начало трансформации системы СМИ стран Центральной и Восточной Европы.
Конец 1980-х — начало 1990-х годов — начало эпохи глобализации в СМИ.
1992 год — начало блогосферы.
2006 год — создан твиттер.

ХРЕСТОМАТИЯ

ЗАПАДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА в1929–1939 годах

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ
(1882–1949)

РЕЧЬ НА ЛЕЙПЦИГСКОМ ПРОЦЕССЕ

16 декабря 1933 года

Димитров. На основании параграфа 258 процессуального кодекса я имею право говорить как защитник и как обвиняемый.

Председатель. Вы имеете право на последнее слово; оно вам представляется.

Димитров. На основании этого кодекса я имею право полемизировать с прокуратурой, а потом уже приступить к последнему слову.

Господа судьи, господа обвинители, господа защитники! Еще в начале этого процесса, три месяца назад, я как обвиняемый обратился с письмом к председателю суда. В нем я писал, что сожалею, что мои выступления приводили к столкновениям. Но я решительно возражал против того, чтобы мое поведение было истолковано как преднамеренное злоупотребление правом задавать вопросы и делать заявления в целях пропаганды. Понятно, что, раз я был обвиняем, будучи невиновным, я стремлюсь защищаться всеми имеющимися в моем распоряжении средствами. <...>

В интересах моей защиты перед судом и, полагаю, также и в интересах нормального хода процесса я еще раз — и в последний раз — обращаюсь к верховному суду с заявлением дать адвокату г-ну Марселю Виллару, ныне получившему полномочия от моей сестры, разрешение участвовать в моей защите.

Если это мое последнее предложение, к сожалению, также было бы отклонено, то мне не останется ничего иного, как защищаться самому, как я это умею и понимаю.

После того как и это предложение было отклонено, я решил себя сам защищать. Не нуждаясь ни в меде, ни в яде красноречия навязанного мне защитника, я все время защищал себя без помощи адвоката.

Совершенно ясно, что я ни с какой стороны не чувствую себя связанным защитительной речью д-ра Тейхерта. Значение в моей защите имеет лишь то, что до сих пор я сам говорил перед судом, и то, что я сейчас буду говорить. Я не хотел бы обижать своего товарища по партии Торглера,— по-моему, его уже достаточно оскорблял его защитник,— но я должен прямо сказать: я предпочитаю быть невинно осужденным на смерть германским судом, чем добиться оправдания благодаря такой защите, с которой д-р Зак выступил в пользу Торглера.

Председатель (прерывает Димитрова). Не ваше дело заниматься здесь критикой.

Димитров. Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым, но моя борьба и моя жизнь тоже били резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, *кровь от крови и плоть от плоти моей*. Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

Меня часто упрекали в том, что я несерьезно отношусь к верховному суду. Это абсолютно несправедливо. Верно, что для меня как коммуниста высшим законом является программа Коммунистического Интернационализма, высшим судом — Контрольная комиссия Коммунистического Интернационализма.

Но для меня как обвиняемого верховный суд есть инициатива, к которой следует относиться со всей серьезностью, не состоит из судей особой квалификации, но и потому, что этот суд — весьма важный орган государственной власти, важный орган господствующего общественного строя, инстанция, которая может в окончательной форме приговорить к высшей мере наказания. Я могу со спокойной совестью сказать, что перед судом, а следовательно, и перед общественностью по всем вопросам говорил правду. Что касается моей партии, находящейся на нелегальном положении, то о ней я отказался давать какие-либо показания. Я говорил всегда серьезно и с чувством глубочайшего убеждения.

Председатель. Я не потерплю, чтобы вы здесь, в этом зале, занимались коммунистической пропагандой. Это вы делали все время. Если вы будете продолжать в том же духе, я лишу нас слова.

Димитров. Я должен решительно возразить против утверждения, что я преследовал цели пропаганды. Можно считать, что моя защита перед судом имела известное пропагандистское действие. Допускаю, что мое поведение перед судом может также служить примером для обвиняемого-коммуниста. Но не это было целью моей защиты. Моя цель состояла в том, чтобы опровергнуть обвинение, будто Димитров, Торглер, Попов и Танеев, коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал имеют какое-либо отношение к поджогу рейхстага.

Я знаю, что никто в Болгарии не верит в нашу мнимую причастность к поджогу рейхстага. Я знаю, что за границей вообще вряд ли кто этому верит. Но в Германии иные условия, здесь таким странным утверждениям могут поверить. Поэтому я хотел доказать, что компартия не имела и не имеет ничего общего с участием в таком преступлении.

Если говорить о пропаганде, то многие выступления здесь носили такой характер. Выступления Геббельса и Геринга также оказывали косвенное пропагандистское действие в пользу коммунизма, но никто не может их сделать ответственными за то, что их выступления имели такое пропагандистское действие. *(В зале движение и смех.)*

Меня не только всячески поносила печать — это для меня безразлично, — но в связи со мной и болгарский народ называли «диким» и «варварским»; меня называли «темным балканским субъектом», «диким болгарином», и этого я не могу обойти молчанием.

Верно, что болгарский фашизм является диким и варварским. Но болгарский рабочий класс и крестьянство, болгарская народная интеллигенция — отнюдь не дикари и не варвары. Уровень материальной культуры на Балканах, безусловно, не так высок, как в других европейских странах, но духовно и политически наши народные массы не стоят на более низком уровне, чем массы в других странах Европы. Наша политическая борьба, наши политические стремления в Болгарии не ниже, чем в других странах. Народ, который 500 лет жил под иноземным игом, не утратив своего языка и национальности, наш рабочий класс и крестьянство, которые боролись и борются против болгарского фашизма, за коммунизм,— такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары в Болгарии — это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: *в какой стране фашисты не варвары и не дикари?*

Председатель (прерывает Димитрова). Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?

Димитров (с иронической *улыбкой).* Конечно, нет, господин председатель.

Задолго до того времени, когда германский император Карл V говаривал, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространяли древнеболгарскую письменность.

Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападок на болгарский народ. У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса!

Прежде чем остановиться на основном вопросе, я должен указать на следующее. Д-р Тейхерт нас упрекнул в том, что мы сами себя поставили в положение обвиняемых в поджоге рейхстага. На это я должен ответить, что с 9 марта, когда нас арестовали, и до начала этого процесса прошло очень много времени. За это время можно было расследовать все моменты, вызывающие подозрение. Во время предварительного следствия *я* говорил с ответственными чиновниками так называемой пожарной комиссии о поджоге рейхстага. Эти чиновники мне сказали, что болгары не виновны в поджоге рейхстага. Нам ставили в вину только, что мы жили по чужим паспортам, под чужими именами, жили без прописки и т.д.

Председатель. То, о чем вы сейчас говорите, не обсуждалось на процессе; поэтому вы не имеете права об этом говорить здесь.

Димитров. Господин председатель, за это время надо было проверить все данные, для того чтобы избавить нас своевременно от этого обвинения. В обвинительном акте указывается, что Димитров, Попов и Танев утверждают, что они болгарские эмигранты. Однако, несмотря на это, надо считать доказанным, что они проживали в Германии в целях нелегальной работы. Они, говорится в обвинительном акте, являются «уполномоченными коммунистической партии в Москве для подготовки вооруженного восстания».

На странице 83 обвинительного акта говорится, что хотя Димитров заявил, что он не был в Берлине с 25 по 28 февраля, однако это не меняет дела и не освобождает его, Димитрова, от обвинения в соучастии в поджоге рейхстага. Это видно, указывается далее в обвинительном акте, не только из показаний Гельмера, — другие факты также указывают на то, что...

Председатель. Вы не должны здесь зачитывать весь обвинительный акт: он нам достаточно известен.

Димитров. Я должен сказать, что три четверти всего того, что здесь говорили на суде прокурор и защитники, всем давно известно, но здесь они снова повторили это. *(В зале движение и смех.)* Гельмер показал, что Димитров и Ван-дер-Люббе были в ресторане «Байернгоф». Далее я

читаю в обвинительном акте: «Если Димитров и не был пойман на месте преступления, то он все же принимал участие в подготовке к поджогу рейхстага. Он поехал в Мюнхен, чтобы обеспечить себе алиби. Найденные у Димитрова брошюры указывают, что он принимал участие в коммунистическом движении в Германии». Так было обосновано это скороспелое обвинение, оказавшееся недоноском.

Председатель (прерывает Димитрова). Вы не должны употреблять таких выражения по отношению к обвинению.

Димитров. Я подыщу другое выражение.

Председатель. Но не столь недопустимое.

Димитров. Я возвращаюсь к методам обвинения и к обвинительному акту в другой связи.

Характер этого процесса был предрешен тем тезисом, что поджог рейхстага — дело рук коммунистической партии Германии, даже мирового коммунизма. Этот антикоммунистический акт — поджог рейхстага — был приписан коммунистам, объявлен сигналом к коммунистическому восстанию, сигналом к изменению государственного устройства Германии. При помощи этого тезиса всему процессу был придан антикоммунистический характер. В обвинительном акте говорится: «Обвинение стоит поэтому на той точке зрения, что это преступное покушение должно было стать сигналом для врагов государства, которые хотели повести генеральную атаку на германское государство, чтобы уничтожить его и на его месте воздвигнуть пролетарскую диктатуру, советское государство милостью III Интернационала...»

Господа судьи! Не в первый раз подобное покушение приписывается коммунистам. Я не могу привести здесь все примеры этого рода. Я напомню о железнодорожном покушении здесь, в Германии, возле Ютерборга, совершенном психопатом, авантюристом, провокатором. Тогда не только в Германии, но и в других странах неделями распространялось утверждение, что это — дело рук Германской компартии, что это террористический акт коммунистов. Потом выяснилось, что это сделал психопат и авантюрист Матушка. Он был арестован и осужден.

Я напомню другой пример: убийство французского президента Горгуловым. Тогда тоже во всех странах писали, что здесь видна рука коммунистов. Горгулов изображался коммунистом, советским агентом. Что же оказалось? Это покушение оказалось организованным белогвардейцами, а Горгулов — провокатором, который хотел добиться разрыва отношений между Советским Союзом и Францией.

Я напомню также покушение на взрыв Софийского собора. Это покушение не было организовано Болгарской компартией, но из-за него компартия подверглась преследованиям. Две тысячи рабочих, крестьян и интеллигентов были зверски убиты фашистскими бандами под тем предлогом, что собор взорвали коммунисты. Эта провокация со взры-

вом Софийского собора была организована болгарской полицией. Еще в 1920 году начальник софийской полиции сам организовал во время стачки железнодорожников покушение бомбистов как средство провокации болгарских рабочих.

Председатель (прерывает Димитрова). Это не относится к процессу.

Димитров. Полицейский чиновник Геллер говорил здесь о коммунистической пропаганде поджогов и т.д. Я спросил его, не известны ли ему случаи, когда поджоги, которые производились предпринимателями, потом относились за счет коммунистов. В «Фёлькишер Беобахтер» от 5 октября написано, что штеттинская полиция...

Председатель. Эта статья не была предъявлена на процессе.

(Димитров пытается продолжать.)

Председатель. Вы не смеете об этом говорить здесь, раз об этом не упоминалось на процессе.

Димитров. Целый ряд пожаров...

(Председатель снова прерывает Димитрова.)

Димитров. Это было предметом следствия, потому что целый ряд поджогов здесь был вменен в вину коммунистам. Потом было выяснено, что это сделали предприниматели «в целях предоставления работы»! Я напомню еще один момент: подделка документов. Имеется большое количество фальшивок, которые были использованы против рабочего класса. Таких случаев — множество. Я напомню хотя бы так называемое «письмо Зиновьева». Эта фальшивка была использована английскими консерваторами против рабочего класса. Я напомню ряд фальшивок, фигурировавших здесь, в Германии.

Председатель. Это выходит за пределы судебного разбирательства.

Димитров. Здесь утверждалось, что пожар рейхстага должен был послужить сигналом к вооруженному восстанию. Это пытались обосновать следующим образом:

Геринг сказал здесь, на суде, что Компартия Германии в тот момент, когда к власти пришел Гитлер, была вынуждена разжечь настроения своих масс и что-либо предпринять. Он сказал: «Коммунисты вынуждены что-нибудь предпринять — теперь или никогда!» Он сказал, что коммунистическая партия уже целые годы призывала к борьбе против национал-социализма и что для коммунистической партии Германии в момент взятия власти национал-социалистами не оставалось другого выхода, как выступить — теперь или никогда. Верховный прокурор пытался этот же тезис сформулировать точнее и еще «умнее».

Председатель. Я не допущу, чтобы вы оскорбляли верховного прокурора.

Димитров. То, что утверждал Геринг в качестве высшего обвинителя, здесь развивал верховный прокурор. Верховный прокурор д-р Вернер сказал: «Коммунистическая партия находилась в таком положении,

что она должна была или уступить без боя, или вступать в борьбу, невзирая на то, что подготовка не была полностью доведена до конца. Это был единственный шанс, который оставался для коммунистической партии при данных обстоятельствах. Либо без борьбы отказаться от своей цели, либо пойти на определенный акт отчаяния, играть ва-банк, — это при известных обстоятельствах еще могло бы спасти положение. Эта игра могла бы также и сорваться, но и в этом случае положение было бы не хуже, чем если бы коммунистическая партия отступила без боя». Выдвигаемый тезис, приписываемый компартии, не является коммунистическим тезисом. Такое предположение показывает, что враги коммунистической партии Германии плохо ее знают. Кто хочет правильно бороться с противником, тот должен хорошо знать этого противника. Запрещение партии, роспуск массовых организаций, потеря легальности — все это, конечно, тяжелые удары по революционному движению. Но это далеко не означает, что этим все потеряно.

В феврале 1933 года коммунистическая партия была под угрозой запрещения. Коммунистическая пресса была запрещена, ожидалось запрещение коммунистической партии. Германская компартия ожидала этого. Об этом говорилось в листовках, газетах. Германская компартия хорошо знала, что во многих странах компартии запрещены, но, несмотря на это, они продолжают свою работу и борьбу. Компартии запрещены в Польше, Болгарин, Италии и в некоторых других странах. <...>

Германская компартия, даже будучи нелегальной, может, при соответствующей ситуации, свершить революцию. Это показывает опыт Русской компартии. Русская компартия была нелегальной, она подвергалась кровавым преследованиям, но потом рабочий класс с компартией во главе пришел к власти. Руководители Германской компартии не могли рассуждать таким образом, что теперь все потеряно и что вопрос стоит или — или: либо восстание, либо гибель. Такой глупой мысли не могло быть у руководства компартии. Германская компартия точно знала, что нелегальная работа будет стоить многочисленных жертв и потребует самоотверженности и смелости, но она знала также, что ее революционные силы укрепятся и что она окажется способной осуществить стоящие перед ней задачи. Поэтому совершенно исключается, будто Германская компартия хотела в тот период вести игру ва-банк. Коммунисты, к счастью, не так близоруки, как их противники, и они не теряют головы и при самых трудных ситуациях.

К этому надо добавить, что Германская компартия и другие компартии являются секциями Коммунистического Интернационала. Что такое Коммунистический Интернационал? Я позволю себе процитировать устав Коммунистического Интернационала.

Я оглашаю здесь первый параграф устава:

«Коммунистический Интернационал — Международное товарищество рабочих — представляет собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию. Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется за завоевание большинства рабочего класса и широких слоев неимущего крестьянства, за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного союза социалистических советских республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества».

В этой миллионной мировой партии Коммунистического Интернационала компартия Советского Союза является сильнейшей партией. Она является правящей партией Советского Союза, величайшего в мире государства. Коминтерн — мировая коммунистическая партия — взвешивает политическую ситуацию совместно с руководством коммунистических партий всех стран.

Коммунистический Интернационал, перед которым непосредственно ответственны все секции, является не организацией заговорщиков, а мировой партией. Такая мировая партия не играет восстанием и революцией. Такая мировая партия не может официально говорить миллионам своих сторонников одно, а в то же время тайно делать противоположное. Такая партия, добрейший мой д-р Зак, не знает двойной бухгалтерии!

Председатель. Ладно, продолжайте вашу коммунистическую пропаганду.

Димитров. Такая партия, когда она обращается к массам пролетариата, когда она пронимает свои решения о тактике и ближайших задачах, делает это серьезно, с полным сознанием своей ответственности. <...>

Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт, никаких авантюр! Таковы альфа и омега коммунистической тактики.

<...> Именно теперь, когда германский фашизм организовал в целях разгрома рабочего движения в Германии неслыханную провокацию (поджог рейхстага, подложный документ о восстановлении и пр.), каждый рабочий должен понять свой классовый долг в борьбе против наступления капитала и фашистской реакции.

Задача непосредственной борьбы за власть не была поставлена ни компартией Германии, ни Коммунистическим Интернационалом. Но я могу сказать, что воззвание Коммунистического Интернационала предусматривает вооруженное восстание.

Суд сделал отсюда вывод, что раз коммунистическая партия ставит своей целью вооруженное восстание, значит, это восстание непосредственно готовилось и должно было разразиться. Однако это нелогично и неправильно, чтобы не сказать большего. Да, конечно, бороться за диктатуру пролетариата — задача коммунистических партий во всем мире. Это наш принцип, это наша цель. Но это определенная программа, для осуществления которой нужны силы не только рабочего класса, но и других слоев трудящихся. Что Германская компартия была за пролетарскую революцию, — это всем известно. Но не в этом заключается вопрос, который предстоит решить на этом процессе. Вопрос заключается в том, действительно ли было назначено восстание для захвата власти на 27 февраля, в связи с пожаром рейхстага?

Что дало судебное следствие, господа судьи? Легенда, будто бы поджог рейхстага — дело рук коммунистов, совершенно рухнула. Я не буду здесь цитировать свидетельских показаний, как это делали другие защитники. Но этот вопрос может считаться совершенно выясненным для всякого человека с нормальным рассудком. Пожар рейхстага не находится ни в какой связи с деятельностью компартии — не только с восстанием, но и с демонстрацией, со стачкой или с другим выступлением подобного рода. Это вполне доказано судебным следствием. Пожар рейхстага — я не говорю об утверждениях преступников и психопатов — никем не был воспринят как сигнал к восстанию. Никто не замечал в связи с пожаром рейхстага каких-либо действий, актов, попыток к восстанию. Никто ничего об этом тогда не слыхал. Все россказни в этом направления относятся к гораздо более позднему периоду. Рабочие в это время находились в состоянии обороны против наступающего фашизма. Компартия Германии пыталась организовать сопротивление масс, оборону. Но доказано, что поджог рейхстага был предлогом, прелюдией к широко задуманному уничтожающему походу против рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии Германии. Неопровержимо доказано, что ответственные представители правительства 27–28 февраля и не думали о том, что предстоит коммунистическое восстание. <...>

Вчера здесь об этом говорил и адвокат Зейферт. Он сделал вывод, что никто в правящих кругах не ожидал в тот момент восстания. Зейферт ссылался на Геббельса, указав, что последний сперва не поверил известию о пожаре рейхстага. Так ли это было на самом деле — это другой вопрос.

В этом отношении доказательством является также чрезвычайный декрет германского правительства от 28 февраля 1933 года. Он был выпущен тотчас же после пожара. Прочтите этот декрет. Что там написано? Там указано, что отменяются такие-то и такие-то статьи конституции, а именно: статьи о свободе организаций, свободе печати, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и т.д. В этом

сущность чрезвычайного декрета, его второго параграфа: поход против рабочего класса...

Председатель. Не против рабочих, а против коммунистов...

Димитров. Я должен сказать, что на основе этого чрезвычайного декрета арестовывались не только коммунисты, но и социал-демократические и христианские рабочие и распускались их организации. Я хотел бы подчеркнуть, что этот чрезвычайный декрет был направлен не только против коммунистической партии Германии, — хотя, конечно, прежде всего против нее, — но и против других оппозиционных партий и групп. Этот закон был необходим для введения чрезвычайного положения, и он непосредственно, органически связан с пожаром рейхстага.

Председатель. Если вы будете нападать на германское правительство, я лишу вас слова.

<...> Вы всегда подчеркивали, что вы интересуетесь только политическим положением в Болгарии, но ваши теперешние высказывания доказывают, что вы проявили очень большой интерес к политическим вопросам Германии.

Димитров. Господин председатель, вы выдвигаете против меня упрек. Я могу вам на это возразить следующее: я как болгарский революционер интересуюсь революционным движением по всех странах; я интересуюсь, например, южноамериканскими политическими вопросами и знаю их, пожалуй, не хуже германских, хотя я никогда не был в Америке. Впрочем, это не означает, что если в Южной Америке сгорит здание какого-нибудь парламента, то это будет моя вина.

Во время судебного разбирательства здесь, на процессе, я многому научился и благодаря своему политическому чутью разобрался во многих подробностях. <...> Национал-социалистам нужен был диверсионный маневр, чтобы отвлечь внимание от трудностей внутри национального лагеря и сорвать единый фронт рабочих. «Национальное правительство» нуждалось во внушительном поводе для издания своего чрезвычайного декрета от 28 февраля, отменившего свободу печати, неприкосновенность личности и установившего систему полицейских репрессий, концентрационных лагерей и других мер борьбы против коммунистов.

Председатель (прерывает Димитрова). Вы дошли до крайнего предела, вы делаете намеки!

Димитров. Я хочу лишь осветить политическую ситуацию в Германии накануне пожара рейхстага так, как я ее понимаю.

Председатель. Здесь не место для намеков по адресу правительства и для утверждений, которые давно уже опровергнуты...

Димитров. Рабочий класс должен был всеми силами защищаться, и для этого компартия пыталась организовать единый фронт вопреки

сопротивлению Вельса и Брейтшейда, которые теперь за границей подняли истерический вопль.

Председатель. Вы должны перейти к своей защите, если вы этого хотите, иначе у нас не останется для этого достаточно времени.

Димитров. Я уже раньше заявил, что в одном пункте согласен с обвинительным актом. Теперь я должен подтвердить это свое согласие. Оно относится к вопросу о том, устроил ли Ван-дер-Люббе поджог один или у него были сообщники. Представитель обвинения Паризиус здесь заявил, что от решения вопроса о том, были или не были у Ван-дер-Люббе сообщники, зависит судьба обвиняемых. Я на это отвечаю: нет и тысячу раз нет, этот вывод прокурора нелогичен. Я считаю, что Ван-дер-Люббе действительно не один поджег рейхстаг. На основании экспертизы данных судебного разбирательства я прихожу к выводу, что поджог в пленарном зале рейхстага был другого рода, чем поджог в ресторане, в нижнем этаже и т.д. Пленарный зал подожжен другими людьми и другим способом. Поджоги Люббе и поджог в пленарном зале совпадают только по времени, в остальных отношениях они в корне различны. Вероятнее всего, что Люббе — бессознательное орудие этих людей, орудие, которым злоупотребили. Ван-дер-Люббе здесь говорит не все. Он и теперь упорствует в своем молчании. Решение этого вопроса не решает судьбы обвиняемых. Ван-дер-Люббе был не один, но с ним были не Торглер, не Попов, не Танев, не Димитров.

<...> Кто такой Ван-дер-Люббе? Коммунист? Отнюдь нет! Анархист? Нет! Он деклассированный рабочий, он бунтующий люмпен-пролетарий, тварь, которой злоупотребили, которую использовали против рабочего класса. Нет, он не коммунист! Он не анархист! Ни один коммунист в мире, ни один анархист не будет вести себя на суде так, как ведет себя Ван-дер-Люббе. Подлинные анархисты совершают бессмысленные дела, но на суде они держат ответ и объясняют свои цели. Если бы какой-нибудь коммунист сделал что-либо подобное, он не молчал бы на суде, когда на скамье подсудимых сидят невиновные. Нет, Ван-дер-Люббе — не коммунист, не анархист; он — орудие, которым злоупотребил фашизм. <...>

Председатель (прерывает Димитрова). Когда вы намерены кончить свою речь?

Димитров. Я хочу говорить еще полчаса. Я должен высказать свое мнение по этому вопросу...

Председатель. Нельзя же говорить бесконечно.

Димитров. В течение трех месяцев процесса вы, господин председатель, бесчисленное множество раз вынуждали меня к молчанию, обещая, что в конце процесса я смогу подробно говорить в свою защиту. И вот пришел этот конец, но, вопреки вашему обещанию, вы снова ограничиваете меня в моем праве говорить. <...> Лицо в штатском,

явившееся в Бранденбургский участок с первым сообщением о пожаре в рейхстаге, не разыскивалось, осталось до сего дня невыясненным. Следствие проводилось в ложном направлении. Национал-социалистский депутат д-р Альбрехт, покинувший рейхстаг непосредственно после пожара, не был допрошен. Поджигателей искали не там, где они были, а там, где их не было. Их искали в рядах компартии, и это было неправильно. Это дало истинным поджигателям возможность исчезнуть. Решили: раз не взяли и не смели взять истинных виновников поджога, то надо взять других, так сказать, «эрзац-поджигателей» рейхстага...

Председатель. Я запрещаю вам это, я даю вам еще десять минут.

Димитров. Я имею право вносить и мотивировать предложения по поводу приговора. Верховный прокурор в своей речи рассматривал все показания коммунистов как не заслуживающие доверия. Я не занимаю подобной позиции. Я не могу утверждать, например, что все национал-социалистические свидетели — лжецы. Я думаю, что среди миллионов национал-социалистов есть и честные люди...

Председатель. Я запрещаю вам подобные злобные выпады...

Димитров. Но разве не знаменательно, что все главные свидетели обвинения — национал-социалистские депутаты, журналисты и сторонники национал-социализма? <...>

Председатель. Это не относится к теме. Вы должны сделать ваши предложения.

Димитров. Верховный прокурор предложил оправдать болгарских обвиняемых за отсутствием доказательств их виновности.

Верховный прокурор предложил оправдать обвиняемых-болгар за недостатком улик. Но меня это отнюдь не может удовлетворить. Вопрос далеко не так прост. Это не устраняло бы подозрений. Нет, во время процесса было доказано, что мы ничего не имеем общего с поджогом рейхстага; поэтому нет места для каких-либо подозрений. Мы, болгары, так же как и Торглер, должны быть оправданы не за отсутствием улик, а потому, что мы как коммунисты ничего не имеем и не могли иметь общего с этим антикоммунистическим актом.

Я предлагаю вынести следующее решение:

1. Верховному суду признать нашу невиновность в этом деле, а обвинение — неправильным; это относится к нам: ко мне, Торглеру, Попову и Таневу.

2. Ван-дер-Люббе рассматривать как орудие, использованное во вред рабочему классу.

3. Виновных за необоснованное обвинение против нас привлечь к ответственности.

4. За счет этих виновных возместить убитки за потерянное нами время, поврежденное здоровье и перенесенные страдания.

Председатель. Эти ваши так называемые предложения суд при обсуждении приговора будет иметь в виду.

Димитров. Наступит время, когда такие предложении будут выполнены с процентами. Что касается полного выяснения вопроса о поджоге рейхстага и выявления истинных поджигателей, то это, конечно, сделает всенародный суд грядущей пролетарской диктатуры.

В XVII веке основатель научной физики Галилео Галилей предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул: «А все-таки земля вертится». И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества.

(Председатель резко прерывает Димитрова, встает, собирает бумаги и готовится уйти.)

Димитров (продолжает).

Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать: «И все-таки она вертится!» Колесо истории вертится, движется вперед, в сторону советской Европы, в сторону всемирного Союза советских республик, и это колесо, подстегиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!

(Полицейские хватают Димитрова и силой усаживают его на скамью подсудимых. Председатель и суд удаляются для совещания по вопросу, может ли Димитров продолжать свою речь. После совещания суд возвращается и объявляет, что Димитров окончательно лишен слова.)

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ
(1899–1961)

ХЭМИНГУЭЙ СЧИТАЕТ ФРАНЦИЮ НЕЙТРАЛЬНОЙ

Тулуза, Франция,
16 марта 1937 года

В тот же день, когда министерство внутренних дел США, соблюдая строжайший нейтралитет, запретило Сидни Франклину отправиться со мной во Францию военным корреспондентом из опасения, что он может слишком увлечься корридой, двенадцать тысяч итальянских военных высадились в Малаге и Кадисе.

На французской границе настолько жестко отсеивают иностранных волонтеров, желающих попасть в Испанию, что отказали (и в Тулузе, и в Бордо) 60-летней гражданке Швейцарии миссис Статтелман, бывшей медсестре Красного Креста, во время Мировой войны служившей во французской армии. Она везла продовольствие — сгущенное молоко — для голодающих детей беженцев в Мадриде.

Несмотря на это, я не встретил никаких трудностей с пересечением границы, и этот материал пишу прямо перед вылетом в Испанию, на территорию, контролируемую правительством.

Вчера я проехал от Тулузы до средиземноморской границы Испании, чтобы проверить эффективность французского пограничного контроля. Контроль явно эффективен. С 20 февраля никто не может выехать из Франции в Испанию без паспорта, завизированного французским правительством. Получить эту визу можно, только отправив запрос в свое консульство или посольство.

На уходящей вверх извилистой дороге, где сквозь кроны деревьев можно было увидеть окруженные облаками заснеженные вершины Пиренеев, наша машина была единственной. В двадцати километрах от важного пограничного пункта, Пертуса, мы были остановлены двумя кавалеристами с примкнутыми к ружьям штыками. Нам позволили двигаться дальше после предъявления необходимых верительных грамот.

На дороге, постепенно взбирающейся все выше, окруженной скалистыми склонами гор и цветущим миндалем, мы были еще раз оста-

новлены парой стражников со штыками, пока, наконец, не добрались до границы в Пертусе, где были допрошены комиссаром полиции.

Кроме нескольких людей «с дипломатической миссией», мы не встретили ни одного путешественника на дороге, прежде бывшей важнейшей магистралью из Франции в Испанию.

«Даже вы, — заявили нам, — независимо от ваших бумаг, не можете пересечь границу без новой визы. А если вы уедете с этой визой и затем вернетесь, все необходимо будет оформлять заново».

Другая посещенная нами застава была не менее бдительна, несмотря на то, что никто из пограничников не знал, когда приезжает полковник Ланн — датчанин, ответственный за международный контроль на французской границе. Таким образом, контроль весьма действенен. На пути обратно мы встретили одну-единственную машину на дороге, прежде запруженной желающими попасть в Испанию.

По обе стороны границы процветает шпионаж и контршпионаж, и те, кому есть что сказать, очень аккуратно выбирают кафе, не охотящееся за информацией. Внимательный официант теперь получает подозрительный взгляд вместо чаевых. Но на какой бы стороне ни были люди, одно можно сказать точно: французская граница запечатана чрезвычайно герметично.

Перевод *Полины Тепляковой*

ХЭМИНГУЭЙ НАЗЫВАЕТ БРИУЭГУ ПОБЕДОЙ МАСШТАБА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мадрид, 28 марта

В красноватых горах к северу от Гвадалахары было ясно и солнечно. Мы стояли на краю скалистого плато, откуда белая дорога круто спускалась в долину, и наблюдали за фашистскими войсками на соседнем плато, перегораживающим узкую долину.

— Смотрите, по той тропе поднимается человек, — сказал испанский офицер рядом со мной. — У них там пулеметное гнездо. Видите, еще трое. А вон там еще пятеро.

В бинокль я разглядел больше ста пятидесяти солдат, движущихся по сильно изрезанной поверхности плато.

— У них нет артиллерии, — заверил меня офицер, — а пулеметами нас здесь не достать.

Фашистские солдаты, одетые в форму регулярной испанской армии с широкими развевающимися накидками, не торопясь возводили укрепления вдоль крутого обрыва. В долине под нами скучились коричневые дома Утанде и Мудо. Слева, рядом с конусом крутой горы, кубистской картиной расположилась Ита.

Белеющая внизу дорога огибала противоположное плато и продолжалась за ним. После битвы у Бриуэги можно было бы продвинуться в этом направлении за Утанде, и фашисты вынуждены были бы отойти минимум до Хадраке. Но, отступая, фашисты разрушили эту дорогу, поэтому решено было оставить правительственные силы на прежних удачных позициях, а не наступать дальше вдоль главной Арагонской дороги, опасно растягивая левый фланг.

Был первый теплый весенний день, солдаты лежали, стянув футболки, загорали и разглядывали шрамы. С командиром бригады, сражавшейся под Бриуэгой, ваш корреспондент прошел километр по Арагонской дороге.

В то время как левое плато удерживается испанскими повстанческими войсками, другая сторона дороги, по сообщениям, занята итальянской дивизией, во время битвы под Бриуэгой бывшей в резерве и не участвовавшей в бое. Не считая противобатарейного огня, для которого правительственные силы использовали захваченные итальянские ружья и снаряды, фронт был абсолютно спокоен и собирался оставаться таким же до тех пор, пока итальянцы не перестроят войска.

Этот корреспондент сомневается, что даже тогда будет сделана попытка атаковать район Бриуэги, так как правительственные войска показали себя крайне удачно, в то время как напоминания о кровавейшем поражении итальянцев в первой же битве, по организации достойной Мировой войны, до сих пор рассеяны по полю шириной в десять километров.

Невозможно переоценить значение этой битвы, в которой испанские батальоны, в основном набранные в прошлом ноябре из необученных мальчишек, не только оборонялись вместе с другими более подготовленными частями, но и атаковали в ходе сложно спланированной и великолепно исполненной операции, сравнимой разве что с лучшими сражениями Великой войны.

Этот корреспондент исследовал битву в течение четырех дней, изучал местность с командирами, руководившими операцией, и офицерами, сражавшимися в ней, знакомился с позициями и ходил по следам танков, и он уверенно заявляет, что Бриуэга займет в военной истории свое заслуженное место среди других решающих сражений мира.

Нет ничего столь же ужасного и зловещего, как гусеницы танка в действии. Тропический ураган оставляет после себя полосу страшных разрушений, но два параллельных желоба, оставленных танком в красной грязи, ведут к куда худшим картинам насильственной смерти.

Заросшие кустарником дубовые леса к северо-западу от Ибаррского дворца, неподалеку от пересечения Бриуэдской и Утандской дорог, до сих пор полны тел погибших итальянцев, до которых еще не добрались погребальные бригады. Следы гусениц приводят к местам, где они

умирали, отважно защищая автоматные и стрелковые позиции, к местам, где их нашли танки и где они лежат до сих пор.

Непаханые поля и дубовые рощи полны камней, и итальянцы строили брустверы из них, вместо того чтобы пытаться копать не поддающуюся лопате землю. Попавшие в эти укрепления снаряды — их выпустили шестьдесят танков, сражавшихся с пехотой, — кошмарно обезобразили трупы. Легкие итальянские танки, вооруженные только пулеметами, были так же беспомощны перед более тяжелыми правительственными машинами с пушками и пулеметами, как катер береговой охраны против вооруженного крейсера.

После изучения поля сражения становится ясно, что называть Брихуэгу только воздушным сражением, в котором колонны бежали без боя, неверно. Семь дней здесь шли ожесточенные бои, и немалую часть этого времени авиатехника просто не могла летать из-за дождя и снега.

Во время последней атаки, после которой итальянцы дрогнули и побежали, погода была летная, и сто двадцать самолетов, шестьдесят танков и около десяти тысяч пехотинцев разгромили три итальянских дивизии по пять тысяч человек каждая. Именно слаженные действия авиации, танков и пехоты вывели эту войну на новый уровень. Вам может это не нравиться, и вы можете считать это пропагандой, но я видел поле сражения, трофеи, пленных и убитых.

Перевод *Полины Тепляковой*

ОСНОВНАЯ ОПАСНОСТЬ ВОССТАНИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ НА СЕВЕРЕ

Тортоса, Испания, 10 апреля

Последние пять дней этот корреспондент пробыл на фронте, простирающемся от сияющих склонов Пиренеев до мест, где яркая синева Средиземноморья становится молочной от желтых вод Эбро и только одинокая финиковая пальма указывает на вход в разрушенную Тортосу.

Далеко на севере, в тени Пиренеев, повстанческие войска генералиссимуса Франсиско Франко продвигались на север и восток страны, где позиции могли бы быть удержаны выпускницами пансиона благородных девиц. Одним из первых действий нового верноподданного правительства будет, несомненно, укрепление и создание серьезного сопротивления в этом северном секторе, который произвел на корреспондента, побывавшего там три дня назад, впечатление чересчур идиллическое.

Возможно, это из-за того, что солдаты ходили с перекинутыми через плечи кроликами, пойманными на охоте, а быть может, из-за всеобщего ощущения, что в такой большой стране не имеет значения, сколь-

ко долин пролегло между одной и другой армиями? Но бесспорным остается тот факт, что эта северная часть — дверь в Каталонию.

Жесткая позиция

После наблюдения за твердыми позициями, блокирующими Франко с моря, было настоящим разочарованием увидеть, что потеря этой жизненно важной территории, где контролируются громадные гидроэнергетические ресурсы, воспринимается как что-то, что само собой разумеется, и, в крайнем случае, может быть остановлено.

Ситуация на левом берегу Эбро, выше Тортосы, так же отличалась от севера, как яркие огни ринга отличаются от сиесты в пыльной деревне. С тех пор, как этот корреспондент уехал отсюда 5 апреля, позиции остались абсолютно неизменными. Атака за атакой двух итальянских подразделений, состоящих из заключенных, — «Литтория»[1] и «Черные стрелы», поддерживалась артиллерийским огнем в масштабах Мировой войны из 6-дюймовых и 3-дюймовых орудий, новые вспышки и стрельба не могли пробить защиту армии правительства хоть где-нибудь.

Днем летало столько самолетов, сколько еще никогда не видели, и небо переполнял их рокот. Этот корреспондент видел металлический блеск бомбардировщиков Савоя-Маркетти, кружащих в безоблачном, высоком испанском небе подобно насекомым, сбрасывающим бомбы точно в цель.

Командир торжествует

Посмотрев на оборону Эбро с наблюдательного пункта, этот корреспондент спустился с оружием наперевес по стальной лестнице через виноградники и вместе с дивизией съел порцию бараньих котлет, приправленных томатным соусом и репчатым луком. Командир дивизии, один из самых знаменитых молодых генералов в испанской армии, ликовал от того, что продвижение повстанцев остановлено.

«Прошлой ночью они атаковали с помощью тяжелой артиллерии и танков, — говорил он, — а сегодня утром — снова. Вы видите, что границы совершенно те же, что и четыре дня назад. Они ведут обстрел с помощью более сотни самолетов и бомбят города, но мы удерживаем их так же, как в Мадриде. Они смогут видеть море, но никогда не подберутся сюда».

Следуя боевому духу и оптимизму этих старых защитников Мадрида — старых, так как они сражаются два года, но молодых по возрасту —

---

[1] *Литтория (Torre Littoria)* — самое высокое здание Турина (109 м), построенное в виде башни в 1933–1934 годах.

ситуация все еще такова, что попытки Франко спуститься вниз по Эбро целиком подавляются.

Однако пока лучшие войска Испании удерживают пути к побережью, территория вдоль границы с Францией находится под угрозой. В этом последнем серьезном натиске Франко демонстрировалось снова и снова, что сильные войска способны удерживать весьма твердые позиции, и неподготовленная армия может быть разбита воздушной атакой, против хорошо укрепленных войск не остается ничего, кроме отступления.

Чтобы удержать Каталонский фронт, правительство сначала должно укрепить позиции на севере. Центр и юг сейчас контролируются так же, как это было в Мадриде.

Перевод *Елизаветы Дворцовой*

АМЕРИКАНЦЫ В ИСПАНИИ

Арагонский фронт, Валенсия, Испания,
13 сентября 1937 года

Когда мы проснулись, американцы лежали под оливковыми деревьями вдоль небольшого ручья. Желтая пыль Арагона носилась над ними, над их накрытыми пулеметами, винтовками и зенитными орудиями. Постепенно вырастали ослепляющие пылевые облака, поднятые копытами вьючных животных и колесами автотранспорта.

С подветренной стороны находилась группа мужчин, ссутулившихся, страшных, ухмыляющихся, чьи зубы сияли белыми проблесками на желто-пыльном фоне.

С тех пор, как я видел их прошлой весной, они стали солдатами. Романтика закончилась, упрямые вернулись домой вместе с тяжелоранеными. Умерших, конечно, здесь не было. Те, кто остался, — жесткие, с почерневшими и серьезными лицами. Теперь, спустя семь месяцев, они знают свое дело.

Непробиваемая атака Бельчите

Они сражались с первыми испанскими войсками новой правительственной армии, захватили хорошо укрепленные вершины и местечко Квинко в ходе блестяще спланированного наступления, приняли участие с тремя испанскими бригадами в заключительном штурме Бельчите (двадцать миль к юго-востоку от Сарагосы) после того, как он был окружен испанцами.

После взятия Квинко они прошли 20 миль по направлению к Бельчите. Они остановились за городом, в лесу и с помощью индейских боевых

тактик, которые по сей день наиболее безопасны, и это знает любая пехота, вырабатывали план наступления. Они штурмовали вход в город под сильным и точным обстрелом. Затем, в течение трех дней, продвигаясь от дома к дому, от комнаты к комнате, ломали стены кирками, пробивали путь вперед, стреляя из-за углов, из окон, с крыш и из отверстий в стенах.

Наконец, они объединились с испанскими войсками, наступавшими с другой стороны, и окружили собор в Бельчите, где все еще держалось 400 человек городского гарнизона. Эти люди сражались отчаянно, смело, офицер повстанческой армии стрелял из пулемета с башни до тех пор, пока патроны не разрушили основание шпиля над ним. Они дрались по всей площади и, поддерживая заградительный огонь из винтовок, совершили последний рывок. После битвы, в которой было не разобрать, где истерика, а где — предельное мужество, гарнизон сдался.

Калифорния была в авангарде

Роберт Мерримэн, бывший профессор Калифорнийского университета, руководитель штаба пятнадцатой бригады, был командиром завершающего нападения. Его небритое лицо закопчено, а его парни рассказывают, как он прорывался вперед, получил шесть незначительных ранений осколками гранаты в лицо и руки, но отказывался от перевязки до тех пор, пока собор не был взят. Потери американцев составили 23 убитых и 60 раненых из 500 бойцов всех рангов, которые приняли участие в двух операциях.

В общей сложности число жертв армии правительства в результате наступления достигло 2000 убитых и раненых. Все повстанцы (3000 военнослужащих в Бельчите) были либо захвачены, либо убиты, кроме четырех офицеров, которым удалось вырваться из города в ночь перед финальным штурмом.

Правительственные войска захватили в целом 3000 пленных в результате наступления, из которых ваш корреспондент видел 850, остальные вывезены в концентрационные лагеря, в рядах националистов потери составили 7000 убитых и раненых.

Опрошенные мной заключенные утверждают, что они потеряли 1200 человек только в Бельчите. Способа проверить число жертв не существует.

Перевод *Елизаветы Дворцовой*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА США

ДЖОЗЕФ МАККАРТИ

РЕЧЬ ДЖОЗЕФА МАККАРТИ

Уилинг, Западная Виргиния,
9 февраля 1950 года

Дамы и господа, сегодня мы празднуем сто сорок первый день рождения одного из самых великих людей в истории Америки, и я рад, что могу говорить об этом поистине знаменательном дне в истории всего мира. Мы празднуем день рождения человека, который всей душой ненавидел войну, поэтому я не могу не напоминать о мире в наши дни — в дни, когда война запрещена, когда весь мир разоружается. Об этом можно и должно говорить, потому как сегодня день рождения Авраама Линкольна.

Прошло пять лет с тех пор, как была выиграна мировая война, и сердца людей ждут мира, а разум — покоя и избавления от тяжелых воспоминаний. Но сейчас не то время — не время мира. Это время «холодной войны». Это время, когда мир расколот на два огромных, все более и более враждебных друг другу лагеря, время великой гонки вооружений.

Сегодня мы уже слышим рокот и громыхание крепнущего бога войны. Мы видим, чувствуем, осязаем весь его путь с холмов Индокитая, с берегов острова Формоза — в самое сердце Европы.

Обнадеживает только то, что «час икс» еще не наступил, что не раздается еще ружейная стрельба и взрывы бомб, которые приведут человечество к последней точке — самоуничтожению. Надежда еще остается, если мы, наконец, осознаем, что рискованно закрывать глаза на очевидные факты, <...> что грозящая нам война — не столкновение двух народов за земли или материальную выгоду, а конфликт двух по-настоящему враждебных идеологий. Глубочайшее противоречие между демократическим, христианским миром и атеистическим, коммунистическим

не в политике, господа, а в морали. Например, марксистская идея национализации земли и заводов и создания монолитной экономики очень важна. Но ленинское однопартийное полицейское государство как способ воплощения в жизнь теории Маркса куда менее значительно. Сталинское лавирование между двумя этими идеями, конечно, значительно повлияло на разделение мира. И все-таки, если бы существовали только эти два противоречия, Восток и Запад еще могли бы жить в мире.

Но главное, основополагающее различие заключается в «религии аморализма», <...> которую изобрел Маркс, активно проповедовал Ленин и довел до немыслимых размеров Сталин. Эта «религия аморализма», если победит «красная» половина мира — а это вполне может случиться, господа, — эта религия ранит глубже и вредит человечеству сильнее, чем любая возможная экономическая или политическая система.

Карл Маркс клеймил Бога как обман, а Ленин и Сталин ясным, не терпящим возражений языком объяснили, что ни одно государство, ни одни народ, верующий в Бога, не может существовать бок о бок с их коммунистической страной.

К примеру, Маркс выгонял людей из коммунистической партии за одно только упоминание таких ценностей, как любовь, справедливость, человеколюбие и мораль. Он называл это «душевным бредом» и «слезливой сентиментальностью» <...>.

Сейчас мы участвуем в последней, решительной битве между коммунистическим атеизмом и христианством. Современные поборники коммунизма решили, дамы и господа, что жребий брошен — и он действительно брошен.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что момент уже выбран, давайте присмотримся к лидеру коммунистов — Иосифу Сталину. Вот что он сказал (не в далеком 1928 году, не накануне и не во время войны, а через два года после того, как она кончилась): «Думать, что социалистическая революция может пройти мирно, в рамках христианской демократичности, означает забыть или открыто отречься от идеи революции» <...>.

Дамы и господа, есть ли сегодня вечером здесь хоть кто-нибудь, кто настолько слеп, чтобы сказать, что война не идет в этот самый момент? Есть ли здесь кто-нибудь, кто еще не осознал, что коммунистический мир сказал «время пришло»? Что это время демонстрации силы демократического христианского и коммунистического атеистского мира?

Если мы не осознаем этот факт, мы заплатим ту высокую цену, какую платит всякий, кто слишком долго был слеп.

Шесть лет назад в советском мире жили 180 млн человек. Антитоталитарный лагерь в общей сложности насчитывал примерно 1 млрд 625 млн человек. Сегодня, когда прошло всего шесть лет, под властью Советского Союза уже 800 млн человек — это больше, чем 400 процентов роста. Количество наших сторонников уменьшилось до примерно

500 млн. Другими словами, меньше чем за шесть лет соотношение изменилось с 9 к 1 до 8 к 5 не в нашу пользу. Эти цифры показывают, с какой быстротой приближаются коммунисты к победе, а американцы — к поражению в «холодной войне». Как сказал один из выдающихся исторических деятелей, «великая демократия будет разрушена врагами не извне, а вовне» <...>.

Мы оказались в таком беспомощном положении не потому, что наш возможный всесильный враг вторгся на наши земли, а из-за вероломства тех, кому уже столь щедро заплатили эти люди. Предателями оказались не те, кому повезло меньше других, не те, кто принадлежит к социальным меньшинствам, которые всегда сочувствовали коммунистам, но те, кому достались все преимущества, которые только может предоставить человеку богатейшая в мире страна, — лучшие дома, образование и лучшие посты в правительстве.

Все это — горькая правда о нашем Государственном департаменте [министерстве иностранных дел. — *Прим. перев.*]. Там работают талантливые молодые люди, которые вытащили свой счастливый билет и которые же оказались самыми вероломными.

В моей руке — список из двухсот пяти человек. Это фамилии тех людей, кто, как известно государственному секретарю, являются членами коммунистической партии и тем не менее продолжают работать и формировать нашу внешнюю политику...

Как вы знаете, совсем недавно госсекретарь подтвердил свою лояльность человеку, который совершил самое гнусное преступление из всех (а ведь он предал людей, которые ему действительно доверяли) — он совершил государственную измену.

Он стал той искрой, которая вызвала нравственный бунт, а он закончится лишь тогда, когда от управления страной отстранят испорченных, извращенных политиков и мы сможем отпраздновать новое рождение честности и порядочности в правительстве.

Перевод *Александры Хоменок*

ДЖОЗЕФ МАККАРТИ — ПРЕЗИДЕНТУ ГАРРИ ТРУМЭНУ

11 февраля 1950 года

В день рождения Линкольна в своей речи в Уилинге я утверждал, что Государственный департамент стал прибежищем коммунистов и их приспешников, которые формируют внешнюю политику государства. Далее я сказал, что имею в своем распоряжении список из 57 коммунистов, которые в данный момент работают в Госдепе. Представитель Департамента сразу заявил, что в его ведомстве нет ни одного коммуни-

ста. Вы можете сами очень легко убедиться в ложности заявления Госдепартамента. Вы вспомните, что Вы лично одобрили решение совета по проверке служащих министерства иностранных дел для того, чтобы его очистить от случайных попутчиков — людей, которых совет признает угрожающими безопасности нашего Отечества. Ваш совет проделал кропотливую работу и составил список из сотен имен людей, которые признаны опасными для безопасности нации из-за своих связей с коммунистами.

Пока эти данные недоступны мне, но я ознакомлен с перечнем приблизительно в триста фамилий, одобренных госсекретарем к увольнению. Фактически он освободил от должности всего примерно 80 человек. Я понимаю, что это было сделано после длительных консультаций с ныне осужденным изменником Элджером Хиссом. Поэтому я советую Вам, господин президент, просто снять телефонную трубку и спросить мистера Ачисона о том, скольких людей, которых Ваш совет признал опасными коммунистами, он так и не уволил. В день, когда Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности разоблачила Элджера Хисса в связях с международной коммунистической шпионской сетью, Вы подписали указ, запрещающий Государственному департаменту предоставлять Конгрессу какую-либо информацию о предательстве или связях с коммунистами.

Хотя Госдеп и скрывает сведения, нам удалось составить список из 57 коммунистов в министерстве иностранных дел. Он доступен Вам, но Вы можете получить и более обширный перечень, если распорядитесь, чтобы госсекретарь Ачисон предоставил в Ваше распоряжение эти данные. Я думаю, что в данном случае Вам следует сделать следующее.

1. Вы попросите Ачисона предоставить Вам и специальной комиссии Конгресса фамилии и полный отчет о тех чиновниках, которые были наняты Элджером Хиссом в Департамент, и тех, которые до сих пор там работают и упомянуты в списке риска, составленном Вашим советом.

2. Вы немедленно аннулируете свой указ, согласно которому комиссия Конгресса ни при каких обстоятельствах не может получать никакой информации или помощи в разоблачении коммунистов.

<...> Партию демократов будут клеймить за то, что она продалась коммунистам. Конечно, этот ярлык не заслужили сотни тысяч верных американских демократов по всей стране и значительное число преданных демократов как в Сенате, так и в Белом доме.

Перевод *Александры Хоменок*

ЭДВАРД МАРРОУ
(1908–1965)

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ RTDNA (RADIO TELEVISION DIGITAL NEWS ASSOCIATION)

15 октября 1958 года

Может, это никому и не пойдет на пользу. Может, после этого выступления некоторые упрекнут репортера: мол, рубит сук, на котором сидит, разоряет насиженное гнездышко; а ваше общество обвинят в симпатии к ереси и даже преступным взглядам. Пускай выверенную структуру телекомпаний, рекламных агентств и спонсоров не растормошить и не переделать. Но я хочу, больше того, считаю своим долгом, коллеги, говорить с вами откровенно и прямо о том, что творится с радио и телевидением.

Мне нечего посоветовать в профессиональном плане тем из вас, кто трудится на ниве тележурналистики. Не буду лишний раз говорить, что вы имеете дело с чудодейственными инструментами, что на вас лежит беспримерная ответственность или что ваши стремления часто не оправдываются. Не хочу даже напоминать, что ваш голос достигает частот, слышимых по всей стране, — мудрости вам это не прибавляет, как если бы вы из одного угла бара пытались докричаться до другого. Все это вы, конечно, и так знаете.

Для начала пусть вам также будет известно, что я выступаю здесь добровольно, будучи приглашенным, подобно «свидетелю» перед Конгрессиональными комитетами; я нанят компанией CBS, но я не служащий и не глава корпорации, и все следующие замечания сделаны мной лично. Если мои слова удостоятся доверия, то ответственность за сказанное понесу только я сам. Я не ищу ни одобрения работодателей, ни новых спонсоров, ни признания радио- и телекритиков — а потому мне нечего терять. Веря, что коммерческая система вещания, действующая в этой стране, возможно, лучшая и самая свободная из придуманных, я решил высказать свои опасения по поводу того, что, как мне кажется, в действительности происходит с радио и телевидением.

Я отдаю должное этим средствам информации. У меня нет оснований для личных претензий. Я не веду вражды с работодателями, спон-

сорами или профессиональными радио- и телекритиками. Но меня одолевает страх из-за того, что эти две структуры творят с нашим обществом, нашей культурой и традициями.

Мы сами создаем историю. И если через пятьдесят или сто лет все еще будут существовать историки и до них дойдет телехроника основных трех каналов хотя бы за одну неделю, то они обнаружат черно-белые или цветные доказательства упадка, эскапизма и бегства от действительности нашего мира. Обращаю ваше внимание на телепрограмму всех каналов с восьми до одиннадцати вечера по восточному времени. Здесь вы увидите только мимолетные упоминания того, что народ в смертельной опасности. Да, правда, есть случайные информативные программы — их держат в интеллектуальном гетто и показывают в дневное время по воскресеньям. Но ежедневно в прайм-тайм телевидение, по большей части, ограждает нас от реальностей того мира, в котором мы живем.

Если положение вещей останется прежним, мы сможем изменить рекламный слоган на «смотри сейчас, плати потом!». Конечно, мы должны платить за пользование этим сверхсильным средством коммуникации, чтобы изолировать граждан от страшной действительности, которую на самом деле нужно освещать, если мы хотим выжить. Я имею в виду «выжить» в буквальном смысле этого слова. Даже Нерон с его скрипкой и Чемберлен с его зонтиком не смогли бы поучаствовать в послеобеденных шоу, если бы устраивались соревнования в безразличии, равнодушии и бегстве от реальности.

Если бы из Голливуда исчезли все индейцы, телепрограмма изменилась бы до неузнаваемости. Тогда какая-нибудь отважная душа с маленьким бюджетом сняла бы документальный фильм, рассказывающий, что на самом деле мы творили и продолжаем творить с индейцами в этой стране. Но это было бы неприятно. А мы «должны» во что бы то ни стало ограждать впечатлительных граждан от всего неприятного.

Я совершенно убежден, что американская аудитория куда более разумная, сдержанная и зрелая, чем думает большинство продюсеров. У меня, как и у большинства из вас, есть основания полагать, что если очевидное решение спорного вопроса представлено честно и спокойно, публика отнесется к нему как к тому, чем оно является — как к попытке осветить, а не сагитировать.

Несколько лет назад, когда мы взялись снимать передачу о Египте и Израиле, опытные и благоразумные товарищи качали головами и говорили: «Не беритесь за это. Здесь место субъективному противостоянию, здесь нет места разуму». Мы все-таки сделали программу. Сионисты, антисемиты, сопереживающие, египетские и израильские чиновники — все отреагировали с приятным удивлением: «Это был добросовестный отчет, в котором не было ничего, кроме информации. Мы не имеем претензий».

Это напомнило еще один случай, с передачами о табакокурении и угрозе рака легких. Конечно, медики и производители сигарет подозрительно отнеслись друг к другу. Но, в конце концов, и те, и другие были удовлетворены. Вопрос радиоактивных осадков и запрета на ядерные испытания тоже был, да и остается, крайне противоречивым. Принимая во внимание те немногие факты, которые имеются, зрители были готовы выслушать обе стороны здраво и сдержанно. Все это было сказано не потому, что спорные вопросы не заслуживают неординарных решений, а скорее затем, что нерешительность в данной ситуации ни к чему. <...>

Старейшее оправдание нерешительности телекомпаний — их молодость. Представители каналов говорят: «Мы молоды, мы еще не обзавелись теми традициями, какие есть у старших медиа». Если бы они только знали, что сами ежедневно создают традиции и прецеденты! Каждый раз, когда они прислушиваются к голосу Вашингтона или поддаются какому-нибудь политическому давлению, каждый раз, когда они избавляются от чего-то, что может пойти во вред какой-либо прослойке общества, они создают собственный комплекс традиций. Они не хотят быть «защищенными лишь наполовину». Ничто лучше не иллюстрирует эту ситуацию, чем сам факт, что председатель комиссии по федеральным коммуникациям публично подстрекает вещательные компании «пользоваться их законным правом» — предвзятостью. Конечно, чтобы вести открытую, непроплаченную редакционную политику, каналу нужно брать на себя ответственность. Большинство станций сегодня просто не имеют достаточно персонала, чтобы взвалить на себя такой груз, но работников можно нанять. <...>

Вы видите, я говорю только о новостях и информации. Чтобы идти вперед, нужно вспомнить, с чего все начиналось. Вспомнить времена, когда кричащая реклама не прерывала новости, когда посреди пятнадцатиминутной информационной программы не было рекламной паузы, когда радиовыпуски было содержательными, своевременными и оперативными. Я недавно спросил одного телевизионного чиновника: «Что это за наплыв пятиминутных новостных выпусков (включая три рекламные паузы!) по выходным?» Он ответил: «Потому что это, кажется, единственная штука, которую мы можем продать».

В этом запутанном мире сложно понять, почему только три минуты эфира отданы новостям. Единственный человек, который мог бы это сделать, был Элмер Дэвис, но такие, как он, уже не встречаются. Если радионовости приравниваются к предмету потребления, приемлемому только в том случае, если его можно продать, — мне все равно, как вы это назовете, но это не новости.

Я еще помню времена, когда страх даже небольших финансовых потерь не выражался в немедленном сокращении новостного выпуска, в то время как прибыль телекомпаний достигала пика. <...>

Основная проблема в том, что радио и телевидение — это гремучая смесь из шоу-бизнеса, рекламы и новостей. И то, и другое, и третье — странные и выматывающие сферы деятельности. Но если собрать их под одной крышей, то они поднимут такой сыр-бор, что распрям не будет конца.

Высшие руководители телекомпаний, за некоторыми исключениями, набили руку на рекламе, торговле или шоу-бизнесе. Но по корпоративной логике именно за ними последнее слово в том, что касается новостей и общественно-политических вопросов. Обычно у них нет для этого ни времени, ни знаний.

Нелегко одной и той же, небольшой группе людей решать: брать ли новую студию за миллион долларов, строить ли новое здание, покупать ли вестерн, продавать ли мыльную оперу, решать, какую оборонительную позицию занять в последнем следствии Конгресса, сколько денег потратить на раскрутку новой программы, какие добавления или сокращения сделать в существующем наборе вице-президентов, и в то же время — а частенько и в тот же день — зрело и взвешенно реагировать на множество проблем, с которыми сталкиваются ответственные за новости и общественно-политические дела. <...>

Иногда общественные и корпоративные интересы вступают в конфликт. Телефонный звонок или письмо «сверху», из Вашингтона, рассматривается куда более серьезно, чем сообщение от разгневанного, но не имеющего политической силы зрителя. <...> Я не говорю, что теле- и радиокомпании должны руководствоваться исключительно альтруизмом. Но в то же время не могу найти ни в Билле о правах, ни в законе о СМИ призыва к ежегодному увеличению доходов с целью уберечь республику от развала. Я не говорю, что вещание должно существовать на частные пожертвования. Мне известно, что телекомпании тратили и продолжают тратить значительные суммы денег на общественные программы, не получая никакой прибыли. Я имел удовольствие руководить рядом таких программ на канале *CBS*. И могу с уверенностью заявить, что на моем веку ни одну программу не отклонили из-за ее высокой стоимости. <...>

Итак, мы не можем рассчитывать на благотворительную поддержку, на эту своеобразную руку помощи — телерадиокомпании не могут взять на себя все расходы, — а Федеральная комиссия связи не может и не будет контролировать тех, кто присваивает себе общественные льготы. Где же ответ на данный вопрос? Стоит ли нам продолжать сидеть сложа руки, соглашаясь с тем, что телевидение как инструмент перестало использоваться по назначению из-за необходимости донести информацию за кратчайший период времени? <...>

Телевидение может учить и просвещать, и даже вдохновлять, но только если люди будут использовать его должным образом. Иначе это не больше, чем ящик с проводами и лампочками.

Мы являемся свидетелями великой и, возможно, решающей битвы с невежеством, нетерпимостью и безразличием. И телевидение — наше оружие, которое может решить исход этого сражения. Стоунволу Джексону, который кое-что в этом смыслил, приписывают такие слова: «Когда начинается война, нужно обнажить меч и выбросить ножны». Наша проблема как раз в том, что, в то время как идет битва на выживание, меч под названием «телевидение» ржавеет в ножнах.

Перевод *Анны Аскарян*

РИЧАРД НИКСОН— ДЖОН КЕННЕДИ

ПЕРВЫЕ ТЕЛЕДЕБАТЫ НИКСОН—КЕННЕДИ[1]

26 сентября 1960 года

Говард Смит. Добрый вечер.

Телевидение и радиостанции Соединенных Штатов и их дочерние компании рады приветствовать двух главных кандидатов на пост президента США для обсуждения проблем текущей политической кампании.

Они не нуждаются в представлении. Кандидат от партии республиканцев — вице-президент Ричард М. Никсон, и кандидат от партии демократов — сенатор Джон Ф. Кеннеди.

Согласно правилам, установленным самими кандидатами, каждый кандидат выступит со вступительной речью в течение примерно восьми минут и с заключительной — в течение примерно трех минут.

Между ними кандидаты будут отвечать на вопросы или комментировать ответы на вопросы своих оппонентов, заданные журналистами.

Первые дебаты из четырех задуманных будут посвящены внутренней политике Соединенных Штатов.

И сейчас со своим вступительным словом выступит сенатор Джон Кеннеди.

Джон Кеннеди. Господин Смит, господин Никсон.

На выборах 1860 года Авраам Линкольн задал вопрос, может ли наша нация существовать наполовину рабской и наполовину свободной.

На выборах 1960 года, за которыми следит весь мир, мы зададим другой вопрос: может ли мир существовать наполовину рабским и наполовину свободным, пойдет ли он по пути, который изберем мы, — по пути свободы, или же он изберет для себя путь рабства.

Я думаю, в большей степени это будет зависеть от того, что мы делаем здесь, в США, от того, какое общество мы строим и какую силу мы представляем.

---

[1] Дебаты между кандидатами в президенты США сенатором Джоном Ф. Кеннеди и вице-президентом США Ричардом М. Никсоном проходили в студии Си-Би-Эс в Чикаго, штат Иллинойс. Ведущим был Говард К. Смит. – *Прим. перев.*

Сегодня вечером мы обсуждаем вопросы внутренней политики, тем не менее я не хотел бы ограничиваться только ими. Хотя, надеюсь, все, что мы скажем сегодня, не будет расценено непосредственно как еще один удар по г-ну Хрущеву и Советскому Союзу, с кем мы, можно сказать, ведем борьбу за выживание.

Г-н Хрущев находится в Нью-Йорке, и он, разумеется, непосредственно поддерживает коммунистическое наступление во всем мире в связи с возрастающей мощью Советского Союза.

Китайские коммунисты всегда отличались большой численностью населения, но они стали важны и опасны только теперь, когда они стали копить силы в пределах собственной страны. Страна же, где живем мы, общество, которое мы строим, силы, которые мы наращиваем в Соединенных Штатах, — все это во имя свободы.

Если мы преуспеем здесь, если мы выполним наши обязательства, если мы будем двигаться вперед, то я думаю, что свобода будет в безопасности во всем мире. Если же мы потерпим неудачу в этом нелегком деле, то и свобода, возможно, будет потеряна.

Поэтому я задам вам вопрос еще раньше, чем вы только задумаетесь над этим: делаем ли мы для этого столько, сколько реально можем сделать? Так ли мы сильны, как должны быть? Достаточно ли мы сильны, как должны быть, если мы собираемся сохранить нашу независимость и если мы готовы протянуть руку дружбы тем, кто обратится к нам за помощью, тем, кто обратится к нам, чтобы выжить? Я хочу сделать это очевидным, однако боюсь, что мы прикладываем недостаточно усилий, и лично я, как американец, не удовлетворен тем, что мы делаем сейчас.

Америка — великая страна, но, я думаю, она могла бы стать еще более великой! Америка — сильная страна, но я думаю, что она могла бы быть еще сильнее!

Я недоволен тем, что 50% мощностей наших сталелитейных заводов остаются невостребованными!

Я недоволен тем, что в Соединенных Штатах в прошлом году показатели экономического роста были самыми низкими среди главных промышленно развитых стран мира. А ведь экономический рост — это сила и способность выживать. Высокие его показатели говорят о том, что мы обороноспособны и в состоянии выполнять наши обязательства за границей.

Я недоволен тем, что многие из 9 млрд долларов, которые могли бы пойти на еду, попросту сгнивают! И это притом, что существует голодный мир, а 4 млн американцев ждут ежемесячных пайков продовольствия от Правительства по средней цене 5 центов в день на человека!

Мне известны случаи в штате Западная Виргиния, здесь в Соединенных Штатах, когда дети приносили домой часть школьного завтрака,

с целью хоть как-то накормить членов их семей. И я не думаю, что мы выполняем наши обязательства по отношению к этим американцам.

Я недоволен тем, что в Советском Союзе в два раза больше ученых и инженеров, чем у нас!

Я недоволен тем, что многие наши преподаватели получают поистине смешные деньги или наши дети идут в школу не на полный учебный день. Я думаю, мы должны иметь первоклассную образовательную систему!

Я недоволен тем, что вижу таких людей, как Джимми Хофф, отвечающего за крупнейший профсоюз в Соединенных Штатах, все еще на свободе.

Я недоволен тем, что мы не в состоянии полностью использовать собственные природные ресурсы. Мы, Соединенные Штаты, которые развивали долину штата Теннесси и которые построили Гранд-Кули и другие дамбы на Северо-Западе страны, мы по существующему рейтингу производства гидроэлектроэнергии, являющейся признаком промышленно развитого общества, к 1975 году будем производить меньше этой энергии, чем Советский Союз!

Вот все те вещи, которые, я думаю, могут сделать наше общество сильным и стабильным.

Я не буду доволен до тех пор, пока каждый американец не будет наслаждаться полным исполнением его конституционных прав. У негритянского ребенка (это верно так же и о пуэрториканцах и мексиканцах в некоторых из наших городов) вдвое меньше шансов пойти в школу, чем у белого малыша. У него втрое меньше шансов поступить в колледж, чем у белого студента. А в дальнейшем у него втрое меньше шансов стать профессионалом своего дела и приобрести собственный дом. Наконец, у него в четыре раза больше шансов остаться безработным, чем у белого человека. Я думаю, мы способны на лучшее. Я не желаю, чтобы таланты любого американца пропадали впустую!

Я знаю, есть те, кто хочет повесить всю ответственность на правительство. Я абсолютно не согласен с таким подходом. Я хочу, чтобы индивидуумы были в ответе за свои обязанности, а штаты — за свои. Но я думаю также, что существует и национальная ответственность.

За прошедшие 25 лет каждая часть социального законодательства подверглась бурному обсуждению. Однако граждане Соединенных Штатов по отдельности, возможно, никогда бы не развили долину штата Теннесси. Коллективным же трудом они сделали это.

Хлопковый фермер из Джорджии (или арахисовый фермер, или молочный фермер в Висконсине и Миннесоте) не в состоянии защитить себя от гнетущего взаимодействия сил спроса и предложения на рынке, но, работая на базе эффективных правительственных программ, он может сделать это.

Семнадцать миллионов американцев, которым за 65, живут за счет социальных дотаций в размере в среднем 78 долларов в месяц и не способны содержать себя самостоятельно, но они могут содержать себя через систему социального обеспечения.

Я не верю в большое правительство, но я верю в эффективное правительственное действие, и я думаю, что это — единственный путь, пойдя по которому, Соединенные Штаты смогут сохранить свою свободу. Это единственный путь, которым мы должны двигаться вперед. Я думаю, мы можем достигнуть большего. Я думаю, мы оказываемся перед необходимостью работать лучше, если мы собираемся выполнять те обязанности, с которыми столкнули нас обстоятельства и время.

Никто другой не сделает это за нас! Если Соединенные Штаты потерпят неудачу, то и сама свобода потерпит неудачу. И я думаю, все будет зависеть в большей мере именно от того, что мы сделаем здесь, в нашей стране.

Причина того, что Франклин Рузвельт имел добрососедские отношения с Латинской Америкой, состояла в том, что латиноамериканцы чувствовали: американское общество было снова на подъеме. Я хочу, чтобы мы возвратили тот образ США. Я хочу, чтобы латиноамериканцы, африканцы и азиаты снова начали обращаться именно к Америке, подражали именно нам во всех наших начинаниях, задавались вопросом, что делает Президент Соединенных Штатов, а не Хрущев или китайские коммунисты. Вот в чем обязанность нашего поколения!

В 1933 году Франклин Рузвельт сказал в своей инаугурационной речи, что его поколение американцев имело свидание с судьбой. Я думаю, у нашего поколения такое же свидание. Однако вопрос теперь такой: может ли свобода быть выстояна в случае самого серьезного нападения из тех, что она когда-либо знала? Я думаю, может быть. И я думаю, наконец, все будет зависеть от того, что мы сделаем здесь. Я думаю, пришло самое время Америке снова начать шевелиться!

Г-н Смит. А сейчас вступительное слово вице-президента Ричарда М. Никсона.

Ричард Никсон. Г-н Смит, сенатор Кеннеди.

Со многим, что сказал только что сенатор Кеннеди, можно согласиться. Нет сомнений, что мы можем обсуждать нашу внутреннюю политику, признавая то, что она во многом опирается на наше международное положение. Нет сомнений, что наша нация не может оставаться в стороне от всего этого, так как сегодня мы находимся в состоянии гонки, исход которой может быть фатальным, — гонки не только с Кремлем, но и с Пекином. Сейчас мы ведем в этом соревновании, что и подразумевал, думаю, сенатор Кеннеди. И когда вы находитесь в состоянии гонки, единственный способ оставаться впереди состоит в том, что-

бы продолжать двигаться вперед. Поэтому я полностью согласен с сенатором Кеннеди в этом отношении.

Но с чем, в таком случае, мы не согласны?

Я думаю, наши взгляды расходятся в вопросе о том, каково состояние Америки сейчас. Мы не согласны со многими замечаниями сенатора в отношении США, которые он высказал сегодня и высказывал на протяжении всей своей кампании, — замечаниями о том, что Соединенные Штаты остановили свое развитие.

Мы слышали сегодня вечером, например, заявление о том, что рост нашей экономики и валового продукта был на низшем уровне по сравнению со всеми остальными индустриальными странами мира.

Мы же, говоря о прошедшем годе, подразумеваем, конечно, 1958-й. Это был год спада. Но когда мы смотрим на рост ВНП в этом году — году восстановления, — мы находим, что он составляет 6,9% и является одним из наиболее высоких в мире сегодня. Позже я вернусь к этому вопросу.

Возвращаясь к проблеме того, как Соединенные Штаты должны двигаться вперед и куда они двигаются, я думаю, будет неплохо воспользоваться советом одного известного человека: «Давайте обратимся к отчетам!»

Соединенные Штаты останавливаются?

Верно ли то, что сегодняшняя администрация, как заявлял сенатор Кеннеди, была администрацией отступления, поражения, застоя?

Верно ли то, что в области электроэнергии и во всех других областях, которые он упомянул, мы не продвинулись вперед, чем, несомненно, обеспокоена страна?

Думаю, нам следовало бы сравнить отчеты о росте экономики во время семи лет правления президента Трумэна и семи лет правления Эйзенхауэра.

Когда мы сравниваем эти два отчета в областях, которые сенатор Кеннеди затронул сегодня вечером, думаю, мы находим, что Америка сильно продвинулась вперед.

Возьмем школы. Мы построили больше школ за эти семь лет, чем за предыдущие годы, — столько, сколько до Эйзенхауэра было построено в течение 20 лет.

Возьмем гидроэлектрическую отрасль. За эти семь лет мы так развили эту отрасль, как никогда до этого в истории.

Возьмем больницы. Мы обнаружим, что их также было построено больше, чем при прежней власти. То же самое верно и о дорогах...

Давайте положим это на сроки, и всем все станет очевидно.

Мы часто слышим об уменьшении валового национального продукта, но в этом отношении я позволю себе утверждать, что, когда мы сравниваем рост ВНП при нынешней администрации с ростом во времена

предыдущей, то видим, что если тогда за семь лет он составил всего 11%, то сегодня — 19.

Все это — показатели того, что при нынешней власти рост экономики был больший, чем при предыдущей. Но давайте рассмотрим это на примере одной семьи.

Что случилось конкретно с вами?

При Эйзенхауэре ваша заработная плата возросла в пять раз по сравнению с временем правления Трумэна.

А что скажете о налогах, которые вы платите?

При Эйзенхауэре они в пять раз ниже, чем при Трумэне.

Что в результате?

В результате средний доход семьи повысился на 15% при Эйзенхауэре против двух процентов при Трумэне.

Таким образом, это никакая не остановка. Однако каким бы хорошим отчет ни был (и я хотел бы это подчеркнуть), этого все же недостаточно.

Никогда нельзя останавливаться на достигнутом. Отталкиваясь от него, необходимо стремиться к новым вершинам. Верю, в этом и есть весь секрет прогресса.

Мы знаем способ, как достичь прогресса, и, думаю, прежде всего, наш собственный отчет доказывает, что мы знаем и путь.

Сенатор Кеннеди утверждает, что он верит, что знает этот путь.

Я уважаю ту искренность, с которой он делает это предположение, но, с другой стороны, если мы вглядываемся в различные программы, которые он предлагает, они нам кажутся вовсе не новыми. Они кажутся просто возвращением программы трумэнской администрации, ему предшествующей. И я полагаю, в течение вечера он все-таки укажет нам на новые пути, которые помогут нам достичь большего, чем прежде.

Какую программу предлагаем мы?

Мы — за ту программу, которая расширит образовательные возможности, которая даст всем американцам равный шанс на получение образования и всех других вещей, необходимых и дорогих сердцам наших людей.

Мы — за ту программу, кроме того, которая сделает медицинское обслуживание пенсионеров намного лучше того, что мы имеем сейчас.

Здесь, позволю себе заметить, мы с сенатором Кеннеди снова преследуем одну и ту же цель. Мы хотим помочь старикам. Мы хотим видеть, что они имеют действительно адекватное медицинское обслуживание. Весь вопрос в средствах достижения этой цели.

Думаю, средства, которые избрали мы, достигнут ее лучше, нежели средства, избранные им.

Я мог бы привести лучшие примеры, но что бы то ни было — будь то жилье, или здравоохранение, или медицинское обслуживание, или шко-

лы, или развитие электроэнергии, — у нас есть программа, которая, верим, расшевелит Америку, продвинет ее вперед.

Теперь, когда мы смотрим на эти программы, я полагаю, что в их оценке мы предпочитаем говорить, что испытание программы состоит в том, как вы ее проводите. Я подсчитал, сколько денег потребуется демократам для проведения своей программы — на 13,2–18 млрд долларов в год больше, чем мы тратим сейчас.

Республиканцам это также обойдется дороже — на 4–4,9 млрд долларов в год больше, чем требуется сейчас.

Но разве это значит, что его программа лучше нашей?

Нисколько! Вопрос не в том, насколько больше денег потратит Федеральное правительство. Вопрос в том, чья администрация будет проводить правильные реформы. И в нашем случае, я верю, именно наша программа задействует творческий потенциал 180 млн американцев.

Я считаю, программа, которую собирается проводить сенатор Кеннеди, задушит весь этот творческий потенциал.

Я считаю, другими словами, что его программы приведут нас к застою, а не прогрессу.

В заключение я хотел бы обратить внимание вот на что. Сенатор Кеннеди заметил в его речах, что мы недостаточно сострадаем бедным, пожилым и другим несчастным людям.

Хотелось бы, чтобы вы понимали в течение этой кампании, что его и мои мотивы искренние. Я знаю, что значит быть бедным. Я знаю, что значит видеть безработных людей.

Я знаю, что сенатор Кеннеди так же глубоко понимает проблемы, как и я. Наши цели одни — средства различны.

Г-н Смит. Спасибо, г-н Никсон.

На этом заканчиваются вступительные речи. И теперь кандидаты ответят на вопросы журналистов или прокомментируют ответы друг друга.

Корреспонденты:

Г-н Ванокер. Я — Сандер Ванокер, NBC News.

Г-н Уоррен. Я — Чарльз Уоррен, Mutual News.

Г-н Новинс. Я — Стюарт Новинс, CBS News.

Г-н Флеминг. Боб Флеминг, ABC News.

Г-н Смит. И первый вопрос сенатору Кеннеди от г-на Флеминга.

Г-н Флеминг. Сенатор, вице-президент в его кампании сказал, что вы наивны и время от времени незрелы. Он поднял вопрос лидерства.

В связи с этим ответьте, пожалуйста, почему, по вашему мнению, люди должны голосовать за вас, а не за вице-президента?

Г-н Кеннеди. Вице-президент и я вместе вошли в Конгресс в 1946-м.

Мы оба служили в трудовом комитете. Я состоял там в течение четырнадцати лет, то есть столько же, сколько и он. Так что наш опыт в правительстве сопоставим.

Во-вторых, думаю, нужно задать вопрос: «Какие программы мы собираемся проводить?»

К каким партиям мы принадлежим?

Я из Демократической партии, которая в этом столетии дала Америке Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна и которая всегда поддерживала и вела те программы, о которых я рассказал сегодня вечером.

Г-н Никсон же выходит из Республиканской партии. Он был выдвинут ею. И нельзя отрицать тот факт, что в течение прошлых 25 лет республиканские лидеры выступили против федеральной помощи образованию, медицинского обслуживания пенсионеров, развития штата Теннесси, развития наших природных ресурсов.

Думаю, г-н Никсон достойный лидер его партии, и надеюсь, он сказал обо мне то же самое.

И главный вопрос, стоящий перед нами: какую программу и какую партию мы хотим видеть в качестве лидирующей в Соединенных Штатах?

Г-н Смит. Г-н Никсон, хотели бы вы прокомментировать услышанное?

Г-н Никсон. У меня нет комментариев.

Г-н Смит. Следующий вопрос — г-н Новинс.

Г-н Новинс. Г-н вице-президент, ваша кампания подчеркивает ценность вашего восьмилетнего опыта, и вопрос возникает относительно того, являлись ли вы наблюдателем, участником или инициатором политических действий?

Расскажите, пожалуйста, какие ваши предложения, что вы сделали за прошедшие восемь лет, были приняты администрацией?

Г-н Никсон. Было бы достаточно трудно охватить их все в течение всего двух с половиной минут.

Я полагаю, что эти предложения можно просто перечислить.

Прежде всего, после каждой из моих иностранных поездок я давал рекомендации, которые были приняты.

Например, после моей первой поездки за границу я настоятельно рекомендовал, чтобы мы тщательнее развивали наши программы по обмену, поскольку они имели отношение к обмену лидеров в трудовой и в информационной областях.

Я делал и другие рекомендации после каждой из других поездок.

Например, после моей поездки в Венгрию я сделал некоторые рекомендации насчет ситуации с венгерскими беженцами, что было принято и президентом, и Конгрессом, который потом внес некоторые поправки в закон.

В пределах администрации, как председатель президентского комитета по ценовой стабильности и экономическому росту, я также имел возможность давать рекомендации, которые были приняты в пределах администрации и которые, я думаю, были разумно эффективны.

Насколько мне известно, сенатор Кеннеди в его речи в Кливленде вчера предположил, что тот комитет не был особенно эффективен. Я же позволю себе заметить, что с тех пор, как комитет был создан, в пределах Соединенных Штатов цены оставались на должном уровне.

Г-н Кеннеди. Мне хотелось бы заметить, что и сейчас, и в своей вступительной речи вы несколько ложно оперировали цифрами, г-н Никсон. Когда вы говорили об администрации Трумэна, вы забыли, что г-н Трумэн пришел к власти в 1945 году — в конце войны, в переходный период, когда возникали вынужденные трудности, с которыми сталкивались Соединенные Штаты, а ценовой контроль был поднят. Так что я считаю достаточно некорректным такое использование статистики, когда сравниваются прошедшие восемь лет и предшествующие им семь лет. Я бы предпочел взять полный статистический отчет прошлых 20 лет правления демократов и восемь лет республиканцев, чтобы показать весь период роста.

Что касается ценовой стабильности, я не уверен, что тот комитет действительно когда-нибудь давал Конгрессу какие-либо рекомендации для изменения законодательства в отношении управления ценами. Что же до обмена студентами и профсоюзами, как председатель подкомиссии по Африке я считаю, это было одним из самых неудачных наших политических мероприятий в отношении Африки и Латинской Америки. Мы действительно предложили так называемый обмен для студентов Конго. Однако их оказалось немногим больше 300, что, в то же время, превышало число студентов, принятых федеральным правительством в прошлом году.

Так что не думаю, что мы сильно продвинулись в этих двух областях. По крайней мере, мы не двигались с должной энергией.

Г-н Смит. Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Уоррена.

Г-н Уоррен. Сенатор Кеннеди, в течение вашей краткой речи несколько минут назад Вы упоминали проблемы ферм.

Г-н Кеннеди. Это так.

Г-н Уоррен. Я хотел бы спросить вот что. Я полагаю, это факт, что кандидаты в президенты традиционно дают обещания фермерам. Многие люди, думаю, не понимают, почему правительство платит фермерам и за недостаточное производство зерновых, и за их перепроизводство. В таком случае позвольте мне спросить, сэр: почему фермер не может работать подобно руководителю завода? Если автокомпания перепроизводит некоторые машины, Дядя Сэм не приходит и не скупает излишек. Чем же, в таком случае, лучше фермеры?

Г-н Кеннеди. Думаю, потому, что если бы федеральное правительство вышло из программы и перестало ее поддерживать, то, думаю, у нас был бы полный экономический хаос. Растения фермера весной и урожаи осенью. Их сотни тысяч. Фермеры действительно не в состоянии управлять собственным рынком в достаточной степени хорошо. Они выводят свои зерновые культуры или домашний скот на рынок, как правило, одновременно. У них есть лишь несколько покупателей, которые покупают их молоко или свинину, — как правило, несколько больших компаний. Поэтому фермер заключает сделки на рынке неэффективно.

Я думаю, опыт 1920-х годов показал, как свободный рынок может повлиять на сельское хозяйство. И если произойдет сельскохозяйственный крах экономики, то и остальная экономика Соединенных Штатов рано или поздно разрушится.

Фермеры — рынок сбыта номер один для автомобильной промышленности Соединенных Штатов. Автомобильная промышленность — рынок сбыта номер один для стали. Таким образом, если экономический рост фермерского рынка продолжит снижаться так резко, как в последние годы, тогда, я думаю, спаду подвергнутся и другие отрасли экономики.

Так что полагаю, правительство должно вмешиваться в фермерское хозяйство.

Во-вторых, я возражаю против предоставления фермам полной самостоятельности в связи с тем, что нет никакого более эффективного контроля над удержанием спроса и предложения в балансе. Понижение цены предложения для ограничения производства не сработало, и теперь у нас имеются огромные излишки в размере 9 млрд долларов, высокие фермерские налоги и самые низкие доходы от фермерства за многие годы. Таким образом, думаю, эта политика в отношении фермерства потерпела неудачу. Насколько я могу судить, единственная программа, которая будет работать и которая создаст эффективный баланс спроса и предложения, может быть осуществлена только за счет вмешательства правительства.

Поэтому я думаю, что федеральное правительство после одобрения фермерами их товаров должно попытаться привести спрос и предложение на основные предметы потребления к балансу, и в дальнейшем оно должно эффективно контролировать их производство, чтобы исчез 5–6%-ный профицит, приводящий к 15–20%-ному изменению в цене.

Я думаю, что программа г-на Бенсона потерпела неудачу, и я должен сказать после чтения речи вице-президента перед фермерами, поскольку он читал мою, что не считаю ее сильно отличающейся от г-на Бенсона. Не думаю, что это обеспечит эффективный правительственный контроль. Я думаю, что цены предложения привязаны к среднерыночной цене прошлых трех лет, что соответствует теории Бенсона. По-

этому я не верю, что это будет сильно разниться с прошлым, а значит, и вряд ли принесет успех в будущем.

Г-н Смит. Г-н Никсон, прокомментируете сказанное?

Г-н Никсон. Я, конечно, не согласен с сенатором Кеннеди по поводу его предложения относительно ферм.

Он предположил, что нам необходимо двигаться в этом отношении в направлении правительственного контроля, что означало бы также взлет цен, которые и так высоки для потребителей.

Я считаю, что это ложное направление. Не думаю, что это сработало в прошлом; не думаю, что это будет работать в будущем.

Программа, которую проводил бы я, отличается от существующей программы в этом отношении. Она подразумевает, что правительство ответит за то, чтобы вытащить фермеров из нужды, в которой они сейчас находятся по вине правительства же (это главная причина, по которой мы можем позволить фермеру остаться одному). Фермерство создало профицит урожая, поскольку правительство потребовало этого от него посредством закона, принятого во время войны.

Теперь же, когда оказалось много лишнего урожая, именно на нас лежит ответственность избавить фермера от этих излишков. Пока же мы не снимем этот тяжкий груз со спины фермера, необходимо действовать согласно программе (вроде той, о которой говорил я), которая поможет фермеру не быть в убытке. Но я предложил бы поддерживать фермеров не через такую программу, что предложил сенатор Кеннеди, который поднял бы цены, но через такую программу, что возместила бы фермеру убытки, заплатила бы ему столько, сколько он получил бы за свой излишек.

Г-н Смит. Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Ванокера.

Г-н Ванокер. Г-н вице-президент, с тех пор как г-ном Новинсом был задан вопрос об исполнительном лидерстве, я хотел бы продолжить эту тему.

Многочисленные республиканские слоганы (мы видим их на баннерах по всей стране) гласят, что надо учитывать опыт (это написано под изображениями непосредственно вас, сэр), подразумевая, что у вас было больше правительственного исполнительного опыта принятия решений, чем у вашего оппонента.

На пресс-конференции 24 августа Президента Эйзенхауэра попросили привести пример главной вашей идеи, которую он принял. Его ответ был (цитирую): «Если вы дадите мне неделю, я бы сказал. Я не помню».

С тех пор прошел месяц, но президент так и не вернулся к этому вопросу. И теперь я задаюсь вопросом, сэр, чья версия правильней: ваших республиканских коллег или же Президента Эйзенхауэра?

Г-н Никсон. Я сказал бы, г-н Ванокер, что, если бы вы знали президента, это было бы весьма остроумным замечанием. Кроме того, полагаю, было бы неправильно для президента Соединенных Штатов раскрывать случаи, в которых члены его партии давали рекомендации, поскольку я давал их в течение многих лет и он их принимал или отклонял.

Президент всегда утверждал, и весьма основательно, что он имеет право сам решать, принимать или не принимать совет, не выдавая советника первому встречному, включая и представителей Конгресса.

Я могу сказать сейчас только следующее: в течение многих лет я состоял в Совете национальной безопасности. Я был в Кабинете. Я встречался с законодательными лидерами. Я встречался с президентом, когда он принимал сложные решения в отношении Ливана.

Президент спрашивал моего совета, я давал его. Иногда мой совет был реализован, иногда нет. Я не заявляю, что сам принимал решения. Напротив, я считаю, никакой президент не должен когда-либо позволять кому-либо еще принимать ключевые решения. Только он должен делать это. У советников одна обязанность — совещательная, и то, когда их об этом просят. Что касается моего опыта в качестве политического исполнителя, не мне оценивать его объемы.

Я могу лишь добавить: мой опыт оценят люди, так же как и опыт сенатора Кеннеди оценят люди.

Как только президент указал нам на Конгресс, мы стали его членами. Наш опыт отличается лишь тем, что я работал в качестве исполнителя, он — в качестве законодателя.

И вот, люди теперь имеют возможность сравнить его опыт с моим. И уверен, он, так же как и я, будет готов согласиться с тем, что решит народ, независимо от его решения.

Г-н Смит. Сенатор Кеннеди?

Г-н Кеннеди. Да, я лишь только скажу, что вопрос действительно не только в опыте, но и в том, как оценит нас будущее, и в том, каких целей мы достигнем для США, да и будем ли мы вообще способны их достигнуть.

Авраам Линкольн стал Президентом в 1860 году. Будучи побежденным на выборах в Сенат в 1858-м, он вскоре стал выдающимся президентом. Определенной дороги к президентству не существует. Нет никаких гарантий, что, если вы изберете одну дорогу или другую, вы станете успешным Президентом.

Я состоял в Конгрессе в течение 14 лет. Я голосовал за прошлые восемь лет, и вице-президент осуществлял контроль над Сенатом и выполнял свои другие обязанности; я вынес решения более чем по 800 вопросам, в том числе будучи членом Сенатской комиссии по иностранным делам, по вопросам, которые затрагивают не только внутреннюю безопасность Соединенных Штатов, но и нашу внешнюю политику.

Вопрос на самом деле таков: какой кандидат и какая партия сможет решить проблемы, которые возникнут перед Соединенными Штатами в 1960-х?

Г-н Смит. Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Новинса.

Г-н Новинс. Сенатор Кеннеди, в связи с теми проблемами будущего, о которых вы говорите, и программой, что вы излагали ранее в вашей речи, вы призываете к расширению некоторых из программ социального обеспечения, например школ, увеличению жалованья преподавателей, улучшению медицинского обслуживания и так далее, но вы одновременно призываете и к сокращению федерального долга. Отсюда я задаюсь вопросом, если бы вы стали президентом в январе, где бы вы нашли деньги на все это?

Г-н Кеннеди. Я не говорил об этом! Я не говорил о сокращении федерального долга, потому что, вы и сами понимаете, просто нереально сократить его в 1961 году в 2–3 раза.

Я думаю, у нас есть обязательства перед страной в сфере безопасности в связи с проблемами, с которыми мы вынуждены сталкиваться в этом отношении. И поэтому я никогда не предлагал существенно уменьшить долг в 1961 году в 2 или...

Г-н Новинс. Сенатор, я основываюсь на одной из ваших же речей...

Г. Кеннеди. Нет, я такого никогда...

Г-н Новинс (*продолжая*) ...Вы предположили, что сокращение процентной ставки поможет привести к сокращению федерального долга и...

Г-н Кеннеди. Нет, нет. Ни сокращение процента, ни сокращение процентной ставки...

Насколько я могу судить, трудности с деньгами — результат напряженной денежной политики государства. Финансовая политика нынешних властей содействовала замедлению развития нашей экономики, из-за чего спад 1958 года превысил даже спад 1954-го и замедлил нашу экономическую активность в 1960-м.

Однако о чем я говорил, так это о том, что те программы, о которых я вел речь, насколько я могу судить, совершенно оправданы в финансовом отношении. Медицинское обслуживание пожилых людей я поместил бы под программу социального обеспечения. Вице-президент и я расходимся во мнениях на этот счет. Программа Явитс—Никсон, или Никсон—Явитс, потребует 600 млн долларов от правительства и столько же от штатов. Программа же, которую защищаю я и которая провалилась в сенате из-за пяти голосов, обеспечила бы медицинское обслуживание пенсионеров через программы социального обеспечения и оплачивалась бы через эту систему, а также через социальный налог.

Во-вторых, я поддерживаю федеральную помощь образованию и подкрепление зарплат преподавателей из федерального бюджета. Ду-

маю, это — хорошие инвестиции. Я считаю, нам необходимо сделать это. И я думаю, из-за непосильного для многих бремени налога на собственность большинство из наших детей будут малообразованны, а преподаватели получат недостаточное вознаграждение за их труды.

Нет большего дара экономике и обществу, чем первоклассная образовательная система.

Я верю, что мы сможем построить сбалансированный бюджет и лишь серьезный кризис или спад смогут нарушить это равновесие. Как-то на встрече г-на Никсона с г-ном Рокфеллером по вопросам экономического роста Рокфеллер заметил, что пятипроцентный экономический рост принес бы к 1962 году налоговый доход в бюджет в размере 10 миллиардов долларов. Как бы там ни было, уверен, мы сможем финансировать необходимые программы в пределах сбалансированного бюджета, если бизнес в стране останется на должном уровне.

Г-н Смит. Г-н Никсон, ваш комментарий?

Г-н Никсон. Да. Я думаю, г-н Новинс обращался не к одной из речей сенатора Кеннеди, но ко всей демократической платформе, которая действительно собиралась сократить национальный долг.

Я думаю также, и хочу подчеркнуть это особо, что в принципе невозможно, как того желает сенатор Кеннеди, в короткий срок сократить национальный долг или уменьшать налоги. Фактически необходимо, наоборот, поднять налоги.

Сенатор Кеннеди указывает на то, что можно было бы проводить медицинское обслуживание пенсионеров за счет социального обеспечения. Однако в таком случае поднимутся налоги для тех, кто платит за социальную безопасность.

Итак, что касается сделанных сенатором Кеннеди предложений, я думаю, будет два варианта развития событий: или необходимо будет все-таки поднять налоги, или же бюджет так и не достигнет равновесия. А отсутствие баланса означает инфляцию, которая, естественно, нанесет жесткий удар по тем самым пенсионерам, о которых мы говорили выше.

Что до поддержки школ, я одобряю это, как одобрил и сенатор Кеннеди в январе этого года, сказав, что строительство новых школ возымеет больший эффект, чем прибавка к жалованью преподавателям. Я одобряю это, так как считаю это наилучшим способом реально помочь школам. При этом мы избежим контроля (влияния) федерального правительства за учителями.

Г-н Смит. Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Уоррена.

Г-н Уоррен. Г-н вице-президент, вы упоминали школы. Думаю, буквально вчера вы говорили о безнадежной программе поднятия образо-

вательных стандартов. И вот сегодня вы уже рассуждаете о преимуществах образования.

Г-н вице-президент, вы также говорили в 1957 году, что жалованья школьных учителей были не чем иным, как национальным позором. Вы требовали повысить их зарплату, добавляя, что, если ситуация не изменится, все это может привести к национальному бедствию.

И все же вы отказались утверждать в Сенате закон об увеличении зарплаты учителей, будто боясь ответом «да» скомпрометировать себя. Что вы скажете на этот счет, сэр?

Г-н Никсон. Я ужасно рад, что вы задали этот вопрос, потому что, как вы знаете, я как раз только что ответил на него, отвечая на предыдущий вопрос, но, как видно, не смог закончить мысль. [*Смех.*]

Думаю, причина того, что я голосовал против назначения федеральным правительством большего жалованья преподавателям, такая же, как и у сенатора Кеннеди, когда он в январе этого года на его пресс-конференции заявил, что хотя он и ратовал за строительство новых школ, но он сомневался в необходимости увеличения зарплаты учителям. По крайней мере, так я понял его слова.

Теперь же сенатор Кеннеди вдруг стал выступать за увеличение федеральным правительством жалованья преподавателям. Почему сенатор Кеннеди все-таки переменил свою позицию по данной проблеме? Почему я делаю это сейчас? Потому что я за высокое жалованье учителей, но против зависимости нашего образования от федерального контроля.

Если федеральное правительство получит власть платить преподавателям, оно также неизбежно, по моему мнению, получит власть устанавливать образовательные стандарты и сможет диктовать, что можно преподавать, а что — нет. Полагаю, это было бы плохо для страны; полагаю также, это было бы плохо для учителей.

Мы можем поступить по-другому. Мы можем увеличить жалованье преподавателей другим способом. Как высказался сенатор Кеннеди на той же пресс-конференции в январе, чтобы обеспечить повышение зарплат учителям, необходимо поддерживать строительство школ. В итоге, все местные школы сохранят часть денег, которые и смогут потратить на увеличение жалованья преподавателям.

Я должен также подчеркнуть следующее: как только ответственность о зарплате учителям возьмет на себя федеральное правительство, местные организации и руководство штата тотчас же перестанут этим заниматься. Другими словами, я считаю, что отвечать за это должны все-таки местные власти. Зарплаты учителям за прошедшие восемь лет повысились, однако, на 50%. Но этого все равно недостаточно. Необходимо делать больше. Но я не верю, что нет иного способа достичь этого, кроме как перепоручить ответственность за зарплату учителей федеральному правительству с его массивной программой.

Я возражаю тут не из соображения денег. Я возражаю против контроля федерального правительства за образованием и, в конечном счете, за свободой американцев, так как в контроле над образованием во многом заключается и сила правительства.

Г-н Смит. Комментарий сенатора Кеннеди.

Г-н Кеннеди. Вице-президент цитирует мои слова, произнесенные в январе 1960-го, когда я и правда не считал разумными выплаты жалованья преподавателям из федерального бюджета. Но такое решение проблемы не было выходом для Сената уже в феврале.

Выход же был такой: деньги будут отдаваться в штаты, которые сами определят, на что их тратить — на строительство новых школ или на выплату жалованья учителям.

В этом вопросе наши с вице-президентом мнения расходятся. Я голосовал в пользу этого предложения (и в дальнейшем поддержал его настоятельно), потому что думаю, что это обеспечило материальную помощь нашим преподавателям безо всякого федерального контроля. Г-н Никсон же считал иначе. И именно из-за его голоса мое предложение проиграло[1].

Я не хочу, чтобы федеральное правительство выплачивало жалованье преподавателям непосредственно; но если деньги будут идти в штаты и сами штаты смогут определить, пойдут ли они на строительство школ или на материальную поддержку учителей, по моему мнению, будет обеспечена защита и местным властям, и школьным комитетам. Отсюда следует, что мое предложение базируется на здравом смысле, и именно поэтому я так старался пролоббировать его в Сенате. Очень жаль, что не получилось.

Во-вторых, были сделаны заявления, что демократическая платформа потребует огромных средств из бюджета и что я якобы буду ратовать за его дисбаланс.

Это абсолютно неверно, полностью ошибочно.

Я не высказываю вам здесь свою личную точку зрения. Все очевидно из отчетов.

Моя точка зрения — можно провести все эти программы, о которых мы только что говорили, но растянув их во времени. Тогда мы останемся в пределах сбалансированного бюджета, а наша экономика продвинется вперед.

Г-н Смит. Следующий вопрос сенатору Кеннеди от г-на Ванокера.

Г-н Ванокер. Сенатор, вы обещали избирателям, что, если станете президентом, вы будете стараться протолкнуть в Конгрессе законопроек-

---

[1] В Сенате США вице-президент может повлиять на исход какого-либо голосования своим голосом. — *Прим. перев.*

ты о медицинской помощи пенсионерам, введении повсеместно минимального размера оплаты труда, федеральной помощи образованию.

Теперь, на августовской сессии в Конгрессе — когда вы, по крайней мере, рассматривали возможность того, что станете президентом, и когда, в частности, у вас было подавляющее большинство в Сенате — вы все равно не смогли сдвинуть эти законопроекты с мертвой точки.

Как же вы теперь можете быть уверены в том, что будете способны протолкнуть их в январе...

Г-н Кеннеди. Давайте рассмотрим законопроекты...

Г-н Ванокер (*продолжает*) ...Если вы не были способны сделать это в августе?

Г-н Кеннеди. Давайте возьмем законопроекты.

Во-первых, мы действительно продвигали в Сенате закон, обеспечивающий минимальную зарплату в размере 1,25 доллара. Он потерпел неудачу, потому что его не поддержал парламент и 11 голосов. На самом деле две трети республиканцев в парламенте голосовали против минимальной заработной платы в размере доллара и двадцати пяти центов, но большинство демократов поддержало закон. Почти две трети из них голосовало за доллар двадцать пять. Однако нам угрожало бы вето, если бы мы все-таки установили такой минимальный размер оплаты труда.

Чрезвычайно трудно продвинуть какой-либо законопроект, когда ему противостоит такой человек как президент, имеющий огромную власть.

Президенту требовалась лишь поддержка его вето на любой закон одной третью голосов или в Сенате, или в парламенте.

Во-вторых, мы и правда пытались продвинуть закон «О федеральной помощи образованию» в Сенате. Но он также потерпел неудачу, провалился из-за Палаты представителей. Закон был задушен и Правовым комитетом. И это факт, что во время августовской сессии четверо членов комитета от Республиканской партии объединились с двумя демократами и не дали возможности закону «О федеральной помощи образованию» даже пройти в парламент.

Четыре демократа голосовали за это. Каждый республиканец в Правовом комитете голосовал против посылки того законопроекта в Палату представителей.

В-третьих, что касается медобслуживания пенсионеров, здесь была та же самая борьба, которая продолжалась в течение 25 лет в секторе социального обеспечения.

Мы хотели связать это с социальным обеспечением. Мы предложили поправку, чтобы сделать так. 44 демократа голосовали за; 1 республиканец голосовал за! Но мы сразу были информированы о том, что если закон будет нами одобрен, сам Президент Соединенных Штатов наложит на него вето.

В моем представлении, энергичный президент-демократ, поддержанный демократическим большинством в парламенте и Сенате, способен провести все эти программы в жизнь. Но если вы — демократическое большинство при республиканском президенте, то угроза вето постоянно висит над вами. Если все так и останется, нас ждет такое же столкновение сторон и отсюда бездействие, как во время августовской сессии.

Г-н Смит. Г-н Никсон, комментарий?

Г-н Никсон. Думаю, очевидно, что мои взгляды несколько другие.

Я хотел бы добавить, что, когда сенатор Кеннеди апеллирует к Правовому комитету, он упускает деталь, что там вообще-то восемь демократов и всего четыре республиканца. И снова я сказал бы, что как-то нелогично винить этих четырех республиканцев, когда, даже будучи в большинстве, демократы не могут пролоббировать что-то через этот комитет.

Я сказал бы далее, что обвинение президента в его власти наложить вето из-за неспособности сенатора и его коллег реально действовать во время специальных сессий даже не стоит комментировать.

Когда президент использует свое право вето, он должен иметь сторонников не только среди трети Конгресса, но и среди обычных людей. Поэтому давайте рассмотрим следующее.

Если большинство членов Конгресса чувствовало, что эти специфические предложения могли бы разрешить некоторые проблемы, почему же тогда это самое большинство — представленное демократами, — почему же они не принимали те законы, а оставляли решение их судьбы за президентом, который и накладывал вето?

Причина того, что эти особенные законы в этих различных областях, которые были упомянуты, не устанавливались не в том, что президент был против них, а потому, что народ был против них. Потому что они были чересчур экстремальные; и я убежден, что те альтернативные пути решения проблем в области здравоохранения, в области образования и в области благосостояния, которые предлагаю я вместе с республиканцами, пройдут в Конгрессе, так как они не такие экстремальные и не будут стоить американцам денег или свободы.

Г-н Смит. Следующий вопрос вице-президенту Никсону от г-на Флеминга.

Г-н Флеминг. Г-н вице-президент, а как вы считаете, сможете ли вы лучше работать с демократическим большинством в парламенте и Сенате, чем это делал сенатор Кеннеди?

Г-н Никсон. Я бы вот что сказал: мы, конечно, ожидаем обеспечить себе еще несколько мест и в парламенте, и в Сенате.

Мы надеемся контролировать парламент, получив на грядущих выборах большинство мест в нем, однако мы, конечно, понимаем, что не сможем управлять Сенатом.

Я сказал бы, что президент способен править! Президент способен провести свою программу в жизнь, если он будет обладать поддержкой страны, поддержкой людей.

Иногда мы ошибочно считаем, что проведение тех или иных законов в Сенате или парламенте зависит лишь от законодательного большинства и всего в этом роде.

На самом деле все не так. Всякий раз, когда большинство людей за программу, парламент и Сенат вторят этому. И не важно, будет ли парламент или Сенат демократическим или республиканским! Если страна голосует за кандидата в президенты и за те предложения, что он делает, я полагаю, вы обнаружите, что даже президент-республиканец (как в моем случае) сумеет провести свою программу через Конгресс.

Теперь я также хотел бы сказать, что, какими бы ни были предложения сенатора Кеннеди, проблема не в том, что президент может наложить вето. Проблема в доверии людей к этим предложениям. И вы должны всегда помнить, что президент не может ничего остановить, если он не будет иметь людей позади него. И причина того, что вето Президента Эйзенхауэра были поддержаны, а Конгресс старался не посылать к нему те законопроекты, на которые вето было как бы наложено априори, в том, что люди и Конгресс, большинство из них, знали, что страна поддерживает президента.

Г-н Смит. Сенатор Кеннеди?

Г-н Кеннеди. Хорошо, давайте в таком случае получше рассмотрим те законопроекты, которые вице-президент посчитал «чересчур экстремальными».

Один касался одного доллара и двадцати пяти центов в час для тех, кто работает на компании, имеющие миллион долларов прибыли в год. Я совершенно не считаю этот закон чересчур экстремальным. И все же почти две трети к трем четвертям республиканцев в Палате представителей голосовали против этого предложения.

Второй законопроект был посвящен федеральной помощи образованию. Из-за провала закона о зарплате учителям можно предположить, что он попросту не учитывал потребностей людей. Дело в том, что это был закон, который был значительно меньше того, который вы, г-н Никсон, нам сегодня рекомендовали.

Это не был экстремальный законопроект, и все же мы не смогли заставить ни одного республиканца поддержать его; по крайней мере, я думаю, четверо из восьми демократов голосовали за то, чтобы послать его в парламент. Ни одного республиканца! Они все присоединились к демократам, которые были против.

Я не говорю, что демократы объединены в их поддержке программы, но я действительно говорю, что большинство из них все-таки

объединено. Но я говорю о том, что большинство республиканцев настроено противоположным образом.

Третьим законопроектом было медицинское обслуживание для пенсионеров, которое мы хотели связать с социальным обеспечением, так как, будучи финансируемым из фондов социального обеспечения, медицинское обслуживание не развивало бы дефицит казны.

Предложение же, продвинутое вами и г-ном Явитсом, стоило бы 600 млн долларов. Г-н Рокфеллер отклонил ваше предложение в Нью-Йорке; он сказал, что он в корне не согласен с принципом такого финансирования; сказал, что оно должно основываться на социальном обеспечении.

Так что все эти три программы весьма умеренные. Я думаю, просто все это показывает различие между нашими двумя партиями.

Г-н Смит. Вопрос г-на Уоррена к сенатору Кеннеди.

Г-н Уоррен. Сенатор Кеннеди, к другой теме.

Коммунизм часто описывается как идеология или вера, которая существует где-нибудь в другом месте, но не в Соединенных Штатах. Позвольте мне спросить вас, сэр: насколько все-таки сегодня серьезную угрозу для нашей национальной безопасности представляют коммунистические подрывные действия в Соединенных Штатах?

Г-н Кеннеди. Думаю, они вполне серьезны. Я считаю, к этому вопросу мы должны подходить с большим вниманием и осторожностью.

Мы должны поддержать все те законы, которые Соединенные Штаты проводят, чтобы защитить нас от... м-м-м-м... тех, кто был бы рад уничтожить нас изнутри.

Мы должны поддерживать министерство юстиции и ФБР в их усилиях, и мы всегда должны быть начеку.

Я думаю, являясь государством, поддерживающим сильное общество, Соединенные Штаты могут сразиться с любой внутренней угрозой. Но самая главная угроза — внешняя, и она все еще существует.

Г-н Смит. Г-н Никсон, прокомментируете?

Г-н Никсон. По большому счету, я согласен с оценкой сенатора Кеннеди в этом отношении.

Вопрос коммунизма в пределах Соединенных Штатов волновал нас в прошлом. Но он также будет проблемой и в течение многих последующих лет.

Мы должны помнить, что «холодная война», которую г-н Хрущев и его коллеги ведут, распространилась на весь мир. Она прямо здесь, в Соединенных Штатах.

Именно поэтому мы должны продолжить всегда быть начеку.

Но мы также должны быть и справедливы. Справедливы потому, что, будучи справедливыми, мы поддерживаем те самые свободы, которые коммунисты хотели бы уничтожить.

Мы поддерживаем стандарты поведения, которые они никогда не примут. И в этой связи, я думаю, мы должны смотреть в будущее, имея в виду тот факт, что мы боремся с коммунизмом дома не только согласно нашим законам, которые направлены против коммунистов (то есть против тех немногих, кто действительно становится ими или сочувствующими), но мы также боремся с коммунизмом, восставая против той повсеместной несправедливости, которая существует в нашем обществе, так как на ней кормятся коммунисты. И в этой связи я снова сказал бы, что, в то время как сенатор Кеннеди говорит, что мы — статус-кво, я действительно полагаю, что он согласится с тем, что я так же искренне верю в улучшения в области федеральной помощи образованию и здравоохранению, как и он.

Опять же, вопрос не в целях. Мы оба преследуем одни и те же цели. Вопрос в средствах.

Г-н Смит. Вопрос г-на Ванокера к вице-президенту Никсону.

Г-н Ванокер. Г-н вице-президент, в одном из ваших более ранних заявлений вы сказали, что мы продвинулись вперед, мы построили больше школ, мы открыли больше больниц.

Теперь, сэр, не правда ли то, что все эти строительства производятся за счет местного финансирования?

Вы утверждали, что администрация Эйзенхауэра была ответственна за строительство этих школ или же все-таки его проводили местные власти?

Г-н Никсон. Вовсе нет. Фактически ваш вопрос побудил меня акцентировать внимание на том, на чем я и сам хотел остановиться. Слишком часто при оценке того, движемся ли мы вперед или нет, мы обращаемся лишь к федеральному правительству — к тому, что оно делает.

Сегодня действия федерального правительства не являются показателями движения Америки. Необходимо рассматривать действия и федерального правительства, и правительства Штатов, и местных властей, и, более всего, индивидуальных предпринимателей. И лишь тогда мы сможем оценить, движется Америка или нет.

Например, наш валовой национальный продукт составляет приблизительно 500 млрд долларов. Примерно 100 из 125 млрд долларов из этого — результат деятельности правительства. А 400 млрд мы получили благодаря деятельности индивидуальных предпринимателей.

И если говорить о причинах того, что Америка продвинулась вперед в своем развитии при Эйзенхауэре, то, думаю, мы построили столько школ, больниц и шоссе именно благодаря поощрению администрацией Эйзенхауэра индивидуальных предпринимателей. В итоге мы получили наибольшее расширение частного сектора экономики, какое было засвидетельствовано за этот восьмилетний период. И это рост. Это имен-

но тот рост, который нам нужен. Это тот рост, который нынешняя власть поддерживала и всячески старалась стимулировать.

Г-н Смит. Сенатор Кеннеди?

Г-н Кеннеди. Я думаю, мы живем в богатой стране. Я думаю, мы живем в сильной стране. И я думаю, что главное, что нам необходимо сделать сейчас, — это выбрать достойного президента, выбрать достойную власть, если мы собираемся сохранить наше образование, наш экономический рост и развитие наших природных богатств.

Советский Союз имеет огромную прибыль. Недостаточно сравнивать то, что, возможно, было сделано 8, или 10, или 15, или 20 лет назад. Я хочу сравнить то, что мы делаем, с тем, что делают наши противники, для того чтобы к 1970 году Соединенные Штаты были впереди и в области образования, и в области здравоохранения, и в области строительства, и, конечно, в экономической сфере.

Я думаю, что это наша приоритетная задача и основная функция федерального правительства.

Г-н Смит. Полагаю, пришло время для финальных речей.

Мы закончили с вопросами и комментариями. Теперь время подытожить сказанное.

Голос. На это каждому кандидату отводится по три минуты двадцать секунд.

Г-н Смит. Три минуты и двадцать секунд для каждого кандидата. Вице-президент Никсон, вы готовы произнести первую заключительную речь?

Г-н Никсон. Спасибо, г-н Смит.

Сенатор Кеннеди, прежде всего, я думаю, надо показать, где мы на самом деле стоим в развитии, при всем уважении к Советскому Союзу с его быстрым экономическим ростом.

Действительно, Советский Союз двигался быстрее, чем мы. Но причина этого очевидна. Они начинали движение с намного более низкой ступени, нежели мы.

Хотя их рост и был быстрее, тем не менее сегодня их ВНП всего лишь 44%. У нас такие показатели были аж 20 лет назад! И, видя этот большой разрыв, можно с уверенностью сказать, что мы сейчас явно продвинулись дальше по сравнению с двадцатилетней давностью.

Но разве это причина для самодовольства?

Вовсе нет, поскольку они просто фанатики. Мы же должны выжать все, что можно, из нашей экономики.

Я полностью согласен с сенатором Кеннеди в этом отношении.

Где мы не расходимся во мнениях, так это в средствах, которые мы готовы использовать для того, чтобы стать страной с наиболее развитой экономикой в мире.

Я с уважением утверждаю, что сенатор Кеннеди слишком часто полагался бы на федеральное правительство в решении вопросов, стимулирующих наш рост.

Я полагаю, что, когда мы исследуем демократическую платформу, когда мы исследуем предложения, которые он сделал сегодня вечером, когда мы сравним их с предложениями, которые сделал я, то поймем, что эти предложения, сделанные им, не кончились бы большим ростом для нашей экономики, в отличие от программ, которые защищал я.

Есть еще много пунктов из его программы, которые я бы с удовольствием прокомментировал, но поговорим хотя бы о здравоохранении.

Наша программа здравоохранения, та, которую поддержали сенатор Джавитс и другие республиканские сенаторы, обеспечивает всех людей старше 65 лет медицинской страховкой, если они этого захотят. Она предоставит возможность пенсионерам самим выбирать страховую компанию — частную или государственную, но не заставит их непременно сделать это, если они не захотят.

Его программа, зависящая от социального обеспечения, требовала бы от всех людей, имеющих социальное обеспечение, получить и государственную страховку. А те слои населения, которые не охвачены социальным обеспечением, не вошли бы в эту программу вообще.

Вот как минимум одна сфера, где, я думаю, наша программа будет действовать лучше, чем его.

Другая вещь, которую бы я непременно сделал, — это понизил бы цены на рынке. Думаю, это поймут люди, жившие при администрации Трумэна, когда правительство тратило много больше, чем получало.

Сбережения целого поколения были съедены инфляцией. Люди, которые могут себе позволить меньше всего: люди с низкими доходами, люди с фиксированными доходами, — все они будут неспособны погасить счета в конце месяца.

Естественно, тот, кто станет президентом, будет стоять за всякую программу, которая будет означать рост, и я стою за программы, которые принесут рост экономике и прогресс.

Но также естественно, что он не позволит тратить доллары менее эффективно, чем они могут быть потрачены.

Г-н Смит. Сенатор Кеннеди, ваше заключение?

Г-н Кеннеди. Г-н Никсон только что отметил, что советское производство составляет лишь 44% от нашего. Я же должен сказать, что эти 44% и эта советская страна могут принести нам большие неприятности сегодня же вечером. Я хочу быть уверенным, что эти 44% так ими и останутся. Я не желал бы видеть тот день, когда отношение будет составлять уже наших 60% против их 70, 75, 80 или 90%, когда они пустят в ход всю свою силу и мощь, какую только можно, чтобы уничтожить нас.

Во-вторых, вице-президент упоминал медицинское обслуживание для пенсионеров. Наша программа была поправкой к законопроекту Керра. Керр утвердил обеспечить помощью всех тех, кто не был на социальном обеспечении. Я думаю, это — очень понятный контраст.

В 1935 году, когда Акт социального обеспечения был написан, 94 из 95 республиканцев голосовали против него. И г-н Ландон поспешил в 1936 году аннулировать это.

В августе 1960 года мы пробовали провести его снова, но и на сей раз мы получили поддержку лишь одного республиканца в Сенате.

В-третьих, я думаю о решении вопроса прежде, чем американцы только начнут делать это. И поскольку мы смотрим на одну и ту же страну, поскольку мы одинаково видим мир вокруг нас, наши цели совпадают с целями всех американцев. Вопрос в средствах к достижению этих целей. Средства спорные.

Если вас удовлетворяет все, что сделано на сегодня, если вы думаете, что относительная мощь, и престиж, и сила Соединенных Штатов увеличиваются соразмерно коммунистическим мощи и силе, что мы в достаточной безопасности, что мы как нация, достигаем всего, чего мы должны достигнуть, что мы достигли лучшей жизни для наших граждан и могучей силы, тогда согласен — голосуйте за г-на Никсона.

Но если вы чувствуете, что мы должны двигаться дальше в шестидесятых, что функция президента должна указать людям на то, что надо сделать еще, как Франклин Рузвельт сделал в тридцатых, поставить вопрос о том, что мы должны сделать как общество, чтобы удовлетворить наши потребности в этой стране, защитить нашу безопасность и обеспечить свободу, как я говорил в начале, то вопрос перед всеми нами — и республиканцами, и демократами стоит так: будет ли наше следующее поколение свободным, или же оно будет под игом коммунизма? И в этом кроется большая проблема.

И если мы выполним наши обязанности, то, я думаю, свобода победит. Если же мы потерпим неудачу, если мы будем не в состоянии двигаться вперед, если мы будем не в состоянии развить необходимые вооруженные силы, экономическую и социальную силу здесь, в этой стране, то, полагаю, все это обернется против нас. Я не хочу, чтобы историки спустя десять лет говорили, что наши годы были годами, когда закончилась эра Соединенных Штатов. Я хочу, чтобы они говорили, что это были годы подъема Соединенных Штатов, когда Соединенные Штаты начали двигаться снова. Вот главный вопрос, стоящий перед американцами. И только вам решать, что предпочесть, только вам решать, чем станет эта страна в будущем, только вам решать, что делать в будущем.

Я думаю, что мы готовы идти вперед. И именно к этой великой цели, если мы успешны, мы и должны обратиться.

Г-н Смит. Большое спасибо, господа.

Этот час пролетел слишком быстро. Большое спасибо вам за разрешение представить следующего президента Соединенных Штатов в нашей уникальной программе.

Кандидаты попросили меня поблагодарить американские телевизионные сети и присоединенные станции за то, что они предоставили время и деньги для сегодняшних теледебатов.

Информация о следующих дебатах будет объявлена позже. Это Говард К. Смит. Доброй ночи из Чикаго.

Перевод *Юлии Кузнецовой*

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ

У МЕНЯ ЕСТЬ МЕЧТА[1]

Пятьдесят лет назад великий американец, под чьей символической сенью мы сегодня собрались, подписал Прокламацию об освобождении негров. Этот важный документ стал ярким лучом света надежды для миллионов темнокожих рабов, опаленных пламенем существующей несправедливости. Он стал радостным рассветом, завершившим долгую ночь пленения.

Но спустя столетие мы вынуждены признать трагический факт, что негр все еще несвободен. Спустя столетие жизнь негра, к сожалению, по-прежнему калечится кандалами сегрегации[2] и оковами дискриминации. Спустя столетие негр живет на пустынном острове бедности посреди огромного океана материального благополучия. Спустя столетие негр по-прежнему томится на дне американского общества и остается изгнанником на своей собственной земле. Поэтому мы сегодня сюда и пришли, чтобы обнажить всю правду бедственного положения.

В некотором смысле мы прибыли в столицу нашего государства, чтобы получить наличные по чеку. Когда законодатели нашей республики писали прекрасные слова Конституции и Декларации независимости, они подписывали тем самым многообещающий вексель, по которому каждый американец становился наследником. Согласно этому векселю, всем людям гарантировались неотъемлемые права на жизнь, свободу и равенство.

Сегодня стало очевидно, что Америка оказалась не в состоянии выполнить свои обязательства, чем и обеспокоила своих цветных граждан. Вместо того чтобы выплатить этот святой долг, Америка выдала негритянскому народу фальшивый чек, который вернулся с пометкой

---

[1] Эта речь была произнесена Мартином Лютером Кингом на подмостках Мемориала Линкольна в Вашингтоне (округ Колумбия) 28 августа 1963 года и стала одной из самых известных его речей. — *Здесь и далее прим. перев.*

[2] *Сегрегация* — вид расовой дискриминации — отделение негров и других цветных народов от белых.

«недостаток средств на счете». Но мы отказываемся верить, что банк правосудия разорился. Мы отказываемся верить, что в огромных хранилищах возможностей нашего государства недостает средств. И мы пришли, чтобы получить по этому чеку — чеку, по которому нам будут выданы гарантии свободы и справедливости. Мы прибыли сюда, в это священное место, также для того, чтобы напомнить Америке о безотлагательности выдвинутых нами требований сегодняшнего дня. Сейчас не время довольствоваться незначительными мерами или занимать стратегию поэтапного достижения желаемого результата. Настало время выйти из подземелья сегрегации и вступить на залитый солнцем путь расовой справедливости. Настало время открыть двери возможностей всем Божьим детям. Настало время вывести нашу нацию из зыбучих песков расовой несправедливости к твердой скале братства.

Для нашего государства было бы смертельно опасно проигнорировать особую важность данного момента и недооценить решимость негров. Знойное лето законного недовольства негров не закончится, пока не настанет бодрящая осень свободы и равенства. 1963 год — это не конец, а начало. Те, кто надеется, что негру нужно было выпустить пар и что теперь он успокоится, заблуждаются, что наша нация возвратится к обычному образу жизни. До тех пор пока негру не будут предоставлены его гражданские права, в Америке не будет ни порядка, ни спокойствия. Революционные бури будут продолжать сотрясать основы нашего государства до той поры, пока не наступит светлый день правосудия.

Но есть еще кое-что, что я должен сказать моему народу, стоящему на благодатном пороге у входа во дворец справедливости. В процессе завоевания принадлежащего нам по праву места мы не должны давать оснований для обвинений в противоправных действиях. Давайте не будем стремиться утолить нашу жажду свободы, вкушая из чаши горести и ненависти.

Мы должны всегда вести нашу борьбу с благородных позиций достоинства и дисциплины. Мы не должны позволить, чтобы наш созидательный протест вылился в физическое насилие. Снова и снова мы должны стремиться к достижению величественных высот, отвечая на физическую силу силой духа. Замечательная воинственность, которая овладела негритянским обществом, не должна привести нас к недоверию ко всем белым людям, поскольку многие из наших белых братьев осознали — о чем свидетельствует их присутствие здесь сегодня — что их судьба тесно связана с нашей судьбой и их свобода неразрывно связана с нашей свободой. Мы не можем идти в одиночку.

И, начав движение, мы должны поклясться, что будем идти вперед. Мы не можем повернуть назад. Есть такие, которые спрашивают тех, кто предан делу защиты гражданских прав: «Когда вы успокоитесь?» Мы никогда не успокоимся, пока наши тела, отяжелевшие от усталости, вызванной долгими путешествиями, не смогут получить ночлег в придорож-

ных мотелях и городских гостиницах. Мы не успокоимся, пока основным видом передвижений негра остается переезд из маленького гетто[1] в большое. Мы не успокоимся, пока негр в Миссисипи не может голосовать, а негр в Нью-Йорке считает, что ему не за что голосовать. Нет, мы не успокоимся, мы не успокоимся до тех пор, пока справедливость не начнет струиться подобно водам, а правда не уподобится мощному потоку.

Я помню, что некоторые из вас приехали сюда, пройдя через великие испытания и страдания. Некоторые из вас прибыли сюда прямиком из тесных тюремных камер. Некоторые из вас прибыли из районов, в которых за ваше стремление к свободе на вас обрушились бури преследований и штормы полицейской жестокости. Вы стали ветеранами созидательного страдания. Продолжайте работать, веруя в то, что незаслуженное страдание искупается.

Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Джорджию, возвращайтесь в Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто наших северных городов, зная, что так или иначе эта ситуация может измениться и обязательно изменится. Давайте не будем страдать в долине отчаяния.

Я говорю вам сегодня, друзья мои, что, несмотря на трудности и разочарования, у меня все еще есть мечта. Это мечта, глубоко укоренившаяся в американской мечте.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда наше государство воспрянет и доживет до истинного смысла своего кредо: «Мы считаем очевидным, что все люди равны».

У меня есть мечта, что однажды на красных холмах Джорджии настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за столом братства.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда даже штат Миссисипи, пустынный штат, изнемогающий от накала несправедливости и угнетения, будет превращен в оазис справедливости и свободы.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по тому, что они собой представляют.

Сегодня у меня есть мечта.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда в штате Алабама, губернатор которого ныне заявляет о вмешательстве во внутренние дела штата и о непризнании действия принятых Конгрессом законов, будет создана ситуация, в которой маленькие черные мальчики и девочки смогут взяться за руки с маленькими белыми мальчиками и девочками и идти вместе, подобно братьям и сестрам.

Сегодня у меня есть мечта.

---

[1] *Гетто* — в некоторых странах: особые городские кварталы, за пределами которых не имеют право селиться представители дискриминируемых расовых или религиозных групп.

У меня есть мечта, что однажды настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривленные места станут прямыми, величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе удостоверятся в этом.

Это — наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг. С этой верой мы сможем вырубить камень надежды из горы отчаяния. С этой верой мы сможем превратить нестройные голоса нашего народа в прекрасную симфонию братства. С этой верой мы сможем вместе трудиться, вместе молиться, вместе бороться, вместе идти в тюрьмы, вместе защищать свободу, зная, что однажды мы будем свободны.

Это будет день, когда все Божьи дети смогут петь, вкладывая в эти слова новый смысл: «Страна моя, это я тебя, сладкая земля свободы, это я тебя воспеваю. Земля, где умерли мои отцы, земля гордости паломника, пусть свобода звенит со всех горных склонов».

Если Америке предстоит стать великой страной, это должно произойти. Пусть свобода звенит с вершин удивительных холмов Нью-Гэмпшира! Пусть свобода звенит с могучих гор Нью-Йорка! Пусть свобода звенит с высоких Аллегенских гор Пенсильвании!

Пусть свобода звенит с заснеженных скалистых гор Колорадо!

Пусть свобода звенит с изогнутых горных вершин Калифорнии!

Но не только там; пусть свобода звенит с каменной горы Джорджии!

Пусть свобода звенит с горы Лукаут в Теннесси!

Пусть свобода звенит с каждого холма и каждого бугорка Миссисипи! С каждого горного склона пусть звенит свобода!

Когда мы позволим свободе звенеть, когда мы позволим звенеть ей из каждого села и каждой деревушки, из каждого штата и каждого города, мы сможем ускорить наступление того дня, когда все Божьи дети, черные и белые, евреи и язычники, протестанты и католики, смогут взяться за руки и запеть слова старого негритянского духовного гимна: «Свободны, наконец! Свободны, наконец! Спасибо Всемогущему Господу, мы свободны, наконец!»

Перевод *Ольги Зиновьевой*

Я БЫЛ НА ВЕРШИНЕ[1]

Как только я услышал красноречивое и великодушное выступление Ральфа Абернати, я сразу подумал о себе, мне было очень интересно, кого он, на самом деле, имеет в виду. Это всегда хорошо, когда у тебя есть близкий друг или союзник, который в любой момент может ска-

[1] Мартин Лютер Кинг выступил с этой речью у храма масонов в Мемфисе, штат Теннеси, 3 апреля 1968 года в поддержку бунтующих санитарных рабочих штата Теннеси, накануне убийства.

зать о тебе что-то хорошее. Ральф — это лучший друг, который только может быть на свете.

Мне приятно видеть всех вас здесь этим вечером, несмотря на штормовое предупреждение. Вы доказали, что полны решимости действовать несмотря ни на что. Что-то происходит в Мемфисе, что-то происходит в нашем мире.

Знаете, если бы я находился у истоков зарождения мира и у меня была бы возможность увидеть панорамный обзор всей истории человечества вплоть до этого дня и Всемогущий спросил меня: «Мартин Лютер Кинг, в какую пору хотел бы ты жить?», для начала я бы совершил воодушевленный полет через Египет или, скорее, через Красное море, через пустыню, к Земле обетованной. И несмотря на то что она поистине прекрасна, я бы там не остался. Я продолжил бы свое движение в сторону Греции, к горе Олимп. Я бы воочию увидел Платона, Аристотеля, Сократа, Еврипида и Аристофана, окружающих Парфенон и обсуждающих великие и вечные вопросы действительности.

Но я не задержался бы и там. Я бы двигался вперед, к самому расцвету Римской империи. И я бы увидел, как она развивалась во времена правления разных императоров и правителей. Там бы я тоже не остался жить. Я перенесся бы в эпоху Возрождения и окинул бы быстрым взором то, что сделал Ренессанс для культурной и эстетической жизни человека. И двигался бы дальше. Я побывал бы даже там, где жил человек, именем которого я наречен.Я бы увидел, как Мартин Лютер написал свои девяносто пять тезисов на вратах церкви в Виттенберге.

Но там я тоже не остановился бы. Следующей моей остановкой стал бы 1863 год, я посмотрел бы на нерешительного президента Авраама Линкольна, который, в конце концов, принял решение подписать приказ об освобождении рабов. Но я продолжил бы свой путь.Я бы перенесся и в ранние тридцатые и стал бы свидетелем того, как человек сталкивается с проблемой крушения своей нации. И вопиюще восклицал, что нам нечего бояться, кроме самого страха.

Не хотел бы я жить и в этом времени. Довольно странно, но я бы обратился ко Всевышнему и сказал: «Если Ты позволишь мне пожить всего несколько лет во второй половине XX века, я буду счастлив». Теперь это действительно звучит очень странно, потому что все в мире перепутано. Нация больна. Беда заключается в самой земле. Кругом путаница. Такое заявление звучит странно. Но я, однако, знаю, что только тогда, когда достаточно темно, можно увидеть звезды. И я вижу Господа, исправляющего во втором столетии то, за что люди в какой-то степени несут ответственность, — что-то действительно происходит в нашем мире. Народные массы восстают. И где бы сегодня они ни собрались — в Йоханнесбурге, Южной Африке, Найроби, Кении, Аккре, Гане, Нью-Йорке, Атланте, Джорджии, Джексоне, Миссисипи или же

в городе Мемфис, штат Теннесси, — скандировать они всегда будут одно и то же: «Мы хотим быть свободными!»

И вот еще одна причина того, почему я был бы рад жить в тот период, — мы вынуждены решать проблемы, с которыми человечество борется всю свою историю, но раньше потребности не принуждали их делать это. Просто стремление выжить теперь требует искоренить эти проблемы. Люди уже много лет рассуждают о войне и мире. Но сейчас пришло время перестать просто говорить об этом. Теперь мы уже не выбираем между насилием и «ненасилием» в мире; теперь это или «ненасилие», или «несуществование».

Вот где мы находимся сегодня. А именно в самом разгаре революции за права человека, и если в спешке мы еще что-то не сделали, если до сих пор мы не вывели цветные народы мира из долгих лет нищеты, долгих лет оскорблений и пренебрежения, то вся наша вселенная обречена. Теперь я просто счастлив, что Бог даровал мне возможность жить в эту пору, чтобы увидеть, к чему все это приведет. И я рад, что Он дает мне право быть в Мемфисе.

Я помню, я помню, когда негры просто слонялись кругом, как часто говаривал Ральф, уступая своим слабостям, и улыбались, когда их не грабили. Но это время прошло. Мы настроены серьезно, и мы полны решимости получить свое законное место в Божьем мире.

И ждать осталось недолго. Мы не просто устраиваем какие-то протесты или пытаемся кому-либо что-то доказать. Мы пытаемся сказать, что хотим быть настоящими мужчинами. Мы желаем быть просто людьми. Мы говорим, что все мы дети Божьи. И что мы не обязаны жить так, как мы вынуждены жить.

Итак, что бы все это значило в этот великий период в истории? Это означает, что мы должны оставаться вместе. Мы должны оставаться вместе и сохранять единство. Вы знаете, всякий раз, когда фараон хотел продлить период рабства в Египте, он всегда пользовался любимой, любимейшей формулой. Какова она была? Он сеял раздор среди самих рабов. Но всякий раз, когда рабы соединялись, что-то обязательно случалось на фараоновом судилище, и он не мог удержать рабов в узах рабства. Сохраняя единство, рабы делали первый шаг на пути к выходу из уз рабства. Давайте и мы будем держаться вместе.

Во-вторых, давайте решим все разногласия. В первую очередь, это несправедливость. Дело в том, что Мемфис не соглашается быть справедливым и честным в отношениях с государственными служащими, которым пришлось сегодня быть санитарными работниками. И сейчас самое время заострить на этом особое внимание. Проблема насилия волновала всех во все времена. Вы знаете, что случилось на днях, и это давление может сравниться только с разбиванием окна. Я читал много статей, и в них очень редко кто-нибудь удосуживается упомянуть тот факт,

что одна тысяча триста санитарных работников бастуют, и что Мемфис к ним крайне несправедлив, и что мэр Лоэб нуждается в лечении. Они этого не касаются.

И теперь мы снова прибегнем к демонстрации, мы просто обязаны опять это сделать, чтобы все поставить на свои места. И мы заставим всех увидеть, что тринадцать сотен детей Божьих здесь страдают — иногда даже от голода, и особенно темными, угрюмыми ночами, тогда они постоянно задают себе один и тот же вопрос: как же со всем этим справиться? В этом-то и суть дела. И мы собираемся сказать народу: мы уверены, что это обязательно закончится. Ибо, когда человек стремится к тому, чтобы все было справедливо, и готов всем для этого пожертвовать, ничто не может встать на его пути, кроме победы.

Мы не допустим, чтобы нам помешали. Мы сами хозяева в нашем ненасильственном движении за разоружение полиции; они не знают, что и делать, — я видел их так часто. Я помню, как в Бирмингеме, что в штате Алабама, мы день за днем славно сражались и не хотели даже покидать улицу; усилием сотен соратников мы справились с ними. И Булл Коннор приказал направить собак для подкрепления, и вскоре они прибыли; но мы сумели их опередить. Затем Булл Коннор сказал: «Задействуйте пожарные шланги». И, как я сказал вам, прошлой ночью Булл Коннор не знал истории. Он немного знал физику, что никак не было связано с трансфизикой, которую знали мы. А дело было в том, что это был такой огонь, который никакая вода потушить не сможет. Но мы ушли еще до приезда пожарных; однажды мы уже успели узнать, что такое вода. Если бы мы были из баптистской или какой-либо иной конфессии, мы бы полностью были залиты водой. Если бы мы были методистами или же кем-либо еще, мы бы были только окроплены, но мы знали, что такое вода.

Но и это нас не остановило. Мы бы продолжали бастовать и при виде суровых собак, мы бы храбро смотрели им прямо в глаза, пожарные рукава тоже не стали бы преградой для нас, и, лишь взглянув на них, мы бы продолжили, распевая «Я уже вижу, как в небе витает свобода». А потом нас бы бросили в полицейские фургоны и уложили, как иногда бывало, точно сардин в банки. И они бы поспешили бросить нас туда, а старый Булл сказал бы: «Избавьтесь от них!» — они бы так и сделали; и мы бы шли в эти фургоны, распевая «Мы победим».И мы бы то и дело попадали в тюрьму и видели бы заглядывающих в окна тюремщиков, тронутых нашими молитвами, нашими словами и песнями. И это была бы сила, с которой Булл Коннор не смог бы справиться; и так, в конечном счете, мы бы взяли верх над Буллом, а мы выиграли эту борьбу в Бирмингеме.

И вот теперь в Мемфисе история повторяется. Я призываю вас быть с нами в понедельник. А сейчас по поводу запретов: у нас есть запрет, и

завтра утром мы отправимся в суд и будем бороться с этим незаконным, антиконституционным запретом. Вот что мы скажем Америке: «Будьте верны вашим словам, сказанным на бумаге». Если бы я жил в Китае или даже в России, или какой-либо другой тоталитарной стране, возможно, я бы смог понять отмену некоторых основных привилегий, внесенных Первой поправкой к Конституции США. Я где-то читал о свободе собраний. Где-то я прочитал о свободе слова. Где-то я прочитал и о свободе прессы. Где-то я читал, что величие Америки заключается в праве бороться за свои права. Так вот что я хочу сказать: мы не можем допустить, чтобы какой бы то ни было запрет заставил нас повернуть назад. Мы ни за что этого не сделаем.

Нам нужны вы все. А вы знаете, что это прекрасное зрелище — видеть всех глазами евангельских апостолов! Это чудесная картина. Кто, как ни апостол, должен четко изложить стремления и чаяния народа? Один пророк, должно быть, Амос, сказал: «Пусть справедливость падает как водопады, и правда будет подобна сильному потоку!» Так или иначе, апостол, должно быть, говорил с Иисусом: «Дух Господень со мной, потому что Он благословил меня заниматься проблемами бедных».

И я хочу поблагодарить проповедников под предводительством этих благородных мужчин: Джеймса Лоусона, который принимал участие в этой борьбе на протяжении многих лет; он даже попал в тюрьму из-за этой борьбы, но он до сих пор борется за права своего народа; Ральфа Джексона, Билли Килеса. Я могу перечислять эти имена еще долго, но, к сожалению, время не позволяет. Я просто хочу поблагодарить их всех. Я хочу, чтобы и вы их поблагодарили.

Это нормально — говорить о «длинных белых одеяниях» проповедников во всем их символическом значении. Но, в конце концов, люди хотят носить здесь и костюмы, и платья, и нормальную обувь. Абсолютно нормально говорить и об улицах, по которым текут молочные и медовые реки, но Бог заповедовал нам заботиться о местных трущобах и о его детях, которые каждый день недоедают. Это нормально — говорить о новом Иерусалиме, несмотря на то, что в один прекрасный день Божьи проповедники будут говорить о Нью-Йорке, Новой Атланте, Новой Филадельфии, Новом Лос-Анджелесе, Новом Мемфисе, штата Теннесси. В этом-то и заключается наша основная задача.

Но есть и другое, о чем нам не следует забывать. В отдельности мы бедны, мы на самом деле бедны, если сравнивать нас с белыми в Америке. Мы бедны. Никогда не останавливаться, никогда не забывать о том, что в совокупности, а это значит все вместе, мы богаче всех стран мира, за исключением девяти. Вы когда-нибудь задумывались об этом? Даже если не считать Соединенные Штаты, Советский Союз, Великобританию, Западную Германию, Францию, негры будут все равно богаче, чем большинство стран. У нас годовой доход более тридцати миллиардов

долларов, что больше, чем доходы от всего экспорта Соединенных Штатов, больше государственного бюджета Канады. Знаете ли вы об этом?

Мы не должны ни с кем спорить. Мы не должны проклинать или поливать грязью кого-либо. Нам не нужны кирпичи и бутылки, нам не нужны никакие зажигательные смеси, нам просто нужно лишь зайти в эти предприятия, в эти крупнейшие отрасли в нашей стране, и сказать: «Бог послал нас сюда сказать вам, что вы неправильно обходитесь с Его детьми. И мы пришли сюда, чтобы указать вам первый пункт повестки дня, для того чтобы справедливо рассудить то, о чем сыны Божьи беспокоятся. Если же вы теперь не готовы это сделать, у нас есть план, которому мы будем следовать. Мы намерены потребовать экономической поддержки от вас».

Но и это еще не все. Мы должны укрепить черные институты. Я призываю вас забрать свои деньги из центральных банков города и сдать их в Три-Стейт-банк — мы хотим создать банковскую систему внутри Мемфиса. Поэтому проходите мимо сберегательных и кредитных ассоциаций. Судья Хукс и другие расскажут вам о том, что у нас есть ссудно-сберегательная ассоциация. Мы просто настаиваем, чтобы вы сделали именно так. Положите свои деньги туда. У вас есть шесть или семь темных страховых компаний в Мемфисе. Теперь сделайте себе там страховку. Мы хотим, чтобы у нас была своя собственная страховая компания.

Теперь же поговорим о конкретных действиях. Мы начинаем процесс создания большой экономической базы. Прошу вас последовать нам и в этом.

Перед тем как перейти к заключению, я хочу сказать о том, какую выгоду мы получим, если доведем эту борьбу до победного конца. Ничего не может быть более трагичного, чем поставить точку сегодня, в Мемфисе. Мы должны довести этот бой до конца. Двигаться вперед до самого предела. Быть готовыми всегда оказать заботу своему брату. Конечно, вы можете и не приходить на забастовку. Но либо мы победим вместе, либо вместе падем.

Как-то раз один человек пришел к Иисусу, и он хотел задать Ему несколько жизненно важных вопросов. Он хотел обмануть Иисуса и доказать Ему, что он знал больше, чем сам Иисус, и за счет этого свергнуть Его. Теперь этот вопрос мог бы легко лечь в основу философской или теологической дискуссии. Но Иисус сразу рассказал об одном человеке, который попался в руки шайке воров. Вы, наверное, помните, как левит и священник, шедшие мимо по дороге, не остановились, чтобы помочь ему. В то же время мимо проходил человек другой национальности и веры — самаритянин. И он оказал нуждающемуся первую помощь. Он был благородным человеком, он был великим мужем, потому что у него была способность превращать «я» в «ты», и он имел со-

страдание к ближнему своему. И вот теперь мы используем все наше воображение, чтобы попытаться понять, почему священник и левит тогда не остановились. Можно, конечно, предположить, что они торопились на службу в церковь — на духовное собрание — и им нужно было еще вовремя добраться до Иерусалима, чтобы на него не опоздать. В то же время мы можем предположить, что здесь они следовали религиозному закону, который гласит, что тот, кто участвует в религиозных ритуалах, не должен двадцать четыре часа до церемонии прикасаться к человеческому телу. Но в то же время мы начинаем задумываться над тем, что, может быть, они и не шли в Иерусалим или в Иерихон, а просто хотели образовать ассоциацию по улучшению состояния дорог Иерихона. Есть и такая вероятность. Возможно, они считали, что лучше всего уничтожать проблемы на корню, вместо того чтобы потом застопориться на месте, совершая единичные попытки их решить.

Но я собираюсь рассказать вам то, что подсказывает мне мое воображение. Может быть, эти люди просто были напуганы. Судите сами: дорога в Иерихон — опасная дорога. Я помню то время, когда г-жа Кинг и я впервые были в Иерусалиме. Мы арендовали машину и поехали из Иерусалима в Иерихон. И как только мы выехали на эту дорогу, я сказал своей жене: «Я теперь понимаю, почему Иисус в своей притче выбрал именно это место». Это ветреная, извилистая дорога. Она действительно подходит для засады. Вы начинаете путь в Иерусалим, который проходит на высоте 1200 миль, или, скорее, 1200 футов над уровнем моря. И к тому времени, когда вы достигаете Иерихона, пятнадцать или двадцать минут спустя, вы находитесь уже на 2200 футов ниже уровня моря. Это действительно опасный путь. Во времена Иисуса он был известен как «Кровавое ущелье». И вы понимаете, что, возможно, священник и левит, увидев человека, лежащего на земле, могли подумать, что грабители все еще где-то рядом. Или, может быть, человек на земле всего лишь притворяется. И он ведет себя так, как будто он был ограблен и ранен, чтобы напасть на них, заманивает их туда, чтобы быстро и легко захватить их. И поэтому первый вопрос, который задал себе левит, был: «Если я остановлюсь, чтобы помочь этому человеку, что тогда произойдет со мной?» И в этот момент мимо шел тот добрый самаритянин. И он задался другим вопросом: «Если я не остановлюсь, чтобы помочь этому человеку, что будет с ним?»

Этот же вопрос стоит и перед вами сегодня. Не «что произойдет со мной в те часы, которые я, как пастырь, изо дня в день, из недели в неделю провожу в своем кабинете, если я остановлюсь, чтобы помочь санитарным работникам?». Вопрос не в том, «что случится со мной, если я остановлюсь помочь этому человеку?», а в том, «что случится с санитарными работниками, если я не остановлюсь, чтобы помочь им?». Вот в чем суть вопроса.

Давайте восстанем сегодня с высочайшей степенью готовности. И будем сражаться с еще большей решимостью. Давайте перейдем в это великое время, в то время, когда мы бросим вызов Америке, чтобы сделать ее такой, какой она должна быть. У нас есть возможность сделать Америку лучше. И я хочу еще раз поблагодарить Бога за предоставленную мне возможность быть сегодня здесь, с вами.

Вы знаете, несколько лет назад я был в Нью-Йорке и раздавал автографы в честь выхода в свет первой написанной мною книги. И пока я там сидел, подписывая обложки, ко мне подошла обезумевшая черная женщина. Единственный вопрос, который я от нее услышал, был: «Вы Мартин Лютер Кинг?»

И я, не поднимая глаз и не отрываясь от письма, сказал «да». И в следующий момент я почувствовал, как что-то ударило меня в грудь. Я и не понял сразу, что получил ножевое ранение от этой слабоумной женщины. Я был доставлен в больницу в Гарлеме. Это случилось пасмурным субботним днем. Лезвие прошло насквозь, рентгеновский снимок показал, что конец лезвия задел край аорты, главной артерии. И как только она прорывается, вы захлебываетесь в своей собственной крови — и вот, ваш конец уже настал.

На следующее утро в «Нью-Йорк Таймс» вышло сообщение о том, что, если бы я тогда чихнул, я бы умер. И вот, четыре дня спустя, после операции, после того, как моя грудь была вскрыта и лезвие было удалено, мне разрешили перемещаться в инвалидном кресле по больнице. Они позволили мне читать некоторые сообщения, которые приходили со всех штатов и со всего мира; это были очень теплые письма. Я прочел только несколько, но одно из них я никогда не забуду. Я получил письма от президента и вице-президента. И сейчас я уже не помню точно, что говорилось в этих телеграммах. Мне написал письмо и посетил меня губернатор Нью-Йорка, но я забыл, о чем шла речь в его письме. Но было и еще одно письмо, которое пришло от молоденькой девушки, которая была ученицей уайт-плейнской высшей школы. Я прочел это письмо, и теперь я никогда его не забуду. В нем просто было сказано: «Дорогой доктор Кинг, я учусь в уайт-плейнской высшей школе». Она продолжала: «Несмотря на то что это не имеет особого значения, я все равно хотела отметить то, что я белая девушка. Я прочла в газете о Вашей беде и Ваших страданиях. И я прочла, что если бы вы чихнули, Вы могли бы умереть. И я пишу Вам просто для того, чтобы сказать, что я так счастлива, что Вы тогда не чихнули».

И сегодняшним вечером я хочу сказать, что тоже счастлив, что я тогда не чихнул. Потому что, если бы я чихнул, меня не было бы здесь в 1960 году, когда студенты со всего Юга начинали собираться в буфетах. А я знал, что они начнут там собираться, они действительно отстаивали то лучшее, что есть в «американской мечте». И отослали целую нацию

обратно к тем великим основам демократии, которые были глубоко заложены отцами-основателями в Декларации независимости и Конституции. Если бы я тогда чихнул, я бы не жил в 1962 году, когда негры в Олбани, штат Джорджия, решили разобраться во всем том, что им мешало. Если бы я чихнул, я не был бы здесь в 1963 году, когда черные люди из Бирмингема, штат Алабама, пробудили совесть нации и довели дело до создания Билля о гражданских правах человека. Если бы я чихнул, у меня бы не было возможности годом позднее, в августе, попытаться рассказать американцам о той мечте, которая у меня была. Если бы я чихнул, я не был бы в Сельме, штат Алабама, в Мемфисе, когда массы людей собираются вместе, чтобы помочь тем братьям и сестрам, которые страдают. Я так счастлив, что не чихнул тогда.

И они говорили мне, что сейчас это совершенно неважно. И действительно неважно то, что происходит теперь. Я покинул Атланту сегодня утром, как только мы поднялись в воздух — в самолете было шестеро «наших» — пилот по громкой связи объявил: «Приносим извинения за задержку рейса; у нас на борту доктор Мартин Лютер Кинг. И чтобы быть уверенными, что все сумки хорошо осмотрены, и иметь гарантию, что с самолетом ничего не может случиться, мы должны были тщательно все проверить. И теперь наш самолет защищен, он охранялся всю ночь».

И потом я прибыл в Мемфис. И некоторые начали угрожать или говорить об угрозах, которые были напечатаны в прессе. Но что могут сделать мне наши больные белые братья?

Я не знаю, что произойдет сейчас. У нас впереди трудные дни. Но сейчас мне это неважно. Поскольку я был на горной вершине. И я ни о чем не беспокоюсь. Как и все, я хотел бы прожить долгую жизнь. Долголетие играет свою роль. Но я не озабочен этим. Я просто хочу исполнить Божью волю. И Он позволил мне подняться на гору. И я посмотрел на все свысока. И я видел Землю обетованную. Я, возможно, не попаду туда с вами. Но я хочу, чтобы вы сегодня знали, что мы, люди, обязательно придем на Землю обетованную. И сегодня я счастлив. Меня ничего не волнует. Я не опасаюсь никого. Ибо я своими глазами видел славу пришествия Господня.

Перевод *Екатерины Давыдовой*

ЖУРНАЛИСТИКА ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

У «КРАСНЫХ» ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПАДАЕТ ДУХ

Чарли Блейк, газета Enquire, 23 января 1966 года

На плантации Катеке, с ее кустами чая, затененными переулками и воздухом, пропитанным цивилизацией и отчуждением от войны, есть уголок, полностью посвященный конфликту.

Подполковник Харлоу Кларк, первый командир бригады, управлял полевыми операциями больше трех недель, когда я увидел его, и он был все еще полон энергии.

Я узнал, что он был в своем вертолете, «срезал вершины деревьев». Перед зданием, которое он получил около взлетно-посадочной полосы, чтобы предоставить жилище своему штабу, было большое пространство, заполненное сотнями захваченного оружия и оборудования. Я знал, что очень важные клиенты постоянно приходили в этот штаб, и если их не потрясал вид всего этого оружия, то на меня он точно производил неизгладимое впечатление.

На маленьком участке было пять больших автоматов 50-го калибра, четыре винтовки 75 мм, по крайней мере, 100 легких автоматов и другого оружия, включая минометы на 82 мм и ракетные пусковые установки на 37 мм. Многие из них имели следы от пуль — свидетельства о боях.

Капитан Рональд Саммерс, офицер разведки помощника бригады, показал мне, чего достигла бригада к настоящему времени в ее неустанном преследовании 101-го и 66-го полков, которые напали на лагерь специальных сил Плей Ми.

Батальоны парашютистов убили 216 человек. Они захватили 117 заключенных, включая двух северовьетнамских чиновников.

В ходе засады на реке Йа Дренг кавалеристами были убиты 147 вражеских воинов, а защита в патрульном базовом лагере в течение ночи убила еще 78.

Капитан Саммерс сказал мне, что в ходе операции первой бригады с 26 октября до 9 ноября было захвачено больше северовьетнамских

пленных, чем во время любой предыдущей операции в истории этой войны, что дух врагов сломлен.

Пленные были оставлены для предварительного допроса у дороги близ штаба бригады. Я пошел туда с капитаном Саммерсом.

Один из охранников, сержант Ральф Робертсон, махнул мне и указал на улыбающегося маленького вьетнамца, сидящего около ворот.

Мы полагали, что эти коммунисты не будут петь ни за что. Слушайте», — сказал он.

Он махнул маленьким северовьетнамцам и сказал: «Колокольчики!»

Мальчик — он выглядел на 17 лет или даже младше — счастливо улыбнулся и запел минорную версию «Колокольчиков». Затем он потрогал свой живот и что-то сказал переводчику.

«Он говорит, что он слишком сыт, чтобы петь хорошо, что он только что поел и поэтому не поет хорошо, но что он споет для вас вьетнамскую песню, если вы не будете возражать», — сказал сержант Ван Танх, переводчик.

Мальчик запел дрожащую и странно красивую мелодию. Несмотря на странность слов и мелодии, мы молча слушали, пока песня не кончилась.

«Это — очень грустная песня о молодом человеке, который ушел очень далеко от своего дома и никогда больше не увидит свою семью, перевел сержант Ван Танх.

Вскоре пленные были помещены в грузовики и посланы в Плэйку, где южновьетнамская армия приняла их. У лейтенанта, молодого певца и другого чиновника позже брали интервью корреспонденты, и они рассказали, как шли через Лаос и Камбоджу, чтобы прибыть в Южный Вьетнам. Эта поездка заняла у них 57 дней. Каждый четвертый из их товарищей был поражен малярией или другой болезнью. Все они хотели есть и были утомлены.

«Засады, бомбы, вертолетная стрельба, снаряды артиллерии — это слишком много и жестоко», — сказал один из них.

Перевод *Ольги Архиповой*

ДАВЛЕНИЕ ВЬЕТНАМА

Журнал Time, 7 октября 1966 года

Чикагская компания по производству стали впервые после Второй мировой войны наняла на работу 233 женщины, а чайная компания взяла на работу женщин в качестве мясников, чтобы пополнить исчерпанные запасы рабочей силы. Питсбургские производители меди отправили большую часть своей продукции в Пентагон, поэтому они не в состоянии удовлетворить спрос простых граждан на слесарное оборудование. Производители техники, в надежде, что покупатели не заметят разницы, начали отрезать несколько дюймов от электрических шнуров. Сапожники сократили производство ковбойских сапог, чтобы заняться исключительно военным обмундированием. Это лишь малая доля изменений, вызванных Вьетнамской войной.

Меньше, чем Корея? Цена Вьетнамской войны может показаться маленькой в сравнении со всей экономикой: полная сумма, затраченная на военное оборудование, составляет только 8% от валового национального продукта. Все же, в отличие от Корейской войны, которая началась, когда в США было затишье производства и более чем 5% безработных, Вьетнамская война происходит в период полной рабочей занятости и производства, которое расширилось за 51 год.

Сочетание требований — военных и гражданских — давит на большую часть отраслей. На производителей коммуникационного оборудования и самолетов предельно давят. Заказы на машинное оборудование задерживаются до 16 месяцев. Изготовители электроники в Новой Англии сообщают о недельной и даже месячной задержке в поставках полупроводников, интегральных схем, конденсаторов и резисторов. Помимо дефицита людей и материалов, все производители жалуются на нехватку грузовых вагонов и судов для перевозки товаров.

Ни одна отрасль не затронута больше, чем металлургия. В малой поставке никель, молибден, ванадий и больше всего медь. Правительство реквизировало 18% производства медной промышленности. В сталелитейной отрасли первоочередные правительственные заказы заставили ведущие компании почти полностью перевести свои филиалы на производство оборонительного оборудования и задержать поставки сплавов гражданским клиентам. Вместо закрытия *Christy Park Works* и увольнения 500 человек, как было объявлено в прошлом году, американская стальная корпорация имеет работающий полным ходом завод с 2000 трудящихся.

Последствия войны видны и в сфере производства алюминия. Из-за того, что эта война, по словам военных, «легковесная», Пентагон использует больше алюминия, чем в Корее. Вашингтон приказал изготовителям алюминия, чтобы они «отложили» 13% своей продукции для обороны.

Наиболее крупный производитель, «Олкоа», считает, что заказы на оборонительную продукцию возрастут с 10 до 20%. По запросу правительства «Олкоа» строит дополнительный завод в Рочдейле (Техас).

Ситуация с текстилем также напряженная. Поскольку армии требуется большое количество текстильных товаров, задерживаются поставки осенней одежды в магазины. Трудно достать шерсть и хлопчатобумажные брюки. Большая часть ткани идет на производство палаток. Две недели назад правительство потребовало материал на 1 000 000 униформ, но производители смогли выполнить заказ лишь наполовину. Многие производители текстиля не хотят бороться за правительственные заказы, предпочитая продавать товар старым, проверенным гражданским покупателям, которые платят больше, чем Пентагон. В знак протеста правительство выпустило сотни тысяч номинальных заказов, которые вынуждают производителей продавать товары по ценам Пентагона.

Все большее количество выпускников колледжей не идет на производство, что усугубляет нехватку рабочей силы. Председатель корпорации «Моторола» Роберт Галвин на прошлой неделе в качестве главной причины уменьшения доходов указал именно нехватку людей.

Несмотря на все это, экономика не так сильно вовлечена в проблему Вьетнама, чтобы бояться мира. Президент Ральф Роусон, изготовитель стали из Питсбурга, считает: «Если бы завтра закончилась война, мы бы потеряли 10% прибыли, но все вернулось бы на круги своя в течение года». Ему вторит Чарльз Дукоммун, президент компании «Дукоммун»: «Мирный рынок был бы рынком спекулянтов, играющих на повышение, и большинство бизнесменов счастливо приспособиться к этому».

Перевод *Ольги Архиповой*

ТРУМЭН КАПОТЕ[1]

ХЛАДНОКРОВНОЕ УБИЙСТВО[2]

(отрывок из романа)

«Клаттеры-Инглиши поклялись друг другу в верности на церемонии в субботу». Именно такой заголовок, появившийся в газете «Garden City Telegram» в рубрике социальных новостей за 23 ноября, поверг в шок большинство читателей. Оказалось, что Беверли, вторая из выживших дочерей мистера Клаттера, вышла замуж за молодого студента биологического факультета мистера Вере Эдварда Инглиша, с коим она долгое время была помолвлена. Мисс Клаттер была одета во все белое, и церемония бракосочетания как долгожданный итог их длительного романа (миссис Леонард Кован была солисткой, а миссис Говард Бланчард играла на органе) «торжественно прошла в Первой церкви методистов» — в церкви, где за три дня до этого ее жених убил ее родителей, брата и младшую сестру. Как бы то ни было, по версии «Garden City Telegram», «Вере и Беверли хотели пожениться во время Рождества. Приглашения были уже напечатаны, а ее отец арендовал церковь на запланированное время. Из-за непредвиденной трагедии и большого количества родственников, приехавших издалека, молодая пара решилатаки провести венчание в субботу».

Сразу после венчания родственники Клаттера разошлись. В понедельник, когда последний из них покинул Гарден Сити, «Garden City Telegram» поместила на первой полосе письмо, написанное мистером Говардом Фоксом из Оргеона, штат Иллинойс, к брату Бонни Клатеру. Письмо после выразительного обращения к жителям города, чтобы те открыли свои «дома и сердца» к скорбящей семье, заканчивалось мольбой. «В нашем обществе (я говорю сейчас о Гарден Сити) лишком много негодования, — писал мистер Фокс. — Я не раз слышал, что если уж

[1] *Трумэн Капоте* (настоящее имя — Трумэн Стрекфас Персенз, 1924–1984) — американский писатель, журналист и публицист, один из основателей жанра «невымышленного» романа и рассказа, или так называемой новой журналистики.

[2] «Хладнокровное убийство» (1966) — самое знаменитое произведение Т. Капоте в жанре «новой журналистики» — документальный роман-репортаж о зверском истреблении фермерской семьи в штате Канзас.

преступника поймали, то его следует повесить на ближайшем же дереве. Но давайте не будем кому-то уподобляться. Дело сделано, и ничего не вернешь обратно, лишив жизни кого-то еще. Вместо этого давайте простим, как наставлял нас Господь. Уберите враждебность из сердца. Тому, кто совершил это преступление, гораздо тяжелее жить с этим грузом. И только спокойствие духа будет с ним, когда он будет просить прощения у Господа Бога. Давайте не будем стоять на его пути, а помолимся, дабы он встал на путь истинный».

Он был слишком напряжен, чтобы заснуть, все ждал, что зазвонит телефон, но тот молчал как-то угнетающе-раздражительно. Ни одна из его версий ни чему не привела, ну, может, только в тупик с глухими стенами. Бобби Рапп? Детектор указал на Бобби. И мистер Смит, фермер, на которого тоже падало подозрение, очень схожее с тем, что имелись против убийцы, — он был неважным подозреваемым, заявившим, что в ночь убийства его не было в Оклахоме. (Это сразу заставляет поставить вне подозрения Джонсов (отца и сына), хотя у тех и так имеется вполне серьезное алиби.) «В общем, — если цитировать Гарольда Ная, — это все складывается в хорошенькое круглое число. Нуль». Хм, даже поиск могилы кота Нэнси ни к чему не привел.

Однако были найдены одна или, может, две зацепки. Во-первых, перебирая вещи Нэнси, ее тетя, миссис Элэан Сэлсор, обнаружила сунутые в носок туфель золотые наручные часы. А во-вторых, миссис Хейм, будучи в сопровождении агента полиции, проверила каждую комнату на ферме River Valley на предмет чего-либо подозрительного или же пропавшего и в итоге нашла, что так упорно искала. Это обнаружилось в комнате Кениона. Миссис Хейм все всматривалась и вглядывалась, расхаживала кругами по комнате с поджатыми губами, трогая то одно, то другое: старую бейсбольную перчатку Кениона, его забрызганные грязью рабочие ботинки, жалкие заброшенные очки. Все это время она шептала «Что-то здесь не так, я это знаю, но вот что именно, пока не пойму». И вдруг ее осенило: «Радио! Где же маленькое радио Кениона?».

Собранные вместе, эти небольшие открытия снова натолкнули Девью на мысль о том, что, возможно, мотивом было «обычное ограбление». И действительно, неужели те часы совершенно случайно упали в туфли Ненси? Она должна была, лежа в темноте, услышать звуки — шаги, возможно, даже и голоса. Это непременно навело бы ее на мысль, что в доме воры, и она торопливо спрятала бы часы, подарок отца, которым она так дорожила. Что касается радио, серого портативного фирмы «Зенит», — здесь не могло быть сомнений в том, что оно украдено. Однако Девью не мог допустить версии, что семья устроила резню из-за такой пустяковой выгоды — «нескольких долларов и радио». Если же полностью с ней согласиться, то это меняет его представление об убийце — или даже убийцах. Он и его сообщники определенно решили преувели-

чить свою цель. Прокурор уверен, что, по крайней мере, один из двух людей, командующих огромным количеством хладнокровных головорезов, был — должен был быть — человеком слишком умным, чтобы совершить такой поступок без продуманного мотива. Девью переосмыслил некоторые подробности, что усилило его уверенность в том, что как минимум один из убийц был в эмоциональном плане связан с жертвами и своеобразно сострадал, даже после того как их уничтожил. Такая вот странная полусумасшедшая нежность.

Перевод *Ксении Листиковой*

ТОМ ВУЛФ[1]

ЭЛЕКТРОПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЙ КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ[2]

(отрывок)

Кизи познакомился с Ангелами Ада однажды в Сан-Франциско через Хантера Томпсона, который тогда писал о них книгу. Книга, кстати, вышла отличная, называется «Ангелы Ада, странная и ужасная сага». Как бы то ни было, Кизи и Томпсон выпили немного пива, и Томпсон сказал, что ему нужно пойти в гараж, который называется «Каталажка», чтобы повидать Ангелов. Кизи пошел вместе с ним. Ангел Ада по имени Френчи и еще четыре или пять других возились там со своими мотоциклами. Кизи сразу пришелся им по нраву, ведь он был таким же крутым чуваком, как и они. Его не так давно взяли за марихуану, и это делало его Хорошим Человеком в Ангельских глазах. Они сказали ему, что никогда нельзя доверять человеку, не отсидевшему свой срок, а Кизи как раз был на полпути к получению своего срока. Он потом сказал както, что их немало впечатлил арест, марихуана, но им и дела не было до того, что Кизи — писатель. Впрочем, об этом они тоже знали, вот, мол, дружески настроенная знаменитость, интересуется ими, и ведь никакой не гомосек, и не репортер даже, и не один из тех пресмыкающихся подлиз, которые за ними увиваются все лето.

А таких рядом с ними летом 1965-го было предостаточно. Это лето сделало их знаменитыми на всю Калифорнию, только репутация была

---

[1] *Том Вулф* (р. 1931) — один из основоположников школы «нового американского журнализма», одним из первых стал делать из низкокачественной ежедневной журналистики высококачественную прозу. Он взял на вооружение журналистские методы сбора информации (интервью, репортаж, работа в архивах) и начал писать книги на основе реальных фактов. Так в прозе зародился особый жанр — *faction* (от слов *fact* — факт и *fiction* — художественная литература). Для Вулфа характерны графические и стилистические приемы воздействия на читателя. Он широко использует сложносочиненные предложения, ему свойственно обилие запятых и тире, курсив, а также необычное использование знаков препинания.

[2] Книга написана в 1968 г., русский перевод вышел в 1996 г. В этом фрагменте описывается та же вечеринка в доме писателя Кена Кизи, что и во фрагменте репортажного романа Хантера Стоктона Томпсона «Ангелы Ада». Томпсон делал на вечеринке диктофонные записи и позднее передал их Вулфу. Поэтому прямая речь некоторых героев абсолютно идентична.

дурной. Был просто-таки пик их печальной популярности. Ряд инцидентов — и следовавший за ними цикл газетных и журнальных публикаций, в том числе в «Life» и «Saturday Evening Post» — заставил людей с Далекого Запада рассматривать выходки Ангелов не иначе как еженедельные налеты душегубцев и варваров. Интеллектуалы из Сан-Франциско, особенно Калифорнийского Университета в Беркли, начали романтизировать Ангелов, отзывались о них в таких выражениях, как «отчуждение» и «поколение мятежников». Люди стали специально волочиться за Томпсоном, чтобы через него познакомиться с Ангелами — не со всей бандой, Хантер, может быть, с одним или двумя. Но Кизи не нужен был один или два. Вместе с парнями он сделал несколько затяжек, и так Ангелы Ада оказались в его автобусе.

Жители Ла Хонды узнали о происходящем из большого плаката, который теперь висел на воротах дома Кизи — 15 футов длиной, 3 фута шириной, красно-бело-голубой.

«ВЕСЕЛЫЕ ПРОКАЗНИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ АНГЕЛОВ АДА»

7 августа 1965 года, суббота, яркий, ясный, ослепительный летний день, прославляющий рукотворный труд Господа в Ла Хонде, штат Калифорния. К этому дню жители уже заколотили двери. Копы отрядили десяток патрульных машин с мигалками и полным снаряжением. Проказники загрузились веществами. Они уже были внизу, под деревьями в зеленоватом ущелье, внутри хибары и около нее, и от принятых веществ их тыквы должны были взорваться. Да и сверх того Господь одарил их мощным приливом адреналина. Никто не говорил прямо, но все чувствовали, что это действительно происходит — к ним едут настоящие Ангелы Ада, человек сорок, они устроили настоящий «проезд», как раз из тех, во время которых Ангелы вытворяли все свои штучки, учиняли беспорядки, *en* убогой, похабной, головокружительной, огнедышащей, черт побери, грубой *masse*. По этому поводу у Проказников собралось много гостей. Все они были как зрители, ожидающие появления своих любимых знаменитостей. Здесь же находились представители перрилэйнской тусовки: Вик Ловелл, Эд МакКланахан и другие. Аллен Гинзберг был тут и Ричард Элперт тоже и еще много интеллектуалов из Сан-Франциско и Беркли. *Тахикардия* у всех — но Кизи спокоен и даже немного смеется, выглядит решительно, как бык, настоящий Горец в рубахе из оленьей шкуры, он сделал так, что все теперь кажется нормальным и неотвратимым, неотвратимый процесс движения именно сейчас, в этот момент. Черт, да если упрямый мир округа Сан-Матео, Калифорния, решил объявить их всех вне закона за такую безобидную вещь, как марихуана, что ж, тогда они без проблем поплывут по этому течению и покажут всем, что такое настоящая сага об Отверженных Вне Закона. Ангелы привели множество вещей в порядок. Отверженные — по оп-

ределению — это люди, которые покинули гнилой центр и находились теперь в каком-то Городе-На-Краю. Вся прелесть ситуации была в том, что Ангелы, как и Проказники, сделали этот выбор добровольно. Сперва они стали Отверженными — чтобы *исследовать*, парить, двигаться — потом бывали за это биты. Ангелы торчали на мотоциклах, Проказники — на ЛСД, но и те и те совершали удивительное путешествие в оргазменный момент, *сейчас*, и в течение ближайших сорока восьми часов Ангелы возьмут на вооружение еще и кислоту. Проказники уже будут на волне... Ужас, древний ужас, ужас мальчика из среднего класса перед Ангелами Ада. Ангелами Ада, во всей их отвратительной плоти, и если они смогут принять эту темную, глубокую штуку на свою орбиту – Кизи! Какая причуда — тахикардия, вы все...

Неряшливые и гнусавые песнопения Боба Дилана нечеловеческой силы играют в громкоговорителях на самых верхушках деревьев, растущих как раз у этого грязного склона вдоль дороги — *He-e-e-ey Mis-ter Tam-bou-rine Man* — такова часть программы вещающего на частоте нерадиостанции КЛСД Сэнди Леманн Хаупта, неукротимого дикс-фрик-жокея Лорда Байрона Пенопластового собственной персоной, Сэнди, вещает в хибаре с микрофоном, крутит это для вас — Кессиди так взбудоражен, он как скоростной заводной человек-шестеренка — Горная Девушка наготове — *Эй, Кизи!* — Отверженный ухмыляется — Пейдж в огне — мужчины, женщины, дети, разукрашенные и разодетые — рикошетят по всей светом залитой лесной долине — *Аргггггхххххх!* — вот это они услышали примерно в три пополудни.

Примерно как локомотив, промчавшийся в десяти милях. Это Ангелы Ада с их так называемым «проездом», они съезжают с горы на «Харлей-Девидсонах-74». Где-то совсем рядом на 84 Шоссе они выделывают петли, замедляют движение — *трагггггггггх* — и ускоряют его вновь, и этот звук локомотива становится все громче и громче, и уже заглушает и ваш собственный голос и нытье Боба Дилана, и — *трааааааагггггхххх* — это они преодолевают последний виток, те самые Ангелы Ада, на мотоциклах, с бородами, длинными волосами, в джинсовых безрукавках со знаками черепа и костей, со всем прочим, величественно омерзительные, и потом один за другим они мчатся по деревянному мосту и останавливаются лишь у самого дома, подняв столбы пыли, и все это как в кино, что-то в таком духе — каждый отверженный на полном ходу преодолевает мост, руки широко расставлены, крепко держат руль, и потом все они начинают жать на тормоз, один за другим, один за другим.

Ангелы не знали, чего им ждать. До сего момента их еще пока никто никуда не приглашал, во всяком случае, как банду. Их имен не значилось во многих пригласительных списках. Им представлялось, что по приезде они, увидев происходящее, сразу поймут, что к чему, и, возможно, им придется попасть в самое пекло, возможно, даже опять проломить чью-нибудь голову, но, во всяком случае, для них такое развитие событий было

нормой. На чужой территории Ангелы обычно вели себя жестоко и настороженно, чуяли врага в каждом, но здесь за ними этого не было замечено вовсе. Так много людей было настолько далеко отсюда, на чем-то, ты просто растворялся на месте. У Проказников были, кажется, миллионы доз любимого наркотика Ангелов — пива — и ЛСД, для тех, кто хотел попробовать. Пиво сделало Ангелов счастливыми, а ЛСД — непривычно мирными, кататонически спокойными, в отличие от «Проказников» и других интеллектуалов, которые просто-таки стояли на ушах.

Джун по прозвищу Гуун дала одному Ангелу, Свободному Френку, немного ЛСД, который он воспринимал как нечто с повышенным числом оборотов — и так он пережил один и самых изумительных моментов в своей жизни. Ночью он залез на дерево и приютился у громкоговорителя, там он и кайфовал от звуков и вибраций Боба Дилана, поющего «The Subterranean Homesick Blues».

Гонщик Пит, Ангел из Сан-Франциско, все усмехался, шарясь среди пивных бутылок:

— Мужик, это чертовски прекрасная туса. Мы совсем не знали, чего нам ждать, когда мы ехали сюда, но все просто круто. На этот раз все просто ха-ха, а не тыдщ-тыдщ-тыдщ!

Вскоре ущелье вовсю рокотало особым хорошее-время много-пива брюшным хохотом Ангелов, что-то вроде: «*Хо! — Хо! — Хо! — Хо! — Хо!*»

Сэнди Леманн-Хаупт, Лорд Байрон Пенопластовый, держал в руках микрофон и его диск-фрик-жокейский речитатив ревел и за лесом, и на другой стороне дороги:

— Это не радиостанция КЛСД, 800 микрограмм у вас в голове, у станции назначение вызвать приятные ощущения и отменить все лишения, прямо отсюда с макушек деревьев Венеры!

Ангелам Ада он посвятил следующий затем блюзовый речитатив длиной в пятьдесят или около того куплетов, некоторые из которых были малопонятным кислотным трепом или дичайшими легендами о расплющенных на дорогах черепахах, такая вот совершеннейшая чепуха с одним и тем же рефреном:

Ох, как круто, что я Ангел,
Что все время грязен я!

Какого черта — нашелся же какой-то мелкий дикарь, способный на такое безрассудство — объявить на всю Калифорнию, что Ангелы все время грязные — но как, черт возьми, можно противостоять этому слишком капризному, безумному, маниакальному — и довольно скоро Ангелы и все остальные присоединялись, чтобы пропеть:

Ох, как круто, что я Ангел,
Что все время грязен я!

Потом Аллен Гинзберг с медными тарелками в руках и бородой до пояса плясал у микрофона, завывая индуистские мантры. Глухим басом

раздавалось над Калифорнией, США, *Харе кришна харе кришна харе кришна харе кришна* — что за на хрен эта харя у Кришны — что это за фрик с харей — но ты не можешь удержаться, ты тащишься вместе с этим парнем вне зависимости от твоих желаний. Гинзберг по-настоящему смутил Ангелов. Он воплощал все те явления, которые были ненавистны Ангелам: еврей, интеллектуал, житель Нью-Йорка, но тем не менее он был самым четким из всех нечетких пацанов, что они когда-либо встречали.

Что все время грязен я!

Порочные мерзавцы — с наступлением ночи копы заняли свои позиции вдоль дороги, машина за машиной, сразу за ручьем, они желали знать, что это все значит. А происходящее становилось все более и более непонятным. В электронном арсенале Проказников было все, рокн-ролл вспыхивал в верхушках деревьев, лучи света от прожекторов лились по всему ущелью. Станция КЛСД вспыхивала и визжала поверх коповских голов, люди в ярких красках вспыхивали и пошатывались в сумраке, Ангелы заходились своим *Хо — Хо — Хо — Хо*, Кессиди оголил свое мощное телосложение, дергал руками и крутился в луче прожектора, светившего с крыльца, он держал пиво в одной руке, а второй потрясал в воздухе, угрожая копам:

— Вы, презренные сукины дети! Что вам, на х.., не нравится? Идите сюда и посмотрите, что вы получите... да будут прокляты ваши говном переполненные души, как бы то ни было! — хохоча, дергаясь, крутясь — И, б.., не шутите со мной, вы, дети калоедов. Идите сюда. Вы получите — каждый!.. — то, что, на х.., заслуживаете.

Чертова правда состоит в том, парни, что в этом — квинтессенция деградации, дегенерации, пренебрежения репутацией, всего этого, бездумно доведенного до точки, прямо перед нашими глазами, и все это при Ангелах Ада, и ничего мы с этим сделать не можем, разве что сдерживать их по мере сил. Формально они могли бы и ворваться на вечеринку на том основании, что Кессиди-де разгуливал нагим или что-нибудь в таком духе, но на самом деле ни один закон нарушен не был, за исключением Божьего и нравственного — но политика сдерживания однозначно была лучшим вариантом. Вторжение к этим психам, да к тому же на десяти машинах с вооруженными полицейскими, за чуть ли не административное правонарушение, за всего лишь распутное поведение — взрывоопасно даже подумать об этом. Так что полицейские мигалки просто вращались и стробоскопические вспышки освещали красным светом грязный склон, а полицейское радио, связывающее машины со штабквартирой, передавало дьявольский треск 220-вольтных колючих баритонов и характерное шипение — *He-e-e-ey Mis-ter Tam-bou-rine Man* — тем самым приводя ущелье в Ла Хонде в тотальное неистовство.

Перевод *Ольги Кузьменковой*

ХАНТЕР СТОКТОН ТОМПСОН[1]

АНГЕЛЫ АДА[2]
(в сокращении)

Но хотя бы одно по-настоящему полезное знакомство я Ангелам Ада обеспечил. Я свел их с Кеном Кизи, молодым писателем, тогда жившим в лесах рядом с Ла Хондой, к югу от Сан-Франциско. В течение 1965–1966 годов Кизи был дважды арестован за хранение марихуаны и в конце концов вынужден был покинуть страну, чтобы избежать солидного тюремного срока. Связь с Ангелами Ада, разумеется, не могла наладить его отношения с властями и заставить его соблюдать нормы приличия. Тем не менее он все равно искал этого знакомства и ко всему прочему с чрезмерным усердием.

Я встретил Кизи одним августовским днем в студии KQED, образовательной телевизионной станции в Сан-Франциско. В близлежащей таверне мы быстро выпили пива, а потом мне пришлось уехать, потому что нужно было отвести запись бразильских барабанов в магазинчик «Каталажка». Кизи пообещал подойти туда позже. Во время встречи с четырьмя или пятью работавшими там Ангелами он произвел настоя-

[1] *Хантер Стоктон Томпсон* (1937–2005) — одна из самых значимых фигур в «новой американской журналистике», автор нескольких книг, среди которых культовые «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» и «Ангелы Ада». Томпсон считается основоположником гонзо-журналистики, которую писатель Курт Воннегут называл литературным эквивалентом кубизма из-за полного отсутствия правил. Ранние произведения Томпсона — «Ангелы Ада», «Страх и Отвращение в Лас-Вегасе» — классический пример репортажных романов о жизни «разбитого поколения» 1960-х годов. Позднее творчество Томпсона связано с политической журналистикой: это шокирующая критика внутренней и внешней политики США (сборники статей «Поколение свиней», «Песни обреченного», мемуары «Царство страха»).

[2] В этом фрагменте описывается та же самая вечеринка в доме писателя Кена Кизи, что и во фрагменте репортажного романа Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест». Томпсон делал на вечеринке диктофонные записи и позднее передал их Вулфу. Поэтому прямая речь некоторых героев абсолютно идентична.

щий фурор. Несколько часов мы ели и пили, после символического обмена травой Кизи пригласил Ангелов из Фриско к себе домой в Ла-Хонду на субботнюю вечеринку. В распоряжении Кизи и его шайки Проказников было почти шесть акров земли, глубокий ручей между домом и дорогой. Тотальное безумие толпы захватило частное владение Кизи.

Так вышло, что судебное разбирательство в отношении Кизи закончилось в пятницу. В субботу заметки надлежащего характера вышли во всех газетах, которые только существовали в Ла Хонде. Примерно в это же время Кизи вывешивал на своих воротах огромный плакат с крупной надписью «Веселые Проказники приветствуют Ангелов Ада». При виде красно-бело-синего плаката длиной пятнадцать футов и три фута шириной занервничали соседи.

К середине дня я добрался до дома Кизи. Недалеко от ворот было припарковано несколько машин шерифов округа Сан-Матео. Примерно десять Ангелов уже находилось в сохранности на территории участка. Еще двадцать Ангелов, по их словам, были *en route*[1]. Примерно так закипала вода в этом котле.

Со мной были моя жена и сын; мы решили сходить на пляж, немного поесть перед тем, как присоединиться к Веселухе. Проехав несколько миль, мы остановились у главного магазина Сан-Грегорио, местечка, где нет жителей — это перекресток двух дорог, служащий тусовочным центром для местных работяг. У стоек с инструментами, упряжью и продуктами было тихо, но около бара шел оживленный спор. Местные жители выражали недовольство по поводу происходящего на дороге.

— Этот чертов наркоман, — сказал фермер. — Сначала его мариванна, теперь его Ангелы Ада. Видит Господь, он просто тычет нас мордами в грязь!

— Битники! — добавил еще один. — И фунта мочи не стоят.

Зашел было разговор о том, чтобы разобрать сейчас все топоры в магазине и пойти к Кизи, «чтобы вычистить местечко добела». Но кто-то сказал, что копы уже принялись за работу: «Посадят каждого на долгие времена, каждого сукина сына!» Так что топоры остались лежать на полке с инструментами.

К ночи анклав Кизи был заполнен людьми, музыкой и разноцветными огнями. Полиция внесла свою лепту, оставив машины с работающими мигалками <...> Красные и оранжевые всполохи освещали деревья и грязный отвесный склон у дороги. Прошлой весной во владения Кизи вторгся отряд из семнадцати копов с полудюжиной собак. Ими руководил печально известный федеральный наркоагент Вилли Вонг. Кизи и его двенадцать друзей были арестованы по обвинениям, связан-

---

[1] *En route* (фр.) — в пути. — *Прим. перев.*

ным с марихуаной, но большинство из них рассыпалось по причине некоторых странностей в ордере на обыск. Вскоре после этого рейда Агента Вонга перевели на службу в другой округ. Местные же полицейские не рискнули ворваться во владения Кизи. Их вполне устраивало сидение в засаде на дороге за ручьем и наблюдение за всеми входящими и выходящими за ворота. Иногда помощники местного шерифа останавливали колледжских преподавателей, бродяг, юристов, студентов, психологов и высококлассных хиппарей, выходящих из-за ворот, чтобы выпытать у них, что же там происходит. Короче говоря, полиция не много могла сделать в сложившейся ситуации — разве что проверить по радиоотчетам, заплатили ли «Проказники» дорожные штрафы. Правда, это полицейские делали с поистине неослабевающим упорством. Время от времени они ловили какого-нибудь в хламину пьяного или тотального убитого типа, однако за несколько месяцев такого пристрастного дежурства они смогли поймать разве что полудюжину парней, не заплативших дорожные штрафы.

Тем временем вечеринки становились все громче и отвязнее. Теперь было совсем немного марихуаны, зато предостаточно ЛСД, который тогда еще не был запрещен. Копы стояли на дороге и видели за ручьем сцены, которые должны были пошатнуть основы их миропонимания. Здесь были все эти люди, сходящие с ума, вопящие, полунагие, извивающиеся под звуки рок-н-ролла, которые доносились из массивных динамиков на деревьях, вращение и мерцание в лабиринте психоделических огней <...> Дичь, ей-Богу! И никакой закон не может остановить их.

С приездом Ангелов Ада у копов наконец появился повод — их *raison d'être*[1] — и они быстренько утроили охрану. В конце концов, Кизи перешел все границы дозволенного. Шайка битников и колледжских типов, поедающих некоторого рода невидимый наркотик — это тяжелое испытание, но вот банда прогнивших головорезов на мотоциклах стала той самой ощутимой угрозой, которую так сильно жаждал закон.

Первая вечеринка, на которой присутствовали Ангелы из Фриско, ознаменовалась ревущим успехом. Где-то около полуночи гонщик Пит, который шарился среди пивных бутылок, усмехнувшись, сказал: «Мужик, это чертовски прекрасная туса. Мы совсем не знали, чего нам ждать, когда мы ехали сюда, но все просто круто. На этот раз все просто ха-ха, а не тыдщ-тыдщ!»

Большинство Ангелов занимало оборонительные позиции — впрочем, ровно до тех пор, пока все они не напились. Правда, некоторых из них так и не покинула идея, что в любой момент на них могут напасть или побить <...> но, в целом, они понимали, что им самим

[1] *Raison d'être* (*фр.*) — право на существование. — *Прим. перев.*

придется сильно постараться, чтобы во всей этой ситуации появилось хоть какое-то напряжение. Люди Кизи были слишком заняты собственным безумием, чтобы думать о таком грубом и жизненном явлении, как Ангелы Ада. На вечеринке присутствовали и другие звезды (среди прочих поэт Аллен Гинзберг и Ричард Алперт, ЛСД-гуру), и хотя Ангелы их не знали, им не пришлась по нраву идея делиться с кем-либо своей славой.

Это была первая встреча Гинзберга с Ангелами, и он быстро стал *aficionada*[1]. Позже ночью, когда стало известно, что все покидающие вечеринку схвачены полицией, Гинзберг и я вышли посмотреть, что все это значит. «Фольксваген», выехавший из ворот перед нами, был остановлен через полмили, его владельцев вытащили из машины для допроса с пристрастием. Наш план заключался в том, чтобы прибыть на место задержания с диктофоном, но я едва успел переключиться с первой передачи, как нас остановила машина другого шерифа. Я быстро вышел из машины с микрофоном в руке, чтобы спросить, в чем проблема. Вид микрофона заставил полицейских замереть в каком-то немом исступлении, они разве что задавали какие-то скучные вопросы. Один попросил мои права, в то время как второй отчаянно пытался игнорировать Гинзберга, который вежливо, но твердо пытался добиться каких-либо сведений о том, почему арестовывают всех, кто покидает вечеринку. Коп стоял расставив ноги, сцепив руки за спиной, тупо вылупившись. Гинзберг продолжал вопрошать его, пока второй полицейский проверял мои права. Я до сих пор наслаждаюсь, слушая запись той встречи. Это звучит так, как будто Гинзберг и я задаем друг другу риторические вопросы под дребезжание полицейской волны на фоне. И только время от времени доносятся односложные словечки, произнесенные другим голосом, но все наши вопросы остаются без ответов. Время от времени разговор пропадает вовсе — доносится только мурлыканье Гинзберга, исполняющего какую-то восточную рагу, и спастическое кряканье голоса из штаб-квартиры. Сцена была настолько смешной, что спустя некоторое время даже копы начали улыбаться. Их отказ отвечать на вопросы неожиданно обернулся полной подменой ролей. Абсурдность всей ситуации вполне соответствовала нашему веселому расположению духа.

Полицейский, оставшийся разбираться с нами, с любопытством разглядывал Гинзберга. Внезапно он спросил:

— Сколько времени ты потратил на то, чтобы отрастить себе бороду?

Гинзберг перестал мычать, задумался ненадолго и ответил:

— Около двух лет — нет, я думаю, что-то вроде восемнадцати месяцев.

---

[1] *Aficionada* (*исп.*) — поклонник. – *Прим. перев.*

Коп задумчиво кивнул... так, как будто бы он сам хотел отрастить бороду, но не мог посвятить этому столько времени; двенадцать месяцев еще нормально, но восемнадцать — ну, шеф точно начнет беспокоиться.

Разговор опять прервался, возвратился второй полицейский и сообщил, что за мной нет неоплаченных дорожных штрафов. Примерно в этот момент я и предложил полицейским поговорить немного при выключенном диктофоне. Они согласились, и мы действительно поговорили. Полицейские рассказали, что они высматривают Ангелов Ада, а вовсе не Кизи. Рано или поздно эти хулиганы устроят какую-нибудь заварушку, и вообще, какого черта они здесь делают? Им также было интересно узнать, как я смог собрать так много информации об Ангелах.

— Как ты их разговорил? — спросил один. — И что, они тебя ни разу не побили? И что, они позволяют тебе шляться с ними? Да что вообще с ними такое? Они действительно настолько плохие, как нам говорили?

Я сказал, что Ангелы, возможно, даже еще хуже, чем они слышали, но лично мне они зла не сделали. Полицейские признались, что не знают об «отверженных» ничего, кроме того, что пишут в газетах.

Мы расстались по-хорошему, если не считать штраф, который мне все-таки впаяли — за треснувшие задние фары. Гинзберг напоследок спросил, почему был схвачен водитель «Фольксвагена». Через несколько минут по радио ответили: он не покрыл дорожный штраф несколько месяцев назад, и теперь те 20 долларов превратились в 57 долларов, как это и бывает в Калифорнии. На этот раз деньги необходимо было заплатить наличными, чтобы бедняга мог быть освобожден. Но ни у Гинзберга, ни у меня не было 57 долларов, так что мы записали имя жертвы, полагая отправить на его спасение какого-нибудь из его дружков, оставшихся у Кизи. Но так вышло, что никто не был знаком с бедолагой, и, насколько я знаю, он все еще пребывает в городской тюрьме Редвуда.

Вечеринка продолжалась два дня и две ночи; за это время возник всего один кризис. Некий вдохновенный гражданин (имя убрано по настоянию адвокатов издателя. — *Прим. авт.*), ставший прототипом героев нескольких современных романов, встал голый на одной стороне ручья. Он разразился длинной, брутальной, обличительной тирадой в адрес копов, стоявших всего в двадцати ярдах от него. Он покачивался и визжал в лучах яркого ослепительного света, одной рукой держа бутылку пива, а другой, потрясая в воздухе кулаком, угрожая объектам своего презрения:

— Вы, презренные сукины дети! Что вам, на х.., не нравится? Идите сюда и посмотрите, что вы получите... да будут прокляты ваши говном переполненные души, как бы то ни было!

Он засмеялся и начал размахивать своей бутылкой.

— И, б.., не шутите со мной, вы, дети калоедов. Идите сюда. Вы получите — каждый!.. — то, что, на х.., заслуживаете.

К счастью, кто-то вовремя оттащил его обратно, все еще голого и визжащего. Его пьяные обращения в адрес полицейских могли бы обернуться настоящей катастрофой. В Калифорнии и большинстве других штатов полиция не имеет права ворваться на территорию частной собственности без ордера до тех пор, пока у полицейских не будет полной уверенности в том, что в данный момент там совершается некое преступление, и пока их не «пригласит» какой-нибудь житель этой территории. При особом настроении копы вполне могли бы расценить перфоманс этого голого гражданина как приглашение. Вечеринка находилась уже в той стадии, когда подобное развитие событий неминуемо привело бы к насилию — Ангелы явно не захотели бы стать жертвами облавы, ко всему прочему они были слишком пьяны, чтобы думать о последствиях.

Немного времени потребовалось для того, чтобы в других отделениях Ангелов Ада узнали о чудо-вечеринках в Ла Хонде. Отряд Ангелов из Окленда разведал ситуацию и вернулся с такими восторженными отзывами, что Ла Хонда быстро стала настоящей Меккой для Ангелов со всей Северной Калифорнии. Они приезжали без приглашения, обычно группами от пяти до пятнадцати человек, и оставались на вечеринке до тех пор, пока не становилось скучно или пока не заканчивалось ЛСД, которое до знакомства с Кизи довелось попробовать лишь немногим.

Задолго до того, как «отверженным» полюбилась Ла Хонда, отвязные кислотные вечеринки уже начали всерьез беспокоить респектабельных поклонников ЛСД — ученых, психиатров и других представителей научных областей, изучающих поведение человека. Они полагали, что данный наркотик необходимо принимать в ситуации «контролируемого эксперимента», с опытным «проводником», и притом только тем субъектам, которые находятся под длительным наблюдением врачей. Подобные меры предосторожности должны были уберечь подопытных от так называемых бэд-трипов. Любое замеченное умопомрачение тут же подавлялось транквилизаторами — ну, например, если подопытный вдруг начинал страстно жаждать крови или предпринимал попытки оторвать себе голову, чтобы лучше увидеть, что там внутри.

Сторонники экспериментального использования наркотика догадывались, что публичные ЛСД-оргии приведут к неминуемой катастрофе, которая положит конец всем их исследованиям. Не вселяли особого оптимизма мысли о том, что будет, если Ангелы — почитающие жестокость, насилие и свастику — вдруг окажутся в толпе интеллектуалов хипстеров, радикалов марксистов и пацифистов манифестантов. Страшно было подумать, что кто-то сохранит трезвость <...> но это, конечно же, было невозможно. Когда все пьяны, накурены или удолба-

ны, никто не в состоянии делать какие-либо объективные заметки, не может быть никаких «проводников», не может быть никаких разумных наблюдателей, способных потушить огонь или спрятать ножи для разделки мяса <...> никакого контроля вовсе.

Люди, которые постоянно посещали вечеринки у Кизи, не переживали так сильно, как те, кто только слышал о происходящем в Ла Хонде. Анклав был публичным только в том смысле, что каждый, кто чувствовал себя на одной волне с Кизи, мог пройти за ворота. Но уже внутри человек, который не мог заговорить с ними на одном языке, вдруг становился очень тихим. Кислотным фрикам не свойственно многословное гостеприимство; они, не мигая, смотрят на незнакомцев или сквозь них. Многие гости были напуганы таким приемом и больше никогда не возвращались. Те, что оставались здесь, по большей части были богемными беженцами этого мира. Чувство взаимозависимости заставляло их воздерживаться от враждебности. Для этой же цели здесь, за ручьем, всегда находились полицейские, которые могли вторгнуться в любой момент. (Полагаю, что невмешательство копов было обусловлено не только пониманием того, что за нелегальные аресты им потом в суде будет стыдно. Я уверен, они также чувствовали, что если достаточно долго ждать, все эти сумасшедшие в один прекрасный день сами перебьют друг друга. Таким образом, будут сохранены деньги налогоплательщиков, которые не придется тратить на подготовку документов и запутанные судебные разбирательства. — *Прим. авт.*)

Перевод *Ольги Кузьменковой*

РОБЕРТ КРАЙСТГО

ЭЛВИС ПРЕСЛИ: ВЗРОСЛЕЮЩИЙ РОК

В детстве я не был фанатом Элвиса Пресли. Честно говоря, я его вовсе не переносил. Так получилось, что я слышал «Don't Be Cruel» три или четыре раза до того, как узнал, что эту песню исполняет именно он. И после того, как я признался себе в том, что «подсел» на эту песню, мне было нетрудно перенести свою «любовь» и на «All Shook Up». Но я никак не мог понять всего этого ажиотажа вокруг «Heartbreak Hotel» — довольно остроумной пародии Стэна Фреберга[1] было достаточно, чтобы отказаться даже слушать «Hound Dog» или «Love Me Tender». Возможно ли, что я был единственным американцем до 16, который не был заражен этим взрывным обаянием Элвиса-Пэлвиса? Боб Дилан[2] души не чаял в Элвисе, а мне казалось, что он был просто очередным слащавым пареньком с гелем на волосах.

Конечно, он был этим слащавым пареньком. Что мне в нем не нравилось, так это то, что он напоминал мне тех уродов-верзил в школе, которые грозились меня избить. Все его музыкальные соратники были нелепо комичны, и большинство из них были черными. К ним я был абсолютно равнодушен. Мне нравились записи Джерри Ли Льюиса[3], но меня нисколько не удивила и уж тем более не впечатлила его женитьба на собственной родственнице, которая была младше меня; на подобного рода поступки отваживался сумасшедший люд из Луизианы. И меня очень рассмешило, когда я впервые увидел Фэтса Домино[4] по телевизору — на нем было что-то вроде высоких белоснежных баскетбольных кроссовок с каучуковыми подошвами толщиной в целый дюйм. Элвис

---

[1] *Стэн Фреберг* (полное имя — Стэнли Виктор Фреберг; р. 1926 г.) — американский пародист, комедиант, кукловод и рекламный агент. — *Здесь и далее прим. перев.*

[2] *Боб Дилан* (настоящее имя — Роберт Аллен Циммерман; р. 1941 г.) — американский автор-исполнитель песен, который, по мнению большинства наблюдателей, является наиболее влиятельной фигурой в истории популярной музыки послевоенного времени, в особенности рок-музыки.

[3] *Джерри Ли Льюис* (р. 1935 г.) — американский рок-н-ролл певец, автор песен, пианист, первопроходец рок-н-ролл-движения.

[4] *Фэтс Домино* (настоящее имя — Антуан Доминик Домино; р. 1928 г.) — американский пианист и вокалист, один из родоначальников рок-н-ролла.

же был другим. Как и большинство честных и порядочных молодых людей, я, должно быть, завидовал тому впечатлению, который он производил на девушек. И возможно, у меня появился даже такой отличительный знак; тем я и выделялся из толпы, что игнорировал эту его слепо всеми принимаемую популярность. Однако все было несколько проще. Элвис был настоящим — совсем как те ребята, с которыми я был тогда знаком. Именно этим он меня и пугал.

Много позже, уже после The Beatles, я снова начал размышлять об Элвисе. Уже долгие годы я был убежден, что Чак Берри, как говорится, «истинный народный артист» — он был чернокожим, в конце концов. Я понял, что половина всех моих друзей были рокерами в душе только чтобы напугать людей, которым выгодно было немножко бояться, включая не только взрослых, но и неголубых, приличных мужчин. Но Элвис меня не вдохновлял. Он уже десять лет как был погружен в голливудское болото, и, тем не менее, журнал *Melody Maker* до сих пор присваивал ему титул лучшего вокалиста планеты из года в год. Те немногие из его синглов, ставшие большими хитами, превратились в несокрушимые памятники наивному сентиментализму. Он все еще был звездой в Центральной Америке. Его фильмы приносили деньги, объемы продаж его альбомов были удивительны, даже его синглы, которые не услышал Нью-Йорк, медленно, но верно добирались до 50-го места в национальных рейтингах. И все-таки карьера Пресли клонилась к закату.

Но вдруг я начал его понимать. Всю свою жизнь я слыл фанатом рок-н-ролла, и мне даже стало не хватать Элвиса, который был олицетворением всего лучшего и худшего в рок-н-ролле. Он был тем самым белым южным пареньком, который хотел быть таким, как его чернокожий сосед. Он был юношей в черной кожанке, который стал поэтом, но не каким-нибудь парнем с бакенбардами, который стал копом. Восстание, начатое им, прервалось двумя коротко стриженными годами в армии. Он был воплощением взрывной сексуальности, провозглашавшей холодные и бесстрастные кальвинистские гимны. Он вобрал в свой образ идеального американца весь американский фолк — блюз, кантри и госпел, — а его гений трансформировался в розовый «Кадиллак». Посему, вы должны были признать, что если это и является истинным лицом розового «Кадиллака», то уж розовый «Кадиллак» — это не так плохо, как казалось.

Затем, как раз когда наступил 1968 год, были предположения, что Элвис не был намерен уйти в забытье «стоимостью» в миллион долларов. А может быть, сборы с фильмов начали падать, и поэтому он начал беспокоиться, что цена его ухода со сцены вот-вот начнет стремительно падать. Как бы то ни было, он снова обратился к рок-н-роллу. Его синглы — «Big Boss Man», «Hi-heel sneakers», «U.S. Male» — зазвучали «как надо». Позднее, в этом же году, он записал небольшой телекон-

церт, где выступил в кожаном костюмчике перед выбранной аудиторией живьем. Начав с «Guitar Man», закончил песней «If I Can Dream» с мягкой соцморалью, которая в итоге вошла в «Десятку лучших». И на этом шоу ему аккомпанировал чернокожий хор. Элвис если не с восхищенным фанатизмом, то с истинным уважением говорил о корнях своей музыки. Когда Грил Маркус[1] принес мне запись концерта, я осознал, насколько значимым было это выступление. Маркус прослушал и оценил столько музыки, сколько способен прослушать и оценить объективно мыслящий человек. И он утверждает, что Элвис, может быть, сделал лучшее в своей музыке той решающей ночью, когда он *вернулся*. Ведь легко забыть, что Элвис был, или есть, или может стать великим певцом. Каждый случай, который опровергает этот факт, ведет к упадку певца.

Тем не менее, он до сих пор в упадке. Никто более не выскакивает и не называет его ничтожеством и бесталанным певичкой. Но теперь принято думать об Элвисе как о порождении Колонела Паркера, именитого гения-менеджера. Всякие непрофессиональные социологи считают, что не будь Элвиса — кто-нибудь другой занял бы пустующую культурную нишу, которую в свое время занял он. Такие историки рок-н-ролла, как Чарли Джилетт, уверены, что лучшую музыку Элвис делал в студии Sun Records в Мемфисе, коей заправлял Сэм Филипс — любитель молодых и многообещающих блюзовых исполнителей. Но перестал, отдавшись в руки алчным продюсерам из RCA Victor в 1955 году. Другие относят кризис Пресли к фильму «Love Me Tender», ставшему своего рода «побочным эффектом» его первой «розовой» баллады. Политологи утверждают, что он был вынужден усмирить свое важное для карьеры и имиджа бунтарство, когда ушел-таки в армию в 1958 году. Еще одни полагают, что Элвис сдулся, когда прекратил гастролировать в 1961 году. В итоге он стал еще одним Томом Джонсом.

Не стоит недооценивать ни одного из этих мнений. С Элвисом неразрывно связан образ розового «Кадиллака». Проблема розовых «Кадиллаков» в том, что за красивым широким стеклом не увидишь того, кто за рулем. Эта громоздкость, тяжесть, которая сама себя защищает от превращения в упадок... Правда в том, что Элвис не был порождением природы или массмедиа. Он и смышлен, и гениален. Он знает, что делает. Проницательность Колонела неоспорима, и его усилия, безусловно, подпитывали процесс создания Элвиса как легенды. Но его музыкальное влияние всегда было ничтожным даже в последние годы. Элвис сам полностью завоевал первый план и как артист, и как создатель собственного образа, оставив своему менеджеру весь бизнес. Натурален образ или нет — а я подозреваю, что натурален, — суть его ясна: Элвис — разудалый рокер, и в то же время, сентиментальный паренек-

[1] *Грил Маркус* (родился в 1945 г.) — музыкальный журналист и критик.

южанин. Привкус этакой «сопливости» чувствовался в самом начале его карьеры: первой песней, которую он записал, была композиция «My Happiness» — подарок матери, которую он обожал. И он всегда хотел попасть в Голливуд.

Элвис — как человек, очень достоверно исполняющий «черную» музыку — историческая необходимость; но великолепность его образа затмила эту необходимость и, наверное, даже создала ее. На ранних сессиях в Sun Records, в песнях, записанных в RCA, во множестве композиций на том самом телешоу в 1968 году, создавая классический хитовый сингл в 1972-м, Элвис представляет уникальные таланты: его чувство слога вместе с энергетикой, его жесткость вместе с нежностью, провокационная «беззаботность» его тембра — это необходимые, жизненно важные составляющие магнетизма, которого Чарли Рич, или Конуей Твитти, или Карл Перкинс[1] никогда бы не смогли достигнуть. Более того, он, как выясняется, сам создавал свои записи, не только выбирая аккомпанирующих музыкантов и тот материал, с которым предстояло работать, но и при аранжировке в студии. Если блаженная ответственность за «Rubber Soul» и «Сержанта Пеппера»[2] лежит на The Beatles, то Элвис Пресли — *творец* «It's Now or Never», своего второго сингла постармейских лет, основанного на «O Sole Mio» и оказавшегося самой продаваемой записью в его карьере.

Я начал осознавать это, когда слухи о большом живом выступлении, первом за восемь лет, начали распространяться в первой половине 1969 года. Все ожидали обычную программу выступлений на сцене. Когда объявили что этот величайший эксперимент будет происходить на сцене Showroom Internationale — Международного отеля Лас-Вегаса, — многие разочаровались. Я получил письмо от оказавшегося немиллионером человека с Лонг Айленда, который вылетел в Лас-Вегас только чтобы посмотреть на Элвиса, но никто из профессиональных рок-музыкантов с востока страны не ощутил такой необходимости. Нас всех восхищали Чак Берри, Литтл Ричард, Джерри Ли Льюис — представители славной плеяды воскресителей рок-н-ролла. И мы находились в ожидании чего-то достойного — добротного, профессионального рок-н-ролла. Безусловно, этот паренек с прилизанными волосами нас нисколько не трогал.

---

[1] *Чарли Рич* (1932–1995) — американский музыкант, автор-исполнитель песен и пианист; Конуэй Твитти (1933–1993, настоящее имя — Гарольд Ллойд Дженкинс) — один из самых успешных американских кантри-музыкантов XX века; *Карл Ли Перкинс* (1932–1998) — американский автор-исполнитель песен, впервые соединивший ритм-энд-блюз и кантри-музыку.

[2] «Rubber Soul» — шестой по счету студийный альбом группы The Beatles, выпущенный в конце 1965 года на лейбле Parlophone. «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» — восьмой по счету студийный альбом группы The Beatles.

Элвис Пресли с 1956 года поддерживал лейбл RCA Victor, и этот лейбл был беспросветно окружен магией. Владелец Международного отеля в Лас-Вегасе пригласил команду корреспондентов из RCA на открытие. Мы могли остановиться на столько времени, на сколько заблагорассудится. Как и большинство приглашенных, я никогда не был в Лас-Вегасе. Элвис был существенной мотивацией, но только как часть целого «пакета».

Как выяснилось, Международный отель Лас-Вегаса — один из самых престижных и богемных отелей Америки, напыщенность и бессмысленность — идеально подходил Элвису. The Showroom Internationale, на удивление показушный ночной клуб с двумя тысячами мест, стилизовал свой филиал в Caesar's Palace под придорожную закусочную. На открытии добрая половина публики, казалось, умрет сейчас же от подагры. По мере того как я восхищался заголовком «Bon Apetit» в меню, мне стало не по себе. Когда двадцатидвухсоставный оркестр прошелся по «How High the Moon», «Alfie» и «The Impossible Dream», мне стало *совсем* не по себе. Особенно после 30-минутной цитаты Дона Рикклса какого-то комедианта по имени Сэмми Шор. На сцене появился мужской хор Imperials, а вместе с ним и небольшая инструментальная группа. Я приготовился к очередной части разогрева — «D-I-V-O-R-C-E», «Danny Boy» и «Do You Know The Way To San Jose?». Вдруг на сцену вырвалась гибкая фигура в модифицированном черном кимоно и влилась всем телом в «Blue Suede Shoes». Угадайте кто?

Все было как в пятидесятых годах. Мы пребывали в восторге, пока полностью не осознали, что на самом деле произошло. Одна девушка-критик восторженно скакала на своем стуле, а менеджер по связям с общественностью из RCA вопила и хлопала в ладоши так, как не подобает менеджеру по связям с общественностью. Каждый старикан показал абсолютную бесшабашность. Элвис был фантастичен. Он был одет стильно, но без выпендрежа. Бакенбарды выходили чуть вперед, волосы достигли идеальной длины. Его ребячески пухлые щеки превратились в четкие и по-взрослому выделенные скулы. Его репертуар был безупречен — от «That's All Right, Mama» и до «Yesterday», но упор был сделан на старый добрый рок-н-ролл. Большую часть концерта его оркестр молчал; парень позади отстукивал время на виолончели. А группа Элвиса поддержала все выступление. Но самое важное — Пресли не просто доказал, что он не очередной слащавый паренек с гелем на волосах, но и показал очень точно свою ироничную натуру. В жизни Элвиса было достаточно и рока, и сентиментальности, чтобы найти ту точку, где одна сторона натуры отрицает другую. Каждый раз, когда он двигал бедрами или опускал веки, женщины кричали. Но сам Элвис знал, что они кричат, по сути, из-за воспоминаний, но не из-за того, что видят. И мы знали, что он знал. Как и битлам, ему было достаточно своей неприкосновенной славы. Это было частью его действа.

После этого я не видел Пресли почти три года и к тому времени был готов на всякие сюрпризы. А он был доволен собой. Хиты выходили чаще, но все были плаксивыми — он не выпустил ни одной удовлетворительной записи после «Suspicious Minds» и «Memphis To Vegas» — сингл и альбом, вышедшие после концерта в Вегасе. Билеты на большие концерты продавались мигом. Но все вокруг говорили, что его щеки снова стали пухлыми, а концерты проходили мягко и без эпатажа.

Все же в июне 1972 года в расписании Madison Square Garden было записано четыре шоу подряд. Впервые Элвис выступал в Нью-Йорке. И я даже не рассматривал возможности упустить это. Мне составили компанию два друга, которые в 1969 году были более озабочены политикой партии Weathermen, нежели приездом Элвиса в Лас-Вегас. Тем не менее мы слились с толпой. Она состояла из офанатевших девочек-подростков и юношей. Будто бы это было неотъемлемым дополнением к фанатам среднего возраста, которых Элвис всегда притягивал. Но, по крайней мере, половине пришедших можно было дать от 25 до 33 лет. Вы, конечно, можете сказать, что такого рода публику собирает Том Джонс, но эта публика была другой. Одежда была непринужденней, волосы — неряшливей; фанаты были разных полов и возрастов. Из 80 тысяч, пришедших в эти выходные на концерт, было около 50 тысяч, которые закончили школу где-то до приезда The Beatles[1] и после этого не видели друг друга ни разу. Элвис, таким образом, «случайно» организовал самую масштабную встречу выпускников в истории.

Ансамбль Sweet Inspirations был принят публикой хорошо, но в ту ночь, когда я был там, одного комедийного актера едва не закидали помидорами. Казалось, что подростковая злая энергия немедленно потребовала выхода. В антракте начали продавать сувениры, и толпу просили не вскакивать и не кидаться на что ни попадя. Свет приглушили, и оркестр сыграл несколько аккордов.

Зал осветился вспышками прожекторов, когда Элвис появился в невероятно крикливом бирюзовом костюме с взъерошенными волосами, окрашенными в черный цвет. Темные волосы на груди выпячивались из распахнутой рубашки. Сначала он запел «That's All Right, Mama», затем пустил в ход современный мэйнстрим: бодренькие хиты Creedence, Three Dog Night и Тони Джо Уайта, баллады Баффи Сент-Мари и Дасти Спрингфилд[2], The Righteous Brothers. Все песни были замечательны.

---

[1] Имеется в виду первый визит группы The Beatles в США — Нью-Йорк, аэропорт Кеннеди, 7 февраля 1964 года. В Нью-Йорке группа дала два концерта в Карнеги-Холле.

[2] *Тони Джо Уайт* (р. 1943 г.) — американский автор-исполнитель песен и гитарист; *Баффи Сент-Мари* (настоящее имя — Беверли Сент-Мари; р. 1941 г.) — композитор, музыкант, художница, активный социальный деятель Канады; *Дасти Спрингфилд* (настоящее имя — Мэри Изобел Кэтрин Бернадетт О'Брайен; 1939–1999) — английская певица.

Визги и восторженные крики раздавались при самых непринужденных курсированиях Элвиса по сцене. Но больше удивлял и поражал тот контроль над людьми, которым он завладел, не прилагая никаких усилий. Все, включая меня, двигалась и дышали как одно целое. Эмоции были сравнимы только с политической гонкой-дебатами или победой спортивной команды. При этом источник этой энергетики — сексуальность, но не в скрытой форме, а в самой что ни на есть недвусмысленной, открытой. Выплеск этой энергии достиг соединения любви, чувства единения в каком-то общем самосознании.

Установив градацию личностей слушателей, Пресли занялся поиском ее связи с прошлым — когда личности эти только созревали. Он не остановился на славе старых хитов. Он драматизировал нашу отдаленность от нас самих в молодости в песне «All Shook Up» с очень незначительными телодвижениями и презентуя «Hound Dog» как свою «песню протеста выступления», как, в общем, всегда и было. И затем он вернул нас обратно в настоящее многострадальной «Bridge Over Troubled Water». Несметное количество кавер-версий уже мешало нормальному ее восприятию. Но несмотря на это, песня остается эпохальным произведением, потому что это песня о дружбе — о связях между людьми, которые воспевались в «You've Got A Friend» и «Lean On Me».

С песней «Suspicious Minds» концерт достиг апогея. В какой-то момент Элвис сымпровизировал, поменяв слова в одной строке, будто бы он сам уже не доверял своей энергетике и восторгу; будто бы сделал ошибку. Видимо, этот экспромт удался, и, таким образом, он добавил себе энергии не только натуральным образом, но и непроизвольно смоделировав ситуацию полной эйфории от чего-то непредсказуемого и нового. Волну восторга просто нельзя было остановить. Затем последовала песня «For The Good Times» Криса Кристоффферсона[1], которая, как и «Suspicious Minds», цепляет взрослую аудиторию самыми душещипательными подробностями первой влюбленности. Мы стали старше. Ну и что: мы помнили, мы сопереживали и были все вместе еще один раз. Когда Элвис попрощался со всеми, исполнив «Can't Help Falling In Love», казалось, что он поет для каждого из нас.

В записи этот монументальный концерт звучал довольно посредственно, как, впрочем, и другие живые записи Элвиса. Это вовсе не значит, что мой восторг в Madison Square Garden был мнимым. Дело в том, что на самом концерте Элвис работал не в одиночку — он работал над концертом со всеми моими «братьями» и «сестрами» в зрительном зале. Конечно же, в большинстве случаев эти люди вряд ли бы почувствова-

[1] *Кристофер Кристоффферсон* (р. 1936 г.) — американский поэт-бард, который в 1960-е годы изменил облик музыки кантри, развернув ее от эксплуатации шаблонных ковбойских и романтических мотивов к более глубоким формам личностного выражения.

ли себя моими братьями и сестрами. Многие из них, возможно, грозили мне в школе кулаками, и я бы точно никогда не пошел с ними на встречу выпускников. И гений Элвиса в Лас-Вегасе ничем не отличался от его гения в Нью-Йорке. Он успешно воодушевлял меня на соединение с людьми, чьи ценности коренным образом отличались от моих.

Если закрыть глаза на суетность и амбиции Элвиса, то станет ясно, что его ценности гораздо больше соответствуют ценностям среднестатистического американца средних лет, чем мои или, возможно, ваши. Он облегчает наше восприятие альтернатив, других взглядов. Я достаточно много думал о его сомнительной карьере с восхождениями и падениями. Но в итоге сделал заключение, что Элвис пришел к своим ценностям и устоям, пройдя через сложнейший и естественный процесс страданий и борьбы с самим собой. Каждый «пятидесятник», который решил работать и завести семью — неважно, насколько это желание было искренним — проходил через то же самое. Люди делают то, что дает им выжить. И несмотря на то, что они меняются, осадок протеста и бунта остается. Наше поколение, первое, в котором городское общество — не только фанаты джаза и любители Коула Портера[1], не только одержимые кантри-вестерн кальвинисты и приверженцы блюза — признает душевные песни про любовь *ядром* этой музыки, этого течения. И признает дружбу как необходимое человечеству чувство. Я очень надеюсь, что мы продвинемся еще дальше. Но я уже доволен этим «мы», и мне хочется верить в то, что как-нибудь мы с вами совершим заветную поездку на каком-нибудь подобии розового «кадиллака».

Август 1969 года

Перевод *Искандера Еримбетова*

[1] *Коул Альберт Портер* (1891–1964) — американский композитор и автор песен.

КАРЛ БЕРНСТИН, БОБ ВУДВОРД

ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК ОБВИНЯЮТСЯ В ПРОСЛУШИВАНИИ ШТАБ-КВАРТИРЫ ДЕМОКРАТОВ

Воскресенье, 18 июня 1972 года

Прослушивающие устройства были установлены в штаб-квартире демократов. Вчера, в 02:30 утра, пять человек по подозрению в этом преступлении были задержаны.

Один из подозреваемых ранее работал в ЦРУ, второй — тренировал кубинских ссыльных для партизанского подполья в 1961 году. Остальные трое — жители Кубы.

Подозреваемые были задержаны в гостинице «Уотергейт» на Вирджиния Авеню, где офис национального демократического штаба занимает целый этаж.

Зачем пятеро подозреваемых собирались прослушивать разговоры в офисе демократов? На кого они работали? Пока неясно.

Представитель демократического национального комитета заявил, что цель непонятна и ему. В офисе находилась самая разнообразная документация. Что именно интересовало подозреваемых?

В полиции сообщили, что были отодвинуты две панели на потолке в кабинете секретаря демократической партии Дороти Буш. Кабинет Дороти Буш смежен с кабинетом Лоренса О'Брина, председателя демократического национального комитета. Вполне возможно, что злоумышленники собирались провести прослушивающие устройства через панели кабинета Дороти Буш в кабинет председателя.

Пять подозреваемых, все в резиновых перчатках, были пойманы в одной из комнат национально-демократического штаба. В полиции заявили, что у преступников было, по крайней мере, два устройства, с помощью которых можно прослушивать разговоры, в том числе и телефонные. Полиция обнаружила у подозреваемых отмычки, лом и две тысячи триста долларов, все стодолларовыми купюрами с последовательными серийными номерами. Также изъяты: рации, приемник, спо-

собный настраиваться на «полицейскую» волну, сорок катушек с отснятой пленкой, две 35-миллиметровые камеры и три маленьких, с ручку, слезоточивых устройства.

Рядом с задержанными, в кабинете, нашлись две коробки с важной документацией. Один из сотрудников национального комитета догадался, что подозреваемые собирались сфотографировать содержимое.

Вчера на суде один из подозреваемых заявил, что все они — антикоммунисты. Остальные задержанные поддержали его. Прокурор Эрл Силберт охарактеризовал преступную операцию как «тайную» и «профессиональную». Как удалось узнать «Вашингтон Пост», один из кубинцев — майамский слесарь.

Пятеро подозреваемых — это:

Джеймс Маккорд, псевдоним Эдвард Мартин, проживающий в Нью-Йорке. Вчера на суде Мартин рассказал, что ушел из ЦРУ два года назад и теперь нанят «консультантом по безопасности».

Франк Стурджис, проживающий в Майами. Прокурор сообщил, что проверка ФБР показала — в 1958 году Франк служил в кубинских войсках, недавно посетил Гондурас. Сейчас он сотрудник Агентства спасения Гаваны. В Майами у него остались дом и семья. Некоторое время назад, согласно отчетам ФБР, Стурджис обвинялся в незаконном хранении оружия.

Эухенио Мартинес, проживающий на авеню Северного Меридиана в Майами. Обвинители утверждают, что в 1958 году Мартинес нарушил законы иммиграции: он незаконно прилетел в Кубу на частном самолете. Мартинес — агент по продаже недвижимости и нотариус во Флориде.

Вирджильо Гонсалес, проживающий на 23-й авеню в Майами. Жена Вирджильо вчера рассказала репортеру «Вашингтон Пост» о том, что муж ее работал слесарем в магазине Missing Link. Гарри Коллот, владелец магазина, сказал, что по договору Гонсалес должен был работать вчера, но не пришел. «Он и раньше иногда не являлся на работу, но никогда не злоупотреблял прогулами», — сказал Коллот. По мнению Коллота, Гонсалес прибыл в Америку на пике славы Фиделя Кастро. Примерно в 1959 году Вирджильо устроился на работу в Missing Link. Хозяин магазина охарактеризовал подозреваемого как «проамериканца и антикастровца», но добавил, что Вирджильо никогда не лез на рожон и не был помешан на своих убеждениях.

Бернард Баркер, проживающий на 4-й улице в Майами. Дуглас Кэдди, один из адвокатов пяти подозреваемых, заявил, что вчера вскоре около трех утра ему позвонила жена Баркера. «Она сказала, что муж просил позвонить мне, если он ей не позвонит до трех ночи. Это значит, что он в беде».

Все подозреваемые были признаны виновными во взломе и попытке кражи. Все, кроме Мартина, отпущены под залог в 50 000 долларов. Мартин, благодаря своим связям в нужных кругах, был отпущен под 30 000.

Вчера в суде прокуроры доказали, что Стурджис использовал псевдоним — Франк Флорини. Полиция Майами подтвердила эту информацию. В 1959 году Флорини, по сводкам федерального авиационного агентства, с самолета разбрасывал над Гаваной антикастровские листовки. В газетных заметках того времени его назвали «солдатом удачи». По слухам, Флорини был главой международной антикоммунистической организации, тренировал высланных с родины кубинцев. Двадцать три из них в 1962 году нелегально высадились в кубинской провинции, чтобы осуществлять партизанские операции.

Ночью, без десяти два, охранник в «Уотергейте», двадцатичетырехлетний Франк Вилс, заметил, что дверь, соединяющая лестничную клетку с гаражом, открыта. Охранник позвонил в полицию.

Трое полицейских прибыли на вызов. Они обнаружили, что от подвала до шестого этажа все двери, ведущие на лестничную клетку, были открыты. А на шестом этаже, там, где располагались офисы национального комитета, дверь была и вовсе взломана.

Во главе с сержантом Полом Леппером полицейские начали осмотр шестого этажа, где в двадцати девяти кабинетах работает более семидесяти сотрудников. Когда полицейские вошли в кабинет секретаря лидера партии Стэнли Григга, из-за стола выскочил один из взломщиков, поднял вверх руки и закричал: «Не стреляйте!».

По данным полиции и записям в Уотергейте**,** в пятницу четверо из подозреваемых арендовали в гостинице «Уотергейт» две комнаты: 214-ю и 314-ю на вымышленные имена. Задержанные утверждают, что в пятницу ночью обедали все вместе в ресторане гостиницы.

Вчера днем был получен ордер на обыск гостиничных номеров, которые занимали подозреваемые. Полицейские обнаружили четыре тысячи двести долларов стодолларовыми купюрами с той же самой последовательностью серийных номеров, что и на деньгах, изъятых у подозреваемых ранее. Также в шести чемоданах было найдено огромное количество инструментов для взлома и оборудования для прослушивания. Одно из найденных прослушивающих устройств было размером с серебряный доллар, такое легко можно спрятать под телефоном или столом.

Согласно данным полиции, с 28 мая это уже третий случай кражи в штаб-квартире демократов. Двадцать восьмого, между 23:00 и 8:00, была предпринята попытка взлома одного из кабинетов. По крайней мере, некоторые из подозреваемых были зарегистрированы в ту ночь в «Уотергейте».

7 июня, около девяти вечера, сейф демократического национального комитета был взломан. При этом дверь, ведущая в кабинет с сейфом, взломана не была, и служащие все еще находились в штабе.

Через несколько часов после ареста подозреваемых штаб-квартира была распечатана. Для дальнейшего разбирательства действующим ру-

ководителем Чарльзом Райтом мобилизована полиция, агенты ФБР и работники секретной службы.

Кэдди, адвокат Баркера, рассказал, что встретился с ним год назад в вашингтонском Армейском морском клубе за коктейлем. «У нас состоялся достаточно приятный разговор. Это все, что я вам скажу», — заявил Кэдди. Он добавил, что, скорее всего, был единственным адвокатом, которого Баркер знал в Вашингтоне.

Кэдди, корпоративный адвокат, во время вчерашнего слушания пытался просто тихо отсидеться. Он не возражал верховному судье Джеймсу Белсону, тому пришлось призвать другого адвоката, опытного Джозефа Раффертая.

Помощник адвоката Эрл Силберт, второй человек в прокуратуре, убеждал не отпускать пятерых подозреваемых под залог. Он считает, что этих людей ничего не держит в стране, и при первой же возможности они убегут за границу. Если они уже обманули полицию и назвали фальшивые имена, что им стоит обмануть еще раз и скрыться?

«Их поймали на месте преступления. Против них огромное количество улик. К тому же у них имеется доступ к крупным суммам наличных. Налицо явное желание скрыться за границей. Их ни в коем случае нельзя отпускать под залог», — заявил Силберт.

Силберт назвал подозреваемых «профессионалами с загадочной целью».

Раффертай сказал, что пятеро задержанных никому не вредили и их можно спокойно отпустить под залог.

В конце концов, суд постановил: майамцев освободить под залог в 50 000, а Мартина под 30 000. Судья Белсон ограничил передвижение подозреваемых: подозреваемые из Майами должны оставаться в районе Вашингтона и ежедневно отмечаться в суде. Мартин должен отмечаться еженедельно.

Гридж, лидер партии, назвал «очень важным» то, что большинство подозреваемых родом из Майами, где вскоре должен пройти национал-демократический съезд.

В подготовке этого материала задействованы штатные сотрудники «Вашингтон Пост»

Перевод *Надежды Антуфьевой*

СРЕДИ ПЯТИ АРЕСТОВАННЫХ ПО ДЕЛУ ПРОСЛУШИВАНИЯ — ПОМОЩНИК РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ

Понедельник, 19 июня 1972 года

Среди арестованных в субботу в офисе демократов — начальник отдела безопасности штаба переизбрания Никсона.

Боб Дол, глава республиканского национального комитета, сообщил вчера, что с пятидесятитрехлетним экс-цэрэушником Джеймсом Маккордом у комитета был подписан контракт на предоставление услуг по безопасности.

Экс-генеральный прокурор Джон Митчелл, глава штаба по переизбранию президента, заявил вчера, что и они платили Маккорду за помощь в организации системы безопасности.

И Маккорд, и все остальные задержанные в офисе демократов «находились там с нашего ведома и согласия», — известил Митчелл в своем лос-анджелесском обращении.

Дол сделал схожее заявление, добавив: «Мы против подобных действий в принципе. Независимо от того, в рамках они политики или нет». Дол утверждает, что сейчас еще не понимает, для выполнения каких в точности обязанностей комитет нанял Маккорда.

По слухам, полиция пытается обнаружить шестого человека, непосредственно связанного с преступлением. Более точной информации пока нет. По сведениям людей, близких к следствию, до сих пор неясно, зачем пятеро подозреваемых собирались прослушивать демократический штаб. Так же непонятно, на каких людей или организацию они работали. «Здесь мы сбиты с толку. Тайна все таинственнее», — прокомментировал высокопоставленный чиновник в демократической партии.

Председатель демократического национального комитета Лоренс О'Брин заявил: «За последнюю четверть века целостность политических процессов еще не оказывалась под таким вопросом. Голословным уверением в непричастности к этому делу организаторы предвыборной кампании господина Никсона не отделаются».

Получить комментарии у кандидатов в президенты от демократической партии не удалось. О'Брин в своем обращении к генпрокурору Ричарду Клиндинсту попросил ФБР провести «тщательное расследование». Вчера пресс-секретарь Клиндинста сообщил: «ФБР ведет расследование... Их прелюбопытный доклад будет передан подразделению по уголовным делам для дальнейшего следствия».

Белый дом комментариев не дал.

Пятидесятитрехлетний Маккорд в 1970 году, после 19 лет работы, ушел из ЦРУ и открыл свою собственную «фирму по безопасности». По данным соседей и друзей, Маккорд, полковник воздушных сил в запасе, — активный баптист.

Другие подозреваемые — жители Майами:

Франк Стурджис (также известный как Франк Флорини), американец. Служил в армии Фиделя Кастро, а после натаскивал партизанские подразделения ссыльных-антикастровцев.

Эухенио Мартинес, нотариус, агент по продаже недвижимости, активный антикастровец.

Вирджильо Гонсалес, слесарь.

Бернард Баркер, по сообщениям кубинских эмигрантов, уроженец Гаваны, работал в ЦРУ, но в 1961 году был уволен.

При аресте пятеро подозреваемых назвали себя фальшивыми именами. Адвокат Маккорда сообщил, что даже ему Джеймс сказал, что его зовут Эдвард Мартин.

Из майамских источников вчера выяснилось, что по крайней мере один из подозреваемых — Стурджис — должен был организовать демонстрацию кубинцев в Майами на демократическом национальном съезде в следующем месяце.

В субботу в 02:30 утра пять человек в резиновых перчатках были арестованы на шестом этаже «Уотергейта» в кабинете № 29 демократического штаба. У задержанных при себе найдено оборудование для фотографирования, рации и приборы для прослушивания разговоров, в том числе телефонных.

Полиция сообщила, что в кабинете, смежном с кабинетом лидера партии О'Брина, были убраны две панели на потолке так, чтобы можно было установить подслушивающие устройства.

Вчера Маккорд вышел из тюрьмы округа Колумбия под залог в 30 000 долларов. Остальные четверо отпущены под залог в 50 000 долларов. Все пятеро обвиняются во взломе и попытке прослушивания бесед в кабинетах.

По словам Пауэлла Мура, пресс-секретаря в штабе Никсона, Маккорд был нанят в штаб по переизбранию президента 1 января «координатором по безопасности».

Мур сказал, что контракт Маккорда предполагал «зарплату наличными в тысячу двести долларов ежемесячно и личный офис в штабе комитета».

Неделю или две назад, по словам Мура, Маккорд ездил в Майами-Бич, где вскоре пройдут и республиканский, и демократический съезды. Цель поездки — «обеспечить полную безопасность гостиницы, в которой остановится штаб Никсона». Кроме заработной платы, штаб Никсона давал Маккорду и его фирме еще две тысячи восемьсот тридцать шесть долларов на закупку разного оборудования по безопасности.

Мур сказал, что не знает точно, кто в штате комитета нанимал Маккорда, но добавил, что это «точно был не Джон Митчелл». Мур утверждает, что раньше Маккорд никогда не работал на избирательных компаниях Никсона: «Как это возможно, когда он только два года назад ушел из ЦРУ?» До вчерашнего дня Маккорд все еще числился в штате Никсона.

В своем заявлении в Лос-Анджелесе бывший генпрокурор Митчелл сказал, что крайне «удивлен и встревожен» сообщением об аресте Маккорда. «Интересующая вас персона — владелец частного агентства безопасности. Наш комитет нанял его несколько месяцев назад, чтобы он помог нам с организацией системы безопасности. О других его клиентах мы ничего не знаем», — сказал Митчелл. Что касается предпринятой попытки установить прослушку в штабе оппозиции, то «мы никогда не решали и не решаем проблем таким образом. Мы никогда не потворствовали этому».

Спустя приблизительно два часа после того, как Митчелл сделал свое заявление, глава республиканского национального комитета Дол заявил: «Я понимаю, что Джим Маккорд — владелец фирмы, с которой республиканский национальный комитет заключил контракт на услуги по безопасности. Если все, что сейчас обсуждается, — правда, то мы, конечно, прекратим наше сотрудничество с этой фирмой».

Том Вилк, представитель председателя республиканского комитета по связям с общественностью, вчера поздно вечером сказал, что республиканские чиновники все еще выясняют, когда Маккорд был нанят, сколько ему платили и каковы в точности были его обязанности.

Маккорд живет с женой в Роквиле в доме за сорок пять тысяч долларов. Вчера «Вашингтон Пост» связалась с Харданом Вестредом. Это друг Маккорда, который рассказал о нем следующее: Маккорд из Техаса, там он и его жена окончили университет Бэйлор. У них трое детей: сын, который третий год учится в Академии Воздушных сил, и две дочери. Маккорды — активисты первой баптистской церкви в Вашингтоне.

Другие соседи рассказали, что Маккорд — полковник воздушных сил в запасе, преподаватель безопасности в колледже Монтгомери. Это пока неподтвержденная информация. До этого Маккорд работал в ЦРУ, и это подтверждено спецслужбой, но представитель оттуда сказал, что дальнейшие данные о Маккорде пока недоступны.

Штатный сотрудник «Вашингтон Пост» Кирк Шарфенберг сообщил из Майами, что два других подозреваемых — Стурджис и Баркер — весьма известны среди кубинских эмигрантов. У обоих, что совершенно не скрывалось, были обширные контакты с ЦРУ, а Баркер тесно связан с Франком Бендером, цэрэушником, вербовавшим людей в бригаду 2506, которая должна была вторгнуться на Кубу.

Пятидесятипятилетний Баркер и тридцатисемилетний Стурджес, по некоторым данным, без приглашения пришли на майскую встречу ку-

бинских эмигрантов. Там они утверждали, что являются представителями антикоммунистической организации беженцев «пленных наций». Целью встречи была организация демонстрации в поддержку решения президента Никсона.

Баркер, уроженец Гаваны, всю свою юность провел в США и на Кубе, он ветеран армии США. Во время Второй мировой войны попал в плен, позже служил при Фиделе Кастро в кубинской тайной полиции, а в 1959 году сбежал в Майами. По слухам, он был одним из лидеров кубинского революционного совета, организованного ссыльными с помощью ЦРУ для нападения на Кубу.

Стурджис, американский солдат удачи, присоединился к Кастро в 1958 году в холмах Ориента. В 1959 году, вместе со своим другом Педро Диасом Лансом, тогда главой кубинских воздушных сил, Стурджис покинул Кубу. Диас Ланс был активистом высылки кубинцев в Майами, позже увлекся правыми движениями.

Стурджис, более известный как Франк Флорини, лишился американского гражданства в 1960 году из-за решения служить в иностранной военной армии, армии Кастро. Но вскоре с помощью флоридского сенатора Джорджа Сматерса восстановил гражданство.

В подготовке этого материала задействован штатные сотрудники «Вашингтон Пост».

Перевод *Надежды Антуфьевой*

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ПОДСЛУШИВАНИИ ПОЛУЧИЛ ДЕНЬГИ ШТАБА ПЕРЕИЗБРАНИЯ

Вторник, 1 августа 1972 года

Чек на двадцать пять тысяч долларов из штаба переизбрания Никсона в апреле оказался на счету одного из пяти подозреваемых во взломе офиса демократов.

Чек был выписан в банке Флориды Кеннетом Дахлбергом, финансовым директором президентской кампании по региону Мидвест. Дахлберг вчера вечером сообщил, что в начале апреля передал чек «казначею комитета (по переизбранию президента), лично Морису Стэнсу». Стэнс был в правительстве Никсона министром торговли, теперь он — финансовый директор предвыборного штаба республиканцев.

Каким образом чек оказался на счету у фирмы недвижимости, которой владеет Бернард Баркер, один из подозреваемых во взломе? Дахлберг заявил, что «непосредственных идей» по этому поводу у него нет. Получить комментарий у Стэнса не удалось.

По телефону из своего дома в пригороде Миннеаполиса Дахлберг так объяснил существование чека: «В процессе сбора средств у меня накопилась довольно большая сумма наличными... я вспоминаю, что, когда был во Флориде, создал кассовый депозит и получил банковский чек на свое имя. Я не хотел ехать с такой суммой наличных в Вашингтон».

Репортер «Вашингтон Пост» вчера исследовал фотокопию чека. Он был выдан Фест-банком на имя Дахлберга.

Прокурор в суде доказал, что счет, на который было переведено двадцать пять тысяч долларов, — это тот же самый счет, с которого позже Баркер снял достаточно крупную сумму. Из них около пятидесяти трех стодолларовых купюр было обнаружено у подозреваемых при аресте в «Уотергейте».

С 1968 года Дахлберг вложил в республиканскую партию около 7 тыс. долларов. В 1970 году он был финансовым директором у Кларка МакГрегора, который безуспешно сражался во время выборов с Хубертом Хамфри за место в сенате от штата Миннесота.

С первого июня Джона Митчелла на посту руководителя штаба Никсона сменяет МакГрегор. Каким образом двадцать пять тысяч долларов перебрались из отдела финансов штаба на счет Баркера? МакГрегор не смог придумать этому никакого объяснения. Вчера вечером он прокомментировал это так: «Я ничего об этом не знаю... Все это было до меня. Вот Митчелл и Стэнс, наверно, знают». МакГрегор добавил, что утром попытается выяснить как можно больше о том, что случилось.

Пауэлл Мур, пресс-секретарь штаба по переизбранию президента, заявил, что и Стэнс, и Митчелл для комментариев сейчас недоступны.

В связи с развитием дела «Вашингтон Пост» получила доступ к отчетам, из которых ясно, что в мае, четырьмя отдельными чеками, известный мексиканский адвокат перевел на счет Баркера в Майами восемьдесят девять тысяч долларов. Депозиты были сделаны в форме чеков, выписанных международным банком в Мехико на имя шестидесятивосьмилетнего Мануаля Огарио Дагерре. Каким образом восемьдесят девять тысяч долларов оказались на счету Баркера? Огарио не дает никаких объяснений.

В общей сложности на двадцатое апреля сто четырнадцать тысяч долларов были отправлены на счет Баркера в национальный банк Майами. В три дня: 24 апреля, 2 и 8 мая — вся сумма со счета была снята.

С самого ареста подозреваемых в демократическом штабе демократы пытаются найти корни инцидента у порога Белого дома или, в крайнем случае, у предвыборного комитета Никсона.

Через день после ареста выяснилось, что один из задержанных, экс-агент ЦРУ Джеймс Маккорд, возглавлял отдел безопасности штаба переизбрания Никсона и был консультантом по безопасности в респуб-

ликанском национальном комитете. Как только Маккорд вышел под залог, его тут же уволили с обеих должностей.

Через десять дней, 28 июля, один из чиновников предвыборного штаба Никсона был уволен. Он отказался отвечать на вопросы ФБР об инциденте. Это был Гордон Лидди — теперь уже бывший финансовый консультант штаба по переизбранию Никсона.

В это же время экс-председатель демократического национального штаба Лоренс О'Брин подал гражданский иск на миллион долларов против комитета Никсона и пяти подозреваемых, обвиняющихся во взломе. Он утверждает, что эта попытка прослушивания нарушает права всех демократов.

О'Брин заявил, что «ниточка явно ведет к Белому дому» и подчеркнул, как он выразился, «потенциальную причастность» специального советника президента Чарльза Колсона. Именно Колсон порекомендовал Белому дому нанять в качестве консультанта Ханта, бывшего агента ЦРУ и плодовитого романиста.

Пока Митчелл возглавлял штаб по переизбранию Никсона, он неоднократно и очень категорично отрицал любую причастность к взлому.

И все-таки, как чек на двадцать пять тысяч оказался у Баркера? «Ничего об этом не знаю... Все деньги я передал в штаб Никсона», — ответил Дахлберг нашему репортеру вчера вечером по телефону. На вопрос, связывались ли с ним из ФБР и расспрашивали ли о чеке, он ответил: «Я добропорядочный гражданин. И я делаю то, что должен».

Чуть позже Дахлберг сам вызвонил репортера и сказал, что сначала отрицал, что знал о чеке, потому что не был уверен, что звонивший журналист был действительно из «Вашингтон Пост». Он рассказал, что совсем недавно пережил страшное испытание: его «дорогой друг и соседка» Вирджиния Пипер была похищена. Ее держали в неволе целых два дня. По слухам, муж госпожи Пипер заплатил на прошлой неделе выкуп в один миллион долларов. Это был самый большой выкуп, заплаченный похитителям, за всю историю Америки.

Пятидесятичетырехлетний Дахлберг в 1968 году был финансовой главой Никсона в штате Миннесота. Решение назначить его на этот пост было объявлено членами палаты представителей МакГрегором и Стэнсом. В 1970 году Никсон назначил Дахлберга, у которого была безупречная военная характеристика, в совет попечителей американской Академии Воздушных сил.

Уроженец Сант-Паула в Миннесоте, Дахлберг сделал свой капитал на фирме «Дахлберг электроникс», специализирующейся на продаже миниатюрных слуховых аппаратов. В 1959 году Дахлберг продал фирму «Моторола», но остался там управляющим. В 1964 году он выкупил фирму обратно.

В 1966 году компания открыла филиал в Латинской Америке. У нее были офисы и в Мехико. Через три года «Дахлберг электроникс» стала

эксклюзивным мексиканским поставщиком датских слуховых аппаратов в Америку.

Дахлберг — активист Миннеаполиса, директор Национального Ситибанка в Форт-Лодердейле. В 1969 году он был назван «шведом года».

Перевод *Надежды Антуфьевой*

МИТЧЕЛЛ КОНТРОЛИРОВАЛ СЕКРЕТНЫЙ ФОНД РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ

Пятница, 29 сентября 1972 года

Джон Н. Митчелл во время службы генпрокурором США лично управлял секретным Республиканским фондом, который использовался для сбора информации о демократах, согласно источникам, вовлеченным в исследование Уотергейтского дела.

Начиная с весны 1971 года, почти за год до того, как оставить министерство юстиции и стать организатором выборной кампании президента Никсона, Митчелл лично одобрил изъятия больших сумм из Республиканского фонда, как рассказали газете «Вашингтон пост» несколько надежных источников.

<...> вчера вечером Митчелл был доступен по телефону в Нью-Йорке и прочитал начало истории в «Вашингтон Пост». Он сказал: «Все это дерьмо вы помещаете на бумагу? Это все можно опровергнуть. Господи... Кэйти Грэм [Кэтрин Грэм, издатель «Вашингтон Пост». — *Прим. перев.*] может оказаться пойманной в большие жирные руки вымогателя, если это будет издано. Боже мой... Это — самая сильно вызывающая отвращение вещь, которую я когда-либо слышал».

Митчеллу сказали, что Комитет по переизбранию президента выступил с заявлением об этой истории, тогда он вставил замечание: «Комитет говорил вам идти вперед и издавать ту историю? Вы, товарищи, получили большое поле для деятельности. Как только Вы заканчиваете с платежом Уиллиамса [Эдвард Беннетт Уиллиамс, владелец юридической фирмы, которая представляет Демократическую партию, так же как и «Вашингтон Пост». — *Прим. перев.*], мы делаем историю с расчетом на вас». После этого Митчелл повесил трубку.

Представителя Комитета по переизбранию президента Никсона Пауэлла Мура попросили прокомментировать сообщение «Вашингтон Пост», на что он сказал: «Я думаю, что ваши источники плохи; они передают дезинформацию. Больше мы ничего не собираемся комментировать».

Мура спросили, отрицал ли комитет содержание истории, на что он воздержался от комментариев.

Позже Мур выпустил формальные утверждения, которые гласили: «Нет абсолютно никакой правды в обвинениях, изложенных в «Вашингтон Пост». Ни господин Митчелл, ни господин Стэнс не имели никакого понятия о выплатах из предполагаемого фонда, как описано вашей газетой, и ни один из них не управлял расходами комитета, будучи правительственным чиновником».

Мура попросили обсудить определенные утверждения его положения, но он наотрез отказался, аргументируя это тем, что «утверждение говорит само за себя».

Согласно источникам «Вашингтон Пост», Федеральный суд, исследовавший предполагаемое подслушивание штаба демократов в «Уотергейте», не установил, что собиравший сведения фонд непосредственно финансировал незаконное подслушивание.

Исследователям сообщили, что единственный отчет секретного фонда — лист бумаги, вырванный из бухгалтерской книги — содержал имена приблизительно 15 человек, получивших платежи и полученные суммы, и был уничтожен чиновниками кампании Никсона после взлома в «Уотергейте» 17 июня.

Было установлено, однако, что Гордон Лидди, бывший финансист комитета Никсона, один из семи мужчин, обвиненных по делу Уотергейта, способствовал тому, что из фонда ушли сверх 50 000 долларов наличными, как сообщили источники.

Митчелл служил организатором президентской выборной кампании в течение трех месяцев и ушел в отставку 1 июля, ссылаясь на свою жену, которая потребовала, чтобы он оставил политику.

Прежний генеральный прокурор неоднократно отрицал, что его отставка была связана с подслушиванием «Уотергейта» или с тем, что он что-либо знал об этом.

Когда прояснялся вопрос о том, было ли управление выплатами от политического фонда выборной кампании незаконным для отставного генерального прокурора, один федеральный поверенный, вовлеченный в дело Уотергейта, заявил: «Я не знаю. Вопрос остается».

Представитель министерства юстиции сказал, что нет никакого закона, запрещающего политическую деятельность члена президентского кабинета.

В прошлом месяце существование секретного фонда было процитировано как «возможное и очевидное» нарушение нового, более строгого закона кампании в раскрытии финансов, как сообщают в главном бюджетно-контрольном управлении, правой руке Конгресса.

Они сказали, что на 25 мая фонд содержал 350 000 долларов и был, возможно, незаконен, потому что о квитанциях и расходах публично не сообщали в течение шестинедельного периода после того, как новый закон раскрытия вступил в силу 7 апреля.

Согласно источникам, фонд, сохраненный в сейфе в офисе Стэнса, прежде всего состоял из наличных вкладов, сделанных для кампании Никсона за 18-месячный период.

Хотя единственный отчет фонда был уничтожен, известно, что исследователи были в состоянии восстановить, по крайней мере, частичный список получателей.

<...> Вначале секретным фондом полностью управлял Митчелл с другими четырьмя чиновниками. Согласно источникам «Вашингтон Пост», первоначальной целью секретного фонда было финансирование широко распространенных сведений об операции против демократов. Точно не могло быть определено, какие индивидуальные проекты финансировались тем секретным счетом.

Перевод *Федора Наумова*

ФБР ПОДОЗРЕВАЕТ ПОМОЩНИКОВ НИКСОНА В САБОТАЖЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Вторник, 10 октября 1972 года

Чиновники Белого дома и Комитета по переизбранию президента, организаторы обширной кампании политического шпионажа и саботажа, по мнению агентов ФБР, причастны к инциденту с жучками в отеле «Уотергейт». Действия, согласно информации ФБР и министерства юстиции, были нацелены на всех главных претендентов на пост президента от демократов. С 1971 года это основная стратегия переизбрания Никсона.

В ходе исследования Уотергейтского дела федеральные агенты установили, что сотни тысяч долларов из копилки предвыборной кампании Никсона были выделены на масштабную тайную операцию, нацеленную на дискредитацию кандидатов в президенты от демократов и на разрушение их предвыборных кампаний.

Но федеральные следователи заявили, что они раскрыли сделанную силами Никсона работу над сбором сведений о демократах и она беспрецедентна по своей углубленности и интенсивности.

Они рассказали, что она включала в себя: сбор досье на членов семей кандидатов и на их личную жизнь; подделывание писем на фирменных бланках кандидатов; захват конфиденциальных файлов кампании и исследование жизни многих работников демократической кампании.

Кроме того, следователи сказали, что действия, включающие в себя заманивание провокаторов в ряды организации, предполагали демонстрации во время подписания соглашений между республиканцами

и демократами; также велось исследование потенциальных спонсоров кампании Никсона.

Информированный относительно общего содержания этой статьи, Белый дом отсылал за комментариями в Комитет по переизбранию президента.

Представитель комитета высказал мнение: «Расследование журналистов «Вашингтон Пост» — не просто беллетристика, а коллекция абсурдов».

Пресс-секретарь Де Ван Шамвэй, которого попросили обсудить определенные пункты этой истории, отказался, заметив, что «весь вопрос находится в руках властей».

<...> Трое поверенных сообщили «Вашингтон Пост», что уже в середине 1971 года их просили работать провокаторами в избирательной кампании Никсона. Они также рассказали, что кое-кто (который был идентифицирован в сообщениях ФБР как член организации по переизбранию Никсона) просил их подорвать ход кампании предварительных выборов кандидатов от демократов. Все три адвоката, включая ассистента генерального прокурора штата Теннесси, сказали, что они отклонили предложения, которые, согласно заявлению, включали обещание «высоких должностей» в Вашингтоне после переизбрания президента Никсона. Они сказали, что предложения были сделаны 31-летним Дональдом Х. Сегретти, бывшим адвокатом министерства финансов, который живет в Марине-дель-Рей, Калифорния.

Сегретти отрицал свою причастность к этим предложениям и отказался отвечать на дальнейшие вопросы репортера. Один любознательный федеральный чиновник сказал, что Сегретти играл роль «маленькой рыбки в большом водоеме». Согласно сообщениям ФБР, по крайней мере, 50 тайных оперативных работников Никсона путешествовали по всей стране, занимаясь шпионажем за кампаниями Демократической партии и попытками их расстроить.

Возможно, самое существенное обнаружение целого расследования Уотергейта, считают эксперты, состояло в том, что многочисленные действия политического саботажа и шпионажа были следствием этой «наступательной безопасности», которая была задумана в Белом доме и управлялась Комитетом по переизбранию президента Никсона. Следователи сказали, что главная цель тайных действий состояла в том, чтобы создать такой большой беспорядок, подозрения и разногласия, что демократы будут неспособны к объединению после выбора кандидата в президенты. Расследование ФБР Уотергейта установило, что фактически все действия против демократов были финансированы суммой, колеблющейся между 350 000 и 700 000 долларов из фонда предвыборной кампании, которой управлял бывший генеральный прокурор Джон Н. Митчелл, в то время как он возглавлял министерство юстиции. Позже, когда Митчелл служил организатором предвыборной кампании пре-

зидента Никсона, он разделил контроль фонда с другими. Деньги были сохранены в сейфе в офисе главного сборщика денег бывшего министра торговли Мориса Стэнса. Согласно источникам, близким к расследованию Уотергейта, большая часть информации ФБР, как ожидают, будет предоставлена на суде над этими семью мужчинами, обвиненными в организации подслушивания Демократического штаба в Уотергейте.

«Есть немного очень мощной информации, — сказал один федеральный чиновник, — особенно если она станет известной до 7 ноября [7 ноября 1972 года проходили выборы президента США. — *Прим. перев.*]». Проблеск шпионажа кампании Никсона должен быть найден в действиях Сегретти. Согласно исследователям, работа Сегретти была финансирована через посредников этими 350 000–700 000 долларов. «Вашингтон Пост» обратилась к трем чиновникам из ФБР и Министерства юстиции, вовлеченных в расследование Уотергейта по поводу Сегретти, но они отказались от комментариев. При упоминании имени Сегретти каждый сказал: «Это — часть расследования Уотергейта». Правда, один из чиновников рассердился при упоминании Сегретти и характеризовал его действия как «неописуемые».

Специальный корреспондент «Вашингтон Пост» Роберт Майерс, побывавший у Сегретти на прошлой неделе, на многие вопросы получал невразумительные ответы: «Я не знаю; я не должен отвечать на это; никаких комментариев». Через пятнадцать минут он сказал: «Этот материал подходит для хорошего романа, он смешон», — и остановил репортера, когда тот попытался сделать снимок. Согласно трем поверенным, у которых «Вашингтон Пост» взял интервью, Сегретти попытался нанять их в 1971 году как тайных агентов от Комитета по переизбранию президента Никсона. Все трое сказали, что они встретились в первый раз с Сегретти еще в 1968 году, когда они служили вместе во Вьетнаме капитанами в армейском корпусе Главного военного прокурора. Один из адвокатов, Алекс Б. Шипли, демократ, который является теперь генеральным прокурором помощника штата Теннесси, сказал, что Сегретти сообщил ему: «Деньги не будут проблемой, проблема — люди».

Шипли добавил: «Сегретти также сказал мне, что о нас позаботятся после переизбрания Никсона и что я получу хорошую работу в правительстве». А также добавил, что тайная работа будет требовать поддельных документов. Шипли должен был принять на работу еще пять человек, предпочтительно адвокатов. Им ставились задачи разрушения списков демократических кандидатов и получение информации об организации их кампании. Шипли не назвал бы Сегретти имена людей, которых он наймет, а Сегретти не раскрыл бы источник финансирования.

Шипли вспоминал в телефонном интервью: «Я сказал Сегретти: “Какого черта мы будем этим заниматься, если никто не знает, что мы

делаем?"» Сегретти же ответил: «Никсон знает, что кое-что делается. Это обычное дело. Не говори мне ничего, и я не буду ничего знать».

Первый раз Сегретти обратился к Шипли 27 июня 1971 года. «Он позвонил мне и сообщил, что отправляется в Вашингтон, и приехал ко мне домой на званый обед в Саус Фор Тауэрс, — сказал Шипли. — Тогда мы ни о чем не поговорили. Следующим утром мы позавтракали, и я отвез его в аэропорт».

Шипли говорит, что он встретил Сегретти воскресным утром в Джорджтаунской гостинице, где, по данным отчетов, он остановился в комнате № 402 25 и 26 июня 1971 года (полный счет 54,75 доллара, включая 2,25 доллара за телефонные звонки). Кроме того, в редакцию «Вашингтон Пост» поступила информация о том, что Сегретти купил авиабилет Вашингтон — Сан-Франциско — Монтерей (Калифорния) на 27 июня. На пути к аэропорту Сегретти спрашивал Шипли, заинтересован ли он во всем этом, и упомянул, что они займутся политическим шпионажем. Шипли спросил Сегретти: «О чем вы говорите?».

Тот отвечал: «Например, мы пойдем в лагерь к Кеннеди и найдем там горячих сторонников Кеннеди. Тогда вы скажете, что Вы также человек Кеннеди, но работаете негласно; заставите их помогать Вам. Вы пошлете их работать на Маски, они будут заниматься бумажной рутиной или чем-то в этом роде, и вы сможете заставить их передавать вам информацию. Они будут думать, что они помогают Кеннеди, идя против Маски. Но Вы фактически будете использовать информацию для других целей».

«Это было очень странно», — вспоминал Шипли. Проехав три четверти пути к аэропорту, Шипли спросил, на кого они будут работать. Сегретти ответил: «На Никсона». Шипли был озадачен, потому что все действия, о которых говорилось, должны были иметь место на первичных выборах Демократической партии.

Сегретти сказал, что главной целью было возвращение демократов после сокрушительного удара. Своей задачей он видел не допустить этого. Шипли отвечал, что это может быть интересным и он подумает, а также добавил, что Роджер Ли Никст из Деннисона, штат Айова, и Кеннет Гриффитс из Атланты отклонили подобные предложения от Сегретти. (С ним они служили во Вьетнаме). Он предлагал им заниматься секретной деятельностью, направленной на переизбрание Никсона. Аналогичное предложение Сегретти делал Питеру Диксону из Сан-Франциско, тому самому адвокату, который также служил с ним во Вьетнаме. Однако Диксон отказался до выяснения всех деталей. В течение четырех месяцев, когда Сегретти пытался принять его на работу, он сблизился с другом, который работал на сенатора Альберта Гора, и тот посоветовал ему попробовать все провернуть. Шипли сказал, что в ФБР не допрашивали его о Сегретти.

На встрече 25 июля Сегретти не вдавался в детали, он просто спросил: «Вы со мной или нет?» Он описал лишь такую схему: когда предвыборная встреча намечается на семь часов вечера на местном стадионе конкретным кандидатом, вы звоните и представляетесь менеджеру полевым менеджером этого кандидата, говорите, что у вас есть информация, что какие-то хулиганы, какие-нибудь хиппи собираются создать проблемы во время этого мероприятия. Вы просите, чтобы он перенес встречу на девять часов. Таким образом, кандидат обнаружит висящий замок, когда приходит к семи.

Сегретти попросил Шипли слетать в Атланту, чтобы завербовать их армейского коллегу, Кеннета Гриффитса, но поездка так и не состоялась. Когда Шипли был у Гриффитса на последнее Рождество, Гриффитс говорил, что Сегретти контактировал с ним, но это не представляло абсолютно никакого интереса. Шипли в последний раз получал известия от Сегретти 23 октября 1971 года, когда тот позвонил из Калифорнии и попросил проверить операцию Маски в Теннесси. Шипли ничего этого не сделал. Однажды в ходе этих обсуждений Сегретти сказал, что все это поможет в ложном удостоверении личности. Шипли рассказывал, что он мог бы использовать псевдоним Билл Муней для себя.

«Сегретти сказал, что он хотел покрыть страну, что это он будет более или менее главным координатором государства, — продолжал Шипли. — Одна важная вещь, которая буквально ошарашила меня, — так это то, что Сегретти, казалось, был неплохо финансирован. Он всегда летал через всю страну. Когда он приехал в Вашингтон в июне, то сказал, что получил назначение в министерстве финансов и что его счет за перелет и пребывание в гостинице оплатило министерство. Однако на самом деле это сделали люди Никсона. Только не спрашивай никаких имен», — добавил он.

<...> Сегретти якобы решил заниматься только политическими делами и вступил в юридическую фирму. Согласно данным Калифорнийской ассоциации юристов, адвокатская фирма Сегретти располагалась по адресу: 14013, West Captain's Row, Marina Del Rey, Калифорния. В этих апартаментах, среди удобной мебели, груды фотографий, помидоров, стереоприемника и десятискоростного велосипеда специальный корреспондент «Вашингтон Пост» Майерс обнаружил Сегретти. Майерс спросил у Сегретти, знал ли он Алекса Шипли, Роджера Ли Никста, Кеннета Гриффитса или Питера Диксона. На это Сегретти ответил: «А что?» Когда его проинформировали о том, что он хотел принять их на тайную политическую работу, Сегретти сказал, что не верит в это.

Потом он и вовсе отказался отвечать на вопросы как-либо, кроме «я не знаю», «без комментариев» и т.п. И лишь однажды Сегретти сказал: «Это все смешно, и я не знаю ничего об этом». Потом он добавил:

«Министерство финансов никогда не оплачивало мою дорогу до Вашингтона или еще куда-нибудь».

Детали биографии Сегретти, рост которого приблизительно 5,8 фута и вес 150 фунтов, почти неизвестны. От армейских коллег и одноклассников из Высшей школы права Калифорнийского университета в Беркли известно, что воспитан он был на Западном побережье. После получения ученой степени в области права он, по словам друзей, менее года служил поверенным министерства финансов в Вашингтоне, а потом служил в армии в качестве офицера в корпусе Главного военного прокурора. Представитель министерства финансов подтвердил, что Сегретти в 1966 — 1967 годах работал поверенным в одном из министерских офисов. Приблизительно год армейской службы Сегретти провел во Вьетнаме с американским штабом.

Перевод *Федора Наумова*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО — КТО И ДЛЯ ЧЕГО НАНЯЛ ШПИОНОВ

Среда, 31 января 1973 года

Уотергейтское слушание проходило за закрытыми дверями. Процесс отличался тем, что вопросы свидетелям не были заданы, ответы не были даны, а свидетели, присягнувшие закону, не называли свои имена, ссылаясь на провалы в памяти. Пять из семи ответчиков признали себя виновными в первые же дни слушания, что упростило дело.

Все семь мужчин были обвинены судом присяжных в организации заговора с целью получить информацию в штабе Демократического комитета, размещавшегося в отеле «Уотергейт»: республиканцы ворвались в штаб Уотергейта, пытались установить подслушивающую аппаратуру и сфотографировать документы.

Председательствующий на судебном процессе окружной судья неоднократно высказывал пожелание, что в ходе процесса необходимо глубоко исследовать полученные от телефонных прослушиваний материалы на предмет финансирования и субсидирования организации, а также для того, чтобы понять, насколько организация причастна к кампании политического шпионажа и саботажа. При этом, как сказал на прошлой неделе адвокатам судебного процесса и защиты председательствующий окружной судья Соединенных Штатов Джон Дж. Сирика, «ни одна из сторон не сумела объективно развить все факты».

Сирика дважды предписывал это присяжным заседателям после проведения судебной экспертизы с главными свидетелями и потом лично спросил их о материалах, неизвестных следствию. 15 января в тече-

ние второй судебной недели Сирика обратился к четырем из ответчиков, признавшим себя виновными. Он выделил некоторые проблемы, которые, по его мнению, должны быть рассмотрены в зале суда. Сирика пожелал, чтобы «большое жюри» попыталось найти ответы на вопрос: «Раз вы были наняты, кто-то нанимал вас, чтобы присоединиться к заговорщикам. Раз это так, кто это?»

«Я только надеюсь, что они (члены “большого жюри”) задумаются над этим вопросом, — продолжал Сирика, в то время как четыре ответчика стояли перед ним. — Они хотят узнать, есть ли другие, кто является большими шишками в Республиканской или Демократической или в любой другой партии, которая вовлечена в происходящее, вы понимаете это?»

«Несомненно, возникает вопрос, что стало поводом для того, чтобы сделать то, что, по свидетельствам очевидцев, вы сделали, — продолжал Сирика. — Они захотят знать, откуда взялся этот мешок денег, кто был спонсором, который за все платил. Они собираются выяснить много вещей прежде, чем дело закончится».

Возможно, эти вопросы поступили свидетелям из трех проверенных источников: правительственных, представляющих судебное расследование, адвокатов защиты и судьи.

Когда суд над последними двумя ответчиками (прежним сотрудником Белого дома Г. Гордоном Лидди и бывшим координатором Комитета переизбрания президента Никсона Джеймсом В. МакКордом-младшим) завершился вчера осуждением всех обвиняемых, вопрос остался без ответа. Во время экспертизы с участием правительственных свидетелей весьма проверенные заседатели не следовали линии ведения допроса, предложенного судьей Сирикой. Впрочем, этого и следовало ожидать. <...>

В прошлую пятницу судебное заседание отклонило предложение Дж. Сирики зачитать секретные материалы присяжным заседателям, чтобы ответить на некоторые из его вопросов. Сирика также добавил, что продолжит опрашивать свидетелей, если посчитает это необходимым.

Тогда судья предписал зачитать двенадцати членам «большого жюри» сведения, полученные им после личного опроса главного свидетеля в отсутствие «большого жюри». Факты показали, что и прежний министр торговли Морис Х. Стэнс, председатель финансов избирательной кампании Никсона, и прежний генеральный прокурор Джон Н. Митчелл, организатор выборной кампании президента, — оба поверили, что представитель директора кампании Джеб Стюарт Магрудер имел полномочия одобрить наличные платежи Лидди для операций по сбору сведений.

Обвинительный акт «большого жюри», который проектировался этими тремя обвинителями и был одобрен руководством в министер-

стве юстиции, затрагивал дела семи ответчиков, однако обходил стороной причастность правительства к Уотергейтскому делу. Как утверждают многие, она все же могла быть окончательно доказана в суде.

Со стороны правительства нет ни одного скрытого действия, которое обвинители могли бы характеризовать как «неподходящее» и «презренное». То есть, по их мнению, действия правительства не выходят за рамки закона.

<...> «Правда всплывет», — объявил судья в прошлый вторник. Потом он остановился и добавил: «Надеюсь, в данном случае это произойдет. И если я считаю, что должен задавать вопросы, чтобы прояснить некоторые новые факты, я продолжу это делать».

В тот день Сирика спросил Хью В. Слоана-младшего, прежнего казначея Комитета по переизбранию президента, о разрешении отчисления крупных платежей финансовому советнику избирательного комитета Никсона Гордону Лидди.

Согласно заключению следствия и судебному расследованию, Слоан не имеет никакой предварительной информации о подслушивании в Уотергейте или любых других действиях шпионажа против демократов. Как сообщили следователи, он оставил работу после 17 июня, узнав, что деньги, которые он платил, использовались для тайных операций. В ответ на вопрос обвинителя Слоан свидетельствовал во вторник, что он заплатил Лидди 199 000 долларов США за заказ от Джеба Стюарта Магрудера, бывшего в то время заместителем руководителя президентской избирательной кампании Никсона. Ранее Магрудер свидетельствовал, что он одобрил наличную плату в размере 199 000 долларов США для получения информации из «сети сведений». Следователи не спрашивали ни Магрудера, ни Слоана о том, кто одобрил платежи Лидди или кто еще мог знать о «сети сведений». Судья Сирика не подверг сомнению ответ Магрудера.

Однако Сирика извинился перед жюри и подверг сомнению ответ Слоана, казначея кампании. Судья задал Слоану 41 вопрос:

Сирика: «Какова была цель перечисления 199 000 долларов Гордону Лидди?»

Слоан: «Я понятия не имею».

Сирика: «Вы понятия не имеете?»

Слоан: «Никакого, сэр».

Сирика: «Вы не можете дать нам никакой информации вообще?»

Слоан: «Никакой, сэр. Я просто был уполномочен сделать так. Мне не говорили о цели».

Сирика: «Кто уполномочил вас перечислить 199 000 долларов в наличных деньгах Лидди?»

Слоан: «Джеб Магрудер».

Сирика: «Для какой цели?»

Слоан: «Я понятия не имею...»

Сирика: «Вы не расспрашивали господина Магрудера о цели использования 199 000 долларов?»

Слоан: «Нет, сэр. Я проверил с г-ном Стэнсом и г-ном Митчеллом, что он был уполномочен сделать».

Сирика: «Вы проверили? С кем?»

Слоан: «Не лично, но секретарь Стэнс, председатель финансов, проверил это с Джоном Митчеллом, председателем кампании».

Сирика: «Вы говорите, что 199 000 долларов могли быть перечислены г-ну Лидди?»

Слоан: «Незначительная сумма. Разрешения г-на Магрудера было достаточно для перечисления рассматриваемой суммы».

Как принято у правительственных свидетелей при криминальных разбирательствах, обвинение предварительно спросило Слоана, на какой вопрос он больше всего хотел бы ответить за свидетельской стойкой перед правительством. Когда показания Слоана о платежных перечислениях в 199 000 долларов и других суммах, полученных г-ном Лидди, были подвергнуты сомнению «большим жюри», диалог развивался следующим образом:

Обвинитель: «Вы говорили с г-ном Лидди о наличных компенсациях в конце марта или начале апреля?»

Слоан: «Да... г-н Лидди приехал ко мне сообщить, что он разрешил распределение крупного наличного капитала. В тот момент у него с собой был документ, похожий на бюджетный план. Он не дал мне подробно с ним ознакомиться, я видел только цифры: 250 000 долларов. Он сказал, что нужно сделать первую выплату в размере 83 000 долларов со последующими выплатами по 12 000».

Обвинитель: «После того как г-н Лидди дал вам эту информацию о бюджете 250 000 долларов и выплате 83 000, вы проверяли это с Джебом Магрудером?»

Слоан: «Да, я сделал это».

Обвинитель: «Что он говорил вам?»

Слоан: «Он сказал, что этот бюджет был фактический — это распределение было фактически разрешено г-ну Лидди. Однако он сказал, что хотел бы в каждом определенном случае фиксировать сумму и время перечисления».

Показания, которые Слоан давал Сирике, отличались от допроса обвинения, который велся в другом ключе. Сирика, в отличие от «большого жюри», спросил Слоана, почему он оставил избирательный комитет Никсона. Слоан ответил судье, что Лидди сказал ему об аресте 17 июня в «Уотергейте» пяти мужчин.

На вопрос судебных заседателей, что именно сказал Лидди, Слоан ответил: «Он сказал... из того, что я запомнил: "...мои ребята были пойма-

ны вчера вечером. Я сделал ошибку. Я использовал кое-кого отсюда... Я боюсь, что потеряю работу"».

<...> Главный обвинитель Дж. Силберт сказал Сирике позже, что «в доказательстве г-на Слоана не было ничего удивительного или того, о чем они не знали».

Сирика осуществлял контроль над «большим жюри», которое расследовало подслушивание в «Уотергейте». Судебное расследование получало секретные сообщения от агентов ФБР. Среди них были сообщения, описывающие интервью с четырьмя чиновниками избирательной кампании Никсона, которые во вторник свидетельствовали на судебном процессе. В четверку, свидетельствовавшую перед «большим жюри», входили Герберт Л. Швейцар, исполнительный директор избирательной кампании Никсона; Роберт К. Окл, директор администрации; Магрудер и Слоан. Все — экс-помощники президента Белого дома.

Федеральные следователи сказали «Вашингтон Пост», что фондом выборной кампании Никсона на операции шпионажа и саботажа против демократов были израсходованы 750 000 долларов и что Митчелл, Магрудер, Швейцар и Стэнс были среди высокопоставленных чиновников Белого дома, имевших право получать или одобрять такие платежи от Слоана.

Ни судья Сирика, ни судебные заседатели не спросили во вторник ни одного из чиновников комитета Никсона о том, знали ли они о других чиновниках, кроме этих четырех человек, которые бы получали и одобряли такие платежи. Они также не спросили, были ли деньги, полученные Лидди, единственным фактом выплаты Слоана для тайных операций.

Согласно федеральному расследованию, среди таких платежей были, по крайней мере, 25 000 долларов Магрудеру и минимум 35 000 долларов Герберту В. Калмбаху — личному адвокату президента Никсона.

Следователи сообщили, что Калмбах, которого допрашивало ФБР, дал деньги калифорнийскому поверенному Дональду Х. Сегретти, чтобы шпионить и мешать выдвижению кандидата в президенты от демократов.

Имя Сегретти также фигурировало в списке свидетелей. Он был допрошен ФБР и предстал перед «большим жюри» приблизительно в то время, когда правительство узнало, что Говард Хант хотел признать себя виновным.

Согласно федеральному расследованию, Сегретти был принят на работу Дуайтом Л. Хапином, секретарем президента Никсона, для участия в шпионаже и операциях саботажа.

Главный обвинитель Силберт сказал, что Сегретти «...должен быть обвинен в чем-то незаконном, чтобы привлекаться как свидетель. Однако нет никакого доказательства, что он нарушил закон».

«Силберт согласился в интервью, что свидетельствования против Сегретти, если бы они оказались правдой, могли бы дать большую перспективу в раскрытии заговора», – сообщил аналитик газеты «Таймс».

<...> 11 января, на четвертый день заседания, после того, как бывший консультант Белого дома Говард Хант признал себя виновным, судья Сирика попытался глубже расследовать причины предполагаемого заговора.

Хотя Хант не был под присягой, Сирика призвал его к скамье и попросил рассказать, как он вошел в заговор. Адвокат Ханта Уильям О. Биттман вмешался и сказал, что его подзащитный не может быть допрошен, потому что Ханта будут вызывать на «большое жюри», где он будет отвечать на такие вопросы не публично. Сирика согласился с линией защиты.

Когда 15 января четыре других ответчика — все они из Майами — признали себя виновными, Сирика призвал их ответить на подобные вопросы, снова не под присягой. Сирика задал Эухенио Р. Мартинесу, одному из ответчиков из Майами, следующие вопросы:

Сирика: «Я хочу, чтобы вы рассказали сначала, как вы вошли в этот заговор, как случилось, что вы были вовлечены? Вы понимаете то, что я подразумеваю?»

Мартинес: «Да, я понимаю».

Сирика: «Скажите мне своими словами, что вы сделали, как вы были впутаны в это?»

Мартинес: «Я верю фактам, которые вы читали в обвинительном акте. Они верны и правдивы».

Сирика: «Это общий ответ. Я хочу услышать детали».

Мартинес: «Я сожалею».

Сирика: «Я хочу подробные ответы на мои вопросы. Я не удовлетворен».

Сирика не получил подробных ответов. Мартинес повторил обвинения, изложенные в обвинительном акте, и согласился с ними. Четверо обвиняемых из Майами, кубинцы по происхождению, имеющие тесные связи с Кубой, сказали, что, будучи вовлеченными в заговор, они не получали денег, за исключением некоторых расходов, потому что они думали, что их действия помогут освободить Кубу от Фиделя Кастро. Многочисленные сообщения и правительственные отчеты говорят, что все четверо работали какое-то время на ЦРУ. Сирика спросил их, какую выгоду они преследовали. Он получил ответы «Никакую, ваша честь» или «Я не знаю, ваша честь».

Когда ответчика Бернарда Л. Баркера, агента недвижимого имущества в Майами, спросили, кто послал ему банковский счет на 25 000 долларов, предназначенный для президентской избирательной кампании, он ответил: «Определенное лицо, я не могу заявить, кто послал деньги».

Судья спросил позже: «Вам не кажется странным, что сумма денег, высланная по почте, никем не зарегистрирована?»

Бернард ответил: «Нет, я не думаю, что это странно, ваша честь. Как я сказал, я имею лишь приблизительную информацию о других операциях, в которые был вовлечен».

Когда Бернард сказал, что он получил деньги «по почте в чистом конверте», Сирика сказал: «Я не верю вам».

Согласно официальной расшифровке стенограммы суда, четверо подсудимых в общей сложности ответили на 19 вопросов. Когда их спрашивали, считают ли они себя виновными или давались ли им любые деньги или обещания, они отвечали: «Нет, ваша честь». Если их спрашивали, виновны ли они в каждом из семи обвинений в обвинительном акте против них, они отвечали: «Да, ваша честь» или: «Да, сэр».

<...>

Перевод *Натальи Сведовой*

НИКСОН ЗНАЛ О ПЛАНЕ ЗАГОВОРА, УТВЕРЖДАЕТ ДЭН

«Вашингтон Пост», 3 июня 1973 года

Адвокат Белого дома и советник президента Никсона Джон Дэн III сообщил следователям Сената и федеральным обвинителям, что план Уотергейтского заговора обсуждался с президентом США или в его присутствии в период с января по апрель 1972 года не менее 35 раз. Об этом стало известно из надежных источников.

Также стало известно, что во время слушаний по делу Уотергейта Дэн будет свидетельствовать под присягой вне зависимости от того, освободят его от судебного преследования или нет. Он намерен утверждать, что президент Никсон был глубоко вовлечен в заговор.

Согласно нашим источникам, Дэн сообщил следователям о том, что г-н Никсон заранее знал о взятках заговорщикам Уотергейта.

У Дэна имеются незначительные или вовсе отсутствуют документальные обвинения в отношении президента. Как сообщили наши источники, большинство его утверждений базируется на его личных воспоминаниях бесед с г-ном Никсоном. Также сообщается, что, по словам Дэна, во встречах по обсуждению заговора, проходивших в присутствии президента, принимали участие сторонники Никсона Х. Р. Халдеман и Дж. Д. Эрлихман.

Откровения Дэна перед следователями выглядят как попытка скомпрометировать президента, а также Халдемана и Эрлихмана, которые отрицают свою причастность к прослушиванию Уотергейта и любому другому заговору.

В свою очередь, Белый дом вместе с Халдеманом и Эрлихманом основной фигурой заговора считает Дэна. В министерстве юстиции высказали подозрение о причастности к делу самого Дэна, причем как основной фигуры в Уотергейтском заговоре.

Источники в министерстве юстиции сообщили, что есть достаточно оснований для предъявлений обвинения Дэну, который стал невольным участником президентского совещания по Уотергейтскому заговору.

Дэн все еще пытается получить полную неприкосновенность от судебного расследования, стремясь избежать тюрьмы, не выходя за рамки закона.

Но Сенат и министерство юстиции считают, что обвинение Дэна против президента не связано с предоставлением ему неприкосновенности и не должно использоваться в корыстных целях.

Одним из самых веских обвинений, выдвинутых Дэном против Никсона, является обращение Никсона к Дэну незадолго до вынесения приговора семи ответчикам Уотергейтского заговора, которое состоялось 24 марта 1973 года. По словам Дэна, г-н Никсон спросил его, сколько нужно доплатить ответчикам к 460 000 долларов, которые им уже были выплачены, чтобы купить их долгое молчание.

По сообщениям наших источников, Дэн сказал Никсону, что доплата составит один миллион долларов. На это президент ответил, что никакой проблемы с выплатой такой суммы не будет.

26 марта в нашей газете приводились цитаты из телефонного разговора Никсона с Дэном, в котором он выражал глубокое доверие Дэну и произнес: «Вы — все еще мой советник». Как сообщил следователям Дэн, президент сказал, что он «шутил», когда спросил, сколько будет стоить длительное молчание заговорщиков Уотергейта.

Со слов следователей, во время телефонного разговора Дэн пояснил г-ну Никсону, что намерен сотрудничать с обвинителями Уотергейта. По мнению следователей, во время телефонного разговора г-н Никсон пытался отказаться от слов, которые позже могли скомпрометировать его.

Позже Дэн сообщил следователям, что г-н Никсон пытался заставить его подписать письмо об отставке, в котором говорилось бы, что он направил Халдемана и Эрлихмана на захват «Уотергейта» без ведома президента.

Как сообщили наши источники, после того как Дэн отказался подписать письмо, Никсон попросил его на совещании не раскрывать в «ближайшие сроки» тайны и планы администрации президента.

Дэн также сообщил следователям и обвинителям, что господин Никсон, знавший о предстоящем заговоре, в прошлом году просил сотрудников Белого дома подготовить статьи в «Дейли Ньюс» о событиях, касающихся Уотергейта. Из наших источников известно, что, по сло-

вам Дэна, рукописные материалы направлял Халдеман, чтобы предоставлять прессе удобную для Белого дома информацию.

Как стало известно из наших источников, Дэн сказал следователям, что до 1 января этого года он лично сообщал Халдеману и Эрлихману о том, как готовится заговор. Дэн рассказал, что после 1 января г-н Никсон стал вызывать его, чтобы узнавать о ходе подготовки заговора, и часто приглашал в президентскую канцелярию, чтобы обсудить некоторые детали.

Дэн сказал обвинителям и следователям Сената, что во время некоторых из этих бесед президент давал ему прямые указания, как готовить заговор.

Из источников стало также известно, что Дэн восемь раз тайно встречался с обвинителем заговора и дважды с Самюэлем Дашем из главного управления сенатского комитета по расследованию заговора.

Дэн сообщил, что в этом году он встречался с президентом примерно 35 раз, в то время, как с июля 1970 по январь 1973 года — только около десяти раз.

По мнению Дэна, президент участил встречи, чтобы установить тесные отношения с доверенным лицом, дабы не дать ему возможности свидетельствовать против него. Об этом он сообщил следователям и обвинителям.

Один из источников, который провел собственное расследование, установил, что «прошло около 35 встреч с президентом, во время которых, по словам Дэна, обсуждался заговор. Возможно, их было 33 или 39, но, скорее всего, 35».

Источники цитировали Дэна, который сказал, что на многих встречах присутствовали Халдеман и Эрлихман, и основная часть бесед проходила между ними, президент только слушал.

По версии Дэна, большинство из 35 бесед проходили в канцелярии президента, хотя некоторые разговоры между Дэном и президентом состоялись по телефону.

Согласно источникам, Дэн, который был отстранен от участия в президентском совещании 30 апреля, попытался получить некоторые документы и отчеты из Белого дома. Особенно его интересовали «хронологии», которые президент диктовал в конце каждого дня, подводя итоги. Эти «хронологии» позволили бы Дэну точнее восстановить подробности обсуждения заговора. Как сообщили источники, Дэн рассказал следователям, что «хронологии имеют отношения только к заказам информации от Халдемана и Эрлихмана о заговоре и вовсе не затрагивают интересы президента». <...>

При этом два источника сказали, что, со слов Дэна, президент был вовлечен в заговор до 30 апреля. Источники отказались комментировать утверждения Дэна, но назвали их «обстоятельным аргументом про-

тив президента, не подкрепленным никакими документальными свидетельствами». По общему мнению источников газеты «Вашингтон Пост» из Белого дома, министерства юстиции и Сената, Дэн был главным ответственным в Белом доме за события, происшедшие в Уотергейтском деле за последние два месяца.

Решение Дэна уйти из Белого дома, принятое 6 апреля, и рассказать всю историю обвинителям вынудило президента уволить Дэна и попросить об отставке Халдемана и Эрлихмана, сообщают источники.

Три недавних заявления президента Никсона об Уотергейте — 17 апреля в «Главных событиях»; 30 апреля об отставке Халдемана и Эрлихмана и отрицание собственной причастности к заговору; заявление из 4000 слов в защиту собственных действий, выпущенное 22 мая, — все сводится к причастности Дэна, сообщают источники.

Выяснилось, что 22 мая Никсон говорил о планах тайных действий, которые были изложены в главных секретных документах, вынесенных Дэном из Белого дома.

«Если бы Дэн не выкрал те документы, президент вряд ли сделал бы заявление 22 мая», — сообщил на прошлой неделе один из источников в Белом доме.

Первоначально в министерстве юстиции и Сенате говорили, что обвинители Уотергейта и следователи Сената сомневались в версии происшедшего, предложенной Дэном. Они полагали, что его заявления могли быть мотивированы корыстным желанием обеспечить свою неприкосновенность в суде.

Однако в министерстве юстиции сообщили, что они «имели возможность проверить показания Дэна. Оказалось, они правдивы». В Сенате прокомментировали ситуацию так же и в качестве примера привели сообщение Дэна о том, что Л. Патрик Грей III, тогда исполнявший обязанности директора ФБР, уничтожил материалы, выкраденные из сейфа уотергейтского заговорщика Э. Говарда Ханта-младшего.

По сообщению наших источников, на следующий день чиновники из министерства юстиции сообщили президенту Никсону о сотрудничестве Дэна со следствием. 17 апреля президент заявил о «развитии основных событий».

Президент подчеркнул, что хронология событий восстановлена благодаря его собственному расследованию, которое началось 21 марта. Никсон обратился к министерству юстиции с просьбой снять судебную неприкосновенность со всех высокопоставленных сотрудников администрации, уличенных в прослушиваниях или заговоре.

Следователи Сената и источники, близкие к обвинению Уотергейта, расценивают желание Никсона лишить подозреваемых неприкосновенности как попытку препятствовать Дэну свидетельствовать перед Сенатом или «большим жюри» об известных ему фактах Уотергейтского заговора.

Хоть недавно Дэн и отказывался давать все показания, пока ему не будет предоставлена полная неприкосновенность, но сейчас он решился рассказать все, что ему известно, сообщили источники, близкие к Дэну.

Согласно версии Дэна, 20 марта он искал встречи с президентом Никсоном. Они встретились на следующий день и обсудили детали прослушивания и последующего заговора. По словам наших источников, Дэну показалось, что Никсон до конца не понимал всех нюансов операции.

На встрече Дэн сказал Никсону, что «для спасения его президентства» придется полностью раскрыть федеральным обвинителям причастность к Уотергейтскому заговору Халдемана, Эрлихмана и, собственно, его самого, Дэна.

«После встречи с президентом Дэн чувствовал уверенность в том, что они приняли верное решение, — сообщил один из источников. — Ему казалось, что соглашение было достигнуто. Однако все рухнуло, потому что Халдеман и Эрлихман отказались идти ко дну, чтобы спасти ситуацию».

По версии событий Дэна, г-н Никсон встретился с Халдеманом и Эрлихманом почти сразу после своей речи на президентском совещании, которое прошло 21 марта. После этой встречи г-н Никсон заявил Дэну, что не допустит разногласий в Белом доме и он останется один, если пойдет к обвинителям.

В прошлом месяце журнал «Ньюсуик» сообщил, что Дэн был готов сделать заявление, по крайней мере, еще о двух фактах, свидетельствующих о причастности к Уотергейтскому заговору президента.

Как известно, Дэн сообщил федеральным следователям, что он был вызван в Овальный кабинет [рабочий кабинет президента США в Белом доме. — *Прим. перев.*] Белого дома Халдеманом 17 сентября, спустя два месяца после того, как семи ответчикам Белого дома были вынесены обвинения. По словам Дэна, Халдеман и президент смеялись над попытками Дэна оградить других чиновников администрации от обвинений.

Второй случай произошел, вероятно, в декабре. «Ньюсуик» цитировал слова Дэна о том, что адвокат ответчика по Уотергейтскому делу Ханта-младшего Э. Говард подошел на совещании к Чарльзу В. Колсону и сказал, что «что-то должно быть сделано» для того, чтобы Ханту был назначен минимальный срок заключения.

Колсон сделал запрос Дэну и Эрлихману. Эрлихман обещал: «Я проверю». По сведениям «Ньюсуика», Дэн сказал, что Халдеман пошел тогда в Овальный кабинет, а вернувшись, сообщил, что к Ханту обещали отнестись снисходительно.

По данным «Ньюсуика», Эрлихман попросил Колсона передать адвокату Ханта, что, хотя «все о'кей», не стоит быть «слишком уверенным» в передаче дела. Этот факт был также подтвержден «Вашингтон Пост».

Дэн стал соучастником Уотергейтского заговора вскоре после арестов 17 июня в штабе демократов.

Он сидел на допросе с пятнадцатью помощниками главы Белого дома. Сотрудниками ФБР ему было задано 82 вопроса.

29 августа президент Никсон заявил, что последнее расследование Дэна является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что «никто в администрации не был куплен и вовлечен в этот причудливый инцидент...».

Дэн сообщил следователям, что он никогда не проводил такого расследования. Белый дом подтвердил, что он никогда не сообщал ничего подобного президенту.

Дэн вместе с бывшими помощниками президента и бывшим главой ФБР Л. Патриком Греем III был привлечен сотрудниками ЦРУ к раскрытию заговора. Один бывший помощник главы Белого дома Джон Колфилд свидетельствовал, что ранее Дэн неоднократно давал ему распоряжение передать обвиняемому по делу Уотергейта Джеймсу Маккорду предложение предоставить ему помилование в обмен на молчание.

Дэн начал понимать, что «карточный домик, на котором строилась организация заговора», распадется в ходе расследования в январе, феврале или марте во время слушаний в Сенате, ведь их главой Никсон назначил Грея, сообщил один из соратников Дэна.

19 апреля «Вашингтон Пост» опубликовала историю следствия, приводя цитаты из федеральных источников. Также сообщалось, что бывший представитель организатора избирательной кампании Джеб Стюарт Магрудер вовлек Дэна в организацию заговора и дачу взяток заговорщикам за их молчание.

Перевод *Натальи Сведовой*

ЗАПИСКУ О КРАЖЕ СО ВЗЛОМОМ ОТПРАВЛЯЛИ ЭРЛИХМАНУ

«Вашингтон Пост», 13 июня 1973 года

<...> По Уотергейтскому вопросу три правительственных источника сообщили, что советник Белого дома по внутренним делам Джон Д. Эрлихман, один из ближайших к президенту, и бывший президентский адвокат Джон Дэн III записывали телефонные и личные разговоры с другими участниками Уотергейтского дела, начавшегося в январе прошлого года.

Эрлихман уволен 30 апреля. Он записал один телефонный разговор с бывшим и.о. директора ФБР Патриком Греем III. Диалог имел отношение к некоторым подробностям обвинения уотергейтского заговор-

щика Ханта, уволенного прошлым летом из архива Белого дома, сообщают источники.

В другом случае, сообщают источники, Эрлихман записывал телефонный разговор с Дэном о секретных документах Уотергейтского дела, которые Грей позже уничтожил.

Дэн записал несколько разговоров, включая длинное интервью с подозреваемым политическим саботажником Дональдом Сегретти, сделанное в январе, сообщил один источник.

Сегретти, калифорнийский юрист, был предположительно нанят для руководства политическим шпионажем и саботажем против президентских соперников-демократов. Сегретти взял на работу бывший личный адвокат президента Дуайт Чапин, и юрист получил 40 000 долларов от бывшего личного президентского адвоката Герберта Калмбаха.

Два источника, близких к Дэну, сообщили, что уотергейтский заговорщик Хант в середине марта получил взятку в 130 000 долларов за молчание.

Перевод *Антона Хализова*

НИКСОН ОБСУЖДАЕТ ВЫПЛАТЫ ШАНТАЖИСТАМ И МИЛОСЕРДИЕ

«Вашингтон Пост», 1 мая 1974 года

Президент Никсон во время продолжительной встречи в Овальном кабинете 21 марта 1973 года сказал адвокату Белого дома Джону Дэну III, что «вы не имеете выбора, кроме как прийти с 120 000 долларов, которые требует шантажист — один из уотергейтских воров», — гласит отредактированная аудиозапись этой встречи.

Запись показывает, что мистер Никсон по своей собственной инициативе неоднократно обсуждал удовлетворение требований шантажиста. Во время встречи не прозвучало ни одного мнения, что подкупать людей за их молчание было бы неверно.

Вместо этого, показывает запись, мистер Никсон неоднократно обговаривал различные способы, которыми может быть выплачено взломщикам за молчание порядка одного миллиона долларов, не считая выплат за молчание о сведениях, ведущих к Белому дому. Цели этих выплат, по собственным словам президента, — «скрытие бутылки под шляпой», «покупка времени», желание «покончить с этим».

«Сколько денег вам нужно?» — спросил президент Дэна ранее, 21 марта, согласно аудиозаписям.

«Я бы сказал, что эти люди будут стоить порядка миллиона долларов на следующие два года», — ответил Дэн.

«Мы сможем их достать, — продолжил президент. — Если вам нужны деньги, вы можете их получить. Вы можете взять миллион долларов. Можете взять их наличными. Я знаю, где их можно получить. Это нелегко, но это может быть сделано. Вопрос в том, кто, черт возьми, получит их? Есть предложения?»

Во время следующих переговоров президент продолжал доказывать своему личному адвокату, Герберту Калмбаху, что он может быть уверенным в выплате денег, что деньги грабителям могут быть перечислены под прикрытием Комитета по защите Кубы и что факты должны быть скрыты от суда присяжных.

Запись встречи от 21 марта 1973 года — часть 1254 страниц отредактированных записей сорока шести президентских разговоров об Уотергейтском деле, опубликованных вчера Белым домом.

Мистер Никсон повторял, что он впервые услышал об уотергейтском прикрытии и выплатах шантажистам на собрании 21 марта и что он считает, что плата денег за молчание была бы неправильным ходом.

На протяжении всего записанного диалога, однако, президент постоянно возвращался к общей теме избежания «уголовной ответственности» членов администрации Белого дома: желательность встреч касательно выплат шантажистам немедленно и необходимость скорейших встреч, на которых его ближайшие помощники — Дэн, Джон Митчелл, Джон Эрлихман и Г. Р. Халдеман — смогут «принять решение по этому поводу».

В течение двенадцати часов дискуссии в Овальном кабинете уотергейтский заговорщик Говард Хант-младший получил 75 000 долларов наличными — ключевой момент в заговоре, препятствующем судебному обвинению, направленному против семерых людей президента 1 марта 1974 года.

То, что произошло утром 21 марта 1973 года на встрече Дэна, президента и Халдемана, рассматривается обеими сторонами — мистером Никсоном и его критиками — как решающий момент для ответа на вопрос об участии Никсона в заговоре.

Белый дом опубликовал стенограмму собрания от 21 марта, которая показывает, что президент рассматривал основные варианты заключения сделки с разрушающими обстоятельствами, описанными Дэном как растущая раковая опухоль на президентстве:

«Даря милость Говарду Ханту, вы умышленно этого не делаете до выборов 1974 года, это точно», — сказал мистер Никсон Дэну. Когда Дэн предположил, что «это может только больше поставить вас на дорогу, на которую не следовало бы вступать», президент ответил: «Нет — вы не правы, я уверен».

Дать обещание Ханту — альтернатива, впервые предложенная президентом. «Единственное, что мы могли бы сделать с ним, — это обе-

щать ему как [неразборчиво. — *Прим. К. Бернстайна и Б. Вудворда.*] ситуации. Но вы не можете купить милосердие», — сказал президент Дэну и Халдеману.

Далее мистер Никсон добавил: «Обещание, по-видимому, — это что-то, что, я думаю, вы можете сделать с Хантом, но не можете сделать с другими (остальными ворами). Вы меня понимаете».

Дэн первым предложил президенту «созвать новый суд присяжных, который может быть контролируемым Белым домом». Во время нескольких обсуждений этой мысли мистер Никсон заметил, что такие операции дали бы защиту пятой поправки для свидетелей из Белого дома и что «вы можете сказать "Я не помню. Я не могу дать какой-либо ответ, потому что я не помню"».

Назначение специальным уотергейтским обвинителем помощника генерального адвоката Генри Петерсона мистер Никсон прокомментировал так: «Почему президент не может вызвать его как специального адвоката в Белый дом для результативного руководства расследованием, имея его как специального адвоката, чтобы представлять нас перед судом присяжных?»

Использование аргумента национальной безопасности может предотвратить какие-либо показания перед судом об устроении Белым домом кражи со взломом. Цель, как сказано во встрече с Дэном, — не допустить слушаний перед судом присяжных, где сотрудник администрации Белого дома Эгил Кройф лжесвидетельствовал ранее, когда показал, что он не знал кубино-американцев, которые ворвались в «Уотергейт».

Неожиданно на 103-й минуте собрания в Овальном кабинете мистер Никсон предположил, что его помощники просто дадут полные показания, перед тем как соберется Федеральный Уотергейтский суд присяжных, скажет всю правду и примет заключение.

После этого он вернулся к теме избежания «уголовной ответственности» и затем к вопросу о выплатах уотергейтским грабителям-шантажистам за их молчание.

«Теперь позвольте мне сказать, — обратился президент к Дэну и Халдеману. — Мы можем достать деньги. В этом нет проблемы. Мы не можем обеспечить снисходительности. Деньги могут быть обеспечены. Митчелл может найти способ доставить их. Это может быть сделано. Понимаете, что я имею в виду?»

В другой момент обсуждения президент спросил Дэна: «Как вы думаете, вам не нужен миллион прямо сейчас? Ведь вы в нем нуждаетесь? Так ведь?»

Дэн: «Да, это так».

Президент: «Вам они нужны наличными, не так ли? Дайте мне подумать минутку. Проведете ли вы это через Кубинский комитет [через который выплаты уотергейтским ворам текли месяцами. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда.*]

Дэн: «Нет».

Президент: «Это должны быть чеки, наличные и т.д. Что, если они придут, вы возьмете их? Разве Кубинский комитет — помеха справедливости, разве они не хотят помочь?»

Дэн: «Ну, они святые в этом».

Президент: «Даст ли это немножко прикрытия?».

Отредактированная запись показывает следующий обмен мнениями к концу дискуссии:

Президент: «Вот почему для вашей безотлагательной работы вы не имеете выбора, кроме как прийти с 120 000 долларов, как бы то ни было. Так?»

Дэн: «Точно».

Президент: «Согласитесь, что лучшая цель, которую вы проклинаете, достигается лучше всего?»

Дэн: «Очевидно, ему [Ханту. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*] следовало бы подать знак в любом случае».

Президент: «[удалено — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*] достаньте это...».

Далее диалог перешел на обсуждение того, кто должен поговорить с Хантом. Президент предложил своего бывшего специального адвоката, Чарльза Колсона. Стенограмма дает понять, что Колсон ранее обсуждал мягкость в отношении Ханта с его адвокатом Вильямом Битманом.

Во время дискуссии о способе перевода выплаты под прикрытием президент спросил, как будут доставлены деньги.

«Вы отмываете деньги, — ответил Дэн. — Вы можете получить 100 000 долларов в обход банка, и все это пройдет по серийным счетам».

«Я понял», — сказал президент.

Далее следует удаленный фрагмент. Затем президент сказал, что Калмбах должен иметь некоторые деньги, которые может использовать при необходимости, но получил возражение от Дэна, что «Калмбах не имеет и цента».

После этого речь зашла о специальном фонде Белого дома размером 350 000 долларов наличными. Халдеман заметил, что «мы настолько честны, что нас можно поймать на всем». Президент далее заговорил о расходовании средств этого фонда, и Халдеман сказал: «Будьте осторожны...»

<...> Согласно показаниям, данным позднее в комитете Сената по Уотергейту, президент и Халдеман были осведомлены, что собрание в Овальном кабинете записывается. Дэн, однако, не был в курсе наличия записывающей системы.

Стенограмма встречи от 21 марта показывает, что президент не хотел, чтобы Дэн рассказал кабинету правду.

Во время заключительной части собрания президент выразил беспокойство о бывшем генеральном адвокате Джоне Н. Митчелле и пред-

ложил, что Митчелл должен быть похвален за сдерживание уотергейтского расследования.

Президент предложил сказать Митчеллу следующее: «Нет никаких сомнений в верной предвыборной стратегии. Вы выбрали ее совершенно правильно. Вы составили ее. И теперь, после выборов, у нас будет другой план. Потому что мы не можем четыре года проглатывать все это». Обсуждая предложенную встречу с Митчеллом по поводу прикрытия, президент сказал, что «Митчелл должен быть здесь, потому что он серьезно втянут в это и мы постараемся удержать его с нами».

Халдеман заметил после этого, что Уотергейтское дело может затронуть президента. «Разрушение сейчас уже движется к вам, и это процесс, который мы должны остановить любой ценой. Мы постараемся избежать этого как можно более низкой ценой и сделаем это во что бы то ни стало».

«Это то, что мы обязаны сделать», — поддержал Дэн.

Далее президент сказал: «Что ж, разрушение неизбежно доберется до нас, независимо ни от чего, и каждый скажет, что Уотергейт — еще не самая главная проблема. Этого пока нет. Но это будет. Это граница для [неразборчиво. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*] выхода. Задержка — большая опасность для всего Белого дома. Мы, я имею в виду Белый дом, не можем сделать этого. Так?»

«Да, сэр», — ответил Дэн, и собрание, вероятно, на этом окончилось.

Неразборчивая часть диалога может иметь решающее значение. Если, например, президент сказал, что правда «вышла», это будет крайне благоприятно для его защиты. С другой стороны, если он сказал, что деньги или 120 000 долларов «вышли», это будет для него в высшей степени угрожающе.

В один из моментов разговора президент спросил Дэна: «За что вы бы сели в тюрьму?»

«За препятствие правосудию», — ответил Дэн.

Президент казался озадаченным: «За препятствие правосудию?»

Сказав, что обвинение по Уотергейту было куплено и что Хант шантажировал Белый дом, президент подчеркнул, что препятствие правосудию «должно быть убрано одним движением».

<...> Далее президент предложил, что сотрудникам администрации Белого дома Пауэллу Муру и Колсону не следует присутствовать на подобных встречах. Мистер Никсон не назвал причину не допускать Мура, но сказал, что Колсон «слишком много болтает» и «любит намекать на свои связи».

Также президент сказал, что он не беспокоится о неблагоприятной публичной огласке.

«Суть в том, — сказал президент, — что я не хочу какой-либо уголовной ответственности. Есть момент, что я беспокоюсь за членов ад-

министрации Белого дома, и я хотел бы верить в членов предвыборного комитета».

Чтобы избежать той самой «уголовной ответственности», президент сказал, что это «означает сокрытие» Дэна, Калмбаха, Халдемана, Митчелла и бывших членов администрации Дуайта Чапина и Гордона Страчана.

Далее президент предложил сделать «попытку сокращения потерь»:

«Во-первых, похоже, что потребуется приблизительно миллион долларов, чтобы позаботиться о тех болванах, которые угодили в тюрьму. Это может быть улажено. Но вы сделаете это после того, как мы уйдем [по-видимому, имеется в виду 1977 год, когда истечет президентский срок мистера Никсона. — *Прим. К. Бернстина и Б. Вудворда*], и, наверное, мы сможем потратить эти деньги. Они могут пойти прахом, и эта история окажется весьма непривлекательной. Людям будет все равно, но они станут разговаривать об этом, это уж точно».

Президент также предположил, что Белый дом сохранит в тайне историю о выплатах денег уотергейтским обвиняемым от Комитета защиты Кубы.

«Ну да, — ответил Дэн, — мы можем проделать все это. Не факт, конечно, что все пройдет именно так, но...»

«Я знаю, — сказал президент, — но именно так это и произойдет».

Перевод *Антона Хализова*

БИЛЛ КЛИНТОН

Я СОГРЕШИЛ[1]

Речь 11 сентября 1998 года

Большое спасибо, дамы и господа. Добро пожаловать в Белый дом в этот день. День, которого Хиллари, вице-президент и я с нетерпением ждем каждый год.

Для нашей страны это всегда очень важный день, и вице-президент объяснил почему. Это необычно, и, я думаю, сегодня необычайно важный день. Возможно, я не так легко нахожу нужные слова, как в минувшие годы, и я заметно припозднился вчера, молясь и думая о том, что должен сказать сегодня. И, что необычно для меня, я записал эти слова. Так что если вы простите меня, я постараюсь сказать все, что должен сказать вам, — мне, вероятно, придется надеть очки, чтобы прочитать вам мою писанину.

Во-первых, я хочу обратиться ко всем вам. Вы понимаете, что я много думал о том, что произошло, чтобы, наконец, подвести черту, понять, как это отразилось на мне и на вас.

Я согласен с теми, кто назвал мое первое заявление недостаточно искренним. Я не думаю, что есть какой-то необычный способ сказать, что я согрешил.

Для меня очень важно, чтобы о том, что мое раскаяние искренне, знал каждый, кому была причинена боль: прежде всего, моя семья, мои коллеги, подчиненные, советники, Моника Левински, ее семья и весь американский народ. Я прошу у всех прощения.

Но я считаю, что для прощения мало одного сожаления о содеянном, — для этого нужны как минимум две вещи. Во-первых, искреннее

---

[1] С этой речью президент США Билл Клинтон выступил во время ежегодного «молитвенного завтрака» в Белом доме 11 сентября 1998 года перед аудиторией из более ста представителей духовенства. На завтраке присутствовала и первая леди Хиллари Клинтон.

Речь, собственноручно написанная президентом, была произнесена вскоре после публикации доклада прокурора Кеннета Старра Конгрессу. Прокурор обвинял Клинтона в лжесвидетельствах, препятствовании следствию и других нарушениях, связанных с его делом о сексуальной связи с бывшим стажером Белого дома Моникой Левински. Этот доклад подготовил почву для объявления президенту импичмента.

раскаяние — решение измениться и исправить свои ошибки. Я раскаялся. Во-вторых, то, что моя Библия называет «сломанным духом», — осознание необходимости помощи Божией, готовности дать прощение, которого я ищу; отказ от гордыни и злости, которые заставляют людей оправдываться, жаловаться, обвинять.

Что все это значит для меня и для нас? Во-первых, я дам указание своим юристам выстроить серьезную защиту, используя все доступные средства убеждения. Но юридический язык не должен скрыть тот факт, что я поступил неверно. Во-вторых, я продолжу идти по пути раскаяния, заручусь поддержкой духовенства и неравнодушных людей, чтобы они могли удерживать меня ответственным за свои обязательства.

В-третьих, я увеличу свои усилия в движении нашей страны и всей планеты к миру и свободе, процветанию и гармонии, с надеждой, что со сломанным духом, но еще сильным сердцем я могу быть полезен для больших дел. Ведь нас так часто благословляли, так часто бросали вызовы, и у нас есть огромное количество работы, требующей выполнения.

Я взываю к вашим молитвам и к вашей помощи в оздоровлении нашей нации. И хотя я не могу пройти мимо или забыть это — на самом деле, я должен всегда держать это в голове как предостережение — очень важно, что наша нация движется вперед.

Я очень благодарен многим и многим: духовенству и обычным гражданам — людям, которые написали и помогли мне мудрым советом. Я глубоко благодарен многим американцам за поддержку, тем, кто знает, что, несмотря на все неурядицы, я забочусь о них, помню об их надеждах и мечтах. Я благодарен тем, кто поддерживал меня и говорил, что в этом случае и в других имели место чрезмерные посягательства на личное пространство. Возможно. В любом случае, это благословение, так как я все еще грешен. И если мое раскаяние будет искренним и продолжительным, и если я смогу сохранить надломленный дух и сильное сердце, тогда все будет хорошо в нашей стране, а также у меня и моей семьи. (*Аплодисменты.*)

Дети этой страны способны твердо усвоить, что честность очень важна, а эгоизм — это плохо. Бог может изменить нас и сделать нас сильными там, где мы дали слабину. Я хочу воплотить в жизнь эти уроки для наших детей — например, для того мальчика из Флориды, который сказал мне, что видит во мне образец для подражания и хочет стать президентом. Я хочу, чтобы все родители Америки могли сказать это своим детям.

Несколько дней назад во Флориде мой друг еврей дал мне книгу под названием «Врата раскаяния». Меня поразил один эпизод из литургии Йом Кипур. Позвольте зачесть его:

«Теперь — время для превращения. Листья становятся красно-оранжевыми из зеленых. Птицы изменяют свой полет и устремляются к югу. Животные начинают запасать пищу на зиму. Для листьев, птиц и животных эти изменения инстинктивны. Нам же измениться не так легко. Мы должны захотеть этого. Отбросить старые привычки. Признать свою неправоту, что особенно тяжело. Потерять лицо. Начинать снова и снова. И это всегда болезненно. Сожалеть. Признать, что мы можем измениться. Эти вещи ужасно трудно сделать. Но если мы изменимся, мы будем пойманы в ловушку вчерашними способами. Бог помогает нам меняться. От грубости к чувствительности, от враждебности к любви, от мелочности к целеустремленности, от зависти к удовлетворенности, от небрежности к дисциплинированности, от страха к вере. Боже, направь нас и приведи к себе! Боже, дай нам начать жить с начала и поверни нас лицом друг к другу, ибо нет жизни в одиночестве!»

Я благодарен моему другу за эту книгу. Я благодарен вам за ваше присутствие здесь. Я прошу, разделите со мной мою молитву, чтобы Бог нашел меня и познал мое сердце, испытывал меня и проникал в глубину моего неспокойного сознания, проверяя, есть ли какое-нибудь во мне зло, и привел меня к размеренной жизни. Я прошу, чтобы Бог дал мне чистое сердце, чтобы меня вели не глаза, а вера.

Я прошу еще раз любить ближнего своего — всех своих ближних — как себя самого, быть инструментом Божественного порядка; словам моих уст, размышлениям моего сердца и, наконец, работе моих рук быть угодными всем. Вот и все, что я хотел Вам сказать сегодня. Спасибо. Да благословит вас Господь.

Перевод *Игоря Сейфуллина*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

СУХОЖИЛИЯ МИРА

Вестминстерский колледж, Фултон, штат Миссури
5 марта 1946 года

Я рад присутствовать сегодня в Вестминстерском колледже и польщен тем, что вы собираетесь присвоить мне ученую степень. Название «Вестминстер» так или иначе знакомо мне. Я определенно слышал о нем прежде. Именно в Вестминстере я получил большую часть своего образования в политике, диалектике, риторике и других науках. Фактически я обучался с вами в одних и тех же или, по крайней мере, схожих условиях.

Это честь, возможно, почти уникальная для частного посетителя — быть представленным ученой публике президентом Соединенных Штатов. Несмотря на свои нагрузки и многочисленные обязанности — добровольно, а не с неохотой — президент проделал путь в тысячи миль, чтобы отметить своим присутствием нашу встречу и предоставить мне шанс обратиться к родственной нации, к моим соотечественникам по ту сторону океана и, возможно, к народам других стран. Президент сказал вам, что это его желание — уверен, также и ваше, — чтобы я имел полную свободу искренне и честно обратиться к вам в это непростое время. Я, безусловно, хочу воспользоваться этой свободой и как никогда чувствую себя вправе сделать это, ведь все амбиции, которые я, возможно, лелеял в молодые годы, были удовлетворены даже сверх моих самых смелых мечтаний. Позвольте мне, однако, сразу прояснить, что я пришел сюда не с

какой-то официальной миссией или статусом, что говорить буду непосредственно от себя. Я весь перед вами, абсолютно честен.

Обладая богатым жизненным опытом, я могу позволить себе взяться за проблемы, которые встали перед нами вслед за безоговорочной победой в войне, и я искренне надеюсь, что все то, что было заработано такими жертвами и страданиями, будет сохранено для будущей славы и безопасности всего человечества.

Сегодня Соединенные Штаты находятся на пике мирового могущества. Это — торжественный момент для американской демократии. Но лидерство всегда предполагает и серьезную ответственность перед будущим. Если вы посмотрите на свои свершения, то, вероятно, ощутите не только чувство выполненного долга, но и беспокойство о том, что можете не оправдать надежд других людей. Возможность для обеих наших стран здесь очевидна и ясна. Отклонить, проигнорировать или растратить ее впустую — значит заслужить долгие упреки от последующих поколений. Необходимо, чтобы постоянство мнения, упорство цели и простота решений вели и управляли действиями англоговорящих народов в мире, как это было в войне. Мы должны быть — и я верю, что мы будем, — достойны этого непростого требования.

Сталкиваясь с какой-либо серьезной ситуацией, американские военные привычно пишут вверху своих директив пометку «всеобщий стратегический план». Это мудро, поскольку приводит к ясности. Что тогда является всеобщим стратегическим планом, который мы должны принять сегодня? Это не что иное, как безопасность и благосостояние, свобода и развитие семей всех мужчин и женщин со всех уголков земного шара. И здесь я говорю особенно о бесчисленных семействах, глава и кормилец которых борется со многими трудностями жизни, защищая свою жену и детей от лишений и воспитывая их в страхе Божьем или же на основе этических принципов, которые нередко играют важную роль.

Чтобы обеспечить безопасность этим семьям, надо оградить их от двух главных «убийц»: войны и деспотизма. Все мы знаем ужасные волнения, в которые погружена обычная семья, когда проклятие войны довлеет над кормильцем и его детьми. Катастрофические разрушения Европы со всем ее великолепием и больших территорий Азии ослепляют нас своим размахом. Когда замыслы злых людей или жесткий напор могущественных стран подрывают основы цивилизованного мира, простой народ встречает трудности, преодолеть которые он не в силах. Для него все стерто, искажено или просто превращено в пепел.

Находясь здесь в этот тихий день, я содрогаюсь, представляя, что происходит с миллионами людей и будет происходить вскоре, когда голод придет в их страны. Никто не может измерить, сколько это — «переполненная чаша человеческой боли». Наша высшая задача и обязан-

ность состоит в том, чтобы защитить семьи простых людей от ужасов и бедствий другой войны. Мы все сошлись на этом мнении.

Наши американские военные коллеги, провозгласив свой «всеобщий стратегический план» и определив доступные им средства, не стоят на месте, а неизменно двигаются вперед. Здесь также есть широко распространенные соглашения. ООН была создана с главной целью — предотвратить войну. Преемник Лиги Наций, с решающим вступлением в нее Соединенных Штатов и всего, что это вступление предполагает, уже приступил к работе. Мы должны быть уверены, что его работа плодотворна, реальна, а не обманчива, что в ней есть действие, не просто слова; что строится истинный Храм Мира, щит для каждой нации, а не Вавилонская башня. Прежде чем отказываться от программ национального вооружения, единственно для собственной защиты, мы должны убедиться, что наш Храм возведен не на зыбком песке или болоте, а на прочной скале. Каждый знает, что наш путь будет труден и долог, но если мы будем упорно работать вместе, как мы делали это в двух мировых войнах — хотя, увы, не в промежутках между ними, — я не сомневаюсь, что в конце мы достигнем общей цели.

У меня, однако, есть реальное предложение к действию. Суды и судьи могут быть организованы и учреждены, но они не способны функционировать без шерифов и констеблей. Необходимо немедленно начать оснащение Организации Объединенных Наций международной вооруженной силой. В таком вопросе мы должны идти постепенно, шаг за шагом, но начать — безотлагательно. Я предлагаю, чтобы каждому государству было предложено направить определенное количество воздушных эскадрилий в распоряжение Всемирной Организации. Эти эскадрильи обучались бы и готовились каждая в своей стране, но перебрасывались бы из одной страны в другую. Они носили бы национальную форму, но со знаками различия. Они не были бы принуждены действовать против своих людей, но в других аспектах руководить ими будет Всемирная Организация. Начать можно с малого, со скромных масштабов, и увеличивать начатое по мере укрепления доверия. Я хотел бы видеть это после Первой мировой войны и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако, было бы неправильно и неблагоразумно — вверять секретное знание об атомной бомбе, которое Соединенные Штаты, Великобритания и Канада теперь разделяют, Всемирной Организации, в то время как она находится еще во младенчестве. Было бы сущим безумием пустить дело на самотек в нашем все еще хрупком и неспокойном мире. Никто из людей еще не терял сон от того, что знания, стратегия и сырье для применения атомной бомбы в значительной степени заключены сейчас в американских руках. Я не думаю, что мы бы спали так же креп-

ко, будь положение вещей другим и если б какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало в настоящее время эту опаснейшую отрасль. Страх, внушаемый ими, мог бы легко использоваться для возвышения тоталитарных систем над свободным демократическим миром с последствиями, которые страшно даже представить. На то нет Божьей воли, и у нас еще есть время обезопасить наш дом прежде, чем с этой опасностью придется столкнуться: и даже когда не останется ни одного шанса, мы должны будем обладать достаточно весомым превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против использования оружия. В конечном счете, когда люди объединятся и их сплоченность будет воплощена во Всемирной Организации, со всеми практическими гарантиями ее эффективности, эти полномочия, естественно, будут доверены Всемирной Организации.

Теперь я перехожу ко второй опасности, которая угрожает семьям простых людей, а именно к тирании. Мы не можем закрыть глаза на тот факт, что привилегии, которыми пользуются определенные граждане в Британской империи, недействительны в значительном числе стран, некоторые из которых очень мощны. В этих государствах контроль ведется за каждым всеми возможными методами полицейских органов. Власть государства осуществляется без ограничений диктаторами или сплоченными олигархиями, захватившими власть через привилегированную партию и политическую полицию. Это не наша обязанность — вмешиваться во внутренние дела стран, с которыми мы не воюем, в то время как трудностей становится все больше и больше. Но мы не должны прекращать смело провозглашать вечные принципы свободы и прав человека, которые являются общим наследием всего англоговорящего мира и которые через Великую хартию вольностей, Билль о правах, закон Хабеас Корпус, через суд присяжных и английское общее право находят самое главное выражение в американской Декларации независимости.

Все это значит, что люди, независимо от их национальности, должны иметь доступ к любым конституционным действиям, свободным выборам с секретными бюллетенями, влиять на характер или форму правительства, при котором они живут; что свобода слова и мыслей должны быть неотъемлемыми; что суды, не зависимые от своих руководителей и свободные от давления заинтересованных лиц, должны управлять законами, принятыми большинством и освященными временем и традицией. Перед нами — главные принципы свободы, которые должны лечь в основу каждой семьи. Перед нами — послание британских и американских народов к человечеству. Позвольте нам проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Я рассказал о двух основных опасностях, угрожающих людям: о войне и тирании. Я еще не упомянул о бедности и нужде, которые зачастую

более всего тревожат людей. Но если опасность войны и тирании будет устранена, нет сомнений, что наука и взаимное сотрудничество скоро принесут миру увеличение материального благосостояния, независимо от прошлого опыта человечества. Теперь, в это непростое время, мы ввергнуты в бедствия и голод, в эти печальные последствия нашего сопротивления; но это пройдет, и нет ничего безумнее поступков, которые препятствуют установлению эры благополучия. Я часто повторяю слова, которые услышал пятьдесят лет назад от крупного ирландско-американского оратора, моего друга, г-на Боерка Кокрана: «Всем всего хватит. Земля — щедрая мать; она дарует обильную пищу своим детям, если они будут возделывать ее в мире и честности».

Продолжая осмыслять наш всеобщий стратегический план, я подхожу, наконец, к самой сути того, ради чего приехал сюда. Ни уверенное предотвращение войны, ни непрерывное возвышение ООН не будут достигнуты без того, что я называю братским содружеством англоговорящих народов. Речь идет об особенных отношениях между Британским Содружеством и Империей и Соединенными Штатами. Нет времени для сомнений и неопределенности, и я беру на себя ответственность говорить с вами конкретно. Братское содружество требует не только укрепления дружбы и взаимопонимания между нашими государственными системами, но и дальнейшего развития близких отношений между нашими военными советниками. Тесные связи помогут нам совместно исследовать угрозы и опасности, выбирать единое оружие и единые руководства по его использованию, обмениваться офицерами и курсантами — учащимися технических колледжей. Это, в свою очередь, приведет к более продолжительной службе современных средств безопасности при использовании военно-морских и авиационных баз ВВС любой страной мира. Вероятно, это удвоит подвижность американского флота и воздушных сил. Это очень расширит силы Британской империи и может привести — если обстановка в мире начнет стабилизироваться — к значительной финансовой экономии. Мы уже используем вместе большое количество островов; многие другие вполне могут перейти в нашу общую опеку в ближайшем будущем.

Соединенные Штаты имеют уже постоянное соглашение о защите с Доминионом Канада, которая очень предана Британскому Содружеству и Империи. Это соглашение оказалось гораздо эффективнее тех, что зачастую утверждаются при формальных союзах. Этот принцип должен распространиться на все государства Британского Содружества с полной взаимностью. Таким образом, что бы ни случилось, мы будем защищены и способны сотрудничать по значительным и малым вопросам, важным для нас и ни для кого не вредным. В конечном счете, наступит — я чувствую, обязательно наступит — принцип общего гражданства, и мы сможем вверить себя судьбе, протягивающей нам руку.

Однако есть важный вопрос, который мы должны задать самим себе. Не станут ли близкие отношения между Соединенными Штатами и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Я отвечу, что, напротив, это, вероятно, единственное условие, при котором эта организация может достигнуть полного развития и мощи. Уже существуют тесные взаимные связи Соединенных Штатов и Канады и есть определенные отношения между Штатами и южноамериканскими республиками. Мы, британцы, имеем двадцатилетнее соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи с Советской Россией. Я соглашусь с г-ном Бевином, министром иностранных дел Великобритании, что этот договор мог бы быть заключен и на 50 лет. Мы стремимся только к взаимопомощи и сотрудничеству. Британцы поддерживают союз с Португалией, неизменный с 1384 года и принесший поразительные результаты в ключевые моменты Второй мировой войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения.

Тесное общение между членами ООН, которое не проявляет агрессии ни к одному государству, которое не поддерживает ни один проект, несовместимый с Уставом Организации Объединенных Наций, далеко от того, чтобы считаться пагубным, оно полезно и, я убежден, абсолютно необходимо.

Ранее я говорил о Храме Мира. Строители всех стран должны возводить этот Храм вместе. Если двое из них знают друг друга особенно хорошо, если они старые друзья, их семьи общаются и они «верят друг в друга, надеются на доброе будущее и милосердны к недостаткам друг друга» (эти замечательные слова я прочел здесь на днях), почему бы им не взяться за общее дело как друзьям и партнерам? Почему они не могут соединиться и таким образом удвоить свои силы? Поистине, они должны сделать именно так, иначе Храм не будет построен, а если и будет, то вскоре разрушится и мы снова докажем свою неспособность и снова, в третий раз, попадем в школу войны, несравненно более жестокую, чем предыдущая. Средневековье и каменный век могут вернуться к нам на мерцающих крыльях науки и осыпать все человечество неизмеримыми благами, а могут вызвать его полное крушение. Я говорю вам: остерегайтесь, время обманчиво. Не позволим себе бросить события на произвол судьбы, потом будет слишком поздно что-то исправить. Если мы создадим братство, похожее на то, что я описал, со всей силой и мощью, которые наши страны могут извлечь из него, мы можем быть уверены, оно будет играть огромную роль в построении и стабилизации мира. Это дорога мудрости. Предотвратить всегда легче, чем исправить.

Тень упала на события, освященные недавно союзнической победой. Никто не знает, что Советская Россия с ее международной коммунистической организацией намеревается сделать в ближайшем будущем

и каковы пределы, если таковые существуют, ее экспансионистским и пропагандистским действиям. Я глубоко восхищаюсь храбрыми русскими и моим военным товарищем маршалом Сталиным. Великобритания питает большую симпатию и доброжелательность — и я сомневаюсь, что она одна — ко всем народам России и упорно хотела бы и дальше укреплять дружбу, несмотря на многие трудности и всю нашу разнородность. Мы понимаем желание российской стороны обезопасить себя на западных границах, исключая любую возможность немецкой агрессии. Мы приветствуем Россию на ее законной позиции среди ведущих стран мира. Мы приветствуем ее флаг, развевающийся на кораблях. Прежде всего, мы приветствуем постоянное и растущее сотрудничество между русскими и англоговорящими народами по обе стороны Атлантики. Это — моя обязанность, поскольку я уверен, что вы хотели бы, чтобы я представил вам факты такими, какими я их вижу, рассказал вам о существующем положении в Европе.

От Штеттина в Балтийском море до Триеста в море Адриатическом железный занавес был опущен через весь континент. За его границами располагаются столицы всех древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София — все эти известные города находятся внутри сферы советского влияния, как я это называю, и все подчинены в той или иной форме не только советскому влиянию, но и неуклонно растущему контролю Москвы. Только Афины, Греция с ее бессмертной славой свободны в определении своего будущего на выборах, при британских, американских и французских наблюдателях. Ведомое Россией, польское правительство совершило неправомерные вторжения в Германию, и происходят массовые изгнания миллионов немцев. Коммунистические партии, которые были очень незначительными во всех восточных странах Европы, заработали себе превосходство и силу совсем не численностью и теперь всячески стремятся заполучить неограниченную власть. Полицейские правительства существуют почти везде, и пока — за исключением Чехословакии — нет там никакой истинной демократии.

Турция и Персия сильно встревожены требованиями, которые им предъявляются, и давлением, оказываемым на них московским правительством. Русские пытаются создать в Берлине якобы коммунистическую партию в зоне своего влияния, выказывая особую благосклонность группам левых немецких лидеров. После боев в июне прошлого года американские и британские войска ушли, в соответствии с более ранним соглашением, на запад по фронту протяженностью почти в 400 миль и продвинулись в глубину на 150 миль, чтобы позволить нашим российским союзникам занять эту обширную территорию, завоеванную западными демократическими государствами.

Если теперь советское правительство будет отдельно пытаться создать прокоммунистическую Германию в своих областях, то это вызовет новые серьезные трудности в британской и американской зонах и разделит побежденных немцев между страной Советов и западными демократическими государствами. Какие бы выводы мы ни делали из этих фактов, это, конечно, явно не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это и не то, что необходимо для постоянного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, из которого ни одна нация не должна исключаться. Именно из-за ссор сильных коренных рас в Европе мы и стали свидетелями мировых войн, которые происходили и раньше. Дважды мы видели, как Соединенные Штаты, вопреки своим желаниям и традициям, вопреки аргументам, в убедительность которых невозможно было не поверить, непреодолимыми силами втягивались в эти войны, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной резни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты должны были послать миллионы своих молодых ребят через Атлантику, чтобы настигнуть войну; но теперь война сама может настичь любую нацию, где бы та ни находилась между сумраком и рассветом. Конечно, мы должны работать с сознательной целью для мира в Европе, в рамках ООН и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону железного занавеса, опущенного через всю Европу, есть и другие причины для беспокойства. В Италии коммунистическая партия серьезно затруднена необходимостью поддержать притязания коммунистического маршала Тито на прежнюю итальянскую территорию в центре Адриатики. Будущее Италии лежит на чаше весов. Сегодня, как и прежде, нельзя представить возрожденную Европу без сильной Франции. Всю свою общественную жизнь я работал для сильной Франции и никогда не терял веру в нее, даже в самые мрачные времена. Не буду терять веру и сейчас. Однако во многих странах, далеких от российских границ, коммунистические пятые колонны созданы и работают в полном единстве и в абсолютном повиновении указаниям, получаемым из коммунистического центра. Кроме как в Британском Содружестве и в Соединенных Штатах, где коммунизм находится в зародыше, коммунистические партии или пятые колонны бросают вызов и угрожают христианской цивилизации. Это — мрачные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно игнорировать их, пока у нас еще есть время.

Тревожна ситуация и на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, которое было подписано в Ялте при моем участии, было чрезвычайно благоприятно для Советской России. Но оно было заклю-

чено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 года и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы все так хорошо знакомы с Дальним Востоком и являетесь такими преданными друзьями Китая, что, я думаю, нет необходимости долго распространяться о ситуации там.

Я чувствую себя обязанным обрисовать тень, которая с Запада и Востока падает на мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Лично я не соглашался со многим из того, что там было сделано, но до сих пор нахожусь под сильным впечатлением и чувствую боль, сравнивая ту ситуацию с нынешней. В те дни в сердцах людей была крепкая вера и надежда на то, что войн не будет и что Лига Наций станет всесильной. Сейчас, в нашем измученном мире, я уже не вижу и не чувствую той уверенности, той веры и надежды.

С другой стороны, я отвергаю мысль о том, что новая война неизбежна, тем более в недалеком будущем. Именно поэтому я убежден: наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, и я чувствую необходимость высказаться, покуда есть такая возможность. Я не верю, что Советская Россия желает войны. Чего они хотят, так это плодов войны и неограниченного распространения своей власти и идеологии. Но что мы должны обсудить сегодня, пока еще есть время, так это предотвращение войн и учреждение свободы и демократии, как можно скорее и во всех странах. Наши трудности и опасности не уйдут, если мы просто закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет. Не поможет здесь и политика «успокоения». Единственное, что необходимо, — это урегулирование, и чем больше оно откладывается, тем труднее будет его осуществление и с тем большими опасностями мы столкнемся.

В течение войны я ближе узнал наших российских коллег и союзников и могу утверждать, что они ничем не восхищаются так, как силой, и ничто не презирают так, как слабость, особенно военную. По этой причине старая доктрина равновесия сил уже непригодна. Мы не можем позволить себе — насколько это возможно, конечно, — предпочитать суд силе. Если западные демократические государства будут вместе строго придерживаться принципов Устава Организации Объединенных Наций, их помощь в распространении этих принципов будет огромна и никто, вероятно, не сможет им помешать. Если же они будут разобщены или усомнятся в своем долге и если бесценное время ускользнет, — тогда действительно катастрофа может сокрушить нас всех.

В последний раз, чувствуя приближение роковых событий, я громко взывал к своим соотечественникам и к миру, но не был услышан. До 1933 года или даже 1935-го Германия, возможно, смогла бы избежать

ужасной судьбы, которая постигла ее, и мы бы не испытали несчастий, обрушенных Гитлером на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы так легко предотвратить своевременными действиями, чем ту, что недавно разрушила полмира. Я уверен, ее можно было бы предотвратить без единого выстрела, и Германия была бы сегодня могущественной, благополучной и почитаемой страной; но никто не прислушался тогда к моим призывам, и один за другим мы все были затянуты в этот ужасный водоворот. Мы, конечно, не должны позволить этому повториться. Сегодня, в 1946 году, этого можно добиться только путем установления взаимопонимания с Россией по всем вопросам под эгидой Организации Объединенных Наций и при поддержке хороших отношений в течение многих мирных лет, опираясь на силу всего англоговорящего мира и его связей. Есть одно решение, которое я с уважением предлагаю вам в своей речи и которому я дал название «Сухожилия мира».

Мы не позволим недооценивать власть Британской империи и Содружества. Да, 46 миллионов человек на острове нуждаются в поставках пищи, которую они сами выращивают только наполовину, даже в военное время. Да, мы испытываем трудности в возобновлении нашей промышленности и экспортной торговли после шести лет беззаветных военных усилий. Но не думайте, что мы не пройдем через эти мрачные годы лишений так, как прошли через славные годы страданий. Не думайте, что через полвека 70 или 80 миллионов англичан не будут проживать по всему миру, объединенные нашими традициями, нашим образом жизни и мировыми принципами, которые и вы и мы разделяем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать сообща, предполагая сотрудничество в воздухе, на море — на всем земном шаре, в науке, в промышленности и в моральной среде, то не будет никакого беспокойства, не будет и шаткого равновесия сил. Напротив, мы добьемся полноценной гарантии безопасности. Если мы будем держаться Устава Организации Объединенных Наций и идти вперед с непреклонным и трезвым упорством, не посягая ни на чьи земли или сокровища, не запрещая людям думать так, как им хочется; если все британские духовные и материальные ценности, а также уверенность будут по-братски разделены с вашими, то пути нашего будущего станут ясны не только для нас, но и для всех, не только для современности, но и для грядущих поколений.

Перевод *Анны Чуприян*

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

ПРОБУДИСЬ, БРИТАНИЯ![1]

Первая обязанность любого правительства состоит в том, чтобы оберегать граждан его страны от внешней агрессии, гарантировать сохранение нашего образа жизни.

Вопрос, который мы должны теперь задать сами себе: полностью ли существующее правительство выполняет эту обязанность? Эта защита особенно важна сейчас, когда стратегическая угроза Великобритании и ее союзникам от экспансионистской власти более серьезна, чем когда-либо со времени окончания последней войны.

Военные постоянно предупреждают нас, что стратегический баланс сил склоняется против НАТО и Запада. Но социалисты никогда не слушают. Они, кажется, не понимают, что субмарины и ракеты, которые русские строят, могут использоваться и против нас. Возможно, некоторые люди в лейбористской партии думают, что мы находимся на той же самой стороне, что и русские! Но давайте внимательнее посмотрим на то, что они делают.

Этой страной[2] управляет диктатура терпеливых, дальновидных решительных мужчин, которые прилагают все силы, чтобы сделать их страну передовой военно-морской державой. Они делают это не только ради самозащиты. Ведь такой огромной стране, как Россия, почти не имеющей выхода к морю, не нужен самый мощный флот в мире только для того, чтобы охранять собственные границы.

Нет. Русские нацелены на достижение мирового господства, и они сейчас делают все необходимое, чтобы стать самой мощной нацией,

---

[1] Эта речь произнесена Маргарет Тэтчер в британском парламенте 19 января 1976 года. 24 января 1976 года советский журналист Юрий Гаврилов опубликовал в газете «Красная звезда» заметку под названием «Железная дама стращает» (реплика на воинственное заявление Тэтчер в парламенте: «...русские стремятся к мировому господству»). На следующий день эту заметку перепечатала лондонская «Санди Таймс», и Железная дама в переводе превратилась в Железную леди. Удачное прозвище утвердилось в англоязычной печати, а когда пришла пора избирательной кампании 1979 года, Тэтчер не преминула пустить в ход слоган «Британии нужна Железная леди!». — *Прим. перев.*

[2] СССР. — *Прим. перев.*

которую видел мир. Мужчины в советском политбюро не волнуются об общественном мнении. Для них оружие важнее, чем масло, для нас — наоборот. Они знают, что они сверхдержава только в одном смысле — в военном. А в экономике и состоянии общества они нам проигрывают.

Но давайте не делать ошибок. Русские вычислили, что их военная сила с лихвой восполнит их экономическую и социальную слабость. Они настроены использовать это, чтобы получить то, что хотят от нас. В прошлом году, накануне Хельсинкской конференции, я говорила о том, что Советский Союз каждый год тратит на военные исследования на 20 процентов больше, чем Соединенные Штаты. На 25 процентов больше — на закупку оружия и другого военного оборудования. 60 процентов больше — на стратегическое ядерное вооружение.

За прошлые десять лет Россия потратила на военно-морское судостроение на 50 процентов больше денег, чем США. Некоторые военные эксперты полагают, что Россия уже достигла стратегического превосходства над Америкой. Это — баланс сил, который показывает, что СССР представляет непосредственную опасность для НАТО. Я собираюсь в четверг посетить штаб наших войск в Германии. Я еду туда сейчас, когда силы стран, объединенных Варшавским договором, т.е. силы России и ее союзников, — в Центральной Европе превосходят численностью силы НАТО на 150 000 человек, на 10 000 танков и 2600 самолетов. Мы не можем позволить себе этой разнице в вооружении становиться еще больше. К тому же нехватка нашей военной мощи проявляется и в других неспокойных областях — в Южной Европе и Средиземноморье.

Возвышение России как международной военно-морской державы угрожает нашим нефтяным платформам и нашим традиционным путям торговли — морским маршрутам. За прошлые десять лет русские в четыре раза увеличили силу своих ядерных субмарин. Теперь на строительство одной ядерной субмарины у них уходит месяц. Они ищут новые места, где они могут построить свои военно-морские базы, по всему миру, в то время как мы бросаем наши и так немногочисленные базы.

Они проникли и в Индийский океан. Они представляют все возрастающую угрозу для наших северных вод и, более того, — для жизненно важных для нас морских маршрутов Японии. Советский флот не разработан для самозащиты. Нам не надо представлять себе мировую ядерную или просто обычную войну, чтобы понять, как русские могут использовать в политических целях свое военное превосходство над нами. Я первая бы приветствовала любое свидетельство готовности русских к разоружению. Но я боюсь, что факты свидетельствуют об обратном.

Перед собранием в Хельсинки я предупреждала, что опасно обольщаться иллюзорной разрядкой. Некоторые тогда скептически к этому отнеслись, но мы теперь видим, что мое предупреждение было полностью оправдано. Разрядка побудила русских сокращать их про-

грамму защиты? Это отговорило их от наглого вмешательства в Анголе? Это привело к какому-нибудь усовершенствованию условий советских граждан или людей, живущих в поселениях Восточной Европы?

Мы знаем ответы. В Хельсинки мы подтвердили свой статус-кво в Восточной Европе. Взамен мы надеялись на более свободное движение людей и идей сквозь железный занавес. Пока это не так. Мы всегда были нацелены на поддержание мира между странами. Мы будем приветствовать любую инициативу из Советского Союза, который внес бы свой вклад в установление мира.

Но мы должны также учесть предупреждения тех, кто, как Александр Солженицын, напоминает нам, что мы вели своего рода «третью мировую войну» с СССР, начиная с 1945, года и что мы потеряли почву под ногами. Если мы оглянемся назад и оценим проигранные сражения, количество стран, которые потеряли свободу или подверглись опасности из-за СССР, то можем ли мы отрицать, что Солженицын был прав?

Мы видели Вьетнам и Индокитай, проглоченные коммунистической агрессией. Мы видели, что коммунисты открыто пытались захватить власть в Португалии, а между тем Португалия — наш самый старый союзник. Все это признак того, что в западных странах идет движение против третьей мировой войны. И теперь Советский Союз и его спутники ввозят деньги, оружие и вводят пограничные войска в Анголу в надежде на вхождение ее в коммунистический блок.

Мы должны помнить, что нет никаких правил в нынешнем соревновании. И русские играют, чтобы победить. У них есть большое преимущество — сражения против них идут на нашей территории.

Через неделю после Хельсинкской конференции г-н Зародов, ведущий советский идеолог, писал в газете «Правда» о том, что коммунистические партии Западной Европы должны забыть о своих компромиссах и соглашениях с социал-демократами и пойти в наступление, чтобы вызвать пролетарскую революцию.

Позже Брежнев сказал, что он одобряет эту статью. Если это — та линия, которую советское правительство примет на партийном конгрессе в следующем месяце, то мы должны учесть такое предупреждение. Это касается нас самым непосредственным образом. Мы не откажемся от политики, направленной на сохранение мира.

Но если мы не можем понять, почему русские так быстро становятся самой большой военно-морской державой в мире, нам стоит взглянуть на то, что они пытались сделать в Португалии и пытаются совершить в Анголе, и вспомнить, что, по их словам, Англия закончит свое существование на «свалке истории».

Мы обращаемся к нашему союзу с Америкой и НАТО, ведь этот союз — главная гарантия нашей собственной безопасности, и, в неевропейском мире, Соединенные Штаты — все еще главные поборники

свободы. Но мы знаем, как горький опыт Вьетнама изменил общественные настроения в Америке. Мы также знаем об обстоятельствах, которые запрещают американскому президенту действовать в год выборов.

Таким образом, именно сейчас необходимо, чтобы каждый из нас внес свою лепту в дело защиты свободы. Великобритания с ее международным опытом дипломатии и защиты будет играть в этом особую роль. Мы в консервативной партии уверены, что Великобритания должна сыграть эту роль. Это не значит, что мы возвращаемся к ностальгической иллюзии о той роли, которую Британия играла раньше. Мы утверждаем — Британия должна занять свое место в этой борьбе ради своего будущего. Прогресс коммунистической власти угрожает всему нашему образу жизни. И этот процесс станет необратимым, если мы не примем необходимые меры. Но чем дольше мы бездействуем, тем сложнее будет это сделать.

Другими словами: чем дольше лейбористская партия будет входить в состав правительства, тем более уязвимой будет страна. (*Аплодисменты.*) Что это правительство сделало с обороной нашей страны? В последних выступлениях правительство сказало, что сократит расходы на оборону на 4700 млн за следующие девять лет. А в дальнейшем и на 110 млн. Кажется, теперь мы будем видеть только сокращения расходов на эту область.

С учетом таких сокращений Рою Мазону, министру безопасности, стоит называть себя теперь министром ненадежности. Теперь мы тратим на оборону и военную промышленность меньше (если считать сумму на душу населения), чем любой из наших главных союзников.

Великобритания тратит только 90 условных единиц на душу населения. Западная Германия тратит 130, Франция тратит 115. Соединенные Штаты тратят 215. Даже нейтральная Швеция тратит на 60 условных единиц на душу населения больше, чем мы. Конечно, мы более бедны, чем большинство наших союзников в НАТО. Это — часть бедственного экономического наследства социализма. Но давайте выясним одну вещь.

Сейчас не то время, когда тот, кому важны интересы страны, должен говорить о сокращении наших затрат на вооружение. Это время, когда мы срочно должны усилить нашу защиту. Конечно, эти расходы — бремя для нас. Но это — то, что мы должны перенести, если хотим сохранить свободу. Вся история нашей страны озарена этим факелом свободы. Я много путешествую по миру, и постоянно находятся люди, которые снова и снова спрашивают: «Что случилось с Великобританией?» Они хотят знать, почему мы как страусы прячем голову в песок, почему мы, со всем нашим опытом, не показываем пример всему остальному миру.

Многие, возможно, даже сейчас не понимают той угрозы, которая нависла над нашей страной. Мы надеемся, что наше правительство ста-

нет более дальновидным. Но надо отдать им должное, правительство разъяснило степень опасности в Белой книге защиты в прошлом году. Однако, сделав так, они сделали абсурдный вывод, что наша оборона должна быть уменьшена.

Социалисты фактически, кажется, считают, что расходы на оборону страны можно сокращать до бесконечности. Но когда речь заходит о сокращении других типов общественных расходов, они становятся гораздо более осторожными. Они, кажется, думают, что мы можем позволить себе увеличивать наши долги, чтобы правительство могло поддержать убыточную компанию. И тратят наши деньги на национализацию и другие меры, например, закон о земле нации.

Очевидно, мы даже можем позволить себе предоставлять долг русским, с меньшим процентом, чем тот, который мы выплачиваем своим кредиторам. Но мы не можем позволить себе, по представлению лейбористской партии, поддерживать нашу оборону на необходимом уровне, в то время как, выполняя наши обязательства перед НАТО, мы ведем главную внутреннюю войну против терроризма в Северной Ирландии и нуждаемся в большем количестве войск, чтобы выиграть ее. Нас затрагивают не только те кризисы, которые происходят внутри страны. Например, Ангола. В Анголе партизанское движение, поддерживаемое Советским Союзом (МПЛА), сейчас наступает достаточно успешно, и это несмотря на то, что оно управляет только $^1/_3$ населения, а поддерживает его даже меньшее количество людей.

МПЛА делает успехи, потому что Советский Союз и его спутники тратят деньги, оружие и пограничные войска на эти сражения. Шесть тысяч кубинских солдат из регулярной армии все еще там. Но очевидно, что приемлемое решение для Анголы возможно, только если все внешние силы уберут их военную поддержку.

Вы могли бы спросить: с какой стати мы должны думать о том, что случается в таком далеком месте, как Ангола?

Есть четыре важных причины. Прежде всего, Ангола занимает жизненно важное для нас стратегическое положение. Если просоветская фракция победит, то последствием почти наверняка будет возникновение советских воздушных и военных баз в Южной Атлантике.

Вторая причина — то, что присутствие коммунистических сил в этой области сделает намного более трудными наши попытки уладить родезийскую проблему и достигнуть понимания между ЮАР и Черной Африкой.

Третья причина является еще более далеко идущей. Если русские одержат победу в Анголе, они могут решить, что они в состоянии повторить такую операцию в другом месте. Точно так же нейтральные нации могут сделать вывод, что НАТО потеряло свои силы и что их политика должна иметь целью достижение компромисса с Россией.

В-четвертых, то, что русские делают в Анголе, не соответствует политике разоружения. Они, кажется, полагают, что их вмешательство соответствует этой политике. Действительно, газета «Известия» недавно утверждала, что советская поддержка коммунистическому МПЛА — «инвестиции в разрядку». Это выражение объясняет нам, что они действительно подразумевают под словом «разрядка». Мы должны однозначно дать понять русским, что мы считаем: то, что они делают в Анголе, несовместимо с разрядкой. Обычно говорится, что политика НАТО заканчивается в Северной Африке в Тропике Рака. Но ситуация в Анголе доказывает, что интересы НАТО, связанные с обороной входящих в него стран, должны простираться значительно дальше на юг.

В консервативной партии мы полагаем, что наша внешняя политика должна по-прежнему быть основанной на близком понимании с нашим традиционным союзником, Америкой. Это — часть нашей англосаксонской традиции, так же как часть нашего обязательства НАТО, и это дополняет наш вклад в Европейское сообщество. Наше англосаксонское наследие охватывает страны Старого Содружества, которым слишком часто пренебрегали политические деятели в этой стране, но оно всегда близко сердцам британских людей. Мы полагаем, что мы должны основываться на наших традиционных бонах с Австралией, Новой Зеландией и Канадой, так же как на наших новых связях с Европой. Я рада видеть, что австралийцы и новозеландцы заключили, — многие другие скоро тоже придут к такому заключению, — что социализм потерпел неудачу.

В их двух избирательных кампаниях в конце прошлого года они избрали правительство, которое ориентируется на возвращение народу свободы выбора, понижение уровня вмешательства государства в экономику до прежнего уровня и восстановление стимула работать.

Наши поздравления Фразеру и Малдуну. Я знаю, что наши страны будут в состоянии учиться на опыте друг друга. То, что случилось в Австралазии, — это начало обширного возрождения потребности сохранить и защитить те ценности и традиции, на которых основывается западная цивилизация и ее процветание.

Мы опираемся на тех избирателей, кто верит в демократию и социально-экономическую свободу.

Мы должны обеспечить, через наших представителей, аргументированную и энергичную защиту нашего, западного взгляда на права и привилегии: тот взгляд, который посол Америки в ООН г-н Мойнихане недавно высказал в своих речах, которые так горячо сейчас обсуждаются.

У нас большой теоретический и практический опыт в этой стране в искусстве дипломатии в его самом широком смысле. Это надо использовать (в пределах Европы), чтобы достигнуть эффективных инициатив внешней политики. В пределах ЕЭС интересы индивидуальных на-

ций не идентичны, и редкое совпадение этих интересов должно стать силой, а не слабостью.

Любые шаги к более близкому сотрудничеству с Европейским союзом нужно тщательно рассмотреть.

Мы склонны к прямым выборам в пределах Сообщества, но необходимо точно вычислить время.

Но надвигаются новые проблемы. Среди них — возможность, что коммунисты придут к власти через коалицию в Италии. Это — серьезный повод для нас стремиться к более близким связям с теми политическими группами в Европейском парламенте, которые против социализма. Впереди трудный 1976 год. Но я надеюсь, что это не приведет к дальнейшему уменьшению роли и влияния западных держав, как это было в 1975 году.

Понятно, что насилие внутри страны — и, прежде всего, политический терроризм — останется главной проблемой для всех западных стран, и надо учесть, что это может стать инструментом в руках коммунистов.

Нам надо найти некое соотношение между полицией и службами безопасности Сообщества и НАТО в борьбе против терроризма. Путь, которым наши собственные полицейские справились с недавними террористическими инцидентами, — прекрасная модель для других сил. Консервативная партия убеждена, что Великобритания должна играть важную роль на мировой арене. Основа этого — замечательные качества ее граждан. Лейбористская партия пренебрегла этой ролью.

Наша способность играть конструктивную роль в мировых делах, конечно, связана с нашей экономической и военной силой. Социализм ослабил нас в обеих этих областях. Поэтому в опасности не только наша возможность играть важную роль, но и сам наш образ жизни.

Социализм принес нам много проблем и трудностей, и за ними мы зачастую не видим тех важных преобразований, которые происходят в мире.

Но мы должны осознать эти события и понять, что они важны и для политики. Советская военная власть не исчезнет только потому, что мы ее игнорируем. И мы должны понять, что эта военная власть может быть использована как угроза для давления на нас, пока мы не применим необходимые средства устрашения.

Мы не тешим себя никакими иллюзиями о пределах британского влияния. Часто говорят, что страна, которая когда-то управляла четвертью мира, теперь только группа офшорных островов. Мы в консервативной партии полагаем, что Великобритания все еще великая страна. Снижение нашей власти в мире было частично неизбежно в связи с возвышением сверхдержав с их большими запасами трудовых и материальных ресурсов.

Еще одной причиной было и снижение нашего экономического роста, ускоренное социализмом.

Мы должны остановить этот процесс. Консервативная партия стремится пробудить граждан Великобритании от долгого сна. Речи людей, входящих в правительство и находящихся вне его, действовали как успокоительное лекарство: нет никакой опасности, в Москве — свет и радость, эскадрон самолетов-истребителей или морских коммандос менее важен, чем новая субсидия.

Консервативная партия теперь делает предупреждение. Есть моменты в нашей истории, когда мы должны сделать фундаментальный выбор. Это — один такой миг, когда наш выбор определит жизнь или смерть нашего общества и будущее наших детей.

Давайте дадим гарантию, что наши дети будут счастливы потому, что мы не предали их будущую свободу.

Перевод *Елизаветы Бушуевой*

РИЧАРД МЕРВИН ХЭАР[1]
(1919–2002)

О ТЕРРОРИЗМЕ[2]

Журнал *The Economist* («Экономист») за 5 января 1974 года заканчивает свою статью под названием «Террорист по соседству» следующими предложениями:

Похитители детей не могут действовать без наличия безопасных мест, где бы они могли прятать своих жертв. Даже самым быстрым преступникам нужно взять машину, деньги и, пожалуй, оружие. В Великобритании есть люди, которые были подготовлены оказывать подобного рода поддержку бомбардировщикам «*Angry Brigade*» (небольшая воинствующая группа, ответственная за взрывы бомб в Великобритании между 1970 и 1972 годами) и *IRA* (Ирландская республиканская армия). Их мотивы различны и часто путаются. Для того чтобы понять, почему в нынешней обстановке терроризм имеет место быть, нужно обратиться к старинной турецкой поговорке, которая гласит, что «рыбу надо резать с головы». Порой находятся академики и публичные люди, которые защищают светские оправдания насилия. Это явление также делает терроризм возможным.

Я не знаю, какая интеллектуальная испорченность была в мыслях у журнала *The Economist*, но вышло все как в плохом анекдоте! Я попытаюсь объяснить, что я имею в виду. «Защита светских оправданий насилия» лишь один из возможных философских грехов (если это вообще грех) и, скорее всего, не самый разрушительный из них.

В какой-то степени терроризм заместитель традиционной войны. Это было бы прекрасно, если бы не способность этих двух видов насилия превращаться в одно целое, что часто и происходит — ведь именно

---

[1] *Ричард Мервин Хэар* — британский философ, основная область исследования которого философия морали. Был убежденным защитником утилитаристской этики, большое внимание в своих работах уделял логике морали, занимался анализом наиболее общих моральных понятий. Эти эссе представляют собой размышления Хэара на злободневные проблемы, в том числе о морали, о политических обязательствах, о терроризме, о морали и войне, о правах, о равенстве, об окружающей среде.

[2] Эссе «О терроризме» было впервые опубликовано в 1979 году в *Journal of Value Inquiry* («Журнал значимых вопросов»), № 13.

акт терроризма послужил началом Второй мировой войны. Я не буду включать в свою работу определение терроризма и классификацию его видов, как в какой-нибудь полноценной научной работе. Я лишь упомяну одно общее разделение: террористические акты, которые совершаются гражданами страны против их правительства и остальных сограждан, и террористические акты, которые совершаются гражданами одного государства против граждан другого. Я не буду упоминать насилие как таковое или шантаж; говорить о политическом насилии тоже нет особого смысла, так как я не отношу его к терроризму, который пагубно влияет на государство или служит причиной революций. Терроризм возникает тогда, когда нет никакой надежды немедленно сместить правительство. Это можно назвать прелюдией к революции, но это не сама революция. Предпринятые попытки убить Гитлера не являются терроризмом, потому что предполагалось сразу же установить новое правительство, которое бы прекратило войну. С другой стороны, насколько я понимаю, многие попытки сопротивления территорий, оккупированных немецкими войсками, были террористическими, пусть они были направлены исключительно против немецкой армии. Это ставит перед нами важный вопрос: «Может ли терроризм быть когда-нибудь оправдан или хотя бы попытаться быть оправдан (для тех из нас, кто поддерживает Движение Сопротивления) с точки зрения морали?»

<...> С точки зрения здравого смысла может показаться, что только националистические виды терроризма не могут быть оправданы морально. Если мы не готовы признать, что кто угодно имеет право нас терроризировать или объявлять нам войну (и наоборот, соответственно), то мы действительно не можем оправдать подобные действия морально. Конечно, в обоих случаях будут исключения. Защитные войны (при условии существования такого термина) можно отнести к этому числу; акты, во время которых террористы действуют в интересах подавляющего большинства населения при отсутствии другой альтернативы продемонстрировать свое недовольство существующей ситуацией. Такие люди могут утверждать, что они готовы к ответным действиям других лиц. Например, те, кто стремится оправдать терроризм в северной части Ирландии, утверждают, что это был единственный способ для католического меньшинства обрести равные права. Я этому не верю, но я верю, что терроризм, в обоих случаях, не сделал ничего, кроме как задержал прогресс в движении к политическому равенству. Я не могу сказать того же самого о демонстрациях и других актах подобного рода, потому что данные фактические вопросы находятся за пределом юрисдикции этой работы. Иными словами, я пытаюсь сказать, что националистическому терроризму очень сложно найти адекватную моральную поддержку. Кроме того, такого рода поддержку мало кто решится предложить, если, конечно, это будут не фанатики (к примеру, фанатичное

желание достичь «либерализации» как цели, кто бы при этом ни был либерализован).

Сложнее справляться с фанатичными актами терроризма. Фанатичный террорист — это человек, который придает слишком большое значение какому-либо идеалу. Идеалу, ради которого он сам готов быть убит, похищен, измучен и так далее, но только в том случае, если это поможет общему исходу дела. У такого человека нет никаких эгоистичных мотивов. На самом деле, истинные фанатики самые бескорыстные и готовые к самопожертвованию люди.

Но давайте спросим себя, как обычный человек должен находить оправдания актам терроризма, в случае, если он вообще должен это делать. Во-первых, что же на самом деле делает террорист, совершая подобный акт. Скажем, он убивает множество людей в зале ожидания аэропорта; он лишает мужей их детей и жен (утрата близких очень часто является самым страшным для человека); он ранит других; он вносит сумятицу в работу авиакомпаний; он вынуждает государство и авиакомпании тратить много денег на предотвращение терроризма, а отсюда и увеличивающиеся налоги и цены на авиабилеты и так далее. То есть террорист предполагает, что проведение такого рода мероприятий для осуществления выбранной им цели оправдывает все его действия (например, отчуждение имущества капиталистов). Все, что он делает, это последствия (или желаемые последствия) его «нажатия на курок».

Намного важнее определить, как с точки зрения моральной аргументации мы должны распределить груз ответственности между последствиями этого акта. Насколько интересы различных жертв или пострадавших будут зависеть от возможного исхода этого акта? А насколько вероятен каждый из различных возможных исходов?

<...> Возвращаясь к нашему спору о террористе, мы должны задаться вопросом: «Будут ли совершаемые им действия преследовать лучшие намерения по отношению к тем, кого этот акт коснется?» Учитывая моральные принципы, которые выработаны человечеством, ответ будет скорее отрицательный, чем положительный. Террорист, с другой стороны, может утверждать, что мы ошибаемся. Так в чем же заключается наше противоречие?

Перевод *Лилии Мазитовой*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА[1]

<...> Выражение «политические обязательства», хотя оно и очень удобно ограничивает мою тему, не должно использоваться без упоминания всех его опасностей. Я буду использовать этот термин в следующем контексте: политические обязательства не являются видом родовых обязательств, связанных с моральными обязательствами. Политические обязательства, скорее, являются видом моральных обязательств, связанных с другими подвидами, такими, например, как социальность или родительские обязательства. Мы приобретаем родительские обязательства, когда становимся родителями, и социальные обязательства, когда становимся членами общества. Точно так же мы приобретаем и политические обязательства, которые являются моральными обязательствами, возлагаемые на нас, потому что мы становимся гражданами в государстве с законами. Если думать, что политические обязательства не являются видом моральных обязательств, а являются подвидом обязательств, связанных с моральными обязательствами, можно прийти к тому, что некоторые начнут совершать высоко аморальные поступки во имя «политических обязательств», порождая таким образом разрушение морали. Но спросив, чем могут быть политические обязательства или что может послужить их источником, в качестве ответа мы услышим тишину, а это может убедить нас в том, что такое употребление термина абсолютно ошибочно. В таком случае, я буду говорить лишь о тех моральных обязательствах (и об их возникновении), которые мы имеем, потому что мы граждане.

Разве тот факт, что я являюсь гражданином Великобритании накладывает на меня моральную ответственность, которую я не имел бы, не будь я гражданином? Большинство людей думает так: в мои обязанности входит не только подчинение законам Соединенного Королевства, но обязанность принимать участие в политическом процессе с целью улучшить законы, если это требуется, с целью защищать их, если они не защищаются, и, в общем-то, выполнять свои «обязанности гражданина». Я сосредоточусь на главной особенности этих обязанностей — моральной обязанности соблюдать законы, хотя я и предполагаю, что обязательства могут быть ложными не только по отношению к гражданам, но и к любому, даже инопланетянину, который находит себя в юрисдик-

[1] Эссе «Политические обязательства» было впервые опубликовано в 1976 году в книге под редакцией Т. Хондрича (T. Honderich) *«Social Ends and Political Means»* («Социальная развязка и политические значения»).

ции данного государства (большинство людей думает, что иностранные гости тоже не должны воровать). Это моральная обязанность не нарушать законы должна быть четко отделена от законных обязательств (тех требований самих законов, исключая саму мораль). В определенной стране может существовать законная обязанность служить в армии, однако эта обязанность не подразумевает моральное требование подчиняться закону, порождающему эту законную обязанность. Человек, утверждающий обратное, поставит себя в компрометирующее положение, даже если признает существование закона.

Один возможный источник недоразумения нужно уточнить сразу. Сказанное может оспариваться, потому что моральные принципы должны быть универсальными и выражение «Великобритания» в данном случае не должно употребляться. Но из заключения, что я являюсь гражданином Великобритании, я могу прийти к выводу, что у меня есть обязанность соблюдать законы Великобритании, если, конечно, в моральном принципе само это понятие не содержится.

Так каким же образом возникают политические обязательства? В прошлом предпринимались попытки установить их связь с нашими контрактными обязательствами, возникающими в тот момент, когда мы становимся гражданами. Сейчас уже стало ясно, что так называемый социальный контракт — фикция, с которой реальность никак не взаимодействует, так как не было никакого контракта. Однако с точки зрения философской истории Жан-Жака Руссо, кто выдвинул данную теорию, существует такое понятие, как естественная мораль (на Руссо очень сильно повлияли труды Э. Канта).

<...> В таком случае, сталкиваясь с какой-либо проблемой, мне нужно обязательно себя спросить: «Как я должен поступить с точки зрения морали? Какой универсальный принцип действий я могу использовать в таком случае, как этот, исключая тот факт, что я являюсь действующим лицом в данной ситуации (не наделяя особым значением свои собственные интересы только потому, что они мои)?» Это ведет меня к тому, что я придаю одинаковый вес одинаковым интересам, на которые влияют действия, и, следовательно, принятию принципа, который главным образом заботится о моих интересах. Таким образом я прихожу к форме утилитаризма.

Перевод *Лилии Мазитовой*

ДЭНИЭЛ ДЖОНСОН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПАЛ

The Daily Telegraph
10 ноября 1989 года

Восточная Германия неожиданно открыла свои границы

Кренз провел рискованную политику свободного передвижения, для того чтобы остановить массовый отъезд граждан

Передает Дэниэл Джонсон из Восточного Берлина

Известная своим трагическим разделением со времен Железного Занавеса, который разделил Европу после Второй Мировой войны, Восточная Германия прошлой ночью объявила, что открывает все свои пограничные пункты и фактически снимает все ограничения на свободу передвижения граждан.

Берлинская стена, которая была главным символом разделения Германии с 1961 года, стала теперь не более чем частью музейной экспозиции. Она останется для настоящего символом разделения Германии. Разбор Берлинской стены будет использован Германией как компромисс в отношениях между Германией и НАТО. Падение Железного Занавеса от Штеттина до Триеста, о котором Уинстон Черчилль упоминал в своей Фултоновской речи в 1946 году[1], наконец, завершено. Границы Германии с Венгрией и Югославией открыты, только Чехословакия до сих пор поддерживает режим ограничения передвижения.

Прошлой ночью Западная Германия заявила, что готова принять каждого, кто захочет пересечь границу. «Никто не будет возвращен», — сказал представитель министерства внутренних дел в Бонне.

Канцлер Западной Германии Гельмут Коль, который только начал свой официальный визит в Польшу, потребовал прошлой ночью личных переговоров с герром Эгоном Кренцом, лидером коммунистического государства, по вопросу политического кризиса в Германии.

[1] « От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике, железный занавес протянулся поперек континента». — *Прим. перев.*

Благодаря открытию границ, господин Эгон Кренц намерен вернуть доверие населения. Если его затея провалится, волна эмигрантов может просто снести Кренца и все его коммунистическое руководство.

Мнения по обе стороны стены разделились: одни считают, что это решение было принято как отчаянный рывок исчерпавшего себя режима в противостоянии двух блоков; другие полагают, что это была гениальная тактическая уловка, чтобы стабилизировать стремительно выходящую из-под контроля ситуацию.

Более 225 тысяч восточных немцев эмигрировали в этом году в Западную Германию через Венгрию, Чехословакию и Польшу. По прогнозам западных аналитиков, из шестнадцати миллионов граждан Восточной Германии страну планируют покинуть от одного до четырех миллионов человек.

Заявление об уступке, касающейся свободного передвижения немецких граждан, было зачитано господином Гюнтером Шабовски на знаменательной пресс-конференции в Восточной Германии накануне 71-й годовщины окончания Первой Мировой войны.

Это знаменательное решение новоизбранного политбюро положило конец пограничным инцидентам, продолжавшимся 28 лет, в которых сотни беженцев были убиты или ранены, пока пытались пересечь Берлинскую стену — границу между двумя Германиями.

Но закон о свободном передвижении был отклонен комитетом Коммунистов, заседающих в Волкскамере (парламенте), что в итоге привело к отставке правительства позже этим днем.

Согласно временному указу, оглашенному вчера господином Шабовски, жители Восточной Германии смогут получить выездные визы, выдаваемые по требованию, чтобы путешествовать на Запад.

При выезде граждане смогут воспользоваться любым пограничным постом, включая посты в Берлинской стене, и при этом им не нужно будет предоставлять документы о наличии родственников в ФРГ, не нужны будут справки о доходах или любые другие формальности, которые прежде затрудняли возможность свободно путешествовать или эмигрировать на Запад.

Герр Шабовски оправдал решительную либерализацию существующего законодательства, ссылаясь на сильные неудобства, претерпеваемые Чехословакией, через которую более чем 50 000 восточных немцев эмигрировали в Западную Германию, начиная с пятницы.

Его заявление пришлось на конец второго дня кризисной встречи Центрального комитета правящей Социалистической Единой партии Германии. Центральный комитет проголосовал за то, чтобы провести экстренную партийную конференцию 15–17 декабря, на которой, как ожидается, многие из ее участников будут заменены.

Но дебаты о принятии нового закона, в котором предусмотрены свободные выборы и провозглашается «плюралистическое общество», были

омрачены открытием восточногерманских границ впервые за сорок лет прошлой ночью. Решение должно вызвать политическую реакцию как в Западной, так и в Восточной Германии, в таких крупных городах, как Бремен и Ганновер, которые не хотят больше принимать эмигрантов из Восточной Германии.

Вчера вечером герр Шабовски заявил о том, что способность Западной Германии принять все нарастающий поток беженцев исчерпана, поэтому лидеры оппозиции Восточной Германии обратились к потенциальным эмигрантам с просьбой не уезжать из страны. Однако в тот день не было никаких сообщений о беженцах, хлынувших в Западный Берлин или Западную Германию, поскольку в то время, когда было сделано заявление, все органы, занимающиеся предоставлением виз, были уже закрыты.

Конец ограничений свободного передвижения немецких граждан стал наиболее волнующим событием за всю текущую неделю, в течение которой стало известно о падении восточногерманского правительства, отставке и реорганизации всего Политбюро и обещания реформ, которые теоретически могли бы угрожать ведущей роли коммунистической партии.

Падение Берлинской стены и нормализация границы между двумя Германиями могут привести к более широко распространенным призывам к воссоединению, но восточногерманские лидеры, которые, очевидно, не верят ни Западу, ни Советскому Союзу, всерьез готовы рассмотреть такое преобразование европейской политической сцены.

Вчера Россия намекнула, что приняла бы некоммунистическое правительство в Восточной Германии, если бы та не вышла из Варшавского договора. Господин Геннадий Герасимов, представитель Министерства иностранных дел СССР, сказал в Москве, что немецкое воссоединение было бы реальной темой для обсуждения только в том случае, если бы НАТО и Варшавский договор были распущены.

Иэн Броди в Вашингтоне пишет: «Президент Буш сказал, что был поистине взволнован новостями из Восточной Германии, называя все случившееся “впечатляющим событием”. Он добавил, что в свете всего произошедшего Берлинская стена потеряла “свое былое значение”».

Г-н Марлин Фиджуотер, его представитель, сказал: «Мы одобряем решение восточногерманского правительства разрешить своим гражданам передвигаться свободно».

Г-н Джеймс Бейкер, госсекретарь США, сказал: «Мы уже давно говорили о свободе передвижения, как о естественном праве человека. Мы также довольно долго говорили и об открытых границах и о важности низвержения Берлинской стены». Дебаты между республиканцами и демократами в Сенате Соединенных Штатов были прерваны, когда

руководство двух этих партий выступило с заявлениями, сделанными в одном ключе. Обе партии признали, что нерушимый коммунистический режим пошатнулся.

Сенатор-республиканец Роберт Доул заявил: «Теперь десятилетия коммунистического правления погребены под руинами. Правительство уходит в отставку, следующая очередь за коммунистическим политбюро, и теперь, сегодня, у нас есть будущее. Сброд коммунистов со своими пожитками ушел, их попытка восстановить свою власть не увенчалась успехом, борьба против собственного народа была проиграна. Они хотели управлять гонками, которые они не могут выиграть, гонками против самой истории».

Сенатор-демократ Джордж Митчел описал решение восточногерманских лидеров как «отчаянную попытку выжить».

Перевод *Назы Салех Захи*

ПРЕССА О ПРИНЦЕССЕ ДИАНЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРИНЦЕССОЙ ДИАНОЙ НА BBC

Пятница, 24 ноября 1995 года

BBC: Ваше Королевское Высочество, были ли Вы готовы к давлению, войдя в королевскую семью?

Диана: Когда тебе 19 лет, то всегда кажется, что ты готов ко всему и представляешь свое будущее. Поначалу я чувствовала себя не в своей тарелке, но всегда ощущала поддержку мужа.

BBC: Чего Вы ожидали от семейной жизни?

Диана: Я считаю, что каждому в браке, особенно если у тебя разведенные родители, хочется достичь успеха. И не подгонять под шаблон того, что ты видела в своей семье. Я отчаянно к этому стремилась, я отчаянно любила своего мужа и хотела, чтобы мы все разделили вместе, мне казалось, что мы были прекрасной командой.

BBC: Как Вы ощущали все то, что с вами происходит? После того, как Вы стали принцессой с перспективой занять трон королевы.

Диана: Я не была этим обескуражена, меня никогда не отпугивала ответственность. Естественно, это было и остается сложной задачей — занимать такой пост. Что касается стать королевой — для меня это не было самоцелью, когда я выходила замуж.

Самая неожиданная вещь, которая произошла со мной, — это внимание со стороны СМИ. Нас предупреждали, что помолвка вызовет ажиотаж у журналистов, которые могут подкрасться незаметно, и такое случалось. Затем свое внимание они сфокусировали на мне, и я стала появляться в одиночестве на первых полосах газет ежедневно.

BBC: Как Вы объясните, что леди Диана Спенсер превратилась в самую фотографируемую, самую обсуждаемую женщину в мире?

Диана: Мне пришлось долгое время отслеживать, чем вызван интерес людей к моей личности. Я допускала, что это могло быть вызвано тем, что мой муж проделал большую работу по подготовке к свадьбе и к отношениям. Но с течением времени ты понимаешь, что сама становишься продуктом и люди делают на тебе хорошие деньги.

BBC: По словам прессы, Вам было очень тяжело справляться с Вашими обязанностями. Вы переживали?

Диана: Да, конечно. Затем была ситуация, которая не могла произойти раньше, такое чувство, что СМИ были везде. Это было что-то наподобие цирка, в котором хотел поучаствовать каждый. Это была ситуация, когда ты не можешь жалеть себя: ты либо тонешь, либо плывешь. Ты обучаешься этому очень быстро.

BBC: И что сделали Вы?

Диана: Я поплыла. Мы поехали к источнику Алисы в Австралии. И когда приехали, пошли прогуляться, и я задала вопрос моему мужу: «Что я должна делать сейчас?» Он ответил: «Перейти на другую сторону и поговорить с ними». Я сказала: «Я не могу, я не могу». Он сказал: «Ты должна сделать это», — и ушел исполнять свой долг. Я пошла следом и тоже исполнила свой долг. Я все начала понимать. Мы пробыли в шестинедельном турне: четыре недели в Австралии и две в Новой Зеландии. В конце, когда мы возвращались, я стала совершенно другим человеком. Я почувствовала чувство долга, интерес и поняла свою роль, которую выполняю до сих пор.

BBC: Были ли Вы подавляемы людьми в самом начале?

Диана: Да. Я была очень сильно запугана таким интересом, я была полной, круглолицей 20–21-летней девушкой, и я не могла понять, чем вызван такой интерес.

BBC: Можете ли Вы сказать, что на начальных этапах Вы были счастливы замужем?

Диана: Очень счастлива. Но давление со стороны журналистов было феноменальным. Например, когда мы путешествовали по Австралии, все могли слышать: ох, они не обходили ее стороной. Если бы вы были гордым мужчиной, как мой муж, что бы вы чувствовали, слыша это ежедневно на протяжении четырех недель? У вас бы появилось чувство подавленности вместо ощущения счастья.

BBC: Когда Вы говорите «не обходили ее стороной», что Вы подразумеваете?

Диана: Они не давали мне пройти.

BBC: То есть они отдавали предпочтение Вам, а не Вашему мужу?

Диана: Да. Я ощущала дискомфорт по этому поводу, мне это казалось нечестным, потому что я хотела все разделить поровну в нашей жизни.

BBC: Разве Вам не льстило, что СМИ уделяют Вам повышенное внимание?

Диана: Повышенное внимание не льстило, поскольку вместе с этим вниманием приходила зависть и возникали различные сложные ситуации.

BBC: В чем поначалу Вы видели роль принцессы Дианы? Имели ли Вы соображения по поводу того, что она должна делать?

Диана: Нет, я была очень смущена, появившись на этой сцене. Но со временем я стала все больше погружаться в проблемы людей, от-

вергнутых обществом, — наркоманов, алкоголиков, угнетенных. И в них я нашла что-то близкое себе. Меня поразила их искренность в процессе нашего общения. В хосписах, например, люди более открытые и ранимые, они естественнее, чем другие. Я высоко оценила это.

BBC: Дворец помог Вам понять, в чем заключается Ваша роль?

Диана: Нет. Никто не усаживал меня и не давал бумагу со словами: «Это то, чего ждут от Вас в будущем». Но я была счастлива, что мне удалось найти свое место, я ощущала это и любила быть вместе с людьми.

BBC: Вы создали себе роль, которую хотели создать? Что же Вы делали для этого?

Диана: Я помню, как я сидела на больничных кроватях и держала руки людей. И люди пребывали в некотором шоке, потому что не видели этого раньше. Хотя для меня это была вполне нормальная вещь. Я замечала, что в этих действиях люди находили утешение, и решила всегда делать это.

BBC: Вы забеременели через непродолжительное время после свадьбы. Какова была Ваша реакция узнать, что вы ждете мальчика?

Диана: Громадное облегчение. Я чувствовала, что он будет трудиться со мной. Громадное облегчение. Когда я была беременна, сканер показал, что это будет мальчик.

BBC: Вы всегда хотели иметь семью?

Диана: Я вышла из семьи, где нас было четверо. Мы были невероятно счастливы. И сейчас Вильям и Гарри — это просто счастье для меня, хотя это тяжелее, чем иметь двух девочек, потому что необходим особый подход к их воспитанию. Но я решила: пусть их будущее будет таким, каким оно будет.

BBC: Как члены королевской семьи отреагировали, когда узнали, что будет мальчик?

Диана: Каждый испытывал трепет в какой-то мере. Для меня беременность была достаточно тяжелой, но когда Вильям появился на свет, это было громадное облегчение, воцарился мир. Я была здорова и счастлива. Но затем наступила послеродовая депрессия, которая неоднократно обсуждалась. Это было тяжелое время. Ты просыпаешься утром и понимаешь, что тебе не хочется вставать, ты не чувствуешь понимания, ты плачешь про себя.

BBC: Это не было свойственно Вашему характеру?

Диана: Да, конечно. Я никогда в жизни не впадала в депрессии. Когда затем я анализировала, какие изменения происходили в последний год, эта картинка стояла перед моими глазами, и мое тело говорило: «Мы хотим отдыха».

BBC: Чего Вы желали?

Диана: Я желала многого, понимала, что мне нужно пространство и время для адаптации к новым условиям, возникшим на моем пути. Я зна-

ла, что могу справиться, лишь бы люди были более терпимыми ко мне и дали время.

BBC: Когда Вы говорите о новых условиях, которые появлялись на Вашем пути, что Вы имеете в виду?

Диана: Это был короткий промежуток времени. Время, в которое полностью изменилась моя жизнь, когда все перевернулось вверх дном, это прекрасный момент, но и момент перемен. И я видела, где имеются шероховатости и как нужно их разгладить.

BBC: Как прореагировала семья на Вашу послеродовую депрессию?

Диана: Возможно, я была первым членом этой семьи, кто имел депрессию и плакал в открытую. И это явно обескураживало, потому что если ты не видел этого раньше, как ты можешь на это отреагировать?

BBC: Как депрессия повлияла на Вашу совместную жизнь?

Диана: Это позволило всем говорить обо мне как о нестабильном и неуравновешенном человеке. К несчастью, это обсуждалось время от времени в течение нескольких лет.

BBC: Согласно репортерским заявлениям, предположительно, что жизнь становилась настолько трудной, что Вы ранили себя?

Диана: Когда никто не слушает тебя или тебе кажется, что никто не слушает тебя, может произойти все что угодно. Ты ранишь себя снаружи, потому что хочешь помощи, но понимаешь, что ты получаешь не то, в чем нуждаешься. Люди все это с жадностью пожирают и считают, что если ты мелькаешь в прессе, значит, тебе хватает внимания. Но я взывала о помощи, потому что хотела быть лучше, двигаться вперед, выполнять мои обязанности как жены, матери и принцессы Великобритании. Таким образом, я наносила удар сама себе. Я не любила себя, я была пристыжена, потому что не могла справиться с давлением.

BBC: Что Вы обычно делали?

Диана: Я ранила свои руки и ноги. Сейчас я работаю в таком окружении, где вижу женщин с похожими проблемами и понимаю, из-за чего они.

BBC: Какова была реакция мужа на Ваши действия?

Диана: Я никогда не делала этого перед ним. Но очевидно, что тот, кто любит, хочет заботиться.

BBC: Как Вы считаете, понимал ли он, что за этим стоит?

Диана: Нет. Не у всех людей было время увидеть это.

BBC: Можете ли Вы сказать, что были нездоровы, или это естественно для принцессы?

Диана: Я была в своей роли. Я была обязана выходить из этого состояния и выполнять свои обязательства — не покидать людей в беде, поддерживать и любить их. И люди в ответ поддерживали меня, хотя они не осознавали, насколько мне помогают.

BBC: Ощущали ли Вы, что поддерживаете имидж успешной принцессы Уэльской?

Диана: Да, конечно.

BBC: Депрессия была сильной, судя по Вашим словам. Позже стало известно о Вашей болезни — нервной булимии. Это правда?

Диана: Да, я болела булимией в течение нескольких лет. Это была скрытая болезнь. Ты наносишь удар по себе, потому что твое самоуважение падает, и ты не ощущаешь себя дорогой и любимой. У тебя происходит расстройство желудка по четыре или пять раз в день, иногда больше, и это дает тебе ощущение дискомфорта. Потом тебя раздражает твой раздутый живот, и все по замкнутому кругу. Это все очень разрушает тебя.

BBC: Как часто это было?

Диана: Зависело от давления. Приходя домой, чувствуешь пустоту, потому что в это время была обязана быть с умирающими, больными, испытывающими семейные неурядицы. И ты понимаешь, что можешь почувствовать комфорт, когда его чувствуют другие люди. Ты приходишь домой и по привычке прыгаешь в холодильник. Это симптом, который сопровождал меня во время брака. Я просила о помощи, но давала неправильные сигналы. Люди думали, что булимия — это просто прикрытие. Они сделали вывод: Диана неуравновешенна.

BBC: Вместо того чтобы докопаться до причины.

Диана: Ну да.

BBC: А какова была причина?

Диана: Причиной была ситуация, что мой муж и я все делали вместе, мы не хотели разочаровывать общественность, множество тревог оставалось внутри нашего дома.

BBC: Искали ли Вы поддержки у королевской семьи?

Диана: Нет. Знаете, когда ты болеешь булимией, ты очень пристыжена и ненавидишь себя. Люди думают, что ты — отбросы. Поэтому ты не можешь обсуждать это с людьми.

При булимии твой вес остается стабильным, в то время как при анорексии человек очень худеет, поэтому доказательств не было.

BBC: Когда люди предполагали, что Вы — отходы, кто-нибудь Вас поддерживал?

Диана: Да, народ. Много раз.

BBC: Что же он говорил?

Диана: Что-то типа: «Я надеюсь, что Вы станете отбросами позже». Это тоже было по-своему давление. Я, конечно, хотела бы продержаться.

BBC: Как долго Вы болели?

Диана: Долго. Сейчас я от этого свободна.

BBC: Два или три года?

Диана: М-м-м. Думаю, чуточку больше.

BBC: По сообщениям газет, в этот период Вы испытывали сложности в личной жизни?

Диана: Мы были новобрачной парой, на нас давили СМИ, которые были очарованы всем, что мы делали. Какая бы одежда ни была, что бы я ни говорила, как мои волосы бы ни лежали, то, как мы себя вели, становилось нашей работой — все эти мелочи утомили нас через несколько лет.

BBC: Как общественный интерес повлиял на Ваш брак?

Диана: Это было сложно, особенно для пары, которая занимается одной работой: мы ездим на одной машине, обмениваемся рукопожатиями. Для пары это тяжело, особенно если все внимание сосредоточено на тебе. Мы пытались бороться с этим, но это было невыносимо. Мой муж решил, что нам необходимо разделить наши обязанности. Было очень грустно, потому что я достаточно любила компанию.

BBC: То есть это была не Ваша просьба делать все самостоятельно?

Диана: Совсем нет.

BBC: В биографии принца Уэльского, написанной Джонатаном Димблеби, которая, как Вы знаете, была опубликована в прошлом году, была высказана мысль, что Вы и Ваш муж имели очень разное мировоззрение, разные интересы. Согласны ли Вы с этим?

Диана: Нет. Я считаю, что мы имели много общего: мы оба любили людей, свою страну, детей, работали в раковом диспансере, в хосписах. Но я изображалась СМИ, если я правильно помню, как глупая. Однажды я совершила ошибку, сказав ребенку, что я тупая как бревно. И все заголовки газет земного шара пестрели этой фразой. Я раскаиваюсь, что так сказала.

BBC: Принц описывается в биографии как великий мыслитель, человек с разнообразными интересами. Что он думает о Ваших интересах?

Диана: Я не думаю, что мне было позволительно иметь их. Я всегда было 18-летней девочкой, с которой он обручился, я не имела толчков для роста. Но, к счастью, я росла.

BBC: Поясните, что Вы имеете в виду, когда так говорите.

Диана: Ну...

BBC: Когда Вы говорите, что никогда не имели толчков?

Диана: Когда у меня что-нибудь получалось, никто не говорил: «хорошо сделано» или «все хорошо?». Но когда возникали запинки, а это случалось, потому что для меня были непривычными эти условия, тонна кирпичей опускалась на меня.

BBC: Как же Вы справлялись с этим?

Диана: Понятно, что было много слез, погружение в булимию, бегство.

BBC: Некоторые люди находят, что Вы были настолько одиноки, что не могли справляться с Вашими обязанностями, а описания наво-

дят на мысль, что Ваши отношения с мужем изначально были не очень хорошими?

Диана: Мы испытывали особое давление, мы пытались укрыться, но у нас ничего не вышло.

BBC: Около 1986 года, снова вернемся к биографии Вашего мужа, написанной Джонатаном Димблеби, он говорит, что Ваш муж возобновил отношения с Камиллой Паркер. Вы знали об этом?

Диана: Да, я знала, но ничего не могла с этим поделать.

BBC: Какие доказательства у Вас были насчет того, что его отношения с Камиллой продолжались даже после Вашего брака?

Диана: Женский инстинкт — хорошая штука.

BBC: И все?

Диана: Я просто знала.

BBC: От служебного персонала?

Диана: От людей, кто заботился о нашем браке.

BBC: Какое впечатление это произвело на Вас?

Диана: Опустошение. Неистовая булимия, которую только можно представить, чувство, что все безнадежно, бесполезно и неудачно.

BBC: И с мужем, который имел отношения с кем-то еще?

Диана: Да, и с мужем, который любил еще одну женщину.

BBC: Вы действительно так думали?

Диана: Я не думала так, я знала это.

BBC: Как Вы могли знать?

Диана: Изменилась манера поведения мужа. Больше полагалась на инстинкт. Это было ужасно и становилось все более ужасным.

BBC: А как это отражалось на практике?

Диана: Люди, я имею в виду друзей мужа, представляли меня, как нестабильную, тоскующую и хотели поместить меня в психушку, чтобы я чувствовала себя лучше. Я была в полном замешательстве.

BBC: Вы считаете, что он реально так думал?

Диана: Нет лучшего пути для лишения личности, чем изолировать ее.

BBC: Вы были изолированы?

Диана: Да. Очень сильно.

BBC: Считаете ли Вы, что мисс Паркер была причиной распада Вашего брака?

Диана: В нашем браке нас было трое, а это уже слишком много.

BBC: Вы фактически жили отдельно, хотя в прессе все еще появлялись материалы о счастье королевской пары. Каковы были отношения в королевской семье?

Диана: Я думаю, каждый был озабочен происходящим, потому что мог видеть все сложности, но никто не хотел вмешиваться.

BBC: Допускаете ли Вы возможное сосуществование двух жизней — общественной и личной?

Диана: Нет, потому что СМИ были очень заинтересованы нашей парой. Когда мы ездили за границу, мы брали раздельные комнаты, хотя на одном этаже. Но произошла утечка, и это вызвало разные осложнения. Мы с Чарльзом имели обязанности, это было для нас первостепенно.

BBC: Но, по ощущениям, Вы справились с этими двумя жизнями?

Диана: Мы были хорошей командой для общественности. Несмотря на то что это все отражалось на нашей личной жизни, мы были хорошей командой.

BBC: Некоторые люди считают, что помириться было бы достаточно трудно?

Диана: Это их проблемы. Я знаю, что это возможно.

BBC: Королева описывала 1992 год как «черную полосу» своей жизни, и в том же году была опубликована книга Эндрю Мортона о Вас. Встречались ли Вы с автором или лично помогали ему в написании книги?

Диана: Я никогда с ним не встречалась.

BBC: Вы как-то содействовали в написании книги?

Диана: Многие люди видели, насколько я была разбита в тот момент. И они понимали, что это как-то поможет им достичь того, к чему они стремились.

BBC: Позволяли ли Вы друзьям, своим близким друзьям общаться с Эндрю Мортоном?

Диана: Да, конечно. Да.

BBC: Почему?

Диана: Я была на пределе. Я была в отчаянье. Я сильная личность и знаю, что причины трудностей заключены в мире, где я живу.

BBC: Эта книга могла что-то изменить?

Диана: Я не знаю. Возможно, люди стали бы лучше понимать, возможно, она помогла бы женщинам, страдающим в похожей ситуации, кто не способен подняться, потому что их самоуважение разбито надвое. Я не знаю.

BBC: Какой эффект эта книга произвела на Вашего мужа и королевскую семью?

Диана: Я думаю, они были шокированы и очень разочарованы.

BBC: Вы понимаете, почему?

Диана: Я думаю, эта книга была шоком для многих людей и разочаровала их.

BBC: Какое влияние книга произвела на Ваши отношения с принцем Уэльским?

Диана: Это было скрыто или, как мы считали, скрыто. Затем это вырвалось наружу, начались обсуждения, давление. Вы остаетесь вместе или собираетесь расстаться? И такие слова, как расставание и развод, поднимались в СМИ ежедневно.

BBC: Что случилось после опубликования книги?

Диана: Мы боролись вместе. Мы выполняли наши обязательства совместно. И в нашей личной жизни это вызывало явные беспокойства.

BBC: Разные мысли лезли в голову?

Диана: Да, медленно. Мой муж и я обсуждали это очень спокойно. Мы понимали, что общество нуждается в прояснении ситуации, становящейся невыносимой.

BBC: Так что же случилось?

Диана: Мы пошли к адвокатам вместе. Мы обсуждали расставание. Очевидно, что много людей обсуждало это с нами: премьер-министр, Ее Величество. И затем это пошло само собой, так об этом заговорили.

BBC: В декабре того года, как Вы сказали, Вы были готовы к законному разводу. Каковы были Ваши ощущения?

Диана: Глубокая-глубокая грусть. Потому что мы боролись, но оба иссякли. Я полагаю, что утешением было то, что в итоге мы оба примирились с этой мыслью. Мой муж заговорил о расставании, и я поддержала его.

BBC: Это была не Ваша идея?

Диана: Нет, ничуть. Я выросла в разведенной семье, и я не хотела бы попасть в такую ситуацию снова.

BBC: Что случилось потом?

Диана: Я попросила мужа, чтобы мы сообщили об этом детям, пока они еще не вернулись с рождественских каникул. Будучи в школе, они защищены от преследования прессы.

BBC: Вы рассказали детям, что собираетесь расстаться?

Диана: Да, я объяснила им, что происходит. Они, как и все дети, начали задавать много вопросов. Я надеялась, что смогу их успокоить. Но кто же мог знать об этом?

BBC: Как повлияло это сообщение на них?

Диана: На нас с принцем это оказало огромное воздействие, но на детей оно было еще больше.

BBC: Размолвка случилась в 1993 году. Что случилось за этот период?

Диана: Тема обсуждения неожиданно изменилась. Я была тогда отделившаяся жена принца. Я была проблемой, обузой. Все задавались вопросом: «Что делать с ней?» Этого не происходило раньше.

BBC: Кто задавал эти вопросы?

Диана: Люди вокруг меня, мое окружение и...

BBC: Королевская семья?

Диана: Да. Люди из моего окружения.

BBC: И Вы начали ощущать, что Вы — проблема?

Диана: Да, причем очень сильно.

BBC: Как это выражалось?

Диана: Мои поездки за границу были приостановлены, многие вещи запрещены, пропадали письма и тому подобное.

BBC: Несмотря на то, что Вы интересовались делами, Вас от многого отстранили?

Диана: Да. Многое изменилось, когда я стала отделившейся женой, и жизнь становилась сложной для меня.

BBC: Кто же скрывался за этими переменами?

Диана: Сторона моего мужа.

BBC: Какова была Ваша реакция на то, что имелась запись телефонных разговоров между Вами и мистером Джеймсом Гилбеем?

Диана: Я чувствовала защиту со стороны Джеймса, потому что он был моим хорошим другом. Я не могла вынести, когда его жизнь шла наперекосяк, потому что между нами существовала связь. Это беспокоило меня. Я привыкла защищать своих друзей.

BBC: Вы ссылались на телефонные разговоры?

Диана: Да, конечно.

BBC: Судя по записи, мистер Гилбей выражает свою привязанность к Вам. Как Вы можете это объяснить?

Диана: На мой взгляд, он очень нежный мужчина. Но неправильно бы было читать подтекст разговора как близкие отношения двух взрослых людей.

BBC: Есть ли у Вас предположения, как разговор попал на страницы национальных газет?

Диана: Нет. Но это было сделано для того, чтобы навредить мне.

BBC: Какова цель таких действий?

Диана: Чтобы общество изменило свое отношение ко мне. После расставания у моего мужа было на руках больше карт, чем у меня, — это был большой покер или шахматы.

BBC: Была также серия телефонных разговоров, сделанная Вами в отношении мистера Оливера Хоара. Могли бы Вы рассказать нюансы этих разговоров?

Диана: Я полагаю, что было сделано три сотни телефонных звонков, я помню свой стиль жизни: в то время я была очень занятой дамой. Так что не могу ответить, не могу. Это было мощное действие для того, чтобы опорочить меня в глазах общественности. Это им почти удалось. Я провела свое собственное расследование и установила, кто был тот молодой человек, который мне так много звонил. Это был мистер Хоар.

BBC: Было несколько таких звонков?

Диана: Да.

BBC: Единожды, дважды, трижды?

Диана: Я не знаю. За период от шести до девяти месяцев, но, конечно, это происходило в ненавязчивой манере.

BBC: Неужели вы действительно верите, что кампания проводилась против Вас?

Диана: Да, я абсолютно в этом уверена.

BBC: Почему?

Диана: Я не была женщиной принца, я была проблемой. Нужно было поставить точку на мне. Но как это сделать, если компромата на меня раньше не было?

BBC: Не лучше ли им было тихо Вас выпроводить, а не создавать целую кампанию?

Диана: Я не могла уйти тихо, в этом и была проблема. Я знала, что буду сражаться до конца, потому что верила, что сыграю свою роль и воспитаю двух детей.

BBC: К концу 1993 года Вы страдали от упорных домогательств со стороны прессы — Ваши телефонные разговоры были опубликованы — и Вы решили отказаться от общественной жизни. Почему Вы решили так поступить?

Диана: Давление было невыносимым. Моя работа, вся моя деятельность были задеты. Я хотела на 100% отдаваться работе. Но могла только на 50%. Я была постоянно изнуренной и усталой, потому что было давление. Это было жестоко. Я приняла решение, что нужно выступить с речью и удалиться, пока я не начну во всем разочаровываться и не выполнять мою работу. Это было мое решение выступить с речью, потому что я должна была публично заявить, чтобы все знали: «Спасибо. Я исчезну на некоторое время, но я вернусь».

BBC: Вскоре Вы вернулись.

Диана: Я не знаю. Я делала много работы в тени, без надзора со стороны СМИ, я никогда не останавливалась. И мое возвращение стало сюрпризом для тех, кто стал причиной моего горя. Они этого не ожидали. Я верю в то, что ты всегда можешь сбить с толку своих врагов.

BBC: Кто эти враги?

Диана: Окружение моего мужа, потому что я была более знаменита, больше работы выполняла, была более обсуждаема, чем он. Из этого все и вытекает. Я делала хорошие вещи, я хотела творить добро. Я никогда никого не ненавидела, не позволяла упасть.

BBC: Вы действительно считаете, что ревность подорвала Вас?

Диана: Скорее страх, когда сильная женщина делает свое дело, где закончится ее сила?

BBC: Какова была Ваша реакция на откровение мужа Джонатану Димблебу, фактически об измене?

Диана: Я абсолютно не подозревала о содержании книги. Когда я узнала, то первой реакцией стало беспокойство за детей, потому что они были способны понимать, что происходит. И мне хотелось защитить их. Я была опустошена, но затем я восхитилась честностью, потому что она многое значит.

BBC: В смысле?

Диана: Честность насчет отношений с кем-то еще.

BBC: Как Вы урегулировали эту ситуацию с детьми?

Диана: Я поехала в школу за Вильямом. В тот момент я поняла, насколько важно, то, что если ты находишь того, кто любит тебя, ты должен крепко за него держаться. Для счастья достаточно найти человека и затем защитить. Вильям начал задавать вопросы, которых я ожидала. Он спросил о причине нашего расставания. Я сказала, что в браке нас было трое, также давление со стороны прессы — другой фактор. Вместе они образовали мощную силу.

BBC: Какой эффект произвело это сообщение на принца Вильяма?

Диана: Он ребенок, который глубоко мыслит, он переживал. Я попыталась отдать ему всю свою ласку без чувства обиды и гнева.

BBC: Обернитесь назад. Берете ли Вы на себя всю ответственность за сложности Вашей семейной жизни?

Диана: М-м-м. Я не могу взять полную ответственность. Я беру только половину, несмотря на то, хотела бы больше или нет, потому что в семейной жизни все делают два человека.

BBC: Но Вы несете на себе некоторую часть ответственности?

Диана: Конечно. Мы оба делали ошибки.

BBC: Другая книга, недавно вышедшая, мистера Джеймса Хевитта, в которой он заявил об очень близких с Вами отношениях, начиная с 1989 года. Какова природа этих отношений?

Диана: Мы были хорошими друзьями в тяжелые времена. Он всегда поддерживал меня. И я абсолютно опустошена после выхода этой книги, потому что я верила ему и потому что я снова беспокоилась за реакцию моих детей. И большинство доказательств в этой книге пришли из какого-то другого мира, этого не могло произойти в реальности.

BBC: Что Вы имеете в виду?

Диана: Очень много фантазии, и это очень расстроило меня как его друга; тот, кому я верила, сделал на мне деньги. И за десять дней до появления книг на прилавках он позвонил мне и сказал, что лжи там не будет. Я, глупая, верила ему. После выхода первым делом я стремилась поговорить с детьми. Вильям сказал мне: «Мама, я думаю, это тебя так задело. Но ты все равно улыбаешься». Так что...

BBC: Ваши близкие отношения были свыше тесной дружбы?

Диана: Да. Конечно.

BBC: Вы были преданной?

Диана: Да, я обожала его. Я любила его, но оказалась обманутой.

BBC: Как бы Вы могли описать свою теперешнюю жизнь? Вы полагаетесь только на себя, не так ли?

Диана: Да, как это ни удивительно. Люди считают, что рядом с женщиной всегда должен находиться мужчина. На самом деле, выполненная работа приносит мне больше удовольствия. (*Смеется.*)

BBC: Что Вы имеете в виду?

Диана: Если бы у меня появился мужчина, мы были бы незамедлительно обсуждаемы прессой. И жизнь превратилась бы в ад.

BBC: Чувствуете ли Вы, что для отдыха Вам нужно побыть наедине с собой?

Диана: Нет, не обязательно.У меня прекрасные друзья, мои мальчики, моя работа. В принципе, живя в Кенсингтонском дворце, ты уже немного изолирована.

BBC: Что Вы можете сказать об отношении прессы к Вам сейчас?

Диана: На сегодняшний день интерес прессы обескураживающий, феноменальный для меня, так как я не люблю быть в центре внимания. Когда я выезжаю на общественные работы, я понимаю, что, взяв машину, я буду поймана фотографами. Но сейчас меня фотографируют, когда я просто выхожу из парадного входа. Я никогда не знаю, где могут оказаться объективы. Для меня уже норма, что за мной следует четверка машин, и когда я возвращаюсь в автомобиль, вокруг меня прыгают фотографы. Журналисты решили, что я продукт, я хорошо продаюсь. Они окликают меня: «О, Диана, посмотри вот сюда. Если ты позволишь сделать фотографию, я смогу отдать своих детей в хорошую школу». Вы, может, отшутитесь. Но когда это происходит все время, это достаточно трудно.

BBC: Некоторые люди склонны считать, что поначалу Вам нравился интерес со стороны прессы: Вы танцевали с такими людьми, как Уэйн Слип, Вы выглядели радостной и имели хорошие и теплые взаимоотношения. Считаете ли Вы, что чем-то обязаны прессе?

Диана: Я никогда не одобряла массмедиа. Это были отношения, которые раньше работали, но сейчас я не могу себе этого позволить, потому что это становится жестоким и оскорбительным. Я не хотела бы вызывать жалость к себе. Я не такая. Я понимаю, это их работа. За все ситуации тебе все равно придется расплачиваться, потому что будешь раскритикована. Я свободная личность, к сожалению, для многих.

BBC: А здесь, в Кенсингтонском дворце, Вы изолированы?

Диана: Вообще я нахожусь в среде согласно своему положению. И я ни о чем не жалею. Я выполняю работу, которую выбрала, у меня дети, есть планы на будущее — хочу посетить Аргентину и продолжить ее партнерские отношения с нашей страной.

BBC: В какой роли Вы видите себя в будущем?

Диана: Я хочу быть послом и представлять свою страну за границей. Что касается медийного интереса, я не хочу сидеть в стране и быть побитой ими.

BBC: Вы сказали, что видите свое будущее в качестве посла. Это чье-то пожелание или только Ваше личное решение?

Диана: Я занимала привилегированное положение в течение пятнадцати лет. Это позволило узнать многое о людях и о том, как нужно

общаться. Я изучала это, я поняла это и хочу применить это. Я наблюдала за жизнью людей и поняла, что серьезнейшие болезни нашего общества заключаются в отсутствии любви. И я знаю, что могу дарить любовь каждую минуту, полчаса, в течение дня, месяца. Я могу, и я счастлива, что делаю, это и я хочу делать это.

BBC: Считаете ли Вы, что британцы удовлетворены Вашим выполнением своей миссии?

Диана: Я думаю, что британцы нуждаются в государственном человеке, с которым установлено чувство близости, который чувствует их важность, поддерживает их, помогает найти свет в темном туннеле. Я вижу в этом единственно возможную роль.

BBC: Вы считаете, у Вас получается?

Диана: Я знаю, что да.

BBC: До вашего прихода в королевскую семью монархия была в сердце жизни Британии. Не кажется ли Вам, что Вы виноваты в том, что стали поговаривать о монархии как о пережитке?

Диана: Я не чувствую себя виноватой. Пару раз я слышала от людей: «Диана разрушает монархию». Эти слова привели меня в замешательство: почему я должна разрушать то, что обеспечит дальнейшую жизнь моим детям. Но я не хочу рассуждать о том, как люди дискутируют о монархии.

BBC: В смысле?

Диана: Людей это не заботит. Им хватает семейных проблем и другой всякой всячины.

BBC: Считаете ли Вы, что монархия нуждается в изменении, и способна ли она уцелеть?

Диана: Я понимаю, что какая-либо перемена пугает людей, особенно если они мало в этом разбираются. Они предпочитают оставаться там, где сейчас находятся. Я понимаю это. Но я думаю, есть некоторые вещи, которые усложняли отношения между монархией и народом, которые могут быть изменены. Я думаю, они смогут пойти рука об руку, преодолев разрозненность.

BBC: Пытались ли Вы совершить что-либо для такого рода изменений?

Диана: С Вильямом и Гарри, например, я разрабатывала проекты для бездомных. Я брала своих детей к больным СПИДом, хотя я и рассказывала им, что это беда, я хотела, чтобы мои дети бывали в тех сферах, где никто из нашего окружения раньше не был. У них есть знания, которые, возможно, они никогда не используют, но они приобрели их. Я надеюсь, что они будут расти, потому что знания — это сила.

BBC: Как может все это влиять на Ваших детей?

Диана: Я хочу, чтобы они понимали людские волнения, уязвимость, нужду, надежды и мечты людей.

BBC: Какой вид монархии Вы можете назвать?

Диана: Я хочу видеть монархию, которая находится в контакте с людьми. Но мне бы не хотелось критиковать существующее устройство. Я просто хочу сказать то, что я вижу, слышу и чувствую ежедневно, выполняя свой долг, и что соотносится с моим личным выбором.

BBC: Сейчас достаточно много говорится об отношениях между Вами и принцем Чарльзом. Вы бы поддержали развод? Каковы Ваши мысли по этому поводу?

Диана: Я не хочу разводиться. Мы нуждаемся в прояснении ситуации, по поводу которой ведутся ожесточенные дискуссии в течение трех последних лет.

BBC: Если он решит развестись, Вы согласитесь?

Диана: Мы бы с ним это обсудили, до сих пор никто из нас не обсуждал этот вопрос.

BBC: Это было бы не Ваше решение?

Диана: Нет, не мое.

BBC: Почему? Разве это бы не решило Ваших проблем?

Диана: Почему это должно решить мои проблемы?

BBC: Это решило бы обсуждаемые общественностью проблемы, то, что Вас непосредственно коснулось?

Диана: Да, но как насчет детей? Наши мальчики — вот самое главное, не так ли?

BBC: Думали ли Вы когда-нибудь стать королевой?

Диана: Нет, не думала.

BBC: Почему?

Диана: Я бы хотела быть королевой людских сердец, в людских сердцах. Но я не вижу себя в роли королевы своей страны. Я не думаю, что многие люди хотели бы видеть меня на этом посту. В реальности, когда я говорю «многие люди», я имею в виду то правящее общество, в которое я вошла, потому что они считают меня неудачницей.

BBC: Почему Вы так решили?

Диана: Потому что я делаю разные вещи, я не иду по написанному, потому что мыслю сердцем, а не головой, из-за этого возникают неприятности на работе. Я понимаю это. Но кто-то должен любить людей и помогать им.

BBC: Неужели Вы думаете, что Ваши действия помешали бы Вам стать королевой?

Диана: Я бы так не сказала. Я даже не представляла, что имею столько сторонников в этой среде.

BBC: Вы имеете в виду в пределах королевской семьи?

Диана: Они смотрят на меня как на своеобразную угрозу. Я здесь, чтобы делать добро: я не разрушитель.

BBC: Почему они смотрят на Вас как на угрозу?

Диана: Я думаю, любая сильная женщина в истории проходила через подобное. Причиной является замешательство и страх. В чем ее сила? Откуда она ее черпает? Почему народ ее поддерживает?

BBC: Считаете ли Вы, что принц будет королем?

Диана: Я не думаю, что кто-либо смог бы ответить на этот вопрос. Но, очевидно, что этот вопрос у каждого в голове. Но кто знает, кто знает, как распорядится судьба, кто знает, как сложатся обстоятельства.

BBC: Но Вы же знаете его лучше всех. Как Вы считаете, он мечтает стать королем?

Диана: Это всегда очень острый вопрос, когда мы его обсуждаем. Это очень ответственная роль — быть принцем, но равно больше быть королем. Когда ты принц, ты имеешь больше свободы, будучи королем, ты немного задушен. И зная его, зная, каким ограничениям он подвергнется, не уверена, сможет ли он вжиться в эту роль.

BBC: Не считаете ли Вы, что в свете Ваших семейных проблем престол перейдет непосредственно в руки принца Вильяма?

Диана: Как вы можете видеть, Вильям еще очень молод на данный момент. Стоит ли обременять его этим? Так что я не могу ответить на этот вопрос.

BBC: Вы больше бы хотели видеть принца Вильяма, чем принца Чарльза, на королевском престоле?

Диана: Моя мечта, чтобы мой муж образумился, и из этого уже последует все остальное, да.

BBC: Почему Вы решили дать интервью сейчас? Почему Вы решили заговорить?

Диана: Потому что в этом декабре будет три года, как мы расстались. Эти последние три года запутали и обеспокоили меня, и я уверена, что многие-многие люди не доверяют мне. Я хочу убедить всех тех людей, которые любили и поддерживали меня на протяжении последних пятнадцати лет, что я никогда не позволю им погибнуть. Это главное для меня, вместе с моими детьми.

BBC: И Вы считаете, что Вы сможете убедить людей?

Диана: Для меня имеет значение просто человек на улице, средний класс. Он важнее всего.

BBC: Некоторые люди растолкуют Ваше выступление просто как удобную возможность вернуть мужа.

Диана: Сидя здесь, я не ощущаю обиды: я сижу здесь с печалью, что мой брак не сработал. Я нахожусь здесь, потому что надеюсь на будущее, на будущее для мужа, для себя, для всей монархии.

BBC: Спасибо, Ваше Высочество.

Перевод *Ирины Багаевой*

ПРИНЦЕССА И МОНАХИНЯ

Диана и мать Тереза связаны не только в жизни, но и в смерти

В этой истории:
— Ошеломляющая действительность
— Внутренняя незащищенность
— Жизнь в деятельности
— Власть, слава, богатство
— Верное следование цели

Джон Кристенсен, CNN
31 августа 1998 г.

(CNN) Во второй половине дня 18 июня 1997 года Диана, принцесса Уэльская, встретилась в Нью-Йорке с матерью Терезой, калькуттской монахиней, известной как «святая с улицы», лауреатом Нобелевской премии мира 1979 года.

Они встретились не в люксе фешенебельного отеля, как и подобает известным людям, и не в Организации Объединенных Наций, что соответствовало бы их статусу.

Они встретились, напротив, в мрачном кирпичном здании в восточной части 145-й улицы, в бедствующей области района Бронкс, известной как Мотт Хавен. Здание, окруженное забором из колючей проволоки, является Домом Милосердия миссионерки матери Терезы.

Принцесса и сестра встречались и раньше, связанные общим интересом помощи обездоленным. «Она очень интересовалась бедными, — говорила мать Тереза. — Вот почему она была близка мне по духу».

В тот день они держались за руки — полная энергии Диана, в дорогом белом костюме, и монахиня, крошечная и высохшая, выглядевшая немощной и хилой в своем белом сари с голубой отделкой за один доллар.

Ослепленные вспышками фотоаппаратов, под наблюдением монахинь, полицейских и просто обыкновенных прохожих, они пожали друг другу руки, а затем мать Тереза сложила ладони в знак уважения, как принято на Востоке, и выразила ряд искренних пожеланий принцессе.

Диана обняла ее, а затем направилась в сторону лимузина. На секунду остановившись, она помахала рукой, дабы фотоаппараты успели запечатлеть ее сияющую улыбку.

Ошеломляющая действительность

Два месяца спустя судьба вновь устроила им встречу.

В воскресенье, 31 августа, принцесса Диана скончалась от многочисленных травм, которые она получила в автомобильной катастрофе в

Париже. Спустя пять дней мать Тереза умерла от остановки сердца в Калькутте, Индия.

Редко в столь короткий срок гибнут двое известных и к тому же хорошо знающих друг друга людей.

Обеим женщинам устроили торжественные похороны, дабы все желающие пришли проводить их в последний путь. Похороны Дианы в Лондоне, транслируемые каналами всего мира, выглядели как международный день траура.

Похороны матери Терезы передавало и местное, и международное телевидение. Многие, прорываясь сквозь миллионную толпу, стремились прикоснуться к святой.

Мать Тереза прожила 87 лет долгой и чрезвычайно плодотворной жизни. Диане, однако, было всего 36. Ее смерть является не только преждевременной, но и трагической, насильственной. Двум своим молодым сыновьям она оставила глубокое чувство потери.

Как выразился премьер-министр Тони Блэр, она была «народной принцессой», в некотором смысле даже государственной собственностью, поскольку женой принца Чарльза и, соответственно, принцессой Диана стала в 19 лет.

Внутренняя незащищенность

Поистине сказочная свадьба уступила место жестокой действительности, проявившейся в неблагополучии королевской семьи. Это была наиболее захватывающая британская мыльная опера, в которой принц был совершенно пленен другой женщиной и, очевидно, от Дианы требовал лишь предоставления ему наследников.

Диана, и сама повинная в супружеской неверности, стала инициатором королевского развода и всячески акцентировала внимание на своей болезни, что сделалось пищей для таблоидов.

В свои годы Диана представлялась больше наивной, нежели опытной женщиной, чья ослепительная улыбка не могла скрыть печаль в глазах и внутреннюю незащищенность.

Даже в простом платье она производила потрясающий эффект. Но Диана казалась застенчивой, неуверенной в себе и была бы бесконечно признательна человеку, который смог бы направлять ее в жизни.

Ее роман с миллиардером Доди Файедом оказался настолько бурным и ошеломляющим, что таблоиды с воодушевлением цеплялись за каждый грешок принцессы. Наиболее примечательно фото Дианы, сделанное во время ее отдыха на яхте с Файедом. С бретелькой купальника, неприлично съехавшей вниз, Диана выглядит на фотографии скорее как звезда кино, нежели как мать будущего короля Англии.

Жизнь в деятельности

Ее собственная вина во всем случившемся, возможно, гораздо меньше, чем это можно представить. Сразу по окончании школы вступив в брак, Диана была лишена юности, возможности чего-то желать, к чему-то стремиться.

В любви она испытывала одни мучения, стремясь лишь к одобрению окружающих.

Камеры наблюдения в гостинице, где Диана и Файед ужинали в ту роковую ночь, зафиксировали их в тот момент, когда они ждали машину, которая и привела их к смерти. На этих кадрах они выглядят не как взрослые люди, но как подростки, возвращающиеся домой с танцев.

Если бы Диана была жива, она, возможно, так никогда и не нашла бы смысла в своей жизни. Миллионы людей сочувствовали ей и поддерживали ее, и вполне возможно, что смерть ее столь возмутительна, потому что жизнь ее была столь плодотворна и деятельна.

Ирония пересечения ее судьбы с судьбой матери Терезы состоит в том, что, когда монахине было 36 лет, то есть столько же, сколько было перед смертью Диане, она осознала свое истинное призвание.

Тереза стала преподавать в католическом Калькуттском монастыре в 18 лет, но именно в то время, когда она направлялась поездом в гималайский район Дарджилинг, только тогда, по ее словам, Бог приказал ей посвятить свою жизнь «беднейшим из бедных».

Власть, слава, богатство

Со своей первой миссией она отправилась в один из самых населенных кварталов Калькутты, и в течение следующих пятидесяти лет мать Тереза работала с бедными, больными, бездомными и беспомощными.

За ее искреннее рвение папа Павел VI подарил ей белый «линкольн континенталь», но она продала его с аукциона и использовала эти деньги для создания колонии для прокаженных. В другой раз мать Тереза убедила ливанских боевиков и израильские войска прекратить стрельбу, дабы она могла эвакуировать 37 детей, находившихся в госпитале Бейрута.

Будучи невестой Христа, мать Тереза отрицала власть, славу и богатство, тем не менее она сделалась мощной, знаменитой и накопила достаточно средств для поддержки международной организации 4000 рабочих.

Но и она не избежала критики в свой адрес. В 1994 году Британское телевидение осудило ее за принятие пожертвований и за жесткую позицию в отношении абортов и разводов. Мать Тереза не обратила внимания на это.

«Неважно, кто говорит и что говорит, — сказала она, — вы должны принять это с улыбкой и продолжать делать свое дело».

Мать Тереза заслужила похвалу. Однако, узнав, что она удостоена Нобелевской премии мира, она сказала: «Я недостойна».

Верное следование цели

Мать Тереза была обыкновенной женщиной, руководствовавшейся высшей целью, побуждавшей ее к состраданию более чем в ста странах.

И по прошествии года после смерти принцессы и монахини Диану помнят за ее нежную доброту, словно доказывающую несправедливость жизни. Но у нее была возможность узнать о том, что это не совсем так. Ибо в матери Терезе принцесса Диана встретила женщину, которая вступила на мировую арену не через рождение, брак или связь, но через плоды собственных решительных усилий.

Мать Тереза не искала одобрения или восхищения, а, скорее, смиренно выполняла свое призвание. В этом процессе она нашла себя.

Диана стремилась привлечь к себе внимание... и затем стремилась избавиться от него

(CNN) Принцесса Диана стремилась укрепить свой авторитет после развода с Чарльзом, который завершился 28 августа 1996 года.

Лишившись престижного звания «Ее Королевское Высочество», Диана, тем не менее, добилась того, что газета «Вашингтон Пост» назвала ее «великодушным монархом».

Диана посетила множество стран, в том числе Боснию и Анголу, с миссией по избавлению мира от противопехотных мин и участвовала в передаче пожертвований организациям помощи больным СПИДом, а также благотворительным учреждениям для детей.

Однажды она сказала, что хочет быть своего рода послом, «королевой людских сердец», и премьер-министр Тони Блэр заметил, что она должна продолжать творить свои добрые дела, тем самым она «заслуживает безмерного уважения и восхищения».

Население гораздо охотнее наделило бы королевской властью Диану, нежели тех, кто до сих пор занимает Виндзор, — людей, как представляется, больше озабоченных своими проблемами, нежели проблемами своего народа. Опрос общественного мнения, проведенный в Лондоне в начале 1997 года, показал, что только 21% опрошенных считает, что королевская семья «заботится о людях, которые действительно в этом нуждаются».

Словно желая подчеркнуть свою независимость и свой новый имидж, Диана устроила аукцион «Кристи», на котором были выставлены 79 платьев, приобретенных ею в течение пятнадцати лет, когда она была полноправным членом королевской семьи. Все доходы от июньского аукциона пошли на благотворительность.

«Эти платья действительно не вписываются в образ жизни, который она ведет теперь, — сказал Мередит Этерингтон-Смит, маркетинговый директор "Кристи". — Она оставила прошлое там, где ему и место, — в прошлом».

Что касается ее личной жизни, всемирно известная женщина, по-видимому, держала посягателей на ее сердце на безопасном расстоянии до тех пор, пока она не сблизилась с Доди Файедом, миллионером, с которым она погибла в парижской автокатастрофе.

Их отношения наконец-то сделались достоянием общественности. Пресса получила возможность запечатлеть возлюбленных в моменты их нежности и страсти. Их последний день был полон романтики — ужин в ресторане отеля «Ритц», который принадлежит отцу Файеда, а затем и ночь в частной вилле на берегу Сены.

Но пара так и не добралась туда, и мечта Дианы о тихом уик-энде в Париже со своим возлюбленным закончилась трагедией.

Непримиримые противоречия: королевский развод

(CNN) В июле 1996 года, меньше чем за три недели до пятнадцатой годовщины свадьбы, принц Чарльз и принцесса Диана официально объявили о планах по расторжению их брака.

К этому времени их семейная жизнь, так сказочно начинавшаяся, превратилась в бульварное зрелище, с участием принца и принцессы, являющих пример супружеской неверности.

Многие говорили, что брак был обречен с самого начала. Пара зачастую рассматривалась как совершенно несовместимая: Чарльз — аристократ, интеллектуал, увлекающийся лошадьми, архитектурой и садоводством. Диана же любила поп-музыку, маскарадные костюмы и сплетни.

Однако различие жизненных интересов вовсе не является оправданием для близких отношений Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз, которую он назвал в 1986 году «любовью всей его жизни». К концу 80-х годов проблемы личной жизни королевской четы стали достоянием гласности — напряжение в их отношениях, которое они старались скрыть, вырвалось наружу.

В 1992 году британский «королевский биограф» Эндрю Мортон опубликовал книгу под названием «Диана: ее правдивая история», где говорится о том, что Диана страдала приступами депрессии, булимии и даже совершала попытки самоубийства, в то время как ее жизнь была охарактеризована как «роскошное одиночество».

Книга, которая была официально разрешена, и, как говорят, написана даже в соавторстве с Дианой, нанесла оскорбление Чарльзу и его матери, королеве Елизавете. В результате взаимных антипатий в декабре 1992 года пара подала на развод.

Одинокая и преследуемая вездесущей бульварной прессой, Диана все же стремилась укрепить после развода свой авторитет.

В ноябре 1993 года она поразила журналистов, когда на лондонском благотворительном мероприятии выступила с неожиданным заявлени-

ем. «Леди и джентльмены, — сказала она, — я должна была бы склоняться над уборной большую часть дня. Я должна была бы покинуть это место в сопровождении врачей. Но с вами мне хорошо. Я думаю, мой нервный срыв подождет».

В 1995 году Диана в интервью BBC рассказала об одолевающей ее булимии, призналась в своей измене мужу и обвинила королевскую семью в равнодушии и невнимании. Для королевы Елизаветы это ее заявление стало верхом неуважения. Она потребовала, чтобы ее сын немедленно получил развод.

В июле 1996 года Диана получила развод ценою отказа от права на звание «Ее Королевское Высочество» и возможность стать королевой Англии. В свою очередь, она получила единовременную выплату в сумме более 20 млн долларов наличными и еще 600 тыс. долларов в год на содержание ее частного офиса, а также полноправный доступ к своим детям, принцу Уильяму и принцу Гарри.

На какие бы только соглашения не пошла Диана ради того, чтобы ее жизнь принадлежала ей одной — вдали от фото- и видеокамер навязчивой прессы.

Перевод *Марии Шубиной*

20 САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ МИРА

Газета *Financial Times*, 19 мая 2006 года

Кто самый влиятельный журналист в Китае? Или самый известный голос в Иране? Или в Британии? Зарубежные корреспонденты *Financial Times* предлагают вам в качестве своих ответов на эти вопросы список из двадцати наиболее авторитетных и влиятельных журналистов мира.

АВСТРАЛИЯ — *Алан Джонс*

Пол Китинг, лейборист, бывший премьер-министр Австралии, однажды назвал Алана Джонса, консервативного радиоведущего, разносчиком «умеренного фашизма». На таких оскорблениях построена жизнь Джонса, он все выдерживает. Теперь ни у кого нет сомнений в том, что Алан Джонс — король прямого эфира в Сиднее, самом большом городе Австралии.

Премьер-министр Джон Говард часто выступал в утренних шоу радиоведущего «2GB», как и его соотечественники, которые считают Алана Джонса слишком влиятельным, чтобы проигнорировать его приглашение. В 2001 году тогдашний премьер-министр Нового Южного Уэльса Боб Карр (еще один частый гость Джонса) уволил министра полиции Пола Уэлана, который заявлял, что Алан Джонс ведет враждебную кампанию против полиции.

Бывший австралийский тренер по регби, Джонс был привлечен в «2GB» конкурирующей станцией в 2002 году ежегодной зарплатой в размере 4 миллионов австралийских долларов плюс 20% ставки на радиостанции.

Зачастую противоречивая, его открытая материальная поддержка австралийских компаний привела к тому, что администраторы вещания стали следить за его действиями. Возможно, он предлагал деньги за нужный комментарий и теперь обязан раскрыть детали всех финансовых сделок. Его также критиковала Независимая антикоррупционная комиссия Нового Южного Уэльса, он был оштрафован за неуважение к суду и преследуем за клевету.

В 2004 году в честь дня рождения королевы Джонс был награжден званием Офицера Ордена Австралии за заслуги в СМИ и спорте.

Лэчлэн Колкухаун, Сидней

БРАЗИЛИЯ — *Элио Гаспари*

В Бразилии работает много влиятельных обозревателей, но ни у кого нет такого диапазона и глубины, как у Элио Гаспари. Публикуемый в оппозиционной газете *Folha de Sa˜o Paulo* и в проправительственной *O Globo* в Рио-де-Жанейро, Гаспари — независимый автор, чье энциклопедическое знание Бразилии добавляет солидности в его политические комментарии.

Его четырехтомная (скоро выйдет пятый том) история двадцатилетней военной диктатуры в Бразилии — бестселлер. Его колонки в газетах нашпигованы историческими ссылками. Последние недели Гаспари был ярым критиком левого правительства президента Луиса Инасиу Лула да Силвы и особенно его внешней политики. Но Гаспари одинаково критикует и экономическую элиту Бразилии, и главные оппозиционные партии. Часто он поднимает вопросы местного значения, например, проблемы системы общественного транспорта Сан-Паулу.

«Он не только очень внимательный и проницательный человек, но также имеет реальное влияние изменить принятое решение», — говорит Фабио Сантос, редактор ежемесячного журнала *Primeira Leitura*.

Вторая после Гаспари — Мириам Лэитао, обозреватель *O Globo*, чью утреннюю телевизионную программу «Bom Dia, Brasil» каждый день смотрят миллионы людей. Лэитао была пытливым левым репортером, пока ее истолкование ортодоксальных принципов экономической политики Бразилии и защита выгоды экономической стабильности не сделали ее видным деятелем.

Ричард Лэппер, латиноамериканский радактор

КАНАДА — *Маргарет Венте*

Известные газеты Канады варьируются от *The Globe* и *Mail's Jeffrey Simpson*, которая трезво анализировала политику Оттавы в течение прошлых двадцати лет, до *The National Post's Terence Corcoran*, неутомимой защитницы свободного рынка. Даже принадлежащая государству канадская радиовещательная корпорация смешивает новости и мнения: говорливый уроженец Ньюфаундленда Рекс Мерфи предложил комментировать показываемую в прайм-тайм информационную программу.

Но в проницательных наблюдениях относительно каждодневных проблем, анализируемых с чувством юмора и здравым смыслом, трудно соревноваться с Маргарет Венте, журналисткой *The Globe*.

Венте — бывший бизнес-редактор, которая не скрывает того факта, что ей уже за пятьдесят. Она использовала свой имплантант бедра в качестве аргумента в своей критике напряженной здравоохранительной системы Канады.

В крайне политкорректной стране Маргарет Венте — глоток свежего воздуха. «Я — мультикультурист в какой-то степени. Паранджа, тюрбаны не беспокоят меня вообще. Но моя непредвзятая терпимость по-

кидает меня, когда я вижу полностью одетых в паранджу женщин. В каждой культуре, где это является нормой, угнетаются женщины. Я должна быть более терпимой? Или действительно я должна думать, что женщины в чадрах (а главное, мужчины, которые идут в четырех шагах от них) должны приспособиться к нам?»

Бернард Симон, Торонто

ЧИЛИ — *Хермодженес Перес де Арке*

Самый видный защитник опозоренного бывшего диктатора Аугусто Пиночета, Хермодженес Перес де Арке — пережиток старины в новой демократической стране Чили. Но до сих пор он является самым читаемым обозревателем в стране.

«Многие люди могут ненавидеть его, но все читают то, что он пишет, — говорит Марта Лагос, директор *Latinobarometro*, комиссии по вопросам общественного мнения, находящейся в Сантьяго. — Он имеет давнишнее влияние».

Преданная защита Переса де Арке Пиночету и репрессивному режиму 1970–1980-х годов обеспечивает опорные точки против демократической господствующей системы. Его остроумные колонки в *El Mercurio* были бестселлером прошлого года в Сантьяго.

Горстка других обозревателей, включая Карлоса Пену (который тоже пишет для *El Mercurio*), отражает взгляды среднего уровня. Ни один обозреватель, возможно, так широко не прочитан и не известен, как Перес де Арке, но Чили меняется. *Clinic*, левофланговый сатирический еженедельник, созданный после ареста Пиночета в Лондоне семь лет назад, является одним из самых читаемых еженедельников в стране.

Ричард Лэппер, латиноамериканский редактор

КИТАЙ — *Ху Шули*

Ху Шули — деловой обозреватель. Как редактор процветающего пекинского журнала *Caijing* она обличала бухгалтерское мошенничество, экологические проблемы и проблему контроля Коммунистической партией персонала ведущих государственных предприятий. Один видный банкир назвал ее «Скандальная леди» из чувства страха и восхищения. 53-летняя бывшая журналистка *Worker* использует свою выходящую два раза в неделю колонку для давления на правительство с целью добиться рыночной реформы. Всем успешным экономическим реформам Китая с 1978 года можно подвести итог в одном простом заявлении: «Уменьшите прямое вмешательство правительства и увеличьте господство рынка, — писала она недавно, — нападая на государственные манипуляции в сфере недвижимости. — Управляемый прибылью местный орган власти не может гарантировать устойчивое развитие сектора; вместо этого он становится сообщником, увеличивающим жилищные цены».

Другой влиятельный обозреватель — Чжу Донгли, исследователь в Институте марксизма, подрабатывает в журнале *Phoenix Weekly*. Он считает, что демократия является неправильным для Китая режимом из-за ограниченных ресурсов страны. «С ограниченными ресурсами вы нуждаетесь в объединенном планировании под контролем централизованной власти», — недавно написал он. Любой, кто все еще верит Интернету, неизбежно демократизирует Китай, мог бы отметить, что статья Чжу была хитом, которая обсуждалась в 700 чатах.

Ричард МакГрегор, Пекин

ЕГИПЕТ — *Мохаммед Хассанеин Хеикал*

Еще ни один политический комментатор в арабском мире никогда не приближался к культовому статусу, которым обладает Мохаммед Хассанеин Хеикал, египетский автор и бывший главный редактор газеты *Al-Ahram*.

В свои 83 года Хеикал, возможно, не имеет уже большого влияния на правительство, но он остается единственным политологом, который интересен арабским телезрителям. Карьера Хеикала охватывает больше чем шестьдесят лет, включая два десятилетия, в которые он имел огромное влияние как доверенное лицо президента Джамаля Абделя Нассера.

Сейчас он ведет ряд программ на телеканале «Аль-Джазира». В одной из телепередач он говорил о недостотаточном влиянии арабского мира в международной политике. Он описал это как «сделку с дьяволом», заключенную лидерами регионов в начале 1970-х, когда правительства разных стран, включая Египет, укрепляли связи с США за счет арабской солидарности.

Связь Хеикала с политической властью была потеряна в середине 1970-х. Однако его энциклопедические знания региональной и международной политики означают, что он остается уважаемой фигурой.

Хеба Салех, Каир

ФРАНЦИЯ — *Николя Бэверез*

Доминик де Вильпен, премьер-министр Франции, ввел термин для таких людей, как Николя Бэверез, *declinologues* — с тех пор, как в 2003 году 45-летний историк и эссеист опубликовал в *La France Qui Tombe* статью об упадке Франции. В книгах, эссе и газетных колонках Бэверез утверждает, что политические учреждения Франции дисфункциональны, что ее экономика находится в беспорядке и глобальное влияние исчезает.

«Кризис не является только экономическим, это кризис интеллектуальный, моральный, даже духовный, потому что он глубоко затрагивает идентичность, ценности и историческую судьбу Франции», — пишет он. Его взгляды — предмет жарких обсуждений.

«Есть журналисты и определенное число мыслителей — Бэверез среди них — кто сделал клевету на Францию источником своих доходов, —

возмущается один министр. — Все, что они делают, скандально». Но Бэверез не соглашается. Выдвигая на первый план «правду» о том, как далеко Франция отстала от остальной части мира, он подготавливает почву для радикального изменения, воплощенного Николя Саркози, ведущим правым претендентом на президентство, который призывал к разрыву «с неудавшейся политикой прошлого».

Джон Торнхилл, Париж

ГЕРМАНИЯ — *Ганс-Ульрих Йоргес*

Ганс-Ульрих Йоргес — некто вроде жулика в вежливом мире немецких комментаторов.

Его конкуренты могут получить свою власть от близости к лицам, принимающим решения, но заместитель редактора и главный комментатор *Stern* гордится тем, что среди его друзей нет политиков.

Его колонка в *Zwischenruf* политически консервативна с социальным отклонением, но все же довольна юмористична. Йоргес — самый читаемый обозреватель *Zeitgeist*.

В прошлогодние выборы он предсказал не только поражение канцлера Герхарда Шредера, но и его последующее отчуждение от социал-демократической партии.

«Мы хотим видеть больше, чем «небольшие шаги, тактическая игра и недолгие компромиссы, — говорит он. — Кто бы как это ни называл, скучная, трусливая политика самого малочисленного общего знаменателя могла быть неправильной».

Но, по крайней мере, его нельзя обвинить в том, что он унылый.

Бертранд Бенойт, Берлин

ИНДИЯ — *Томас Фридман*

В стране с дюжиной англоязычных газет и бесчисленным количеством региональных отдельно взятому обозревателю трудно иметь какое-то влияние. Прем Шанкар Джха из *Hindustan Times*, Шехэр Гупта из газеты *The Indian Express* и М. Х. Акбар из *The Asian Age* близки к этому.

Это будет странно, но может так случиться, что американский журналист *The New York Times* станет тем человеком, к которому прислушивается правящая элита страны.

Его недавний бестселлер «*The World is Flat*» стал гимном к блестящему будущему Индии в полностью объединенном мире и сделал его на какое-то время фактически главным публицистом страны. Его колонки *The New York Times*, которые регулярно переиздаются в индийских газетах, напоминают читателям сентиментальный тон его книги. В одной недавней статье он описал Индию как «маяк терпимости и стабильности».

«Назовите меня предвзятым, — говорит он, — но мне нравятся страны, где живет миллиард человек, говорящих на ста различных языках и принадлежащих множеству религий, где люди проводят регулярные свободные и справедливые выборы».

Его призыв к Индии говорит о существенных изменениях в политике. Защитник Движения неприсоединения Индии уступил «страстным ухаживаниям» США. Единственная супердержава в мире берет Индию в качестве своего нового стратегического помощника, и никто не предпринимает больше попыток, чем Фридман, подсластить горькую пилюлю.

Джо Джонсон, Дели

ИНДОНЕЗИЯ — Г*онаван Мохамед*

Гонаван Мохамед — несравненный журналист Индонезии, самой большой в мире мусульманской страны. Он основал еженедельник *Tempo*, который вел борьбу против режима бывшего президента Сухарто. Позже его внимание привлекла Америка и ее парадоксы.

Мохамед — редкий и многогранный интеллектуальный голос на архипелаге. Он написал бы о Майкле Джексоне с той же вероятностью, с какой написали бы Гуантанамо Бэй и Тургенев.

Когда охрана крошечного аэропорта Миссури задержала его в прошлом году, подозревая в перевозке тротила в пироге, который приготовила его жена, американское посольство в Джакарте пребывало в негодовании.

Мохамед научился скрывать свои аргументы, когда это необходимо. В недавней статье об изображении Бога датскими художниками, он сказал, что «инструкции Бога предназначались для человека, но Бог может принудить человека», — и это спорный комментарий в обществе, где религиозные сторонники управляют дебатами.

Но Мохамед воздерживается от мысли, предлагая это в форме «глубокого вопроса», изложенного Иисусом: «Разве те законы не были для человека, а не наоборот?» «В наши дни, — сказал Мохамед, — люди должны услышать тот вопрос еще раз».

Шоун Доннан, Джакарта

ИРАН — *Хуссейн Сариатмадари*

Хуссейн Сариатмадари — главный редактор *Kayhan*, принадлежащей государству газеты. Назначенный на этот пост аятоллой Али Хаменеи, главой Ирана, Сариатмадари — осторожный аналитик иранских дел.

Он одобрил прошлогоднюю победу на выборах президента Махмуда Ахмадинежада. Но не всегда Сариатмадари соглашается с лидерами Ирана. Он был ярым противником переговоров, начатых при предыдущем правительстве с Европейским союзом по ядерной программе Ирана: почему, спрашивал он, говорят с людьми, которые хотели заблокировать путь Ирана к мирной ядерной технологии?

Он также заявлял об «опасной ловушке» в предложении начать переговоры между США и Ираном по стабилизации Ирака. «Наш покойный Имам (аятолла Рухолла Хомеини) однажды сказал, что Америка уже сделала все в пределах своей власти против исламского Ирана, — написал он. — Если есть какое-либо враждебное действие, которое пока

не осуществилось, единственная причина этого состоит в том, что она не в состоянии сделать это».

Исламский Иран, написал он в прошлом месяце, является «держателем баннера в борьбе против мирового господства, успешной модели для других движений, который ищет свободу и независимость». Намного эффективнее будет улучшение отношений с Китаем, с неприсоединившимися и исламскими странами, чем напрасная трата времени на переговоры с теми, кто отрицает ядерную технологию Ирана и способен свергнуть ее мощь.

Гарет Смит, Тегеран

ИРАК

Газетные обозреватели не оказывают большого влияния на общественность в Ираке, где прессе давно перестали доверять. Но некоторые авторы выделяются: ***Аднэн Хуссейн*** — журналист проарабской еженедельной газеты, находящейся в Лондоне, ***Ашар Аласат***, написавший в прошлом году, что напыщенный стиль речи тогдашнего премьер-министра Ибрагима аль-Джаафари напомнил ему о «*rawzakhon*», традиционном рассказчике, который напоминает о смерти шиитских мучеников. Прозвище прикрепилось, и Джаафари должен был уйти, частично потому, что другие политические группы просто не могли говорить с ним.

Но религиозные деятели намного важнее, чем обозреватели СМИ, для большинства иракцев, особенно для шиитских рабочих, для которых газеты символизируют государство, неспособное сопротивляться суннитским странам, таким как Саудовская Аравия или Египет.

В мечети Багдада *Buratha*, например, тысячи людей собираются каждую пятницу, чтобы услышать проповеди Джалала аль-Сагхир, который недавно обвинил телевизионную сеть Аль-Джазиры в «пущении стрел ненависти в иракском народе... управляемом Моссадом».

Обозреватели имеют больше влияния на севере, особенно в области, которой управляют бывшие мятежники от Патриотического Союза Курдистана. Такие журналисты, как ***Азос Арди*** и ***Твана Осман***, соучредители независимой еженедельной газеты *Hawlati*, вызывали горячий отклик у людей, уставших от коррупции и неумелого руководства. Но у свободы печати есть свои пределы: в начале этого месяца оба журналиста получили шестимесячные условные тюремные сроки после того, как региональный премьер-министр предъявил им иск за то, что они использовали ложную информацию.

Стив Негус, Багдад

ИЗРАИЛЬ — Акива Эльдар

Опытный обозреватель Акива Эльдар является одним из самых известных и противоречивых комментаторов в Израиле. Он неоднократ-

но утверждал, что страна должна стремиться к мирному урегулированию с палестинцами, хотя многие израильтяне приняли более жесткую позицию в отношении палестинцев после начала интифады в 2000 году.

«Я получаю очень неприятные сообщения по электронной почте, особенно из США, иногда мне предлагают переехать в Рамаллу!» — говорит 60-летний Эльдар.

Его либеральный «Ха-арец» — одна из ведущих ежедневных газет в Израиле, ее англоязычную интернет-версию читают во всем мире. Эльдар также участник дискуссии в ток-шоу по актуальным событиям на армейском радио, которое транслируется каждое утро, его слушают около одного миллиона израильтян.

Слова Эльдара вдохновляют слушателей всего политического спектра: «Я получаю звонки от политиков, в основном “левых”, когда я их критикую. Но иногда также и от Ликуда[1]».

Эльдар утверждает, что у Израиля есть партнер, с которым тот может работать на благо мира в порядке, установленном Махмудом Аббасом, президентом Палестины, и сомневается, что исламское движение Хамас, которое управляет Палестинской автономией, может измениться. «Я думаю, что Израиль должен поговорить со всеми, кто готов принять два государства бок о бок, — говорит он. — Разговаривать с теми, кто отрицает ваши права на существование — пустая трата времени».

Эльдар верит в решение конфликта путем переговоров. «Люди обеих сторон ясно понимают то, как положить конец этому беспорядку, — сказал он. — Но я никогда не был так пессимистично настроен».

Шармиля Деви, Иерусалим

ЯПОНИЯ — Соитиро Тавара

Культура, которая ценит взаимное согласие дороже инакомыслия, точно не предназначена для остроумных комментаторов. Большинство из наиболее читаемых колонок в Японии являются анонимными, в том числе Тен Сей Джинго («Небесный голос, человеческий голос»), которая появляется каждое утро на первой полосе газеты Асахи. Эта колонка, которую прочитывают многие из 8,3 млн читателей Асахи в первую очередь, являет собой скорее спокойные размышления о причудливости жизни, чем выражение политических убеждений.

Возможно, самым известным обозревателем является Соитиро Тавара, ветеран эфира и дилетант в печати. Резкий, прямой и сиплый голос Тавара в воскресной телевизионной программе «Субботний Проект» необходимо смотреть тем, кто интересуется политикой. Каждую неделю он подвергает ряд политиков «кровопролитному перекрестному допросу» (во всяком случае, по японским стандартам).

---

[1] *Ликуд* — правая, консервативная партия Израиля.

Репутация Тавара как сторонника независимости не была повреждена его близостью к премьер-министру Дзюнъитиро Коидзуми, в которого он трогательно верит как в борца за честную политику. Подобно Коидзуми, который возглавляет вечную Либерально-демократическую партию, но постоянно угрожает разбить ее на части, политические взгляды Тавара трудно отследить, при всей его прямоте. Он более типичный японец в своей неоднозначности, чем в своей резкой позиции.

Дэвид Пиллинг, Токио

КЕНИЯ — *Луи Отиено* и *Уайклиф Муга*

Целеустремленный молодой Луи Отиено — известное лицо в Кении, где он является телеведущим и ведущим программы новостей. На Ньюзлайн, одном из его двух еженедельных шоу, он с пристрастием допрашивает общественных деятелей и передает звонки зрителей в студию: это стало популярным, когда кенийские политики начали говорить более откровенно.

«Это ново для обеих сторон: и для политиков, которые не привыкли к тому, что их ставят на сцену и опрашивают, и для кенийской общественности, которые могут задавать вопросы», — говорит 34-летний ведущий.

Более придирчивой фигурой является Уайклиф Муга, обозреватель газеты *The Daily Nation*. Он охватывает широкий круг тем, от дикой природы до глобальной политики и президента Кении Мваи Кибаки.

45-летний Муга поддержал в прошлом году британского посла, который был возмущен правительством президента Кибаки, обвинив его должностных лиц и министров в «рвоте на обувь» иностранным дарителям.

«Я чувствую, что кенийская общественность не очень хорошо информирована о международных вопросах, — говорит Муга. — Очень легко испытывать антиамериканские или антибританские чувства, поэтому я стараюсь объяснить иную перспективу».

Андрей Ингланд, Найроби

НИГЕРИЯ — *Деле Олойеде*

Один из наиболее колких политических комментаторов Нигерии происходит из семьи литературных гигантов страны, писателя Чинуа Ачебе и драматурга Воле Соинка. И это говорит кое-что о положении СМИ в стране, ведь самым влиятельным журналистом здесь не является ни обозреватель, ни комментатор, а следственный репортер, известный работой, которую он сделал для одной из американских газет, *Newsday*.

Деле Олойеде получил в прошлом году Пулитцеровскую премию за освещение десятой годовщины геноцида в Руанде. «Эту ситуацию вряд ли можно где-нибудь себе представить так, как если бы большинство переживших Холокост евреев были вынуждены остаться в Германии сразу после Холокоста и жить бок о бок с их бывшими соседями», — пишет он.

Его самым большим газетным материалом в родной стране был написанный в 1986 году доклад в новостях нигерийского журнала *Newswatch*,

что привело к освобождению всемирно известного музыканта Фела Кути, а также отрешению от должности судьи, который его приговорил.

Обосновавшись в Йоханнесбурге, Олойеде теперь хочет воздействовать на послевоенную прессу Нигерии, которой, по его словам, не хватает качества и необходимой силы. «Существует реальный разрыв между СМИ и общественностью», — говорит он.

Дино Махтани, Лагос

ПОЛЬША — *Адам Михник*

Наиболее влиятельным обозревателем Польши, несомненно, является Адам Михник, главный редактор *Газеты Выборча*, одной из ведущих ежедневных газет страны. Хотя сейчас он пишет редко, его слова все еще имеют огромное влияние. Михник внес решающий вклад в окончание коммунистического правления в 1989 году, когда он пришел к формуле «Ваш президент, наш премьер-министр», что позволило коммунистам сохранить контроль над президентством, в то время как формируется первое послевоенное некоммунистическое правительство.

Несмотря на то что в глубине души Михник был «левым», он решительно поддерживает «шоковую терапию», которая привела Польшу к рыночной экономике. Он был самым влиятельным в первые годы демократии, когда его друзья из *Солидарности* были у власти. В настоящее время он является левоцентристом.

Вторым наиболее влиятельным обозревателем страны, противоположным Михнику почти во всех отношениях, хотя оба являются друзьями, является Ежи Урбан, бывший пресс-секретарь коммунистического режима, редактор *Ние*, еженедельной желтой газеты с отличными сплетнями. Нередко «вредоносная» манера Урбана писать высмеивает многих невинных овечек Польши, от движения «Солидарность» до Церкви и даже бывшего папы.

Ян Сиенски, Варшава

РОССИЯ — *Михаил Леонтьев*

Прямо перед программой «Время», флагманом Российского новостного телевещания, которой заканчивается большинство вечеров, аккуратный ухоженный ведущий на экране заменяется на бородача с неухоженной фигурой в спортивной куртке и футболке. Это Михаил Леонтьев, чей комментарий в прайм-тайм на государственном Первом канале является для многих свидетельством его близости к Кремлю.

Политическая одиссея 47-летнего Леонтьева превратила его за два десятилетия из диссидента советской эпохи в либерала 1990-х годов, консервативного националиста и одного из самых активных сторонников президента Владимира Путина.

Будучи журналистом двух ранних независимых газет России, Леонтьев начал сотрудничество с «Сегодня», первой реальной постсоветской газетой, в 1993 году. Он стал одним из самых цитируемых обозрева-

телей России — как ярый сторонник либеральных экономических реформ и критик первой чеченской войны.

К середине 1990-х годов Леонтьев, однако, был уже предупрежден о «становлении антирусских настроений» в политике США. К концу десятилетия он был убежден в том, что России нужна сильная рука, чтобы вытащить ее из хаоса ельцинской эпохи, — и он провел громкое телевизионное интервью с Путиным в 2000 году, что, по мнению многих, помогло обеспечить победу президента.

Сейчас комментарии Леонтьева пронизаны критикой Запада и необходимостью для России быть сильным, суверенным государством. «Усиление авторитарного компонента является единственным способом для восстановления порядка», — заявил он после трагедии в Беслане.

Нил Бакли, Москва

СЕРБИЯ — *Драголюб Заркович*

Некоторые темы неоднократно поднимаются среди сербских комментаторов: страдания, героизм и судьба страны, которая остается непонятой остальным миром. Но Драголюб Заркович, главный редактор еженедельника *Време* и обозреватель ведущей ежедневной газеты Белграда *Политика*, является любопытным исключением.

Возьмите щекотливую тему Косово, отколовшуюся провинцию этничских албанцев, которые могут, наконец, достичь формальной независимости в этом году, после семи лет со времени принятия постановления Организации Объединенных Наций. Сербское благоразумие говорит, что западные лидеры поддерживают независимость Косово лишь потому, что они хотят получить свою долю его минеральных ресурсов. Но Заркович напомнил своим читателям о другой точке зрения: «Если бы коммунисты не захватили британские доли в Трепче (горнопромышленный комплекс), Тони Блэр не защищал бы сербские позиции в Косово».

Однако взгляды Зарковича на будущее Сербии в целом остаются оптимистичными. По его словам, циникам и крайним националистам, которые играют на отчаянии общества, следует читать последние сообщения из оживленной фондовой биржи Белграда. Ибо они будут «видеть то, что лежит глубже: наш трепет или наши надежды».

Нил Макдональд, Белград

ЮЖНАЯ АФРИКА — *Моелетси Мбеки*

Политические комментаторы играют решающую роль в молодой демократии Южной Африки, и президент Табо Мбеки сам публикует бессвязные, часто провокационные письма еженедельно на сайте Африканского национального конгресса. Однако мнения его младшего брата Моелетси, возможно, имеют такое же, если не большее, влияние.

Младший Мбеки — бизнесмен, заместитель председателя Южно-Африканского института по международным делам и бывший журна-

лист. Он не ведет регулярную колонку, но его мнение может стать мининовостным событием. Отчасти это потому, что он брат президента, но он также является независимым мыслителем, важным для страны, где откровенный комментарий часто притупляется из-за понимания необходимости политической корректности.

В 2003 году Мбеки развязал шумную дискуссию, описывая попытку создать экономику, отражающую расовую демографию страны, как циничную уловку предприятий, контролируемых белыми для достижения своих интересов за счет включения в политическую подоплеку черных предпринимателей в качестве акционеров. Совсем недавно он обвинил хищную элиту в сдерживании развития Африки, утверждая, что средний африканец сегодня живет хуже, чем в колониальную эпоху. Он также призвал к большей поддержке демократии в Зимбабве.

Один журналист писал о нем некоторое время назад, что Южная Африка должна гордиться мыслителями, «которые не слишком политкорректны, чтобы сказать, что король-то голый, если император смущает нас, бродя по улицам голым».

Джон Рид, Йоханнесбург

ЮЖНАЯ КОРЕЯ — *Ким Дэ Чжун*

Большинство людей думают о бывшем президенте Южной Кореи, когда слышат имя *Ким Дэ Чжун*. Но это также имя наиболее известного обозревателя страны, редактора консервативной газеты *Чосон ильбо*, крупнейшего периодического издания в стране с населением 48 млн человек.

Читатели популярного журнала *Sisa News* голосовали за Кима как за самого влиятельного журналиста страны в течение тринадцати лет подряд с 1992 года. Одна из самых дискуссионных его колонок появилась еще в 1980 году, когда он назвал триста тысяч участников народного восстания в городе Кванджу «насильственными бунтовщиками». Протестующие сказал, что Дэ Чжун не понял восстание и был расстроен стремлением восставших к демократии.

В последнее время 66-летний Дэ Чжун раздражает все большее число читателей, призывая к поддержке соглашения о свободной торговле, о котором сейчас ведутся переговоры с США.

«Мне так стыдно и неловко, но я не могу ничего с этим поделать, кроме как посмеяться и подумать: “Эти ребята действительно хорошо умеют только одно: критиковать”», — пишет он.

Ву Чжэ Ен, Сеул

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ — *Тревор Кавана*

Британия перенасыщена влиятельными комментаторами. Ричард Литлджон, который недавно ушел из газеты *The Sun* в *The Daily Mail*, обладает огромной популистской притягательностью. Мелани Филлипс, также из *The Daily Mail*, заполучил много приверженцев, подвергая кри-

тике государственные авторитеты за их моральные и управленческие неудачи. Саймон Хеффер из *The Daily Telegraph* может спокойно утверждать, что подвергся публичному нападению лидером тори Дэвидом Кэмероном (которого он однажды назвал PR-фарцовщиком) — хотя это может означать, что влияние Хеффера оставляет желать лучшего.

Авторитетным является Мартин Кеттл из *The Guardian*; Джонатан Фридленд проницателен дома и за рубежом; Тимоти Гартон Эш является острым и либеральным голосом в Европе и за ее пределами. Саймон Дженкинс самый элегантный и особенный, но Полли Тойнби, который относится как к «старым», так и «новым» лейбористам, вероятно, самый влиятельный автор газеты.

Самый мощный журналист в Великобритании, однако, Тревор Кавана, который на протяжении многих лет являлся политическим редактором *The Sun*, а теперь работает в должности помощника редактора. Под его влиянием *The Sun*, как полагают, отказывает в поддержке Тони Блэру и начинает симпатизировать тори. Два года назад Кавана «слил» содержание спорного доклада в связи со смертью ученого Дэвида Келли и также был назван восьмой по Великобритании влиятельной фигурой в СМИ (его опередили редактор *The Sun* и собственник газеты Руперт Мердок).

Кавана правит умами благодаря размеру своей читательской аудитории, его собственной энергии и стилю, который стер границы между отчетом и комментарием.

Джон Ллойд, Лондон

США — *Чарльз Краутхаммер*

Обозреватель *The Washington Post* Чарльз Краутхаммер оказывал влияние на внешнюю политику США на протяжении более двух десятилетий. Он придумал и разработал «доктрину Рейгана» в 1985 году и определил роль США как единственной сверхдержавы в своем эссе «Однополярный Момент», опубликованном вскоре после падения Берлинской стены.<...>

Второе место после Краутхаммера занимает Томас Фридман из *The New York Times*. Одаренный популяризатор, страстный сторонник глобализации, ему нет равных, когда он пишет о Ближнем Востоке. Но его слова могут звучать легкомысленно и самодовольно. Фридман не достанет Европу, и его франкофобия вызывает раздражение.

Морин Дауд, также из *The New York Times*, часто до боли смешон, но иногда раздражителен. Пол Кругман стал смелым и блестящим после 11 сентября, когда немногие осмеливались бросить вызов президенту Бушу и «войне с террором», но теперь его пыл утих.

Из журналистов-консерваторов крупнейшим «нападающим» является Билл Кристол из *Weekly Standard*. И не забывайте Джона Стюарта, телеведущего ежедневного телешоу новостей.

Лайонел Барбер, редактор *Financial Times*

Перевод *Ангелины Манаховой* и *Валентины Орловой*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ФРАНЦИИ

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ К ФРАНЦУЗАМ

18 июня 1940 года[1]

Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство.

Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные, наземные и воздушные силы противника.

Нас вынуждает отступать не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев в такой степени захватили наших руководителей врасплох, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся.

Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

Поверьте мне, ибо я знаю, о чем говорю: для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые причинили нам поражение.

---

[1] Речь де Голля 18 июня 1940 года, прозвучавшая в 18.00 на волнах радиостанции Би-би-си, не была записана. На следующий день де Голль повторил свое обращение к французам, и в этот раз запись была сделана. — *Прим. сост.*

Печатается по: *Шарль де Голль.* Военные мемуары: Призыв, 1940–1942 / Пер. с фр. А. А. Анфилофьева и др. М.: АСТ; Астрель, 2003.

Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать мощную промышленность Соединенных Штатов.

Эта война не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война. Невзирая на все ошибки, промедления, страдания, в мире есть средства, достаточные для того, чтобы в один прекрасный день разгромить наших врагов. И хотя мы сейчас подавлены механизированными силами, в будущем мы сможем одержать победу при помощи превосходящих механизированных сил. От этого будут зависеть судьбы мира.

Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, с оружием или без оружия; к инженерам и рабочим, специалистам по производству вооружения, которые находятся на британской территории или могут там оказаться, с призывом установить контакт со мной.

Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Завтра, как и сегодня, я буду выступать по лондонскому радио.

АЛЬБЕР КАМЮ

РЕФОРМА ПРЕССЫ, НОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Газета «Комба», 31 августа 1944 года

<...> Когда мы издавали наши газеты в подполье, естественно, мы делали это, не заявляя о программе и принципах. Но я знаю, что у всех наших товарищей из всех наших газет была тайная надежда. Мы ждем, что эти люди, жившие в смертельной опасности ради нескольких идей, которые были им дороги, сумеют дать своей стране прессу, которую она заслуживает и которой у нее больше нет. Мы видели, как довоенная пресса утратила свои принципы и свою мораль. Жажда наживы и безразличие к благородным материям управляли ею, поэтому у Франции была пресса, которая (за редким исключением) преследовала единственную цель — служить росту могущества отдельных людей и единственный эффект — отравлять нравственные принципы всех остальных. Такой прессе было несложно стать тем, чем она была с 1940 по 1944 год, т.е. позором своей страны.

Наше сокровенное желание — и оно еще сильнее от того, что долгие годы безмолвствовало — освободить газеты от власти капитала и сделать так, чтобы их правдивый голос обращался к лучшим сторонам публики. Мы считаем, что страна стоит того, чего стоит ее пресса. <...>

Чего мы хотим? Прессу честную и смелую, достойную уважению. Люди, писавшие свои статьи в годы сопротивления, знали, что любая статья может стоить им тюрьмы или смерти, для них было совершенно очевидно, что слово имеет свою цену, что каждое из них необходимо тщательно обдумывать. Именно такую ответственность журналиста перед своей публикой мы хотели бы восстановить. <...> И если наш голос останется решительным, объективным, человечным, если мы избавимся от злобы, напыщенности и заурядности, многое будет спасено и мы выполним свою миссию.

Перевод *Миланы Захаровой*

1 сентября 1944 года

Любая моральная реформа прессы будет напрасной, если она не сопровождается особыми политическими мерами, благодаря которым газеты получают реальную независимость от капитала. И наоборот: политическая реформа сама по себе не будет иметь никакого смысла, если она не была основана на глубоком пересмотре всей журналистики в самой журналистской среде. В этом вопросе, как и во многих других, политика и мораль взаимозависимы.

О глубоком пересмотре журналистики, по нашему мнению, журналисты новой прессы должны были задумываться уже в годы сопротивления. <...>

Что такое журналист? Это человек, у которого прежде всего есть идеи. Этот вопрос заслуживает особого внимания и будет рассмотрен в другой статье. Затем, это человек, который каждый день занимается тем, что рассказывает публике о событиях дня. Короче говоря, это историк ежедневной жизни, его основная забота — правда. Неважно, сколько знает историк, несмотря на время, которое уходит у него на поиск информации, сопоставление документов и сбор свидетельских показаний, правда зачастую неясна и туманна. При таком положении дел он может лишь внести поправку, которая носит моральный характер, т.е. я имею в виду, что она объективна и благоразумна.

Насколько необходимой становится такая добропорядочность, если речь идет о журналисте, время на сбор информации которого ограничено, когда сложно проверить все источники! То, что для историка является неотъемлемой частью его работы, для журналиста становится фундаментальным законом, без соблюдения которого его профессия — всего лишь недобросовестная деятельность.

Можем ли мы сегодня сказать, что наша пресса живет, руководствуясь благоразумием, и заботится лишь о правде? Совершенно очевидно что нет. Она снова использует методы, сформировавшиеся до войны во времена охоты на новости. Любая новость, создающая хотя бы видимость эксклюзивной информации, хороша. <...>

Но, поскольку источник информации, предназначенной широким массам, в настоящее время один и тот же, сложно, сообщая новости, всегда быть первыми, поэтому журналисты стремятся приводить как можно больше живописных, на их взгляд, деталей. <...> Такое поведение было достойно презрения еще тогда, когда тон всей французской прессе задавала «Пари-суар»[1]. Оно особенно отвратительно сегодня, когда речь идет о газетах, на которые направлены надежды всей страны.

---

[1] «*Пари-суар*» — самая крупная французская массовая газета в 1930-е годы. Накануне Второй мировой войны ее тираж составлял 2 млн экз. — *Прим. сост.*

Также мы можем видеть, как увеличивается количество материалов рекламного характера, с крупными заголовками, размер которых совсем не соответствует важности содержащейся в них информации, как редакции действуют по принципу простоты и удобства для публики или преувеличивают ее чувствительность: они взывают к читателю, ищут способы нравиться ему, в то время как его необходимо всего лишь просвещать. <...>

Оправдательный аргумент такого поведения хорошо известен. Нам говорят: «Именно этого хочет публика». Нет, публика этого не хочет. Двадцать лет[1] ее приучали этого хотеть, а это не одно и то же. Публика, она тоже в течение последних четырех лет задумывалась о будущем, она готова принять голос правды. <...> Но если двадцать газет каждый день в году создают все ту же искусственную, обыденную атмосферу, публика вдохнет этот отравленный воздух и не сможет уже освободиться. <...>

Перевод *Миланы Захаровой*

11 октября 1944 года

Проблемы в состоянии прессы провоцируют дискуссии. Эти проблемы как раз и были обсуждены в прессе. И публика попыталась понять, иногда проявляя нетерпение, иногда беспокойство. Очевидно, произошла небольшая семейная перебранка, и все понимают, что мы должны дать больше места для телеграмм наших военных корреспондентов, даже если они все еще не аккредитованы. Но чтобы встретить и принять войну в газетах, нужно иметь газеты, мы хотим сказать настоящие газеты. Видно, что проблема остается той же, так как мы убеждены, что основным вопросом должна быть сама жизнь новой прессы.

Почему не попробовать серьезно объяснить публике причины нашего беспокойства? Почему, например, не сказать ей, что скоро начнется спор между новой и старой прессой? Некоторые в самом деле намереваются воскресить старые издания. В целом, поразмыслив, мы против этого. Каковы наши доводы?

Публика не знает, что журналистика — единственная область, где чистка была полной, так как после Освобождения мы осуществили полное обновление персонала. Эта чистка была произведена в один день и, по сравнению с другими, имеет преимущество в том, что она была радикальной. У появляющихся сегодня газет есть свои минусы, но они хотя бы живут только доходом с продаж. Во Франции пресса теперь независима от власти капитала. Такого не было уже сто лет.

---

[1] Имеется в виду период между двумя мировыми войнами XX века — 1919–1939 годы. — *Прим. сост.*

По слабости мы держимся за эту революцию. Это правда, у нас есть подозрения по поводу старых названий. В этом вопросе нужно прояснить нашу позицию. Есть газеты, которые посчитали возможным снова появиться в период оккупации, независимо от того, была ли это Северная зона после июня 1940 года или Южная зона после ноября 1942 года. Что касается таких газет, нас не упрекнут, если мы скажем, что им нечего больше делать среди нас.

Есть газеты, которые не выходили в период оккупации. Но среди них тоже следует выделить два типа. Есть те, кто смело держался и у кого никогда не было недостатка в чести. Таковы «Фигаро» и «Прогрэ де Лион»[1]. Им есть место среди нас, и они занимают его с такой осведомленностью и достоинством, что мы все время должны брать с них пример и пользоваться их опытом. Что до остальных, мы не слышали ни одного официального решения, чтобы с радостью дать им это место.

Но были и другие газеты, которые не выходили в период оккупации, потому что не получили разрешение, несмотря на переговоры с немецкими властями. Есть также другие, которые не выходили, но предоставили оккупантам свои типографии и помещения и извлекли для себя выгоду из ситуации, в которой больше не занимали достойного места. Мы обоснованно говорим, что в их случае заранее известен приговор.

Нам говорят, что старые названия могут появиться вновь под руководством других людей. Но мы не видим необходимости в дополнительной путанице. Причина, по которой мы так говорим, — публика привыкла к старым названиям. И она привыкнет к новым. Если она захочет почитать газету, не выходившую в подполье, она купит «Фигаро», которая действительно хороша. В остальном мы исходим из факта, что публика мягкотела по своей природе. Это мнение было в ходу до войны, как раз в старых газетах, но мы забыли это за четыре года. Первое условие, чтобы быть честным и свободным журналистом, заключается в необходимости научиться не презирать своего читателя.

Может быть, нам в итоге скажут, что мы защищаем нашу позицию из страха перед конкуренцией. В целом, в этот раз ненавидеть будут нас. Скажем только вот что: то, что мы завоевали, стоило нам очень дорого. Мы хотим, чтобы цена, которую заплатили журналисты за свободу, хотя бы уважалась. Мы знаем в глубине души, что мы всегда примем и примем с благодарностью конкуренцию со стороны таланта. Но мы больше

---

[1] Газета «Фигаро», одна из старейших французских газет, переехала из Парижа в Лион в мае 1940 г., продолжала выходить до ноября 1942 года, когда была закрыта. «Прогрэ де Лион» — французская региональная газета, прекратила выход в ноябре 1942 года, когда Южная зона была оккупирована немецкими войсками. Обе газеты возобновили выход после Освобождения Франции. — *Прим. сост.*

не хотим видеть конкуренцию денежного мешка. Мы готовы подчиниться здравому смыслу, и всему, что служит интересам страны. Но в аргументах, которые нам предлагают, мы не видим ничего, что заслуживало бы чего-то, кроме грусти и пренебрежения.

Из-за ошибок в понимании проблемы, мы просим еще немного вашего терпения. И также, чтобы позволили этой новой прессе, несмотря на недостатки, которые она осознает, проявить себя. Мы осмеливаемся напомнить, что она заслужила эту отсрочку с июня 1940 года.

Перевод *Анастасии Горячевой*

ПОСЛЕВОЕННАЯ «ЧИСТКА» ОБЩЕСТВА[1]

Газета «Комба», 18 октября 1944 года[2]

Поговорим немного о чистке общества. Мы не часто затрагиваем эту тему. Не только потому, что она сложная. Но и потому, что рассматривать ее необходимо хладнокровно, а сохранять хладнокровие в таких вопросах, как этот, по правде говоря, удается не всегда.

Прежде всего, скажем, что чистка общества необходима. Совершенно очевидно, что не все это понимают. Некоторые французы хотели бы, чтобы мы остановились на том, что уже сделано, и это их желание не обязательно основано на нечистых помыслах. Им можно ответить только одно: чтобы остановиться, следует завершить начатое. Кое-что уже было сделано, но этого далеко не достаточно.

Проблема состоит не в том, чтобы провести широкомасштабную чистку общества, проблема состоит в том, чтобы провести ее правильно. Но что такое правильная чистка общества? Это такая чистка, которая опирается на беспристрастное правосудие, когда принимаются во внимание все детали и обстоятельства дела.

---

[1] Во Франции в течение 1945 года была проведена «чистка» вишистов в различных структурах государственного аппарата. Почти 40 тыс. предателей были приговорены к тюремному заключению, было вынесено более 2 тыс. смертных приговоров. Все министры режима Виши во главе с маршалом Петэном и Пьером Лавалем (глава правительства с апреля 1942 г. по август 1944 г.) были приговорены к смертной казни за государственную измену. Де Голль лично помиловал маршала Петэна, заменив расстрел пожизненным заключением. Однако в дальнейшем эти меры носили довольно-таки формальный характер. Полного обновления дипломатического корпуса, административных кадров, армии и других государственных институтов не произошло (согласно некоторым данным, было уволено не более 10% работников-вишистов, остальные сохранили свои посты). К 1952 году в тюрьмах осталось лишь 1570 осужденных, казнили всего 767 человек. Суровость наказания предателей практически не соответствовала огромному количеству жертв фашистского гестапо и полиции Виши. — *Прим. сост.*

[2] Статью А. Камю в «Комба» от 18 октября 1944 года часто называют «Декларацией в защиту чистки общества». — *Прим. сост.*

Что подразумевается под беспристрастным правосудием в данном случае? Когда мера наказания пропорциональна вине человека. Нелепо наказать начальника какого-нибудь учреждения, привыкшего подчиняться, который просто продолжал жить, и при этом ничего не сделать с теми, кто выполнял важные функции в общественно-политической жизни и занимал высокие посты в промышленности страны.

Разным полномочиям соответствуют разные обязанности, именно поэтому чистка административных структур, которую можно поручить местным комитетам, будет лишена смысла без чистки, проведенной на национальном уровне, и этот процесс должен быть основан на ряде четко определенных принципов.

Государство не должно ограничиться наказанием того или иного чиновника, забывшего, что прежде всего он служит Франции и только затем — государству. Оно должно также выяснить степень виновности всех структур, непосредственно зависящих от него, авторитет которых зиждется на авторитете страны.

Чистка административных структур является нужным делом, но правосудие должно обратить свой взор и на другие учреждения, такие как банки и крупные промышленные компании. Делать все это необходимо исходя из принципа пропорциональной ответственности, о котором мы уже говорили.

Насколько мы призываем проявить снисхождение, если речь идет об обычном французе, не отдававшим себе отчета в том, что он делал, не имевшим ясного понимания того, что такое национальные интересы, настолько же мы призываем быть беспощадными, если речь идет о людях, от которых зависели высшие интересы нашей страны.

Мы можем без труда урегулировать дело месье Саши Гитри[1], просто пожизненно запретив ему выходить на сцену. Необходимо наказывать людей так, чтобы наказание имело смысл. В данном случае пострадает его честолюбие. Однако мы не должны ограничиваться достаточно условными мерами наказания, если речь идет о людях, вся жизнь которых была основана на уважении нации и возможностях, которые предоставила им страна. Иными словами, короче говоря, лучшим наказанием для таких людей будет поражение в правах. Самое минимальное, что мы должны сделать, — применить эту меру. И если сам факт применения этого морального правосудия, стоящего над законом, может повлечь за собой репрессии, что противоречит духу демократии, а, скорее всего, так и будет, необходимо внести по крайней мере одну поправку. Временные рамки этого морального правосудия должны быть строго ограничены.

---

[1] *Саша Гитри* (1885–1957) — известный французский писатель, актер и режиссер. Был обвинен в сотрудничестве с оккупантами, в связи с отсутствием доказательств его дело было закрыто. — *Прим. сост.*

К тому же, именно потому, что чистка займет немного времени, будет быстрой и разумной, она будет проведена верно. Когда генерал де Голль говорит о снисхождении к тем, кто заблуждался, в его словах есть здравый смысл. Однако необходимо тщательно проверять обстоятельства каждого дела. Вполне возможно, что в некоторых случаях имело место заблуждение. Но при определенных условиях подобное заблуждение равносильно преступлению.

Если закон не в силах учесть эти нюансы, необходимо на строго установленный период времени изменить этот закон так, как требуют обстоятельства. Каким бы трудным не был такой поступок для нас, живущих с идеалами свободы и правосудия в душе, необходимо поступиться своими принципами на короткий промежуток времени. Однако мы должны быть твердо уверены в том, что это решение обосновано, что оно не будет иметь опасных последствий, что оно принесет пользу в масштабе всей страны.

Перевод *Миланы Захаровой*

2 ноября 1944 года

Совет министров собирается учредить Верховный Суд, который будет судить членов правительства Виши. <...> Учредить суд по отношению к правительству Виши значит полностью признать его виновным в измене. Эта обобщенная формулировка особо не впечатляет, но если внести уточнения, она будет равносильна заявлению, что маршал Петэн является предателем, так же как президент Лаваль и его другие соратники.

<...> Правильная оценка решения, принятого Советом министров, равносильна заявлению, что судебный процесс сведется к обвинению Петэна в предательстве. Но наша задача — придать этому обвинению объективную обоснованность. В действительности некоторые французы все еще полагают, что у Петэна были благие намерения и что он не в ответе за злодеяния, совершенные при его правлении. Все это подкрепляет также старую тему вишистской пропаганды: политика Виши была двойной.

Ответ прост. Допуская, что эта политика была двойной, она все-таки была преступлением. И даже сам факт ее двойственности является большим преступлением, чем просто предательство, поскольку мы до сих пор чувствуем последствия этой огромной путаницы, которую режим Виши ввел по всей Франции. <...> Фикция законности, созданная правительством Виши, вынуждает нас подменять закон моральным правосудием и дает аргументы тем, кто должен будет сегодня замолчать навсегда.

В 1940 году началась эпоха, не позволяющая двойной игры. Нужно было или бороться, или пресмыкаться. Невозможно было предположить, что придется бороться на коленях. Если Петэн в это поверил, отсюда и

результат: французские головы упали по причине подписанных им законов. Быть может, он не думал об этом, подписывая их. Но если у Петэна не хватило воображения в этом вопросе, другие сделали это за него. Он должен был нести ответственность за все последствия подписанных законов, которые казались ему достаточно умелыми. Эта реалистическая политика, эти агонизирующие ухищрения, робкое коварство старика и, наконец, эта дипломатия, которая иногда казалась наивной и тщеславной, повлекли за собой слишком много смертей и страданий за четыре года, все это может иметь только одно название — предательство.

Нужно, чтобы об этом знали. Если Франция намерена простить тех, кто по неосмотрительности не смог распознать в неуверенных рассуждениях, доходивших по радио, голос упадка и разложения, то она по меньшей мере не должна забыть, что ответственность — это ответственность, и что человек, который правит, должен быть готов дать отчет о своем правлении.

Вот что в действительности должно означать учреждение Верховного Суда. Но нужно действовать быстро, быстрее, чем Академия и чем все медлительные умы нашей страны. И если в этом деле есть какие-то судебные сложности, то мы по крайней мере выскажемся без колебаний. Это голос мучений и стыда, который присоединяется к нашему, чтобы требовать самого безжалостного и самого справедливого правосудия.

Перевод *Вероники Кондрашиной*

30 августа 1945 года

Мы приносим свои извинения за то, что начнем сегодня с простой истины: отныне очевидно, что чистка общества во Франции не только не удалась, но и к тому же утратила уважение. Само слово «чистка» уже произносится с трудом. Она превратилась в гнусную вещь. У нее был только один шанс не стать такой, и он состоял в том, что чистка должна была быть проведена без мести и продуманно. Надо полагать, что между воплями ненависти, с одной стороны, и оправдательными речами о заблуждении, с другой стороны, сложно выйти на путь простого правосудия. В любом случае, это полный провал.

Вмешалась в дело и политика, со всей своей слепотой. Многие выступали против смертной казни, как будто исправительные работы, например, являлись мерой наказания, не ведущей к серьезным последствиям. Многие, наоборот, содрогались от ужаса, когда узнавали о приговорах, заключающихся в нескольких годах тюремного заключения, несоизмеримых со степенью вины доносчиков и предателей. В любом случае, мы здесь бессильны. <...>

Перевод *Миланы Захаровой*

ФРАНСУА МОРИАК[1]

ВЫРВАННЫЙ КЛЯП[2]

Журналист — это тот, кто может удержать читателей даже против их воли. Хорошая журналистика — умение вести диалог.

Служить возрожденной Франции

Четвертая республика[3] — дочь мучеников. У нас есть еще время, чтобы сделать ее достойной замученных и расстрелянных французов. Еще не поздно сделать так, чтобы она походила на образ, который они, умирая, видели перед своим мысленным взором.

Сенглен[4] учил Паскаля, что наивысшее милосердие к умершим — сделать то, что они хотели бы сделать, если бы были живы. Голлисты и коммунисты, чья кровь перемешалась и впиталась в одну и ту же землю, призывают нас не нарушать единства, сложившегося в Сопротивлении, в отрядах коммандос, в пытках и смерти.

Да, это прежде всего. Что же касается нас, литераторов, то каждая газета, в которой мы будем пытаться служить возрожденной Франции, должна явиться ярким и ощутимым признаком примирения братьев,

---

[1] *Франсуа Мориак* (1885–1970) — французский писатель и публицист. Член Французской Академии (с 1933 г.), лауреат Нобелевской премии (1952). После Второй мировой войны сотрудничал в «Летр франсез», «Фигаро». С января 1954 г. в течение восьми лет публиковал еженедельный «Блокнот» в журнале «Экспресс». Его публицистика затрагивает многие злободневные проблемы общественно-политической и социальной жизни Франции современной ему эпохи. Многие статьи Ф. Мориака, прекрасного полемиста, в периодической прессе были в дальнейшем опубликованы в виде отдельных сборников. — *Прим. сост.*

[2] Статьи, вошедшие в сборник «Вырванный кляп», с августа 1944 года по март 1945 год печатались в периодической прессе (преимущественно в газете «Фигаро»). Впервые опубликованы в виде отдельной книги в 1945 году издательством «Грассе». — *Прим. сост.*

Печатается по: Вырванный кляп / Пер. И. Г. Русецкого // Мориак Франсуа. Не покоряться ночи: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1986.

[3] Четвертая республика — 1946–1958 годы. — *Прим. сост.*

[4] *Сенглен Антуан* (1607–1664) — французский моралист, янсенист, духовный руководитель Блеза Паскаля.

еще недавно врагов, но в течение четырех лет одинаково причастившихся любви к оскверненной Родине; сегодня мы знаем, что вопреки всему, разъединявшему нас, мы останемся сыновьями одного духа, что мы братья, рожденны одной свободой.

Обращаясь к националистам, я говорю им: мы не должны больше принадлежать к тем, кто произносит слово «коммунист» или «еврей» с непреодолимой подозрительностью, если уж не с презрительной гримасой отвращения и ненависти. Если этот рефлекс у некоторых еще сохранился, им придется от него избавиться. Для этого им достаточно будет закрыть глаза, вспомнить тюремные дворы, заново пережить в мыслях пробуждение на рассвете и «Марсельезу», которую хором пели смертники...<...>

В эти дни у нас должна быть одна забота: помнить о воле погибших, и, если мы верим, что с высот бессмертия они смотрят на Францию, за которую отдали жизнь, у нас должно быть лишь одно желание: пусть они никогда не подумают, что мы, оставшиеся в живых, их предали.

Каким бы страстным ни было это наше желание, нам будет трудно, будет тяжело. К чему закрывать глаза? Большинство оставшихся в живых французов ищет своей выгоды. Вопрос в том, чтобы сделать республику такой, о какой мечтали те, кто не искал своей выгоды, а отдал жизнь.

Хотим мы этого или нет, но мир оставшихся в живых — это мир людей осмотрительных и ловких. Мы должны наконец наперекор ветрам и течениям, наперекор честолюбцам и плутам осуществить мечту неопытных героев Бир-Хакейма[1] и маки.

Оставшиеся в живых должны утолить жажду справедливости у тех, кто погиб.

Сознаемся: это наше самое жгучее желание. И разумеется, мы отдаем себе отчет в трудностях. Д. Г. Лоуренс[2] сказал об одном из своих персонажей: «Он был одним из миллиардов заговорщиков, которые устраиваются так, чтобы жить в полной безопасности...» Посмотрите: они уже выползли из своих нор, где отсиживались, хвастаясь, что работали на Сопротивление, хотя большинство могут похвастаться лишь тем, что выжили, — как аббат Сьейес на следующий день после Террора[3]. Они выжили, они дождались. И теперь, когда корабль опять на плаву, крысы появляются вновь.

Люди такого рода, лопающиеся от богатства, повинуются инстинкту — брать и снова брать, причем, вероятно, не столько ради наслажде-

---

[1] *Бир-Хакейм* — населенный пункт в Киренаике, где в мае-июне 1942 года пехотная бригада «Сражающейся Франции» оказала мужественное сопротивление наступающим немецко-фашистским войскам и с боями вырвалась из окружения.

[2] *Лоуренс Дейвид Герберт* (1885–1930) — английский поэт и романист.

[3] Аббат *Эманюель Жозеф Сьейес* (1748–1836) — французский политический деятель, один из основателей клуба якобинцев, перешедший в июле 1791 года к фельянам. Молва приписывает ему фразу о периоде якобинской диктатуры: «Я выжил».

ний, которые покупаются за деньги (они насыщены и даже пресыщены этими наслаждениями), сколько из желания властвовать: у них нет сомнений, что, какова бы ни была будущая форма правления во Франции, тайными хозяевами государства останутся они. Символ их веры, который они никогда не высказывают вслух (возможно, не признаются в нем даже себе), состоит в том, что закон существует только для бедных. Так как же им не быть самыми сильными? Кто, общаясь с ними, не чувствовал, что с их ненасытностью ничего нельзя поделать?

Хочется, чтобы нас поняли правильно: мы не демагоги. Просто мы едины в желании, чтобы Четвертая республика опять не пустила Францию с молотка. И для начала мы не позволим, чтобы газета, избирательный округ, сенаторское кресло попали в распоряжение богача, единственная добродетель которого — его богатство.

Осторожные люди могут спросить: «Есть ли у вас план? Какова ваша доктрина?» По правде сказать, никогда не составляется так много «планов», как накануне катастрофы. Действительно, в час, когда Франция буквально разлагалась, у ее изголовья толпились самые искусные врачи, и каждый был уверен, что знает наилучшее лекарство. Мы дорого заплатили за то, чтобы понять бесполезность этих панацей, этих сногсшибательных программ, отпечатанных на машинке. Ни одна из них не имела ничего общего с реальностью.

В жизни народа бывают переломные моменты, когда все еще можно спасти, — даруемые провидением минуты просветления. Франция, претерпев мучения плоти и духа, поднялись из бездны позора и стыда и ныне подошла к этому торжественному моменту. Как христианин после отпущения грехов, она ощущает, что свершилось очищение и искупление. Ей вручен чистый лист, на котором она покамест не начала писать.

Первые, еще неизвестные слова, первые поступки наших вождей... При мысли о том, что они повлекут за собой бесконечные последствия, невольно содрогаешься. Пусть те из нас, кто может молиться, упросят небо просветить в эти часы вождей новой Франции.

Я размышляю о друге, который отказывается от какой бы то ни было политической деятельности во имя некого идеала чистоты, а также оттого, что всякая политика несправедлива. Но я заклинаю его и всех ему подобных хорошенько взвесить положение Франции в этот момент ее жизни. Именно потому, что все рухнуло, можно заняться восстановлением. Величайшая в нашей истории катастрофа дает нам случай вновь приняться за работу, опираясь на вековые основы, которые остались нетронутыми: древние христианские добродетели нашего народа всегда с нами. Это все та же неистребимая любовь к человеческому достоинству, та же любовь к свободе, которая подняла на борьбу героев Сопротивления, равно как их прадедов в 1792 году.

Поклянемся ни от чего во Франции не отрекаться. В основе всех предательств, свидетелями которых мы были в течение этих четырех лет, всегда лежало отречение от той или иной существенной части французской души. Победа иноземных завоевателей дала негодяям возможность взять подлый реванш во внутренней политике...

Нет, отвернемся от них в день нашей победы. Но на примере тех, кто встал на сторону захватчиков, хотя во многих случаях и не думал о предательстве, давайте научимся избегать ловушки, в которую они попали.

Не будем выбирать что-либо одно из наследия Франции. Ведь именно в противоречиях, в великолепном многообразии мы и обретаем возрожденную родину. Каковы бы ни были наши политические и религиозные убеждения, за эти четыре года мы поняли, что любовь к родине способна тесно сплотить нацию.

Свобода, равенство, братство... Теперь это для нас не пустая формула, начертанная на правительственных зданиях. Этот девиз вновь облекся плотью: братья, равноправные в своей жертве, отдали жизнь за освобождение Франции. Мы этого не забудем. Никогда.

Суд совести

Сумели ли французские журналисты использовать четырехлетнее молчание для того, чтобы «принять решение», как духовные наставники в коллежах учили нас делать это в конце каникул? Или же они, напротив, будут продолжать писать торопливо и беспечно, как во времена, когда все катилось к пропасти?

Разумеется, газетная статья ценится за темперамент, за свежесть реакции, не слишком контролируемой рассудком. Но мы живем в такое время, когда печатное слово накладывает на человека страшную ответственность. Сегодня необдуманность граничит с преступлением. Те из читателей, которые, возможно, будут нами задеты, могут быть уверены, что это не только не доставляет нам удовольствия, но даже причиняет боль. Как прав был Альбер Камю, написав в «Комба», что «политическая реформа толкает самих журналистов на глубокий пересмотр всей журналистики»!

Прежде мы не обращали серьезного внимания на письма с упреками и даже бранью, вызванными нашими статьями. Возможно, они даже приводили нас в некое приятное возбуждение. Но теперь речь идет не о наших настроениях. Мы были действующими лицами и зрителями самой страшной драмы Франции. Этому факту лучше не смотреть в лицо, но это факт: Франция не только не победила, но едва не погибла. Она стала добычей алчного племени, которое никогда не уходило по доброй воле. Оно еще цепляется за нашу землю, его остатки — как гнойники на священном теле страны. Но Франция наконец отвязана от позорного

столба, она живет, дышит, и мы видим ее такой, какой она изображена на плакате, который расклеили повсюду в Париже: молодой, со слабым румянцем выздоровления на руках, но с алыми стигматами на ладонях. В наших изнурительных путешествиях по городу без автомобилей и метро мы как бы прикасаемся дрожащим пальцем к еще не затянувшимся язвам на любимом лице.

Все наши думы о Франции: это она, это ее голос мы узнаем среди стонов и упреков, это он заставляет нас говорить, может быть, слишком пылко, со страстью, которая все время проверяет себя из опасения оказаться не до конца чистой. <...>

Наша единственная цель — убедить тех, кого мы задели, что нам это не доставило удовольствия. Если раньше писатели могли поддаться соблазну и пустить отравленную стрелу, которая далеко летела и больно ранила, то теперь не время для этих жестоких игр. Мы хотим разобраться в суровой истории последних лет и увлечь за собой читателей, поставив их перед судом совести. <...>

Возрождение журналистики, о котором мы мечтаем, предполагает изменение не только ее самой, но и читателей. В недавнем прошлом они каждое утро требовали одобрения своих симпатий и антипатий, маний и пристрастий. Так пусть же они согласятся сегодня на то, что мы будем с ними спорить и даже их задевать. Такой ценой мы общими усилиями создадим живую и полнокровную прессу, в которой будет ощущаться биение пульса возрожденной Франции.

Победа разума

Нет, сейчас, в момент, когда герои Советской Армии подходят к самому сердцу Германии, которая вчера еще держала нас в своих щупальцах, мы, конечно, не оробеем. Благодаря нашим союзникам победа близка, близко освобождение, настоящее освобождение (пока угроза висит над Страсбуром, мы еще не свободны). Сверх этого нам будет дано все остальное, и прежде всего мир в нас самих, мир в самой Франции. Слово, которого ждали миллионы французов, может быть произнесено, наконец, лишь в победоносной Франции.

К чести своей, страна Паскаля и Вольтера иногда не верит в фатальность: чистка Парижа, направленная в первую очередь против писателей, — это как раз та фатальность, которой он счастливо избежит. К чему отрицать? Мы вынуждены молчать, когда нам напоминают, что образованные люди отвечают головой за каждое слово, сказанное в запале политической борьбы, и что, чем больше талант, тем больше вина. Но что ни говори, для лучшей части Франции невозместима потеря даже одной мыслящей головы, как бы плохо она ни мыслила. Неужели нет другого наказания, кроме смерти? Единственные казни, которые исто-

рия не прощает Террору, — это казни философов и поэтов. Единственные слова, которые ею никогда не будут оправданы, — это слова скота Кофиналя[1]: «Республике не нужны ученые». <...>

Часто именно те, кто пострадал больше других и до сих пор страдает за своих близких, меньше других жаждут лишить Германию ее последней победы: непримиримой ненависти между французами. Тысячи молодых интеллигентов и, утверждаю, даже студентов-коммунистов испытывают святое нетерпение: объединиться, сделать «громадное усилие разума», которое генерал де Голль приветствовал в Сорбонне и которое приведет нас к победе, когда Франция, вся целиком, станет хозяйкой своей судьбы. Благодаря легионам маршала Сталина мы сегодня уверены: час этот близок.

«Возрождение Франции, — провозгласил вчера в Иври Морис Торез, — это задача не одной партии и тем более не кучки государственных деятелей; это задача миллионов французов и француженок, задача всего народа». Пусть же эти слова найдут во всех нас самый широкий отклик.

[1] *Кофиналь-Дюбай Жан Батист* (1754–1794) — французский врач и политический деятель, избранный 17 августа 1792 года председателем революционного трибунала. По слухам, произнес цитируемые слова в ответ на просьбу химика А. Л. Лавуазье отсрочить его казнь до окончания опытов.

АНРИ АЛЛЕГ

ДОПРОС ПОД ПЫТКОЙ[1]

Борясь против продажных французов,
я защищаю Францию.

«Жан Кристоф»

В этой огромной, переполненной людьми тюрьме, где каждая камера является местом страданий, говорить о себе как-то неприлично. В нижнем этаже находится «отделение» смертников: их восемьдесят человек. Они закованы в кандалы и ждут помилования или смерти. И в такой атмосфере живем мы все. Здесь каждый по вечерам тревожно ворочается на своем соломенном тюфяке, думая, что следующее утро, возможно, будет для него роковым; здесь каждый засыпает с горячим желанием, чтобы с ним ничего не случилось. А между тем именно из этой части тюрьмы до нас каждый день доносятся великолепные, запрещенные песни, зажигающие сердца людей на борьбу за свободу.

Пытки... Это слово уже давным-давно стало для всех нас обычным. Здесь почти никто не избежал их. «Новичкам», с которыми удается поговорить, задают обычно одни и те же вопросы: «Давно арестован? Пытали? Парашютисты или полицейские?»

Мое дело вызвало бурную реакцию общественности. Но оно не является исключением. Все, что я написал в своем протесте[2], все, о чем я

---

[1] Книга «Допрос под пыткой» (фр. название — *La Question*, «Допрос») вызвала большой общественный резонанс. Она была написана в 1958 г. и передана из тюрьмы на волю. Ее распространение во Франции было запрещено, тиражи конфисковывались. Книгу публиковали подпольно, она была переведена более чем на тридцать языков. Не называя полных имен непосредственных организаторов и исполнителей пыток и убийств алжирских патриотов, Анри Аллег большое внимание уделяет детальному описанию внешности своих мучителей. — *Прим. сост.*

Печатается по: *Аллег Анри*. Допрос под пыткой / Пер. с фр. В. Марино. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

[2] В июле 1957 года А. Аллег направил протест генеральному прокурору Алжира, где рассказал о пытках, жертвой которых стал. Копию протеста ему удалось передать во Францию. Этот протест вызвал большой резонанс во французской и международной прессе. — *Прим. сост.*

рассказываю в книге, является лишь примером того, какие методы применяются в этой жестокой и кровавой войне. Прошло уже более трех месяцев, как я нахожусь в заключении. За это время я видел столько страданий и унижений, что не осмелился бы даже говорить о пережитых мной днях и ночах мучений, если бы не был уверен, что, рассказывая правду о них, могу принести пользу и буду содействовать прекращению войны и установлению мира. В течение целого месяца я по ночам слышал душераздирающие крики людей, подвергавшихся пыткам; и эти крики до сих пор звучат у меня в ушах. Я видел, как ударами полицейской дубинки заключенных сбрасывали с одного этажа на другой и как, обессиленные пытками и побоями, люди могли лишь бормотать первые слова древней арабской молитвы.

Затем я познал и другое. Я узнал об «исчезновении» моего друга Мориса Одэна, арестованного за сутки до меня. Его пытала та же команда, которая затем «приложила руки ко мне». Он исчез так же, как исчезли председатель Ассоциации улемов шейх Тебесси, д-р Шериф Захар и многие другие. В Лоди я встретил моего друга де Милли, сотрудника психиатрической больницы в Блида; парашютисты пытали его новым способом: голым они привязывали его к металлическому стулу, через который затем пропускали электрический ток; на его ногах были видны глубокие следы ожогов. В коридоре тюрьмы в одном из «новичков» я узнал Мохаммеда Сафта, служащего алжирского Махакма (высший мусульманский суд). «Сорок три дня у парашютистов. Извини меня, но мне трудно разговаривать: они обожгли мне язык», — и он показал мне свой искалеченный язык. Я видел и других. Когда нас везли в тюремной автомашине в военный трибунал, молодой коммерсант из Казбаха Буалем Бахмед показал мне на икрах своих ног длинные шрамы. «Парашютисты — ножом: я укрывал у себя деятеля ФНО[1]».

За стеной, в крыле, отведенном для женщин, находятся молодые девушки: Джамила Бухиред[2], Элиетт Лу, Нассима Хаблал, Мелика Кене, Люси Коскас, Колетт Грегуар и другие. Их раздевали и избивали, над ними надругались, пытали водой и электричеством, но ни одна из них ничего не сказала. Здесь каждый знает о страданиях Анники Кастель, которая была изнасилована парашютистом и, боясь беременности, мечтала только о смерти.

И это только то, что известно мне, что я сам видел и слышал. А кто расскажет об остальном?

---

[1] *ФНО* — Фронт национального освобождения Алжира.

[2] Джамила Бухиред, а также некоторые другие узницы были приговорены алжирским военным трибуналом к смертной казни. Лишь мощный протест мирового общественного мнения заставил Высший совет магистратуры Французской Республики, контролирующий деятельность судебных властей, отменить смертный приговор алжирским патриоткам.

Читая эти строки, следует помнить о всех тех, кто «исчез» и кто, веря в правоту своего дела, мужественно ожидает смерти, кто не знал страха перед палачами и кто их ненависти и пыткам противопоставляет свою твердую уверенность в скором торжестве мира и дружбы между нашими двумя народами. Мой рассказ может относиться к каждому из них.

В среду 12 июня в 16 часов лейтенант десантных войск Ша..., сопровождаемый солдатами и одним жандармом, прибыл на квартиру Одэна, чтобы взять меня под стражу. Накануне здесь был арестован мой друг Морис Одэн, ассистент одной из кафедр факультета естественных наук Алжирского университета, и полиция оставила в его квартире своего сотрудника. Это он открыл мне дверь, когда я попал в засаду. Я попытался избежать ареста, но меня постигла неудача. Полицейский с револьвером в руке настиг меня на первом этаже, и мы вернулись в квартиру Одэна. Полицейский был очень взволнован и искоса поглядывал на меня. Он позвонил в штаб парашютистов, требуя немедленной присылки подкрепления.

Как только в комнату вошел лейтенант, я понял, что меня ждет. Его маленькое, гладко выбритое треугольное лицо было словно срезано огромным беретом и напоминало морду маленькой африканской лисы.

На его поджатых губах змеилась улыбка. «Прекрасная добыча, — сказал он, отчетливо произнося каждый слог. — Ведь это Анри Аллег, бывший редактор «Альже репюбликен». — Затем, обращаясь ко мне, он спросил:

— У кого вы проживаете?

— Этого я вам не скажу!

Лейтенант улыбнулся, покачал головой и уверенно заявил:

— Мы сейчас устроим вам небольшой допрос, и этого будет вполне достаточно. Надеть ему наручники!

Мы спустились с третьего этажа и вышли на улицу. «Аронд» лейтенанта ожидал нас на противоположной стороне. Меня усадили на заднее сиденье машины рядом с парашютистом. Ствол его автомата упирался мне в бок:

— В автомате достаточно патронов, на случай если вы вздумаете валять дурака!

Мы ехали в нагорный район города. После кратковременной остановки возле какой-то виллы (по-видимому, это был штаб парашютистов), куда заходил только Ша..., мы продолжали наш путь по бульвару Клемансо, в направлении к Шатонеф. Миновав площадь Эль-Биар, машина наконец остановилась перед большим недостроенным зданием.

Мы пересекли двор, загроможденный джипами и военными грузовиками, и вошли в это здание. Ша... шел впереди меня, а парашютист следовал за мной. Из каменной кладки то здесь, то там торчали стержни железобетонной арматуры; лестница была еще без перил; с серого потолка свисала наспех подвешенная электрическая проводка.

По лестницам этого здания непрерывно сновали парашютисты. Одни поднимались вверх, другие спускались вниз, подгоняя арестованных, давно не бритых мусульман в изодранной одежде, и оглашая здание взрывами смеха, грубыми окриками и бранью. Я находился в «сортировочно-пересыльном центре района Бузареах». Вскоре мне предстояло познать, как осуществляется здесь «сортировка».

Вслед за Ша... я вошел в большое помещение на третьем или четвертом этаже. Это была гостиная будущей квартиры. Несколько разборных столов, на стенах покоробившиеся фотографии разыскиваемых лиц, полевой телефон — вот и вся обстановка. У окна стоял какой-то лейтенант. Позже я узнал его фамилию: это был Ир... Его огромное, как у медведя, тело было слишком громоздким для маленькой головы с заплывшими, будто у только что разбуженного младенца, глазками и тонкого, слащавого и сюсюкающего голоса, свойственного дефективным детям.

— Мы даем вам шанс, — сказал Ша..., повернувшись ко мне. — Вот вам бумага и карандаш. Укажите, где вы жили и кто укрывал вас со времени вашего ухода в подполье, с кем вы встречались и какую вели работу...

Его тон оставался все еще вежливым. С меня сняли наручники. Я повторил обоим лейтенантам то, что сказал Ша..., когда мы ехали в автомашине:

— Я перешел на нелегальное положение, чтобы избегнуть ареста, так как мне было известно, что соответствующее распоряжение уже дано. Я занимался и поныне занимаюсь делами моей газеты. Ради этого я встречался в Париже с Ги Моле и Жераром Жакэ[1]. Больше мне нечего вам сказать. Писать я ничего не буду, и не надейтесь, что я выдам тех, кто имел мужество укрывать меня.

Переглянувшись, лейтенанты самоуверенно ухмыльнулись.

— Полагаю, что терять время бесполезно, — сказал Ша... Ир... согласился. В глубине души я был того же мнения: если меня собирались пытать, то не все ли равно, когда это случится? Лучше было сразу пройти самое тяжелое, нежели пребывать в ожидании.

Ша... взял телефонную трубку:

— Подготовьте команду для «важной птицы» и скажите Ло..., чтобы он поднялся наверх.

Через некоторое время в комнату вошел Ло... Это был человек лет двадцати пяти, низкого роста, смуглый, узколобый, нос с горбинкой, волосы напомаженные. Он подошел ко мне и сказал, ухмыляясь:

— Это и есть мой клиент? Пошли.

Я вышел первым. Этажом ниже мы вошли в маленькое помещение по левую сторону коридора. Это была кухня будущей квартиры. Здесь были раковина и изразцовая плита с ещё не остекленным металличе-

---

[1] *Жерар Жакэ* — один из видных деятелей Французской социалистической партии.

ским вытяжным колпаком. В глубине комнаты — стеклянная дверь, обшитая кусками картона, затемнявшими кухню.

— Раздевайтесь! — сказал Ло... И, поскольку я не сдвинулся с места, добавил: — Если вы не желаете, вас разденут насильно!

Пока я раздевался, в комнату входили и выходили парашютисты, чтобы посмотреть на «клиента» Ло... Один из них, белобрысый солдат с парижским акцентом, просунул голову в дверь: «Поглядите, он француз! И заодно с этими “крысами’’, против нас? Обработай-ка его как следует, Ло...!»

Тем временем Ло... уложил на полу почерневшую влажную доску, грязную и липкую от рвоты, оставшейся, по-видимому, от предыдущих «клиентов».

— Ложитесь! — Я лег на доску. Ло... и помогавший ему парашютист кожаными ремнями привязали мне ноги и запястья рук к доске. Я увидел над собой Ло... Он стоял, подбоченясь, как завоеватель, широко расставив ноги по обе стороны доски, у моей груди. Он смотрел мне прямо в глаза, пытаясь, как это делали его начальники, запугать меня.

— Послушайте, — сказал Ло... с сильным оранским акцентом, — лейтенант разрешил вам немного подумать. Но затем вам придется говорить. С европейцами мы обращаемся лучше, чем с этими «скотами». Все говорят. Вам придется все рассказать: не каплю правды, а всю правду! Понятно?!

Окружившие меня «синие береты» состязались в остроумии:

— Что же это твои товарищи не пришли тебя развязать?

— Поглядите, чем он занимается. Хочет ослабить ремни?

Другой, более злобный, возражал:

— Стоит ли терять время на таких типов? Я бы их сразу приканчивал.

Из окна шел поток ледяного воздуха. Лежа голым на влажной доске, я начал дрожать от холода. Заметив это, Ло..., усмехнувшись, спросил:

— Вам страшно? Вы хотите дать показания?

— Нет, мне не страшно, мне холодно.

— Не бахвальтесь! Скоро вам будет не до этого. Через четверть часа вы заговорите.

Находясь среди парашютистов, которые грубо подшучивали и оскорбляли меня, я старался сохранять полное спокойствие. В комнату вошли Ша..., Ир... и какой-то капитан. Это был капитан Де..., высокого роста, худой, с поджатыми губами, со шрамом на щеке, изящный и молчаливый.

— Ну как, вы подумали? — спросил Ша...

— Я не изменил своего решения.

— Хорошо, вы добьетесь своего, — и, обращаясь к остальным, он сказал: — Лучше перебраться в соседнюю комнату. Там светло и работать будет удобней.

Четыре парашютиста ухватились за доску, к которой я был привязан, и перенесли меня в комнату, расположенную напротив кухни. Там меня опустили на цементный пол. Офицеры расположились вокруг меня, присев на вьюки, принесенные парашютистами. Вот что сказал Ша..., всегда уверенный в успехе:

— Мне нужны бумага, кусок картона или что-нибудь твердое, на чем я мог бы писать.

Ему протянули планшет, который он положил возле себя. Затем, взяв из рук Ло... магнето, он поднес его к моим глазам и, поворачивая это устройство, сотни раз описанное людьми, подвергавшимися пыткам, произнес:

— Тебе ведь это знакомо? Тебе о нем часто рассказывали? Ты даже описывал его в своих статьях?

— Вы не имеете права применять подобные методы. Вы сами это увидите. Если вы меня обвиняете в чем-либо, то передайте судебным органам, в вашем распоряжении имеется двадцать четыре часа. Кроме того, вы не вправе называть меня на «ты».

Вокруг раздался взрыв смеха.

Я хорошо понимал, что мои протесты абсолютно ничего не дадут, что при данных обстоятельствах, да еще перед этими скотами, апеллировать к соблюдению законности просто смешно. Но я хотел показать, что им не удалось запугать меня.

— Начнем, — сказал Ша...

Один из парашютистов уселся мне на грудь. Это был очень смуглый человек со вздернутой верхней губой. Он улыбался, как мальчишка, собирающийся совершить озорной поступок. Впоследствии во время очной ставки в кабинете судьи я его опознал. Это был сержант Жа... Другой парашютист (судя по акценту — из Орана) сидел слева, третий — у моих ног. Кроме них и окружавших меня офицеров, в комнате находились и другие военные, которые, по-видимому, просто пожелали присутствовать при этом зрелище.

Продолжая улыбаться, Ша... поднес к моим глазам зажимы электродов. Это были маленькие, блестящие, продолговатые, зубчатые стальные зажимы, которые обычно применяют монтеры по прокладке телефонных линий, называя их «крокодиловыми» зажимами.

Ша... прикрепил один из них к мочке моего правого уха, а другой — к пальцу правой руки.

В то же мгновение я рванулся от боли и закричал во весь голос: Ша... пропустил через меня электрический ток. Возле моего уха сверкнула электрическая искра, и у меня началось сильное сердцебиение. Я кричал и извивался, рискуя нанести себе увечья, а Ша..., державший в ру-

ках магнето, все пропускал через меня ток. И как бы в такт ударам переменного тока он скандировал один и тот же вопрос:

— Где ты прятался?

В промежутке между пыткой я обернулся к нему.

— Вы не имеете права так поступать. Вы еще пожалеете об этом!

Ша..., взбешенный, повернул до отказа реостат своего магнето:

— Всякий раз, когда ты вздумаешь читать мне нравоучения, я буду угощать тебя усиленной порцией.

В то время как я продолжал кричать, он сказал, обратившись к Жа...:

— Боже, какой горластый! Заткни-ка ему глотку!

Жа... свернул мою рубашку калачиком, сунул мне ее в рот, и пытка продолжалась.

Я изо всех сил сжал зубами ткань, и это, казалось, принесло мне облегчение.

Вдруг я почувствовал боль, напоминавшую сильный укус, словно какой-то зверь вырывал из моего тела куски мяса. Все еще улыбаясь, Жа... присоединил зажим электрода к моим половым органам. Меня так сильно трясло от электрического тока, что ремень, которым была привязана одна из моих ног, развязался. Чтобы привязать ее вновь, пытку на короткое время прекратили. Затем ее начали снова.

Вскоре лейтенант взял из рук Ша... реле, высвободил один из проводов и начал водить им вдоль моей груди. От нервных толчков меня затрясло с неистовой силой, и пытка все продолжалась. Чтобы еще усилить действие тока, мое тело смочили водой. В перерывах между пытками я дрожал от холода. Сидевшие вокруг меня на вьюках Ша... и его друзья опустошали бутылки пива. Я изо всех сил кусал свернутую рубашку, чтобы облегчить страдания, которые причиняла сводившая меня судорога. Но это не помогало.

Наконец они остановились.

— Развяжите его!

Первый «сеанс» был окончен.

Пошатываясь, я поднялся на ноги, натянул брюки и куртку. Ир... стоял передо мной. На столе лежал мой галстук. Он схватил его, повязал наподобие веревки вокруг моей шеи и под общий хохот потащил меня, как собаку, в смежную комнату.

— Итак, этого тебе недостаточно? Тебя не оставят в покое. На колени! — И своими огромными кулаками он со всего размаху ударил меня в лицо. Я упал на колени. Но у меня не хватало сил держаться прямо. Меня клонило то влево, то вправо. Удары Ир...то восстанавливали равновесие моего тела, то окончательно валили на пол. — Ну как, будешь ты наконец говорить? Твоя судьба уже решена, слышишь? Тебе крышка!

— Приведите Одэна, — распорядился Ша... — он в соседнем здании.

Ир... продолжал меня избивать, в то время как Ша..., сидя на одном из столов, наблюдал это зрелище. Мои очки давно уже слетели, и моя

близорукость лишь усиливала ощущение нереальности окружавшего меня кошмара, на борьбу с которым я напрягал все свои силы, опасаясь, как бы моя воля не оказалась сломленной.

— Ну-ка, Одэн, расскажите ему, что ждет его. Помогите ему избежать ужасов вчерашнего вечера! — сказал Ша...

Ир... приподнял мою голову. Я увидел над собой бледное и суровое лицо моего друга Одэна. Он смотрел на меня, в то время как я качался из стороны в сторону, стоя на коленях.

— Ну, скажите же ему, — торопил Ша...

— Это тяжело, Анри, — произнес Одэн. Его увели.

Неожиданно Ир... поднял меня на ноги. Он был вне себя от бешенства. Допрос слишком затянулся.

— Послушай, подлец! Ты наконец заговоришь! Слышишь, ты заговоришь! — Он приблизился ко мне настолько, что его лицо почти касалось моего. Он орал:

— Ты заговоришь! Здесь все дают показания! Мы воевали в Индокитае и там изучили вашего брата. Здесь гестапо! Ты знаешь, что такое гестапо? — Затем ироническим тоном он продолжал: — Ты писал в своих статьях о пытках, подлец! Десятая десантная дивизия даст тебе возможность испытать их на собственной шкуре. — За спиной я услышал смех палачей. Ир... продолжал бить меня по лицу и ударять коленом в живот. — То, что мы делаем здесь, будет и во Франции. С твоими Дюкло и Миттераном[1] мы расправимся так же, как и с тобой, а твою проститутку Республику взорвем к черту! Ты заговоришь, вот увидишь. — На столе лежал кусок толстого картона. Он схватил его и начал им меня бить. Каждый удар вызывал у меня все большее отупение, но я усиливал мою решимость, ни в коем случае не уступать этим животным, хвастав-шим тем, что они соперничают с гестапо.

— Отлично, — сказал Ша..., — как хочешь. Тебя придется передать хищникам.

«Хищники» были уже мне известны, но до каких пределов могут развернуться их таланты, этого я еще не знал.

Ир... потащил меня в первую комнату, где находились доска и магнето. При входе я успел заметить голого мусульманина, которого пинками заставляли подняться с пола и вытолкнули в коридор. Пока Ир..., Ша... и другие занимались мною, остальная часть команды продолжала свою «работу», используя свободную доску и магнето. Не теряя времени, они «допрашивали» другого заключенного.

Ло... привязал меня к доске. Начался новый «сеанс» пытки электричеством.

---

[1] *Франсуа Миттеран* — активный участник французского Движения Сопротивления, член французского парламента и генеральный секретарь Французской ассоциации бывших военнопленных.

— Сейчас ты узнаешь, что такое большая машина, — сказал он. Я увидел в руках моего палача большее, чем прежде, магнето, и мучения мои стали еще ужаснее. Теперь я почувствовал не пронзительные и стремительные укусы, которые как бы вырывали из моего тела клочки мяса, а гораздо более острую боль, проникавшую глубоко в мои мышцы и надолго выворачивавшую их. Я судорожно съежился в своих путах, сжимая челюстями заткнутую мне в рот рубашку. Я лежал с закрытыми глазами. Когда они прекратили пытку, я продолжал дрожать от нервного напряжения.

— Ты умеешь плавать? — спросил Ло..., склонившись надо мной. — Мы тебя научим. Пошли к водопроводу!

Они подняли доску, к которой я все еще был привязан, и потащили меня в кухню. Там они положили конец доски, где лежала моя голова, на раковину. Два или три парашютиста держали другой конец. Кухня освещалась лишь слабым светом, проникавшим из коридора. В полутьме я различил Ир..., Ша... и капитана Де..., видимо, руководившего всей операцией. Ло... прикрепил к блестевшему над моим лицом никелированному крану резиновый шланг. Когда Ло... начал оборачивать мою голову тряпкой, Де... сказал ему: — Воткните ему в рот распорку. — Ло... зажал мне нос. Он старался сунуть мне в рот деревянный клин, чтобы я не мог сжать челюсти или вытолкнуть шланг.

Когда все приготовления были закончены, Ло... сказал мне: — Когда ты пожелаешь говорить, пошевели пальцами. — И он открыл кран. Тряпка быстро пропиталась водой. Вода текла повсюду: она попадала мне в рот, в нос, заливала лицо. В первые мгновения мне удалось набрать несколько маленьких глотков воздуха. Я старался сжать глотку, чтобы глотать как можно меньше воды, и пытался бороться с удушьем, задерживая воздух возможно дольше в легких. Но эта борьба продолжалась всего несколько мгновений. Я почувствовал, что захлебываюсь, и ужасное ощущение близкой смерти охватило меня. Вопреки воле все мускулы моего тела отчаянно напряглись, как бы желая спасти меня от удушья. Пальцы рук бешено затрепетали. — Все в порядке! Он хочет давать показания, — сказал кто-то.

Кран закрыли, и с моей головы сняли тряпку. Я вздохнул. В полутьме я различил обоих лейтенантов и капитана с сигаретой в зубах. Изо всех сил они ударяли меня по животу, чтобы вместе с рвотой вышла вода, которой я наглотался. Я был так опьянен вдыхаемым воздухом, что почти не чувствовал ударов. — Ну, говори! — Я молчал. — Он над нами издевается! Назад его, под кран!

Теперь я так сжал кулаки, что ногти пальцев впились в ладони. Я решил не шевелить больше пальцами, предпочитая умереть при первом же удушье. Я испытывал страх перед тем ужасным моментом, когда, погружаясь в бессознательное состояние, всеми силами борешься против наступления смерти. Пальцами я больше не шевелил. Трижды мне

пришлось испытать это невыносимое состояние. В последнюю минуту мне каждый раз давали передышку и заставляли выплевывать воду.

Во время последнего удушья я лишился сознания.

Когда я открыл глаза, мне потребовалось несколько секунд, чтобы освоиться с обстановкой. Меня отвязали. Я лежал голый на полу, вокруг стояли парашютисты... Ша... склонился надо мной. — Все в порядке, — сказал он присутствовавшим в комнате, — он приходит в себя. — И, повернувшись ко мне, продолжал: — Ты чуть было не отдал богу душу. Не думай только, что тебе всегда удастся отделываться обмороком... Встань! — Они поставили меня на ноги. Чтобы удержаться на ногах, я даже хватался за одежду моих палачей. Пинками и пощечинами они перебрасывали меня от одного к другому. Я попытался защищаться рукой. — Эта скотина еще сопротивляется, — сказал кто-то.

— А теперь что с ним будем делать? — спросил другой. И среди общего смеха я услышал: — Будем его поджаривать. — Хм, я никогда не видел, как это делается, — сказал Ша... Он говорил тоном человека, собирающегося поставить новый опыт.

Меня втолкнули в кухню и заставили лечь между плитой и раковиной. Ло... обвернул мои лодыжки мокрой тряпкой и крепко завязал веревкой. Затем меня приподняли и привязали за ноги к перекладине металлического каркаса вытяжного колпака. Я висел головой вниз, и пальцы моих рук касались пола. Мои палачи некоторое время забавлялись, раскачивая меня, как мешок с песком. Затем я увидел, как Ло... медленно, на уровне моих глаз зажег пучок бумаги. Он поднялся. Вдруг я почувствовал, как пламя охватило мои половые органы и ноги, опаляя волосы. Я так резко изогнулся в пояснице, что толкнул Ло... Он дважды возобновлял свой эксперимент и наконец поднес пламя к одному из сосков моей груди.

Но я уже реагировал слабо, и офицеры удалились. Со мной остались только Ло... и еще один парашютист. Время от времени они избивали меня или наступали на кончики моих пальцев сапогами, как бы желая напомнить о своем присутствии. Я старался наблюдать за ними, чтобы их удары не застали меня врасплох, а в моменты, когда наступала передышка, пытался думать о чем угодно, но только не о мучительной боли, которую причиняла мне веревка, врезавшаяся в ноги.

Наконец из коридора ко мне направились два солдата, и я увидел перевернутое изображение физиономии Ша..., присевшего на корточки и пристально смотревшего на меня. — Ну как, будешь говорить? Ты не передумал? — Я смотрел на него, не отвечая. — Отвяжите его! — Ло... начал развязывать веревку, которой были привязаны к перекладине мои ноги, в то время как другой парашютист ухватил меня под руки. Я упал плашмя на цементный пол. — Встань! — Я не в состоянии был подняться самостоятельно. Поддерживаемый с обеих сторон, я почувствовал,

что ступни моих ног сильно опухли, и при каждом шаге испытывал такое ощущение, словно погружался во что-то мягкое. Я надел куртку и брюки и от пинка кубарем полетел вниз по лестнице.

Внизу меня поднял другой парашютист и, придерживая обеими руками, прислонил спиной к стене. От холода и нервного истощения я дрожал и щелкал зубами. К нам спустился подручный Ло..., «занимавшийся» мной в кухне. — Марш! — скомандовал он и ударом ноги повалил меня на пол. — Разве ты не видишь, что он уже не держится на ногах, — сказал другой, судя по произношению, солдат, прибывший из Франции. — Оставь его в покое! — Это были первые человеческие слова, услышанные мной. — Таких типов, как он, следовало бы сразу приканчивать, — возразил мой палач. Ноги мои сильно дрожали, и, чтобы не упасть, я прислонился ладонями и лбом к стене коридора. Он приказал мне заложить руки за спину, связал их тонкой веревкой и швырнул меня в камеру.

Я подполз к соломенному тюфяку, находившемуся у стены, и попытался лечь на живот. Но тюфяк оказался со всех сторон обитым колючей проволокой. За дверью раздался хохот: — Я поместил его в камеру, где тюфяк из колючей проволоки, — говорил тот же парашютист. Другой голос ответил ему: — А все же он выиграл ночь и дал своим товарищам возможность скрыться.

Веревка врезалась в мое тело, причиняя сильную боль, а связанные за спиной руки выворачивали плечи. Я пытался разодрать пальцы о грубый цементный пол, чтобы вызвать кровотечение и тем хоть немного ослабить боль в моих опухших руках. Но мне это не удалось.

Через слуховое окно в верхней части стены я увидел клочок посветлевшего ночного неба. До моего слуха донеслось пение петуха, и я решил, что офицеры и парашютисты, уставшие от своей «ночной работы», ранее девяти часов не придут. Нужно было как можно лучше использовать оставшееся в моем распоряжении время, чтобы набраться побольше сил для следующего «допроса». Я ложился то на одно, то на другое плечо, стараясь расслабить стягивавшие меня путы, но тело продолжало ныть. Я все время дрожал и не находил покоя. Несколько раз я постучал в дверь. Наконец ко мне пришли: — Что тебе нужно? — Я хочу помочиться. — Мочись на самого себя! — ответил голос за дверью.

Было уже совсем светло, когда в камеру вошел тот парашютист, который считал чрезмерной жестокость своего коллеги. — Пошли, вас переводят в другую камеру. — Он помог мне подняться и, поддерживая под руку, повел.

Поднявшись по лестнице, мы вышли на огромную площадку. Здесь сильно пригревало солнце, и отсюда открывался вид на весь квартал Эль-Биар. Припомнив прочитанные мною описания этой площадки, я мгновенно понял, что находился в том самом здании, где погиб адвокат алжирского апелляционного суда Али-Бумендjел. По заявлению пала-

чей, он «покончил самоубийством», бросившись именно с этой площадки. Мы спустились по другой лестнице в соседнюю часть здания, и мой тюремщик запер меня в маленькой темной клетушке. Это был карцер размерами едва больше стенного шкафа, куда совершенно не проникал дневной свет. Только через узенькое отверстие в верхней части стены, выходившее в вентиляционную шахту, был виден его слабый отблеск. Я с трудом пополз в угол, чтобы прислонить спину к стене и смягчить ноющую боль в плечах.

Вскоре в коридоре наступило оживление: здание наполнилось шумом шагов и голосов. Я ожидал прихода моих палачей. Но Ир... явился один. Он схватил меня за плечи, чтобы помочь встать на ноги, и вывел на лестничную площадку. — Вот он, господин майор.

Передо мной стоял майор десантных войск в «маскировочной» форме и синем берете — высокий, дряхлый, очень худой. Спокойным ироническим тоном он произнес: — Вы журналист? Значит, вы должны понять, что мы хотим иметь информацию. Вы должны нас информировать. — Очевидно, он хотел только взглянуть на меня, так как меня тут же отвели обратно в карцер. Но я недолго оставался один. Вскоре пришел Ир... в сопровождении Ша... и парашютиста с магнето. Остановившись у порога, они уставились на меня. — Ты все еще не желаешь говорить? Знай, мы тебя доконаем. — Я сидел, прислонившись к стене напротив двери. Они вошли, зажгли свет и расположились вокруг меня полукругом.

— Нужно заткнуть ему глотку, — сказал Ша... Он засунул руку в один из вьюков, которые принесли сюда, и вытащил засаленное полотенце.

— Оставь его, — сказал Ир..., — пусть кричит, сколько хочет, ведь мы в третьем подвале.

— Но это все же неприятно, — возразил Ша...

Они расстегнули мои брюки, спустили трусы, присоединили электроды к нижней части живота и начали поочередно крутить рукоятку большого магнето. Я кричал лишь в начале пытки и при каждом «возобновлении» ударов тока, но мои конвульсии были теперь не такими резкими, как прежде. Очевидно, палачи предполагали, как я буду теперь себя вести, так как не посчитали даже нужным привязать меня к доске. В то время как шла пытка, громкоговоритель горланил модные песенки. Музыка доносилась, вероятно, из офицерского клуба или комнаты отдыха, находившихся где-то совсем рядом. Ее звуки заглушали в значительной мере мои крики. Видимо, Ир... и имел в виду такое расположение карцера, когда говорил о «третьем подвале». По мере того как пытка продолжалась, силы мои иссякали. Я валился то вправо, то влево. Тогда один из лейтенантов отъединял от паха один зажим и, покалывая им мое лицо, заставлял меня выпрямляться. — Готов спорить, — сказал Ша..., — что ему это нравится. — Они посовещались и решили,

что меня нужно проучить. — Не отключай провода, — сказал Ир..., — мы ведь вернемся. — Они вышли, не отключив магнето.

Должно быть, я сразу заснул, так как, очнувшись, подумал, что со времени ухода палачей прошло лишь мгновение. Затем я вообще потерял всякое ощущение времени.

Первым вошел Ир... Ударив меня ногой, он крикнул: — Сесть! — Я не шевельнулся. Тогда он схватил меня и прислонил к стене. Спустя миг я снова извивался под действием электрического тока. Я чувствовал, что мое сопротивление ожесточало и раздражало их.

— Сунем ему провод в рот, — сказал Ир... — Открой рот! — крикнул он. Чтобы заставить меня подчиниться, Ир... зажал мне нос и, когда я открыл рот, чтобы вдохнуть воздух, воткнул мне до самого нёба оголенный провод. В то же время Ша... начал крутить ручку магнето. Напряжение тока возрастало, и по мере его увеличения все более мучительные судороги сжимали мне горло, челюсть, лицо и веки.

Провод теперь держал Ша... — Можешь отпустить его, — сказал Ир..., — он будет теперь держаться сам. — И действительно, мои челюсти так сжимали электрод, что никакими силами мне не удавалось разжать зубы. Глаза были закрыты, и мне казалось, что передо мной мелькали огненные вспышки и светящиеся геометрические фигуры. Я испытывал такое ощущение, словно какая-то сила изнутри резкими толчками выдавливала мне глаза из орбит. Напряжение тока, а вместе с ним и мои страдания достигли предела: мне казалось, что большую боль причинить уже невозможно. Однако я услышал, как Ир... сказал парашютисту, крутившему ручку магнето: — Давай небольшими порциями: замедляй, а затем ускоряй... — Я почувствовал, что ток уменьшается и судороги, сковывающие мое тело, слабеют; но через мгновение вращение магнето ускорилось, и ток снова начал четвертовать меня. Чтобы заглушить страдания, причиняемые столь резким изменением напряжения тока, я изо всех сил начал ударять головой об пол, и каждый удар приносил мне облегчение. Совсем близко возле моего уха я услышал крик Ир...: — Не пытайся покончить с собой. Это тебе не удастся.

Наконец они остановились. В глазах у меня все еще мелькали световые линии и точки, а в ушах раздавался шум, напоминавший звук бормашины.

Мгновение спустя я увидел их всех троих. Они стояли возле меня. — Ну как? — сказал Ша... Я молчал.

— Боже мой! — произнес Ир... и со всего размаху влепил мне пощечину.

— Послушай, — сказал Ша... более спокойным тоном, — на что ты рассчитываешь? Если ты не желаешь давать показания, мы возьмемся за твою жену. Неужели ты думаешь, что она устоит перед пытками? —

Затем надо мной склонился Ир... — Ты думаешь, что твои дети вне опасности, потому что они находятся во Франции? Мы можем доставить их сюда в любую минуту.

В этой кошмарной обстановке я с трудом отличал угрозы, которые следовало принимать всерьез, от простого шантажа. Я знал, что они были способны подвергнуть пыткам Жильберту, как они это делали с Габриель Жимене, Бланш Муан, Элиетт Лу и другими молодыми женщинами. Впоследствии я узнал, что они пытали даже мадам Тури (жену известного актера алжирского радиоцентра) в присутствии мужа, чтобы заставить его дать показания. Я опасался, что они заметят страх, который меня охватил при мысли, что их угрозы могут быть приведены в исполнение. Поэтому слова одного из палачей: «Его это не трогает, его вообще ничто не тревожит» — доставили мне почти облегчение.

Они удалились, но мысль о том, что Жильберта в любой момент могла оказаться привязанной к этой доске и подвергнуться истязаниям, меня не покидала.

Некоторое время спустя вернулся Ша..., сопровождаемый другим парашютистом. Они снова подключили к моему телу магнето и вышли. Мне казалось, что они непрерывно входили и выходили, делая короткие передышки. Я видел, как Ша... водил электрическим проводом по моей груди, неустанно повторяя один и тот же вопрос: — Где ты но-чевал на-ка-ну-не арес-та? — Они сунули мне под нос фотографию одного из руководителей партии, которого разыскивали: — Где он? — Я молча смотрел на Ша..., пришедшего на сей раз в сопровождении Ир... Он был в штатском и выглядел очень элегантно. Я кашлянул, и Ша... поспешно отодвинулся: — Осторожно, он сейчас плюнет.

— Ну и пусть, — отозвался Ир...

— Я не люблю этого, это негигиенично.

Ша... заторопился, боясь запачкать свой костюм. Он поднялся и собрался выйти. Я решил, что он спешит на какой-нибудь вечер; следовательно, со времени моего ареста прошел еще один день. И неожиданно сознание того, что этим зверям не удалось одержать надо мной победу, наполнило мое сердце радостью.

Ир... тоже ушел. Но я недолго оставался один. В мою темную камеру втолкнули мусульманина. Сквозь приоткрытую дверь на мгновение проник луч света, и я различил его силуэт: это был молодой скромно одетый человек в наручниках. Ощупью он приблизился и сел возле меня. Временами меня снова трясло, и я со стоном вздрагивал, словно пытка электричеством все еще продолжалась. Он увидел, что я дрожу, и натянул мне на плечи мою куртку. Он поддержал меня, чтобы я мог встать на колени и помочиться у стены, а затем помог мне снова улечься. — Отдохни, друг, отдохни, — сказал он. Я хотел сказать ему: «Я — Аллег, бывший директор «Альже репюбликен». Скажи на воле, если сможешь, что я здесь умер».

Но для этого мне нужно было сделать усилие. Дверь неожиданно отворилась, и я не успел ему ничего сказать. В коридоре кто-то говорил: — Почему этого заперли сюда? — Мусульманина вывели. Через некоторое время дверь снова отворилась и в камеру вошли два парашютиста. Электрический фонарь осветил мое лицо. Я ожидал, что меня ударят, но они не тронули меня. Я сделал усилие, чтобы разглядеть, с кем имею дело. Но я услышал только, как молодой голос сказал: — Это ужасно, не правда ли? — и другой ответил: — Да, это ужасно. — Они удалились.

Наконец неожиданно зажегся свет. В камеру вошли два парашютиста из команды Ир... — Он все еще молчит? — Не беспокойся, через пять минут он заговорит. — Слушай, — произнес второй, — ты рассказал о своем трюке лейтенанту? — Да.

Я понял, что мне готовится новая пытка.

Позади них появился Ир... Он нагнулся, поднял меня и прислонил к стене. Расстегнув мою куртку и усевшись напротив меня, он прижал мои распростертые на полу ноги своими. Затем, вынув из кармана своих брюк спички, Ир... зажег одну и очень медленно провел перед моими глазами, желая убедиться, слежу ли я взглядом за огнем и не испытываю ли страха. Потом он поднес горящую спичку сначала к одной, затем к другой груди — Давай начинай! — сказал он, обращаясь к одному из своих помощников. Тот зажег приготовленные заранее пучки бумаги и поднес их к моим ступням. Я не шевелился и не проронил ни звука: я потерял всякую чувствительность. И в то время как Ир... жег мое тело, я смотрел на него не мигая. Придя в бешенство, он ударил меня ногой ниже живота и заорал: — Тебе крышка! Проклятый! Слышишь? Ты заговоришь наконец? Да или нет, черт тебя побери!... Ты хочешь, чтобы я тебя на месте прикончил, а? Но это еще не конец. Ты знаешь, что такое жажда? Ты подохнешь от жажды!

Электрический ток иссушил мой язык, губы и горло, и они стали жесткими и твердыми, как дерево... Ир..., вероятно, знал, что пытка электричеством вызывает невыносимую жажду. Он отложил спички и взял в руки кружку и цинковый сосуд. Уже два дня, как ты не пил. Еще четыре дня — и ты подохнешь. Четыре дня — это очень большой срок! Тебе придется вылизывать свою мочу. — Держа кружку перед моими глазами или возле моего уха, он начал медленно переливать воду в сосуд. При этом он приговаривал: — Начнешь говорить — и получишь пить... Начнешь говорить — и получишь пить... Начнешь говорить и получишь пить. — Он раздвигал мои губы краем кружки, в которой оставалось совсем мало воды. Я видел, как на дне ее плескалась живительная влага, но мне не удавалось даже смочить губы. Склонившись надо мной, Ир... посмеивался над моими бесполезными усилиями.

— Скажи ребятам, чтобы они пришли посмотреть на муки Тантала, — весело сказал он. На пороге показались другие парашютисты.

Несмотря на состояние отупения, в котором я находился, я поднял голову и перестал смотреть на воду, чтобы своими страданиями не доставить удовольствие этим скотам

— Не такие уж мы подлецы, как ты думаешь! Так и быть, дадим тебе попить, — воскликнул Ир... и поднес к моим губам наполненную до краев кружку. Я колебался. Тогда Ир... зажал мне нос, запрокинул мою голову и вылил мне в рот содержимое кружки: вода в ней была страшно соленой.

Снова наступил перерыв, длившийся несколько минут или часов, после чего в камеру вошел капитан Де... вместе со своими помощниками. С ним были Ло..., Ир... и верзила-парашютист, принимавший участие в пытке в среду. Они прислонили меня к стене, и Ло... присоединил зажимы электродов к моему уху и к пальцу руки. При каждом ударе тока я уже не кричал, а только вздрагивал, став почти таким же нечувствительным, как магнето. Де... подал знак остановиться.

Сидя на вьюке почти рядом со мной и покуривая сигарету, он заговорил очень слащавым тоном, сильно отличавшимся от криков парашютистов, все еще звучавших в моих ушах. Де... болтал, на первый взгляд, о несущественных вещах, казалось, не имевших никакого отношения к вопросам, которыми меня осаждали с момента ареста. Как бы невзначай, он спросил меня, многие ли газеты входили в Федерацию печати. Я собрался ему ответить, но едва мог пошевелить пересохшими и затвердевшими губами. Из моего горла вылетел лишь слабый хрип. Я сделал усилие, чтобы произнести несколько названий, но Де... задал уже следующий вопрос, словно он вытекал из предыдущего: — А ведь Одэн хороший товарищ, не правда ли? — Этот вопрос насторожил меня: я понял, что он незаметно пытался заставить меня заговорить о том, что его интересовало. Находясь в состоянии отупения, в которое ввергли меня побои и пытка, я отчетливо сознавал лишь одно: ни слова не говорить, никаких уступок им. И я замолк. В то же мгновение выведенный из себя Де... вскочил и со всей силой начал бить меня по лицу; моя голова в такт пощечинам болталась из стороны в сторону, но я стал настолько нечувствителен к боли, что даже не закрывал глаза, когда удары палача обрушивались на меня. Наконец он остановился и потребовал принести воды. — Мы уже пробовали это, капитан, — сказал Ир... Но Де... все же взял бидон и кружку, которые ему подали. Так же как и лейтенант, он переливал перед моими глазами воду из одного сосуда в другой и поднес кружку к моим губам. Но я не сделал даже попытки прикоснуться к воде. Обескураженный моим равнодушием, он поставил кружку на пол. Я свалился на бок и опрокинул ее. — Нужно, — сказал Ир..., — получше вытереть пол, чтобы он не смог вылизать его.

Де... отошел в сторону, Ир... взял реле и, склонившись надо мной, пронзительно закричал:

— Тебе крышка! Это твой последний шанс! Последний шанс!

Затем и пришел сюда капитан. Парашютист, пришедший вместе с Ло... и сидевший в углу, вынул свой пистолет и молча начал тщательно осматривать его, как бы желая убедиться, что все в порядке. Затем он положил его к себе на колени, словно ожидая приказа. Тем временем Ло... подключил к моему телу электроды и без всякого усердия, рывками начал крутить рукоятку магнето. Я вздрагивал от каждого удара тока, но боялся теперь другого. Мне казалось, что на полу у стены лежат обернутые бумагой огромные клещи, и я хотел представить себе, какие новые мучения ожидали меня. Я подумал, что, быть может, с помощью этого инструмента они попытаются вырвать у меня ногти, и тотчас же удивился, что не ощутил при этом страха. Мысль о том, что у меня на руках всего десять ногтей, даже как-то успокоила меня. Как только они погасили свет и вышли, я пополз к стене и догадался, что за клещи я принял канализационную трубу, выступавшую из каменной кладки.

Мне становилось все труднее думать, так как жар мутил мой рассудок, но я понимал, что палачи были уже на пределе своих возможностей. В моей голове пронеслись обрывки старинных изречений: «Бесконечно организм не может сопротивляться — наступает момент, когда сердце сдает». Так два месяца тому назад погиб наш молодой товарищ Джегри в карцере виллы С., являющейся владением «синих беретов» капитана Фо...

После долгого перерыва дверь снова отворилась и в камеру вошел Ир... в сопровождении двух офицеров, которых я прежде не видел. В темноте один из них присел возле меня на корточки и, как бы желая вызвать мое доверие, положил свою руку мне на плечо: — Я адъютант генерала М...

Это был лейтенант Ма...

— Мне тяжело видеть вас в таком состоянии. Вам тридцать шесть лет: вы слишком молоды, чтобы умереть. — Он повернулся к двум другим и попросил их выйти, пояснив, что желал бы поговорить со мной наедине. Дверь затворилась, и мы остались вдвоем.

— Вы отказываетесь давать показания из боязни, что это получит огласку? Никто об этом не узнает, и мы возьмем вас под свою защиту. Расскажите все, что вам известно, и я немедленно отправлю вас в лазарет. Через восемь дней вы будете во Франции с женой, даю вам слово. Если вы этого не сделаете, вы исчезнете.

Он ждал ответа. Я сказал то, что единственно пришло мне на ум: — Тем хуже!

— У вас есть дети, — продолжал он, — вы могли бы с ними увидеться; хотите, чтобы я сказал им, что знал их отца?.. Итак, вы не желаете разговаривать? Если уйду я, вернутся они и уже не остановятся, пока не доведут дело до конца.

Я продолжал молчать. Он поднялся, но, прежде чем выйти, добавил: — Вам остается только покончить с собой!

Я слышал, как он сказал ожидавшим его в коридоре офицерам: — Вот уже десять, пятнадцать лет, как они вбили себе в голову, что, если их арестуют, они должны молчать. И разубедить их нет никакой возможности.

Я почувствовал, что еще один этап пытки окончился. Действительно, через несколько минут в камеру вошли два парашютиста. Они развязали мне руки, помогли подняться на ноги и, поддерживая под руки, повели к площадке. Каждые две-три ступеньки они останавливались, чтобы дать мне возможность перевести дыхание. Встречавшиеся нам на лестнице парашютисты острили: — Вы бы взяли его на руки! Он сам не умеет ходить?

— Это тот, которому доставалось двенадцать часов подряд, — как бы извиняясь, сказал один из сопровождавших меня солдат. Наконец мы спустились и очутились в соседнем здании.

<...>

Они снова попытались подвергнуть меня допросу. Сначала Ша..., затем Де... и, наконец, другой, не знакомый мне офицер. Меня привели в канцелярию, находившуюся на том же этаже. Я сел напротив них. На сей раз в вежливой форме они задали мне вопрос, который задавали сотни раз:

— Где вы ночевали накануне вашего ареста?

— Я уже ответил на этот вопрос, когда вы меня пытали. Я говорил, что не скажу ничего.

Они улыбнулись, но не настаивали. Затем Де... спросил:

— А квартирная плата вносилась на ваше имя? На этот вопрос вы можете нам ответить: если вы этого не сделаете, нам об этом скажет консьержка. Вы ведь понимаете, что это не имеет значения.

— Обратитесь к консьержке, если хотите, я не намерен вам помогать.

Беседа продолжалась не более двух-трех минут, после чего Ша... отвел меня в камеру.

Несколько дней спустя меня навестил лейтенант Ма..., адъютант генерала М... В начале разговора он без всякой иронии заявил, что счастлив видеть, что я себя лучше чувствую. Затем весьма многословно охарактеризовал мне политическую точку зрения офицеров-колониалистов: «Мы отсюда не уйдем» — таков был его главный вывод. Нищета алжирцев? Но ее совсем не следует преувеличивать. Он заговорил об одном «туземце», который зарабатывал 80 тысяч франков в месяц. «Колониализм? Это слово выдумано пораженцами. Разумеется, были случаи несправедливости, но теперь с этим покончено. Пытки? Но мы ведь воюем не с детьми. Война давным-давно закончилась бы, если бы коммунисты, либералы и «сентиментальная» пресса не восстанавливали общественное мнение против парашютистов и не мешали бы им «работать». У меня не было никакого желания поддерживать этот разговор, и я лишь ограничился замечанием, что, к счастью, Франция имеет иных

представителей и иные доказательства своего величия; затем я продолжал иронически отвечать на все его утверждения, типичные для колониалистов.

Наконец, он перешел к вопросу, который послужил поводом к визиту. Мне делалось новое предложение: от меня уже не требовали, чтобы я отвечал на поставленные вопросы, мне только предлагали письменно изложить свое мнение о современном положении Алжира и перспективах его развития, после чего я буду немедленно освобожден. Разумеется, я отказался.

— Почему? — спросил он, — вы боитесь, чтобы этим не воспользовались против вас?

— Это во-первых, — ответил я. — С другой стороны, я не намерен сотрудничать с вами. Если вас интересует мое мнение и мнение моих друзей по алжирскому вопросу, возьмите комплект «Альже репюбликен»: они у вас имеются все, так как ваша газета «Ле блел» занимает наше помещение.

Он не стал настаивать и, перейдя к другой теме, неожиданно сказал: — Знаете, меня навестила ваша жена в сопровождении адвоката. Она спросила меня, живы ли вы. Я сказал, что вы *еще* живы. — Затем он добавил: — Как жалко. Вы мне так симпатичны. И я восхищаюсь вашей выдержкой. Разрешите пожать вам руку, быть может, я вас больше не увижу. — Сыграв свою роль, он ушел.

<...>

Так целый месяц жил я с никогда не покидавшей меня мыслью, что смерть уже совсем близко. Я ждал, что она нагрянет к вечеру или на рассвете следующего дня.

Кошмары и нервная дрожь продолжали тревожить мой сон, и я внезапно просыпался. Я нисколько не удивился, когда однажды вечером в мою камеру вошел Ша... Было примерно двадцать два часа. Я стоял у слухового окна и глядел на бульвар Клемансо, по которому изредка проезжали автомашины. Он сказал мне:

— Приготовьтесь, идти нам недалеко.

Я надел мою грязную и мятую куртку. В коридоре я услышал, как он сказал: «Приготовьте также Одэна и Хаджаджа, но брать их поодиночке». Десятки раз я подводил уже итог своей жизни, полагая, что наступает конец. Мои мысли еще раз обратились к Жильберте и ко всем, кого я любил и кому моя смерть должна была причинить тяжелые страдания. Но меня воодушевляло сознание того, что я вышел из борьбы победителем и умирал так, как хотел умереть: сохранив верность своим идеалам и товарищам по борьбе.

Со двора донесся шум мотора, и одна из машин уехала. Мгновение спустя со стороны виллы Оливье послышалась длинная очередь автомата. Я подумал: «Одэн».

Я продолжал стоять у окна, чтобы по возможности дольше вдыхать ночной воздух и видеть огни города. Но прошли минуты и часы, а Ша... все не приходил за мной.

Я закончил мой рассказ. Еще никогда я не писал с таким трудом. Быть может, все это еще слишком свежо в моей памяти. Быть может, причиной этого является также сознание того, что ужасы, пережитые мной, все еще являются уделом других, и что они будут продолжаться до тех пор, пока не прекратится эта отвратительная война. Но я считал своим долгом рассказать все, что знал. Я должен был это сделать ради «исчезнувшего» Одэна, ради всех тех, кого унижают и истязают, кто мужественно продолжает борьбу. Я обязан был это сделать во имя тех, кто каждый день умирает в борьбе за свободу своей страны.

Я написал эти строки четыре месяца спустя после того, как меня поместили в 72-ю камеру гражданской тюрьмы Алжира.

Всего несколько дней тому назад вслед за кровью Фернана Иветона кровь трех других молодых алжирцев обагрила тюремный двор. Крик боли, вырвавшийся из всех камер в момент, когда палач пришел за своими жертвами, как и воцарившаяся затем абсолютная, торжественная тишина символизировали трепет души Алжира. Шел дождь, и капли, свисавшие с решетки моей камеры, блестели в темноте. Надзиратели захлопнули все окна, но мы услышали, как один из осужденных крикнул перед расстрелом: «Да здравствует Алжир!» И в тот самый момент, когда, по-видимому, первый из троих поднялся на эшафот, из женской тюрьмы вырвались звуки песни алжирских бойцов:

С наших гор
Прозвучал голос свободных людей:
Они требуют независимости отчизны.
Я отдаю тебе все, что люблю.
Я отдаю тебе жизнь мою,
О страна моя... О страна моя...

Все это я должен был сказать тем французам, которые пожелают прочесть мой рассказ. Они должны знать, что алжирцы не смешивают своих палачей с великим народом Франции, столь многому научившим их, дружба с которым им так дорога.

Французы должны знать, что здесь творят, *прикрываясь их именем*.

Ноябрь 1957 года.

МАДЛЕН РИФФО

Тяжкий долг всякого журналиста,
достойного этого имени, быть свидетелем
преступлений и разоблачать их.

РЕПОРТАЖ С ТОГО СВЕТА[1]

(От нашего специального корреспондентана алжиро-тунисской границе)

Поймите, как сможете. Я не могу сказать все. Наступило время, когда журналисты вынуждены подбирать слова, чтобы рассказать, что они увидели, о чем узнали, что происходит на самом деле, когда речь идет о некой войне.

Я вернулась с того света. Имя его — Туареф, Кеф, Саккиет. Но это мог быть и Сук-эль-Арба, Гафса, Сбейтла... Тот свет расположен на границе между Тунисом и Алжиром, там, где идет война.

Я исходила этот район вдоль и поперек. Голые склоны гор, лунный пейзаж почти без деревьев и птиц. Камни на песке, и среди них мечется сирокко, несущий запах смерти...

Цензоры могут успокоиться. Я вовсе не искала солдат Армии национального освобождения и не встречалась ни с одним из них. Это не входило в мою задачу.

Но алжирцев я видела, не отказываюсь. Их здесь что-то около 160 тысяч, в том числе по крайней мере 50 тысяч беспризорных детей. Я говорю по крайней мере: никто не в состоянии их сосчитать — так их разбросало в потоке беженцев вдоль заграждений «линии Мориса», растянувшейся на сотни километров по границе.

Если здесь нет птиц, то только потому, что их давно уже съели, даже самых маленьких.

Я вернулась из края такого безмерного горя и голода, что пожертвования со всего мира в лучшем случае могут лишь не дать людям умереть.

---

[1] В «Репортаж с того света» вошли очерки журналистки с алжиро-тунисской границы, напечатанные на страницах «Юманите» в ноябре 1960 года. — *Прим. сост.*

Печатается по: *Риффо Мадлен.* От вашего специального корреспондента... / Пер. с фр. под ред. М. Видясовой. М.: Правда, 1965.

И все же мальчишка-алжирец, который сказал мне: «Твоя пишущая машинка трещит, как пулемет вдалеке», мальчишка, который родился вместе с войной и не знал ни о чем другом, кроме пулеметов и ружей, мальчишка, голодающий в горах Туниса, признал: «Здесь хорошо, нам нравится. Знаешь, здесь спокойно». А на алжирской стороне, в нескольких километрах отсюда, в то утро — я хорошо помню — грохотала война...

I. Тот, что побольше, нес суповую миску

Сироты. Дети без имен... Их тысячи на границах Марокко и Туниса. А кто может сказать, сколько их в пылающем Алжире? Мы еще вернемся к границам, пройдем по кругам ада. А пока заглянем к тем, кто поближе, к «привилегированным», живущим в пригородах Туниса, где ценою огромных усилий Всеобщий союз алжирских трудящихся открыл пять детских домов.

Их забросили сюда жестокие превратности войны. Вот два малыша: даже здесь они все еще держатся за руки... Это случилось в день, когда армия стерла с лица земли деревни недалеко от Сук-Ахраса, чтобы создать запрещенные зоны, изгнав оттуда население, подозреваемое в том, что оно оказывает помощь Армии национального освобождения. Однажды рано утром после бесконечной бомбежки дозорные заметили, как они спускались с горы, направляясь к границе мира. «Мы прятались в кустах».

Они шли к тунисским часовым, маленькие, едва заметные на склоне горы, крепко держась за руки, босые, в лохмотьях. Тот, что побольше, тащил — одному богу ведомо зачем — глиняную суповую миску. Пустую, конечно.

Два мальчика-с-пальчика с «линии Мориса», без крова, без отца и матери. У них нет ничего, кроме страшных воспоминаний, и эти воспоминания до сих пор заставляют их стонать во сне. Таких, как они, тысячи. Некоторые из них искалечены: у того нет ноги, у другого — руки... Многие приходят к границе больными: туберкулезом, в лучшем случае рахитом. Курчавые волосы изъедены лишаем. Они не умеют улыбаться. Долгое время отказываются участвовать в играх, и только некоторое время спустя они не вновь учатся, а вы понимаете, просто учатся играть...

Первые месяцы они по привычке стараются припрятать под соломенный тюфяк или в карман кусок хлеба от порции, которую получают. Они еще не в состоянии понять (ведь раньше этого с ними никогда не случалось), что отныне могут как следует поесть два раза в сутки.

Проходит немало времени, прежде чем они осмеливаются разговаривать с воспитателями. А между тем многие из воспитателей — алжирцы по национальности. И хотя у них нет никакой подготовки, нежность

подсказывает им свою собственную теорию педагогики. «Некоторые из этих детей словно волчата, рожденные войной и в войне. Другие — уже совсем взрослые, они слишком серьезны и хотят воевать. Армии пришлось силой заставлять их перебираться в Тунис. В десять лет они рвались в бой...

Насколько это возможно, мы предоставляем им полную свободу действий, даем им время привыкнуть к новой обстановке. Дом, сад, кровать, книги — все удивляет их, иногда даже пугает, потому что все это для них непривычно. Мы говорим: «Ешьте, спите, рисуйте что хотите». Ничего с них не спрашиваем. Мы хотим, чтобы они забыли пережитое».

Вот из-за этих акварельных рисунков я и пошла прежде всего в Марса, неподалеку от Туниса, в дом с названием «Ясмина», что означает «жасмин».

Ослики ногами кверху

На рисунках были изображены деревни, пейзажи, но в небе всегда были самолеты. Как и все дети на земле, маленькие алжирцы рисуют дома, осликов, поезда. Но их дома разворочены бомбами, ослики лежат ногами кверху, поезда сходят с рельс, заминированных партизанами. На других рисунках — закованные в цепи люди, которых солдаты бьют плетьми. Шестилетний Саид на своем рисунке хотел показать удар электрогенератора — магнето[1]. Девятилетний Али нарисовал собаку. Слава богу! Но, приглядевшись, вы замечаете, что собака вцепилась клыками в человеческое тело. Внутренний мир этих детей — апокалипсис, яркие краски кричат о пролитой крови, пытках... Какие видения теснятся за этими нахмуренными лбами, какие пожарища отражались в этих глазах?

Вам кажется, что вы уже все знаете о войне. Но вдруг ребенок, ее ровесник, взглянет на вас или начнет рисовать в вашем присутствии. И тогда внезапно вы сознаете: в сущности, сколько бы ни писали, как бы ни кричали, как бы ни разоблачали ужасы, порождаемые в течение последних шести лет алжирской войной, сказана лишь самая малость...

В «Ясмине» старшие ребята выпускают газету — на арабском и французском языках. Их обучают французскому, потому что, сказали мне алжирские воспитатели, «колонизаторы — это одно, а ваш народ — совсем другое. И то, что мы обучаем детей французскому языку, доказывает это».

Я сказала, что мы тоже выпускаем газету, чтобы рассказывать людям правду. В десять лет алжирец вполне способен разобраться в этом. Некоторые из них подходили ко мне один за другим без всякой подсказки со стороны воспитателей.

---

[1] Магнето использовались французскими ультра для пыток током.

На ломаном языке, смешивая арабские и знакомые французские слова, помогая друг другу найти нужное выражение, они рассказали столько, что можно было бы написать целую книгу.

«Мой отец сидит в тюрьме у военных. Он феллах. У нас почти не было земли, и мы работали у колониста. Я ходил в пастухах. Никогда не был в школе, пока не приехал сюда. Нашего дуара больше нет. Поэтому я и приехал сюда. Все, кто мог бежать, спаслись. Это произошло, когда они хотели установить электрическую линию ("линию Мориса" на границе между Тунисом и Алжиром). Рядом с нами жил старик. Он не расслышал, как солдаты кричали, чтобы мы уходили из деревни, и сгорел. А мама умерла».

«А я вместе с сестрой пас коров. Когда вечером мы вернулись домой, деревни больше не было. Они все сожгли. Где теперь родители, не знаю. Мы нашли одного мальчика — его звали Белькасем, — он спрятался от солдат. Он видел, как Франция, ну те, что в красных беретах[1], увели всех с поднятыми руками. Вот так. Нас осталось 12 ребят, и мы решили: "Пошли в Тунис". Мы жили в десяти километрах от Сук-Ахраса. Не пишите названия дуара и моего имени, потому что родители, может быть, попали в лагерь к военным. Мы шли два дня и две ночи и все время прятались. Потом встретили бойцов АНО. Они накормили нас и дали проводника, чтобы мы могли добраться до границы».

«Мой отец был шахтером в Куифе. Он умер на работе. Мне тогда было десять лет, и я носил пищу джунудам (бойцам АНО). Ведь мы, маленькие, правда, можем всюду проскочить. Мы много знаем. Поэтому нас, ребят, били палками, как и взрослых. Здесь ребята прозвали меня "сержантом". А мое имя Ахмед Б.Х. Мне теперь одиннадцать лет. (Его острые зубы сверкают в широкой улыбке, глаза ярко блестят. Обняв его, я почувствовала тепло его доверчивого ребячьего тела. Ему очень хочется говорить, говорить...) Как-то мама сказала: "Сходи в Тебессу и навести дядю в больнице". А дядя и говорит мне: "У меня есть 200 монет. Я скоро умру, так что они мне ни к чему. Забирай их и купи себе что-нибудь поесть". На улице — дело было к вечеру — я наткнулся на подвыпившего верхового, погонявшего десять коров, которых у кого-то отобрали парашютисты. Он говорит мне: "Отведи коров к французскому посту". А я подумал: джунуды-то голодают там у себя. Я ничего не боюсь. И я отправился в горы. Даже ночью гнал коров. Вдруг увидел костер. Джунуды спрашивают: "Это нам коровы?" Я говорю: "Ага". Тогда они стали меня обнимать, целовать, дали поесть. А командир сказал: "Ты будешь сержантом!"

В деревню я уже не вернулся: там шли бои. А потом тот верховой мог узнать меня. Командир сказал: "Поедешь в Тунис учиться". Я пла-

---

[1] *Красный берет* — головной убор французских парашютистов.

кал, хотел остаться с ними. Они, джунуды, не разрешали. И вот теперь я учусь читать. Что случилось с матерью, я не знаю».

Я бежал быстрее собаки

У другого малыша отрезана рука. «Это случилось, когда мы переходили через линию... Мне теперь надо хорошо заниматься. Ведь у меня только одна рука. Я могу стать учителем».

«Когда мы бежали, всё горело, кругом стреляли. Повсюду лежали трупы. Я погонял осла, который тащил тележку. Всех родных растерял. Может, они уже погибли».

«Они спустили на меня собаку. Видишь, вот шрамы (он задирает штанину — на ноге следы укусов). Но я бежал быстрее собаки. Отца они увели в свой лагерь. Он служил в полиции, но зато помогал нашей армии. Мама ходила забрать тело отца. Когда я увидел его, всего в ранах, то упал в обморок. Два дня у меня был жар. Мама сказала: “Уходи, они снова вернутся...”

В этот момент в комнату вошел воспитатель: “Пора играть. А тебе, Амар, время заниматься”. И как бы извиняясь передо мной, добавил: “Рассказывать о пережитом для них — облегчение. Но на сегодня хватит. Знаете, нам здесь труднее всего ночью, когда они начинают говорить во сне. И еще когда они болеют — а это случается часто, — и мы слышим, как они громко зовут: “Мама! Мамочка!” К счастью, они сильно привязались к нам. Вообще, что бы с ними ни случилось в прошлом, они не разучились любить. Да, удивительная это штука — детская душа... Да что говорить, вы сами видите, как они быстро к вам привыкли. Правда, до вас они видели австрийских и голландских врачей и уже не боятся людей, одетых по-европейски... Мы получаем посылки из СССР, Китая и Франции тоже. Они знают об этом. Сначала они спрашивали: “Скажи, как же так? Есть французы, которые приезжают сюда. Присылают нам еду и книги. Они плачут, крепко обнимают нас, хотят мира с Алжиром. А там, в нашей стране, есть такие, что приносят нам только зло. Почему?”

Я еще чувствовала на руках прикосновение этих хрупких телец. Перед глазами у меня были их щедрые улыбки и взгляды. В ушах еще звучали другие рассказы, которые я не могу, просто не могу — вы догадываетесь, почему, — передать здесь. Я ничего не могла ответить воспитателю.

К тому же в тот момент ему было не до моего ответа. Он был счастлив, на глазах блестели слезы радости, так как в его руки попал листок бумаги: “Невероятно! Бен Айд нарисовал цветы. В первый раз. Да еще левой рукой! Когда вы познакомитесь с Айдом, то поймете...”».

II. Мальчик, который потерял имя

Дон-Кихот с пыльных дорог, без клячи и Санчо, старый доктор Шуллер, австрийский врач, длинный и худой, как палка, часто бегал со мной по предместьям Туниса из одного детского дома в другой.

Он приехал, чтобы «подсобить», а потом остался. Да и как уехать, если каждый день приходится сражаться с помощью китайских, американских, советских или французских лекарств против полчищ болезней, вскормленных войной и голодом, когда до тысячи детей живет в тесноте в домах, не отапливаемых зимой, никогда не получая ни фруктов, ни сладкого из-за отсутствия средств.

«Но это еще не все, — рассказывает врач. — Прежде всего их надо вылечить от морального шока. Видите вон того, что играет со старыми ящиками? Долгое время мальчишки звали его "Тайра сафра". В переводе с арабского это "Желтый самолет". Мы тут недалеко от аэродрома. При виде самолета, пролетающего над домом, мальчуган каждый раз бежал прятаться под стол. Стоило кому-нибудь крикнуть: "Желтый самолет!" — и он трясся от страха. Впрочем, вы сами увидите этот проклятый желтый самолет на всех их рисунках. Это разведчик "Пайпер каб", он пролетает всегда перед началом бомбардировки.

Как-то раз воспитатель обратил внимание на это. Тогда он склеил "Тайра Сафра" из желтого картона и разорвал его на глазах у ребенка. "Ты видишь, вот что я сделал с самолетом! Бойцы прогонят их из Алжира. А потом здесь, в Тунисе, войны нет. И никто не должен бояться". Бог знает, почему, но этот простой жест успокоил мальчугана. Целый день он возил за собой по двору привязанные на веревочке остатки "самолета". Теперь он уже играет, но учеба идет туговато...»

Я искала мальчика, который нарисовал накануне цветы, вызвавшие такой взрыв радости у воспитателя. Ему не больше восьми лет. Он прекрасен, как Маленький принц из сказки Сент-Экзюпери.

Я мучительно долго добивалась, чтобы он взглянул на меня, мне стоило неимоверных усилий завоевать его доверие. Когда австрийский врач при мне снял с него повязку, я увидела ручонку, прожженную до кости, скрюченную навсегда ладонь, похожую на птичью лапку. Под рубашкой, на животе, широкий шрам от ожога раскаленным железом...

Его зовут Бен Айд. Вернее, он придумал себе это имя. Этот ребенок потерял все, даже свое имя. Тунисские санитары взяли его из рук алжирцев на Севере, у высоты «Утиный клюв», возле Гардимаху.

«Ты не хочешь верить, что я француженка...»

Подойдя к этой части своего рассказа, я хочу сделать паузу и задать вам вопрос. Что бы вы ни думали о феллахах, о борьбе алжирского народа, нельзя воевать против детей, не так ли? Или страна моя пе-

рестала быть той, что мы любим, что живет в нашей душе, в нашем сердце, как ее небо и песни? Не конфискуют ли этот номер газеты только за рассказ о том, что сделали звери, доведенные до бешенства войной, — я не буду говорить, как следует называть эту войну, — с ребенком, которого у нас во Франции каждый хотел бы обогреть в своих руках?

Он смотрит на вас. Его глаза точно два зеркала. Иногда в их пустых зрачках отражается небо. А порой из-под нахмуренных бровей в них светится мысль. Какая? Бен Айд, куда ты смотришь? На что ты смотришь сквозь меня? Тем не менее, когда я обнимаю тебя, ты отвечаешь мне тем же. Ты так и не понял, кто я. Ты не хочешь верить, что я француженка, и от этого я тоже чуть не плачу.

Я спрашиваю:

— Как тебя зовут?

— Не знаю. Я говорю — Мустафа Бен Айд. Но я не знаю.

— Где ты жил? В каком дуаре?

— Я жил в Алжире. А в каком дуаре, не знаю. Я был слишком мал, чтобы знать название...

— Как ты попал сюда?

— Однажды мой папа разговаривал с джунудами. А потом пришла Франция. Папа стоял на коленях на коврике и молился. Они начали стрелять. Он умер. Все бросились бежать.

— А где мама?

— Не знаю. Я бежал с братом. Он упал, потому что в него попала пуля. Франция поймала меня, я не мог бежать так быстро. Они привели меня к себе: «Где феллахи?» Но я ничего не знал, честное слово. Тогда я был маленький.

И вот с того дня... Я видела собственными глазами следы ожога на его руке и животе, я прикасалась к ним.

Сегодня память постепенно возвращается к нему. Перед его глазами вечно стоит горящая керосинка, о которой он говорит с ужасом, когда смотрит на свою изуродованную руку. Керосинка, которая все горела и горела... «Ну, отвечай, где феллахи? В какую сторону они пошли?» Левой рукой Айд нарисовал для меня корабль. Он очень ловко водит кукол. Одной рукой...

Стоит ли продолжать? А детские голоса все говорили:

«Франция забрала моего соседа. Потом мы видели издалека, как он упал с вертолета... Франция сломала мой дом, увела брата». Вот что стало со словом «Франция» в устах ребенка.

Именно поэтому еще до меня Арагон кричал от боли (в статье, опубликованной в газете «Франс нувель» 15 октября 1959 года). Так что, видите, я ничего не придумала. Да и разве можно такое придумать?! Писатель Жюль Руа тоже отмечал это. Арагон прочел рассказы других ал-

жирских детей, опрошенных в Тунисе аббатом Давези. (Их опубликовала газета «Фрон».) Они, как Айд, вместо «французский пост» или «парашютисты» привыкли говорить «Франция».

Это все, что они знают о нашей стране. Поэтому Арагон писал, прочтя эти рассказы: «Родина моя, в какое обличье тебя нарядили! Вот пятно на твоей щеке. Вот грязь на платье. И те, кто приходит с огнем и мечом, носят твое имя, свое прибытие возвещают от твоего имени, Франции! Как же обездоленные отделят тебя от преступления, совершаемого от твоего имени...» И великий писатель спрашивал: «Что сделал ты, несчастный, чтобы имя твоей матери не звучало проклятием в устах народов?»

Общество народной помощи неоднократно обращалось к французам с призывом взять шефство над детьми, подобными Айду, посылать им деньги, лекарства, теплую одежду, одеяла, молоко. Чтобы поддержать существование одного ребенка (пища, жилье, учеба, одежда), требуется 6,6 динара, т.е. 77,58 франка в месяц, 2,29 франка в день.

Подходит шестая зима. Но и в этом году детские дома в Тунисе из-за отсутствия денег не будут отапливаться. Айд питается только хлебом и бобами. Учебников не хватает. А жажда знаний у этих детей, более взрослых душой, чем годами, поистине необычайна. Сначала, не имея классных досок, они писали мелом по черным и белым каменным плитам в доме «Ясмина». Потом стали писать углем на дверях...

Когда у них спрашиваешь: «Кем бы ты хотел стать?» — они краснеют, словно на исповеди, и отвечают: «Хочу учиться». С таким стремлением к учебе у народа, до сих пор остававшегося неграмотным, я сталкивалась лишь во Вьетнаме.

...Если вы хоть что-нибудь сделаете ради этих детей, то вы сделаете это прежде всего для самих себя. Потому что позднее благодаря вашим усилиям в головах маленьких алжирцев, полных воспоминаний о пожарищах и ужасах войны, может быть, шевельнется благодарная мысль, когда они услышат слово «Франция».

<...>

У нас нет ничего общего с палачами. У нас — значит у тех, кто пишет об одном и том же, хотя иногда думает и действует по-разному, а порою и не соглашается друг с другом. Но все мы согласны в одном: мы за мир в Алжире. Мы — это рабочие, молодежь, матери солдат, солдаты, писатели, священники и преподаватели, бывшие офицеры — одни, мыслящие, как коммунисты, другие, говорящие вместе с Жюлем Руа: «Превыше справедливости я всегда ставлю царство божие...»

Всем, кто борется за мир в Алжире — а нас тысячи, — объединяет общая черта: любовь к людям, любовь к Франции.

ДВА МЕСЯЦА В ДЖУНГЛЯХ[1]

В январе 1965 года вместе с австралийским журналистом Уилфредом Бэрчеттом мы пробирались лунной ночью между двух вражеских постов. Мы сопровождали небольшое подразделение армии Национального фронта освобождения. Все бойцы были родом из этих мест и знали наизусть каждое деревце, каждое рисовое поле. Поэтому нам не приходилось особенно опасаться прямой атаки со стороны противника, деморализованного, практически попавшего в осаду на своих постах. Опасность состояла в том, что на открытой местности наши силуэты отчетливо вырисовывались в лунном свете, и потому наше передвижение могло вызвать перекрестный артиллерийский огонь врага.

«Их пушки беспрерывно стреляют и по цели и без цели, — сказал один из наших спутников. — Для них это вроде хлопушек, отгоняющих злых духов».

Настоящий приключенческий роман

Мы прожили два месяца среди народа Южного Вьетнама вместе с бойцами его армии. В полотняных мешках за плечами мы носили блокноты, фотоаппараты и магнитофоны, как партизаны носят оружие. Мы ни на минуту не расставались со своей ношей. Это было необходимо.

В самом деле, народу удалось собственными силами отвоевать у американских агрессоров три четверти территории Южного Вьетнама. Мы пересекли огромные районы, куда враг не может проникнуть ни по суше, ни по воде, несмотря на всю мощную современную военную технику, которой он располагает. Но именно в этих районах, освобожденных Фронтом, американцы пытаются деморализовать население и затруднить передвижение войск, методично (и чаще всего вслепую) подвергая бомбежке все живое...

В таких условиях путешествие двух военных корреспондентов, решивших собственными глазами увидеть то, что происходит в Южном Вьетнаме, неизбежно превращалось в опасное предприятие, исполненное самых невероятных событий, превосходящих по остроте ситуаций любой из приключенческих романов, печатающихся в газетах.

---

[1] За серию репортажей «Два месяца в джунглях» (в других переводах — «Два месяца с партизанами Вьетнама»), опубликованную в «Юманите» с 17 февраля по 4 марта 1965 год, в которой разоблачается деятельность американских агрессоров в Южном Вьетнаме, М. Риффо была удостоена премии Международной организации журналистов. — *Прим. сост.*

Печатается по: *Риффо Мадлен.* От вашего специального корреспондента... / Пер. с фр. под ред. М. Видясовой. М.: Правда, 1965.

Термиты в фотоаппаратах

Фотопленки, которые я привезла с собой, находились в убежищах столько же раз, сколько мне приходилось скрываться там самой. Один фотоаппарат был разбит и засыпан землей при взрыве бомбы. Такая же участь постигла магнитофон Бэрчетта. В то же время, поскольку большую часть времени мы провели в джунглях, покрывающих почти две трети Южного Вьетнама, нам постоянно приходилось предохранять фотоматериалы от сырости, которая разъедает пленку, словно кислота. Крестьяне, правда, знают средство против этого: пленку и фотобумагу нужно положить в мешок с жареным рисом. Ко всему прочему нам постоянно приходилось отражать нашествия желтых муравьев и термитов, которые упорно избирали магнитофоны и фотоаппараты для своих гнезд, но тут уж ничего не поделаешь: в конце концов мы были у них в гостях в лесу...

Ночной налет

Прибыв в районы, контролируемые патриотами, мы переоделись в одежду из черного ситца и повязали платки в черно-белую клетку, какие носят крестьяне Южного Вьетнама. Разумеется, быть одетым, как все южновьетнамцы, для иностранного журналиста еще совсем не означает гарантировать себя от всякой опасности. Скорей наоборот. Оккупанты, повсюду получающие отпор, избирают мишенями для бомбардировки и пулеметного обстрела жителей селений, в том числе и детей. Мы смогли убедиться в этом за время пребывания в этой стране. Но, одевшись по-вьетнамски, мы не бросались в глаза сайгонским осведомителям и тем самым не навлекали на жителей, помогавших нам в нашей работе, еще больших бед. Ведь американские «особые войска», когда им удается обнаружить присутствие европейского журналиста среди патриотов, готовы на все, лишь бы помешать распространению правды о том, что здесь делается. Не меньше четырех раз нам пришлось прочувствовать это на собственном опыте.

Однажды во время нашего путешествия американской авиации удалось обнаружить нашу маленькую группу. Перед этим самолеты несколько часов кружили над тропой, по которой мы должны были пройти. С наступлением ночи мы приладили свои гамаки на опушке джунглей. На заре нам предстояло вновь отправиться в путь. Тем не менее командир отряда в соответствии с правилами армейской дисциплины заставил каждого из нас отрыть под своим гамаком укрытие. Эти укрытия нам весьма пригодились.

Мальчик, убитый в канун рождества

В четыре часа утра, когда все еще спали глубоким сном, три «B-26» спикировали на наш участок леса. Они даже не описали предварительного круга, как обычно делают бомбардировщики при заходе на объект, и довольно точно сбросили на нас груз бомб: ближайшая воронка оказалась в 200 метрах. Еще не очнувшись от сна, мы вывались из гамаков прямо в отрытые нами щели. Бэрчетт при этом даже успел включить магнитофон. Никто из нас не был ранен, и более того — при «любезном содействии» американской авиации мы смогли записать на пленку великолепный шумовой кусок, который использовали кинооператоры Фронта при подготовке документального фильма. Позднее он был показан по французскому телевидению.

Но все же эта бомбардировка, целью которой были только мы, привела к человеческим жертвам. В этом пустынном уголке леса нашли приют жители маленького селения, разрушенного бомбами в долине. В этот предрассветный час в деревнях выводят пасти буйволов, причем пастбище порой расположено довольно далеко от жилья. В трехстах метрах от нас бомба попала в мальчонку — пастушка. Он лежал, сраженный насмерть, рядом с буйволом, убитым осколком.

Южный Вьетнам борется за свою независимость уже двадцать лет, и население превосходно научилось защищаться от бомбардировок. Несмотря на тонны взрывчатки и напалма, которые каждый день обрушиваются на освобожденные районы, жертв среди жителей немного. Но на этот раз маленький пастух, увидевший, что на него пикируют самолеты, не успел даже сообразить, куда спрятаться. Нетронутым осталось только маленькое лицо с полными удивления глазами и бамбуковые бусы, какие носят на шее почти все ребята в этой стране... Это было в канун рождества. Чуть позже, поймав по транзистору передачу радиостанции вооруженных сил США в Южном Вьетнаме, мы услышали, как какой-то ответственный чин Пентагона (не знаю уж, какой именно, чуть ли не сам генерал Тэйлор) утверждал, будто американская авиация действует в Южном Вьетнаме «во имя защиты народа от коммунизма и в соответствии с христианскими идеалами».

Преследователи спасаются бегством

Некоторое время спустя — трудно сказать, в результате ли точного попадания или бомбежки без разбора — взрывом разнесло на куски стол, за которым мы только что ели рис с несколькими солдатами. В другой раз, когда я попыталась пробраться в пригород Сайгона с группой партизан на моторном сампане, мы едва не попали в засаду, устроенную двумя подразделениями «особых сил» под командованием четырех амери-

канцев. Они намеревались захватить нас в плен. На их беду, наши преследователи сами подверглись нападению со стороны прикрывавших наше передвижение партизан. Благодаря шедшей впереди нас маленькой разведывательной группе нам удалось отступить как раз вовремя, чтобы уйти от обстрела ракетами с вертолетов и от обычного в таких случаях сосредоточенного артиллерийского огня с соседних военных постов, которые начали прочесывать открытые участки местности, где нам предстояло пройти. Лишь наш кинооператор, который шел впереди всех по тропе, наткнулся на засаду; спасением жизни он обязан счастливому случаю, пославшему ему жесткий бамбуковый плетень в виде прикрытия.

Я могла бы вам рассказать еще множество подобных историй. Но как бы ни были захватывающи приключения двух журналистов, оказавшихся среди бойцов Южного Вьетнама и совершавших вместе с ними ночные переходы в джунглях, питавшихся мясом дикобразов и обезьян, терпевших укусы скорпионов, переживавших глупые, жестокие бомбардировки со стороны врага, эти приключения бледнеют в сравнении с подвигами, которые каждодневно совершает южновьетнамский народ, со времени нарушения Женевских соглашений[1] собственными силами победоносно обороняющийся против гигантской военной машины Соединенных Штатов.

Перипетии одного интервью

Если мы остались живы и смогли до конца довести свой репортаж и если нам даже удалось опубликовать в наших газетах несколько статей, которые прямо из партизанских районов попадали в почтовые ящики оккупированных городов, то всем этим мы обязаны сражающимся в здешних джунглях мужчинам и женщинам. Разумеется, не все статьи посланные таким путем, дошли по назначению. Вторая статья, например, пришла на месяц раньше первой. Девушка, которая доставляла ее, была тяжело ранена. И все же она выполнила поручение, как только смогла...

Что касается интервью, которое дал нам 20 декабря 1964 года председатель Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Хыу Тхо и которое было послано двумя различными путями, то оно, должно быть, так и затерялось где-то между южновьетнамскими джунглями и бульваром Пуассоньер в Париже[2]... Пять недель спустя, перед тем как покинуть Юго-Восточную Азию, я передала его по телеграфу, и оно наконец появилось в печати со всеми ошибками, порожденными

[1] В 1954 году в результате Женевских соглашений Вьетнам, Лаос и Камбоджа получили независимость. Но это событие не вернуло мир в Индокитай. — *Прим. сост.*

[2] Помещение редакции «Юманите».

дальностью передачи. Остается добавить, что в тот день, когда я брала это интервью в самом сердце джунглей, американские бомбардировщики работали на редкость бестолково: это служит мне известным утешением за тот ущерб, который моя журналистская репутация понесла в глазах читателей. В то воскресенье, 20 декабря, американский летчик (пока его супруга, без сомнения, ходила к обедне в церковь) сбрасывал бомбы наугад. Опустошив свои бомбовые люки не менее чем в пятистах метрах от нас, он отбыл восвояси...

Между тем в тот день именно в этом районе леса находился не только председатель НФО, но и несколько сот руководящих деятелей Фронта (в том числе из Сайгона), членов его Центрального комитета, представляющих все входящие в состав Фронта партии, религиозные течения, национальные меньшинства. Они собрались сюда, чтобы отпраздновать годовщину основания Национального фронта освобождения. Если бы просочились хоть какие-то сведения об этом событии, следствием была бы гибель всех руководителей движения Сопротивления. Но сила Фронта именно в том, что ничего подобного не произошло и не могло произойти. И американский летчик потратил день впустую...

Что же касается нас, то в тот вечер при свете коптилок мы присутствовали на самом лучшем спектакле, какой только можно видеть в Южном Вьетнаме, ибо крупнейшие актеры и режиссеры из Сайгона предпочли суровую жизнь в джунглях удушливой атмосфере столицы. <...>

«На гребне волн»

После того как я вернулась из Южного Вьетнама, меня порою бесят смехотворные и заумные кривляния по радио и в газетах тех собратьев по перу, которые рассуждают, сидя в удобных креслах, и при этом называют каждого патриота, сражающегося в рядах Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, «Вьетконг», т.е. коммунист. Эти люди всерьез полагают, будто армия Фронта могла по приказу извне начать и в течение нескольких часов провести операцию крупного масштаба вроде той, которая имела место недавно на аэродроме Плейку. Они, не задумываясь, вслед за американцами бубнят о «массовом проникновении северовьетнамцев» на Юг.

Говоря о любви к родине, один из членов Центрального комитета Национального фронта освобождения, католический деятель Жозеф-Мари Хо Не Ба, процитировал мне как-то фразу из Нового Завета: «Ибо тот, кто захочет спасти свою жизнь, потеряет ее, но тот, кто потеряет ее ради меня, спасет ее». И я лишний раз убедилась в том, что в Южном Вьетнаме американская агрессия дала лишь один результат: объединение патриотов, некогда враждовавших друг с другом. Я поняла, что старый священник, по сути дела, рассуждает так же, как и ветераны коммунис-

тической партии, которых я встречала среди членов Фронта и которые стараются проявлять все свое мужество на переднем крае сражений...

Что же касается крупных и победоносных военных операций, которые ведутся там сегодня, то за время пребывания в армии мы пришли к выводу, что они предпринимаются только после многомесячного изучения, подготовки, тренировки и с согласия населения данного района. Видимо, люди, которые так бездумно повторяют ложь, служащую для оправдания налетов на Демократическую Республику Вьетнам, в свое время были столь далеки от бойцов французского движения Сопротивления, что им вообще не известно, как готовится партизанская операция. В нашей стране любой рабочий на основании собственного опыта знает, что для успешного нанесения молниеносного удара по оккупантам требуются месяцы кропотливой работы...

Что же касается так называемой помощи Северного Вьетнама Южному, то она, несомненно, была бы более оправданной, чем присутствие в Южном Вьетнаме 25 тысяч американских «специалистов» геноцида и отправка туда самого различного вооружения, в том числе большого числа бомбардировщиков, доставленных в Южный Вьетнам в нарушение Женевских соглашений.

Однако факт остается фактом: уже в силу этих соглашений 17-я параллель разделяет эту страну надвое таким барьером, что только птицы да рыбы могут пересечь реку Бен-Хай. Никто еще не доказал (и вполне понятно, почему), будто существует тропа, ведущая в Южный Вьетнам через Лаос. Но если бы «знатоки» этой проблемы дали себе труд взглянуть на географическую карту, то они вынуждены были бы признать, что даже тренированному спортсмену потребовалось бы целых четыре с половиной месяца, чтобы в наиболее благоприятное время года проделать такой маршрут...

Народ Южного Вьетнама — и только он один — мог освободить свою родину и, опираясь на свои собственные силы, дать отпор неоколониалистской агрессии нового типа, совершенной против него.

К несчастью для американцев, они неудачно выбрали первый опытный полигон неоколониалистской войны. В течение 24 лет Южный Вьетнам находился «на гребне волн, в вихре ветров». Отнюдь не преуменьшая героизма победителей под Дьен-Бьен-Фу, не будем, однако, забывать, что первая крестьянская война против французских колонизаторов вспыхнула на Юге, в дельте реки Меконг, 23 ноября 1940 года, и что именно здесь в сентябре 1945 года, за год до боевых действий на севере страны, начались первые выступления против новой войны французских колонизаторов. У жителей этих районов длительные революционные и патриотические традиции, и поэтому они не нуждались ни в чьих директивах, чтобы встать в ряды первых борцов против американского гнета. Надо также отметить, что те, кто обвиняет Демократичес-

кую Республику Вьетнам во вмешательстве, «забывают» объяснить, почему первые районы, которым принес свободу Национальный фронт освобождения, как раз более всего удалены от 17-й параллели: Камау, дельта реки Меконг...<...>

Издано в джунглях

Я провела несколько дней на одной базе, где издается официальный орган Национального фронта освобождения, еженедельник Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама, материалы на французском и английском языках, предназначенные для зарубежной общественности.

У меня, как и у рабочих типографии, была соломенная хижина, в которой был подвешен гамак, стоял бамбуковый стол для пишущей машинки и традиционная керосиновая лампа.

В джунглях забываешь, какой сегодня день недели, ибо все дни, несмотря на многочисленные спуски в бомбоубежища, похожи один на другой, а в объятом войной Южном Вьетнаме выходных не бывает.

Здешним типографским рабочим в отличие от их собратьев из парижских ежедневных газет, абсолютно нет нужды устанавливать в цехах светящееся табло с надписью «Посмотрел ли ты на часы?». Они всегда приблизительно знают, который час. У джунглей свое расписание. В четыре часа утра заря принадлежит птицам и обезьянам, которые приветствуют появление солнца переливчатым протяжным криком... Ровно в три часа дня раздается хор цикад, стрекотание которых напоминает электрический звонок в кинотеатре перед началом сеанса. Они предупреждают, что нужно торопиться, ибо в лесу быстро темнеет. А в сумерках хорошенькая ярко-зеленая змейка, пристроившаяся на крыше моей хижины, выползает охотиться на мышей.

Над этим «затерянным континентом» витает необычный запах. Всякий журналист сразу же отличит его от любых других. Это запах свежей типографской краски. От него забилось мое сердце, когда после нескольких дней «игры в прятки» с вражескими самолетами я добралась сюда.

Свиньи и кабаны

Типография в джунглях окружена самыми искусными западнями, и когда мы в темноте подходили к ней, нам пришлось идти точно по следам наших проводников, чтобы не попасть в капкан. Все рабочие, которые живут здесь, разводят маниоку, выращивают овощи, охотятся, чтобы обеспечить себя пищей. Кроме того, они держат кур, которые клюют муравьев прямо среди печатных машин, и несколько свиней странной породы. Когда я с удивлением спросила, почему птицы, разгуливаю-

щие на свободе, не убегают в лес, двадцатилетний рабочий (это средний возраст рабочих типографии, впрочем, как и солдат Фронта) объяснил мне: «Они не решаются удирать от нас, так как боятся хищников, ведь они чувствуют, что звери бродят поблизости. А присутствие человека успокаивает кур. Кормить их нам совсем не приходится: их вполне удовлетворяют муравьи. Ну а эти хрюшки — помесь домашней свиньи и дикого кабана. Эти являются сюда по вечерам».

Так что я могу «успокоить» американские информационные агентства, которые заявляют, будто «на секретных базах Вьетконга люди вынуждены питаться ягодами, чтобы выжить». Даже в тех случаях, когда охота бывает неудачной, в джунглях (на заводах, в типографиях, больницах, в лабораториях и университетах) нет недостатка ни в мясе, ни в яйцах.

Если же говорить о главном, т.е. о машинах, то для их создания патриоты проявили столько же смекалки, как и люди, превратившие в оружие простой бамбук и пчелу.

«Типография — грозная сила», — сказал мне 29-летний директор Нгуен Нам. Вам кажется, что он слишком молод, чтобы занимать такой пост? Но уже в 12-летнем возрасте во время войны против французских колонизаторов он работал в единственной подпольной типографии, которая находилась где-то в Долине Тростников.

«Тогда, — рассказывает он, — у нас не было ни противомоскитных сеток, ни гамаков, ни лекарств. Мы вынуждены были работать, стоя в воде... А теперь вы сами видите, какая у нас роскошная обстановка!» (Правда, в это мгновение с окруженного вражеского поста раздался пушечный выстрел. Там, видно, скучают, ведь даже продовольствием их снабжают только с помощью вертолетов. От нечего делать они и стреляют по каждой тени. А может быть, это партизан нес бумагу?..)

Дело в том, что бумагу производят, разумеется, не на месте, а приносят издалека 50-килограммовыми пачками, пробираясь по немыслимым тропам даже в течение шести страшных месяцев сезона дождей. Когда идти приходится по пояс в воде... Но, несмотря на все это, типография ни на минуту не прекращает работы.

Буква за буквой

У каждого станка своя история, а некоторые из них стоили жизни патриотам. Их собирали и сваривали по частям, используя даже железные прутья, вырванные из оград «стратегических деревень». Пригодились и куски металла, вытащенные из обломков железобетонных мостов, подорванных партизанами. Их подпиливали до нужных размеров и делали из них типографские кассы для «латинского» шрифта. И вот при наличии такого примитивного оборудования патриоты умудряются печатать и

размножать на ручных машинах по 5 тысяч экземпляров газет ежедневно. А спрос на них большой. И он растет с каждым днем, особенно в Сайгоне.

Из-под ротационной машины, которую приводят в движение 17–19-летние крестьянские парни, выходит 800 страниц в час. На бамбуковой стене плакат: «Мы боремся за право называться бригадой имени Нгуен Ван Чоя».

Здесь, как и в армии, хранят память об этом расстрелянном герое. На прессах лесной типографии был сделан его портрет на красном фоне. Когда я расставалась с бригадой, молодая работница дала мне экземпляр этого портрета для редакции и типографии нашей газеты. Несмотря на тысячи всяких препятствий, этот подарок я постаралась в целости и сохранности привезти в Париж. А фотоснимки, сделанные в районе типографии, погибли во время бомбардировки.

В литейном цехе я увидела пожилых женщин и детей, которые подносили материалы рабочим, трудившимся над расширением типографии. Это были осколки бомб, остатки самолетов или вертолетов, сбитых партизанами. В этот день из куска дюралюминия там делали нож для разрезания листов брошюр на иностранном языке...

«Все, что враг бросил против нашего народа, чтобы уничтожить его, — сказал мне директор типографии, — мы собираем, чтобы повернуть против него же. Все, что мы печатаем здесь, поможет сказать правду о нашей борьбе всему миру».

На «Обезьяньем мосту»

Но, кажется, больше всего в этой странной типографии, где к станкам прислонены винтовки, готовые заговорить в любую минуту, хотя в раздевалке для молодых бойцов, всегда способных после работы вечером потанцевать, висит гитара, меня поразила корректура изданий на иностранных языках. Этим занимались, склонившись к коптилкам, двое подростков: один из Зя-Дыня, пригорода Сайгона, другой из героической провинции Бен-Че. Оба они крестьяне и грамоте выучились в школах Фронта. Разумеется, они не знали ни английского, ни французского языка. И нужно было видеть, с какой тщательностью, буква за буквой, сверяли они незнакомые им слова! Хотите верьте, хотите нет, но они не пропускали почти ни одной опечатки...

На следующий день, распрощавшись с этим уголком джунглей, на перекинутом через речку узком и непрочном мостике, прозванном «обезьяньем», я повстречалась с группой партизан, которые, согнувшись в три погибели, несли, обливаясь потом, тюки бумаги. Мы поздоровались. Несмотря на тяжелый груз, они улыбнулись в ответ, и мы разошлись.

«Вы не узнали его? — спросил меня один из спутников. — Это сын Нгуен Хыу Тхо, председателя Фронта...»

Вот так протекает жизнь в Южном Вьетнаме, где каждый принимает участие в патриотических действиях, идет ли речь о том, чтобы расставить западни для врага или же выпускать газеты и учебники в гуще самых страшных джунглей. И день победы становится все ближе. <...>

Ловушки для вертолетов

В первые дни я с удивлением замечала на лесных полянах и на полях сваи в три-четыре метра высотой, торчащие из земли на близком расстоянии друг от друга. Между ними обычно натянута проволока или нейлоновый трос. «Это ловушки для вертолетов, — объяснил мне Нге. — Если они приземляются, они натыкаются на сваи, а винты запутываются в проволоке. Как будто несложно, между тем это не раз помогало нам расправиться с «летающими орлами». Поначалу американцы были уверены, что одолели нас с помощью своих знаменитых вертолетов. Но вертолеты уязвимы, их можно подбить даже из ружья. У нас крестьяне подстреливают их, точно птиц, и теперь нам не так часто случается их сбивать. Стоит им услышать выстрелы, как они уже убираются восвояси. Лучше всего подождать, пока они сядут, а потом уже стрелять. Тут на днях мы одного подбили...»

Крестьяне говорят об охоте на вертолеты, словно речь идет об охоте на куропаток. Нередко можно видеть, как они со своими старыми ружьями преследуют «летающие бананы», намеревавшиеся сбросить на поля отравляющие вещества...

Стоит только сбить какой-нибудь «маи баи», как крестьяне начинают его растаскивать по кускам, так что через день-другой от заносчивого «летающего орла», прилетевшего для того, чтобы убивать и сеять страх, остается лишь жалкий скелет.

Я видела, господин Тэйлор, что делают крестьяне Южного Вьетнама из ваших вертолетов: ложки, ножи, чашки. Ведь дюралюминий очень легко поддается обработке... В ходе борьбы против вертолетов южновьетнамцы доказали свое подавляющее превосходство над врагом. Оно обеспечено мужеством, железной выдержкой...

И тогда оккупанты предпочли, разумеется, не вывести свои войска, что было бы единственно здравым решением, а сделать ставку на последнюю, по мнению их стратегов, карту: попытаться раздавить бомбами восставший против них народ. <...>

ПЬЕР ВЬЯНССОН-ПОНТЕ

КОГДА ФРАНЦИЯ СКУЧАЕТ

Le Monde, 15 марта 1968 года

Слово, которое на сегодняшний день лучше всего характеризует жизнь нашего общества, — это скука. Французы скучают. Потрясения, от которых содрогается мир, их нисколько не затрагивают. Их, безусловно, волнует война во Вьетнаме, но по-настоящему она их не касается. Благотворительная акция «Миллиард для Вьетнама» должна была собрать по 33 франка с каждого взрослого (т.е. по 20 франков на душу населения страны), но прошел уже год, а ее активисты еще очень далеки от своей цели. Впрочем, уже ничто не сможет заставить французов смотреть на эту войну иначе: менять свои взгляды не хочет никто из них, за редким исключением. Шестидневная война на Ближнем Востоке вызвала небольшое волнение в начале прошлого лета: героические военные действия, казалось, спровоцировали глубокую реакцию у общества, всколыхнули чувства и мнения, но как только конфликт закончился, все это сошло на нет.

Какое-то время было модно говорить о партизанских войнах в Латинской Америке и волнениях на Кубе, но сейчас это не более чем предмет изучения для социологов левого толка и тема бесед для интеллектуалов. Пятьсот тысяч погибших в Индонезии, пятьдесят тысяч убитых в Биафре, военный переворот в Греции, межэтнические конфликты в Кении, апартеид в ЮАР, напряженная ситуация в Индии — все это не более чем содержание новостей. Французам кажется, что отрицательные новости — такие как проблема афроамериканцев в США и трудности в Англии — с легкостью компенсируются положительными — кризисом коммунистической партии и культурной революцией в Китае.

Как бы то ни было, это их проблемы, а не наши. Ничто из вышеперечисленного нас напрямую не затрагивает: не случайно по телевизору нам по три раза за вечер повторяют, что Франция в первый раз за целых тридцать лет переживает мирное время и не втянута в проблемы других стран.

Молодежь скучает. Тем временем в Испании, Италии, Бельгии, Алжире, Японии, Египте, Германии и даже в Польше студенты протесту-

ют и борются за свои права. У них есть желание добиться победы, намерение протестовать, пока они не будут услышаны, и, в конце концов, абсурдное стремление бороться с абсурдностью. Французскую же молодежь волнует то, смогут ли студентки университетов Нантера и Антони заходить в комнаты мальчиков в общежитии — ведь этот запрет так бессовестно ограничивает права человека.

Что до молодых рабочих, то они ищут работу, но не находят ее. Политикам с их нравоучениями не достучаться до этих молодых людей, в лучшем случае просто смешных, в худшем — в самом деле безнадежных. К счастью, телевидение всегда может привлечь внимание к настоящим проблемам — состоянию банковского счета олимпийского чемпиона Жан-Клода Килли, пробкам на дорогах или результатам скачек, которые до сих пор пользуются приоритетом в эфирном времени в воскресенье вечером.

Генерал де Голль скучает. Пообещав, что будет заниматься важными делами, а не только разрезать ленточки на представительских мероприятиях, он при этом по-прежнему курсирует с выставки сельского хозяйства на лионскую ярмарку. А чем ему еще заниматься? Время от времени он пытается (правда, безуспешно) драматизировать повседневную жизнь, выдумывая все новые внешние и внутренние угрозы. Тайком он уныло вздыхает от «свинства» своих соотечественников, которые, тем не менее, поддерживают его на выборах. При этом телевидение не упускает случая лишний раз напомнить нам, что впервые за последние 100 лет у нас стабильное правительство.

Лишь нескольким сотням французов не скучно — безработным (особенно молодежи), мелким фермерам, которых развитие техники и ужесточающаяся конкуренция лишили заработка, никому не нужным старикам. Эти люди так озабочены своими проблемами, что у них нет времени скучать, равно как и нет мужества протестовать и бороться. Но они наводят скуку на все остальное общество. Поэтому и телевидение, которое призвано развлекать, о них не говорит. К тому же только так можно поддерживать воцарившееся спокойствие.

Оправдать нынешнее положение дел очень просто: разве не в нем заключается то самое счастье для народа? Нужно ли переживать из-за войн, кризисов, забастовок? Трудно найти человека, который станет жаловаться на стабильность и общественное спокойствие.

Это сильный аргумент. В худшие моменты драмы в Индокитае и Алжире, в то время, когда одно правительство сменяло другое, как картинки в калейдоскопе, когда рабочему классу приходилось добиваться малейших уступок при помощи силы и жестокости, у французов было мало поводов гордиться своей родиной. Но неужели нет иного выбора, кроме как между апатией и возмущением, застоем и бурей? И к тому

же, хорошие чувства не только не прогоняют тоску, но делают ее еще более невыносимой.

Это состояние меланхолии должно было сыграть на руку оппозиции. На протяжении всей своей истории французы не раз показывали, что они любят изменения ради самих изменений, ради того, чего эти изменения могут им стоить. Будет ли лучше жить при левой власти, чем при существующем режиме? Несомненно, искушение велико, и в будущем соблазн эксперимента (лишь для того, чтобы, как в покере, посмотреть, что из этого выйдет) станет лишь больше. Но когда народный энтузиазм иссякнет, мы рискуем снова оказаться в этой тяжкой атмосфере абсолютного спокойствия.

Без энтузиазма ничего не построить. Настоящая цель политики — не заведовать общественными благами, принося как можно меньше вреда народу, не способствовать прогрессу (или хотя бы не препятствовать ему), не издавать своевременные законы и указы по мере неизбежного развития истории. На более высоком уровне цель политики — вести народ, открывать горизонты, руководить народными порывами, даже если это посеет хаос и спровоцирует опрометчивые реакции.

Маленькой шестиугольной Франции, которая не бедствует и не процветает, мирно сосуществует с остальными странами и не оказывает существенного влияния на события в мире, задор и фантазия также необходимы, как благосостояние и развитие. И это совсем непросто. Более того, такое требование больше годится для оппозиции, чем для нынешней власти. Если оно не будет удовлетворено, под действием всеобщей анестезии общество может окончательно зачахнуть и в конце концов страна умрет со скуки. Такое тоже случается.

Перевод *Ольги Слободчиковой*

КЛОД РУА[1]

НОЧЬ НА 24 МАЯ

Угол бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель, пятница, 24 мая, 11 часов вечера. В главных ролях — жандармерия, светофор и бунтующая молодежь. Повсюду пожар, взрываются гранаты, идет дым от слезоточивого газа, булыжники мостовой подпрыгивают от каждого взрыва, а светофор невозмутимо продолжает (и будет продолжать всю ночь) сменять свой цвет с красного на желтый, с желтого на зеленый и с зеленого на красный. Очевидно, что светофор, механически регулирующий движение гранат, брусчатки и слышащейся повсюду брани, — это генерал де Голль в мае 1968 («Я прошу нацию дать государству и его главе время на модернизацию»). Это огромный глухой и слепой светофор, который уже не нужен никому.

Жандармы — овернские крестьяне, в форме похожие на марсиан, — играют роль правительства: власть, обладающая разве что властью ничего не видеть, ничего не предвидеть и ничего не знать. С 3 мая действуют новые правила игры — или совершенно глупые, или настолько хитрые и запутанные, что кажутся совершенно глупыми. Из этих правил нет исключений, что становится сразу ясно, когда Вы оказываетесь на улице Гэ-Люссак. «Силы порядка» ждут, пока манифестанты строят баррикады. Внезапно (именно «внезапно» — таковы правила игры) они начинают захват.

Глупость или макиавеллизм

Напротив них — противники, со стороны которых за две недели партизанской войны не было слышно ни одного выстрела, воины, у которых нет никакого оружия (несмотря на старания полицейских и провокаторов). Но правила игры очень строги: жандармы шагают в тесном строю, ждут, что баррикады будут возведены, что мостовая — раз-

[1] *Клод Руа (*1915–1997) — французский писатель, публицист и эссеист, лауреат Гонкуровской премии. В дни революции 1968 года написал цикл очерков для парижской газеты *Combat* («Комба»).

рушена, деревья — вырваны из земли, что автомобили превратятся в груду металла, а вывески и решетки заборов будут валяться на земле. Тогда и только тогда они начинают атаку, «расчищая» себе пространство взрывами гранат и дымовых шашек, жестоко избивая пойманных дубинками и разрушая баррикады бульдозером.

Что это? Стратегическая глупость или тактический макиавеллизм? Стремятся ли «силы порядка» просто подавить возмущения, или они хотят показать «честному народу», что это настоящее восстание и оно опасно для общества? Как они, защитники порядка, могут задавить Коммуну и отвоевать Париж, который «лишь тогда Париж, когда вырывает булыжники из своих мостовых»[1]? Этим вечером жандармерия все так же отражает суть режима: по глупости или по расчету они все делают с опозданием на одно решение, на два закона, на три реформы и на одну революцию. Вопреки красному свету бесполезного светофора (автоматически произносящего заученные фразы генерала де Голля), манифестанты представляют собой прекрасный образ интеллектуальной молодежи Франции — интеллигентные, неистовые, романтичные, героические, импульсивные и рискующие стать изгоями. Поэтому на бульваре Сен-Мишель сегодня нет четвертого главного героя драмы.

Двойной санитарный кордон

Студенты сумели вернуть рабочему классу забытую идею — применение силы. Но дав им эту идею, они также вызвали и недоверие. Для лидеров рабочего движения эти студенты — анархисты. Для массы рабочих они разъяренные сыновья буржуа. В глазах активистов рабочего движения лагерь в Латинском квартале противопоставлен сыновьям господствующего класса своих отцов, что, в сущности, верно.

Баррикады рабочих в Бийанкуре были бы, вероятно, расстреляны. Баррикады студентов атаковали при помощи газа и дубинок. Сейчас каждый министр спрашивает себя, нет ли рабочих в рядах тех юношей и девушек, которые стоят на улице напротив жандармов.

В четыре часа утра битва будет окончена, а бригадир полиции будет разговаривать с кем-то на перекрестке у театра Одеон. «Двое моих сыновей учатся в Сорбонне», — скажет он. В Божоне, куда помещают «заключенных» для установления личности, отдельно от остальных содержатся сыновья людей, чьи имена «о чем-то говорят» полиции. Дан приказ не бить их так, как остальную «массу».

Заставы жандармерии, которые в какой-то мере помешали сегодня шествию студентов соединиться с шествием Генеральной конфедерации профсоюзов, и — с другой стороны — Жорж Сеги и Коммунисти-

---

[1] *Луи Арагон* — французский политический деятель и писатель.

ческая партия, которая просит своих членов не участвовать в студенческих манифестациях, знают, что делают и чего боятся — отцов буржуазии, отрекающихся от своих наследников, и отцов рабочего класса, выброшенных на обочину массами. Кратковременное объединение студентов и рабочих в начале протестов вылилось в массовую забастовку, Нантер разбудил Бийанкур, который на самом деле только дремал. Двойной санитарный кордон из жандармерии и профсоюзов теперь начинает изолировать Сорбонну от пригородов.

Мало умных детей

Битва, которая происходит здесь и сейчас, — это битва отчаянных людей. Единственные рабочие, присоединившиеся к студентам сегодня ночью, — это те, кого Помпиду назвал «ворами», в прошлом их называли «чернорубашечниками» и «молодыми хулиганами». Это дети разъяренных пролетариев, вероятно, ставшие рабочими, не сумев найти другую работу, — молодые безумцы рабочего класса. Завтра будет легко с презрительным выражением лица говорить о «провокации» из-за того, что «безответственные» протянули руку помощи студентам из Латинского квартала. Перед революциями в стране, возможно, есть мудрые взрослые, но во время революций слишком мало умных детей.

Баррикада на бульваре Сен-Жермен в огне. Громадное облако газа застилает все вокруг на бульваре Сен-Мишель. Вокруг огонь от гранат и дым слезоточивого газа, разгорается пожар. Жандармы наступают. Они тащат к санитарам раненого, бросают его на землю, бьют. Фотограф запечатлевает этот момент на пленку. Двое жандармов вырывают у него белую каску, бьют его по голове, он падает. Жандармы уходят. Я больше ничего не вижу. Я плачу. Я смеюсь. Красный свет светофора сменяется на зеленый на фоне пожара. «Это бунт? — Нет, месье, это революция».

Перевод *Ольги Слободчиковой*

МОРИС ЛЕСАН[1]

БОЛЬШОЙ РАЗВОД

«Наш разговор закончен!» — кричали манифестанты, шествуя по улицам города.

Мы не сомневаемся в том, что этот крик, вырывающийся из груди, больше, чем просто какой-то рекламный слоган, — это популярная формулировка того большого развода, который произошел между улицей и властью.

Это развод, который всегда провозглашали анархисты, разоблачая непорочность власти, эта пропасть, которая разделяет народ и правительство, это развод, осознание которого до сих пор было неясным, осознание, которое утверждается и уточняется день ото дня.

Наконец-то стало понятно, что проблемы не решаются путем разговоров, что не надо бежать при звуке популярных требований и национальных гимнов, что гнев людей не успокаивается одним изменением «этикеток».

Де Голль ничего не понял — от этого его предохраняет его тщеславие — он продолжает говорить с французами так, как будто его поддерживает Объединение в поддержку Республики.

Он отдает себе отчет в том, что авторитет режима, полного высокомерия, самодовольства, презрения к «кепи», стал более чем относительным (последние события полностью доказали это).

Сегодня Де Голль снизошел до того, чтобы услышать требования представителей профсоюзов, но слышит он их только тогда, когда сам посчитает нужным.

Подвергнутые издевательствам, обманутые правительством, теперь они видят, что их требования отодвинуты на задний план.

Они переместили борьбу из «зеленого сукна» на улицу, из парламента — в оккупированные заводы и начали бунтовать. Движение приняло серьезный оборот, и оно будет действительно очень трудным для всех старых лис.

В действительности нужно, чтобы эта элита была очень глупой и очень невежественной для того, чтобы завести ее в тупик. Она бы раз-

---

[1] *Морис Лесан* — французский журналист, известный своими анархическими взглядами, антимилитарист. Статья «Большой развод» написана после парижских событий 1968 г. и опубликована в газете *Le Monde Libertaire* в июне 1968 г.

мышляла о приключениях Карла Десятого, автора таких же постановлений и уступающего только силой. Так же глупый, как Де Голль, он верил, что спас свой режим усилением власти.

Но это было слишком трудно.

Народ требовал его отставки без права на возвращение.

В нынешней ситуации правительство совершило бы большую ошибку, если бы поверило, что ему удалось заслужить уважение профсоюзных организаций, что это народ отказывается уважать государство.

Потому что когда будет заключено соглашение между профсоюзными конфедерациями и приверженцами режима, оно будет принято и студентами Сорбонны, и рабочими, оккупирующими заводы, и крестьянами, принимающими участие в демонстрациях перед префектурами.

Те и другие, может быть, откажутся подписывать это соглашение, от составления которого они были тщательно отодвинуты. Их называют неконтролируемыми. Они принимают власть и порядки кого угодно, они чересчур подвержены влиянию. И именно такое движение, встряхнувшее всю страну, очень типично для революции.

Он не намеревается предоставлять одним то, в чем он отказывает другим, разрушать Карла Десятого, чтобы унаследовать Луи Филиппа. Требования должны быть в определенных рамках, которых хотят еще больше ограничить некоторые. Но тогда анархия будет протестовать, мещанин придет в ужас! Никакого возобновления работы, парализованная экономика, страна без коммуникаций, без транспорта и — вскоре — без продовольствия.

Нет!

Анархия как беспорядок или, вы слышите, это буржуазная, капиталистическая и государственная система. Именно она ответственна за бедность, именно она ответственна за эту искусственную преступную экономику, экономику, которая продает чудодейственный порошок, за «Франс-диманш», когда она не изготовляет машины смерти.

Вы хотите восстановить порядок, говорите вы?

Какой порядок?

Миллиардеров, старые трудящиеся, которых мы находим повешенными в их кабинетах, молодые, которым с детства внушается великолепие и мудрость системы, рабочие, которые сокращают покупательную способность, капитализм, который надувает своих покупателей, политики, которые хотят все решить за всех, и полицейские, которые наказывают тех, кто не соглашается с этим. Власти, которая забирает миллионы, чтобы отдать их помпе международных рэкетиров... Это тот порядок, по которому вы так ностальгируете?

Мы — нет.

Наша анархия не в том, чтобы плохо замаскировывать уловки, изменения, доходы с церковного имущества одних и нищету огромного числа людей. Наша анархия не безответственна за овец, приведенных

пастухами и укушенными собаками и идущим к сомнительным овчарням и бойням.

Наша анархия — в социальном строе, который не спускается к нам из королевского или парламентского храма, но который поднимается из осознания всех остальных. Наша анархия отказывается говорить голосом общества, отрезанного от массы, но эта масса уже учится на своем опыте в координировании деятельности каждой из своих ветвей.

Настоящие события нам дают доказательство: глава государства может оставить Францию, палата может продлить свои каникулы. И пусть железнодорожники и булочники будут бастовать и страна будет парализована.

Вы хотите восстановить порядок, созданный вами.

Какой порядок?

Если он позволит всем жить в свободе, если это принесет реальную пользу, начиная с уменьшения рабочих часов, если именно он распределит ресурсы между всеми людьми поровну, вместо того чтобы обогащать несколько почитаемых граждан, если это тот порядок, который хотите восстановить вы, то мы тоже этого хотим. Но мы призываем увидеть несостоятельность всей системы, которая есть только постоянный беспорядок и постоянная ложь.

Давайте провозгласим необратимый развод, который нация только что испытала и который перенесет проблему из Елисейских дворцов, Замка Бурбонов или Сената на улицу.

Закончим с этими призывами большинства французов решать проблему путем референдума, с этими демократическими гримасами, с этими призывами к суверенному народу, хотя в итоге решение будут принимать, играя в кости. Избавимся от обмана режима, который все больше и больше делает вид, что предоставляет народу какую-то власть, в то время все происходит вне его желаний.

Вопреки богатству концернов, власть — в народе, потому что только системой автоматического регулирования народа добывается это богатство. Если бы народ был настолько умен, чтобы игнорировать это правительство (единственная функция которого состоит в том, чтобы открыто защищать капиталистические интересы), если бы он был настолько умен, чтобы организовывать свою жизнь параллельно правительству и презирать его, революция бы свершилась, и рядом с нею расположилась бы анархия.

Перевод *Юлии Варшавской*

ПЬЕР ПЕАН[1]

АНТИСЕМИТ?

Liberation, 20 февраля 2009 года

«Это вам ничего не напоминает?». Вынося на обсуждение слово «космополит» и старательно забывая прилагательное «англо-саксонский», которое его сопровождает, Бернар Кушнер захотел подвести общественность к мысли, что я использовал этот термин в отношении антисемитов 30-х годов.

Я употребил выражение «англо-саксонский космополитизм» применительно к Бернару-Анри Леви[2] и, в широком смысле, к Бернару Кушнеру из-за их ненависти к голлизму и политической философии, в основе которого она лежит. Я писал, что Бернар-Анри Леви опозорил национальную независимость понятиями «англо-саксонский космополитизм», «правочеловекство» и «неолиберализм», являющимися основами неоконсервативной идеологии наших «новых философов».

---

[1] *Пьер Пеан* (р. 1938) — один из самых знаменитых современных журналистов Франции, стал известен благодаря своим журналистским расследованиям. Он, в частности, обнародовал факты сотрудничества Миттерана с правительством Виши, коммерческие отношения диктатора Центральноафриканской республики Жана Бедэль Бокассы с экспрезидентом Франции Жискаром д'Эстеном, занимался исследованиями проблемы геноцида в Руанде (Африка), где в 1994 году за сто дней были зверски убиты свыше 800 тыс. человек.

Пеан — автор более двадцати публицистических книг. Последняя из них, «Мир согласно К.», вышла в свет в феврале 2009 г. и произвела эффект разорвавшейся бомбы. В ней он обвинил французского министра иностранных дел Бернара Кушнера в ряде интеллектуальных, политических и финансовых преступлений: например, в использовании коррупционных схем в гуманитарной деятельности в Конго и Габоне, в пренебрежении интересами сербов в Косове, в поддержке американского вторжения в Ирак, в слепом поклонении американскому идолу, в «англо-саксонском космополитизме» и в «распродаже» Франции. Книга была оценена читателями неоднозначно и вызвала острую полемику в СМИ. Газеты левых сил, например *Liberation,* охотно предоставили свои колонки Пеану, в то время как *Le Monde* опубликовала нападки на его книгу. В частности, Пеана обвинили в антисемитизме и назвали его книгу несдержанной, небрежной и несправедливой. Приведенные ниже статьи являются ответами Пьера Пеана на выдвинутые обвинения.

[2] *Бернар-Анри Леви* (р. 1948) — французский политический журналист, философ, писатель. Сторонник Бернара Кушнера, которого Кушнер назвал «своей совестью».

Выражение «англо-саксонский космополитизм» демонстрирует, что оба Бернара слепо следовали за Американской Империей. Мой политический тезис таков: Бернар Кушнер захотел «вычеркнуть 50 лет независимой международной политики Франции». Этот тезис соединяется с тезисом Юбера Ведрина, который недавно размышлял над тем, не является ли Кушнер одним из «последних неоконсерваторов системы».

Чудовищные обвинения в антисемитизме, являющиеся «ностальгией 30-х годов», которые были выдвинуты против меня, ни на чем не основаны и порочат тех, кто их высказывает. В национальной ассамблее министр иностранных дел заявил, что я затронул «сомнительные первопричины» — слова, которые в действительности я не употреблял никогда ни в этой книге, ни в какой-либо другой. Сразу же после этих клеветнических речей некоторые журналисты поставили мне в укор выражение «двойное еврейство», которое на самом деле не имеет никакого дополнительного антисемитского значения.

Какой ужас! Я осмелился написать слово «еврейство», тем более «двойное»! Однако не я изобрел эту реальность, она принадлежит самому Бернару Кушнеру, заявившему, что «быть наполовину евреем это быть евреем дважды», желая сообщить, что нужно искать здесь одну из первооснов его идеологической приверженности. Кушнер сообщил, что «его неотступно преследовал один и тот же вопрос: почему евреи смирились?». Он вновь возвращается к этой теме: «Я был подростком, которого тревожили евреи, смерть евреев, своих. Как они могли так позволить вить из себя веревки? И я думал: больше нельзя никогда подчиняться». Через двадцать лет эта навязчивая идея во имя «больше никогда» проявилась в действиях по отношению к меньшинствам и жертвам. Он говорит об эмигрантах: «Почему они покидают свою страну не сопротивляясь? Зачем это массовое бегство? Зачем подчиняться?»

Есть ли здесь, в этих нескольких цитатах Кушнера, которые предшествуют другим объяснениям его определенной политической позиции, малейшая видимость антисемитизма? Где «тошнотворные речи»? Не то ли, что он сказал сам?

Он цепляется также за слово «космополитизм», однако совершенно не прислушивается к другим. Этот термин я использовал в отношении не Бернара Кушнера, а его друга и помощника Бернара-Анри Леви. Бернар Анри-Леви положительно оценивает это слово, которое не звучит в его ушах как бесчестье, поскольку приписывает его себе, а также Пьеру Берже и Жоржу-Марку Бенаму в передовой статье первого номера «Глоб»: «Конечно, мы решительно являемся космополитами. Все, что связано с родными просторами, беретами, народными танцами, бретонскими волынками, в общем, весь этот национальный шовинизм, кажется нам чуждым и гнусным». Что он хотел этим сказать, он, который никогда не знал лексики политической философии? Он мог бы

предпочесть термины «универсализм» или «интернационализм», тогда оттенки были бы иными, это правда. В любом случае речь здесь идет не о случайной оплошности, поскольку философ повторил недавно в номере «Нувель Обсерватер»: «Я решительный космополит. Я за смешение культур, и я ненавижу национализм. Я не дрожу перед Марсельезой. Я надеюсь, что национальные рамки станут отжившим днем».

Настоящий вопрос для моих хулителей, к сожалению, столь многочисленных в СМИ, будет звучать следующим образом: имеет ли слово «космополит», по их мнению, различный смысла в зависимости от того, кто его использует? В устах Бернара-Анри Леви оно поднимается до божественного, под пером Пеана — превращается в навозную жижу. Почему? Мы говорим на разных языках? Но если, по крайней мере, в умах некоторых слово осталось табу, я был разочарован, что больше никто не захотел услышать его классического смысла. Мне поставили в упрек слово «анти-Франция». Я не использовал его нигде в моей книге, но я не устоял перед желанием дать повод лить воду на мельницу тем, кто низко меня критикует по этому поводу. Да, я люблю Францию, явно открытую для других, гордую тем, что она может им предложить; я люблю этот великолепный девиз «Свобода, равенство и братство», я храню в сердце трехцветный флаг и трепещу, когда звучит Марсельеза. И этого достаточно, чтобы новые прокуроры «правильной мысли» приговорили меня к эшафоту.

Перевод *Вероники Кондрашиной*

РУАНДА: ПРАВО НА ОТВЕТ ПЬЕРА ПЕАНА

Liberation, 20 июля 2009 года

В своей статье, озаглавленной «Что я видел в Руанде», опубликованной в номере нашей газеты 14 апреля, режиссер Жан-Кристоф Клотц серьезно ставит под сомнение мою работу расследователя и намеревается таким образом раскритиковать две главы моей книги «Мир, согласно К.» («Бернар Кушнер с опозданием интересуется Руандой» и «Я там был, поэтому я знаю»), посвещенные действиям Бернара Кушнера по возобновлению дипломатических отношений между Францией и Руандой, возглавляемой Полем Кагаме. Указав на «ошибки, неточности и необоснованные утверждения» в моей книге, Жан-Кристоф пишет, что я отстаиваю тезис двойного геноцида, и добавляет: «Говорящий о двойном геноциде не говорит в конечном итоге ни о геноциде, ни об ответственности, ни о привлечении к ответственности». Получается, что сторонники тезиса двойного геноцида отвергают геноцид! А ведь это никогда не было моей позицией, я никогда не отрицал наличие геноцида, о чем ясно написал в своей книге. Что касается выражения «резня

следует за резней» — термин был использован генералом Даллером. Противоположно тому, что думает Жан-Кристоф Клотц, сторонники «генерального тезиса» о геноциде имеют самое наивное видение истории: возникновение геноцида отделено от преступления; РПФ1[1] — спаситель и освободитель руандских тутси; Франция — соучастник и вооруженная геноцидная рука... Однако факты не клеются.

Клотц оспаривает то, что я пишу по поводу происшедшего в Кибагабаге, небольшом населенном пункте на северо-западе Кигали. Я провел длительное расследование в Кибагабаге, поскольку это место является символическим фундаментом, на котором строится политика Кушнера, хотя я наглядно показываю, что это лишь зыбкий песок. В действительности из моего расследования следует, что человеческие останки, которые Кушнер и Клотц видели в мае 1994 года в Кибагабаге, это люди, зарезанные не геноцидными хуту, а повстанцами тутси из РПФ.

Клотц не признает мой убийственный аргумент «Я там был» и отрицает полное знание мною места, поскольку я «не имел в голове топографии местности и не посещал запутанные холмы», а также «рассуждал с высоты птичьего полета». Не обязательно быть на месте, чтобы знать топографию. Карта штаба очень хорошо выполняет свое дело. И чтобы четко представить эту географическую реальность, я сделал карту Кибагабагы, используя в качестве базы карту штаба полковника Маршаля, который на тот момент командовал батальоном миротворцев в Кигали. Далее Клотц ставит под сомнение и выбор моих источников, утверждая, что я «находился в своих информационных сетях». Однако я не руководствовался единственным источником, как заявляет мой хулитель, а опирался также на солдат из РПФ и, в качестве подкрепления, на народные суды Гачача. Кто свидетельствовал о присутствии РПФ в Кибагабаге? Мне кажется, трудно отвергать свидетельства полковника Маршаля, который до 15 апреля 1994 года был начальником батальона миротворцев, размещенного на базе Кигали. То же можно сказать о бельгийском профессоре Филиппе Рейнтженсе, которого я расцениваю как одного из лучших специалистов по Руанде, а также целом ряде оппозиционеров режима Кигали. Я считаю, что Клотц не может оспаривать их легитимное право хранить частицы правды. Они все в различной степени являются противниками того, что произошло в Кибагабаге. Также Клотц упрекает меня в цитировании Фаустина Нтиликина под предлогом того, что во время резни в Кибагабаге он являлся секретарем в штабе руандийской армии, и, возможно, потому, что он хуту. Необходимо, чтобы Клотц объяснил, почему я не имел права приводить эти

[1] *Руандийский патриотический фронт* (РПФ) — военно-политическая организация тутси, основанная в 1985 году в Уганде с целью реформирования системы управления в Руанде, разрешения затянувшегося конфликта «тутси против хуту».

цитаты в своей книге. В действительности это свободный и уважаемый человек, который не заслуживает никакого обвинения.

Однако я не отрицаю и правоту Клотца по этому пункту. По ошибке я приписал Фаустину отрывки из записной книжки, которая принадлежала не ему, а свидетелю той же сцены в тот же день. Я взял их из статьи Жана-Поля Мари, опубликованной в *«Теле Обсерватер»*, в связи с выходом документального фильма Клотца «Кигали — образы против кровопролития». Но эта фактическая ошибка не затрагивает никоим образом основу моего расследования.

Жан-Кристоф Клотц оканчивает свой обвинительный акт против меня словами: «То, что это происходит в Африке, вовсе не означает, что можно говорить и писать что попало. Информация должна быть правдивой и оперативной, независимо от места». Надеюсь, читатели *Liberation* не будут на меня сердиться, если я закончу свою статью теми же словами.

Перевод *Вероники Кондрашиной*

ОШИБКИ В СЧЕТЕ ИЛИ ПРОСЧИТАННЫЕ ОШИБКИ?

Le Canard Enchaine, 14 июля 2010 года

Социальная проблематика явно не сильная сторона Сарко[1]. Без исправлений со стороны Давида Пюжадаса он совершил как минимум две ошибки во время своего телевизионного шоу на канале «Франс 2» в понедельник 12 июля.

Его интервьюер упомянул процент уровня безработицы, равный 10%, Сарко немного злобно поправил его: он достигает только 9,5%. Ошибка: по данным *INSEE* (Национального института статистики и экономических исследований) процент составляет 9,9. Отметка спускается до 9,5%, только если абстрагироваться от частей Франции за морем. Очевидно, если Сарко уже подарил независимость заморским департаментам и территориям...

Елисейский хозяин также растрезвонил, что возможность уходить в 60 лет, подаренная работающим на тяжелых работах, «не существовала ранее». Вот здесь опять ошибка: Жискар сделал это явно раньше него, допустив пенсию в 60 лет всем рабочим на опасном производстве в некоторых секторах, как строительство или металлургия**,** не заставляя их проходить через унизительное освидетельствование в медкомиссии. Эта мера умерла естественной смертью в 1983 году с установлением левыми силами общего пенсионного возраста в 60 лет.

---

[1] *Сарко* — принятое во Франции прозвище президента Николя Саркози (р. 1955).

После Финансовой инспекции Сарко должен был бы запросить статистический рапорт в Генеральной инспекции социальных вопросов.

Нужно также смириться с ужасной правдой: несмотря на свои адвокатские знания, несмотря на свои функции президента Республики, который, вроде как, должен гарантировать независимость правосудия, Саркози следовало бы перечитать свои основные учебники.

Когда Давид Пюжадас спросил его по поводу дела Бетанкуров: «Нужно ли оставлять это дело под единственную ответственность прокурора, у которого иерархическая связь с исполнительной властью?», глава Государства запутался в первый раз: «Как любопытно, когда в начале прошлой недели общество выдвигало обвинения против Эрика Верта, никто не задавался этим вопросом, как вдруг судьи стали независимыми...» Увы, журналист канала «Франс 2» говорил ему не о судье, независимость которого теоретически связана с полномочиями, а о прокуроре, зависимом от министерства юстиции.

Спустя десять секунд, Сарко опять жалуется: «Теперь, когда честность Эрика Верта доказана, тот же судья становится кем-то, кого нужно подозревать в пристрастном отношении... — Э... Тот же прокурор! — старается исправить Пюжадас. — Извините, это судья, — настаивает Сарко, все более настойчиво, — это Магистрат[1]».

Новый рецидив менее минуты спустя: «Вы думаете, будет независимо сказать (*именно так*!). «Это будет хорошо, если поменяют судью, поставят нового?» Независимость правосудия не в моей компетенции!»

Остается гипотеза, которую «Утка» едва осмеливается выдвинуть: а если Сарко свободно перемешал судей, прокурора и магистрат, чтобы легче запутать телезрителей?

А.Ж. и Д.С.

Перевод *Анастасии Горячевой*

---

[1] Во Франции Магистрат — совокупность судейских чинов и прокуроров, а также и высшие административные чиновники.

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ГЕРМАНИИ

РУДОЛЬФ АУГШТАЙН

КОММУНИСТЫ И ОСТАЛЬНЫЕ НЕМЦЫ

«48-летний доктор Эрих Апель[1], ушел из жизни, как истинный немец», — написано в большинстве западногерманских некрологов. Будучи живым, он был не немцем, а коммунистом. Обращение Эриха к оружию, неверно понятое как предупреждение членам партии и советам, позволило бы прислушиваться к Федеративной республике [Германии], если бы политический смысл поступка не был заклеен лозунгами.

Вот что пишет официальная служба партии ХДС: «Апель был одним из немногих функционеров Ульбрихта, знающим преимущества известных послаблений в экономике, которые были проведены в Румынии, Польше и Венгрии по сравнению с закрытой экономикой СССР, и требующим таких же послаблений для ГДР. Требовал напрасно».

Для чего Апель выступил таким образом (а именно, с выводами, которые нашим западноевропейцам могут показаться странными)? Для большей экономической независимости национальной экономики ГДР. Любое коммунистическое правительство за пределами России недолго отказывается от попытки, которую практики советов упорно отвергают, — увеличивать расходы на всеобщие нужды.

---

[1] *Эрих Апель* — политический деятель, председатель плановой экономической комиссии, разрабатывавшей и проводившей «Новую экономическую систему планирования и руководства» (НЭС), предложенную одним из руководителей ГДР Вальтером Ульбрихтом в 1963 году. Программа была направлена на внедрение в экономику ГДР элементов рыночной экономики. Не получив поддержки у Брежнева, Ульбрихт начал резко критиковать Апеля за неудачи НЭС, хотя эти неудачи были следствием недопоставок сырья из СССР. Вскоре после этого Апель был найден застреленным в своем кабинете. До сих пор неизвестно, было ли это самоубийство или политический заказ. — *Прим. авт.*

Моральная поддержка, о которой ходатайствует Вашингтон из-за Вьетнамской войны, удовлетворила бы работоспособных американцев. А Советская Россия, напротив, сама загоняет себя в угол, но придает большое значение материальным жертвам союзных с ней коммунистических правительств. Таким образом, строятся национальные отношения в защиту советско-русских прав. Конфликты возникают, вероятно, даже с совестью.

Такие конфликты приводят не только к тому, что кто-то снабжает газету или депутата секретной информацией и таким образом ставит себя под удар, но также и к тому, что потом под давлением жизненных потребностей возникают ситуации, в которых этот человек застреливается.

Достаточно ли этого для того, чтобы теперь запоздало вешать на ленте Эриху Апелю медаль за сопротивление против красного злого духа? (Газета «Бильд» в воскресном номере сравнивает его с вымоиной, которой Гитлер сунул бы в руку пистолет, как теперь Апелю Ульбрихт: хороша же нелепая пропаганда на Западе, которая уже активно используется на Востоке?) Или нужно направить взор на ту страну, в которой, по официальным данным, проживают граждане ГДР?

Можно допустить, что, если бы это было нужно на Западе, даже Ульбрихт с удовольствием продал бы свои продукты дороже. Подписал ли он советские требования только из раболепия? Вероятно, все же не совсем. Его режим не может существовать без тесного сотрудничества с Советами. Он зависит от них гораздо больше, чем Федеративная республика от США.

Федеративная республика также должна соглашаться с активно высказываемыми желаниями США (торговля с Китаем, трубное эмбарго, Вьетнам), хотя она несравненно самостоятельнее (или могла бы быть самостоятельнее), чем ГДР. Но она черпает из полного ведра, а ее оборонительные силы — из самого полного. Россия — первая по величине страна в мире, а ГДР как седьмое по величине индустриальное государство является сравнительно бедной страной, чья экономика дорого платит за эксперименты правых сил.

Конечно, Федеративная республика могла бы смягчить зависимость СЕПГ[1] от Москвы. Каждый руководитель СЕПГ должен уступать Советам, до тех пор пока ГДР объявлена вне закона на Западе и экономически изолируема. Если бы имелись, однако, лучшие политические и экономические отношения между Бонном и Восточным Берлином[2], то Апель имел бы защиту с тыла, то появилось бы больше Апелей и не было бы ни в коем случае сказано, что Ульбрихт, который является опытным оппортунистом, им не помогал.

---

[1] *СЕПГ* — Социалистическая единая партия Германии — правившая в ГДР партия, ориентировавшаяся на СССР и КПСС.

[2] *Бонн* — столица ФРГ, *Восточный Берлин* — столица ГДР.

Хотя Вилли Брандт сумел сообщить свои сказочные сведения о «тяжелых дискуссиях» между Ульбрихтом и Апелем, имевших место ранее, можно предполагать, что оба политически двигались к веревке. Только экономист, который расплатился за противоречия, очевидно, не осознавал преимущества политика.

Мы можем и дальше радоваться, когда на Востоке появляются экономические проблемы. Но зачем нам это нужно? Мы можем с чистой совестью считать экономическое укрепление СЕПГ политической помощью, которая только укрепляет упрямство коммунистов, но неверно, преувеличенно произнесенная, приводит к хорошим результатам. Поначалу это может отражаться так. Только если мы хотим эволюции в Центральной и Восточной Европе — а что еще мы можем желать? — тогда мы должны делать ее возможной. В СЕПГ имеются силы, схожие с силами в Румынии, Польше и Венгрии, которые хотят лучше вести хозяйство и использовать достижения экономики ГДР. Они не имеют никакой позиции против Москвы до тех пор, пока их и ФРГ рассматривают и с ними обращаются как с кликой.

Москва и Восточный Берлин имеют объединение, которое теснее, чем какое-либо другое между двумя коммунистическими системами. Но люди СЕПГ не были бы людьми, если они не пытались выбраться из тесных оков, из строгой опеки. Однако Федеративная республика, которая, как единственная власть, могла бы активно помогать ей в этом, желает, чтобы ГДР оставалась известной как эксплуатируемая армейская колония, для того чтобы еще дальше отдалить страну от мирного дня «икс» и от мирного освобождения, для того чтобы можно было требовать от западных властей «эффективную немецкую инициативу с содержанием».

Эрих Апель — это немецкая действительность, это инициатива с содержанием. Но в чем ее цель — спорить с политиками, которые все вместе выступают против правильной торговли между западным союзником и ГДР. Они не желают согласиться с этим. Как прекрасно, что наш бундестаг так единодушен!

Журнал «Шпигель», 1965 год
Перевод *Екатерины Брединой*

ЗАКОН ШПРИНГЕРА[1]

Демократия необязательно подразумевает народовластие, господство народа. Народ высмеян Генрихом Гейне как «колоссальный Санчо Панса» и «суверенный король крыс», как «бестолковейший Иван-дурак»,

[1] *Аксель Шпрингер* (1912–1985) — основатель газетно-издательского концерна *Alex Springer Verlag* (1947) в Германии, крупнейшего концерна в Западной Европе.

который для того же самого Гейне, однако, и «справедливый император, призывающий действовать», поэтому народ не может господствовать. Он не знает, для чего с ним беседуют и торгуются, указывают ему X и Y и разражаются слезами радости, когда он отмечает на выборах X и Y.

Народ обычно спит или смотрит футбол. Он не может господствовать. Но все-таки он может во сне разваливаться и потягиваться, может поворачиваться с одного бока на другой и этим вызывает то, что называется сменой правительства. Для того чтобы определить, может ли страна называть себя демократической, не является критерием тот факт, есть ли в стране компетентное большинство граждан или же правители влияют на человеческий рассудок, к благоразумию которого так часто апеллируют.

Таким образом, имеются ступени демократии, и можно с уверенностью сказать, когда образованное демократическим путем общество с легкостью выберется из климата демократии. Так или иначе, один критерий беспристрастно указывает на поворотный пункт: ни один отдельный гражданин, каким бы богатейшим и могущественнейшим он ни был, не может преуспеть в разрушении общества, не получив отпора общественности. Мужчина, существование которого несовместимо с правилами демократического общества, либо вызывает на дуэль демократическое правительство, либо пытается сорвать с него маску и указать на отсутствие в нем демократии.

Тот, кто угрожает демократической конституции, не обязательно должен быть плохим парнем. Иногда это человек с большой буквы, такой, как маршал Пилсудский или генерал де Голль; тогда он пользуется огромным уважением, как, например, генерал Дуглас Макартур. Также может быть, что он безумно богат и владеет экономическими ресурсами бедной страны, как это делает, например, «Юнайтед фрут компани» в Центральной Америке.

У нас в Федеративной республике имеется со времени развала католического папства только один мужчина, который должен доказать, что, хотя мы противостоим СЕПГ с ее ложью и правдой, для нас высшей заповедью является благо народа, а не интересов клики: я подразумеваю гамбуржца-издателя Акселя Шпрингера. Он кажется до глубины души невинным, когда его разрастающийся концерн угрожает свободному формированию общественного мнения. Он, мечтательный преобразователь и гениальный торговый агент, вдохновленный мистификатор его собственного успеха, принимает, вероятно, как судьбу и расположение Бога то, что таит для честных людей, живущих вне его мало-великого космоса, гигантскую опасность. Сделал ли он, человек, хорошо разбирающийся в законах федеративного капитализма, что-нибудь еще для достижения гармонии сначала с большинством населения, а потом и со всеми политическими партиями?

Он, несмотря на бесконечное вращение, не сделал ничего. Он мелочно просчитывал, как добиться того, чтобы не только свободная капиталистическая игра денежных сил, но и благосклонность нескольких находящихся в оккупации англичан швырнули его катапультой с подножия на самую вершину горы. И не было ли в том его вины, что британцы за бесценок передали ему, человеку, который уже был самым великим, вдобавок еще и «Ди Вельт», «Вельт ам Зонтаг» и «Нойе Блат»?

До тех пор, пока мир стоит на холмах и равнинах, а черт устраивает пакости, Шпрингер палец о палец не ударит. Если появляется продавец газет с гениальными способностями, он становится гением. Идея «народной общности» Адольфа Гитлера не была унаследована никем более искусно, чем этими двумя — канцлером Аденауэром и как раз Шпрингером.

Он не является адресатом, которому идет наш упрек. Только к неокапиталистическому фундаментальному порядку, который все власть имущие благодарят за его власть, а все богачи — за его богатство, потихоньку разрывая его на куски. Так кто правит в Бонне? Такой вопрос срывается с лицемерных ртов и губ благородных людей и долетает к нам из Восточного Берлина.

В будущем мало что изменится, если мы ответим: в Бонне правит бундестаг и выбранное им правительство. Только, конечно, если кто-то коснется стада овечек господина Акселя Шпрингера, тогда все будет немного не так. Не требуйте от нас, пожалуйста, выполнения закона, который запретил бы ему распространяться в прессе, издательстве, типографии и в сфере производства общественного мнения о расходах своих конкурентов. Этот человек имеет, знает Бог, средства донимать нас. Он может созывать бундестаг в Берлин или, скорее, он мог бы и он может вызвать депутатов с каникул, если такая никуда не спешащая проблема, как повышение телефонных пошлин, нуждается в их присутствии.

Был ли такой закон, который бы оказался недемократическим, некорректным и некапиталистическим не только для одного Шпрингера? Ах, старая капиталистическая демократия Англии и Америки, на гумусе которой росло понятие «корректность», не могла этого допустить. То, что экономическая концентрация власти и справедливая власть мнений, демократия, может быть заторможена на окраинах, знают в тех демократических странах, где этого никогда еще не было, но только не в Германии, где это произошло уже дважды. Один социал-демократ, соблазненный самым прекрасным обещанием, которому недавно кто-то предложил закон для защиты мнений от монополистических идей, ошарашенно вытаращил глаза, будто бы ему предложили политическое самоубийство.

Шпрингер снова и снова не имеет к этому никакого отношения. Он не знает, куда деть заработанные деньги. Естественно, он приносит их

туда, где они быстрее всего умножатся и чье производство он понимает лучшего всего. Весь мир с облегчением вздыхает и смеется. Его поздравляют с государственно-мужеподобной сдержанностью. «Аксель Шпрингер, — пишет “Шпигель”, — хорош для реализации возможностей многообразного ассортимента журналов. Это отношение признано в кругах издателя и оценено им».

<...> Трансляции уже еле-еле возможны без его разрешения (разве только «Франкфуртер Альгемайне» и «Шпигель» соединились бы вместе). Каждая полоса газеты укрепляет его положение за счет оптовиков и киосков, каждая отдельная типография помогает ему, для того чтобы печатать сообщения и мнения дешевле, чем может конкурент. Больше нет ни одной такой дефектной проигрышной газетенки, которую бы он не смог поднять целенаправленным покрывающим слоем объявлений на ее страницах. Не являются ли люди СЕПГ правыми, когда отправляются разносить страх по домам, что Шпрингер в случае присоединения ГДР не только бы преобразовал 40% всех там продаваемых ежедневных и воскресных газет, как это уже сделано в Федеративной республике, но и 70%, как сегодня уже в Берлине и Гамбурге? Раньше Шпрингер был гениальным покупателем. Сегодня, однако, не нужно больше гениальности для того, чтобы сдвигать рыночные механизмы в пользу гиганта, а только лишь организация, которая у него также превосходна.

Издательскй дом Шпрингера растет не как лавина, но как прожорливая опухоль. Никакой отдельный человек в Германии (исключая Бисмарка и обоих императоров) не накопил до и после Гитлера столько власти в своих руках. Неизвестна ни одна западная страна, в которой отдельный мужчина контролирует 40% напечатанных сообщений и мнений, и не как важный акционер меньшинства, а как исключительный владелец своих газет, журналов и типографий, который может завещать Содружество тому, кто его больше развеселит.

Сесиль Кинг, самый могущественный магнат прессы Англии, «самой большой издательской фирмы свободного мира», хотя и контролирует на одну треть больше, чем Шпрингер, сам владеет, однако, всего 4% акций своего концерна. Кинг имеет «сердце для затравленных и любит обнаруживать несправедливость». Хорошо хоть так. Но он также скупил массу газет. И так как Англия является все еще демократией, по этому вопросу была создана королевская комиссия. Ее постановления оставляют на законе осадок, экстракт которого недавно был опубликован в «Ди Вельт» в такой форме: «Парламент связывает захват ежедневной и воскресной газет другим издательством с постановлением министерства торговли, если объединения руководят изданиями с общим тиражом больше чем 3 млн экземпляров. При этих обстоятельствах министерство должно передавать дело на рассмотрение Антимонопольной комиссии. Тем не менее исключения из этого правила допустимы толь-

ко в том случае, если захваченная газета была убыточной и издательство или само не может больше оставаться собственником, или ему требуется немедленная помощь».

Так данное постановление выглядит в напечатанном виде. Однако при захвате ежедневной, воскресной или местной газеты другим изданием разрешение министерства торговли требуется в том случае, если покупатель имеет уже общий тираж одной газеты или в сумме всех газет объединения 500 000 экземпляров. Откуда корреспондент «Ди Вельт» взял цифру 3 млн, я никак не смог выяснить. Она ложна.

Законодатель Англии считает несовместимым с основным правом свободы слова, если большие газетные издательства скупают новые маленькие газетенки. Поэтому Антимонопольная комиссия обязана рассматривать каждое заявление и определять, оказывается запланированное слияние в «противоречии с общественными интересами» или нет. В принципе, министерство торговли может отказать в разрешении, даже если захватываемая ежедневная или воскресная газета стоит перед разорением или ее тираж меньше 25 000 экземпляров. Как обстоит дело с похожим регулированием в Федеративной республике?

Народное мнение, говорит «Ди Вельт», не выступает против Сесиля Кинга. Ай-ай, народного мнения также нет. Разве общественному мнению не все равно, от кого он получает по почте развлечения: от Кинга или Шпрингера? Но «Ди Вельт» использует эту удобную основу для создания популярности Кинга среди народа: все его операции совершались бы тогда в светлом свете общественности, а отчет о состоянии дел Кинга явился бы «образцом ясности». Как если бы немецкие издательства также должны были опубликовывать отчеты о состоянии дел, добиться наряду с другими достойными уважения качествами еще и «образца в ясности»? Додумайся до этого, и ты — верный господин страны!

«Я не нахожу ничего плохого во власти, — говорит Сесиль Кинг, — до тех пор пока я являюсь тем, кто ею обладает». Истинно британское преувеличение. Он ее тоже не имеет, приятный мужчина, он владеет достойной уважения, но контролируемой и ограниченной частью власти. Четыре английских группы владеют 66% ежедневных и воскресных изданий. Кинг, четырехпроцентный, владеет (на всякий случай указываю на кухонный характер подсчетов) 2% английских дневных и воскресных изданий — его континентальный конкурент Шпрингер подобен мамонту и, напротив, держит в руках 40 : 90% всех воскресных изданий, 81,5% одиннадцати надрегиональных ежедневных газет.

Также Сесиль Хармсворс Кинг, племянник не сильно любимого в Германии лорда Нортклиффа, обладает качеством, которым не стоит пренебрегать и которое, к сожалению, было потеряно другим крупным газетным магнатом на пике успеха: не политика стала его страстью, а газетное дело, так говорит «Ди Вельт». Это дополнительное замечание

справедливо и для Шпрингера: «Если политика и издание попадают в конфликт интересов, Кинг сосредотачивается на интересах издания». Здесь оба издателя оказываются в согласии.

Официальный представитель правительства господин фон Хазе полагал, что должен обязательно встретить тонкое различие между «моральным» и «неполитическим» издателем в его деловой хватке. Разве не знал господин фон Хазе, что «моральный» издатель, если он является, кроме того, еще самым оперативным, будет гораздо опаснее, чем бизнесмен? Федеральное правительство, можно заключить из слов господина фон Хазе, не будет делать ничего ни сейчас, ни в ближайшее время и так вести политику, чтобы не наступить на ботинок Шпрингера.

Остается надеяться, что мы прочитаем в «Ди Вельт» еще одно сообщение, на этот раз о концентрации прессы в США. Там существует лидирующая группа из десяти концернов, четыре самых крупных из которых удерживают от 4,1 до 6,4% рынка.

Доля рынка выше 4% уже рискованна. Объединение пивоварни в Милуоки с другой пивоварней было запрещено, потому что обе фирмы вместе заняли бы долю рынка 4,49%. Позвольте Шпрингеру, если он захочет, покупать лес, бумажные мельницы, все химические фабрики, но мешайте ему продолжать захватывать все новые доли любых ежедневных, воскресных или еженедельных газет! <...>

Журнал «Шпигель», 1966
Перевод *Екатерины Брединой*

УЛЬРИКА МАРИЯ МАЙНХОФ

ПОДЖОГ УНИВЕРМАГА[1]

Журнал «Конкрет» № 14, 1968 год

Против поджогов в целом как метода политической борьбы говорит то, что страдают не те люди, которые должны страдать.

Против конкретного поджога универмага говорит то, что это нападение на капиталистический мир потребления (а именно так сформулировали свои мотивы обвиняемые) этот самый мир не сорвало с петель, нисколько не задело тех, кто на нем греет руки.

Принципам, по которым в нашей стране производят и потребляют товары, принципам извлечения прибыли и накопления капитала скорее отвечает простое уничтожение товаров, нежели продвижение их на рынок. Потому что тех, кто наживается на массовой продукции и продаже в торговых домах, ничто не радует так, как бесплатное уничтожение товаров.

Ущерб (снова в пользу барыша) возместит страховка. Проблема переполненности рынка, включая залежавшуюся нереализованную продукцию, решается как раз этим способом (поджогом), который не очень отличается от тех, к которым прибегает промышленность. Например, в книге «Вижн» Вэнс Паккард[2] строит «город будущего», где «все здания состоят из особенной бумажной массы, поэтому каждую весну и каждую осень во время большой уборки их разрушают и строят заново». И «каждая четвертая фабрика расположена на крутом обрыве; ее конвейеры можно развернуть и к главным воротам, и к задним. Если спрос небольшой, ленты разворачивают к задним воротам, и весь выпуск холодильников или другой продукции исчезает в бездне и отправляется в металлолом, прежде чем наводнить собой потребительский рынок».

---

[1] В апреле 1968 года Андреас Ваадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зенляйн устроили поджог универмага во Франкфурте-на-Майне, причинив серьезный материальный ущерб. На следующий день все четверо были арестованы. Во время процесса в октябре того же года они объяснили свои действия протестом против безразличия общества по отношению к убийствам во Вьетнаме. За этот поджог подсудимые были приговорены к трем годам тюрьмы.

[2] *Вэнс Паккард* — леворадикальный американский социолог, теоретик и политолог.

Уничтожение общественного богатства пока еще не осуществляется такими сенсационными способами, как поджог и отправка прямиком на свалку. Индустрия пытается превозмочь проблемы рынка при помощи формулы «каждые два года — новая модель»; расточительством миллионов на исследования, которые помогают сбыть товар, но не улучшить его качество; при помощи одноразовых ведер для мусора, бессмысленных дорогих упаковок, лишь увеличивающих прибыль (расходы за вывоз мусора потребитель берет на себя); с помощью заведомо ложной дорогостоящей рекламы. Миллионы часов, огромное количество сил и денег вкладывается в износ («устаревание»), запланированную дату смерти продукта, так, что холодильники, электрические бритвы, дамские чулки, игрушки, лампочки быстрее приходят в негодность, чем это предполагают использованные материалы, потраченные время и силы. И все это для того, чтобы искусственно поддерживать спрос, чтобы при помощи продукции и потребления достичь норм прибыли, которые вновь будут пущены в оборот, не для удовлетворения общественных потребностей, а для накопления капитала. (В универмаге все — как в капитализме. Правда, в капитализме есть еще и больницы, школы, детские сады и т.д., но их недостаточно, и они, как правило, плохие).

Итак, уничтожение общественно производимого богатства посредством поджога качественно не отличается от систематического его уничтожения при помощи моды, упаковки, рекламы, установленного износа. Таким образом, поджог универмага не является антикапиталистической акцией, скорее, контрреволюционной, сохраняющей Систему.

Прогрессивный момент поджога универмага — не в уничтожении товаров, а в криминальности, преступности действия. Закон, который был нарушен, не ограждает людей от того, что их рабочее время, силы и созданная ими прибавочная стоимость уничтожаются, портятся и разбазариваются. Через рекламу людям лгут об их собственной продукции, разделяют их с помощью организации труда и утайки всевозможной информации о продукте. В обоих качествах — и как производители, и как потребители — они подчинены тем, кто прибирает деньги к рукам и использует их по собственному усмотрению. «По собственному усмотрению» означает «по логике прибыли», другими словами, там, где есть возможность присвоить еще большую прибавочную стоимость, а не там, где деньги будут использованы всеми и эффективно (образование, здравоохранение, общественный транспорт, порядок, чистый воздух, сексуальное просвещение и т.д.).

Закон, который был нарушен, защищает не людей, а собственность. Закон постановляет, что чужая собственность не должна быть разрушена, подвергнута опасности, повреждена, сожжена. Не жертвы глумления над собственностью, не те, что обеспечивают рыночную стоимость собственным потреблением, будут защищены этим законом, а другие — глумливые «законные» собственники, подкармливаемые капиталистическим

государством. Закон призван отдалить производителей от собственного товара. Товар есть для того, чтобы потребитель делал с ним то, что ему нравится. Поджигатели сделали с продукцией то, что хотели, но закон нарушен, ибо то, что приходит в голову, дозволено делать со своим так называемым собственником. Логика этого закона выступает против людей, она защищает накопление, а не людей, которые им порабощены и варварские последствия такого накопления. Это нарушение — прогрессивный момент поджога универмага, несмотря на то, что уничтожение товаров таким путем — кирпич в стене капитализма и, следовательно, вступает в противоречие с антикапиталистическим замыслом.

Плюс акции в том, что во время поджога был нарушен закон, прикрывающий преступников. Остается вопрос, как это может нам помочь. Что могут сделать люди с горящим магазином? Они могут его опустошить. Негр из гетто, который мародерствует в торговом доме, узнает, что система не обрушится, если он бесплатно возьмет то, в чем безотлагательно нуждается, но из-за бедности и безработицы не может купить. Ему наглядно продемонстрировано, что Система ленива, раз отказывает ему в жизненно необходимом.

Напротив, товары, которые жители Франкфурта утянули из магазина, едва ли им нужны. Исключение составили посудомоечные машины, которых, по статистике, недостает в немецком быту, несмотря на то, что в Германии почти десять миллионов экономически независимых женщин и все они должны иметь посудомоечные машины. Этот предмет не только тяжело купить, но и утащить.

Коллективные потребности в богатых капиталистических странах явно остаются неудовлетворенными. Поджог универмага не обеспечит и даже не поможет людям осознать это.

Таким образом, действия, которые сейчас рассматриваются во Франкфурте, нельзя взять за образец (дело усугубляется угрозой сурового наказания). Но остается еще то, что Фритц Тойфель[1] сказал на конференции Социалистического союза немецких студентов: «Всегда лучше поджечь универмаг, чем вести его дела». Фритц Тойфель иногда действительно хорошо формулирует.

Перевод *Марии Шамфаровой*

[1] *Фритц Тойфель* — видный деятель западноберлинской контркультуры конца 1960 — начала 1970-х годов.

ГЕЛЬМУТ ШМИДТ

НАМ НЕОБХОДИМО МУЖЕСТВО[1]

«Ди Цайт», № 24, 9 июня 2005 года

У Европы есть много слабостей, однако на деле она сильна

Полтора года назад мне надо было выступать с докладом о Европейском союзе в Париже перед аудиторией, состоящей из историков и политологов. Хотя проект европейской конституции уже лежал на столе, я говорил о «кризисе дееспособности» Европейского союза и о том, что распад ЕС, «к сожалению, уже больше нельзя полностью исключить».

Народное голосование во Франции и Голландии подтвердило мои опасения, прежде всего, вызвав общеевропейскую обескураженность. Лидеры государств и правительств стран-членов Европейского союза, независимо от того, хотят ли они продолжить процесс ратификации или его прекратить, в полном недоразумении стоят перед развалинами своего конструкторского сооружения, над которым они прилежно трудились со времени подписания Маастрихтского договора. В Маастрихте нас было еще двенадцать, сегодня уже двадцать пять стран-членов ЕС. Однако при решении всех важных вопросов все еще действует правило единогласного принятия документов, которое срабатывало не очень хорошо еще и при двенадцати членах.

Поэтому Конституция ЕС могла бы привнести ясности и обозримости в работу ЕС; поскольку она теперь уже не вступит в действие — в форме уже существующего проекта она не вступит в действие, скорее всего, никогда — все еще остаются в силе многие уже ратифицированные законы.

Законную силу имеет не только Маастрихтский договор со всеми изменениями Договора о Европейском сообществе по углю и стали от 1952 года и Римские договоры 1957–1958 годов, законную силу имеют

[1] Эта статья написана в 2005 году, в пору, когда Германия и ЕС стояли перед принятием судьбоносных решений. Эти решения повлияли на ход политического, социального и экономического развития всего Европейского союза. Гельмут Шмидт, канцлер Германии в 1974–1982 годах, мудро анализируя недуги европейского сообщества начала XXI века, предсказал и возможные пути выхода из европейского кризиса, вызванного провалом проекта европейской конституции в 2004 году.

не только семнадцать Маастрихтских протоколов и 33 декларации, но и Амстердамский договор 1997 года и — что особенно важно! — Договор Ниццы 2000 года, со всеми содержащимися в нем изменениями и дополнениями предшествующих договоров. Законную силу имеют все тринадцать с тех пор вступивших в силу договоров со всеми их особенными положениями. С точки зрения международного права все государства-члены ЕС обязаны выполнять все эти договоры. В действительности же ни один из 25 министров иностранных дел и лидеров правительств не в состоянии удержать в голове всю совокупность этих текстов, занимающих несколько сотен страниц. Они являют собой прекрасный пример бюрократической неразберихи.

Политическое руководство может исходить только из отдельных личностей. Рассудительность, дееспособность, мужество и чувство ответственности проявляются не только в обновлении документов. Министры иностранных дел и лидеры правительств хотя и предчувствовали возможность провала народного голосования, но у них не хватило сил, чтобы хотя бы только представить себе альтернативный «план Б».

Большинство европейских государств и их народных хозяйств страдает сразу от многих болезней; кризис Европейского союза, ставший очевидным в прошедшие две недели, стал теперь дополнительным болезненным фактором. Однако ни в случае Польши или какого-либо другого нового государства—члена ЕС, находящегося в фазе социально-экономической перестройки, ни в случае Германии, Франции, Италии и так далее этот фактор не имеет решающего значения.

Когда к больному зовут врача, он сначала позаботится о прекращении боли и об оказании первой помощи, а затем, прежде чем поставить диагноз и перейти к необходимой терапии, займется выяснением истории болезни. В среднесрочной перспективе драматичное снижение рождаемости и связанное с этим старение почти всех европейских наций станут причиной опасной потери жизнеспособности, окажутся самой основной причиной всех европейских болезней. За — весьма значимым — исключением Франции почти повсюду не хватает способов терапии, поскольку предыстория и диагноз болезни все еще недостаточно проникли в общественное сознание. Поэтому недостает также прогнозов о последствиях старения населения, что сопровождается сокращением финансирования социального государства.

Например, через пятнадцать лет большинство всех живущих немцев в Германии будет старше 60 лет; но уже сегодня положенные по закону пенсии могут финансироваться округленно лишь на три пятых из страховых взносов; две пятых поступают из налоговой кассы. Дания, находившаяся несколько лет назад в похожей ситуации, уже давно провела образцовые реформы своего рабочего рынка и социального государства. Поэтому Дания сегодня экономически здорова, остальные государства

Скандинавии следуют за ней. Однако большинство европейских политиков остерегаются проводить подобные реформы — из страха перед избирателями.

Одной из самых серьезных болезней, очевидно, является господствующая в большинстве государств ЕС высокая безработица. Тот, кто хочет понять причины ее появления, должен признать: ее причины лишь на малую толику могут объясняться какими-либо ошибками ЕС, ни в коем случае не введением евро, вряд ли глобализацией, а, скорее всего, неправильными решениями в самих государствах-членах. Это касается политики рынка труда и заработной платы, некоторых социальных и социально-политических преувеличений, а также излишнего регулирования всех экономически важных областей. Поэтому кажется, что Франция, Германия и другие государства сидят в одной и той же лодке; но не ЕС как совокупность государств, а отдельные государства ответственны в этом! Именно национальные правительства и парламенты должны привести в порядок по линии доходов и расходов свои нездоровые бюджеты. Однако для всех необходимых способов лечения нужны дееспособность и мужество.

Многие граждане и избиратели чувствуют надвигающуюся катастрофу и боятся этого. Чем старше человек, тем менее он готов примириться с изменениями жизненных обстоятельств. Лучше всего все должно оставаться так, как есть: никаких нововведений, никаких новых изобретений, никаких новых конкурентов в области сбыта и рабочих мест, никакой иммиграции, никакой глобализации. Однако и для многих представителей молодого поколения это кажется слишком трудным. У отрицательных результатов народного голосования во Франции и Голландии — в Германии референдум, скорее всего, привел бы к таким же результатам — есть разные причины. Самая важная общая причина — страх перед нововведениями, последствия которых нельзя предугадать, и отторжение их. Так же и в Германии.

Расширение общего рынка на десять новых членов вступило в юридическую силу. Оно обязательно принесет всем дополнительную конкуренцию, так же как и экономический подъем Китая, Индии и так далее. Если у нас не будет новых изобретений, если мы не сможем предложить никаких новых продуктов и услуг, то скоро не только текстиль, игрушки, фотокамеры или корабли будут поставляться из других стран. Ведь другие страны могут производить такие же товары, как и мы, но по более низким ценам и при более низкой оплате труда. Поэтому для нас исследования и наука бесконечно более важны, чем акционерные общества, состоящие из одного человека (одно из социальных нововведений на рынке рабочей силы в Германии в 2005 году — *Ред.*) или другие игры на рынке труда.

Поиск выхода во все новых и новых параграфах никому не нужен, неважно, приходят ли они из Брюсселя или из Берлина. Если парламенты германских земель должны заниматься переносом (в германское право) европейской директивы по строительству канатных дорог, которая во многих землях абсолютно не нужна, или если Собрание министров культуры Германии (в Германии не существует отдельного общегосударственного министерства культуры, поэтому на федеральном уровне все вопросы решаются Собранием министров культуры всех земель — *Ред.*) в который раз, но как всегда чересчур рьяно, собирается провести реформу правописания, то значит, что везде в Европе в основе этого лежит растущее маниакальное желание регулировать и предписывать все и вся.

Только такие популисты, как Ле Пен (Франция — *Ред.*), Фортайн (Нидерланды — *Ред.*) или Лафонтен (Германия — *Ред.*) мыслят подобным образом, как будто было бы возможно отделить европейские народные хозяйства от мирового рынка и конкуренции. На самом деле наше благосостояние уже в течение десятилетий зависит от нашего успеха на мировых рынках: например, в Германии импорт и экспорт с давнего времени составляют около 30% валового социального продукта. Глобализация — только новое слово, в которое облечено старое содержание; ведь и Airbus, и Peugeot, и Volkswagen, и Siemens, и контейнерные корабли Гамбургского пароходства были бы немыслимы без международного рынка.

Отказ от евро? Невозможно быть столь глупым!

Если некоторые легкомысленные журналисты и политики задаются вопросом, не был бы преимуществом отказ от общей денежной единицы — евро, то они в равной степени и глупы, и безответственны! Брюссельские министры и комиссары не могут быть настолько недальновидными, даже если до сего времени мышление в долгосрочной перспективе не являлось их сильной стороной. Вновь введенная в оборот лира сразу же стала бы объектом спекуляции тысяч глобально действующих фондов по хеджированию и инвестиционных банков. Без включения в европейскую валютную систему такое могло бы произойти и с вновь введенной в оборот немецкой маркой — как некогда с британским фунтом стерлингов.

Институты ЕС не могут вылечить социальные и экономические болезни своих государств-членов. Они могут помочь в лучшем случае Польше, Венгрии и Чехии, всем новым членам ЕС разобраться в тысяче предписаний, которые были преждевременно навязаны им в качестве acquis communitaire. Но ЕС не может оказывать им финансовую

помощь, даже приблизительно равную той, которую он оказывал ранее ирландцам, испанцам или грекам, или участвовать в подъеме их благосостояния в той мере, в которой западные немцы вносят вклад в благосостояние восточных. Скорее, правительства и парламенты всех европейских стран и их общественное мнение сами должны осознать свои болезни и недостатки и сделать необходимые выводы.

То же самое касается и Германии. Неважно, кто придет к власти осенью этого года [2005-го, после того как бундесканцлер Герхард Шредер покинул свой пост в результате вотума недоверия, вынесенного им в германском парламенте, и досрочных выборов нового канцлера. — *Прим. перев.*], он или она должны знать: «Агенда-2010» Шредера [спорная программа по сокращению безработицы в стране, принятая накануне вотума недоверия правительством канцлера Шредера в 2004 году. — *Прим. перев.*] хоть и появилась поздно, была все равно правильна. Однако и она ни в коей мере не была достаточной. Речь о «новом толчке» Германии, произнесенная президентом Романом Херцогом в 1997 году и содержащая многочисленные и далеко ведущие предложения по терапии страны, все еще остается правильной. Однако мы не должны упускать из внимания застой восточногерманского процесса реформирования, проявляющийся экономически и психологически, поскольку именно он — самый важный из всех немецких факторов болезни. Кто бы ни был у власти, ему понадобится мужество, чтобы признать истину со всеми вытекающими отсюда последствиями, и необходимость этого не отличает нас от всех наших соседей по ЕС.

Невозможность прояснения полномочий и распределения голосов в рамках ЕС сравнимо с провалом Европейского оборонного сообщества в 1954 году; тогда это привело к замешательству и отчаянию, однако не прекратило дальнейшее развитие европейской интеграции. Провал Конституции ЕС — перелом костей, а не полный паралич. Однако это не препятствует ни одной из стран-членов решать свои проблемы и лечить свои болезни.

Достижение, равного которому не было в истории

Хотя в обозримом будущем не предвидится европейской эйфории, это все же не повод для пессимизма. Его место займет реализм. Европа ни в коем случае не подошла к своему концу. Ведь у сегодняшних европейцев те же самые гены, что и у прошлых поколений. Эти наследственные черты позволили европейцам вынести огромные жертвы двух мировых войн и национал-социалистской, фашистской и коммунистической диктатур, а также заново восстановить свои общественные структуры — с большой затратой сил, однако без гражданских и иных войн. Ни один

из живущих ныне европейцев не был когда-либо свободнее, чем сейчас, ни один не жил когда-либо в большем благосостоянии — громадное достижение! Добровольное и без насилия со стороны произошедшее объединение в единый союз пятисот миллионов европейцев, разделенных на 25 наций с 20 языками, образовавшимися в течение столетий и тысячелетий, остается единичным примером в мировой истории. В этом ничего не изменит и провал голосования по Конституции ЕС.

Возможны и различные другие пути развития ЕС. Вполне возможно, что останется незавершенным уже начатый процесс дополнительного расширения ЕС. Возможно и сужение ЕС до зоны свободной торговли с общими институтами; англичане были бы вполне этим довольны. Возможно, что Европарламент и без конституции добьется принятия, по крайней мере, насущно необходимого проведения через парламент всех брюссельских решений. Однако возможно также, что через несколько лет посредством слаженного взаимодействия нескольких правительств и государств образуется внутреннее ядро Европы.

Мы, немцы, живущие бок о бок с девятью непосредственными соседями в центре Европы, обладая самым многочисленным населением и самым мощным народным хозяйством, должны осознавать: у нас нет никаких стратегических задач мирового масштаба в других частях планеты; самой важной нашей задачей было и остается поддержание тесных мирных связей со всеми нашими соседями. И через сто лет они останутся нашими соседями, а Франция и Польша — важнейшие из них еще со времен европейского средневековья. Мы, немцы, в этом становящемся все более перенаселенным мире еще сильнее, чем все остальные наши соседи, заинтересованы в Европейском союзе.

Поскольку народы Европы имеют за собой более чем тысячелетнюю историю национального развития, образование союза не может быть завершено за несколько десятилетий лишь только министрами и дипломатами. ЕС нуждается в согласии и воле своих граждан. На опыте растущего бессилия отдельно действующих небольших и средних государств, который еще предстоит испытать, граждане будут постепенно приобретать понимание необходимости единого союза. Для этого нужны время и выдержка. Жан Моне, Роберт Шуман, Жискар д'Эстен, Жак Делор, многие из прежних государственных деятелей знали: только шаг за шагом мы можем преодолеть укорененный в истории эгоцентричный национализм европейцев. Сегодняшние государственные мужи и слишком рьяные брюссельские комиссары должны равняться на эти примеры!

Перевод доктора *Анны Розэ*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ИТАЛИИ

ИНДРО МОНТАНЕЛЛИ[1]

ЛЕВЫЙ МОРЖ

«Коррере делла сера», 7 июня 2001 года

Думаю, Берлускони в эти дни горько сожалеет о славных годах оппозиции, когда он вел сомкнутые ряды своих войск, неустанно совершая нападки на правительство. При разделе добычи (я говорю, естественно, о политической добыче, ни о какой другой) все меняется, и разговор становится сложнее. Конечно, каким-то образом ему удается разобраться с этим. И одним он утешается в любом случае — фактом, что противник, кажется, даже не проявляет осторожности перед трудностями, перед которыми большинство разрывается и думает обо всем, только не о наживе. Я говорю это не потому, что следует взвалить эти трудности на себя, что было бы помимо прочего неправильно; но для того, чтобы созвать собственные отряды и натолкнуть их на некоторые размышления.

Я допускаю, что, возможно, это напрасный труд, потому что левая Италия — из тех, кто ничего не забывает, но ничему и не учится. Рожденная из раскола (в Генуе в 1892 году), переживавшая расколы в течение всего двадцатого века и проигрывавшая из-за расколов все свои битвы. Накануне Первой мировой войны ее силы представляли большинство ее электората, не хотевшего кровопролития. После войны, чтобы поделить улицу между муссолиниевскими бедняками, не знали, кому

[1] *Индро Монтанелли* (1909–2001) — одна из центральных фигур итальянской журналистики XX в., публицист с семидесятилетним стажем, бравший интервью у Эйнштейна и Гитлера, автор более ста публицистических книг (первая вышла в 1935 г., последняя — в 2001 г.).

довериться, и выбрали Факте — честного малого, каких не сыщешь, но наименее одаренного решительностью в принятии решений и, возможно, именно поэтому победившего.

О событиях прошлого я читал в книгах. Но к этому могу добавить собственный жизненный опыт, полученный на конгрессах левых сил, начиная с дней Освобождения, когда после двадцатилетних ограничений, наложенных фашистским режимом, левые снова сцепились друг с другом. Едва разрешили гимн возрожденной Демократии и стали возносить хвалы «ценностям Сопротивления», сразу начались конфликты из-за будущего левых партий и течений. Я помню, как тонула новорожденная партия действия: едва попав в колыбель, ее члены стали соревноваться друг с другом, и в партии воцарился дух шайки детоубийц. Помню и выражение глубокого ликования на обычно хмуром лице одного из лучших — морально и интеллектуально — людей Первой Республики, Риккардо Ломбарди, когда ему случалось (и случалось почему-то почти всегда именно ему, сначала в качестве акционера, потом как социалисту) составлять свидетельство о смерти партии.

В общем, эту левую Италию я видел все время в роли жертвы обоюдных предательств и отлучений. Вот что помогает понять, как же в Италии пятьдесят лет могла существовать христианская демократия — единственная партия, которая, несмотря на исступленную внутреннюю борьбу течений и фракций, ни разу не доходила до раскола. Все было дозволено внутри партии: клевета, кинжалы, яд. Но банда оставалась бандой. Тот, кто выходил из нее, заканчивал, как морж, который, однажды будучи изгнанным из стада, следует за ним, издавая душераздирающие и вместе с тем бесполезные мольбы быть принятым обратно. Кто она сегодня, о чем говорит, что делает левая Италия в то время, как правая терпит неудачи и становится видно, что она не фабрика чудес, как того, возможно, ждали избиратели? Она решает принять имя, облик, программу либо хочет продолжить проводить (все-таки следует признать это — вполголоса и вежливо) «репетицию оркестра» по Феллини?

Эти вопросы не ждут ответов, потому что, к сожалению, никто не имеет права их давать, но их задает половина Италии. Правда, другая половина страны не задает подобных вопросов. Но это не утешение.

Перевод *Ольги Овчинниковой*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИШТВАН БИБО[1]

ДЕКЛАРАЦИЯ 4 НОЯБРЯ 1956 ГОДА

Венгры!

Как только первый советский солдат на рассвете вступил на нашу землю, премьер-министр Имре Надь[2] отправился в советское посольство на переговоры. Больше он оттуда не вернулся. В связи с этим министр Золтан Тильди созвал экстренное совещание, на которое, кроме него, сочли возможным явиться только Иштван Б. Сабо и госминистр Иштван Бибо. Советские войска окружили парламент. Тильди, желая избежать кровопролития, пошел с военными на соглашение: мы покидаем парламент и тогда никто из гражданских не пострадает. Довольные собой, Тильди и другие удалились. В здании парламента остался один государственный министр Иштван Бибо — автор эти строк — как единственный представитель законной власти.

Оказавшись в таком положении, я заявляю:

Венгрия не намерена проводить антисоветскую политику. Будьте уверены: Венгрия — за мирное существование в сообществе восточно-

---

[1] *Иштван Бибо* (1911–1979) — венгерский социолог, юрист, публицист, один из выдающихся деятелей Венгерского восстания 1956 года, безуспешно стремился найти компромисс с советским военным командованием. В 1957 году был арестован и приговорен к пожизненному заключению, в 1963 г. освобожден по амнистии. В последние годы жизни занимался научной деятельностью.

[2] *Имре Надь* (1896–1958*)* — один из руководителей Венгрии, лидер венгерского восстания 1956 г. В 1930-е годы, живя в СССР, сотрудничал с НКВД. После поражения восстания казнен.

европейских стран, в духе единения, свободы и справедливости. Перед лицом всего мира я отвергаю гнусную клевету, будто бы славная венгерская революция отдает фашизмом и антисемитизмом, что мы ставим во главу угла борьбу классов или маленьких закрытых «сект». Весь венгерский народ готов провести черту под военными репрессиями со стороны другого государства и политикой наших палачей. Утверждение, что все проблемы может уладить огромная иностранная армия, — неосновательны. Напротив, эти военные на улицах — причина всех проблем, волнений и беспорядков.

Я призываю венгерский народ направить против оккупационной армии и ее марионеточного правительства все силы, использовать против них все возможные формы пассивного сопротивления, кроме тех случаев, когда могут быть затронуты вопросы продовольственного снабжения Будапешта. Я не вправе отдавать приказы начинать вооруженное сопротивление: я слишком малосведущ в военной науке, чтобы жертвовать драгоценной кровью молодых венгров. Но я знаю: у нас хватит крови и сил, чтобы доказать миру свою преданность истине и свободе. Я призываю солдат сверхдержавы покориться всему мировому сообществу и ООН, принять единственно мудрое решение и с достоинством уйти. Единственным законным главой государства я предлагаю назначить Анну Кетли[1].

Боже, храни Венгрию!

Будапешт, 4 ноября 1956 года.

Перевод *Игоря Говрякова*

[1] *Анна Кетли* — известная венгерская диссидентка, политический и общественный деятель.

АДАМ МИХНИК

ВОЗРОЖДЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И БЕСЫ БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Понимать историю Польши означает верить в чудеса. Вы только подумайте: чтобы в 1984 году допустить, что Польша через пять лет вернет свою свободу и независимость, надо было предположить, что возможны чудеса. При всей своей богобоязненности и католичности поляки в такое чудо не верили. Да и, в конце концов, кто из нас, сотрудников «Газеты Выборчей», мог тогда поверить, что в ближайшем будущем окажется сотрудником крупной и важной ежедневной газеты, уважаемой и в Польше, и во всем мире?

Но кто же признается в своем маловерии? Вот мы и спорим друг с другом: кто, какой политический лагерь, какие силы вернули Польше независимость?

<...> Но, в конце концов, чудо совершилось: Польша обрела свободу, и каждый поляк получил право на мгновение счастья по поводу независимости родного болота.

Сотрудники «Газеты Выборчей» не были отстраненными наблюдателями польских событий. Мы были и остаемся активными участниками споров о Польше.

<...> Польский путь к демократии через переговоры и соглашения стал возможным благодаря соглашению «круглого» стола. Я считаю «круглый» стол самым разумным политическим актом польской истории двадцатого века. Почти никто не верил в соглашение правящей коммунистической партии с антикоммунистической оппозицией. И все же такое соглашение стало фактом: без блокад и карательных отрядов, без единого выбитого окна Польша смогла сама с собой договориться о пути к свободе и независимости. Если бы в 1984 году поляк-патриот поймал золотую рыбку, какие бы три желания он загадал? Прежде всего, чтобы Польша из диктатуры стала демократией, без полицейского пресса, без

[1] Эта речь произнесена А. Михником на русском языке 25 сентября 1999 года в Варшаве на IV Международных чтениях памяти главного редактора журнала «Континент» Владимира Максимова. Публикуется с сокращениями по: «Континент», 2000. № 3.

цензуры, без закрытых границ. Во-вторых, чтобы польская экономика стала рациональной, чтобы логика свободного рынка пришла на место логики приказа, распределения и дефицита, чтобы растущая задолженность сменилась устойчивым экономическим ростом. В-третьих, чтобы Польша стала суверенной страной, чтобы советские войска оставили Польшу, чтобы распался Советский Союз и наша страна стала постоянным членом демократической Европы.

«И слово стало плотию и обитало с нами».

Почему коммунизм в Польше рухнул? Благодаря избранию Папой Иоанна Павла II и его знаменитым поездкам в Польшу? Благодаря политике американских президентов Картера и Рейгана, сделавших права человека орудием американской политики против тоталитарного коммунизма? Благодаря Михаилу Горбачеву, который в попытке модернизировать советскую империю нанес ей смертельный удар?

Каждый из этих факторов был очень существенным. Но решающим было другое: тот факт, что поляки хотели сломать диктатуру, то, что поляки, которые служили диктатуре, сумели договориться на этот счет с теми, кто против диктатуры восстал.

Это и была Великая Польская Бархатная революция. Наша революция, подобно любой другой, породила чрезвычайные надежды и чрезвычайные разочарования. Были разочарованы власти, которые рассчитывали рационализировать и модернизировать систему, а не ликвидировать ее. Разочарована была «Солидарность», мечтавшая о наступлении эпохи всеобщего благоденствия, а получившая время безработицы, грызни среди лидеров, ловкачества бывшей номенклатуры и коррупции новой властной элиты. Все просто: разочаровано было все общество, которое верило, что с падением коммунизма Польша превратится в страну с американскими заработками, скандинавским социальным обеспечением и «трудовой этикой» эпохи первого секретаря Эдварда Герека. Но чаемая манна не упала с небес, потому что с небес наша земная манна не падает.

Однако на самом деле для «Газеты Выборчей» манна небесная состоялась: к нашему счастью, вода превратилась в вино. Мы сознавали, что «круглый» стол — это огромное достижение, что за столом переговоров демократическая оппозиция добилась всего, к чему стремилась.

За легализацию «Солидарности» нужно было заплатить огромную цену: согласиться участвовать в выборах нижней палаты сейма, пойдя на компромисс и согласившись с тем, что оппозиция получит не более 35% мест. Участники «круглого» стола превратили это соглашение в средство революционных перемен. В результате выборов появилась соответствующая нижняя палата сейма и абсолютно демократическая верхняя палата, так что мы добились сокрушительной победы.

Я отлично помню это время. Победа потребовала от нас воображения, отваги и осторожности. Она шокировала всех: коммунистическую элиту, католический епископат и нас — членов «Солидарности». Чтобы двигаться дальше и заменить коммунистическую власть некоммунистической, следовало искать компромиссы, избегать невидимых рифов и минных полей, воздерживаться от столкновения с естественными врагами демократии — силовыми министерствами, а также с Москвой, ведь тогда никто не мог себе представить распада СССР.

Нам повезло: с согласия всех актеров польской политической сцены возникло правительство Тадеуша Мазовецкого, первое некоммунистическое правительство в социалистическом лагере. Это правительство выполнило историческую миссию декоммунизации Польши. Спустя десятилетие мы с благодарностью вспоминаем это правительство и его сторонников. Это было правительство надежды. Посреди ужасной экономической разрухи, после многих лет внутренних конфликтов, раздиравших государство, было образовано правительство согласия и единства. Правительство это было призвано после многих лет диктатуры и угнетения заложить основы свободы и независимости. Правительство Мазовецкого, Куроня, Бальцеровича и Скубишевского умело вести переговоры с президентом Ярузельским, с Горбачевым и с политиками демократических стран. Это правительство положило начало исторической Осени Народов: падению Берлинской стены и Бархатной революции в Чехословакии. И именно это правительство со своим премьером спустя несколько месяцев стало объектом беспощадной атаки, начатой людьми, которые не хотели забыть прошлое, которые требовали «ускорения демократизации и декоммунизации», «завершения революции». Во главе этой атаки стоял символ польского сопротивления, лауреат Нобелевской премии мира и вождь «Солидарности» Лех Валенса.

<...> Я боялся Валенсы. Меня пугало его умение жонглировать словами, ловкость, с которой он устранял оппонентов. Я боялся его компромиссов и того, как ему нравится вести переговоры с правительством. Я боялся его склонности верить в существование всемирного заговора, в его окружении я видел многих не лучших и случайных людей. Я боялся его ревности к способным людям и того, как он постоянно твердит: «Солидарность» — это я!»

Здесь будет уместно открыто признать, что в целом я ошибался относительно Валенсы. Руководитель профсоюза «Солидарность» (NSZZ) оказался достойным своего места. Если не обращать внимания на отдельные ошибки, положение Леха Валенсы в «Солидарности», его настойчивость обеспечили преемственность в «Солидарности». Когда он вернулся работать на верфь, не переставая комментировать происходящее в обществе, он стал зримым символом польского сопротивления, маяком, который из Гданьска периодически посылал всей Польше сиг-

налы веры и надежды. Соединяя настойчивость с умеренностью, Лех получил Нобелевскую премию и положение общепризнанного авторитета, что доказала реакция людей на его речь над могилой священника Ежи Попелюшко.

<...> Таким я вижу Леха Валенсу: человек гениальной интуиции и бесстыдной самовлюбленности, прирожденный политик и самонадеянный автократ, крестный отец польской свободы и ее невольный разрушитель. Никто столько не сделал для польской свободы и никто не растоптал стольких идеалов Польши. Вместе с тем никто так твердо не защищал рыночную экономику и прозападную ориентацию польской внешней политики.

Лех Валенса не хотел и не мог ждать. Может быть, поэтому я все еще думаю о Валенсе со смешанными чувствами: теплотой и отвращением, страхом и восхищением? Он не уважал соратников, он признавал только преданных себе придворных. Он жаждал президентской власти, как наркоман кокаина. Но не личные особенности вождя «Солидарности» вызвали в конечном счете «войну в верхах». Атака Валенсы на правительство Тадеуша Мазовецкого оказалась успешной благодаря всеобщему разочарованию.

Философия правительства Мазовецкого основывалась на политике последовательных, но осторожных реформ, из которых важнейшей частью была трансформация экономики по Бальцеровичу, позднее названная «шоковой терапией». Мазовецкий хотел нейтрализовать все прочие общественные конфликты. Именно в этом был смысл решимости поставить крест на прошлом, дав каждому возможность трудиться на благо демократической Польши, а не тонуть в океане мстительности.

Однако эти разочарования и конфликты были естественным следствием трансформации. Валенса гениально почувствовал и выразил всеобщее разочарование. Разочарованы были активисты «Солидарности», которые надеялись, что их союз станет новой «руководящей силой», назначающей ректоров университетов и директоров заводов, воевод, министров. Разочарованы были работники крупных предприятий, которые полагали, что свобода пришла благодаря их забастовкам, а теперь они оказались лицом к лицу с перспективой безработицы. Разочарованы были католики, которые ожидали, что на смену рухнувшей коммунистической Польше придет время Польши католической. Люди, которых преследовали при диктатуре, чувствовали себя обманутыми, потому что они ожидали вознаграждения, а вместо этого наблюдали, как обогащается коммунистическая номенклатура.

Всякая новая власть хочет, чтобы ее любили, и готова за это платить. Но правительство Мазовецкого опиралось на жесткую экономическую политику Бальцеровича. Теперь видно невооруженным глазом, что нынешнее процветание Польши обусловлено именно этой полити-

кой. Однако в то время проходили демонстрации под лозунгом «Бальцерович — доктор Менгеле польской экономики». Такое разочарование коренится в природе всякой революции: за героическим сражением за свободу следует борьба за власть и доходные должности. Затем, как правило, бывшая диктатура сменяется диктатурой революционного режима. К счастью, в Польше вышло по-иному.

Бальцерович — политик с железной волей, великого и революционного воображения, которого яростно критиковали с самого начала его деятельности. Его обвиняли в бездушном монетаризме, бесчеловечной приверженности к волчьим законам рынка, в появлении безработицы и равнодушии к социальным проблемам, в помощи богатым и в разорении бедных. Однако у Бальцеровича были могущественные союзники: премьер-министр Мазовецкий и Яцек Куронь, министр польской бедноты; была на его стороне и галопирующая инфляция. Благоприятствовало ему и отсутствие альтернативных программ, уверенность в том, что всякая другая политика хуже. Поддерживало его парламентское большинство и большая часть средств массовой информации.

Журналисты «Газеты Выборчей» всегда последовательно поддерживали политику Бальцеровича.

У нас было из-за этого много проблем. Большинство из нас вступили в эпоху свободы с глубоко укорененной верой в необходимость защиты прав рабочих: их достоинства, их прав, их интересов. Идеал освобождения рабочих коренился в социалистической традиции и в энцикликах папы Иоанна Павла II; он был, естественно, противоположен политике Бальцеровича. Вместо самоуправления трудящихся — приватизация. Вместо роста зарплаты — рост цен и затягивание поясов. Вместо социальных гарантий — призрак безработицы. Мы часто спрашивали себя, не предаем ли мы собственные идеалы? Десять лет спустя мы, оглядываясь, твердо отвечаем: нет. Мы не отказались от своей мечты, мы только отвергли наши заблуждения. Здесь и теперь мы полагаем, что не было для Польши иного пути, чем каменистая тропа шоковой терапии Бальцеровича. На этом пути, пускай он и был проторен не без ошибок, отклонений и скандалов, Польша достигла небывалого экономического роста и социального прогресса.

Мы понимаем, что будущее всегда неоднозначно. Жесткая логика рыночной экономики часто сопровождается холодной рыночной жестокостью, бездушной ментальностью бизнеса, ригоризмом технократов и попранием человеческого достоинства. В такие мгновения мы вспоминаем и будем вспоминать, что наша высшая цель — свобода Польши и свобода человека в Польше, создание гражданского общества, в котором каждый имеет право жить достойно. Мы понимаем, что свободный рынок есть обязательная часть пути к этой цели. Но мы от-

нюдь не считаем, что обогащение одних и обнищание других — это результат божественной справедливости. Напротив. Мы должны контролировать богачей, предоставляя бедным помощь и возможность вырваться из нищеты.

<...> «Газета Выборча» описывала сломленных и несчастных людей языком репортажа, но на языке комментария мы всегда говорили о том, что принимаем сторону реформаторов. Мы понимали, что естественным результатом модернизации является уход в недовольство. Поэтому мы выступали за политику общественного диалога, компромисса и за «Пакт о предпринимательстве», регулирующий отношения между работодателем и рабочими. Мы знали, что где кончается диалог, там начинается разрушение демократических принципов правового государства. Мы не призывали к ужесточению уголовного кодекса, но мы требовали последовательного применения норм права к тем, кто их нарушает.

<...> С самого начала, с 1989 года, наша газета поддерживала единство Польши — родины для всех своих граждан, государства, основанного на компромиссе, а не на преобладании одного политического лагеря, не на беспощадной грызне и бесконечном сведении счетов. Мы не хотели, чтобы «Солидарность» стала новой «руководящей и направляющей силой», мы не хотели, чтобы на место принудительного марксизма-ленинизма и просоветской ориентации пришли принудительный католицизм и ориентация на западный капитал.

Мы с радостью наблюдали, как польское общество обретает утраченную свободу, а польское государство — независимость. Сменявшие друг друга правительства проводили разумную политику по отношению к национальным меньшинствам и к нашим соседям, и мы эту политику поддерживали. Мы с удовлетворением отмечали, что впервые в своей истории Польша не конфликтует со своими национальными меньшинствами и соседними государствами. Это несомненное достижение. Но прийти к нему было не так-то легко. Мы же видели, как в других посткоммунистических странах агрессивный национализм занимал место коммунистической идеологии, так что изгнанные бесы возвращались. Мы видели зарождение кровавого конфликта в Югославии, как он развивается и продолжается, как вчерашние коммунисты превращаются в агрессивных националистов, а вчерашние демократы разговаривают языком этнического фашизма. Мы видели также, как христианское духовенство благословляло этнические чистки. Мы видели, как Россию и другие страны бывшего СССР захлестывает национализм, подпитываемый и коммунизмом, и антикоммунизмом; с тяжелым сердцем мы слушали образчики великодержавного российского шовинизма из уст Жириновского или Зюганова. Мы были свидетелями кровавых столкновений в Румынии, распада Чехословакии, поджогов убежищ для аф-

риканцев в Восточной Германии. Мы видели все это, и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы такие сцены не повторились в Польше. Это была бы гибель польской свободы.

<...> Мы были сторонниками новой системы отношений между государствами и народами Центральной и Восточной Европы. Ради утверждения такой системы мы широко публиковали русских авторов, в том числе русских демократов, которым мир многим обязан.

Мы гордимся количеством русских среди друзей нашей газеты. Мы тем более имеем право гордиться, что мы сумели по-новому взглянуть на запутанные польско-украинские отношения. Улучшение этих отношений мы считаем одним из важнейших достижений польской внешней политики, и «Газета Выборча» внесла в это дело свой вклад. Мы полагали, что наиболее эффективная дорога на Запад, в НАТО и в Европейский союз пролегает через внутреннюю стабилизацию страны, налаживание хороших отношений с соседями и активную региональную политику. Поэтому мы много писали о Чехии, Словакии, Венгрии, поэтому давали обширные материалы о Литве, Латвии, Эстонии, Украине и Белоруссии.

Мы отдавали себе отчет в том, что у прозападной ориентации, которую наша газета всегда поддерживала, есть последовательные противники. Мы сталкивались с такими противниками среди членов бывшей антикоммунистической оппозиции, среди церковных лидеров, среди членов бывшей коммунистической номенклатуры. Поэтому мы с радостью отмечали каждое слабое движение в сторону Запада среди политиков из Христианско-национального союза (ZCHN) и несомненный поворот к Западу у посткоммунистического Демократического левого союза (SLD). Однако настоящим прорывом в этом отношении стало посещение польскими епископами Брюсселя и их проевропейские заявления.

С самого первого номера «Газета Выборча» проявляла огромное уважение к Католической Церкви. Мы признавали колоссальную роль Церкви в польской истории, ее выдающееся значение во время коммунистической диктатуры и во время переговоров правительства и «Солидарности». Мы восхищались величием дела папы Иоанна Павла II. Несмотря на все это, несмотря на величайшую осторожность, с которой мы критиковали некоторые заявления епископата, нас часто обвиняли во враждебности к Церкви. Мы считали и считаем эти заявления несправедливыми.

Мы никогда не пытались выглядеть католической газетой, хотя всегда считали себя друзьями Церкви. Вслед за Лешеком Колаковским мы полагали, что «Церковь находится как бы на рубеже неба и земли; она раздает благодать и охраняет Закон, распределяет в видимом мире невидимые блага. <...> Сила христианства проявляется не в теологии и не

в монополии на регулирование всех сфер жизни канонами. Эта сила в том, что христианство способно создать в человеческом сознании преграду ненависти. В сущности, одна только вера в Христа Искупителя была бы тщетна и ничтожна, если бы она не несла с собой отказа от ненависти, независимо от обстоятельств, если бы вслед за словами "и остави нам долги наши" христиане не должны были бы произносить "как и мы оставляем должником нашим". Этот отказ от ненависти есть вызов христианства, который актуален по сей день. Но если настоящий христианин — это человек, который исполнил эту заповедь, ученик Христа, не бегущий с поля сражения, но свободный от ненависти, — много ли было и есть христиан на Земле? Я не знаю. Я не знаю, больше ли их было в Средние века или в наши дни. Сколько бы их ни было, они соль земли, и европейская цивилизация без них была бы пустыней».

Мы начали понимать Церковь, глядя на нее под этим углом зрения. Поэтому нас беспокоят голоса ненависти и презрения, вдохновляемые ненавистью, люди, во имя Евангелия и под знаком Креста идущие в крестовый поход на инакомыслящих. Мы намеревались показать другую сторону христианства, показать Церковь всеобщей веры и надежды, сострадания и диалога, прощения и примирения. Мы были и остаемся верны диалогу, а не слепому послушанию, критике, а не враждебности. Из ежедневных газет наша первая стала регулярно посвящать особую полосу Католической Церкви и религии.

Было время, когда Церковь неприязненно поглядывала на сотрудничество с «Газетой Выборчей». Тем больше наша благодарность тем представителям Церкви, которые делились с нами своими мыслями, статьями, эссе, проявляя и смелость, и понимание нашей миссии.

Преданность лучше всего познается, когда тебя несправедливо критикуют. Благодаря людям Церкви, которые оставались нашими друзьями в тяжелые дни, мы не теряли уважения и восхищения Церковью. Трудно представить себе Польшу без католичества. Католическая Церковь глубоко интегрирована в польское общество. Поэтому Церковь воплощает в себе и лучшие, и худшие стороны Польши. Мы счастливы, что смогли принять сторону лучшего.

Сотрудников «Газеты Выборчей» и лично меня часто обвиняли в том, что мы слишком благожелательно относимся к представителям коммунистического режима. Нас критиковали за то, что мы не сводим счеты, не участвуем в люстрации и декоммунизации, а в результате размываем границу между добром и злом, правдой и ложью. Один критик назвал это «дружеским пактом с Каином».

Недавнее десятилетие «Газеты Выборчей» стало хорошим поводом для ответа на такие обвинения.

В течение многих лет мы принадлежали к антикоммунистической оппозиции. Многие из нас провели немало времени в подполье, в тюрь-

мах, на задворках общественной жизни, подвергаясь дискриминации и унижениям. Наши идеи и наши друзья были исключены из дискуссий о Польше и ее будущем пути. Так продолжалось очень долго.

На страницах подпольных газет мы яростно ниспровергали коммунистический режим. Только в 1989 году, во время переговоров «Солидарности» с правительством, мы признали, что Польша увидела свет в конце туннеля. Тогда мы поняли, что путь к польской демократии должен напоминать испанский, что диктатура эволюционирует в демократию через компромисс и национальное примирение. Такая эволюция предполагает, что не будет мести, не будет победителей и побежденных, что судьбу новых правительств решит избирательный бюллетень. <...>

Мы считаем, что создание демократического и суверенного государства является процессом примирения заклятых противников — Польши коммунистической и Польши «Солидарности». Поэтому мы были против любых попыток декоммунизации и люстрации. Мы считаем декоммунизацию (то есть дискриминацию бывших активистов компартии) антидемократичной. Мы считаем неверными аналогии между декоммунизацией и денацификацией в Германии. Гомулка, Герек и Ярузельский — не то же, что Гитлер, Гиммлер или Геббельс. Они были диктаторами, но не виновны в геноциде, поэтому ставить их на одну доску с нацистами неверно.

Нам импонировал испанский переход к демократии. Мы также обращались к опыту Филиппин, Южной Африки и Чили, где вчерашние враги заняли свои места в одном демократически избранном парламенте. Мы считали, что лучше превратить многочисленных сторонников «бывшего режима» в защитников демократии, независимости и рыночной экономики, а не в их заклятых врагов.

Конечно, мы часто писали о коммунистическом прошлом, не слишком скрывая своей глубокой к нему антипатии. Но, даже осуждая систему в теории и на практике, особенно смешение лжи с насилием, мы пытались понять тех, кого система поймала в свои сети. Говоря иначе, более по-христиански: мы отличали грех от грешника. Для нас коммунист не был воплощением зла, дьяволом во плоти, Каином, преступником, чьи руки запачканы невинной кровью. Мы не хотели демонизировать сторонников ушедшего режима, хотя мы постоянно писали о демонической природе тоталитаризма; не хотели мы и «обожествлять» антикоммунистическую оппозицию, хотя бы то были наши друзья из «Солидарности», страдальцы подполья или тюрем.

<...> Рассказывая о польской экономике и участвуя в политических дискуссиях, мы понимали, что одной политикой жизнь не ограничивается. Поэтому мы хотели создать газету жизнеутверждающую и помогающую людям.

Мы стали писать о демократии и правах человека на уровне, внятном каждому человеку, — например, два года мы вели кампанию «Роды по-человечески», которая изменила польские роддома. Мы добивались, чтобы персонал роддомов относился к роженице доброжелательно и уважительно, а не отстраненно и даже наплевательски. Мы выступали за право родственников присутствовать при родах, за возможность постоянного контакта матери с новорожденным. Мы просили читателей присылать нам письма с описанием роддомов и на основе этих писем создавали рейтинг польских роддомов. Врачи и власти сперва не обращали внимания на эту кампанию, но уже через несколько месяцев роддома ожесточенно соревновались за место в рейтинге. Мы добились перелома в общественном сознании, и само выражение «рожать по-человечески» стало расхожим. Специалисты даже полагают, что резкое сокращение детской смертности было в какой-то степени обусловлено и гуманизацией родов.

«Газета Выборча» выступала также в защиту детей алкоголиков, против насилия в семье и на телеэкранах. Мы спасли государственные детские дома, организовав сбор пожертвований для них, поддерживали создание семейных детских домов. Мы поощряли отказ от жизни в блочных многоквартирных домах, организовав акцию «Жить по-человечески». Несколько раз мы прямо выступали за внесение изменений в законодательство. Когда в 1997 году внезапно были отменены льготы по квартплате, мы собрали тысячи подписей под обращением с призывом выступить против налогового законодательства. Мы касались самых сложных вопросов, зачастую таких, о которых не принято говорить в обществе, например, о сексуальном воспитании или, совсем уже недавно, о необходимости хосписов для неизлечимых больных. Наша газета постоянно пытается привить полякам вкус к здоровому образу жизни: бросить курить, питаться нормально и т.д.

На протяжении многих лет мы постоянно публикуем материалы, помогающие правильно платить налоги и распорядиться своими финансами, не говоря уже о бесчисленных советах по строительству, ремонту, украшению, покупке жилья (в разделе «Дом») или автомобиля (в разделе «Авто-Мото»). Мы также публикуем простейшие тесты, помогая студентам подготовиться к несложным экзаменам. Недавно стала пользоваться огромной популярностью информация о социальных реформах, особенно потому, что новое всегда сопровождается неразберихой. Самыми популярными стали серии статей на темы «Как в этом кавардаке получить медицинскую помощь» и «Как выбрать пенсионный план».

Читателям также очень нравятся наши региональные приложения. Они содержат и объявления о пропавших животных, и шуточные конкурсы, и объявления о театральных спектаклях и киносеансах. Читатели могут поместить некролог или поздравить новорожденного в разделе

«Добро пожаловать в мир» (такой раздел есть в любом из двадцати наших региональных приложений). Приложения включают в себя хронику городской жизни и развлекательные повествования — например, о многомесячном поиске убежавшего из зоопарка африканского кабанчика.

Эти приложения постоянно следят за действиями местных властей. Перед муниципальными выборами 1998 года они давали цикл статей «Город изнутри», который стал первым подведением итогов деятельности местных властей. Приложения также участвуют в полемике вокруг новых границ воеводств, организуя местные референдумы, и не только в тех городах, которые могут потерять свой статус областных центров.

<...> В первом номере «Газеты Выборчей» говорилось: «Эта газета появилась на свет в результате договоренностей, заключенных во время переговоров правительства и “Солидарности” за круглым столом, но мы будем издавать и редактировать ее сами, сами будем нести ответственность за газету. Мы связаны с “Солидарностью”, но намерены представлять взгляды и мнения всего общества, самых различных противоборствующих сторон».

Удалось ли нам сдержать слово? Об этом — судить сотням тысяч наших читателей.

Мы верим, что политическая и финансовая независимость нашей газеты является необходимым условием ее объективности. Мы достигали этой независимости в течение десяти лет, и за это время нас и хвалили, и ругали. Юбилей стал прекрасным поводом поблагодарить и наших критиков, и наших друзей.

<...> Мы счастливы, что самое счастливое десятилетие польской истории последних трех веков в то же время оказалось самым счастливым десятилетием нашей жизни. «Газета Выборча» — это не только наш вклад в это десятилетие, это заслуга всей демократической и независимой Польши.

ЛЮДВИГ ВАЦУЛИК

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЛОВ

Жизни нашего народа сначала угрожала война. Потом снова пришли скверные времена с событиями, которые угрожали его душевному здоровью и характеру. Большая часть народа с надеждой восприняла программу социализма. Но за ее осуществление взялись не те люди. Скверно не то, что у них не было достаточно государственного опыта, специальных знаний или философского образования; пусть бы у них было больше мудрости, обыкновенной мудрости и добропорядочности, чтобы они были в состоянии выслушивать мнение других и позволили бы постепенно заменить себя более одаренными людьми.

Коммунистическая партия, которая после войны завоевала у народа большое доверие, постепенно начала разменивать его на должности, пока не получила их все, и тогда у нее ничего не осталось. Мы должны прямо это сказать; это сознают и те из коммунистов среди нас, чье разочарование результатами так же велико, как и у остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии идейного союза в орган власти, которая стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью. Их прилив сказался на характере и поведении партии; внутреннее ее устройство было таково, что, только пройдя через позорное превращение, честный человек мог приобрести в ней влияние; в ней не было людей, которые бы ее могли удерживать на высоте современных задач. Многие коммунисты боролись против этого упадка, но им не удалось воспрепятствовать тому, что случилось.

Порядки коммунистической партии явились причиной и моделью таких же порядков в государстве. Ее союз с государством привел к тому, что исчезло преимущество глядеть на исполнительную власть со стороны. Деятельность государства и хозяйственных организаций не критиковалась. Парламент разучился обсуждать, правительство — управлять, а руководители — руководить. Выборы потеряли смысл, законы — вес. Мы не могли больше доверять своим представителям ни в одном комитете, да если б захотели, то не могли бы от них ничего требовать, потому что они все равно ничего не могли добиться. Еще хуже было то, что мы

уже не могли верить друг другу. Личная и коллективная честь исчезли. Честностью добиться чего-либо было не возможно, а о вознаграждении по способностям нечего говорить. Поэтому большинство потеряло интерес к общественным вопросам и заботилось только о себе да о деньгах, причем даже и на деньги нельзя было полагаться. Испортились отношения между людьми, исчезла радость труда, короче, пришли времена, которые грозили духовному здоровью и характеру народа.

За наше нынешнее состояние ответственны мы все, а особенно коммунисты среди нас, главная, однако, ответственность лежит на тех, кто были соучастниками или орудием неконтролируемой власти. Это была власть жестокой группы, распространяемая с помощью особого аппарата от Праги в каждый район и каждое село. Этот аппарат решал, кто что может или не может делать, он управлял кооперативами вместо крестьян, фабриками — вместо рабочих и народными комитетами — вместо граждан. Ни одна организация не принадлежала на самом деле ее членам, даже коммунистическая. Главной виной и наибольшим обманом этих правителей является то, что свой произвол выдавали за волю рабочих. Если бы мы захотели поверить этой лжи, мы сейчас должны были бы счесть виной рабочих упадок нашего хозяйства, преступления, совершенные над невинными людьми, введение цензуры, которая не давала писать обо всем этом, рабочие были бы виноваты в неразумных капиталовложениях, убытках торговли, нехватки жилплощади. Никакой разумный человек в подобную вину рабочих не поверит. Мы все знаем, а рабочие в особенности, что сами рабочие ничего не решали. Представители от рабочих выдвигал на голосование кто-то другой. В то время как многие рабочие думали, что управляют страной, на самом деле от их имени страной правила особая воспитанная прослойка деятелей партийного и государственного аппарата. Фактически они заняли место свергнутого класса и сами стали новыми господами. Справедливости ради, однако, надо отметить, что многие из них сами давно разгадали эту иронию истории. Мы узнаем их сейчас потому, что они устраняют несправедливость, исправляют ошибки, возвращают членам организаций и гражданам право решать, ограничивают компетентность и численный состав чиновничьего аппарата. Они вместе с нами выступают против отсталых взглядов.

Но большая часть чиновников пока еще сопротивляется и обладает весом! У нее в руках пока еще средства власти, особенно в районах и на местах, где она может ими пользоваться скрытно и не рискуя быть привлеченной к суду.

С начала нынешнего года мы находимся в возродительном процессе демократизации. Этот процесс начался в коммунистической партии. Мы должны об этом прямо сказать, и об этом знают даже те беспартийные среди нас, которые от партии уже ничего хорошего не ждали. Сле-

дует, однако, добавить, что этот процесс и не мог начаться в другой организации. Ведь только коммунисты могли в течение 20 лет жить хоть какой политической жизнью, только коммунистическая критика присутствовала там, где принимались решения, только оппозиция в компартии обладала тем преимуществом, что находилась в контакте с противником. Инициатива и усилия демократических коммунистов являются поэтому не более, чем платежом в погашении долга всей партии перед беспартийными, которых она держала в неравноправном положении. Поэтому благодарить компартию не за что, ей следует, может быть, признать, что она часто старается использовать последнюю возможность сохранения своей чести и чести своего народа. Процесс вознаграждения не несет в себе чего-либо нового. Он несет мысли и предположения, многие из которых старше, чем ошибки нашего социализма, другие же возникли над поверхностью видимых событий, они должны были быть давно высказаны, но подавлялись. Нечего строить иллюзии, что эти мысли побеждают теперь силой правды. Их победе скорее благоприятствовала слабость старого руководства, которое, по-видимому, сперва должно было устать от 20-летнего господства без каких-либо помех. Видимо, сперва должны были окончательно созреть все ошибочные предпосылки, скрывающиеся в основах идеологии этой системы. Так что не стоит преувеличивать значение критики со стороны студенчества и писателей. Источником общественных изменений является экономика. Правдивое слово хорошо тогда, когда оно предварительно подготовлено условиями. Под предварительно подготовленными условиями в нашем случае, к сожалению, надлежит понимать нашу бедность и полный развал той системы правления, когда политики определенного типа могли спокойно и неспешно компрометировать себя. Итак, правда не побеждает, правда просто остается, когда прочее уже разбазарено! Следовательно, нет повода ко всенародному ликованию, есть только повод к новой надежде.

Мы обращаемся к вам в этот миг надежды, которая, однако, пока еще в опасности. Потребовалось несколько месяцев, чтобы многие из нас поверили, что могут высказаться, а многие не верят до сих пор. Но мы уже столько сказали и столько открыли, что ничего не остается, как довести до конца наше намерение очеловечить этот режим. Иначе реванш старых сил был бы слишком жестоким. Мы обращаемся прежде всего к тем, кто до сих пор только выжидал. Время, которое наступает, решает нашу судьбу на многие годы.

Наступает лето с каникулами и отпусками, когда мы по старой привычке захотим все бросить. Но право же, наши уважаемые противники не позволят себе отдыха, они начнут мобилизовывать своих людей, тех, которые обязаны им, с тем, чтобы уже сейчас обеспечить себе спокойное Рождество. Постараемся внимательно следить за происходящим,

стараться уразуметь и ответить на это. Откажемся от неисполненной надежды на то, что кто-то более высокопоставленный даст нам единственно правильное толкование происходящего и единственное решение. Пусть каждый делает свои собственные выводы, на свою ответственность. Приемлемое для общества решение можно найти только в дискуссии, для которой нужна свобода слова, которая, собственно, есть единственное достижение этого года.

К тем дням, которые нам предстоят, мы должны идти с собственной инициативой и с собственными решениями.

Прежде всего, мы будем противостоять мнению, что можно совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им. Это было бы не только не справедливо, но и не разумно. У коммунистов созданы организации, прогрессивное крыло оных нуждается в нашей поддержке. У них есть опытные функционеры, у них все еще в руках решающие рычаги и кнопки. Как бы то ни было, они предложили обществу программу действий, которая одновременно является программой первого исправления крупнейших несправедливостей, а ни у кого другой такой программы нет. Нужно требовать, чтобы они предложили свою программу местных действий общественности каждого округа, каждого села. И здесь мы поведем речь о вполне естественных и правильных действиях, которые так давно идут. Компартия готовится к съезду, который должен избрать новый ЦК. Потребуем, чтобы он был лучше старого. Если компартия сегодня говорит, что свою руководящую роль в будущем она намеревается опирать на доверие граждан, а не насилие, мы должны этому верить в той мере, в какой мы можем верить тем людям, которых уже сейчас она направляет в качестве делегатов на районные и областные конференции.

В последнее время люди обеспокоены тем, что темп демократизации замер. Это впечатление является отчасти проявлением усталости от волнующих событий, отчасти соответствует фактам: пришел сезон неожиданных разоблачений, отставок с высоких постов и опьяняющих выступлений необыкновенной словесной смелости. Борьба сил, однако, лишь стала менее видимой, но она идет — борьба за содержание и текст законов, за диапазон практических мероприятий. Кроме того, новым людям министрам, прокурорам, председателям и секретарям необходимо дать время поработать. Они имеют на это право, им нужно время, чтобы показать себя то ли с хорошей, то ли с плохой стороны. Кроме того, от центральных политических органов нельзя теперь и ожидать большего. Они и так проявили неожиданные удивительные добродетели.

Практическое качество будущей нашей демократии зависит от того, что будет происходить с предприятиями и на предприятиях. При всех

наших дискуссиях нас держат в своих руках наши хозяйственники. Хороших экономистов надо искать и всячески пробивать на ведущие посты. Правда, что по сравнению с развитыми странами нам плохо платят (а некоторым еще хуже). Мы могли бы потребовать больше денег — их легко напечатать и тем самым обесценить. Давайте лучше требовать у директоров и председателей, чтобы нам объяснили, что и по какой цене хотят производить, кому и почем продавать, сколько, кто заработает, сколько денег уйдет на усовершенствование производства, сколько можно будет распределить. В газетах под нудными, на первый взгляд, заголовками мы видим картину жестокой борьбы за демократию или за кормушку. Рабочие, как производители, могут оказать влияние на исход борьбы, смотря по тому, кого они изберут в производственные советы. Лучше всего им, как рабочим, будет, если они изберут в профсоюзные органы своих естественных вожаков, способных и честных людей, независимо от их партийной принадлежности.

Но если от теперешних центральных политических органов нельзя сегодня ожидать большего, то надо добиться большего в районах и селах. Надо требовать отставки лиц, которые злоупотребляют своей властью, нанесли ущерб общественному имуществу, действовали нечестно и жестоко. Надо придумывать способы заставить их уйти. Например: публичная критика, резолюции, демонстрации, сбор подарков для них при уходе на пенсию, демонстративные субботники, забастовки, бойкотирование их дверей. Однако надо отвергнуть грубые, незаконные и нечестные приемы борьбы, потому что они могли бы использовать их для воздействия на Александра Дубчека. Наше отвращение к писанию грубых писем должно быть столь всеобщим, чтобы каждое такое письмо, которое они получат, можно было считать письмом, которое они прислали сами себе. Оживляйте деятельность Народного фронта. Требуйте публичных заседаний Народных комитетов. Создавайте гражданские комитеты и комиссии для решения тех вопросов, которые никто не хочет решать. Это просто: собирается несколько человек, выбирают председателя, исправно ведут протокол, публикуют свое заключение, требуют решения, не дают себя запугать, районную и местную печать, которая в большинстве случаев дегенерировала до уровня бюрократической дудки, надо превратить в трибуну всех положительных политических сил, создавать редакционные коллегии из представителей Национального фронта или же основывать новые газеты. Создавайте комитеты по защите свободы слова. Собираясь на собрания, организуйте свою собственную службу охраны порядка. Услышав тревожные новости, проверяйте их, направляйте делегации в компетентные органы, их ответы публикуйте хотя бы на заборах. Оказывайте поддержку органам безопасности, когда они преследуют настоящих преступников. Нашей

целью не является вызвать безвластие и состояние всеобщей неуверенности. Избегайте распрей между соседями, не обсуждайте политических вопросов под пьяную руку. Разоблачайте доносчиков.

Оживленное движение летом по всей стране вызовет интерес к упорядочению государственно-правовых отношений между чехами и словаками. Федерализацию мы считаем одним из способов решения национального вопроса, и все же это только одно из мероприятий, направленных на демократизацию нашей жизни. Это мероприятие само по себе может и не принести словакам лучшую жизнь. Завести отдельный режим для чехов и словаков — это еще не решение вопроса. Власть партийно-бюрократического аппарата в Словакии может при этом сохраниться во всей силе, раз она «завоевала большую свободу».

Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил. Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своем, не поддаваться на провокации. Свое правительство мы можем заверить в том, что будем следовать за ним даже с оружием в руках, лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия, а своих союзников мы можем заверить, что союзнические, дружеские и торговые отношения выполним. Наши раздраженные обвинения и неаргументированные подозрения только затрудняют положение нашего правительства и делу не помогут. Равноправные отношения мы сможем обеспечить только при условии, что улучшится наше внутреннее положение, а процесс возрождения зайдет так далеко, что на выборах удастся избрать таких государственных деятелей, у которых будет столько смелости и чести, политического ума, что их хватит, чтобы установить и отстоять такие отношения. Это, между прочим, является проблемой для всех без исключения малых государств во всем мире!

Весной этого года, как и после войны, мы стали перед новыми возможностями: у нас есть снова возможность взять в свои руки наше общее дело, рабочее название которого — социализм, и дать ему форму, которая будет лучше отвечать нашей когда-то доброй славе и тому относительно хорошему мнению, которое мы имели сами о себе. Эта весна окончилась и больше не вернется. Зимой мы узнаем все.

Этим кончается наше послание рабочим, крестьянам, чиновникам, людям искусства, ученым, техникам и всем прочим. Оно было написано по инициативе ученых. Подписи не суть полный перечень согласных с нами, это лишь образец людей из разных слоев общества, согласных с письмом — тех, кого мы смогли застать дома. Часть подписей по алфавиту:

Бено Блахут, засл. деят. иск., Пражский оперн. театр; проф. Ян Брод, дир. ин-та болезней органов кровообращения в Праге; акад. Б. Будховский, математик; д-р И. Цвекл, философ; Вера Чаславска, олимп.

чемпионка; Зд. Чехрак, художник; Эд. Фиала, техник; инженер и писатель Иржи Ганзелка; М. Полубь, микробиолог, д-р наук; Р. Грушинский, артист и режиссер Я. Ириш, режиссер В. Юркович, проф. Интернист Кадлепова, проф., окулист; Д. Кнопп, педагог; К. Косик, философ; акад. Я. Коутенок, геолог Э. Петырек, дир. Горного ин-та АН; Паткова, адвокат; проф. П. Лукин, интернист; инженер О. Г. Поупа, физиолог; проф. Я. Прохазка, хирург; И. Решка, олимпийский чемпион; И. Сухи, поэт; И. Шлитр, композитор; И. Топол, писатель; Людвиг Вацулик, журналист (автор этого текста); полковник Эмиль Затопек, олимпийский чемпион; Дана Затопкова, то же; И. Загата, агроном и т.д.

Всего 70 подписей.

Автор перевода неизвестен

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ

СИМВОЛЫ ЛИТОМИШЛЯ

Газета «Лидове новини», 28 апреля 1994 года

Обдумывая спустя некоторое время недавнюю встречу семи президентов в Литомишле, осознаешь одну замечательную вещь: как мало мы — перенасыщенные бесчисленными конкретными политическими темами дня — слушаем и оцениваем то, что я бы назвал знаковою данностью политики. Политические события, как я снова и снова убеждаюсь, не заключаются только в том, что кто в их рамках скажет, сделает или подпишет, но — никогда менее и в этот раз прежде всего — и в том, что значит встреча на своем фоне и какая, так сказать, невербальная информация проскальзывает на заднем плане.

Не было бы таких больших проблем, если бы в Литомишле подписали некие соглашения, провозглашающие вообще отношение к различным периодам истории и декларирующие всякие добрые намерения участвовавших стран. К сотням таких документов, сплошь встречающихся и даже к целому ассортименту неопубликованных и попадающих после торжественного подписания напрямую в архив, прибавился еще один. Но никто из нас не хотел принимать правила этой несколько лицемерной игры, рассчитанной на «конкретный успех». Такой поступок мог бы в принципе отлично прикрыть истинный смысл встречи и, в конце концов, сделать ее бессмысленной. А ее истинный смысл, собственно, мы на этот раз хотели вложить — и думаю, что нам это удалось, — не во что иное, как в составление нескольких немаловажных для восприимчивых и недремлющих наблюдателей и совершенно значительных своими долгосрочными последствиями политических символов. Символов, которые-то и могут внятно поведать правду, потому что они, как говорят естествоиспытатели, «мягкие», стало быть, до немалой степени расфокусированные, живые и провоцирующие нечто живое. Попытка

Вацлав Гавел (род. 1936) — чешский диссидент, журналист, писатель, политический деятель. Последний президент Чехословакии, первый президент Чехии. Предполагаемый автор термина «Абсурдистан» относительно стран советского блока. В настоящее время активно печатается в чешских СМИ.

перевести все это на язык официального коммюнике была бы наилучшим способом эти символы развеять и уничтожить.

Попытаюсь описать политические символы, или знаки, которые я увидел в прошедших событиях.

Феномен Средней Европы

Сам факт встречи участвовавших президентов, равно как и то, что на ней звучали различные мнения, ясно дает понять, что феномен Средней Европы вечно жив в сознании среднеевропейца и что задействованы страны открыто объявляют себя принадлежащими к Средней Европе. Литомишльские встречи осветили этот феномен, как что-то, что раньше доходило лишь до кабинетов культурологов и историков, однако что так или иначе пережито и сегодня осознается до конца. Ведь мы живем в пору, когда драматически изменяются политические системы огромных частей света и когда совершенно логично многие государства и народы возвращаются к своей оригинальной самобытности и принадлежности. Среднюю Европу, правда, нельзя точно ограничить географически. И уж вообще нет никакого самостоятельного среднеевропейского этноса. Тем не менее как свободное пространство, объединенное родственными историческими, культурными и социальными традициями, это явление существует и с точки зрения геополитической даже опять — так было в истории многократно — играет немаловажную роль, т.е. речь снова идет о том, кому будем принадлежать и какую роль будем играть.

Россию никто не хочет изолировать

На встрече еще однозначно стало ясно, какой ответ участвующие страны готовят на вопрос о положении и принадлежности региона в контексте всего мира: никто из них не хочет появления новой буферной и якобы нейтральной зоны между Западом и Востоком, даже появления моста — ни между кем. И тем более не желают входить в сферу влияния России или быть неким русским «близким зарубежьем», что означает — особенно с точки зрения безопасности — специфическую привязанность к России. Разумеется, что никто ничего не имеет против России, никто ни в чем не стремится ее ущемить, все хотят иметь с ней такие хорошие отношения, какие только можно представить. Отношения во всем равноправные, основанные на уважении России к тому, что ее партнер ориентирует свою жизнь туда, куда хочет. Просто непонятно, почему это мы должны быть под влиянием России, когда ни Бельгия, ни Норвегия ничего от нее не требует. Иными словами, Средняя Европа воспринимается как деятельный член той Европы, которую до

сих пор называли Западной, или просто Западом, и вполне логично, что поэтому мы хотим влиться в их оборонные, политические и хозяйственные структуры. Отличаемся ли мы чем-нибудь, как какие-либо иные объединения, например, Скандинавия, от жизни Европы, и если да, то не отдельными цивилизационными, духовными и политическими ценностями (они у всех одни и те же), но теми оттенками, которые наша среднеевропейская культурная среда может им дать (подобно тому, как другие регионы передавали им свои особенности). Именно сегодня, когда в российской внешней политике прослеживаются неожиданные нотки, нужно быть очень дипломатичными и осторожными — учитывая особые российские претензии или требования по отношению к бывшим советским сателлитам, — было несказанно важно, чтобы Литомишль послал такой общий среднеевропейский сигнал. (Мимоходом: все чешские комментаторы в один голос рассказывали, что на завершающей церемонии звучала «Ода к Радости» Бетховена, красивая и знаменитая композиция, а что это — разумеется, с согласия участников — гимн Европейского союза, не отметил никто.) <...>

Человеческие масштабы политики

Когда размышляешь о нашей недавней встрече, нужно вспомнить еще кое-что: «человеческие масштабы» политики. Самого меня снова и снова удивляет, но это факт: хорошие личные взаимоотношения и действительно тесная дружба между политиками имеет в политике большее значение, чем кажется на первый взгляд. В теледебатах мы все можем быть чуть-чуть осторожными, сознающими свою ответственность, которую несем перед миллионами людей за каждое слово. Другое дело во время встречи: все участники во время своих приватных бесед были общительны, откровенны и сердечны. За те два дня мы снова лучше поняли не только свои души, но и в первую очередь политические проблемы, надежды и опасения своих стран, равно как и образы, которые те страны и их политики о себе создают. А это неоценимое достижение.

Сдается мне, на Литомишле мы не остановимся, но президенты участвовавших стран будут в таком же составе (а если понадобится, состав можно видоизменить) периодически встречаться. Новый международный союз от этого не возникнет, о чем-то подобном и речи нет. Но когда бы после встречи появилась определенная традиция, тогда бы она, несомненно, могла бы быть и дальше инструментом развития добрых отношений в Европе.

Перевод *Игоря Говрякова*

ЗАЧЕМ ЖЕ НАМ НУЖЕН РАДАР?

Газета «Право», 6 февраля 2007 года

Две недели назад Соединенные Штаты выдвинули официальное предложение о размещении на территории Чешской республики военного радара, который способствовал бы защите от баллистических ракет. Это произошло через пару часов после того, как новое правительство получило разрешение от Палаты депутатов и спустя пять месяцев абсурдных рассуждений о чем-то, о чем в ту пору никто ничего конкретного не знал. Сегодня, значит, нам известно, что Соединенные Штаты намерены охранять свою собственную территорию, и к тому же одновременно и территорию стран Западной и Центральной Европы. Нам известно также, что речь не идет о ракетах с боеголовками, а только о радаре, что США заинтересованы в его постройке в юго-западной части страны и что для этого потребуется четыре квадратных километра. Условия и подробности проекта будут обговорены только в ближайшие месяцы, а потом будут предложены правительству к рассмотрению. В то время, когда тон евроатлантическим стратегическим отношениям задают такие страны, как Северная Корея или Иран, когда все сложнее сдерживать международный терроризм и распространение оружия массового поражения, наши союзники уже реально делают для нас то, о чем мы и не мечтали.

Все же мне кажется, что со своими предложениями и договорами американцы зашли слишком далеко. Значительная часть чешского общества к открытым переговорам и партнерским отношениям с великой державой до сих пор не привыкла. Напрасно мы вспоминали, когда и кто в истории с нами по подобному поводу считался. Мы готовы за два месяца привыкнуть к громадной вооруженной армаде оккупантов, которая вот-вот нападет на нас, однако, когда от нас ожидают согласия на размещение одного пассивного компонента будущей совместной системы обороны, у нас вдруг возникают акции протеста. Вот сейчас-то и запретил бы кто-нибудь вопить во все горло «Нет!», да кто посмеет.

Позвольте мне пару комментариев к некоторым аргументам, которые приходится слышать.

1. Европа в двадцатом столетии не была способна разрешить даже те конфликты, которые сама спровоцировала и расширила до масштабов целого мира. Даже сегодня и, сдается мне, еще долго она не сможет без помощи США сопротивляться угрозам, которые породила цивилизация XXI века, не то что угрозам войны.

2. Утверждение, что Чешская республика не может заключить двусторонний договор с Соединенными Штатами, но как государство-член могла бы совместно использовать оборонную систему Североатланти-

ческого альянса, абсурдно прежде всего потому, что американский проект представляет собой первый шаг к обороне целого евроатлантического пространства. Без американского проекта в будущем не возникнет никакой оборонной системы НАТО.

3. Россия же в рамках партнерских отношений с НАТО обо всем уже давно информирована. Речь не идет ни о каких гонках вооружений, ведь русским самим хорошо ясно, что они тоже должны иметь подобную оборонную систему, в первую очередь против тех государств, в которые после распада Советского Союза устремились, покинув прежние дома, ставшие вдруг ненужными ядерные и военные эксперты.

4. Референдум о размещении одного-единственного радара представляется несколько курьезным. Я сторонник референдума, но только по совершенно иным вопросам. Решение о радаре — задача правительства и парламента, им же мы доверили свою старость и безопасность.

Независимость Чешской республики никак затронута не будет. Решительно не больше, чем зарубежными владельцами акций наших стратегических нефтехимических предприятий. Провозгласить референдум по такому поводу означало бы констатировать недоверие к компетенции власти, а впоследствии и предопределило бы результаты выборов.

5. Союзнический договор с демократическим партнером никоим образом не сделает нас связанными. А связанными и оставленными на милость и немилость других мы будем, наоборот, тогда, когда не окажемся вовремя готовыми к настоящей опасности.

Пока наше правительство будет отказываться от американского предложения, внешне ничего особенного происходить не будет. Поезда и автобусы будут отправляться в рейсы, пекари будут печь свой хлеб, а банки открываться, как обычно. Никто нас ни в чем не упрекнет. Только удивятся, что мы, которые не в состоянии обеспечить государственный военный бюджет даже настолько, насколько обязались обеспечивать его при вступлении в НАТО, отклоняем предложение о сотрудничестве и охране. Тогда они должны были бы задать вопрос, что нам, собственно говоря, в этом мире надо. Не удастся Соединенным Штатам разместить средства противоракетной обороны у нас и в Польше, построят их хотя бы в Великобритании. И тогда, скорее всего, вздохнут спокойно. Свою собственную территорию они так и так охраняют. Вот только мы здесь как-то не у дел получаемся.

Перевод *Игоря Говрякова*

ДЕЯН АНАСТАСИЕВИЧ

ГААГСКИЙ ДНЕВНИК

Судебный пристав пришел ко мне и проводил меня в зал суда. Милошевич на своем месте, довольно хмурый. «Дружеский» прокурорский допрос закончен, и очередь дошла до Милошевича. Должен признать, я испытывал некоторое волнение, так как у Милошевича признанный исключительный талант унижать других людей. Впрочем, со временем этот трепет отступает, когда я замечаю, что обвиняемый, в соответствии со своим знаменитым презрением к журналистам, совсем не подготовлен.

Понедельник, 7 октября

Самолет в Амстердам взлетает отвратительно рано, так что я должен встать раньше пяти и едва успеваю попрощаться со своей женой и дочерью. В аэропорту Схипхол меня, как мне сообщили, ждет шофер с табличкой «101», так как мой приезд в Голландию не был известен непосвященным лицам. Меня эта конспирация порядком насмешила: я приехал под своим именем, и у меня не было даже никакой охраны. Кроме того, это мне напомнило пресловутую квартиру 101 из романа Оруэлла «1984». Между тем, по приезде в Схевенинген меня поселили во вполне приличный отель, и с террасы своей комнаты я даже могу между бетонных зданий разглядеть маленький кусочек моря, которое стало серым, несмотря на солнечный день.

Встречаюсь с личным составом Службы защиты свидетелей, которого вокруг меня не так уж много, так как я говорю по-английски и отчасти знаю город и окрестности. Первая встреча с людьми из прокуратуры назначена на следующее утро, так что я весь день предоставлен сам себе. Схевенинген — это приятный туристический город в нескольких километрах от Гааги, хотя сейчас, в межсезонье, выглядит он довольно мрачным. Если бы я приехал сюда по другому поводу, то бы больше наслаждался пребыванием в Голландии, но мои мысли о предстоящей встрече с Милошевичем портят все настроение. Кроме того, страна сейчас в трауре — предыдущей ночью на семьдесят шестом году жизни

умер принц Клаус, муж королевы Беатрикс и один из самых любимый членов королевской семьи.

Многие из нас не знают, что в течение Второй мировой войны название этого курортного городка служило своеобразным тестом, по которому сторонники голландского движения Сопротивления узнавали немецких шпионов и провокаторов. Никто, кроме урожденных голландцев, не мог правильно произнести Схевенинген, т.е. говорить «сх», а не «ш», да еще и с характерным горловым звуком «h». За время моего пребывания здесь, которое продлилось дольше, чем я рассчитывал, я научился произносить это название довольно хорошо.

Вторник, 8 октября

Первый день с сотрудниками прокуратуры. Водитель приехал за мной в девять часов утра и привез к зданию Трибунала на площади Черчилля, дом 1, где я оставался до вечера. По пути мы проезжали мимо местной тюрьмы, которая была переоборудована под нужды Трибунала. Тюрьма была когда-то крепостью, окруженною лесом, и снаружи выглядит очень красиво: никакой колючей проволоки и современных охранных вышек, которые возвышаются над стенами. В это время Милошевича там нет: он в здании суда, где допрашивает Николу Самарджича, когда-то министра иностранных дел Черногории.

Меня проводят в здание Трибунала через тщательно охраняемый задний вход, а затем через лабиринт коридоров и дверей с электронной защитой до одной из канцелярий. Там встречаю людей, которым я два с половиной года назад на том же самом месте отдал заявление — его теперь мне нужно отстоять на суде. Тогда, в июне двухтысячного, Милошевич казался твердо стоявшим у власти, и я сам не верил, что этот суд покажется ему чем-то серьезным, хотя, конечно, откликнулся на вызов Трибунала без колебаний. Я осознавал, какое большое делаю дело, несмотря на то, что информация, которой я располагал, была из третьих рук, и мне хотелось послужить своего рода указательным знаком другим свидетелям. На деле я не верил до конца, что меня действительно позовут свидетельствовать, и в известной мере был согласен с Милошевичем в том, что я не являюсь хорошим свидетелем. С другой стороны, мне казалось, что, может быть, отказаться предстать перед судом и открыто подтвердить свои слова было бы беспринципно и подло.

Тогдашнее мое заявление состояло из около сорока печатных страниц и охватывало большой разброс тем, о которых меня допрашивали. Между тем, прокурора интересовала лишь часть вопросов, и сейчас нужно было написать сильно сокращенную версию. Над этим я работал весь день и, когда вышел из здания, неожиданно понял, что солнце уже заш-

ло. Мне сообщили, что предстать перед судом, возможно, нужно будет уже на следующий день. Это значило, что я смогу вернуться в Белград еще до конца рабочей недели. Ободренный этой мыслью, я иду на ужин, а затем и в кровать.

Среда, 9 октября

Утром, в девять часов, водитель снова отвозит меня к зданию Трибунала. Я продолжаю то, что начал делать вчера, хотя и менее быстрым темпом, и к полудню успеваю все закончить. Остался один небольшой вопрос, который нужно разрешить с Джеффри Найсом, прокурором в процессе против Милошевича. Найс дожидается меня в своей канцелярии во время обеденного перерыва, с ногами на столе, сандвичем в одной и бокалом красного вина в другой руке. Оказалось, что под строгим костюмом Найс носит рубашку цвета лаванды и разноцветные пестрые носки. После короткого разговора я убрал из заявления одну формулировку, которая мне не нравилась, и на этом нужно было бы и закрыть дело.

Дело, между тем, далеко не было закрыто, пока существовала теоретическая возможность, что Милошевич раньше закончит с Самарджичем, в этом случае нужно было выступить сразу после него, так что я должен дежурить и ждать до конца дня. Это время я провожу главным образом на террасе — единственном месте, где можно курить. И вдруг — неожиданная встреча: я и не мечтал, но мои довоенные друзья, с которыми я потерял связь, работают в Трибунале переводчиками (все они, естественно, курят). Поздоровался с Педжем, Хамдием, Антом... Они тоже не знали, что я здесь, и наша встреча была взаимно приятной.

После этого, как холодный душ: узнаю, что Милошевич не закончил перекрестный допрос Самарджича и просит дополнительное время для допроса свидетеля в четверг. Затем я узнаю, что суд не работает в пятницу и понедельник, чтобы хрупкое сердце Милошевича могло оправиться после такого напряжения. Все это означает, что мое пребывание в Голландии продлится до вторника следующей недели. Это резко испортило мне настроение.

Четверг, 10 октября

Сегодня этот день. Я надеваю галстук, что делаю обычно только в том случае, если встречаюсь с главой государства или правительства (это бывает не особенно часто). Милошевич как бывший глава государства уже не попадает в эту категорию, но я решаю ради такого случая все-таки придать себе парадный вид. Вообще, покойный принц Клаус, который в это время положен в королевской палате в Гааге, не носил галстук, и все голландцы в знак траура решили до его похорон, которые

пройдут во вторник, не надевать галстуков. Поэтому мне казалось, что в лобби отеля особенно мрачно.

В здании Трибунала меня поместили в комнату для свидетелей, где следующие три с половиной часа я жду, пока Милошевич закончит с Самарджичем. Комната три на два, с ужасным запахом застоявшегося табачного дыма, похожа на угрюмую келью. Здесь есть голландский кофе и сок, который я пью до тех пор, пока меня не начинает тошнить, и курю сигарету за сигаретой. Для развлечения свидетелям предлагаются женские журналы, в основном хорватские. Время от времени ко мне кто-нибудь заглядывает — видимо, проверить, не повесился ли я на своем галстуке. В течение этого ожидания я, кажется, забыл, о чем нужно свидетельствовать, но зато узнал все о нанесении румян на кожу.

Наконец, судебный пристав пришел ко мне и проводил меня в зал суда. Милошевич на своем месте, довольно хмурый. Только я присягнул говорить правду и ничего кроме правды, как судья объявляет перерыв на обед, который займет два часа. Назад в комнату. Углубляюсь в методы антицеллюлитного массажа.

После перерыва все начинается снова. «Дружеский» прокурорский допрос закончен, и очередь дошла до Милошевича. Должен признать, я испытывал некоторое волнение, так как у Милошевича признанный исключительный талант унижать других людей. Впрочем, со временем этот трепет отступает, когда я замечаю, что обвиняемый, в соответствии со своим знаменитым презрением к журналистам, совсем не подготовлен. Я теряю понятие о времени, и мне кажется, что мой допрос только-только начался, а судья Мей уже объявляет конец. «Увидимся во вторник», — говорит он с усмешкой. Супер. Это значит, что у Милошевича есть целых четыре дня до следующего тайма, а я должен остаться здесь до вторника.

Назад в гостиницу. Там я принимаю звонки от родных и редакции, а звонят мне коллеги и приятели со всего света, чтобы выразить свое мнение, как правило, положительное, о моем решении выступить в суде. От них я узнаю о «небольшой шутке» Милошевича над Самарджичем, который из-за диабета потерял обе ноги. Когда Мей предупредил, что Милошевич может задать еще один вопрос, тот спросил Самарджича, известна ли ему поговорка, что у лгуна коротка нога. Это и есть наш Слоба, т.е. человек, который двенадцать лет управлял Сербией.

Дополнительный уик-энд (11–14 октября)

Как назло, солнечная погода, стоявшая первые четыре дня, уступила место проливным дождям, которые шли до самого вторника. Воспользовавшись моментом, я еду в Амстердам и провожу вечер с одним старым другом, а присоединяется к нам Дубравка Угрешич, который год

назад закончил Гарвард. Дубравка очень нервничает из-за мастеров, которые переделывают ему кухню, а в Голландии это гораздо сложнее (да и дороже), чем у нас.

Вернувшись в Схевенинген, я провожу время с коллегой из Белграда, который как свидетель проходит под шифром С-4 (так, кроме того, называется разрушительная американская взрывчатка). Мы не смеем разговаривать о нашем деле — иметь приятеля на нашем месте уже хорошо. Когда мы гуляем вдоль моря под ледяным дождем, кажется, что мы единственные люди в Схевенингене. «Зачем нам это?» — спрашивает С-4. «Мы охраняем пляж зимой», — говорю я.

Вторник, 15 октября

Просыпаюсь в плохом настроении, на нервах. К тому же я успел подхватить простуду, и теперь у меня болит горло, и я кашляю, и, кроме всего прочего, чувствую себя довольно глупо, как будто иду на переэкзаменовку. Милошевич гораздо лучше меня подготовлен и пытается презрительными комментариями оспорить важность моих показаний, назвав меня в конце «пятиразрядным свидетелем». Я рад, что все закончилось. Не могу дождаться, когда вернусь домой, и на сей момент (вторник, около полудня) это единственное, что меня занимает.

Перевод *Александры Панферовой*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Западная журналистика в 1929–1939 годах 6
Великая депрессия и журналистика (6). Западная пресса начала 1930-х годов об СССР (7). Публицистика писателей Запада о Советском Союзе (8). Зарождение фашистской прессы в 1920-х — начале 1930-х годов (9). Становление фашистской прессы в Италии (10). Первые шаги нацистской прессы в Германии (11). Новые тенденции в журналистике 1930-х годов (13). Развитие радиовещания и телевидения накануне Второй мировой войны (15). Журналистика Гражданской войны в Испании (1936–1939) (17). Публицисты и писатели Запада о Гражданской войне в Испании (17).

Нацистская журналистика и пропаганда (1933–1945) 20
Становление Третьего рейха и журналистика (20). Пропаганда в нацистской Германии (21). Радиовещание в Третьем рейхе (24). Развитие германского телевидения (26). Нацистская журналистика и пропаганда в годы Второй мировой войны (27). Антифашистская публицистика (30).

Средства массовой информации США в 1945–1989 годах 34
Мир и журналистика в 1945–1948 годах (34). Маккартизм и СМИ (37). Крах маккартизма и «оттепель» в журналистике (40). Роль телевидения в выборах президента США (41). Война во Вьетнаме и журналистика (42). Мартин Лютер Кинг (43). Новая журналистика (44). Уотергейтское дело и пресса (46). Американские СМИ в последний период «холодной войны» (49).

Средства массовой информации Великобритании в 1945–1989 годах 55
Британская журналистика в первые послевоенные десятилетия (55). Трансформация газеты The Times в 1960–1980-е годы (56). Пресса и газетные империи 1970–1980-х годов (59).Развитие британского радиовещания и телевидения (61).

Средства массовой информации Франции в 1944–1989 годах 64
Французская журналистика в годы оккупации (1940–1944) (64). Пресса Временного режима (1944–1946) (65). Журналистика Четвертой республики (1946–1958) (67). Де Голль и журналистика Пятой республики (69). Студенческая революция 1968 года и пресса (69). Пресса и газетные империи в 1970–1980-е годы (71). Становление и развитие французского радиовещания и телевидения (72).

Средства массовой информации Германии в 1945–1989 годах 75
Ситуация в германской журналистике в 1945–1949 годах (75). Становление и развитие системы СМИ ФРГ (78). Газетно-журнальные империи ФРГ в 1970–1980-е годы (80). Развитие радиовещания и телевидения ФРГ (81). Становление и развитие системы СМИ ГДР в 1949–1989 годах (81).

Новые тенденции в средствах массовой информации в 1989–2011 годах 84
Окончание «холодной войны» и журналистика (84). Глобализация в средствах массовой информации (85). Новые информационные технологии и журналистика (88). Журналистика и информационное общество (90). Новые тенденции развития СМИ (93).

Средства массовой информации стран Центральной и Восточной Европы в 1945–2011 годах 99
Становление и развитие системы средств массовой информации Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны (99). Политические кризисы

в странах Центральной и Восточной Европы и борьба за свободу слова и печати (101). Общие тенденции развития журналистики стран Центральной и Восточной Европы после 1989 года (103). Современная журналистика Польши (105).

Журналистика стран Азии, Африки, Латинской Америки на современном этапе 108
Журналистика Азии (108). СМИ Китайской Народной Республики (109). Особенности развития СМИ Индии (111). Журналистика Африки (112). Журналистика Латинской Америки (113).

Приложение. **Основные даты и события** 116

ХРЕСТОМАТИЯ

ЗАПАДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА в1929–1939 годах

Георгий Димитров. Речь на лейпцигском процессе 118

Эрнест Хемингуэй. Хэмингуэй считает Францию нейтральной 131
Хэмингуэй называет Бриуэгу победой масштаба Мировой войны 132
Основная опасность восстания предполагается на севере 134
Американцы в Испании 136

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА США

Джозеф Маккарти. Речь Джозефа Маккарти 138
Джозеф Маккарти — президенту Гарри Трумэну 140

Эдвард Марроу. Речь на съезде RTDNA (Radio Television Digital News Association) 142

Ричард Никсон—Джон Кеннеди. Первые теледебаты Никсон—Кеннеди 147

Мартин Лютер Кинг. У меня есть мечта 172
Я был на вершине 175

Журналистика войны во Вьетнаме. У «красных» заключенных падает дух 184
Давление Вьетнама 186

Трумэн Капоте. Хладнокровное убийство 188

Том Вулф. Электропрохладительный кислотный тест 191

Хантер Стоктон Томпсон. Ангелы ада 196

Роберт Крайстго. Элвис Пресли: Взрослеющий рок 203

Карл Бернстин, Боб Вудворд
Пять человек обвиняются в прослушивании штаб-квартиры демократов 211
Среди пяти арестованных по делу прослушивания — помощник республиканской партии по безопасности 215
Подозреваемый в подслушивании получил деньги штаба переизбрания 218
Митчелл контролировал секретный фонд Республиканской партии 221
ФБР подозревает помощников Никсона в саботаже демократического лагеря 223
Совершенно секретно — кто и для чего нанял шпионов 228
Никсон знал о плане заговора, утверждает Дэн 234
Записку о краже со взломом отправляли Эрлихману 239
Никсон обсуждает выплаты шантажистам и милосердие 240

Билл Клинтон. Я согрешил 246

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Уинстон Черчилль. Сухожилия мира ... 249

Маргарет Тэтчер. Пробудись, Британия! ... 259

Ричард Мервин Хэар. О терроризме ... 267
Политические обязательства ... 270

Дэниэл Джонсон. Железный Занавес пал ... 272

Пресса о принцессе Диане
Интервью с принцессой Дианой на BBC ... 276
Принцесса и монахиня ... 292

20 самых влиятельных журналистов мира. Газета Financial Times, 19 мая 2006 года ... 298

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ФРАНЦИИ

Шарль де Голль. Воззвание генерала де Голля к французам ... 311

Альбер Камю. Реформа прессы, новая журналистика ... 313
Послевоенная «чистка» общества ... 317

Франсуа Мориак. Вырванный кляп ... 321

Анри Аллег. Допрос под пыткой ... 327

Мадлен Риффо. Репортаж с того света ... 347
Два месяца в джунглях ... 355

Пьер Вьянссон-Понте. Когда Франция скучает ... 365

Клод Руа. Ночь на 24 мая ... 368

Морис Лесан. Большой развод ... 371

Пьер Пеан. Антисемит? ... 374
Руанда: право на ответ Пьера Пеана ... 376
Ошибки в счете или просчитанные ошибки? ... 378

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ГЕРМАНИИ

Рудольф Аугштайн. Коммунисты и остальные немцы ... 380
Закон Шпрингера ... 382

Ульрика Мария Майнхоф. Поджог универмага ... 388

Гельмут Шмидт. Нам необходимо мужество ... 391

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ИТАЛИИ

Индро Монтанелли. Левый морж ... 397

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Иштван Бибо. Декларация 4 ноября 1956 года ... 399

Адам Михник. Возрожденная независимость и бесы Бархатной революции ... 401

Людвиг Вацулик. Две тысячи слов ... 412

Вацлав Гавел. Символы Литомишля ... 419
Зачем же нам нужен радар? ... 422

Деян Анастасиевич. Гаагский дневник ... 424

Учебное издание

Прутцков Григорий Владимирович

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
1929–2011

Учебно-методический комплект
Учебное пособие
Хрестоматия

Ведущий редактор *Л. В. Шипова*
Корректор *А. А. Баринова*
Художник *Д. А. Сенчагов*
Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*
Подписано к печати 4.04.2011. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 1600 экз. Заказ № .

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, Зеленый просп., 8.
e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru
Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.